

Богословские Труды

ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

34

Богословские Труды

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК

к 120-летию
со дня рождения
Святейшего Патриарха
АЛЕКСИЯ I

к 80-летию
восстановления
Патриаршества

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
1998

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

К 120-летию со дня рождения

Святейший Патриарх
Московский и всея Руси
АЛЕКСИЙ I
1877—1970

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ СБОРНИКА «БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ»

Члены редколлегии:

Епископ Бронницкий **Тихон**, председатель редколлегии

Епископ Верейский **Евгений**, ректор Московской Духовной Академии и Семинарии

Епископ Тихвинский **Константин**, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии

Епископ Белгородский и Старооскольский **Иоанн**, ректор Белгородской Духовной Семинарии

Архимандрит **Платон** (Игумнов), ученый секретарь Совета Московской Духовной Академии

Протоиерей **Василий Стойков**, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии

Протоиерей **Николай Гундяев**, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии

Протоиерей **Владимир Воробьев**, ректор Свято-Тихоновского Богословского Института

Протоиерей **Николай Забуга**, ректор Киевской Духовной Академии

Протоиерей **Борис Пивоваров**, магистр богословия

Протоиерей **Алексий Ширинкин**, секретарь редколлегии

Иеромонах **Сергий (Данков)**, выпускающий редактор

А. С. Буевский, ответственный секретарь ОВЦС

Е. А. Карманов, кандидат богословия

П. В. Уржумцев, научный редактор Издательства Московской Патриархии

К. Е. Скурат, профессор Московской Духовной Академии

М. С. Иванов, профессор, проректор Московской Духовной Академии

А. И. Осипов, профессор Московской Духовной Академии

К. М. Комаров, профессор Московской Духовной Академии

В. П. Овсянников, кандидат богословия

Состав редакционной коллегии утверждён на заседании Священного Синода 6 октября 1995 года под председательством Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

СОДЕРЖАНИЕ

К. М. Комаров

**К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И
ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ I 11**

А. Л. Казем-Бек

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ I**

ВВЕДЕНИЕ. 13

ГЛАВА I

**Образ Сятейшего Патриарха Алексия (Симанского) по воспоминаниям
современников. 14**

ГЛАВА II

От рождения до пострижения (1877–1902)

1. Родословное древо. Благочестивые традиции рода Симанских 23
2. Рождение и первоначальное домашнее образование (1877–1888). 25
3. Лазаревский институт (1888–1891). 26
4. Императорский лицей памяти цесаревича Николая (1891–1896) 27
5. Московский университет, юридический факультет (1896–1899). 30
6. Военская служба (1899–1900). Вольноопределяющийся 7 гренадерского полка генерала Тотлебена 32
7. Выпускник юридического факультета Московского университета Сергей Симанский – студент Московской Духовной академии (1900–1902). . . 33
8. Пострижение в монашество с именем Алексей в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры ректором МДА епископом Арсением (Стадницким) (9 февраля 1902 года). Рукоположение во иеродиакона (17 марта 1902 года, в Неделю Крестопоклонную) 35

ГЛАВА III

Служение Церкви Христовой от иеромонаха до епископа (1903–1913)

1. IV курс Академии. Рукоположение во иеромонаха Преосвященным Арсением (Стадницким) (21 декабря 1903 года, в день памяти святителя Петра, Митрополита Московского и всея России чудотворца) 39
2. Иеромонах Алексей (Симанский) – инспектор Псковской Духовной семинарии (1904–1906). Возведение в сан архимандрита (18 сентября 1906 года, в Неделю по Воздвижении Животворящего Креста Господня) 42

3. Архимандрит Алексей – ректор Тульской Духовной семинарии (1906–1911) . . . 45
4. Архимандрит Алексей – ректор Новгородской Духовной семинарии, настоятель монастыря преподобного Антония Римлянина (1911–1913) 54
5. Архиерейская хиротония архимандрита Алексия во епископа Тихвинского с участием Блаженнейшего Григория IV (Ходдая), Патриарха Антиохийского (28 апреля 1913 года, в Неделю Жен-Мироносиц) 57

ГЛАВА IV

Новгородский период архипастырского служения епископа Тихвинского Алексия (1913 – 1921)

1. Епископ Тихвинский Алексей в годы Первой мировой войны 65
2. Февральские события 1917 года в Новгороде. «Воззвание» епископа Алексия к новгородской пастве 71
3. Противостояние епископа Алексия новгородскому обновленчеству 76
4. Поместный Собор Русской Православной Церкви (1917–1918). Избрание Патриарха Тихона (5 ноября 1917 года). Интронизация (21 ноября 1917 года, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы). 85
5. Декрет об отделении Церкви от государства (1918). Объединение новгородской паствы вокруг епископа Алексия в годы церковных нестроений (1918–1921). 89

ГЛАВА V

Петроградский период служения и ссылка (1921–1926)

1. Назначение Преосвященного Алексия епископом Ямбургским, первым викарием Петроградской епархии (21 февраля 1921 года). 91
2. Схизма «Живой Церкви» и обновленческое движение в Петрограде. 92
3. Мученическая смерть митрополита Петроградского Вениамина. Епископ Алексей во главе Петроградской епархии (с 30 мая 1922 года) 92
4. Ссылка в Каркаралинск (Казахстан) (1922–1926). 93
5. Возвращение в Ленинград (1926). Усилия по легализации церковной власти Русской Православной Церкви 94

ГЛАВА VI

На Новгородской кафедре (1926–1933)

1. Архиепископ Хутынский Алексей – управляющий Новгородской епархией (2 сентября 1926 года). 97
2. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года. Архиепископ Алексей – член Временного Патриаршего Синода 97
3. Возведение архиепископа Алексия в сан митрополита с титулом Старорусский (18 мая 1932 года) 102
4. Митрополит Новгородский и Старорусский Алексей – правящий архиерей Новгородской епархии (11 августа 1932 – 5 октября 1933 годов). 102

ГЛАВА VII

Служение митрополита Алексия на Ленинградской и Новгородской кафедре (1933–1945)

1. Назначение митрополита Алексия на Ленинградскую и Новгородскую кафедру (5 октября 1933 года). 102
2. Деятельность митрополита Алексия в Священном Синоде и на Ленинградской кафедре по преодолению нестроений и расколов (1934–1941) . 104

ГЛАВА VIII

Русская Православная Церковь и её патриотическая деятельность в годы Великой Отечественной войны

1. Подвиг патриотизма. 108
2. Речь митрополита Сергия в первый день войны. 109
3. Служение митрополита Алексия в блокадном Ленинграде (8 сентября 1941 – 18 января 1943 годов). 110
4. Пребывание Местоблюстителя митрополита Сергия и Патриархии в эвакуации в Ульяновске. Сбор пожертвований на нужды фронта. Борьба с церковным расколом на оккупированных немцами территориях. 117
5. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (8 сентября 1943 года). Избрание Блаженнейшего митрополита Сергия Патриархом Всероссийским. Интронизация Святейшего Патриарха Сергия (12 сентября 1943 года) 121
6. Снятие осады Ленинграда. Митрополит Алексей – член Комиссии по расследованию фашистских злодеяний в Петергофе и Пушкине 123
7. Кончина Патриарха Сергия (15 мая 1944 года). Местоблюститель Патриаршего престола – митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский) (15 мая 1944 – 2 февраля 1945 годов) 131
8. Воссоздание Духовных учебных заведений Русской Православной Церкви . . 133
9. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (21 – 23 ноября 1944 года). Доклад митрополита Алексия о патриотической деятельности Русской Церкви в военные годы. Подготовка Поместного Собора. 135

ГЛАВА IX

Тринадцатый Патриарх Московский и всея Руси

1. Поместный Собор Русской Православной Церкви (31 января – 2 февраля 1945 года). 139
2. Избрание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия Патриархом Московским и всея Руси (2 февраля 1945 года) 144
3. Интронизация Патриарха Алексия (4 февраля 1945 года). 146

ГЛАВА X

Роль Патриарха Алексия в активизации деятельности Русской Православной Церкви в послевоенные годы (1945–1958)

1. Посредническая миссия Патриарха Алексия в примирении Вселенской Патриархии и Болгарской Церкви. Снятие схизмы с Болгарской Церкви (март 1945 года). 149

2. Предоставление автокефалии Американской Церкви	150
3. Воссоединение зарубежных православных русских приходов с Московским Патриархатом.	153
4. Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви в послевоенный период	155
5. Преодоление последствий внутрицерковного кризиса. Ликвидация обновленческого раскола	157
6. Предоставление канонической автокефалии Польской Церкви (22 июня 1948 года). Учреждение автокефалии Чехословацкой Церкви (23 ноября 1951 года). Признание автономии Финляндской Церкви в пределах Константинопольского Патриархата (30 апреля 1957 года).	159
7. Миротворческие инициативы Патриарха Алексия в отношении карловацкого раскола и трех граничных экзархатов	160
8. Возобновление богослужений в Троице-Сергиевой Лавре	162

ГЛАВА XI

25 лет во главе Русской Православной Церкви (1945–1970)

1. Забота Патриарха Алексия о благолепии церковных служб, уставном пении и чтении	172
2. «Поминайте наставников ваших...». Кончина Патриарха Алексия (17 апреля 1970 года, в канун Лазаревой субботы)	176
Примечания	179

К. К. Тарасов

К 80-ЛЕТИЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАТРИАРШЕСТВА	186
---	-----

С. Г. Рункевич

СВЯЩЕННЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В МОСКВЕ 1917–1918 годов	193
---	-----

А. Г. Кравецкий

ПРЕДИСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА	200
-----------------------------------	-----

СВЯЩЕННЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОТДЕЛА О БОГОСЛУЖЕНИИ, ПРОПОВЕДНИЧЕСТВЕ И ХРАМЕ

ГЛАВА I

Богослужбное пение и музыка

1. Предыстория вопроса об упорядочении церковного пения.	202
2. Дискуссия об употреблении инструментальной музыки во время богослужения	203
3. Доклад Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i>	
<i>Отдел I:</i> 1. Об осмогласии	209
2. О духовномызыкальных сочинениях	210
3. Об общенародном церковном пении	211
<i>Отдел II:</i> Организация управления церковнопевческим делом	
Общие положения	212

I. Организация церковнопевческого управления. Центральный церковнопевческий комитет при Высшем Церковном Управлении. Его состав. Способ избрания его членов. Их права и обязанности	212
1. Круг обязанностей Центрального церковнопевческого комитета	213
II. Организация церковнопевческого дела в епархиях	
1. Епархиальные церковнопевческие собрания и съезды.	214
2. Епархиальный церковнопевческий совет при правящем архиерее	214
3. Организация церковнопевческого дела в приходах	215
III. Меры к подъему общего уровня музыкально-певческого образования страны	216
4. Резолюция Соборного Совета по докладу «Об упорядочении церковного пения»	216

ГЛАВА II

Иконописание и проблемы церковного искусства

1. Комитет попечительства о русской иконописи. Создание. Задачи	217
2. Проект Устава Комитета русской иконописи	218
3. Доклад епископа Прокопия (Титова) «О Комитете попечительства о русской иконописи»	219
4. Доклад епископа Прокопия (Титова) «Об общих проблемах иконописания в России»	222
5. 17-е заседание Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i> (14 ноября 1917 года). Дискуссия о сохранении художественного наследия в связи с обстрелом Московского Кремля	226
6. 18-е заседание Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i> (16 ноября 1917 года). Доклад епископа Прокопия (Титова) «О Патриаршей палате церковного искусства и древностей»	236
7. 19-е заседание Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i> (22 ноября 1917 года). Продолжение дискуссии о Комитете попечительства о русской иконописи, церковном искусстве, иконописании и охране памятников церковной старины.	238
8. Положение об Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и епархиальных церковноархеологических комитетах	
1. Архивно-археологическая комиссия при Святейшем Синоде	242
2. Епархиальные церковноархеологические комитеты.	244
9. 19-е заседание Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i> . Окончание дискуссии по проблемам иконописания в России и охраны памятников церковной старины.	246
10. Проблемы охраны памятников старины и церковного имущества на второй сессии Поместного Собора	248
11. Проект организации по охране памятников церковной старины, выработанный Московским археологическим обществом	
1. Общие положения	249
2. О Патриаршей палате церковного искусства и древностей как центральном учреждении, ведающем охраной памятников церковной старины	251
3. Об органах, заведующих охраной памятников церковной старины на местах	253

12. Заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (27 августа/8 сентября 1918 года). Доклад священника Н. М. Сироткина «О возврате к национальным началам в деле возрождения и облагораживания русского иконописного творчества» 255

ГЛАВА III

Церковно-богослужебный язык

1. Предыстория вопроса об исправлении богослужебных книг в России 256
 2. 42-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (23 июля/5 августа 1918 года). Доклад А. В. Новосельского «О богослужебном языке» 256
 3. Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* «О церковно-богослужебном языке» 274
 4. Резолюции Соборного Совета, Совещания Епископов по докладу «О церковно-богослужебном языке» 275

ГЛАВА IV

Юлианский и григорианский календари

1. Календарная проблема в России на рубеже XIX–XX веков. Дискуссия по календарному вопросу на Всероссийском Поместном Соборе 276
 2. Доклад профессора С. С. Глаголева «Сравнительная оценка юлианского и григорианского стилей» 277
 3. Доклад профессора И. И. Соколова «Отношение православного Востока к вопросу о реформе календаря» 279
 4. Проект Соборного *Деяния* по вопросу о календаре 286
 5. Окончание дискуссии на Соборе и принятие заключительного решения по календарному вопросу 288

ГЛАВА V

Проблемы Типикона

1. Доклад профессора И. А. Карабинова «О происхождении и истории богослужебного Устава» 290
 2. Доклад профессора-священника В. Д. Прилуцкого «О неурядицах в современной богослужебной практике» 297
 Время совершения богослужения 298
 Группировка церковных служб 300
 О строе службы 300
 Местонахождения священнослужителей при отправлении некоторых служб 300
 Сокращение Устава 301
 Добавочные части 303
 3. Доклад профессора Б. А. Тураева «Проект руководственных указаний для применения Церковного Устава к практике приходских храмов» 303
 4. Тезисы Подотдела «О богослужебном Уставе» 307
 5. 8-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (10 октября 1917 года). Дискуссия по докладам И. А. Карабинова, священника В. Д. Прилуцкого и Б. А. Тураева 307
 6. 9-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (12 октября 1917 года). Выборы докладчиков на Собор 312
 7. Критика работы Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* епископами Андроником (Никольским) и Евфимием (Лапиным) 313

8. 11-е заседание Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i> . Обсуждение проблем Типикона. Г. И. Булгаков и священник В. Д. Прилуцкий об исправлении книг	318
9. Завершение обсуждения вопросов об упорядочении богослужения на последующих заседаниях Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i>	319
10. Доклад Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i> «Об упорядочении богослужения» на второй сессии Поместного Собора I. А. Рядовое богослужение.	320
Б. Богослужение внерядовое, или частное.	321
II. Меры к упорядочению богослужения	322
11. Дальнейшая судьба доклада «Об упорядочении богослужения»	323
12. Вопросы книжной справки	324
13. Историко-литургическая справка профессора И. А. Карабинова «О евхаристическом хлебе и вине»	324
14. Исправления частных особенностей богослужебной практики Богослужение с пением <i>Аллилуиа</i> в определенные дни Рождественского поста	333
Евангельское чтение на вечерне Великой Пятницы	334
Новогодний молебен	334
Поминовение Восточных Патриархов	335
Богослужебные тексты, связанные с устройством церковной и светской власти.	336
Последование в Неделю Православия	337
15. Приложение: доклад профессора И. А. Карабинова <<Правило о поклонах>>	338

ГЛАВА VI

Проблемы канонизации

1. Доклад профессора М. Н. Скабаллановича на Предсоборном Совете «О национализации богослужебного Месяцеслова»	345
2. Патриарх Тихон о местных канонизациях	346
3. Доклад профессора И. М. Покровского о местночтимых святых 1. Прославление святых в Восточной Греческой Церкви	347
2. Прославление святых в Русской Церкви	349
4. Обсуждение доклада профессора И. М. Покровского «О местночтимых святых».	353
5. Доклад Отдела <i>О богослужении, проповедничестве и храме</i> «О порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию»	353
6. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о порядке прославления святых к местному почитанию	355
7. Доклад иеромонаха Афанасия (Сахарова) «О внесении в церковный Месяцеслов всех русских памятей».	356
8. Программа составления полного Месяцеслова.	361
9. Необходимость издания полного Месяцеслова	362
10. Приложение	363
ПРИМЕЧАНИЯ	363
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.	370

К. М. КОМАРОВ,
профессор Московской Духовной академии

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ I

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их
(Евр. 13, 7)

Патриарх есть живой образ Христа, делом и словом в себе самом наглядно выражающий Истину. Задачею его является сохранение в благочестии и святости тех, кого он принял от Бога. Цель его – спасти вверенные ему души. Подвиг его – жить во Христе и для мира быть распятым.

Святейший Патриарх АЛЕКСИЙ I

На пленарном заседании редколлегии сборника «Богословские труды» было принято решение почтить память в Бозе почившего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в связи со 120-летием со дня его рождения публикацией в сборнике очерка А. Л. Казем-Бека о жизни и деятельности тринадцатого Патриарха Русской Православной Церкви: «Жизнеописание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I».

В кратком предисловии говорилось, что автор приступил к своему труду по благословению Святейшего Патриарха Алексия I в «надежде, что ему будет возможно изложить летопись главных событий в жизни Патриарха не без его милостивого внимания к содержанию этой работы. Ранее автор имел счастливую возможность в некоторых случаях слышать от самого Святейшего об отдельных, быть может мало известных, моментах жизни его в годы молодости и дальнейшего, столь продолжительного служения Церкви... Ведь все паломничество Святейшего Патриарха Алексия через житейское море на нашей земле длилось почти целый век, а в монашестве и в священном сане – более двух третей столетия. А сроки эти по масштабу и значению развернувшихся в них событий были равны многим векам!»

Работа над очерком продолжалась и после кончины Святейшего Патриарха Алексия I. «Автор, остающийся под горестным воздействием утраты всей нашей Церкви, – писал о себе А. Л. Казем-Бек, – в меру сил старался, чтобы его изложение не оказалось «некрологом». Автору представляется, что приведение возможно большего числа подлинных текстов блаженнопочившего Патриарха, написанных его рукою или записанных очевидцами устных его выступлений (воспроизведенных затем в периодической печати), является особенно целесообразным и уместным».

Свой капитальный труд А. Л. Казем-Бек писал в Москве и Троице-Сергиевой Лавре, где он восполнял духовные силы в молитве у раки Преподобного Сергия

Радонежского, заказывал необходимую литературу в библиотеке Московской Духовной академии.

Яркий дар публициста, эрудиция, большой жизненный опыт и личное знакомство со Святейшим Патриархом Алексием I помогли Александру Львовичу создать целостный образ Первосвятителя, широко используя факты из его биографии и новейшей истории Русской Православной Церкви.

Перед читателем предстает юный Сережа Симанский в кругу христианской семьи, лицеист, выпускник Московского университета, студент Московской Духовной академии, монах, преподаватель и ректор Духовных семинарий, правящий архиерей и, наконец, Патриарх Московский и всея Руси, возглавлявший нашу Церковь 25 лет.

Автор показал, в какое сложное время проходило служение Святейшего Патриарха Алексия I. Россия потрясала трагические события: Первая мировая война, революция 1917 года, расколы и нестроения в Церкви 20-х годов, Великая Отечественная война, 900-дневная блокада Ленинграда, когда Святейший, будучи митрополитом Ленинградским и Новгородским, в полной мере разделил тяжкие страдания жителей осажденного города. В послевоенные годы Промыслом Божиим на его долю выпал жребий возрождать церковную жизнь и, преодолевая трудности, мудро вести церковный корабль по волнам житейского моря.

Исторический экскурс в очерке вполне оправдан, потому что автор всего лишь на двадцать пять лет моложе Святейшего и ему, естественно, была хорошо известна и близка та эпоха, в которой жил и совершал церковное служение Патриарх Алексий I.

Александр Львович Казем-Бек родился в Казани 2 февраля (15 февраля по н. с.) 1902 года в старинной дворянской православной семье. В 1920 году вместе с семьей он выехал за границу. Учился в университетах Белграда и Мюнхена, в Высшей школе политических и социальных наук в Париже.

В 1944 году его пригласили преподавать русский язык и литературу в Йельский университет (Соединенные Штаты Америки), затем в Коннектикутский колледж в Нью-Лондоне.

Вдали от Родины Александр Львович хранил верность Святому Православию и Матери – Русской Православной Церкви. Он писал статьи для официального ежемесячника тогдашнего Патриаршего Экзархата в Америке «Единая Церковь». Его статьи в американской прессе содействовали благоприятному решению Верховного суда США о сохранении за Русской Православной Церковью (Московским Патриархатом) принадлежащего ей Никольского собора в Нью-Йорке.

В 1957 году Александр Львович вернулся на Родину и по благословению Святейшего Патриарха Алексия I стал сотрудничать в «Журнале Московской Патриархии», в котором публиковались его статьи на церковно-исторические темы.

В 1962 году он был назначен старшим консультантом Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, оставаясь членом редколлегии «Журнала Московской Патриархии».

За церковные заслуги Александр Львович был награжден орденом святого князя Владимира III и II степеней, Патриаршими грамотами. Хорошо знавший его, ныне уже покойный, Н. А. Полторацкий дал такую характеристику: «Александр Львович был человеком исключительных и разносторонних дарований, светлого ума, глубокой и тонкой интуиции, безупречного эстетического вкуса, чуткого сердца, редкого благородства и прямоты. И вместе с тем это был человек необыкновенной скромности и простоты».

21 февраля 1977 года в возрасте 75 лет Александр Львович Казем-Бек скончался и был похоронен в ограде храма Преображения Господня в Переделкино под Москвой, близ резиденции Святейшего Патриарха.

В 1997 году исполнилось 20 лет со дня кончины Александра Львовича Казем-Бека – автора жизнеописания Святейшего Патриарха Алексия I.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ I

ВВЕДЕНИЕ

Святейший Патриарх Алексей I был избран на патриаршество 2 февраля 1945 года и возведен на престол Патриарха Московского и всея Руси 4 февраля того же года. В Бозе почил 17 апреля 1970 года. Патриаршество его продолжалось 25 лет 2 месяца и 12 дней.

Патриаршество Святейшего Патриарха Алексея было самым продолжительным в истории Русской Православной Церкви – почти на девять лет длильнее патриаршества первого Патриарха Московского Иова, которое продлилось более шестнадцати лет.

Московское патриаршество было учреждено 26 января 1589 года, просуществовало до 15 октября 1700 года, когда скончался десятый Патриарх Московский и всея Руси Адриан. Затем наступил двухвековой перерыв в возглавлении Русской Церкви патриархами, когда она возглавлялась Правительствующим Синодом. Синод в этот период перенял патриарший титул «Святейший»¹.

В августе 1917 года был созван Поместный Собор Русской Православной Церкви, ставший известным как Всероссийский Церковный Собор. 11 ноября Собор принял постановление о высшей церковной власти: законодательная и судебная власть в Русской Церкви принадлежит ее Поместному Собору, Русская Церковь возглавляется Патриархом, первым среди равных епископов, и Священным Синодом при нем. Одиннадцатым Патриархом был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин), интронизация которого состоялась 21 ноября 1917 года. Патриарх Тихон в Бозе почил 7 апреля 1925 года. После продолжительного местоблюстительства преемником его был избран двенадцатый Патриарх Сергей (Страгородский). Интронизация его состоялась 12 сентября 1943 года. После блаженной кончины Патриарха Сергея 15 мая 1944 года Русскую Православную Церковь возглавил Патриарший Местоблюститель, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский), ставший тринадцатым Патриархом 4 февраля 1945 года.

В этот первый день своего патриаршества при интронизации в московском Богоявленском кафедральном соборе Святейший Патриарх Алексей в Слове, обращенном к избравшим его собратьям епископам, клирикам и мирянам, а в их лице ко всей своей всероссийской пастве, остановился прежде всего на этом преемстве в священноначалии Русской Православной Церкви.

«В чувстве трепетного благоговения и страха Божия, – сказал он, – вступаю я в это великое служение, ознаменованное издревле подвигами святых первопрестольников

Российской Церкви и их преемников, великих патриархов и митрополитов. Духом богоугодных молитв своих они и теперь осеняют Церковь нашу и призывающих их небесную помощь преемников своих руководствуют в деле правления. Жизнь Церкви в каждый известный период времени не есть явление, принадлежащее только этому периоду, а имеет основание и корни в самом отдаленном времени, в глубокой священной древности. Церковь Христова есть здание, которое начало строиться со времени святых апостолов и будет строиться до скончания века. И Православная Русская Церковь, эта великая часть великого здания Церкви Христовой, как равночестная четырем апостольским престолом Восточных патриархий носит на себе следы великих святых основоположников и провозвестников веры и строителей Церкви».

«Если бы возможно было нам, – продолжал новоизбранный Патриарх, – проникнуть в тайники жизни нашей Святой Церкви со всеми внешними ее проявлениями в настоящее время и определить начало и развитие их, то мы увидели бы здесь следы благодатного влияния и святых первосвятителей Михаила, Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, и патриархов Гермогена, Никона и других, и преподобных Антония и Сергия, и прочих многочисленных работников на ниве Божией, и позднейших святителей Церкви Всероссийской: святых Митрофана и Тихона, Феодосия, Димитрия Ростовского, также митрополитов Платона и Филарета и других, в наши уже дни в Бозе почивших иерархов до приснопамятного Святейшего Патриарха Сергия включительно, которые, совершив в пределе земном всё земное, вложили каждый свою долю влияния и подвига в это великое строение Божие. <...>

И вот ныне Промыслом Божиим я призываюсь приобщиться их подвигу. Поистине, как некогда сказал о себе один святитель, могу и я сказать, что «малой ладьей вступаю в великое плавание». Исповедую свою немощь, свое недостойнство, но вместе свидетельствую и свою веру в действенность благодати Божией, врачующей немощное и восполняющей оскудевающее. Исповедую и надежду свою на помощь молитв и благословений великих первосвятителей Церкви Российской, и древних и позднейших, коих недостойным преемником судил мне быть Господь».

ГЛАВА I

ОБРАЗ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ (СИМАНСКОГО) ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ

Если от гробницы Святейшего Патриарха Алексия обратить благоговейный взор через ту четверть века, которую продолжалось патриаршество его, если бросить сыновний испытующий взор от той Лазаревой субботы 1970 года, в которую Промысл Божий судил остановиться телесному дыханию Патриарха, через всё пространство и время его долгого жизненного пути, чтобы попытаться воскресить его самую характерную черту, то знавшие Патриарха близко или даже все, достаточно знакомые с его жизнью, согласятся, что черта эта – церковность. Церковность, в сущности своей православная и по внешнему выражению своему русская, – это то, что отличало его как святителя, как пастыря и как человека.

Что путь его, призвание и всё мирозерцание его – в церковности, сам в Бозе почивший Патриарх сознавал с ранней своей юности, можно сказать, с отрочества, как выражается набожный язык – «с младых ногтей».

Церковность означает очень многое. Это слово и непереводаемо: как существительного, определяющего духовное состояние, его нет ни в каком другом языке, кроме русского. Церковность, конечно, указывает сразу и прежде всего на принадлежность к Церкви. Но ведь Церковь – Единая Святая Соборная и Апостольская – есть

Тело Христово. И как таковая она невидима, она есть невидимая Церковь. В земной же своей части она не только реальна, но есть самая реальная, самая живая, самая высшая реальность – подлинно онтологическая и абсолютная.

Эту реальность в самом конкретном, повседневном, можно сказать даже, в бытовом смысле Патриарх Алексей разумел как первоосновное понятие церковности. С нарастанием духовного опыта и с углублением в «тайны Богопознания» (выражение самого Святейшего) постижение этой церковности становится всё яснее, отчетливее и крепче по мере того, как проходят годы и десятилетия.

Об этом, впрочем, Патриарх говорил не в отношении самого себя. Он писал о своей молодости и говорил в старости о духовном опыте и о проникновении в тайны Богопознания знаменитого митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), по творениям которого он учился, будучи еще на школьной скамье, и не духовного, а светского училища, и не по учебной программе, а по влечению сердца. Но сказанное в этом отношении о митрополите Филарете можно и нужно отнести и к самому Патриарху Алексею.

Церковность стала для Патриарха «пристанищем, где умирятся тревога сердца, где усмиряются притязания рассудка, где великий покой нисходит в разум», по определению священномученика Павла Флоренского. К этой церковности он тяготел всю свою сознательную жизнь. И в этом он не видел заслуги и не считал это добродетелью: это было его обычным внутренним состоянием. Поэтому он совершенно естественно воспринимал свое собственное состояние как повседневную конкретность. Но он сознавал, что эта «таинственная область духа» «закрыта, правда, для неочищенных очей ума, но открыта для верующего смиренного сердца» и что это область духа, «в которой любомудрие земное должно уступить место вере»².

Вдохновляясь духовным наследием митрополита Филарета и следуя его жизненному примеру, Патриарх Алексей шел вглубь русской церковной традиции и обрел именно то свое пристанище, где усмирялись для него и тревога сердца, и притязания рассудка, у благодатного гроба «игумена всея Руси» Преподобного Сергия, которого летописец, как напоминает нам известный историк В. О. Ключевский, называл «начальником и учителем всем монастырям, иже в Руси». Внедряясь в «питательную почву», по определению В. О. Ключевского, «памятника и памяти» Преподобного в его Лавре, Святейший Патриарх Алексей действительно следовал примеру святителя Филарета и шел по его стопам.

И этим проникновением в глубины исторической русской церковности и в древнюю традицию русского иночества Патриарх Алексей с молодых лет укоренялся в принадлежности к русской почвенности и к духовным истокам, из которых поднялась культура его народа.

Эта сумма ценностей, эта связанность церковного и патриотического были необходимы тому, на чьи рамена должен был быть возложен омофор Патриарха всея Руси. И сочетание это в широком обобщении выражено тем же В. О. Ключевским: «Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так, духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа»³.

Сам Патриарх Алексей выражал преданность – свою и своего народа – православной вере, всегда подчеркивая необходимость сохранения ее в чистоте. «Русский

народ, – говорил Патриарх на открытии юбилейных торжеств по случаю 500-летия автокефалии Русской Церкви (8 июля 1948 года), – превыше всяких благ и сокровищ мира почитал Божественный дар православной веры, и на служение Богу и Церкви Его взирал как на заповеданный ему подвиг: он благоговейно склонялся пред подвигами и трудами святых угодников Божиих; он с терпением нес все посылаемые ему испытания, уповая на помощь и заступление этих своих небесных покровителей. Он сам был весь подвиг. Но более всего он радел о сохранении в чистоте своей православной веры; он оберегал ее от всяких внешних приражений... он с упованием взирал на светлый и святой Восток, видя в нем свою надежную опору и твердый оплот против всяких чуждых Православию нападений. Он смиренно и с любовью был покорен Церкви-Матери».

В тот же день, открывая Совецание глав и представителей автокефальных Православных Церквей в московском Воскресенском храме в Сокольниках, Патриарх сказал: «Русская Церковь остается неизменно верной своим отцепредеданным началам строго держаться Православия; воспитывать своих чад в духе преданности правилам и уставам церковным; чуждаться всякого нецерковного влияния».

Верность Православию – при широком и молитвенном устремлении к всехристианскому единству и, с годами, при всё более созидательном экуменическом взыскании этого некогда утраченного единства – проходит как некая генеральная линия через всю его жизнь.

В послании к Святейшему Афинагору, архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху, 12 марта 1957 года Патриарх Алексей писал: «В путях Своего всеблагого Промысла благоволил человеколюбец Бог призвать народ русский из языческой тьмы в чудный Свой свет, сподобив его принять благовестие Христовой веры от православного Востока. Христианский Восток был и остается нашей духовной Родиной, донныне питающей нас глубиной молитвы, плодом духовных вздыханий сонма своих подвижников, токами богословия из благодатных источников и богатством святоотеческих творений».

Святейший часто говорил, что вера есть дар Божий человеку, что жертва, принесенная Сыном Божиим во искупление человеческих грехов, и есть подлинная, вечная Евхаристия. Завет, оставленный Спасителем Своим ученикам и последователям, – приносить после Него Евхаристическую Жертву на земле есть также великий и спасительный дар людям.

В своем преподавании Священного Писания в семинариях Пскова, Тулы и Новгорода – еще в сане иеромонаха, затем архимандрита – будущий Патриарх Московский обращал внимание своих слушателей на особо благоговейный отклик Православной Церкви на эти великие дары и заветы Господа, который выражается в литургике.

Русскую Православную Церковь можно воистину назвать самой литургической из всех христианских Церквей. Литургическая молитва – высшая форма общественной, соборной молитвы. И она без всякого возможного сравнения усиливает молитву личную. Уже двоим или троим молящимся, собранным во имя Господа, обетовано, что Он Сам будет посреди их. Возобновление же Искупительной Жертвы Христовой в Таинстве Евхаристии – благодатный центр церковной жизни.

В Бозе почивший Патриарх Алексей всю свою долгую жизнь посвятил по преимуществу участию в соборной молитве Церкви, и совершил за 66 лет священства, из которых 57 лет – в архиерейском сане, бесчисленное множество Евхаристических Жертв за Божественной литургией. Даже в самые последние годы жизни, когда

Святейшему почти невозможно было долгое стояние на ногах, он не пропускал ни одного большого праздника, не прибывая в свои соборы – Богоявленский Патриарший в Москве или Троицкий в Лавре Преподобного Сергия, в которой он любил проводить посты и многие праздничные или знаменательные для него дни. И в других резиденциях Патриарха можно было увидеть, как его тихо и по возможности незаметно монах или келейник провозит в кресле к алтарным дверям храма: в Одесском Успенском монастыре – в собор, и в подмосковном Переделкине – в древний Преображенский храм.

В своей Крестовой церкви во имя Владимирской иконы Божией Матери в московской резиденции в Чистом переулке, в церкви во имя праведного Филарета Милостивого в митрополичьих покоях Лавры или в миниатюрном домовом храме Архистратига Михаила в Переделкине Патриарх часто причащался Святых Таин, любил читать канон и петь за службами в посты и нередко в простые будние дни.

Патриарх Алексей, как ученик митрополита Арсения (Стадницкого), прославившегося во всей Русской Церкви строгой и уставной торжественностью богослужений, священнодействовал с особой благоговейно-величественной простотой, сразу позволявшей всем присутствующим при его службах убедиться, что перед ними святитель, которому ниспослан дар совершения православного богослужения с исключительным благолепием.

Этот дар был, впрочем, очевиден уже и для бывавших на службах тридцатилетнего архимандрита Алексия в храме Тульской Духовной семинарии, где его служение особенно привлекало семинаристов и других молящихся. Об этом сохранилось свидетельство в форме речи одного из семинаристов (воспитанника VI класса Петропавловского), которому его товарищи по классу поручили в ноябре 1911 года произнести прощальную речь, когда семинария провожала своего ректора, назначенного в Новгород после пятилетнего ректорства в Туле: «Ревностно относясь к поддержанию в нас религиозного чувства и направления, Вы создали особенно торжественное и величественное богослужение, отличавшееся необыкновенным чувством и эстетикой. Это богослужение всегда умиляло и захватывало наши души так, что мы охотно шли в семинарский храм и искренно сожалели, когда по каким-либо обстоятельствам Вам не приходилось служить в нашем храме. Особенно это было грустно в большие торжественные праздники».

В 1912 году в «Тульских епархиальных ведомостях» была напечатана статья «Новгород и его святыни», в которой тоже говорилось о богослужениях архимандрита Алексия, тогда уже совмещавшего ректорство в Новгородской семинарии с настоятельством в новгородском Антониевом монастыре: «Архимандрит Антониева монастыря при богослужении пользуется всеми привилегиями служения архиерейского. В настоящее время там архимандритом состоит Алексей (Симанский), воспитанник лица цесаревича Николая Александровича и Московской академии. Монах по призванию, он соединяет в себе религиозность со светской благовоспитанностью. Строгий исполнитель церковных уставов, он всегда умеет обставить богослужение так благолепно, что и всех молящихся заражает своим религиозным экстазом. Всё это особенно важно и дорого, потому что почти все молящиеся при его богослужениях – воспитанники семинарии. Они же прислуживают в алтаре, они же чтецы и певцы, из семинаристов составляются два прекрасных хора для пения в праздники. Напевы – дивные с канонархом. Отраднo видеть, с какой любовью, с каким особым вниманием и благоговением каждый воспитанник исполняет возложенное на него послушание. Такое высоко-благоговейное настроение всех служащих и сослужащих передается и всем прочим стоящим в храме ученикам. Нельзя не пожалеть, что вследствие тесноты

храма многие ученики не присутствуют при служении архимандрита Алексия. Они лишены того религиозно-воспитательного средства, какое имеет его служение».

То, что автор цитированной статьи мог говорить о служении Патриарха Алексия до его архиерейской хиротонии, 58 лет тому назад, когда Святейший был еще в сане архимандрита, осталось, конечно, верным на все десятилетия, прошедшие с тех пор: служение Патриарха всегда было для присутствовавших на нем «религиозно-воспитательным средством». И то сожаление, которое автор статьи высказывал по отношению к тем из 500 новгородских семинаристов, которым не было возможности присутствовать на богослужении архимандрита Алексия, можно было бы отнести и ко всем современникам, не бывавшим на службах, совершавшихся Патриархом Алексием: они тоже были лишены весьма действенного религиозно-воспитательного средства.

Религиозно-воспитательное действие действительно, разумеется, православному архиерейскому богослужению вообще. Но в Православной Церкви, в особенности в Церкви Русской, верующие хорошо знают, что служба каждого епископа совершается несколько отличительным образом, который можно было бы, вероятно, назвать его «стилем» служения. Но этот стиль каждого архиерея нельзя просто определять как «манеру» служить, то есть как нечто чисто внешнее. Ибо речь идет о понятии более возвышенном, чем внешняя сторона богослужения, – о церковно-молитвенной гармонии, в которую входит и индивидуальное выражение истовости предстоятеля за этим богослужением.

Сживаясь с уставным и всегда обязательным соблюдением православной обрядности, проникаясь тем богодухновенным благочестием, с которым непрестанно возобновляется древнее и неизменное соборное моление, это индивидуальное вносит свой духовный оттенок в соборность богослужения – по-особому звучащий элемент личного представительства за предстоящих. Так что, несмотря на традиционность обращений православных священнослужителей к Богу в соборной молитве, эти обращения приобретают, в меру вложенных в них совершающим службы благоговения, молитвенного подъема и духовной силы, различное звучание и разную степень воздействия на молящихся. Поэтому православные, которым даже не надо быть знатоками богослужебного устава, легко постигают, что священнодействующие в их православных службах, и особенно предстоятель, имеют возможность вносить свой вклад в духовное благолепие совершаемых ими служб.

Священнодействие покойного Патриарха было незабываемым для тех, кто присутствовал при нем.

Как сказал на Поместном Соборе 1971 года его преемник Святейший Патриарх Пимен: «Святейший Патриарх Алексей обладал особым даром величавого, проникновенного и благоговейного совершения церковных служб, подавая тем добрый пример архиереям, пастырям и пасомым. И эта важнейшая часть церковной жизни, составлявшая особую заботу Святейшего Патриарха Алексия, была украшением его патриаршества и духовной радостью нашей Церкви. Апостольский благодатный дар священнослужения через Святейшего Патриарха Алексия был преемственно передан многим служителям нашей Церкви».

В связи с двадцатипятилетием патриаршества Святейшего Патриарха Алексия замечательные строки о его богослужении написал (за несколько недель до его кончины) архиепископ (ныне митрополит. – Ред.) Волоколамский Питирим⁴, которые интересно сопоставить с оценкой тульского церковного журнала, данной 60 лет тому назад: «Теперь уже всем известно, что Святейший Патриарх обладает особой харизмой богослужения, особым благодатным даром службы. Это духовное дарование отмечено

всем христианским миром... В ближайшие к интронизации годы один протестантский богослов, сравнивая в своей статье личные особенности трех последних патриархов, назвал Святейшего Патриарха Алексия «великим литургом». И он прав. О службе Святейшего Патриарха можно говорить много и всё же не сказать главного. И пересказать ее невозможно, видимо потому, что «не мерою дает Бог духа». Простота и величие, собранность и духовный простор, какая-то, я бы сказал, особая бережность к святине, строгость соблюдения духа церковных традиций и легкость полной внутренней свободы, высочайшее благоговение и непосредственность общения с благодатным миром. Как однажды употребил выражение Святейший: «Жажда вечной жизни».

Когда в памяти знавших в Бозе почившего Патриарха воскресает его облик, то прежде всего является перед глазами образ его в храме во время богослужения. Будь Патриарх в белом куколе или в митре, он всегда сохранял именно первосвященительскую внешность. Но важнее внешней стороны было, конечно, его священнодействие. Служения его неизменно производили то же глубокое и запоминающееся впечатление.

Пишущий эти строки никогда не забудет слов покойного митрополита Ленинградского Григория (Чукова): «Вот когда вы будете на патриаршем богослужении, вы убедитесь сами: Патриарх Алексей совершает службу классически». Такую оценку патриарших служений доводилось слышать часто и от людей разного положения, возраста и религиозных настроений.

В храмах, больших и малых, внешний облик Святейшего, несмотря на невысокий рост, поражал безмятежной и спокойной величием. Внимательный взгляд его больших глаз редкого, как бы фиолетового цвета, – глаз лучистых до последних лет глубокой уже старости, всегда был устремлен вперед, и у каждого из бесчисленных молящихся, толпившихся перед ним, создавалось впечатление, что Патриарх смотрит на него. Об этом тоже постоянно приходилось слышать от множества свидетелей.

Другой характерной чертой Святейшего Патриарха был его голос. Он никогда не повышал его, но и не понижал. Казалось при разговоре с ним, что его ровный и мягкий баритон не может быть слышен под сводами обширных храмов. И только стоя возле него и слушая его возгласы или чтение в соборах, можно было не без удивления убеждаться, что тот же голос его и в той же мягкой и ровной тональности слышится всеми в храме. А удаляясь в дальние углы того же храма, можно было получить «проверку» этого не то что впечатления, а реального явления.

Конечно, в этом сказывалась безупречность дикции – произношения и интонации, – усвоенной еще некогда в Московской академии при служении иеродиаконом и иеромонахом под бдительным взором и слухом такого учителя церковного благолепия, каким и в духовной школе, и на архиерейской кафедре, был «авва» нашего Патриарха – Преосвященный Арсений, о котором мы уже упоминали и о котором нам надлежит еще говорить ниже. Но можно полагать, что тут, в этой слышимости, проявлялось в какой-то степени и нечто «ответное» – то пристальное внимание, которое Патриарх Алексей своим богослужением вызывал у предстоящих и особенно в молящихся.

Внешний облик Патриарха Алексия неизменно производил сильное и весьма заметное впечатление и на отдельных посетителей, и на целые толпы, которыми он так часто бывал окружен. Прежде всего взоры привлекала спокойная величием его осанки. Благообразные черты лица, манера всегда держаться прямо, естественность неторопливых движений, открытый и внимательный взгляд, которым охватывались как собеседники, так и большие собрания стоявших перед ним людей, – всё во внешности Патриарха располагало к почтительному отношению и способствовало

созданию вокруг него атмосферы торжественности. И если общее ощущение этой торжественности усугублялось окружающей обстановкой или видимыми атрибутами патриаршего достоинства, то всё же впечатление благородства одновременно со скромностью и простотой, столь типичными для Патриарха Алексия, исходило, как бы излучалось из самой его личности.

Как писал после посещения Москвы ныне покойный митрополит Брюссельский и Бельгийский Александр (Немоловский): «Лик библейский. На нем не улыбка, а как бы сияние. Вообще вся личность Святейшего производит чарующее впечатление».

Об этом говорили многие, знавшие или выдавшие нашего Патриарха. Как выразился д-р Франклин Кларк Фрай, бывший председателем Центрального комитета Всемирного Совета Церквей (и президентом Всемирной Лютеранской Федерации), «в любом окружении Патриарх всегда был в центре внимания». А председательствовавший в Протестантской Федерации Франции пастор Шарль Вестфаль как бы пояснил это суждение, назвав при других обстоятельствах Святейшего «прирожденным Патриархом».

Иерарх Римско-Католической Церкви, представлявший Папу Павла VI на пятидесятилетнем юбилее епископства Патриарха Алексия в 1963 году, епископ Фрибурский монсиньор Шарриер отметил, что «смирненное благородство» не покидает Патриарха и когда он входит под своды храма, и когда он принимает у себя гостя. Чисто англосаксонское впечатление о Патриархе Алексии выразил епископ Англиканской Епископальной Церкви США д-р Лористон Скэйф, охарактеризовав его как «одного из последних церковных джентльменов». К этим словам американского епископа надо добавить, что в английском языке слово «джентльмен» переводится не только как светский человек, но и как человек благородный по духу.

Первые суммированные посмертные впечатления о почившем Патриархе Алексии нам дано было получить из кратких личных воспоминаний Патриаршего Экзарха в Западной Европе митрополита Сурожского Антония⁹: «На протяжении лет... впечатления наслаивались постепенно; определялась линия, вырисовывалось дело: суровое искание правды, сердечное влечение к единству, единству всех, но при твердом условии, чтобы это было единением в Истине – истине веры и в той жизненной гармонии, которая выражена в основных церковных канонах. Человек глубоких чувств без сентиментальности, ясный ум, душевная чуткость и в простейших повседневных человеческих отношениях, и в области межцерковных взаимоотношений. И служение делу упорядочения, делу примирения – служение миротворца, верящего в реально объективное, ищущего это объективное в духе, раскрытом к его восприятию, к его постижению, и с доброй волей, но волей строгой».

И у того же митрополита Антония несколько слов о первой встрече со Святейшим: «Крестовая церковь Патриарха; краткое ожидание и внезапно – его присутствие: старец, тонкий, даже хрупкий, невысокого роста, но который нигде не мог бы пройти незамеченным. Очень сдержанный в обращении, очень простой, по внешности – чистый монах, держащийся в тени, он выделялся из своего окружения, приковывал к себе взор и как бы требовал к себе внимания своим спокойным величием, излучаемой им уверенностью: «Всё от Бога, всё в руке Божией, поэтому всё без исключения может быть, должно быть поводом, ниспосланным Господом, для христианского дела, для дела Божия» – свидетельство простой основоположной уверенности, которая и должна всегда определять одновременно полную нашу самоотдачу и нашу целостную независимость.

– Ну, вот вы.

– Да, Ваше Святейшество!

Он внимательно смотрит на меня своим острым пристальным взглядом и продолжает:

– И сколько же вам лет?

– Сорок пять.

– Как раз на год меньше, чем моя епископская жизнь, – заключает он с улыбкой.

Да, когда я родился, он уже год был епископом».

Один из выдающихся иерархов нашей Церкви середины нынешнего столетия, архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий (Градусов)⁶, также писал о своей первой встрече в 1943 году с Патриархом Алексием – в то время еще митрополитом Ленинградским и Новгородским⁷.

Эта встреча имела место у Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия в Ульяновске, куда в годы войны была эвакуирована Патриархия. Епископ Димитрий, бывший тогда на Рязанской кафедре, так передал свои первые впечатления о будущем Патриархе: «Владыка Алексей, дотоле лично мне незнакомый, задержавшись в пути, смог прибыть лишь к концу Литургии, которую мне не удалось достоять: у меня произошел сердечный припадок, и меня вынесли на двор Патриархии, где и стали приводить в чувство. Едва успев прийти в себя, я увидел вблизи архиерея в белом митрополическом клобуке, с приветливой улыбкой участливо осведомлявшегося о моем здоровье. Это и был ангел многострадальной Церкви Ленинградской, мужественно делившийся со всей паствой все тяготы и ужасы длительной осады города-героя, Высокопреосвященнейший, а ныне Святейший Владыка Алексей».

Первое впечатление, вынесенное мной от этого знакомства, можно было определить словом «молодость». Да, это была подлинная молодость; конечно, не та, что фиксируется в метриках и паспортах, а высшая, духовная, свидетельствующая о свежести мысли, о возвышенности и благородстве всех помышлений и устремлений, когда «пошлость повседневной жизни» и низменные страсти бывают бессильны наложить печать дряхлеющей старости на чело, на весь облик даже весьма пожилого человека. Нечего, конечно, говорить о том, что это прекрасное отображение молодости было овеяно и благородством, и умом. Таким запечатлелся и живет в моей памяти по сии дни облик Святейшего Патриарха Алексия...».

В момент вышеописанной встречи митрополиту Алексию шел 67-й год, а Святейшему Патриарху Сергию, у которого встретились иерархи, оставался неполный год жизни. Новое патриаршество должно было начаться меньше чем через два года. Патриарх Сергей был последним учителем своего непосредственного преемника и влияние его на будущего Патриарха было велико.

К этому мы еще вернемся, но предварительно отметим, что в ранних годах жизни Патриарха Алексия на формирование его сознания в разной, вероятно, степени сказались влияние трех людей. Прежде всего, в детстве – нравственное и умственное влияние отца, бывшего незаурядным, образованнейшим и высоконравственным человеком с решительным и властным характером. Он заложил в сыне основы духовной формации и дал ему ясное представление о примате духовных и религиозных ценностей над всем остальным. О взаимоотношениях отца с сыном в семье Симанских мы будем еще говорить несколько подробнее.

Духовным воспитателем, религиозно-нравственное воздействие которого на внутреннюю жизнь юноши Симанского в его школьные годы имело определяющее значение, несомненно, оказался законоучитель в московском лицее протоиерей Иоанн Соловьев, внушивший ему первоначальный, но затронувший глубокие струны души, интерес к церковной жизни.

Отец Иоанн Соловьев был младшим современником знаменитого Филарета, митрополита Московского* (1782–1867 гг.), и, как все просвещенные русские клирики той эпохи, – ревностным почитателем его. Своему ученику, которого он особенно любил и ценил и которого сделал «алтарным» для прислуживания за богослужением в лицейском храме, он привил преклонение перед митрополитом Филаретом. Законоучитель сильно заинтересовал своего воспитанника сначала проповедями митрополита, затем его творениями на аскетические темы.

Великим наставником монахов Патриарх Алексей считал митрополита Филарета всю свою жизнь, и с 1955 года установил на каждое 1/14 декабря – день праведного Филарета Милостивого, в который праздновалось тезоименитство митрополита Филарета, – посвященный памяти его Филаретовский вечер. Обычно Святейший выступал на этих вечерах, ставших в Академии традиционными, со вступительной речью. Патриарх признавал оказанное на него посмертное влияние митрополита Филарета, преставившегося почти за десять лет до его собственного рождения, самым сильным и глубоким.

Третьим из старших современников Патриарха Алексея, имевших особое значение в воспитании в нем инока, священнослужителя и иерарха, был Преосвященный Арсений (Стадницкий) – его руководящий педагог и ректор в Духовной академии, правящий епископ в двух епархиях, у которого будущий Патриарх был любимым учеником, постриженным и ставленным при получении всех трех степеней священства.

О епископе, архиепископе и митрополите Арсении речь в настоящем очерке будет идти неоднократно. Пока отметим лишь, что при выборах Патриарха на Всероссийском Поместном Соборе в 1917 году Владыка Арсений занял второе место по числу поданных за него голосов. И, как мы уже отметили, последним по времени руководителем и вдохновителем Патриарха Алексея, когда он был в сане архиепископа и митрополита, почти два десятилетия был (с 1926 года до своей кончины в 1944 году) митрополит, впоследствии – Патриарх Сергей. Об этом времени нам также придется говорить ниже.

Если попытаться установить главные вехи в долгой жизни почившего Патриарха Алексея, то здесь можно ясно увидеть три периода. Первый – 36 лет до епископства (1877–1913), второй – 32 года до патриаршества (1913–1945), третий – 25 лет патриаршества (1945–1970). Это подразделение соответствует и исторической периодизации этой замечательной жизни.

Первая эпоха, включающая детство и юность Патриарха, вся протекла в условиях дореволюционной русской жизни. Вторая совпала с кризисом Русской Церкви в период становления новой государственности в нашей стране. Третья соответствовала стабилизации церковной жизни, в которой личное участие Святейшего было центральным фактором.

Во все периоды своей жизни отношение Патриарха к окружавшей его действительности было основано на смиренном преклонении перед неисповедимыми путями Промысла Божия и на покорности воле Божией, которая могла бы быть образцом для всех церковных людей. В проповедях, словах и наставлениях Патриарх Алексей всегда с особой настойчивостью напоминал своим пасомым о том, что Христова Церковь требует от человека следования главной заповеди, преподанной в Нагорной проповеди: искания Царства Божия и правды его прежде всего. И для всей жизни Святейшего было особенно типично его верование, превратившееся в подлинно бытовое

* На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (30.11–02.12 1994) митрополит Филарет (Дроздов) причислен к лику святых. Память Святителю Филарета совершается 19 ноября (2 декабря по н. с.)

убеждение, что «сия вся приложатся» и что пешись о завтрашнем дне незачем, «ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 33–34).

Это отношение к происходящему прямо вытекало из его непоколебимой веры в непререкаемую верховную мудрость путей Божественного Промысла – в то, что всё совершающееся в мире происходит под промыслительным действием всемогущества Божия. Святейший Патриарх Алексий определял Божественный Промысл как всеблагой, всегда для нас спасительный, благодетельный и действующий благовременно. И отсюда – покорность его воле Божией, которая редко в ком достигала такой полноты, смирения и силы.

Отсюда же – и все умозрение Патриарха, его склад представлений, который на мирском языке часто называется «философией жизни». У Святейшего эта вера и эти убеждения способствовали превращению невозмутимости и безмятежности, – отчасти врожденных, отчасти заложенных в нем воспитанием, – в характернейшие черты. Отрешенность от будничных мелочей и вообще от житейской суеты появлялась у Патриарха не только в годы глубокой старости.

ГЛАВА II

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ПОСТРИЖЕНИЯ (1877–1902)

1. Родословное древо. Благодетельные традиции рода Симанских

Патриарх Алексий родился 27 октября (9 ноября по новому стилю) 1877 года в семье Владимира Андреевича и Ольги Александровны Симанских в Москве.

Род Симанских принадлежал к псковскому дворянству и был занесен в VI часть родословной книги Псковской, Московской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний (в «шестую книгу» были внесены «древние благородные дворянские роды», дворянство коих было установлено до 1685 года, то есть до указов 1686 и 1687 гг.).

Позаимствуем несколько строк из ценного документа – записи некоторых воспоминаний самого Святейшего, продиктованных им своему крестнику протоиерею Алексею Даниловичу Остапову: «У нас в семействе сохранялись многие грамоты на владение землями, на установленный герб и другие фамильные архивные документы, но, к сожалению, весь большой архив, хранившийся у моего отца, погиб в эпоху революции. По памяти могу до некоторой степени вспомнить следующих наших родоначальников. Мой отец, Владимир Андреевич Симанский, родился в 1853 году в родовом имении Симанских Екатерининском, Островского уезда Псковской губернии. Его отец, мой дед, Андрей Владимирович, родился в том же имении в 1821 году. Отец его, мой прадед, Владимир Александрович родился в 1786 году, был помещиком в той же Псковской губернии, причем он являлся строителем храма в имении – храма, который существовал до самой революции и с этой частью имения принадлежал младшему брату моего деда Павлу Владимировичу, бывшему морскому офицеру, затем предводителю островского дворянства, принявшему впоследствии священство, жившему почти безотлучно в этом своем имении и совершавшему в родном храме божественные службы».

«Имение Симанских, – говорил в другом месте Святейший Патриарх, – о котором я упомянул, было прекрасно расположено на берегу реки Великой⁸, через которую был виден город Остров, и таким образом, наряду с уединенностью усадьбы, было налицо и недалекое оживление города. Город Остров был довольно оживленный город.

Оживление это давало ему расположение в нем в давние времена пехотного полка, офицерского собрания и т. д. Кроме того, относительная близость его к западным губерниям и прекрасное шоссе, ведущее в Вильну и Варшаву, делали город проездым из столицы, что также способствовало его оживлению.

В имении Владимира Александровича оседали и сыновья его по мере того, как они обзаводились собственной семьей. И для каждого из них Владимир Александрович строил по отдельному дому. Таким образом, ко времени моего посещения этого нашего родового гнезда имение представляло собою целый ряд небольших, но весьма уютных особняков, а в середине парка возвышалась церковь Спаса с колоннадами на четырех ее сторонах. <...>

Храм построен был равноконечным крестом. На восточной стороне против алтаря находились могилы Владимира Александровича и Екатерины Андреевны Симанских, а с каждой из сторон храма были погребены семейства сыновей Владимира Александровича – Александра Владимировича, Павла Владимировича, Николая Владимировича. Четвертое место хранилось для семейства моего родного деда Андрея Владимировича, но он и бабушка Анна Петровна были погребены в Москве, а родители мои скончались в эпоху революции и похоронены: отец в Ленинграде (в 1929 году) на Новодевичьем кладбище, мать (в 1920 году) в Москве, в Новодевичьем монастыре».

Принявший священный сан отец Павел Симанский (внучатым племянником которого был Патриарх Алексей) был озабочен судьбой храма в Екатерининском после его смерти. «И вот, – говорит Святейший Патриарх, – в 1897 году у него, а также у моего отца явилась мысль учредить в этом имении при родовом храме женскую обитель. Павел Владимирович отдавал всю землю своего имения и храм и некоторые дома в пользу обители, оставив себе лишь домик с прилегающим к нему парком. А мой отец пожертвовал принадлежавшую ему землю и капитал в несколько десятков тысяч рублей. <...>

Святейший Синод в 1897 году утвердил Положение о Спасо-Казанском женском монастыре в имении Симанских, и 17 августа того же года было торжественное открытие этой обители, в которой уже поселились несколько сестер во главе с игуменьей Руфиной. Было много духовенства во главе с епископом Псковским Антонием, архимандритами псковских монастырей и отцом Иоанном Кронштадтским, который пробыл гостем дедушки дней пять.

Я тогда был студентом II курса университета и вместе с родителями и братьями присутствовал на этом торжестве. Ввиду большого числа гостей, приглашенных к этому дню, заблаговременно был построен особый дом, который и вместил всех приглашенных.

Открытая в 1897 году таким торжественным образом обитель начала быстро процветать. Игуменья Руфина оказалась прекрасной духовной руководительницей и опытной в делах монастырского хозяйства. Храм стал сиять чистотой, служба установилась более или менее уставная, образовался довольно хороший хор».

К сказанному в кратких воспоминаниях Святейшего добавим, что в Спасо-Казанской обители число насельниц за два с половиной десятилетия ее существования достигло тридцати.

Из сказанного видно, что в роду Симанских был уже до Патриарха Алексея прецедент священнослужения и что традиция благоговейного отношения к Церкви существовала с давних времен. Отец Святейшего Патриарха Владимир Андреевич Симанский (родился 3/15 ноября 1853 года в псковском имении деда) был по образованию юристом, пробыл на государственной службе в Москве 15 лет. В 1876 году женился

на Ольге Александровне Пороховщиковой, дочери капитана в отставке лейб-гвардии Семеновского полка, москвича, известного своим широким гостеприимством. В. А. Симанский был пожалован в 1878 году званием камер-юнкера императорского дворца. Выйдя в 1891 году в отставку, он получил звание камергера и был пожизненно прикомандирован к канцелярии Святейшего Правительствующего Синода.

2. Рождение и первоначальное домашнее образование (1877–1888)

Ко времени рождения будущего Патриарха родители его жили в квартире в бельэтаже дома Куманина на Мясницкой улице в Москве. В этой же квартире над новорожденным старшим сыном четы Симанских было совершено протоиереем Александром Войновым, настоятелем соседнего приходского Никольского храма на Мясницкой улице (ныне не существующего), Таинство Крещения с наречением ему имени Сергия.

Родители Святейшего Патриарха Алексия, конечно, надеялись, что их старший сын сделает «хорошую карьеру», как говорил со слегка иронической добродушной усмешкой сам Святейший. Эту светскую карьеру они стремились подготовить, дав ему соответствующее образование. Сначала мальчика обучали дома по программе начальных классов средних школ с приглашением учителей, которых тщательно выбирал его отец. Языки он проходил с домашними гувернантками: французский – со швейцарской гувернанткой Сигвард, английский – с англичанкой Хантлей. Законоучитель Николаевского института протоиерей Николай Протопопов давал ему первые уроки Закона Божия.

Отец Патриарха, Владимир Андреевич, до своего поступления в Московский университет учился также дома. Это было обычным для многих состоятельных русских семей (особенно в прошлом веке). Дети сдавали так называемые «поверочные» экзамены при гимназиях. У отца Патриарха «приходящими» учителями были выдающиеся педагоги: историк В.О. Ключевский – будущая знаменитость; известный математик К.П.Буренин, по пособиям которого по математике и физике училось не одно русское поколение; автор популярного учебника русской грамматики С.И.Сосницкий. Сам Владимир Андреевич всегда учился превосходно, университет окончил с отличием, был весьма начитанным человеком. Начиная образование детей по собственному примеру с домашнего, для сына, в особенности старшего, он мечтал о большем.

В.А.Симанский задумал дать сыну Сергею высшее юридическое образование не только потому, что сам получил его (в период реформ крестьянской, земской, школьной и судебной и в канун освободительной Балканской войны), но и потому, что вполне усвоил правосознание и психологию юридизма, типичные для просвещенных русских дворян его поколения. Он считал, что конец XIX столетия ознаменует в мире окончательный переход общественных отношений под знак и примат законов и законности.

В.А.Симанский первоначально склонялся к мысли подготовить подраставшего сына к поступлению в императорское училище правоведения в Петербурге, но его супруга Ольга Александровна упростила мужа не отсылать сына далеко от родного дома в Москве.

Как рассказывал Патриарх, отец его предполагал, что сын будет принят в государственную канцелярию, то есть в учреждение, в котором согласовывалась под руководством государственного секретаря деятельность департаментов Государственного Совета – высшего законодательного, точнее, законосовещательного органа Российской империи. Поэтому Владимир Андреевич, не настаивая на петербургских школах, все же остановил свой выбор на родном для него самого юридическом факультете Московского университета, его собственной «альма матер».

По мере того как сын подрастал, быстрое усвоение им преподаваемых предметов, а с другой стороны – изменение учебных программ и заметное улучшение школьного дела побудили родителей отдать мальчика в школу. Для этой цели они избрали Лазаревский институт, приобретший к середине века международную репутацию своим замечательным по серьезности преподаванием, образцовым интернатом и ценным книгохранилищем.

3. Лазаревский институт (1888–1891)

Институт был основан после Отечественной войны 1812 года влиятельным армянским семейством Лазаревых и продолжал называться по их имени даже когда перешел к семидесятым годам «в казну», то есть поступил в ведение Министерства народного просвещения и был включен в общую систему гимназий. Старшие «специальные» классы были приравнены к высшим учебным заведениям и в них кроме общих предметов преподавались восточные языки. Вообще в Лазаревском институте всегда особое внимание уделялось культуре Востока.

Когда Сергей Симанский осенью 1888 года поступил в первый класс гимназического отделения Лазаревского института, там обучались сыновья многих влиятельных русских, армянских, грузинских семей, а также дети некоторых ученых из стран Ближнего Востока.

К тому времени установилась традиция, в силу которой почетными попечителями Лазаревского института назначались представители рода князей Абамелек-Лазаревых, давно приобретшего известность значительными дотациями на многие благотворительные, культурные и общественные нужды (умершая после революции в Риме княгиня Абамелек-Лазарева оставила по завещанию свое имение на Яникуле нашему государству, и знаменитая «вилла Абамелек» перешла Посольству СССР).

В Лазаревском институте духовно-нравственное образование учащихся было поставлено так же основательно и тщательно, как и преподавание светских предметов. Для обучения воспитанников армяно-григорианского вероисповедания было соответствующее отделение, порученное армянскому ученому духовенству. Закон Божий для православных учащихся преподавался протоиереем Петром Казанским, бывшим в родстве с Московским митрополитом.

Так как осенью следующего, 1889 года родители уехали в продолжительное путешествие по Западной Европе, сына Сергея они перевели из разряда приходящих учеников в разряд «пансионеров». За три года, проведенных в Лазаревском институте (1888–1891), Сергей Симанский показал себя способным и дисциплинированным учеником и был одним из первых, как говорят в наше время – отличником.

Учебные заведения, в которых обучался юный Сергей Симанский, такие, как Лазаревский институт и впоследствии Московский лицей, принадлежали к числу привилегированных. Подобные училища, в особенности с системой интернатов, быстро и интенсивно сообщали учащимся знание нескольких языков, поскольку в них чередовались «дежурные» дни с обязательным употреблением того или иного языка за едой, прогулками и досугом при участии преподавателей соответствующей национальности. Кроме того, такая система способствовала росту общей культуры учеников, которые в таких школах назывались «воспитанниками», и вырабатывала в них начатки основательной эрудиции.

Значительную роль во всех этих отношениях сыграл и самый стиль, если можно так выразиться, быта семейства Симанских. Беседа за столом, домашние игры, выписка из-за границы европейских классиков, детских книг и периодики, подбор знакомств – все, вплоть до привозимых из частых путешествий вещей, журналов,

новинок приводило и помимо школы к тому, что, как вспоминал свое отрочество Патриарх Алексей, он почти наравне с родителями, старшими родственниками и их друзьями с ранних лет был «в курсе» – в курсе более или менее всего происходившего. Знал по мере их возникновения новости придворной, светской, научной, театральной и даже судебной жизни, притом не только отечественной, но и международной.

Мальчиком Сережа Симанский был живо заинтересован, например, строительством Эйфелевой башни, которая была возведена для международной выставки 1889 года, когда ему самому еще не исполнилось 12 лет. Это событие было мировой сенсацией, и старший сын Симанских был, конечно, в курсе всех деталей, связанных с ним. И вполне естественно, что и о всех деталях выставки и о ее экспонатах интересовавшийся этим мальчик знал и читал не меньше взрослых.

По этому поводу следует отметить одну характерную черту покойного Патриарха: пристрастие он на 93-м году жизни, и сознательная часть этой долгой жизни была особенно продолжительной, начавшись рано. В годы его отрочества раннее развитие осознанности жизни было вообще характерно для сыновей интеллигентных семей. Это особенно проявилось в личной судьбе будущего Патриарха: в 12–13 лет познания его удивили бы более поздние поколения, а понимание событий и их значения ставили его на один уровень, или почти на один, со взрослыми.

Наряду с юношеской жизнерадостностью и непосредственностью у Сергея Симанского рано наступила умственная зрелость, вызвав умозрительные настроения и склонность к созерцательной жизни, редко встречающиеся в таком возрасте. Помимо врожденных свойств здесь сказались и воспитание в семье и влияние родителей, позволившие ему вырасти нравственным и дисциплинированным юношей и привившие ему чувство ответственности за свои поступки и решения, как до конца жизни повторял сам Святейший Патриарх.

4. Императорский лицей памяти цесаревича Николая (1891–1896)

Самостоятельность Сергея Симанского (также и в отношении семьи) возросла с переменами, наступившими тогда, когда ему еще не исполнилось 14 лет и когда он был переведен родителями в Императорский лицей памяти цесаревича Николая (старшего сына Александра II, умершего в 1865 году от чахотки в Ницце). Лицей этот был основан в Москве в 1868 году на частные пожертвования. Так как первое значительное пожертвование было сделано публицистом М.Н. Катковым, лицей сначала называли Катковским. В Николаевский он был переименован в 80-х годах, но старое название его сохранилось в разговорной практике до революции.

По уставу 1890 года Московский лицей выдавал учащимся в нем аттестат зрелости по завершении курса восьми классов усиленной программы гимназии (в лицее было значительно расширено преподавание древних языков, истории и естественных наук). Новые (европейские) языки проходились интенсивным методом в особых вечерних классах. Преподавательский состав лицея был усилен многочисленными и превосходными иностранными педагогами. За восемью годами «гимназического» курса следовали три года «лицейских», то есть университетских. И гимназические годы, и университетские студенты и воспитанники проводили, как правило, в стенах лицейского интерната.

Московский лицей, во времена пребывания в нем юного Сергея Симанского, помещался в обширном каменном здании, сооруженном архитектором Вебером на Крымском проезде (у самого Крымского моста) в начале 70-х годов. После революции в этом здании помещался сначала Народный Комиссариат Просвещения, позднее

Институт красной профессуры, а в настоящее время находится Институт международных отношений.

Помимо программы гимназических классов Николаевского лицея (самой нагруженной из программ русских средних учебных заведений, в частности – классического профиля) другой его особенностью (в России уникальной) была система поощрения и повышения успеваемости учащихся и надзор за ней при помощи «туторов». «Тутор» (вернее «тюттор») в английской университетской практике и в подготовке к поступлению в университет совмещает роли руководителя учебных занятий, репетитора и гувернера (а в английском юридическом языке «тюттор» означает еще и «опекун»).

Как было установлено в Московском лицее, группа от 10 до 15 лицеистов вверялась туторам со специальным педагогическим опытом, которые сперва знакомились с познаниями, способностями и наклонностями своих подопечных воспитанников, составляли их учебные биографии и в продолжение всего лицейского курса эти биографии пополняли и исправляли, внимательно наблюдая за успехами и слабостями учащихся по всем предметам и за их общим развитием.

С поступления (в 1891 году) Сергея Симанского в IV класс лицея он жил в лицейском интернате большую часть времени – до заключительных государственных экзаменов в Московском университете. Это было вызвано главным образом тем, что с того же 1891 года по состоянию здоровья матери, О.А.Симанской, родители его стали проводить зимние месяцы в Ницце, в условиях мягкого средиземноморского климата. Они уезжали на юг Франции каждую зиму и в последующие годы. Таким образом, с 1891 года, когда Сергею Симанскому минуло 14 лет, он ежегодно на долгие осенние и зимние месяцы оказывался уже как бы вне домашнего семейного круга. От этого личный и прямой контакт с родителями стал, естественно, слабее и реже в годы, когда в юном Сергее созревали решения, которые должны были определить всю его дальнейшую и долгую жизнь.

В этот период его жизни сестра и братья его, хотя и оставались в Москве, тоже были в некотором роде разобщены. Сестра Анна, годом младше Сергея (родилась в 1878 году), была десяти лет помещена в седьмой (младший) класс московского Екатерининского института, брат Андрей (родился в 1882 году) был во втором Московском кадетском корпусе, и только младшие два брата, Филарет (родился в 1885 году) и Александр (родился в 1887 году), оставались дома под присмотром тетки, Веры Александровны Беклемишевой (сестры матери). Семейные связи пятерых детей Симанских оставались тесными и самыми родственными. Двое старших не так уж часто, но бывали дома в отпускные дни, брат Андрей часто посещал старшего брата и сестру в их школах. Все дети навещали деда и бабу, Андрея Владимировича и Анну Петровну, живших в Москве на Большой Дмитровке и всегда принимавших внуков с особой радостью, стараясь заменить им родителей.

В лицее Сергей Симанский приобрел, конечно, новые связи и знакомства. При поступлении его в лицей всех учащихся там было около 130 человек. Время и умственная энергия его были в значительной мере поглощены напряженными учебными занятиями. И это вполне понятно: наставники следили за тем, чтобы его успеваемость по всем преподаваемым предметам постоянно возрастала.

Молодого Симанского вверили руководству А.А.Гилярова, принадлежавшего к известной семье ученых педагогов. Сам Гиляров был специалистом по древним языкам, которые и преподавал в лицее. У него была репутация самого строгого преподавателя.

В «иерархии» иностранных воспитателей (тютторов) старшим был англичанин В.Н.Вуд, его помощниками – француз де Сэво и немец Реман. Сергей Симанский и

тут был одним из лучших учеников (он окончил гимназические классы с серебряной медалью) и в выпускном классе получил звание «старшего воспитанника».

За время своего пребывания в младших классах лицея будущий Патриарх всея Руси впервые постиг трагическую сторону неустроенности и нужды русского крестьянства (то есть огромного большинства населения Российской империи), о которых раньше не имел представления. Одноклассники его и лицеисты старших классов были поражены известиями о голоде, охватившем все восточные губернии Европейской России. В лицее, как и по всей Москве, собирали пожертвования для помощи голодающим.

Юношеское великодушие Сергея Симанского и его товарищей было оскорблено и возмущено, когда они узнали, что голод за Волгой (1891–1892 годов) был вызван не просто недородом, а невозможностью и неумением обеспечить подвоз хлеба из губерний, часто совсем недалеко друг от друга расположенных, урожаем в которых, напротив, достигал высоких показателей. Один из лицеистов из семьи самарского помещика рассказывал, как в предыдущем десятилетии у них тоже возник голод, в то время как в соседней Саратовской губернии – всего только через Волгу – хлебу не было сбыта из-за небывало обильного урожая. Почти то же повторилось и в 1891–1892 годах.

Три четверти века спустя Патриарх Алексей не мог без сдержанного ужаса недоумевать по этому поводу: «Когда нам приходилось читать, что в голодные годы по всей России хлеба уродилось достаточно, чтобы с избытком прокормить все население России, мы были поражены, как могли произойти эти страшные бедствия – голод в Поволжье и на Урале с вызванными им эпидемиями». А на вопросы лицеистов их учитель истории (В. В. Назаревский) говорил им, что «так всегда было».

Горестное волнение Сергея Симанского было особенно видно его духовнику и законоучителю протоиерею Иоанну Соловьеву, который не мог не связывать эти переживания с первыми проявлениями разочарования в мирских путях юноши, скорее даже мальчика, поведавшего ему о возникновении в нем зачатков духовного и даже монашеского призвания.

Протоиерей Иоанн Соловьев, пристально наблюдая за формированием мировоззрения своего любимого ученика, которого он выбрал из среды лицеистов для прислуживания за богослужениями в лицейском храме, решил поговорить с В. А. Симанским. Это было уже далеко не в первые годы пребывания Сергея в лицее. Духовный наставник сказал отцу, что он не хотел бы оказывать на мальчика влияния в отношении выбора дальнейшего и окончательного пути, но что он видит его благочестие и необыкновенную истовость. Он не скрыл от Владимира Андреевича, что сын его все чаще высказывает недоверие к земным решениям и путям и даже обнаруживает стремление отрешиться от мира.

Отец согласился, что признаки этого и для него не новы, но сказал, что, постоянно думая о будущем сына, он находит нужным, чтобы он закончил образование, которое было для него намечено, и уже потом сам принял зрелые решения насчет своей дальнейшей жизни.

Ко времени окончания Сергеем Симанским гимназического курса лицея у него самого был обстоятельный разговор с отцом, который заверил его, что отеческое благословение на выбор пути ему обеспечено, но что родители настаивают, чтобы он сначала закончил светское высшее образование.

К этому времени представления родителей Сергея о возможной государственной карьере сына претерпели некоторые изменения. Ежегодные поездки за границу и ставшее привычным общение с членами русского дипломатического корпуса и видными иностранными представителями европейской культуры, а также оживление международной активности России при Александре III, царствование которого мало

способствовало, с другой стороны, деятельности в области законодательства, расположила отца к мысли о дипломатической карьере для сына. Поэтому он и стал было подумывать о завершении образования Сергея в «специальных» (то есть старших) классах петербургского Александровского лицея, которые были приравнены к последним двум университетским курсам, но зато открывали прямо доступ в Министерство иностранных дел.

Было бы ошибочно полагать, что родители Патриарха могли бы противиться его пострижению в монашество. Верно, что они не были подготовлены к этой перспективе, тем более что с детства сына обсуждали между собой его вероятное и возможное будущее и строили вполне определенные планы для этого будущего.

Препятствий на пути его они никаких не создавали и не желали создавать. Владимир Андреевич Симанский был человеком решительным и властным по характеру, но он же сам сознательно способствовал воспитанию детей на религиозно-нравственной основе и в степени несомненно большей, нежели это делалось в других семьях его круга. Сам же он согласился на собственное «прикомандирование» к канцелярии Святейшего Синода. И на пороге XX века вряд ли можно было найти других состоятельных русских людей, которые отдали бы имение и пожертвовали значительную сумму на основание монастыря.

В семье Симанских отец сам следил за домашней молитвой детей, за их регулярным и частым посещением храмов, соблюдением постов и вообще прививал им церковные навыки. Кроме того, он поддерживал близкое и дружественное знакомство со многими представителями церковной иерархии и ученого духовенства Москвы, так что старший сын в собственной семье уже привык к общению со священнослужителями и к беседам на церковные и религиозно-философские темы.

И отец же первым приучил сына к почитанию Преподобного Сергия Радонежского, он же совершил вдвоем с ним первое для Сергея паломничество к мощам великого русского святого. В дальнейшем паломничество в Троице-Сергиеву Лавру совершалось всей семьей. Впервые знаменитую речь В.О. Ключевского на юбилейных торжествах 1892 года о Преподобном Сергии юный Сергей Симанский прочитал с отцом.

Но, как уже отмечалось, В.А.Симанский выразил желание, чтобы сын его получил высшее юридическое образование, как было давно решено, и Сергей беспрекословно подчинился. Хотя, как он говорил потом, период его специализации по вопросам права оказался для него наиболее «формальным» и наименее духовно продуктивным. Но и на этом поприще он проявил свойственное ему усердие и завоевал симпатии своих профессоров на юридическом факультете Московского университета.

Из лицейских университетских классов в выпуске Сергея Симанского около десяти человек записалось на юридический факультет. Некоторые избрали философский факультет, лично молодого Симанского привлекавший более юридического, но он был связан данным отцу обещанием получить высшее юридическое образование.

1896 год был годом коронационным, и, поскольку коронация Николая II была назначена на 15 мая в Кремле, календарь работы московских школ подвергся изменению: выпускные экзамены в лицее были ускорены и аттестат зрелости Сергей Симанский получил уже 30 апреля. С сентября он начал занятия в университете, оставаясь пансионером в своем Лицее.

5. Московский университет, юридический факультет (1896–1899)

Привычная рабочая обстановка и учебная дисциплина в столь знакомых условиях значительно содействовали успешному прохождению университетских курсов.

На юридическом факультете и в русском правоведении вообще выделялся

профессор граф Л.А.Камаровский, занимавший в то время в Москве кафедру международного права. Камаровский – энтузиаст своей специальности – был учеником и почитателем знаменитого швейцарца Блюнчли. Блюнчли, которого можно считать отцом современного международного права, был основателем международного института, во многом отличного от привычных научных учреждений, именуемых институтами.

Его институт не имел постоянного адреса в смысле определенного местонахождения: он собирался на сессии и заседал в центрах европейской науки с целью пропаганды идей Блюнчли среди ученых кругов разных стран и внедрения в культуру народов сознания необходимости преодоления войн и обоснования мира на признанном международном праве.

Первая такая сессия состоялась в 1873 году в Генте, столице бельгийской Фландрии.

Мысль Блюнчли была подхвачена Камаровским в его докторской диссертации в Москве «О международном мире»: международные тяжбы и споры не должны вести к вооруженным столкновениям, а должны разрешаться международным трибуналом. До практического восприятия этой идеи – далеко не полного и не всеобщего – человечество могло дойти лишь после мировых войн небывалого размаха.

Ускорившаяся в конце девяностых годов прошлого века гонка вооружений и уже наметившееся разделение так называемого концерта великих держав на военные блоки, приведшие к Первой мировой войне, вызывали возраставшую тревогу у сторонников идеи мирного разрешения международных споров. Их пропаганда этой идеи нашла было отклик в официальных кругах: в августе 1898 года по инициативе России был предложен созыв международной конференции в Гааге по ограничению вооружений. Конференция была созвана в мае 1899 года, когда Сергей Симанский уже держал государственные экзамены по окончании курса университета.

Сокращения вооружений достичь не удалось (главным образом из-за позиции, занятой «центральными империями», и прежде всего Германией). Конференция ограничилась рядом конвенций о международных правилах ведения войн на суше и на море, о международных правилах обращения с ранеными и больными и наметила создание в Гааге «международного трибунала», компетенция которого была усилиями той же Германии сведена к минимуму.

Но в этот период энтузиаст идеи о международном суде профессор Камаровский был научным руководителем и консультантом лицеистов московского Николаевского лицея, проходивших курс юридического факультета в Московском университете. Он считал Сергея Симанского весьма одаренным молодым человеком и установил с ним тем более тесное сотрудничество, что и сам признавал религиозное начало самой глубокой и прочной основой для развития идеи международного мира.

Утвердить мир лишь на теориях позитивизма представлялось ему утопичным. Из сотрудничества между профессором и студентом-лицеистом возникла мысль о диссертации, предложенной Сергею Симанскому Камаровским, на тему «Комбатанты и некомбатанты во время войны» (то есть сражающиеся и мирные жители в военное время).

Патриарх Алексей впоследствии, посмеиваясь, говорил, что он изрядно помучился над этой диссертацией, которая в последние годы прошлого столетия казалась лишенной актуального значения и самого его мало интересовала. Но уже через пятнадцать лет правовое положение сражающихся и несражающихся граждан большинства европейских стран стало актуальнейшей проблемой, а еще через четверть века поправление немцами всех основ международного права на оккупированных ими

территориях, порабощение и истребление громадных масс мирного населения превзошли все, когда-либо случавшееся в истории.

Поэтому Патриарх с благодарным уважением вспоминал своего университетского педагога и говорил, что идеи Блюнчли и Камаровского прямо отразились на создании юридических основ международной жизни, Лиги Наций и особенно нынешней Организации Объединенных Наций.

Покачивая головой, Святейший Патриарх как-то сказал, возвращаясь к теме борьбы за мир: «Увенчание моего собственного образования уже так давно подготовило меня к тому, чтобы одним из первых взяться за дело отстаивания мира».

Патриарх Алексей говорил, что, когда в университетские годы он прочитал нашумевший в свое время в дореволюционной России рассказ Чехова «Мужики», его глубоко поразило и потрясло описанное писателем положение русского крестьянства. Юношей Сергей Симанский почти не соприкасался с крестьянским бытом, и познания его в этой области были ограничены и теоретичны.

Первое и трагическое восприятие трудной жизни русской деревни было, по его собственным словам, результатом страшных голодных лет в Восточной России. В то же время молодой Симанский в университете уже знал, что девяностые годы успели быть прозваны на Западе «веселыми годами» из-за роскоши и легкой жизни крупной буржуазии, ставших возможными для баловней судьбы благодаря росту накоплений шальных богатств.

Социальные контрасты остро волновали русское студенчество в эпоху, в которую Сергей Симанский сам был студентом. На него лично все эти явления подействовали в смысле еще большего отхода от мирских интересов в целом. Первое десятилетие сознательной жизни вызвало в нем глубокое разочарование в возможностях преодоления житейских зол и язв человечества мирскими решениями и средствами.

6. Военная служба (1899–1900). Вольноопределяющийся 7-го гренадерского полка генерала Тотлебена

Получив (4 августа 1899 года) университетский диплом, Сергей Симанский был поставлен перед необходимостью военной службы, так как его положение старшего из четырех сыновей в семье по закону обязывало его к отбыванию воинской повинности. Вместе с тем образовательный ценз предоставлял ему возможность получения известных льгот при прохождении воинской службы – прежде всего в отношении срока этой службы. Он поступил вольноопределяющимся в 7-й гренадерский Самогитский генерала Тотлебена полк (отличившийся в Балканскую войну под «третьей» Плевной в год и месяц рождения Сергея Симанского). Из-за того же образовательного ценза вольноопределяющийся Симанский был произведен в младшего, а затем старшего унтер-офицера (сержанта). Ему было разрешено отбывать службу и строевые занятия приходящим, не ночуя в казармах, и жил он в этот период у своей бабушки Анны Петровны Симанской (родители его были за границей).

В полку Сергей Симанский прослужил год. Военная служба его не тяготила, но и не привлекала: его мысли были уже заняты совсем иным.

Во время прохождения воинской службы в Москве у Сергея Симанского был родственник, избравший для себя военную карьеру. Это был его дядя (младший двоюродный брат отца Пантелеймон Николаевич Симанский) – капитан, сменный офицер и преподаватель Александровского военного училища (на Арбатской площади). Впоследствии он стал боевым генералом и членом Военно-исторической комиссии

Генерального штаба. К настроенности своего племянника-вольноопределяющегося он отнесся с удивлением, хотя и с уважением.

В 1900 году Сергей Симанский, отбыв свою службу, был уволен в запас в чине прапорщика. Осенью того же года он был принят студентом в Московскую Духовную академию.

7. Выпускник юридического факультета Московского университета Сергей Симанский – студент Московской Духовной академии (1900–1902)

Чтобы понять, как начался путь – церковный путь этой необыкновенной жизни, надо прислушаться к словам самого Патриарха. Публично он говорил об этом крайне редко. О себе он рассказывал в исключительных случаях и всегда со столь характерной для него сдержанностью и скромностью, просто и немногословно.

Публичный рассказ Патриарха Алексия о возникновении у него церковного, священнического призвания нам известен лишь один: в стенах Московской Духовной академии в Троице-Сергиевой Лавре в день празднования там памяти преподобного Никона Радонежского – 30 ноября 1962 года.

9 ноября Святейшему исполнилось в тот год 85 лет, и по своему обыкновению он пожелал отметить свой юбилей в столь близкой его сердцу Лавре, где, как мы уже отмечали, он любил проводить периоды церковного года, располагающие к особенному молитвенному и созерцательному настроению (как начало Великого поста), а также дни для него знаменательные или важные.

День своего рождения он встретил в Лавре, но когда его попросили дозволить посвятить особый день его юбилею, он избрал день преподобного Никона.

Ниже следуют слова из речи Патриарха, воспроизведенной в первом, январском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1963 год и в IV сборнике его трудов.

«Разрешите мне в ответ на приветствие сказать и свое небольшое слово, – так начал Святейший. – Сегодня Лавра Преподобного Сергия празднует в честь ученика Преподобного Сергия – преподобного Никона. Преподобный Никон являлся верным помощником Преподобного Сергия при его жизни и после его кончины стал его преемником и святым угодником Русской Православной Церкви. В этом году мы празднуем 540-летие существования древнего собора во имя Святой Троицы, создателем которого является преподобный Никон.

И вот, пользуясь этим праздником церковным, мои ближайшие сотрудники по Священному Синоду, по Лавре Преподобного Сергия и Московской Духовной академии обратились ко мне с просьбой устроить в этот день собрание, для того чтобы выразить свои добрые чувства по отношению ко мне по случаю моего 85-летия, а также и свои сердечные пожелания для дальнейшего моего служения Святой Церкви.

Вы понимаете, что довольно тяжело выслушивать похвалы и приветствия, в которых много говорится о личных достоинствах человека. Но я не считал возможным поставить преграду этому желанию, и вот результатом его явилось наше дружественное собрание в пределах Лавры, в стенах нашей Духовной Академии. Я выражаю всем здесь присутствующим и всем приветствующим меня признательность за эти добрые чувства, которые вливают в мои уже немощные силы новую энергию, и мне хочется ответить на эти добрые чувства новыми плодотворными трудами».

И в этой речи Святейший Патриарх кратко коснулся начала своей сознательной церковной жизни. «Я рад и счастлив, – сказал он, – что наше собрание, такое сердечное, происходит в стенах великой Лавры Преподобного Сергия, которая является колыбелью моей жизни как до монашества, так и в последующее время монашества.

Уже самое имя, которое мне было дано при рождении и крещении – имя Преподобного Сергия, – свидетельствует о том, что мои родители отдавали меня под покров молитв и благословение Преподобного.

Я вспоминаю с особенным чувством наши семейные поездки в Лавру к мощам Преподобного Сергия в дни моего детства и юношества. А когда я уже подросток, то я и сам предпринимал такие поездки в знаменательные дни моей жизни и всегда находил утешение у мощей Преподобного.

Здесь 60 лет тому назад Господь судил мне принять постриг монашеский в лаврском скиту. Через год, в 1903 году, я получил здесь, в соборе Святой Троицы, сан иеромонаха...

Будучи молодым юношей, во время моего обучения в лицее я находился под влиянием известного и уважаемого в Москве законоучителя протоиерея Иоанна Ильича Соловьева; я от него много слышал о Московской Духовной академии, о ее знаменитых профессорах. Мне было очень приятно знакомиться через него с духовными предметами, которые здесь проходили и которые для меня, ученика светской школы, являлись совершенно новыми.

Между прочим, у отца Иоанна был особый метод преподавания Закона Божия. Он знакомил нас с проповедями многих знаменитых проповедников и с богословскими вопросами. Среди этих творений мне особенно запомнились проповеди митрополита Московского Филарета.

Все это способствовало тому, что во мне зародилось желание по окончании лицея поступить в Духовную академию, где я мог бы получить духовное образование.

И вот по окончании высшего светского образования Бог помог мне поступить в эту Академию. Это была новая для меня среда. Здесь все преподаватели и ученики были проникнуты одним религиозным духом. Поэтому для меня особенно приятно, что настоящее наше торжество происходит в стенах этой Академии, которая в свое время была для меня приютом и дала мне так много в смысле духовного образования.

На склоне дней моих Господь судил мне из усердных послушников Преподобного Сергия стать настоятелем этой Лавры, из ученика Духовной Академии превратиться в ее начальника. Я счастлив, что Господь приводит меня к тому, чтобы все мои силы отдать на служение родной Церкви, на служение родной Лавре и на служение родной Московской академии».

В неопубликованных записях, продиктованных Святейшим Патриархом, он рассказывал: «Уже поступая в Академию в августе 1900 года, я имел намерение, о чем говорил и ректору, Преосвященному Арсению, принять монашество. На это Преосвященный мне сказал, что надо войти в церковную жизнь Академии, освоиться с условиями тамошней студенческой жизни и тогда уже осуществить свое намерение. <...>

Я мог, как окончивший высшее учебное заведение – университет, сразу поступить на II курс Академии, но Владыка, именно для того, чтобы я полнее освоил новые для меня условия жизни, рекомендовал не спешить и поступить на I курс».

Из сказанного Патриархом видно, что епископ Арсений, вступавший тогда в третий год своего ректорства в Московской Духовной академии, считал, что юному Сергею Симанскому надо было укрепиться в своем стремлении принять монашеский постриг, и находил и для себя нужным присмотреться к молодому человеку, происходившему не из так называемого духовного сословия и подготовленному полученным уже светским образованием к светской же карьере.

Епископ-ректор выяснил у родителей его, что они хотя и не противились намерению сына, но не скрывали, что раньше имели для него иные надежды и планы. Эти

обстоятельства побудили ректора проверить серьезность намерений нового студента Академии, а также расположить его к тщательной проверке самого себя.

В первый год пребывания в Московской академии Сергей Симанский жил на квартире, снятой семьей его в Сергиевом Посаде (на Московской улице), посещая лекции и все занятия в качестве приходящего студента. Духовная обстановка в Лавре и Академии и преподаваемые на I курсе предметы укрепляли в нем его стремление к иночеству, как он говорил, вспоминая это дорогое для него время, «не говоря уже о прекрасных богослужениях, совершаемых в академическом храме, где бывали постоянные архиерейские службы, а также, конечно, и в Лавре, куда я ежедневно ходил приложиться к мощам Преподобного Сергия. Так прошел первый год моего пребывания в Академии.<...>

Перейдя на II курс, я, по совету Преосвященного ректора, перешел на жительство в самую Академию. Мне была предоставлена комната в так называемом Больничном корпусе, в нижнем этаже. Со мною там жил очень благочестивый юноша, студент III курса Беневоленский, но чаще я находился там один, потому что он, как москвич, на все праздничные дни, а иногда и по болезни отлучался к родным в Москву».

Этот первый год позволил епископу Арсению, внимательно следившему за успеваемостью, прилежанием, поведением Сергея Симанского и всей его жизнью, составить себе определенное положительное мнение о своем студенте. Из этого проистекли и все дальнейшие события в жизни будущего Патриарха.

**8. Пострижение в монашество с именем Алексий
в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры
ректором МДА епископом Арсением (Стадницким) (9 февраля 1902 года).
Рукоположение во иеродиакона (17 марта 1902 года,
в Неделю Крестопоклонную)**

Приведем опять несколько его слов из фрагментарного и очень простого повествования о происходившем в его жизни в конце 1901 – начале 1902 годов.

«В декабре месяце я подал Преосвященному прошение о пострижении в монашество. Преосвященный прошение принял, но рекомендовал мне не разглашать об этом, так как ему нужно было получить на это пострижение разрешение от митрополита, и, кроме того, многочисленные мои знакомые могли до времени злоупотребить деликатностью и всячески на все лады комментировать это обстоятельство».

Надо помнить, что Сергею Симанскому, студенту II курса Московской Духовной академии, когда он подал епископу Арсению прошение о постриге, уже исполнилось 24 года.

«Довольно скоро пришло разрешение на постриг, – продолжал Святейший Патриарх, – и Преосвященный наметил самый срок пострижения, именно: в субботу 9 февраля в Гефсиманском скиту в придельной пещерной церкви. Относительно имени был разговор у меня с Владыкой. Я сказал, что предаю себя и в этом, как и во всем прочем, его воле, но что у нас в семье особо чтится святитель Алексий, митрополит Московский, имевший такое близкое духовное отношение к Преподобному Сергию, имя которого мне было дано при крещении».

Слова самого Патриарха Алексия показывают, что ко времени принятия им монашества он считал себя послушником епископа Арсения (о котором мы уже говорили), а его своим руководителем, «аввой», воле которого он предавал себя во всем. И после пострига все степени священства он получал от рукоположения того же Преосвященнейшего Арсения, в епархиях которого – Псковской и главным образом

Новгородской – он 18 лет выполнял свое служение иеромонахом, архимандритом и викарным епископом.

Поэтому нам представляется необходимым в нескольких словах обрисовать этого выдающегося и во всех отношениях замечательного иерарха Русской Православной Церкви, имя которого тесно связано с ее историей в первую треть нашего столетия.

Преосвященный Арсений (Стадницкий) был молдаванином по национальности, уроженцем Бессарабии. Родился он 22 января 1862 года. Окончил Кишиневскую Духовную академию в 1880 году и Киевскую Духовную академию в 1885 году. В 1895 году он назначается инспектором Новгородской Духовной семинарии и защищает магистерскую диссертацию на тему: «Гавриил Банулеско-Бодони, Экзарх Молдавии и митрополит Кишиневский». В 1897 году переводится инспектором в Московскую Академию и становится профессором библейской истории. В 1898 году назначается ректором Московской Духовной академии. 28 февраля 1899 года состоялась архиерейская хиротония архимандрита Арсения во епископа Волоколамского, третьего викария Московской епархии.

В этом сане и в этой должности ректора Преосвященный Арсений становится духовным руководителем – внимательным и строгим – студента Академии Сергея Симанского. Святитель Арсений был одареннейшим человеком, наделенным типичными чертами южанина, и, как он сам говорил, был бы нрава неукротимого, если бы он не сумел преодолеть его в себе.

Действительно, необыкновенная воля позволила ему выработать редкое самообладание. По природе великодушный и самоотверженный, он был взыскательным начальником, когда надо – непреклонным и суровым. По глубокому духовному и идейному влечению он с ранней молодости вступил на путь служения Церкви и вскоре превратился в исключительного церковного администратора и педагога. Сила его влияния и воздействия на учеников, сотрудников и пасомых создала ему особый престиж, который, в свою очередь, снискал ему авторитет во всем русском епископате, сделав его имя одним из самых уважаемых в иерархии Русской Церкви. И редки были архиереи, которые могли соперничать с ним по кругозору, энергии и работоспособности.

Московская Академия оставалась под управлением епископа Арсения до декабря 1903 года (когда Сергей Симанский был уже на III курсе). Преосвященный Арсений в конце того года был назначен епископом Псковским и Порховским. В это же время он был удостоен и докторской степени, представив на соискание ее исследование по истории Молдавской Церкви.

И показательный факт, свидетельствующий о его уже видной роли среди русских епископов: 8 марта 1906 года по епископским выборам он был включен в состав открывшегося «Особого присутствия» по подготовке созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви⁹. Он был возведен в сан архиепископа в 1907 году, а 10 сентября 1910 года получил одну из главных и обширнейших русских кафедр – историческую Новгородскую. Эта епархия в бытность архиепископа Арсения ее правящим архиереем достигла своего расцвета.

В этот период будущий Патриарх приобщается архиепископом Арсением ко многим начинаниям в его епархии (из которых некоторые получили в свое время всероссийскую известность) в качестве сначала свидетеля, а затем и участника. Ниже мы еще вернемся к дальнейшим событиям в жизни Преосвященного Арсения и его роли в жизни Русской Православной Церкви в ее важнейшие периоды.

Мы остановились на решении епископа-ректора назначить постриг студента II курса Московской Духовной академии Сергея Симанского на 9 февраля 1902 года в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры.

Обратимся опять к сжатому и немногословному повествованию Святейшего Патриарха, накануне дня своего пострижения с тюком монашеских одежд отправившегося в скит:

«Там духовник академической монашеской братии, иеромонах Иасон, у которого я и раньше бывал и исповедовался, принял меня с большой любовью. Мне дали келлию, я вечером исповедовался у отца Иасона и, как полагалось, стоял заутреню в скитском храме. Наутро по сугробам снега я прошел в сопровождении отца Иасона в пещерный храм и стал ожидать приезда Преосвященного и инспектора архимандрита Евдокима¹⁰, которые имели служить Литургию с монашествующими скита и Академии. В положенное время после малого входа Преосвященный Арсений совершил надо мною чин пострижения и дал для меня имя Алексий. Должен сказать, что у меня в это время было самое спокойное и радостное настроение, и я как-то без страха, но с большим утешением и благодатным настроением переживал этот переход от мирской жизни в жизнь духовную.<...>

По окончании службы, за которой я был приобщен Святых Таин, Преосвященный по чину передал меня в духовное руководство старцу Иасону и приветствовал меня речью, по окончании которой благословил меня иконой Спасителя. По чину же церковному после службы меня проводили в братскую трапезу и затем водворили для почти безвыходного пребывания в скитский храм. Около пяти суток я пребывал в этом храме днем и ночью и только на малое время удалялся в свою келлию, все время облаченный в монашеские одеяния с мантией и клобуком. Ежедневно приобщался Святых Таин. Это пребывание в храме не было для меня тягостным, так как почти круглые сутки там совершались богослужения: длинная монастырская утреня, литургия, затем вечерня. Кроме того, надо было вычитать правило ко Святому Причащению.

В день Святителя Алексия – первый день моего Ангела – меня навестил Преосвященный Арсений с инспектором архимандритом Евдокимом. Затем мой отец с бабушкой – игуменией Леонидой и братом¹¹. Отец привез мне недавно вышедший оттиск Евангелия, писанного рукою Святителя Алексия, с трогательной надписью.

На пятые сутки тем же порядком, в сопровождении не помню теперь кого из монашеской братии Академии, я вернулся в Академию, где незадолго до моего пострижения Преосвященный Арсений предоставил мне комнату в ректорской квартире¹².

Наступил Великий пост, в храме нашем совершались прекрасные службы; я, как и некоторое время еще до пострижения, продолжал за архиерейской службой быть книгодержателем у Преосвященного. На 3-й седмице поста Преосвященный мне объявил, что в Неделю Крестопоклонную, 17 марта, он меня будет посвящать в сан иеродиакона. Я ездил в скит накануне дня на исповедь к отцу Иасону, а 17-го числа совершилось самое рукоположение».

Сохранилось письмо отца Иоанна Соловьева – бывшего лицейского законоучителя и духовника, о котором говорил Патриарх (о воспитательной роли, а также о беседе которого с В.А.Симанским говорилось выше). В этом письме, которым весной 1913 года он приносил свои поздравления и пожелания епископу Алексию по случаю архиерейской хиротонии, бывший его наставник писал: «Живо, как сейчас помню маленького Сережу, который чудным голосом беседует с Богом в Шестопсалмии («Я его выучил, батюшка, хотите прочту» – слышится мне), и особенно какими-то проникновенными глазами вглядывается в то, что совершается на Святом Престоле в минуты Святого Таинства, стоя около меня с служебником и как бы очищая и горе воздымая дух мой... Многое и еще чудится мне: и коврик, и служба Святителю Алексию, и исповедь – та исповедь, когда тот же маленький Сережа сравнительно просто, со слезами на глазах сказал мне: «Мне хочется быть монахом...».

С 9/22 февраля 1902 года для мира перестал существовать двадцатичетырехлетний Сергей Симанский. Вместо него появился инок Алексей, которому Промысл Божий судил через сорок три года взойти на Московский патриарший престол.

Как мы уже говорили в самом начале настоящего очерка, хотелось бы, насколько это возможно, освещать смысл этих событий и путь всей этой жизни не при помощи сторонних оценок или какого бы то ни было домысла, которому так легко впасть в заблуждение или допускать ошибки и искажения, а при помощи суждений и слов самого Святейшего Патриарха.

Так, если говорить о его настроенности при пострижении в иночество, не лучше ли просто привести его собственное исповедание того, чем должен быть подвиг монашеский, в слове по летам молодого архимандрита, обращенном к его постриженнику иноку Серафиму (Страхову) 24 июля 1909 года в Крестовой архиерейской церкви в Туле¹³.

Архимандрит Алексей (которому тогда еще не исполнилось 32 лет) говорил новопостриженному монаху Серафиму: «После того как согласными молитвами Святой Церкви в лице освященного собора иноческого и сего с благоговейным чувством молившегося о тебе народа – и по твоей, возлюбленный брат, углубленной, от сокрушенного сердца идущей молитве – Дух Гоподень невидимым мановением коснулся твоего внутреннего, духовного существа, и благодать Божия вдохнула в тебя новые силы для несения воспринятого тобой благого ига Христова – ибо что иное, как не Божественная благодать дает силы человеку немощному, многострастному, удобопреклонному ко греху, здесь, на земле, посреди всех соблазнов и искушений во зле лежащего мира, нести подвиг равноангельской жизни, каким является житие монашеское, – словом, после всех этих могущественных действий незримой для чувственного ока, но ошутимой для верующего сердца духовной благодати, столь многообразно действующей в Православной Церкви, и только в ней, Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, себя проявляющей, – обычай церковный требует и моего немощного слова тебе в назидание и напутствие.

Приветствую тебя, боголюбезный брат, со вступлением на издревле святой, достовальный и возлюбленный путь иноческий; приветствую о совершившейся над тобой великой милостью Божией. Подлинно, нечто великое и, поскольку в этом великом проявилось неизреченное Божие милосердие, страшное над тобой ныне совершилось. <...>

Представь себе жизнь так, как живописуют ее богодухновенные песнословцы и учителя Церкви, во образе моря, волнующегося бурями; и посреди этого моря, посреди этих волн, плывут бесчисленные ладьи человеческих жизней. Всем указана одна и та же цель: доплыть до пристани, всем и пути указаны верные, безопасные; но большинство ищет простора, устремляется на широкий путь, теряет из вида конечную цель плавания, удаляется от указанных путей, а не приближается к ним – и многие погибают в волнах на широкой дороге, открытой ветрам и бурям. И вот из всего множества плывущих по морю – тебя, возлюбленный брат, Христос, Пастырь добрый, Началовождь нашего спасения, хотящий всем спастись, избирает тебя, как немощное овца, извлекает из волн и ставит на верную стезю, ведущую в тихую пристань. Правда, эта стезя тесна, и на ней есть камни, и бури бывают, но зато она верно ведет всех; и тебя приведет к пристани, если ты не будешь отклоняться от прямого пути.<...>

Путь, на котором ты ныне стоишь и по которому имеешь идти даже до смерти, есть путь особенно высокий и Богу любезный; на нем некогда стояли и подвизались те, которых апостол Павел изображает следующими чертами: «Скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 37–38).

Такими самоизгнанниками были великие угодившие Богу мужи древности, например, святые пророки Илия, Исаия, Иеремия, святой Предтеча Христов Иоанн; их подвиг изгнанничества потом приняли на себя преподобные отцы основатели иночества Антоний, Пахомий; такими же были столпы монашества, подвижничества Русской земли преподобные Сергей, Савва, Антоний, Феодосий; таким был и преподобный отец наш Серафим, имя которого сподобил тебя Господь ныне воспринять.

Взирая на весь этот святой сонм избранников Божиих, шествовавших ко спасению путем отречения от мира и его благ, подвизайся и ты, возлюбленный брат, возгревать в себе то чувство любви ко Христу, которое привело тебя на сей спасительный путь; и все более и более удаляйся от мира, всегда слящегося заглушить и подавить святые порывы христианского духа в человеке. Мир погибает от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской; и вот для борьбы с сим тройственным проявлением страсти, гнездящейся в поврежденной грехом природе человека, ты вооружил себя крепким и надежным оружием».

Далее архимандрит Алексей подробно развивал мысль о борьбе монаха с этим тройственным проявлением страсти: «Ты обещался Богу хранить девство, и этим своим обетом положил начало борьбы с похотью плоти... Похоть очес – вот еще страсть, с которой ты имеешь бороться. Ничто не должно быть твоим отселе, потому что и сам ты уже себе не принадлежишь... Наконец, противоборствуя величайшей и глубокой язве, таящейся в немощной природе людской, – гордости житейской – ты обрек себя на всецелое послушание иной воле».

Эти положения были центром сильного и проникновенного слова молодого архимандрита, который в заключение сказал своему постриженнику: «Знай, возлюбленный брат, что на жизнь иноков, на их подвиги и труды взирает не только один греховный мир, ищущий повода осудить монаха и надсмеяться над ним, но и души благочестивых, желающих видеть в добром иноческом житии себе назидание и поддержку; и вся святая торжествующая Церковь небесная, со всем великим сонмом наставников-монахов, преподобных и богоносных отцев. Проходя твое послушание пред лицом сих небесных свидетелей, к ним возводи мысленные очи, к ним простирай руки, от них ожидай небесной помощи и меньше останавливай взор свой на грешной земле с ее суетой и ее соблазнами».

Нам представляется, что в приведенных цитатах поучения архимандрита Алексия, преподанного юному монаху, постриженному через семь лет после его собственного пострига, можно ясно видеть глубокие причины ухода его из мира и найти как бы программу монашеской жизни, которую он для себя выбрал.

ГЛАВА III

СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ ОТ ИЕРОМОНАХА ДО ЕПИСКОПА (1900–1913)

1. IV курс Академии.

**Рукоположение во иеромонаха Преосвященным Арсением (Стадницким)
(21 декабря 1903 года, в день памяти святителя
Петра, Митрополита Московского и всея России чудотворца)**

Неполных два года отец Алексей пробыл иеродиаконем. Перейдя на IV курс Академии, он начал работу над дипломным сочинением на тему «Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета». Об этом сочинении мы уже говорили выше.

Осенью 1903 года Преосвященный ректор Академии уведомил иеродиакона Алексия о своем намерении возвести его в сан иеромонаха. Епископ Волоколамский Арсений был к тому времени уже вторым викарием Московской епархии и ему приходилось совершать в Москве больше архиерейских служб, нежели в первые годы ректорства в Академии.

В декабре он служил литургию в Храме Христа Спасителя. Иеродиакон Алексей был в числе сослужившего ему духовенства. Перед богослужением Преосвященный Арсений сообщил ему, что неожиданно для себя он получил из Синода определение о назначении епископом Псковским и Порховским. 21 декабря/3 января 1903 года, в день памяти митрополита Петра, вся России чудотворца, епископ Арсений совершал в последний раз богослужение в Троицком соборе Лавры. Здесь возле мощей Преподобного Сергия, состоялось рукоположение иеродиакона Алексия в сан иеромонаха. Вокруг престола новопоставленного обводил казначей Лавры архимандрит Никон (Рождественский), который десять лет спустя участвовал в сонме епископов при архиерейской хиротонии будущего Патриарха.

Первое иерейское служение отца Алексия состоялось в Чудовом монастыре (в Московском Кремле) у мощей другого великого святого, имя которого он носил, – митрополита Алексия. Ставленник Преосвященного Арсения прибыл тогда из Лавры в Москву провожать Владыку, который при выездах туда имел местопребыванием Чудов монастырь.

Иеромонах Алексей сопровождал затем епископа в Петербург. В петербургском подворье Троице-Сергиевой Лавры, на Фонтанке, где остановился епископ Арсений, последний встретился со своим предшественником по Псковской кафедре архиепископом Сергием (Ланиным)¹⁴, получившим тогда в управление одну из главных русских епархий – Ярославскую. Таким образом, у епископа Арсения оказалась ценная возможность получить исчерпывающую информацию о своей первой епархии, в которую он направлялся, и полезные братские советы от только что покинувшего ее архипастыря.

Отец Алексей был представлен архиепископу Сергию, который пригласил его сразу после выпуска из Академии посетить его в Ярославле. Пока шло обсуждение дел Псковской епархии между обоими Владыками, иеромонах Алексей, пользуясь свободными днями во время рождественско-крещенских святок, поехал в Псков, чтобы там участвовать во встрече нового правящего епископа.

Встреча Преосвященного Арсения была весьма торжественной, со всем духовенством и городскими властями, на вокзале, откуда многотысячный крестный ход направился к кремлевской возвышенности, с которой лился над городом радостный трезвон и хоровое пение приветствовало вступление нового псковского архипастыря в древнее Довмонтово городище и восхождение его по знаменитым лестницам под своды исторического Троицкого кафедрального собора.

Эта встреча осталась на многие десятилетия одним из ярких впечатлений молодого иеромонаха, которому суждено было и самому два года нести послушание и службу в этой славянской русской твердыне, некогда независимой, между реками Великой и Псковой, могучие приземистые стены соборов, башен и монастырей которой остаются по сей день чудеснейшими памятниками неповторимого северного, именно «псковского» стиля.

Сорок три года спустя отцу Алексию суждено было уже в сане Патриарха вступить под те же старинные своды псковской Троицы, окруженной огромными толпами, для освящения заминированного гитлеровцами при бегстве из Пскова и сильно

покалеченного мощного храма. Тогда еще был заложен досками местный ряд знаменитого многоярусного иконостаса, превращенный в прах миной, разрыв которой был механически тщательно приурочен к моменту отверзания царских врат. Это посещение Патриархом Алексием Пскова в июле 1946 года было последним.

Но в 1903 году отец Алексей имел возможность, как потомок псковичей, несколько дней знакомить своего епископа и наставника с его епархиальным городом и церковной жизнью, самому иеромонаху уже достаточно знакомыми по прежним посещениям Пскова и родного для всех Симанских Екатеринбургского.

По возвращении в Академию иеромонах Алексей нашел там обстановку несколько изменившейся с назначением нового ректора в лице прежнего инспектора архимандрита Евдокима (Мещерского), который в январе 1904 года был хиротонисан во епископа Волоколамского. Инспектором академии был назначен с возведением в сан архимандрита иеромонах Иосиф (Петровых), присутствовавший в свое время при постриге отца Алексея в Гефсиманском скиту Лавры.

Отсутствие авторитетного Владыки Арсения давало себя знать, правда в степени, в первое время почти неуловимой. Во всяком случае, характерно, что двум вышеупомянутым церковным деятелям пришлось сыграть впоследствии значительную роль в двух противоположных послереволюционных расколах: архиепископ Евдоким после Собора 1917–1918 годов, занимая Нижегородскую кафедру, примкнул к обновленческому расколу, был даже председателем обновленческого синода и, не имея мужества покаяться, отпал совсем от Церкви; митрополит Иосиф, назначенный было в 1926 году на Ленинградскую кафедру, возглавил названный по его имени «иосифлянский» раскол.

В сан иеромонаха отец Алексей был рукоположен, когда ему оставалось пробыть в Академии менее полугода. В эти месяцы он усердно работал над окончанием своей курсовой кандидатской работы. В учебном отношении годы, проведенные в Академии, были чрезвычайно полезны для завершения его образования. В научном отношении старая Московская Духовная академия переживала последний период своего расцвета, когда студентом ее был Сергей Симанский, в ней же ставший монахом Алексием.

В годы его обучения в Академии преподавали выдающиеся профессора, ученые труды и педагогический опыт которых снискали им известность и в русской, и в международной науке. Приведем имена тех из них, которых с особым уважением и благодарностью вспоминал впоследствии Патриарх Алексей: Иван Дмитриевич Андреев (история Византии и Константинопольской Церкви), автор биографических работ о вселенских патриархах; Алексей Иванович Введенский (философия и гомилетика), бывший научным руководителем отца Алексея при писании им кандидатского сочинения; Сергей Сергеевич Глаголев (кафедра введения в круг богословских наук), ученый широчайшего диапазона, автор целого ряда оригинальных по мысли трудов о происхождении жизни, космогонии, естествоведения, антропологии, астрономии, о Божественном Откровении и богопознании, по истории религий, религии в Китае и Японии; Александр Петрович Голубцов (литургия, церковная археология, иконография); Николай Гаврилович Городенский (теория словесности, история иностранных литератур), специалист и автор трудов по нравственному богословию и теории познания; Илья Михайлович Громогласов (история, в частности история Раскола); Николай Александрович Заозерский (церковное право), авторитетный канонист; Василий Осипович Ключевский (русская история), знаменитый историк, был избран в Академию наук через месяц после поступления Сергея Симанского на первый курс Московской Духовной академии, в которой продолжал преподавание до 1906 года (в годы учения иеромонаха Алексея (Симанского) Ключевский уже носил титул заслуженного

ординарного профессора Московской Духовной академии и Московского университета); Митрофан Дмитриевич Муретов (Священное Писание Нового Завета), один из крупнейших представителей русской экзегетики, широко известный трудами по православному герменевтике, в частности своими исследованиями учения о Логосе в древних источниках; Василий Никанорович Мышцын (Священное Писание Ветхого Завета); Василий Александрович Соколов (история западных исповеданий), слушатель первого курса Ключевского, увлекательно о нем рассказывавший студентам в первые годы столетия; Анатолий Алексеевич Спасский (общая церковная история), автор трудов по истории Византии и по эпохе Вселенских Соборов; Михаил Михайлович Тареев (нравственное богословие и гомилетика); Павел Васильевич Тихомиров (философия); Александр Павлович Шостын (догматическое и пастырское богословие, педагогика).

Перед окончанием Академии иеромонах Алексей был в числе пяти кончавших курс в 1904 году, подавших докладные записки о своем желании работать по духовно-учебному ведомству. Митрополит Московский Владимир¹⁵, видимо, имел в виду назначить его надзирателем в Заиконоспасское Духовное училище в Москве, но отец Алексей просил послать его на педагогическую работу в провинциальный город.

Кандидатская работа его о митрополите Филарете была оценена как отличная¹⁶. 21 июня 1904 года иеромонах Алексей был выпущен из Московской Духовной академии с дипломом кандидата богословия. Через несколько дней он выехал в Ярославль к архиепископу Сергию, начинавшему в тот момент канонический объезд своей епархии. Вместе с архиепископом он по Волге доехал до Рыбинска. В селе под Рыбинском находился стяжавший всероссийскую известность отец Иоанн Кронштадтский (Сергиев). Простившись с архиепископом Сергием, отец Алексей на лодке отправился к отцу Иоанну, которого сопровождал после этого на пароходе до Рыбинска. В этот день был сделан групповой снимок, которым Патриарх Алексей очень дорожил.

В конце июня 1904 года отец Алексей после краткого пребывания на берегах Волги отправился из Рыбинска поездом в Псков. В это время он побывал в родовом имении Симанских Екатерининском и в Спасо-Казанской обители, основанной там в 1897 году¹⁷.

Затем, когда он гостил на архиерейской даче на Снятной горе у епископа Арсения, Преосвященный сообщил ему, что он представил его Святейшему Синоду для назначения на место инспектора Псковской Духовной семинарии, освободившееся после перевода прежнего инспектора Ф.Л.Царевского в Нижний Новгород. Вскоре пришло сообщение об утверждении Синодом иеромонаха Алексея на этом первом его педагогическом посту.

2. Иеромонах Алексей (Симанский) – инспектор Псковской Духовной семинарии (1904–1906).

Возведение в сан архимандрита (18 сентября 1906 года, в Неделю по Воздвижении Животворящего Креста Господня)

В августе отец Алексей вступил в свою должность. Для описания псковского периода его жизни мы прибегнем к записи его собственных слов из рассказа об этом периоде, сделанного во время его морского путешествия на Кавказ в 1955 году – полвека спустя. Святейший вспоминал, что, начав работу в Псковской семинарии, он поселился в прекрасной, только что отделанной квартире инспектора. С начала учебного года ему пришлось исполнять и должность ректора семинарии, так как назначенный ректором инспектор Курской Духовной семинарии архимандрит Борис (Шипулин)¹⁸, впоследствии архиепископ Ташкентский, еще не успел приехать.

«Должность инспектора семинарии довольно сложная и беспокойная, – говорил Патриарх, – в сущности говоря, на нем лежит вся хозяйственная и воспитательная сторона. Ему приходится ежедневно с самого раннего утра (утренняя молитва воспитанников, совершаемая в церкви, бывает около 8 часов утра) и до позднего вечера, когда семинаристы отправляются на ночлег, быть на ногах. Кроме того, он являлся преподавателем Священного Писания Нового Завета в V классе, так что приходилось по вечерам, когда семинаристы уже отходили ко сну, заниматься подготовкой к урокам.

Несмотря на то, что Семинария только что пережила волнения, из-за которых и ректор протоиерей Лебедев, и инспектор Ф.Л. Царевский были переведены на другие места, и то, что наступил 1905 год, время моего инспекторства в Псковской Духовной семинарии было более или менее спокойно, так что я об этом времени вспоминаю с добрым чувством.

Семинария была небольшая, всего около 300 человек; семинаристы вообще были народ благовоспитанный, корпорация семинарии состояла из опытных преподавателей. С ними у меня сложились лучшие отношения, хотя среди них при моем 26–27-летнем возрасте я был самым младшим, причем в V и VI классах было два-три воспитанника, оказавшихся каким-то образом старше меня.<...>

Ректор архимандрит Борис был мне хорошо знаком по Академии, он в мое время был там помощником инспектора и постриг принимал почти в то же время, как и я. Таким образом, у нас с ним было много общего, много общих воспоминаний; мы оба были постриженниками Преосвященного Арсения и пользовались его вниманием к нам и покровительством. Однако отец Борис пробыл ректором Псковской семинарии недолго. Через полтора года он был назначен в Москву синодальным ризничим, а затем настоятелем Новоспасского монастыря, потом ректором Московской Духовной семинарии и, наконец, епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии. Затем мы с ним довольно продолжительное время почти не встречались. Встретились в 1933–1934 годах, когда он приехал ко мне в Ленинград, где я был тогда митрополитом, перед своим назначением в Петрозаводск.¹⁹ <...>

Кроме ректора и меня, монашествующих в семинарии был только преподаватель церковного устава иеромонах Ювеналий (Масловский), переведенный с должности члена Урмийской миссии, молодой кандидат богословия, окончивший курс Казанской Духовной академии в 1903 году. Через полтора года он был назначен настоятелем Елеазаровой пустыни Псковской епархии, которую он, любитель и знаток монашеской жизни, поднял на большую духовную высоту. С этой должности он был переведен настоятелем Юрьева монастыря в Новгороде, а оттуда в 1914 году назначен епископом Каширским, викарием Тульской епархии. Он поселился в моей квартире, и мы с ним жили весьма дружно»²⁰.

Сказанное Святейшим Патриархом отражает внешние факты его педагогической деятельности в самом ее начале и, как у него это бывало всегда, с типичной для него немногословной скромностью. Между тем хорошо известно, что молодой инспектор сразу завоевал доверие и симпатию как сослуживцев-педагогов, так и учащихся. Два года, проведенных им в Пскове, оставили в его памяти, по его же словам, «доброе чувство». Но то же чувство сохранили о нем и все, так или иначе соприкасавшиеся с ним за этот короткий период.

По своему характеру период этот мог быть, однако, весьма беспокойным. С осени 1904 года по осень 1906-го вся Россия пережила кризис, какого по объему и глубине страна ранее не знала. Духовная школа была, можно сказать, в авангарде общественного возбуждения именно в период инспекторства иеромонаха Алексия в Пскове, а,

как отметил сам Святейший, его предшественника и прежнего ректора сместили как раз перед его назначением. И сместили из-за эксцессов, имевших место в Псковской семинарии. Начинать педагогическую работу, всегда трудную, он вынужден был в исключительно нервной обстановке. Ему пришлось сразу же проявить на новом для него поприще исключительный такт. Это качество как одно из наиболее характерных своих качеств он являл в самых различных ситуациях.

И в Пскове, как и во всех местах, куда его впоследствии направлял Промысл Божий, он проявлял этот свойственный ему такт в обращении с вверенными его попечению людьми, вызывая их к себе доверие тем доверием, которое он первым сам им оказывал. Умение вызвать самых беспокойных на откровенную и искреннюю беседу сразу успокаивало горячие головы, привыкшие лишь к взысканиям, наказаниям, суровости, часто унижающей или, во всяком случае, казавшейся унижительной.

Еще одно качество иеромонаха Алексия осталось в нем на всю жизнь – это терпение. В то же время и учащиеся, и учащие видели со стороны молодого инспектора симпатию и доброжелательство к себе и к своим товарищам и коллегам. И они очень быстро поняли самую высокую черту его: покорность воле Божией.

Все это с первых шагов иеромонаха Алексия на педагогическом поприще показало, что он обладает набором таких качеств, которые делали его образцом педагога, и особенно в духовной школе.

Инспектором Семинарии в Пскове иеромонах Алексей оставался два года. Определением Святейшего Синода от 16 сентября 1906 года за 5180 он был назначен на должность ректора Тульской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита.

18 сентября епископ Псковский и Порховский Арсений совершил в силу этого определения чин возведения иеромонаха Алексия в сан архимандрита в Троицком кафедральном соборе. В Пскове за короткий срок успели привыкнуть к инспектору своей семинарии, обаяние которого привлекло к нему симпатию и уважение не только в церковных кругах. Связанность всего рода Симанских с Псковской землей сразу расположила псковичей признать его своим, и они искренно сокрушались при столь быстром расставании с отцом Алексием.

Покидая Псков, новопоставленный архимандрит Алексей, которому тогда было 28 лет, вступал уже в возраст зрелой самостоятельности, будучи убежденным, сознательным монахом и ответственным педагогом, с очевидным успехом справившимся с пусть и кратковременной, но напряженной работой. И он впервые покидал знакомую обстановку, где веяло еще связью с семейным прошлым и родней. До тех пор он знал Москву, Сергиев Посад с его Лаврой и Псков.

Выезжая в Тулу из родного ему Пскова, молодой архимандрит начинал долгое – длившееся две трети века – паломничество на поприще апостольском. На этом поприще Промысл Божий судил ему сперва жребий учительства, на котором ему пришлось отдать всю меру своих воспитательных способностей в среде юных, а через пять лет – начало особенно трудного епископства, духовное бремя которого он будет призван ощущать на раменах своих без малого – без нескольких дней – 57 долгих лет. И через четыре десятилетия увенчание этого пути – патриаршество.

Весьма характерно для будущего Патриарха всяя Руси публичное исповедание готовности нести «собственный жизненный крест» при расставании с Псковом, с его семинарией после двухлетней напряженной и всепоглощающей воспитательной работы и на пороге еще неведомого шествования на раз и навсегда избранном поприще. Поприще это рисовалось ему как его крестный путь. И никогда в дальнейшей жизни он не говорил об этом с такой конкретной отчетливостью, как в этот для него перелом-

ный момент в Пскове, откуда он в духе сознательной и самостоятельной готовности выходил навстречу великим ветрам XX столетия.

20 сентября 1906 года, через четыре дня после назначения ректором в Тулу, отец Алексей в прощальном слове сказал: «Я не знаю, что меня ожидает в будущем, как я понесу возложенное на меня Промыслом Божиим новое трудное послушание. Но я хорошо знаю, что путь, на котором стою я, есть путь нарочито крестный.<...>

Знаменательными для меня представляются обстоятельства, при которых я на самых первых порах призван был к служению церковному. Ровно пять лет назад, когда я был светским студентом Духовной академии и только мечтал о монашестве, как о чем-то отдаленном и лишь возможном в будущем, я в первый раз благословлен был Владыкою облачиться в одежду клирика – в канун праздника Воздвижения Честного Креста. И тогда я понял, что это не есть случай, а есть особое указание Промысла Божия на то, что путь, к которому я стремлюсь, есть путь нарочито крестный.

В следующем году, когда я был уже облечен в сан инока, рукоположение мое во диакона должно было совершаться в начале Великого поста, но маловажное, по видимости, обстоятельство побудило отложить посвящение, и оно совершилось в Неделю Крестопоклонную. Тогда и Владыка отметил мне в своем ко мне поучении, что это не есть случайность, а есть вторичное напоминание мне о том, что путь, на который я решительно вступил, есть путь нарочито крестный. <...>

Наконец, теперь, когда милостивым изволением Божиим я возношусь на степень чести в чине церковном и вместе с тем расширяется область моего служения Святой Церкви, все сие совершается именно в те дни, когда Святой Церковью износится Святой Животворящий Крест для напоминания каждому о собственном жизненном кресте. А для меня это снова не есть случайное совпадение, а есть еще новое указание Промысла на то, что и путь чести, и путь широкого действия есть путь нарочито крестный. Так я смотрю на свое служение. Так я смотрю на свое назначение»²¹.

3. Архимандрит Алексей – ректор Тульской Духовной семинарии (1906–1911)

Вновь посвященный архимандрит прибыл на место своей новой работы и жительства в Тулу 1 октября, в воскресный день. Поэтому с вокзала он проехал прямо в семинарский храм, где после молебна вышел в мантии на солею и обратился к преподавателям и ученикам семинарии со Словом, которое мы и воспроизводим в большей его части:

«Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Рим. 1, 7). Ничем лучшим, как сим апостольским призыванием благодати и мира, не могу я приветствовать вас, честнейшие братья сослужители, и вас, возлюбленные, Богом врученные мне чада! Ибо что может быть драгоценнее благодати Христовой и вожделеннее мира, который подается от Бога Отца? И обилие этих именно благодатных даров я вам усердно от Господа призываю и сим призыванием предначинаю мое общение с вами, к которому отныне неисповедимые судьбы Божии привязали меня благими и священными узами. Со смущением внял я званию моему, со страхом принял я жребий своего служения, ибо не видел и не знаю в себе ни знания достаточного, ни опыта, ни разумения, ни сил духовных. Но по званию христианина, по званию инока, я не дерзаю входить в рассуждение судеб небесных. В сознании своей немощи я смиренно предаю себя в водительство Божие и молитвенно уповаю, что Господь совершит силу Свою в немощи нашей к назиданию и пользе врученных нам чад. <...>

Призываю Божие благословение на обновившееся лето учебное, да будет оно для нас мирным, да будет оно светлым. Божественная мудрость, от Ипостасной Премудрости Божией истекающая, обитающая в этом святом храме²² и простирающаяся от него на весь вертоград наш духовный, да изливается обильным током на вас. Слово Христово, которое есть основание премудрости, да вселится в вас богато (Кол. 3, 16). Обращу на мгновение внимание ваше на сие пожелание апостольское, ибо в нем вы можете узреть для себя правило к доброму прохождению пути учебного, на коем ныне стоите. Приметьте: святой апостол требует, чтобы Слово Христово вселилось в нас. Это значит, что мы должны Слово Христово иметь постоянной мыслью в уме, господствующим желанием в сердце, руководящим началом в воле. Внемлите же сему, возлюбленные чада, достойно ходите звания вашего, внимайте со всем усердием Слово Христову, приложите к изучению его весь ум, все сердце, всю волю вашу; и тогда оно, это Божественное, премудрое Слово, не уедлит вселиться в вас богато, по мере усердия вашего, и процвести в плод сторичный. Потщитесь на великой ниве Церкви собирать семя жизни хотя бы малыми зернами, и их довольно будет, чтобы засеять малую духовную ниву каждого. Храните страх Божий, который есть «начало премудрости». Не забывайте молитвы, которая есть дыхание благодатной жизни. Вы увидите – она отдаст вам более, нежели молвящий о мнозе разум со своими мудрованиями и внешним неглубоким знанием. Земное учение не может быть успешным, если не будет помощи от Небесного Учителя, ибо «Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум» (Притч. 11, 6). К Нему возводите взор ума вашего; к Нему простирайте воздыхания сердца, когда приступаете к учению, когда вас постигают скорби, столь нередкие в течение жизни учебной; к Нему, наконец, обращайтесь благодарное сердце, когда разумеете учение, когда обретаете успех. Наипаче же храните чистоту и непорочность сердца, дабы в него без препятствия мог проторгнуться свет Слова Божия. <...>

Радуюсь, что первое мое общение с вами происходит в святом храме нашем, который есть сердце духовное школы нашей; утешаюсь, что оно происходит в день Покрова Пресвятыя Богородицы. Верую, что это есть не случай, а есть милостивое указание Божие на то, что Матерь Божия будет нашей Небесной Покровительницей. Да освящает и просвещает нас это снисхождение благодати! Премудрость Божия да наставляет нас на всякое благое дело, да укрепляет вас в разумении мудрости церковной, Божественной. Покров Царицы Небесной да покрывает вас и нас выну, и все мы – и начальствующие, и учащие, и учащиеся – да совершаем вкупе каждый дело свое со тщанием и страхом Божиим; да разумеваем, по слову святого апостола, друг друга в поощрении любви и добрых дел, – друг друга тяготы носяще, друг друга подвизающе (Евр. 10, 24–25)».

В Туле архимандриту Алексию суждено было пробыть пять лет. За эти пять лет ректорства он приобрел значительный опыт, руководя самостоятельно одним из крупных учебных заведений дореволюционной России со многими сотнями учащихся (Тульская семинария была вдвое больше Псковской). За время этой продолжительной работы, в условиях далеко не простых, архимандрит Алексей не только возмужал, но и развил редкие способности, которыми он был богато одарен с юности как человек, как монах, как педагог, как администратор.

Сам Патриарх Алексей говорил впоследствии, что после скромного опыта в Псковской семинарии, несмотря на объем и интенсивность инспекторской работы, продолжительный период ректорства в Туле вооружил его неизмеримо большим знанием человеческой души и человеческих отношений, руководства людьми и подхода

к ним. И то, что мы отмечали, говоря о псковском периоде в жизни и деятельности будущего Патриарха, еще более относится к периоду тульскому: время с 1906 года до 1911-го было чрезвычайно сложным в истории дореволюционной русской педагогики.

В стране только что отгремели события революции 1905 года, как мы уже сказали, сильно отразившиеся на русской школе того времени и на духовной школе в частности. Можно даже уточнить: в особенности на духовной школе. И в этом не было никакого парадокса. Сыновья русских православных священников в силу социально-юридического положения духовенства как «духовного сословия» были принуждаемы старыми законами учиться в существовавших для этого сословия училищах, какими и были семинарии. Но ниоткуда не следовало, чтобы у сыновей священников непременно возникало или вырабатывалось призвание к священству. Из этого несоответствия между множеством семинаристов и «профилем» их школы, для них юридически обязательной, возникло недовольство получаемым образованием, в пропорции и процентном отношении значительно превосходившее все, что могло наблюдаться в любой светской школе.

В семинариях особенно возникало немало крайних нигилистов и анархических течений, и в революционное время семинарская среда естественно переживала брожение, часто в весьма острых формах. Дело доходило в некоторых местах до террористических актов, вплоть до убийства ректоров.

Об этой стороне прежней семинарской действительности более трех десятилетий спустя говорил сам Патриарх Алексей²³: «Прежняя духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава! Из нее вышел целый сонм святителей, пастырей, ученых богословов, скромных, но трудолюбивейших работников на всех поприщах церковной, государственной и общественной деятельности.

Ее прошел святитель Тихон Задонский, святитель Филарет, митрополит Московский, преосвященные Иннокентий и Никанор Херсонские, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский; такие светила богословского знания, как ректор Московской Духовной академии протоиерей Александр Горский, профессор-протоиерей Голубинский, профессор Болотов, профессор Н.Н. Глубоковский и многие, очень многие труженики богословской науки, и такой выдающийся государственный деятель, как граф Сперанский. Наконец, из духовной школы вышел и наш Святейший Патриарх Сергей, крупная величина как богословский мыслитель и духовный писатель...

Но, как и все в этом земном мире, и духовная школа при всех своих огромных достоинствах имела и слабые стороны. Слабой стороной прежней духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная; она имела задачей дать возможность духовенству – сословно в общем бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям; другой ее задачей было создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника или диакона или псаломщика имел склонность к пастырскому служению, к тому, чтобы следовать по стопам своих отцов и предков; и от этого получалось, что такие подневольные питомцы духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон их церковного настроения».

Приведенные слова Святейшего Патриарха Алексея, сказанные через треть столетия – срок во всякое время большой, но в то время, когда они были сказаны, поистине огромный в связи с происшедшими историческими и психологическими изменениями – после его собственной работы в русских духовных школах заслуживают особого внимания современников. И они, слова эти, проливают значительно более

яркий свет на трудности, с которыми самому Патриарху в бытность его профессиональным, если можно так выразиться, работником духовной педагогики, приходилось постоянно, годами сталкиваться.

На втором году своего ректорства в Туле архимандрит Алексей получил ценную для него поддержку от нового тульского архиерея – епископа Парфения (Левицкого)²⁴, впоследствии архиепископа Переяславского и Полтавского, бывшего вторым викарием Московской епархии в годы пребывания отца Алексея в Московской Духовной академии.

В бытность свою викарным епископом в Московской епархии Преосвященный Парфений много и интенсивно занимался духовно-педагогической работой и способствовал подъему церковных училищ на более высокий уровень в общепархиальном масштабе.

Сотрудничеству с таким признанным специалистом в области духовного просвещения архимандрит-ректор искренно радовался. Ему выпала честь приветствовать по прибытии епископа Арсения в тульском кафедральном соборе от имени его новой епархии. В своей речи архимандрит Алексей вспоминал родную Москву: «Нам дорого то, что начатком архиерейского служения твоего Церкви Божией судил Бог быть в самом сердце Православной Руси, в близкой и дорогой сердцу каждого русского христианина святой Москве, где созидалась, росла и крепла духовная мощь наша, где нетленно почивают великие собиратели и печальники земли Русской – святители Петр, Алексей, Иона, Филипп, Преподобный Сергей, преподобный Савва и другие святые угодники Божии, которые, изливая окрест себя благоухание святости, как будто особенно простирают благословение на тех, кто является продолжателями их подвига и нуждаются в родной для них и близкой Московской земле».

За время, проведенное отцом Алексием в Туле, его прежний руководитель епископ Арсений был возведен в сан архиепископа, затем переведен в Новгород и привлечен к делам центрального церковного управления – работе Святейшего Синода и его административных органов. Ему пришлось возглавить Учебный комитет Синода, но главное, архиепископ Арсений сотрудничал с архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским), будущим Патриархом, в подготовке материалов по преобразованию высшего церковного управления Русской Церкви (в целях восстановления патриаршества) и правового положения ее в государстве (в целях упразднения зависимого, «служебного» положения, создавшегося в синодальный период вынужденного состояния Церкви в качестве государственного ведомства).

В конце 1911 года митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому), до самой кончины бывшему Первоприсутствующим членом Святейшего Синода, при энергичном содействии обоих архиепископов, удалось добиться разрешения государственной власти на возобновление подготовительной к созыву собора работы²⁵.

Предвидя значительную поглощенность свою этой работой, архиепископ Арсений спешил привлечь к руководящему участию в жизни своей Новгородской епархии архимандрита Алексея Симанского. Это и привело к определению Синодом от 6 октября 1911 года за №7611, которым ректор Тульской Духовной семинарии архимандрит Алексей перемещался на «таковую же должность в Новгородскую Духовную семинарию и вместе с сим назначался настоятелем монастыря преподобного Антония Римлянина».

Мы имеем счастливую возможность привести тут в ряде документов оценку, данную в свое время преподавателями и воспитанниками Тульской семинарии педагогической деятельности своего ректора после важного для него пятилетнего этапа в его жизни в ставшей для него родной Туле.

Перед отъездом архимандрит Алексей был приглашен на собрание, устроенное для его проводов учащимися Семинарии. По поручению старшего класса первым выступил с речью семинарист Владимир Петропавловский (которого мы уже процитировали выше), обратившийся к уходящему ректору со словами: «В сей печальный для нас день разлуки с Вами позвольте нам выразить те мысли и чувства, которые невольно просятся наружу. И прежде всего позвольте от всей души и сердца поблагодарить Вас за пятилетнее служение делу воспитания юного поколения нашей Семинарии. Позвольте поблагодарить Вас за те чувства и особую настроенность, которые Вы неизменно сохраняли в своем обращении с нами. Все воспитывавшиеся и воспитывающиеся при Вас и особенно мы, воспитанники теперешнего VI класса, современники и свидетели Вашей деятельности в родной нашей Семинарии, глубоко скорбим о Вашем уходе... Мы так привыкли, так искренно привязались к Вам, так полюбили Вас за Ваши необычайно-прекрасные отношения к молодой нашей чувствующей душе!<...>

Вы поступили к нам в 1906 году, именно тогда, когда в духовной школе особенно чувствовалась нужда в хороших начальниках, наставниках и руководителях. И настоятельная нужда нашей Семинарии была удовлетворена. Благое Провидение снизошло к нам: Вы были назначены начальником и прямым воспитателем в нашу Семинарию. Я помню, что взоры наши с нетерпением были обращены на Вас, нам хотелось знать, каков Вы? Как придется жить с Вами в это тягостное, беспокойное время?

С первых же дней Вашей жизни у нас в Семинарии Вы разрешили наши ожидания и томления в положительном смысле. В Вас мы сразу нашли приветливого, отзывчивого на все наши юношеские запросы начальника и доброго воспитателя – человека. Все почувствовали себя облегченными и начали трудовую сознательную жизнь под Вашей молодой и легкой рукой. И тишина и спокойствие этой жизни очень редко нарушались какими-либо выступлениями отрицательного характера: молодежь стыдилась злоупотреблять Вашим доверием и сердечным расположением к ней. А если когда и были известного рода неприятности, то Вы, зная свойственную молодому возрасту пылкость и нерассудительность и заботясь о добром имени нашей Семинарии, относились к таким явлениям как к случайным и поступали всегда мягко, с уступчивостью и осторожностью, убеждая нас в сохранении престижа Семинарии, не употребляя суровых мер наказания, но вразумляя непокорных отеческим словом увещания, обнаруживая тем самым свою снисходительность и любовь к нам. Такое отношение обезоруживало нашу горячность, самая Ваша молодость приятно и успокаивающе действовала на нас. <...>

В нашей частной жизни Вы постоянно шли навстречу нашим желаниям, неизменно сохраняя все то же отношение к нам... Отличительной чертой Вашего характера была простота обращения с каждым из воспитанников, и это-то Ваше качество запечатлеется в нашей памяти на всю жизнь. Вы так бережно обращались с душой каждого, боясь излишней суровостью запугать ее, оттолкнуть от себя.

В продолжение Вашей пятилетней службы в родной нашей Семинарии Ваше внимание и деятельность всецело были направлены к выработке добрых навыков, высочайших чувств и взглядов в ее среде.

Глубоко и сердечно благодарим Вас за ту теплоту, которую Вы внесли в нашу жизнь, и сохраним навсегда воспоминание о проведенных годах в этой Семинарии под Вашим исполненным радушия, простоты, отеческой любви и заботливости руководством...»

Жизнь Святейшего Патриарха Алексия была продолжительна. Текстов, которые иллюстрируют эту долгую жизнь, посвященную служению Русской Православной

Церкви, к сожалению, не так много. Но и из имеющегося материала недостаток места не позволяет нам приводить слишком длинные цитаты.

Однако, как мы уже отметили, тексты, относящиеся к тульскому периоду жизни и деятельности Святейшего, особенно интересны тем, что в них сохранились характеристики его и отзывы о его духовных и нравственных качествах, дававшиеся людьми, долго и близко с ним соприкасавшимися. Поэтому на этом пятилетнем периоде – сложном и по создавшейся общей обстановке напряженнейшем, требовавшем от молодого архимандрита Алексия особой чуткости и крепости духа, – мы останавливаемся по возможности подробнее.

Для пятилетнего тульского этапа на жизненном пути Патриарха (когда ему было от 29 до 34 лет) характерно то слово «человек», которым люди разного возраста и положения пользуются для оценки его душевных качеств. И особенно показательно для той эпохи – начала второго десятилетия нашего века, – что этим словом «человек» воздавали хвалу архимандриту Алексию юноши, кончавшие Семинарию, в самых ответственных классах которой они только что провели пять лет под его «легкой рукой».

Вот еще выдержка из речи семинариста Вениамина Глаголева, произнесенной на том же прощальном собрании в Туле: «Сказанное Вам моими товарищами просится и мне на уста: то, что вылилось из их сердец, не могу не подтвердить от всего сердца и я. Ваше отношение к нам было всегда только хорошим, добрым, сердечным. В своих отношениях к нам Вы были прежде всего человеком, а не начальником и учителем, почему между нами не чувствовалось той преграды, которая так часто разделяет учащихся и учащихся и создает атмосферу взаимного недоверия, тормозящую – если не более – дело воспитания. Пусть же смолкнет голос, пусть заградятся уста каждого, кто дерзнул бы упрекнуть Вас в чем-либо, пусть никто не скажет, пусть никто не подумает, что Семинария не смогла оценить своего руководителя!»

Мы, пять с лишком лет проучившиеся в стенах нашей родной Семинарии, мы – свидетели тому, что Ваше отношение к нам было простым и добрым, а потому и деятельность – плодотворною. За это человеческое отношение к нам мы и благодарим Вас здесь теперь, в прощальный час. Кланяемся уму, кланяемся сердцу, кланяемся человеку, прежде всего, и более всего – человеку.

Как знак нашего доброго отношения к Вам, как заверение нашей искренней любви и глубокого уважения к Вам, мы просим, Ваше Высокопреподобие, принять от нас сей образ Спасителя».

На следующий день, 17 октября, для прощания со своим ректором собралась в присутствии епархиальных архиереев – архиепископа Парфения и его викария епископа Евдокима – корпорация преподавателей Семинарии. Инспектор М.И.Павлушков в своей речи сказал: «Труд Ваш на новом месте Вашего служения для Вас должен быть легким. Да и не нов для Вас этот труд. Пять лет несли Вы его среди нас, для здешнего Тульского края, в условиях поначалу не совсем обычных, изобиловавших неожиданными, подчас и немалыми трудностями. В управление Тульской семинарией Вы вступили в ту пору, когда Духовная наша школа повсюду едва только начинала оправляться от пронесшейся над ней бури, многое в ней возмущившей, потревожившей, сдвинувшей с места. Школу приходилось в те дни собирать почти сызнова. И для этого нужен был труд решительного и вместе осторожного, уверенного в себе, но и готового верить другим, твердо, но и мирно настроенного руководителя. Таким и был здесь Ваш труд за все эти годы. Не заносчивым, властным и жестоким распорядителем вошли Вы в обширную и сложную область врученного Вам педагогического дела. С полным и открытым доверием отнеслись Вы тогда к новым Вашим сотрудникам, с истинным доброжелательством – к новым Вашим питомцам.

С первых дней совместной с Вами службы все мы почувствовали себя вполне свободными членами нашей служилой семьи, каждый из нас мог вносить в общее дело свою долю разума и строительства. Так понемногу налаживалась соединенными силами внутренняя жизнь растревоженной школы, и при счастливо объединявшейся Вами и потому дружной работе здесь не могло быть места грубым промахам, непорочным ошибкам. <...>

Ваше простое, сердечное, чуждое и тени суровости обращение с учащейся у нас молодежью уже нашло себе оценку и отклик. Не далее как вчера многим из нас пришлось быть непосредственными свидетелями живого и светлого подъема добрых чувств в наших юношах, их хорошего одушевления. И крепла мысль, что на возделывавшейся Вами ниве духовной такие настроения залегли глубоким пластом, а при этом не страшны школе никакие испытания».

Один из преподавателей Тульской семинарии, П.И.Малицкий, подчеркнул со своей стороны «поразительную простоту», которой отличалось отношение ректора архимандрита Алексия к подчиненным. Он сказал, что корень и основа воспоминаний, которые оставит архимандрит, «заключаются в личных, индивидуальных свойствах его духа». «Вы не подходили под категорию тех начальников, которые слишком ярко подчеркивают свой начальнический авторитет, – говорил он, – тех начальников, которые слишком резко проводят демаркационную линию между собой и подчиненным элементом, слишком властно, наконец, предъявляют свои требования к учебному заведению, не считаясь ни с условиями данного момента, ни с настроением учащейся молодежи, способной иногда, по увлечению, выступать за рамки дисциплинарных требований. Ваши отношения к подчиненным отличались поразительной простотой. Прибыв в Тулу в качестве начальника Семинарии, ступив на семинарскую почву, Вы вытолкнули из-под своего подножия начальнический пьедестал и явились в нашу корпорацию как старший ее товарищ-сослуживец. У Вас установились самые близкие, самые дружественные отношения к корпорации. На всех Ваших отношениях лежал отпечаток высокого благородства. Свои распоряжения Вы выражали в форме пожеланий ради пользы общего дела. Поверьте, Ваше Высокопреподобие, что мы высоко ценили эти отношения; поверьте и тому, что такими отношениями Вы легче и скорее достигали цели... Дело делалось не за страх, а за совесть. Стыдно было бы кому-нибудь из Ваших сослуживцев не ответить встречным желанием на Ваше желание, когда оно выражалось в такой мягкой, деликатной форме».

«Эти качества Вашего духа настолько в Вас естественны, – восклицал сослуживец архимандрита Алексия по Тульской семинарии, – настолько Вам присущи, настолько составляют специфические свойства Вашего духовного склада, что они подмечены не нами только: они подмечены и по достоинству оценены учениками. Вчера мне пришлось прослушать речи трех юных ораторов, сказанные Вам при прощании с Вами. В них они выражали обычные в этих случаях благопожелания, но замечательно, точно сговорившись, они оттеняли, подчеркивали в своих речах именно то, на чем остановил свое внимание и я. Они горячо благодарили Вас за простоту, искренность и сердечность в отношениях к ним. Они, выражусь словами одного из ораторов, «кланялись Вашему доброму сердцу, кланялись Вам как ректору – человеку, и прежде всего человеку».

Ваше Высокопреподобие! Такие отношения к учащейся молодежи в смысле воспитательном имели громадное значение... И я смело могу сказать, что многие из Ваших учеников, по выходе из семинарии, когда им придется устанавливать свои отношения с другими и создавать себе положение в обществе, вспомнят своего доброго,

благородного отца ректора и постараются обосновать свой авторитет и уважение к себе не на ходоульных устоях дутого самолюбия, не на подчеркивании своих личных достоинств, хотя бы таковые действительно и были налицо, а на тех свойствах Вашего духа, которые они видели и оценили и за которые так горячо, сердечно Вас благодарили».

Эту свою речь П. И. Малицкий окончил пожеланием, чтобы Тульская Семинария вскоре могла послать архимандриту Алексию приветствие и выразить ему пожелание «многих лет здравия» в форме греческого многолетия «исполла эти, деспота!»

Это желание осуществилось меньше чем через полтора года.

На прощальном собрании корпорации говорилось еще много речей. Все они были в том же духе. Выступали преподаватели Д. И. Скворцов, С. И. Покровский, Г. В. Любомудров, М. Н. Руднев, М. И. Владимирский, А. И. Краснопевцев, Н. С. Глаголев, М. М. Чубаров.

Г.В.Любомудров напомнил, что за годы пребывания в Туле ректор выполнил наставления, данные ему епископом Арсением Псковским, возводившим его в сан. При вручении ему архимандритского жезла Преосвященный Арсений напоминал, что в этом жезле ему надлежит видеть не только знак власти, но и знак пастырского попечения о своей пастве – о всех ее нуждах, духовных и вещественных. Архимандрит Алексей и заботился всегда не только о духовной жизни своих тульских пасомых, но и о материальном благосостоянии их всех – учащихся, учащихся, служащих.

Представитель от тульского духовенства отец М.М.Зверев, также работавший при семинарии, выразил восхищение неизменной учтивостью и деликатностью архимандрита Алексея, по рождению и воспитанию принадлежащего к той светской среде, «где слова и поступки человека должны сообразовываться с требованиями эстетики» и «где привычка к этому прививается с раннего детства», «с первых проблесков самосознания». Но это же требование должно быть свойственно и христианской этике, «и не потому только, что всякое проявление неблагообразия, всякое нарушение чина корбят наше эстетическое чувство, но еще более потому, что служат явным признаком нравственной неуравновешенности, неустойчивости и незрелости тех, кем это допускается. Наши дети в Вас, Ваше Высокопреподобие, видели живой образец строго выдержанной корректности, располагающей обходительности и чарующего изящества, которые естественно обнаруживались у Вас всегда и во всем: и в домашнем Вашем быту, и во внеклассном общении с воспитанниками, и в занятиях с ними на уроках, и в отправлении церковного богослужения, и в произнесении Вами речей как с церковного амвона, так и в общественных собраниях.

На впечатлительную юношескую душу добрый пример действует неотразимее слова, и мы верим и надеемся, что Ваше ректорское служение в нашей Семинарии не пройдет бесследно, что Ваши питомцы усвоят себе в жизни те черты Вашего внешнего облика, которые так влекли к Вам не только епархиальное духовенство, но и все интеллигентное тульское общество».

Еще один преподаватель Семинарии А.И.Краснопевцев, выступавший от корпорации Тульского епархиального женского училища, говорил, что «посещение отцом ректором всегда оставляло в училище самые светлые воспоминания, чему много способствовали присущие его личности простота и естественность, деликатность и благородство в обращении со всеми без исключения... За Вашу гуманность, за уважение к личности другого, за то, что «на чреде высокой Вы не забыли святейшего из званий – человек», – за все это сердечное спасибо Вам не только как ректору, но и как человеку».

После приведенных обильных выдержек из высказываний многочисленных людей, постоянно соприкасавшихся и сотрудничавших с архимандритом Алексием в

годы его пребывания в Туле, обратимся еще раз к нему самому и к его духовному настроению, в котором он покидал этот старинный среднерусский город.

16 октября 1911 года архимандрит совершил в семинарском храме последнюю Божественную литургию, после чего обратился к своим сослуживцам и питомцам с прощальным словом, из которого надо также воспроизвести несколько выдержек. Эти цитаты покажут, при сравнении со сказанным им за пять лет до того при приезде в Тулу, характерное для него единство линии на избранном им церковно-педагогическом поприще и в то же время позволят судить о степени понимания им своей пастырской и наставнической ответственности за вверенные его попечению и руководству души.

«В последний раз совершил я во святом храме нашем божественную службу, – сказал он, – и принес здесь Господу Богу Бескровную Священную Жертву о вас, возлюбленные братие, о всех живущих и труждающихся в честном доме сем, о спасении и помощи со тщанием и страхом Божиим и верою несущих подвиг под небесным благословением Ипостасной Софии, Премудрости Божией, осеняющей храм сей, и дом сей, и всех вас, моих возлюбленных о Господе братий и чад.

Изволением Премудрого и Преплагаго, но неведомого для земнородных Промысла Божия мне указан новый путь и новое место служения: и прерывается ныне союз, соединявший меня с вами; и наступает время разлуки. Время разлуки, когда нарушается союз, укрепленный многими годами общей работы, взаимной помощи, взаимного служения, общими молитвами, почти постоянным совместным пребыванием, – бывает обычно на земле самым тяжелым и трудным временем. Это есть как бы смерть для данного места, для данных людей. И я теперь как бы преждевременно умираю для вас, с которыми до сего дня у меня было так много общего, так много для обеих сторон дорогого и святого. Это есть поистине тяжелая и скорбная минута.<...>

Но особенно тяжело и вызывает на многие размышления сознание, что перед Богом «в день он» надо будет воздать ответ за всех вас, вверенных моему духовному водительству чад. Как исполнялся и довершен ли до конца подвиг, на меня возложенный? Могу ли я тогда сказать Всеведущему Судии: «Егда бех с ними в мире, аз соблюдах их во имя Твое; ихже дал еси мне, сохраних...» (Ин. 17, 12)? Могу ли быть уверенным, что чада моя ходят в вере и что служат Истине? Могу ли я тогда дать ответ непостыдный о вверенном мне стаде?

Эти мысли и многие другие подобные думы стоят предо мною ныне, когда пришел конец моему деланию здесь, среди вас. Подобные же мысли, быть может, и ваши сердца теперь волнуют; и вы теперь, может быть, спрашиваете свою совесть, делали ли вы все, что надо было делать, были ли ваши сердца открыты, были ли они чисты?

Господь, не только внешние дела видящий, но зрящий и на сердца и ведающий самые сокровенные помыслы, намерения и желания наши, да воззрит милостиво на наш союз, который Ему угодно было сотворить и который Он ныне волей Своей прерывает; и да будет Он нам милостивым Мздовоздаятелем по делам нашим!

Но не для того Господь здесь, на земле, соединяет людей крепкими узами, чтобы внешние обстоятельства, или расстояние, или видимое разлучение могли их порвать или ослабить, а для того, чтобы любовь о Христе была вечно живою силою, духовно объединяющей и связующей не только в жизни сей, но и в будущей. И наш союз мира и любви не должен быть разрушен».

«Моя любовь к этому святому храму, – продолжал архимандрит-ректор, – где столько принесено мною смиренных молитв, к сему месту, в котором благословлено мне было Господом трудиться, и к вам, моим братьям и друзьям, я понесу в сердце к подножию алтарей Церкви Новгородской, ко гробу преподобного и богоносного отца

нашего Антония, в святой обители которого указан мне жребий; и где бы я ни был, и сколько бы времени ни прошло, я не забуду вас и сохранию ту истинную Христову любовь, которая, по словеси апостола, «николиже отпадает».

Пять лет назад с этого самого священного места, в первый день моего вступления в вашу среду, в день Покрова Пресвятыя Богородицы, я призывал помощь и Покров Владычицы этому духовному вертограду, и себе, и вам, и нашему общему служению. И теперь свидетельствую, что Матерь Божия не оставляла нас без Своей Небесной помощи.

И ныне, отходя от вас, я вручаю Вас Ее благому водительству и прошу вас отпустить меня с миром. Простите меня, если я кого чем обидел, или о ком пренебрег, или кому невольно досадил. Призываю Божие благословение на ваш подвиг учебный, да сотворит Господь вас добрыми и верными Своими слугами. Любите вашу школу и ваше учебное дело; неленостно подвизайтесь и с любовью «со страхом и трепетом свое спасение содевайте» (Флп. 2, 12). Прилежите молитве и святому храму. С усердием, со страхом, и верою, и благоговением творите в нем великое дело службы Божией. Пойте Богу разумно, от всего сердца. Поминайте наставников ваших; помяните и меня, единого от них, в ваших молитвах. Помолитесь и ныне со мною, да благоуправлен будет путь мой, да в мире теку на новое, указанное мне Промыслом Божиим место, да будет благословенно и мое вхождение, и мое исхождение.

«Бог же мира... да совершит вы во всяком деле блазе, сотворити волю Его, творя в вас благоугодное пред Ним Иисус Христом: Ему же слава во веки веков. Аминь» (Евр. 13, 20–21)».

Так закончился тульский период в жизни и деятельности будущего Патриарха Алексия.

4. Архимандрит Алексей – ректор Новгородской Духовной семинарии, настоятель монастыря преподобного Антония Римлянина (1911–1913)

Когда архимандрит Алексей обосновался в Новгороде, где он впоследствии прожил около десяти лет (и куда через десятилетие возвращался еще на семь лет), Новгородская епархия занимала обширное пространство в приозерном крае дореволюционной России. Новгородская губерния по своей площади превосходила более чем в два раза площадь нынешней Новгородской области. Ныне крупнейшие уезды старой губернии – Устюжский, Череповецкий, Кирилловский и Белозерский отошли к Вологодской области, Тихвинский – к Ленинградской. А в древности, до падения новгородской вольницы, пределом Новгородской епархии на северо-востоке была Печора, да и после подчинения Новгорода Москве границей ее все еще оставалась Северная Двина. На севере пределом ее был Ледовитый океан – Белое и Баренцево моря. На северо-западе – река Печенга, почти у Нордкапа, и от нее прямая линия до восточного угла Ладожского озера к устью Невы.

Но и в начале второго десятилетия нашего века Новгородская губерния (а следовательно, и епархия) простиралась еще к востоку на тысячу километров бывших владений «Господина Великого Новгорода». Граница ее упиралась в северный угол Кубенского озера, включала в себя все Белое озеро и соседние крупные озера, на севере почти достигая берегов озер Ладожского и Онежского, и охватывала, таким образом, большую часть «Северной Фиваиды» – края русского отшельничества и древних монастырей.

Около двух третей территории Новгородской епархии в начале столетия были покрыты лесами, часто дремучими, а одна четверть – озерами (их было до трех тысяч)

и громадными пространствами болот, на Русском Севере называвшихся «мхами», и непроходимых топей. В XVIII же и XIX веках много небольших обителей и скитов покрывалось, но в епархии Новгородской ко времени переселения в Новгород будущего русского Патриарха было еще 46 монастырей (29 мужских и 17 женских), а число монашествующих превосходило две тысячи (в самом Новгороде – знаменитые Юрьев, Антониев и Хутынский монастыри, из которых последние два заняли значительное место в первой половине жизни Патриарха Алексия).

По числу приходоу Новгородская епархия, в которой Патриарху суждено было жить архимандритом, епископом, архиепископом и митрополитом, в своих тогдашних пределах занимала среди епархий России третье место (после Волынской и Московской), но по числу храмов и особенно часовен (в которых могли совершаться богослужения), разбросанных по всему обширному краю, – первое.

Среди святых, в Православной Руси просиявших, земля Новгородская занимает после Киева второе место с пятью благоверными князьями, пятнадцатью святителями, сорока двумя преподобными и двенадцатью различными подвижниками подвизавшихся святых.

Прибыв из Тулы в Новгород, архимандрит Алексей вновь оказался под омофором своего почитаемого «аввы», архиепископа Арсения, которого за пять лет до того он оставил в Пскове. Выше уже говорилось, что и самый перевод его в Новгород был результатом ходатайства архиепископа перед Святейшим Синодом, членом которого он к этому времени уже был. Своего любимого ученика он готовил себе в викарии, так что возглавление Новгородской семинарии, в сочетании с настоятельством в прославленном древнем монастыре преподобного Антония Римлянина, не должно было быть продолжительным.

22 октября 1911 года архимандрит Алексей совершил свое первое богослужение у мощей Преподобного в соборе Рождества Богородицы в одной из старейших русских обителей, основанной преподобным Антонием в 1106 году.

Из Слова – одновременно игуменского и ректорского, – которым архимандрит приветствовал братию монастыря, своих новых питомцев и их наставников, мы вновь позаимствуем несколько характерных выдержек, выражающих заботу оратора-педагога о мире, о монашеских подвигах и о воспитании духовной молодежи в духе благочестия, любви и страха Божия.

«Словом мира и любви о Христе приветствую вас, возлюбленные братие, при первом моем молитвенном общении с вами, по заповеди Христовой: «...входяще же в дом целуйте его, глаголюще: мир дому сему» (Мф.10,12). С благоговением вступил я в святую и славную обитель преподобного Антония, с сердечным умилением совершил я здесь первую Божественную службу, и ныне смиренно призываю Божие благословение на предстоящие нам общие труды во славу Имени Божия, к пользе и созиданию Святой Церкви», – так начал архимандрит свое приветствие.

«Мир вам, возлюбленные братие и сослужители; мир и любовь Христова да будет силою, объединяюще вас у гроба Преподобного, который от вышних селений небесных зрит на труды ваши и на подвиги ваши в его святой обители, в которой некогда и он трудился, которую он создал слезами и молитвами и которую обогатил великим даром – честными и многоцелбными мощами своими. Молю вас, будьте достойны сего дара. Не допускайте врага приражаться вам соблазном мирских утех: ведь все, что мир может дать вам, не стоит того внутреннего, духовного блага, какое даст одна слеза, один молитвенный вздох, от сердца идущий к Богу и низводящий обилие благословений. Будьте тверды в подвиге иноческом, имея постоянно перед мыслен-

ным и сердечным вашим взором Подвигоположника Господа Иисуса и преподобного Антония, верного раба Господня. Помните, что на жизнь иноков взирает не один только грешный мир дольний, готовый всегда осудить монаха, но и вся Церковь торжествующая, и мир ангельский, и Сама Честнейшая херувим и Славнейшая без сравнения серафим. К сему миру горнему обращайтесь сердца ваши и помышления и оттуда просите и ожидайте помощи в несении вашего иноческого подвига. «Сам же Бог мира да освятит вас всесовершенных (во всем); и всесовершенен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится» (1 Сол. 5, 23)».

После этого обращения к монашествующим архимандрит Алексей говорил уже как ректор, сначала к учащим, потом и к учащимся.

«Мир вам и благословение вашему труду, возлюбленные братие, сотрудники мои в учении и назидании отроков сих, нам вверенных. Служение ваше есть тоже подвиг трудный, но он есть вместе и подвиг святой, ибо вамверяются не тела только, но и души. И для вас будет высоким примером и помощником Преподобный, великий учитель и воспитатель народного духа. Возгревайте в сердцах ваших питомцев любовь и преданность святому Православию, любовь к пастырскому и учительному деланию, поучайте их примером собственной жизни, упорству в труде, любви к истинной науке, которая зиждется на вере в Бога, на смиренном преклонении пред неисповедимыми путями Божественного Промышления о людях и о мире. Образ давайте им здравых словес «в познание тайны Бога и Отца и Христа, в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна» (Кол. 2, 2-3).<...>

Мир и вам, возлюбленные юноши, будущие делатели на ниве Божией. Вы имеете великое благо и великое счастье проводить вашу юность и годы учения в святом месте; вы находитесь в особенно благоприятных условиях для созидания в себе духа благочестия, любви к святому храму, к доброму деланию в Церкви Божией. Вы обвеяны здесь Духом Святым, вы учитесь в той самой школе, которая возрстила благий плод – великого подвижника и святителя Христова Тихона²⁶; вы имеете в нем присного молитвенника и помощника в ваших нуждах. Внимайте же сему, возлюбленные; более углубляйтесь в себя, чем рассеивайтесь; не упускайте единственного времени в вашей жизни, когда вы можете приобрести все потребное для вашей будущей деятельности; возлюбите пастырское делание; готовьтесь к нему усердною молитвою, чистою жизнью; возрастайте “во благодати и разуме Господа нашего и Спаса Иисуса Христа” (2 Пет. 3, 18). Не забывайте, что «начало премудрости» есть «страх Господень», и помните всегда, какое святое место дано вам от Господа в обителище. Союзом любви связуем и молитвенно, духовно объединяясь около драгоценной святыни нашей – честного гроба преподобного Антония, духом нам сопричастующего, будем все – и начальствующие, и учащие, и учащиеся – творить дело Божие со страхом, и Покров Матери Божией да будет выну над нами и над трудами нашими*».

Когда архимандрит Алексей в 1911 году принял настоятельство в новгородском Антониевом монастыре и ректорство в Новгородской Духовной семинарии, епископат Новгородской епархии состоял из правящего архиерея – архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого), первого vicария – епископа Тихвинского Андроника (Никольского) и второго vicария – епископа Кирилловского Иоанникия (Дьякова). В начале 1913 года епископ Тихвинский Андроник получил назначение на Омскую архиерейскую кафедру и в марте отбыл из Новгорода на место своего нового служения²⁷.

*Здесь и далее сноска на труды Патриарха Алексея “Слова, речи, послания, обращения”. М.: Изд. Московской Патриархии. – Т. 1 4: Т.1: М., 1948; Т.2: М., 1954; Т.3: М., 1957; Т.4: М., 1963.

5. Архиерейская хиротония архимандрита Алексия во епископа Тихвинского с участием Блаженнейшего Григория IV (Ходдая), Патриарха Антиохийского (28 апреля 1913 года, в Неделю Жен-Мироносиц)

Указом от 28 марта определялось «бытие ректора Новгородской Духовной семинарии архимандрита Алексия епископом Тихвинским, вторым викарием Новгородской епархии». Тем же указом прежний второй викарий, епископ Кирилловский Иоанникий,²⁸ переименовывался в первого викария. Указ определял также, что наречение и архиерейская хиротония архимандрита Алексия должны были быть совершены в Новгороде. Хиротония была назначена на 28 апреля, в Неделю Жен-Мироносиц. Когда было принято решение о возведении архимандрита Алексия в архиерейский сан, ему шел тридцать шестой год.

По желанию архиепископа Арсения архиерейская хиротония его ученика должна была проходить с редкой торжественностью. На это церковное торжество новгородский святитель пригласил прибывшего в тот год в Россию Блаженнейшего Григория IV, Патриарха Антиохийского, у которого сам он гостил в 1900 году, будучи епископом Волоколамским и ректором Московской Духовной академии. Патриарх Григорий IV (Ходдай) тогда был митрополитом Триполийским (на севере Ливана), и епископ Арсений во время своего паломничества в Святую Землю дважды навещал его.

Патриарх Григорий IV прибыл в Новгород 25 апреля, в четверг, на Фоминой неделе. При въезде в пределы Новгородской епархии он был встречен всем городским духовенством на вокзале Старой Руссы. Вся местность, прилегающая к вокзалу, была запружена огромной толпой народа. На пути к старорусскому собору, где Патриарха ожидали запрестольные образа и хоругви всех храмов города, были шпалерами выстроены войска с военными оркестрами.

Между Старой Руссой и Новгородом Патриарх служил вечерню в своем салон-вагоне. Народ встречал поезд на всех станциях между Старой Руссой и Новгородом. Патриарх всюду выходил из вагона, приветствовал толпы восклицанием по-русски: «Христос воскрес!» и благословлял людей, пока поезд стоял.

На новгородском вокзале ему был преподнесен образ Знамения Божией Матери с надписью на золотой дощечке: «Его Блаженству Блаженнейшему Григорию IV Патриарху Великого града Антиохии и всего Востока от Великого Новгорода, 25 апреля 1913 г.».

Позаимствуем патетические строки у современника-очевидца, описавшего появление в Новгороде высокого гостя из древнего Дамаска, приглашенного участвовать в причислении к сонму архиереев Церкви Христовой нового молодого епископа, которому Провидение Божие судило омофором своим прикрыть со временем всю русскую паству²⁹.

«Что-то пасхальное чувствовалось в этих торжествах под торжественный звон древней Софийской звонницы, звон, мелодия которого является единственной во всем православном мире, – подобного перебора колоколов и в такой музыкальной последовательности вы больше нигде не услышите. Старина наша богата творческой силой. Чуть не при каждой святительской кафедре, чуть не при всяком более или менее крупном монастыре создавались свои, самобытные, как теперь называют, школы иконописи, церковного пения, храмостроительства, даже колокольного звона. К разряду творений древненовгородского церковного духа, особо оригинальных, стильных, следует отнести и звон Софийской звонницы. Сколько святителей он встречал и провожал своими мягкими и нежными переливами малых колоколов, торжественно-красными раскатами средних и величавыми, глубокими и потрясающими вздохами стариков-великанов...

В эти дни они со всюю силою прежней мощи и славы Господина Великого Новгорода встречают дорогого гостя православной России, Патриарха Григория, давнишнего друга новгородского святителя архиепископа Арсения. В эти дни они звонят привет приезжающим в Новгород другим дорогим гостям: члену Святейшего Синода епископу Никону, сотруднику архиепископа Арсения по Государственному совету, епископам – Евсевию Псковскому, Иоанникию Кирилловскому, Вениамину Гдовскому – и оповещают Церковь Новгородскую о вступлении на чреду епископства и принятии священной благодати хиротонии бывшим архимандритом Антония Римлянина монастыря и ректором Новгородской семинарии архимандритом Алексием, теперь епископом Тихвинским, викарием Новгородским.

И величаво гудят колокола святой Софии, Премудрости Божией, и радостно, молитвенно празднует Новгород свой богатый «пир веры», при той строго церковной и на редкость торжественной обстановке в выполнении всяких церковных торжеств в Новгороде, которые заведены при нынешнем его Владыке.

Один из приезжих архимандритов сказал по этому поводу: «Более уставного и более торжественного ничего не создашь». С вечера 25-го числа в Новгороде началось по улицам усиленное движение... Кремль, как муравейник, был усеян самым разнообразным людом. Веяло тихим весенним теплом. Сверху смотрело ясное темно-голубое небо. В начале двенадцатого, ко времени прихода на вокзал старорусского поезда, заблаговестили на Софийской звоннице в «набольшой» колокол. Все громадные покои владычные, дивно построенный архиепископом замечательный епархиальный дом и, наконец, величественная святая София сразу были освещены электрическими огнями. Народ запрудил всю площадь собора.

В это время в святой Софии с напряженнейшим вниманием ожидали великого Святителя. Глаза всех были прикованы к западным, так называемым Корсунским воротам, коими должен был вступить в храм Патриарх. В их раскрытые двери виднелся двор архиерейский с распускающейся зеленью многочисленных деревьев в темно-синей дымке апрельской ночи, нежно пронизываемой лившимися сверху голубыми световыми полосами электричества... Стало тихо... Было слышно, как горели свечи, как теплились лампы у темных ликов древних икон Софии. Только великан-колокол время от времени сотрясал высокие своды...

Вдруг грянули все колокола. Все закрестились, на минуту зашумели, потом сразу смолкли до абсолютной тишины. Вот против Корсунских ворот на темно-голубом фоне ночи ярко заблестел высоко поднятый предносный золотой крест Патриарха. Поспешно входит в собор бывшее на вокзале духовенство, патриарший архиерей. Плавно и медленно подвигается вперед крест. Вот, наконец, сам он – желанный и святейший гость... Народ и длинные ряды духовенства благоговейно и низко склонились перед ним».

Епископы встречали Патриарха со всеми гражданскими и военными властями на вокзале. В соборе во главе сонма городского духовенства – архимандрит Алексей. Два-три дня отделяли его тогда от епископства, в котором служение его Церкви должно было по воле Божией продлиться более полувека – почти 57 лет.

Под тихое пение владычным хором тропаря храма «В рождестве девство сохранила еси...» Патриарха Григория ввели в алтарь и облачили в мантию и омофор. Архиепископ Арсений приветствовал его речью, которая начиналась словами:

«Блаженнейший и Всесвятейший Патриарх! Подобно приточному евангельскому Жениху прибыл ты к нам в полунощный час и обрел нас бдящими, исшедшими в сретение тебе. Великий Новгород с радостью приветствует тебя как преемника

апостольского престола – «великого града Божия Антиохии» и Патриарха всего Востока в этом многовековом храме святой Софии – Премудрости Божией, который является драгоценнейшим сокровищем и святыней не только Новгорода, но и всей земли Русской».

Чтобы понять ход жизненной эволюции Святейшего Патриарха Алексия, важно остановиться на главных этапах его пути. Мы останавливались на сложном первом этапе его биографии: возрастании – физическом и духовном; на следующем этапе – призвании, связанном с Лаврой и образом Преподобного Сергия, «игумена всея Руси». Новгород – это третий и большой этап жизни тринадцатого Патриарха Московского – его епископское служение. В описании торжеств по случаю приезда в Новгород Патриарха Григория IV, непосредственно предшествовавших архиерейской хиротонии архимандрита Алексия (Симанского), можно уже почувствовать атмосферу, в которой она совершалась.

Наречение архимандрита Алексия во епископа Тихвинского происходило во Вхо-до-Иерусалимском соборе Новгорода, куда при «красном» звоне в 12 часов дня 27 апреля прибыли Патриарх Григорий IV (Ходдай), архиепископ Арсений (Стадницкий), епископ (бывший Вологодский) член Святейшего Синода Никон (Рождественский)³⁰, уже сослуживший Преосвященному Арсению при рукоположении отца Алексия во иерея, епископ Псковский и Порховский Евсей (Гроздов)³¹, епископ Кирилловский Иоанникий (Дьяков) и епископ Гдовский Вениамин (Казанский)³², викарий Санкт-Петербургской епархии.

Когда Владыки воссели в мантиях на кафедре, два архимандрита северными вратами извели нарекаемого из алтаря. После пения епископами «Христос воскресе» и тропарей архиепископ Арсений произнес сугубую ектению. Возгласы по-славянски произносил Патриарх Антиохийский.

После отпуста архимандрит Алексей сказал речь, взволновавшую многих присутствующих до слез. Приводим из нее места, показывающие духовную настроенность, с которой вступал на путь епископского служения наш будущий Патриарх.

«Со смятенным сердцем предстою я вашему Освященному Собору в настоящий священнойший, знаменательный час моей жизни, когда Промышлением Божиим вручается мне жребий высочайшего в мире служения – служения апостольского. Глас Владыки и Господа моего слышится мне в этом призыве Святой Церкви Христовой стать на чреду епископского служения. И я повинуюсь сему Владычественному гласу, и с благоговением, со смирением, со страхом Божиим и верою в чудодейственную, благодатную силу Таинства, приступаю к приятию в скудельный сосуд души моей святыни архиерейства.

Мне ведомо, и я сие ныне пред вами исповедую, что служение епископа есть путь великого подвига по святейшему образу Спасителя, Который пришел «Сам обнищавшему Адаму послужити» (стихира вечерни Великого Понедельника), и Который рек, что «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. 10, 11).<...>

Служение епископа есть путь страданий и креста, потому что оно есть последование за Пастыреначальником – Христом, потому что оно есть продолжение того дела спасения людей, на которое послал Спаситель наш святых Своих учеников и апостолов, кровию и смертию запечатлевших свое посланничество. Тяжесть епископского омофора, этого видимого знаменания овцы, поднятой на ramo ради спасения, носителями его всегда исповедовалась. И ныне, как прежде, она велика, ибо «двор овчий» – Церковь Христова – и теперь обуревается тяжкими бедствиями и напастями. «Вопль злобы», то есть умножение пороков, неправды, беззаконий, по выражению пророка,

«взыде ко Господу, и над миром, тлеющим в похотях, тяготее близость грозного суда Божия, который видим уже для неослепивших еще духовных очей своих». Обратим наше внимание на то, что слова эти были произнесены 27 апреля 1913 года, то есть за год и два месяца до начала первой из трагических войн нашего столетия. < ...>

Всем существом моим я переживаю ныне сознание подвига архипастырского и того великого ответа, какой воздаст каждый епископ пред Господом за Церковь, «юже стяжа Христос Спаситель честною Своею Кровию». И я восхожу на епископскую кафедру, которую святитель Григорий Богослов называл «завидною и опасною высокою» (Слово 42), исповедуя свое недостойнство, свою немощь, свою духовную нищету. Но Господь, из камени источивый воду в пустыни людям и Божественную силу Свою в немощи человека совершающий, верую и уповаю, благодатию Своею укрепит немощь, восполнит нищету, очистит недостойнство. И в этой светлой вере и неложном уповании я исповедую и великую свою духовную радость, что Господь по Своему бесконечному милосердию прививает меня к Божественной лозе Своей и, приобщая к сонму святительскому, изливает на меня благодать Свою, которой Он является Источником и которая почивала на святых апостолах и на епископах православных и преемственно почивает на них донныне».

Архимандрит Алексей говорил о значении русских святынь, под сенью которых он обретает архиерейскую благодать: «Я утешаюсь тем, что Господь судил мне воспринять благодать епископства здесь, среди священных останков минувших времен, где самый воздух обвеян благоуханием святыни, где благочестие народное и до сих пор сияет ярким немеркнущим светом; где многочисленные храмы и обители иноческие являются твердынями и памятниками тысячелетней веры народной; где множество святых угодников Божиих, здесь подвизавшихся и здесь просиявших, как воинство небесное, охраняет народ православный. Они во гробех лежат среди нас, «яко спят», но безмолвием своим красноречивее слова неумолчно благовествуют о Боге и учат благочестию, и влекут нас от суетных прелестей дольного мира к красотам нетленным Горнего царства. Дерзаю уповать, что они, угодники Божии, и о мне, недостойном, призываемом ныне по преемству на высшую степень служения церковного, сотворят согласную молитву, да предочистится душа моя к приятию великого дара, и, вместе с преемством благодати, да будет во мне и преемство Духа, каким ознаменован был подвиг их служения Богу.<...>

Да осенит меня духом своего благословения и Преподобный отец наш Сергей, от дня моего рождения благодатною помощью своею ограждавший меня от бурь и волн житейского моря и на ранней заре моей укрывший меня в благодатную пристань боголюбезного и благодатного иночества; и святитель Христов Алексей, присный друг Преподобного Сергея и мой Небесный покровитель; и преподобный Антоний Римлянин, сподобивший меня послужить ему в его святой обители; и преподобный Варлаам, которому я иду служить».

Архимандрит Алексей имел в виду свое поселение и настоятельство после хиротонии в Варлаамовом Хутынском монастыре, где находилась резиденция vicарных епископов Новгородской епархии (Хутынским монастырем ранее управляли епископы Кирилловские). Обитель, основанная в конце XII века на правом высоком берегу Волхова, была украшением всей местности, но, к несчастью, во время Великой Отечественной войны была разбита огнем неприятельской артиллерии.

В другом месте своей речи архимандрит Алексей остановился на руководстве, которое он с юности получал от архиепископа Арсения. Он начал с того, что хиротония его возглавлена столь высоким и редким гостем Русской Церкви.

«Я благодарю Бога за то, что Он дает мне редкое, исключительное счастье иметь во главе моих рукоположителей великого Предстоятеля древнейшей Антиохийской Церкви, Блаженнейшего Патриарха Григория. И я усматриваю в сем для себя «знамение во благо...» Твоих усердных молитв, святой Владыка Церкви Новгородской, архипастырь и благодетель мой, я с особым дерзновением прошу и молю.

Под твое мудрое и надежное руководство Всеблагий Промысл поставил меня еще тогда, когда из мира всей душой устремлялся я на путь святого иночества. Ты с любовью меня принял и любящей и твердой рукой безбедно провел меня к самому жертвеннику священных обетов; и с тех пор вся моя иноческая жизнь связана с тобою; ты возводил меня от таинства к таинству, как бы по огненным, освящающим ступеням, чтобы поставить ныне на высоту святительского служения.

Благодарю Бога, дарующего мне утешение принести начатки этого служения на пажитях той самой духовной нивы, которая вверена твоему богомудрому попечению, и тем еще более приближающего меня к твоей святине. Научи меня твоей любви к пастве, твоей неоскудевающей архипастырской ревности, твоей твердости и мудрости, твоему неотступному стоянию за правду. «Веди и паси меня» – дозвожь употребить слово великого святителя Григория Богослова, – «веди и паси меня, пастыря, потому что я готов следовать за тобою и быть водимым твоей пастырской высокою и божественною душой» (Слово девятое по рукоположении святителя Григория Богослова). Со страхом и радостью готовясь принять помазание небесное, я верую, что Дух Святой, поставляющий в Церкви Христовой епископа и из века в век низводящий преемственно от Великого Архиерея, прошедшего небеса, Божественную Свою благодать на архипастырей православных, и на мою недостойную главу снидет наитием Своим чрез ваши молитвы и вашу хиротонию, богомудрые архипастыри и отцы, и сообщит мне силу Свою, да непорочно будет служение мое и да почиет на мне «Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (Ис. 11, 2)»*.

На речь архимандрита Алексия с большим духовным подъемом ответил Блаженнейший Патриарх Григорий IV, отметивший, что чувства, о которых говорил нарекаемый архимандрит, не только понятны ему, но и знакомы по личному опыту: когда сам он принимал епископскую благодать через рукоположение от руки епископа Бейрутского Гавриила, он испытывал эти же чувства и сейчас их с умилением как бы вновь переживает. Патриарх наставлял нареченного оставаться в повиновении своему «авве», архиепископу Арсению, который питает к нему такую любовь, помнить, что он – любимый ученик своего владыки, который о нем заботился всю его сознательную церковную жизнь. Блаженнейший Григорий IV призывал будущего епископа быть, как и всегда, правой рукой своего архиепископа, но впредь обрести новую, еще более твердую крепость в архиерейском сослужении ему.

В тот же день наречения архимандрита Алексия во епископа Патриарх Антиохийский посетил монастырь преподобного Антония Римлянина, в котором в этот вечер кончилось настоятельство нареченного епископа.

После осмотра храмов и святынь обители, помещений Новгородской семинарии (с 1740 года находившейся в стенах Антониева монастыря), знакомства с братией, педагогами и семинаристами Патриарх Григорий IV оставил в Книге почетных посетителей надпись на арабском языке, составленную в образных выражениях, в которой было сказано: «Я посетил сей монастырь святого Антония Римлянина, который до меня посещал приснопамятный предшественник мой Патриарх Антиохии и всего Востока Макарий Алеппский во второй половине XVII века. И напротив его течет тихая

*См сноску на с. 50.

и многоводная река – Волхов. Этот монастырь находится теперь под управлением Высокопреосвященнейшего и высокочтимейшего возлюбленного друга моего архиепископа богоспасаемых градов Новгорода и Старой Руссы Кир-Арсения и при ректорстве в семинарии здесь высокопреподобного архимандрита Кир-Алексия, который будет, если благоволит Господь, хиротонисан завтра во епископа в воздаяние за труды его и в признание просвещенности и добрых качеств его. Я нашел здесь науку и добродетель, истекающими в изобилии из источника науки истинной, сохраняемой в сердце всечестным отцом ректором и инспектором и учительствующими, и живительной влагой питающими водохранилище пятисот умов учащихся здесь, дабы наукой напоить каждого, зрящего и внимающего проповеди и учению, преподаваемых ими для освящения жизни и деяний человеческих».

Святейший Патриарх Алексей по скромности был очень скуп на рассказы о торжественных событиях в своей жизни. О своей архиерейской хиротонии он говорил сдержанно, между тем как из церковной и светской печати того времени известны настроения присутствовавших на этом торжестве и широкий отклик на него не в одной только Новгородской епархии.

Святейший был склонен приписывать подъем, проявившийся в те дни, только присутствию и чествованию Патриарха Григория IV. «Ведь Саблер, например, приехал не на мою хиротонию, а для чествования Патриарха», – говорил Патриарх полвека спустя.

Патриарха Григория IV чествовали и в Москве, и в Киеве. Но обер-прокурор Синода В.К.Саблер приехал в Новгород на всюнощную накануне хиротонии архимандрита Алексия и на следующий же день, по совершении ее, возвратился в столицу. Можно, конечно, полагать, что петербургский сановник желал присутствовать на единственной хиротонии, возглавленной гостем с православного Востока.

Небывалое множество людей всех сословий собралось 27 и 28 апреля 1913 года в Новгороде, стекаясь не только со всех концов Новгородской епархии, но и из Пскова, Твери, Москвы и Петербурга. Между приезжими был отец будущего епископа В.А.Симанский, сестра и брат архимандрита.

Архиепископ Арсений, сам будучи в очень приподнятом и умиленном настроении, не скрывал от прибывших русских архиереев, что эту хиротонию своего ученика он хотел превратить в «великое торжество Великого Новгорода».

Уже и всюнощное бдение 27 апреля в Софийском соборе, кончившееся около полуночи, привлекло в новгородский Кремль небывалые толпы народа. На следующее утро повторяется то же самое. Божественную литургию совершают с Патриархом Григорием IV пять русских архиереев, двенадцать архимандритов, протоиереев и иереев. Архиерейская молитва «Призри с небесе, Боже» возглашается трижды: по-арабски, по-славянски и по-гречески.

После «Трисвятого» нареченный склоняет колена перед собором епископов, на голову ему возлагается Евангелие и простираются руки архиереев... Когда рукоположенный новый епископ Церкви встает, он залит слезами... В слезах стояли и многие из духовенства и верующих, переполнивших древний собор.

Вместо запричастного стиха в тот день торжественно читалось «Деяние Святейшего Синода», прославлявшее Святейшего Патриарха Гермогена и провозглашавшее причисление его к лику святых Православной Церкви. Присутствовавшим на богослужении не приходило в голову, что они уведомляются о канонизации третьего из Патриархов Московских сразу после того, как присутствовали при архиерейской хиротонии тринадцатого Патриарха...

После Божественной литургии Высокопреосвященнейший Арсений вручил новому епископу архиерейский жезл и произнес «по обычаю, от древних времен до нас дошедшему», наставление, которое, сказал он, «да будет вместе с тем и моим завещанием. < ...> Совершилась воля Божия о тебе. Возложением рук святительских снизошла на тебя благодать Всесвятого Духа, с восприятием которой получил ты власть архиерейского служения в Церкви Христовой. Все мы – братья твои, весь сонм архиереев Божиих, твоих рукоположителей, во главе с Блаженнейшим преемником святого Петра, приветствуем тебя ныне, собрата и сослужителя нашего, с сим великим даром милости Божией к тебе. Приветствие это особенно радостно для меня, введшего тебя в иноческий чин и послужившего орудием благодатного посвящения в первые две степени священства. А я теперь не юного монаха зрю пред собою, но зрелого мужа, не сына пред отцом, но брата и сослужителя, облеченного полною иерархической властью от рук епископских, в том числе и меня. Приветствуя тебя, молитвенно желаю, чтобы архипастырское служение твое было благоплодным для Церкви и спасительно для тебя».

«В своей речи, произнесенной вчера при наречении, – продолжал архиепископ Новгородский, – ты поведал нам о своих смятенных чувствах при мысли о высоте, величии и ответственности епископского служения и о сознании своих немощей. Оно и понятно, ибо высокие служения, – особенно «в дому Божии жити, яже есть Церковь Бога жива...» (1 Тим. 3, 15), – самых великих истинных избранников Божиих всегда больше утрашали и смущали своей трудностью и ответственностью, чем привлекали к себе своей высотой. И мы знаем, что иные избранники, в сознании величия и трудности пастырского служения в Церкви Христовой, нередко отказывались от «этой завидной, но опасной высоты» архипастырского служения. Конечно, было бы слишком дерзновенно сказать, что мы в настоящее время так же понимаем и чувствуем высоту и тяготу епископского сана, как это понимали святые отцы и учителя Церкви. Тем не менее не нужно много внимания, много глубокомыслия, чтобы видеть, что и ныне святое дело Церкви – в таких условиях, что пастырство есть борьба и подвиг. < ...>

Настает необходимость сплотиться и теперь воедино пастырям и пасомым в единый благодатный союз веры, надежды и любви, которые пастырь должен проповедовать своим пасомым, чтобы руководить их на пути вечного спасения, духовно возрождать, обновлять, соделывать новыми храмами Святого Духа, а пасомые – усвоить себе эти спасительные истины и осуществлять их в своей жизни. Здесь все должно основываться на живом взаимодействии членов Церкви – пастырей и пасомых. При таком союзе пастырь Церкви является олицетворением и средоточием всех священных интересов своей паствы. Такой пастырь поистине является живым образом нашего Пастыреначальника, Который сказал о Себе: «Аз есмь пастырь добрый и знаю Моя, и знают Мя Моя» (Ин. 10, 14). Только при этом и возможно то внутреннее единение между членами Церкви, о даровании которого верующим молил Отца Небесного Христос пред Своими спасительными страданиями: «Да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе... да будут совершени во едино...» (Ин. 17, 21–23). Только такой союз пастырей и пасомых является непоколебимым оплотом против сил, враждебных Церкви. < ...>

О необходимости и значении этого внутреннего союза между пастырями и пасомыми напоминаю тебе, возлюбленный брат, тоже в качестве завещания, в предостережение от той обособленности, которая ведет к бумажному управлению пасомыми, к одному только внешнему мирскому проявлению своей власти. Помни, что епископство прежде всего и более всего не мирская сила, почесть и власть, – как это представляется иному легкомыслию, обращающему внимание на одну показную, внешнюю

сторону этого служения, не отдых, успокоение, улада жизни, но труд, подвиг, забота, и часто тяжкое огорчение, напряженная борьба за святое дело, указанное Церкви Пастыреначальником Христом, за ее исключительное право управлять высшими духовными отправлениями жизни человеческой, вести людей к нравственному совершенству, за ее достоинство, свободу и самостоятельность».

Приняв после этой речи своего руководителя архиерейский жезл, Преосвященный Алексий долгие часы благословлял теснившийся вокруг него народ, как бы предвосхищая устремление к нему богомольцев из других поколений православных христиан, которые будут следовать по пути, указуемому этим жезлом, более полувека. С этого дня бесчисленны будут архиерейские богослужения его, исключительно велико будет число хиротоний других епископов, на которых он будет возлагать руки и которых впоследствии будет сам наставлять, вручая им архиерейские жезлы. Пятьдесят семь только последних архиерейских хиротоний, в которых был рукополагателем, он возглавлял с 1944 года уже как Предстоятель Русской Православной Церкви, и с 1945 года – как ее Патриарх.

Через неделю после принятия епископского сана Преосвященный Алексий совершил в субботу всенощную и в воскресенье Литургию в Антониевом монастыре. Он произнес там прощальную речь, обращенную к своим бывшим воспитанникам – семинаристам Новгородской Духовной семинарии, – выразив надежду, что «под покровом преподобного Антония они всегда, следуя примеру прославленного питомца Новгородской семинарии святителя Тихона Задонского, будут возгревать в себе уже присущий им в настоящее время дух церковности».

Когда Преосвященный Алексий приложился к мощам преподобного Антония, архимандрит Варсонофий (Лебедев)³³ от имени братии обители поднес ему икону Преподобного и выразил благодарность монашествующих за доброе и внимательное отношение к ним в бытность свою настоятелем Антониева монастыря. В тот же день инспектор семинарии М.А.Кедринский, когда ее преподавательская корпорация чествовала нового архиерея, поднес ему от ее имени икону святителя Тихона.

Отвечая на приветственные речи, епископ Алексий выразил надежду, что связь его с Семинарией не прекратится, когда он будет по милости Божией служить Церкви в той же Новгородской епархии в епископском сане, и что преподаватели, встречаясь и сотрудничая с ним в епархиальных учреждениях, останутся его друзьями.

Епископская жизнь будущего Патриарха началась с насыщенного и интенсивного богослужебного послушания. К описанию его архиерейской хиротонии добавим перечень богослужений, в которых он предстоятельствовал в первые же дни по возведении в сан епископа: 4 и 5 мая, как уже отмечено, всенощная и воскресная литургия в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря, 6 мая – Литургия в Софийском кафедральном соборе; 7 мая – там же литургия и панихида по архиепископе Воронежском Анастасии (Добрадине)³⁴, бывшем викарии Новгородской епархии, в тот же вечер – всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе Хутынского Варлаамова монастыря; 8 мая, в день Преполовления Пятидесятницы, – Литургия в Софийском соборе с выходом крестным ходом при огромном стечении народа на реку Волхов для малого водоосвящения, в тот же вечер, в канун празднования Святителя и Чудотворца Николая, – всенощная в новгородском Никольском соборе и 9 мая – там же Божественная литургия; 10 мая – всенощная в Софийском соборе и 11 мая – там же литургия и молебен первоучителям славянским Мефодию и Кириллу, и опять в тот же вечер в Софийском соборе – первая служба с особой торжественностью новопрославленному Патриарху Гермогену – всенощное бдение и 12 мая, в воскресенье, – Божественная литургия и молебен святому Патриарху с сонмом новгородского духовенства.

ГЛАВА IV

НОВГОРОДСКИЙ ПЕРИОД АРХИПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ
ЕПИСКОПА ТИХВИНСКОГО АЛЕКСИЯ (1913 – 1921)

1. Епископ Тихвинский Алексей в годы Первой мировой войны

В первой части очерка мы с достаточной последовательностью придерживались хронологического изложения главных событий в первые четыре десятилетия жизни Патриарха Алексия. Все эти четыре десятилетия были связаны со старой, дореволюционной Россией.

Сорокалетний период этот, правда, ознаменовался кризисными явлениями, какими были несчастная для России Японская война, революционный взрыв 1905 года и ставший затяжным и хроническим кризис общественных отношений в государстве, в котором неограниченная верховная власть, по характеру и формам своим устаревшая, не находила себе поддержки ни в столице, ни во всей необъятной стране.

В этих условиях, будучи в силу своего идейно воспринятого монашества зрителем, а не участником развивающихся событий, принципиально отрешившийся от мирской жизни, викарный епископ Новгородской епархии Русской Православной Церкви не мог быть достаточно подготовлен к надвигавшемуся кризисному перелому, хотя смутное представление о несообразности многих общественных явлений или ощущение какого-то неблагополучия не покидало его. Его еще юношеское сознание волновалось от допущения «голодных годов» в стране с такими природными богатствами, как Россия.

Но все же достижение епископом Алексием сорокалетнего возраста не могло не ставить его в положение человека, привыкшего даже по собственному опыту, жизненному и, в частности, служебному, к действительности, в которой он созрел.

Между тем Бог судил ему стать иерархом Русской Церкви в такой исторический момент, когда вся эта действительность была обречена на скорое исчезновение. Уже через какой-нибудь год разразилась кровопролитная и судьбоносная мировая война. Епископу Тихвинскому сразу пришлось выступать, действовать и решать многие вопросы за своего правящего архиепископа, которого надвинувшиеся события удерживали в столице.

Синоду приходилось без промедления реагировать на проблемы, поставленные войной: призыв под знамена миллионов православных воинов, перемещение тысяч пастырей военного ведомства, предусмотренная мобилизационным планом эвакуация многих церковных учреждений из пограничных местностей, срочное разворачивание сети госпиталей, полевых лазаретов, приютов.

1 августа, через десять дней после объявления Германией войны России, епископ Алексей в отсутствие Преосвященного Арсения возглавлял проводы Новгородского гарнизона. В обстановке душевного смятения и горестно-патриотического подъема, охватившего население, тысячи и тысячи горожан заполнили новгородский Детинец (Кремль). Между древней Софией и памятником тысячелетия России лицом к собору были выстроены ряды войск. С сонмом новгородского духовенства Преосвященный Алексей вышел на площадь. Уходящему, как выражались тогда, «на позиции» пехотному полку суждено было почти целиком лечь на поле битвы.

Перед началом богослужения Владыка взволнованным голосом произнес напутствие, в котором беспрестанно проступавшая столь характерная для всех выступлений

его тема мира, сохранения мира, восстановления мира, борьбы за мир звучала и на этот раз, как цель воинского подвига уходящих на войну людей.

«Настал час воли Божией. Наступила грозная година испытания. Гордый и лукавый враг дерзновенно поднял меч свой на нас и угрожает нашему священному достоинию. Сам Бог велит нам восстановить нарушенный народами мир и для этого не щадить своих жизней. Быть может, Промысл Божий готовит нам великий жребий подавить ту вековую неправду и то беззаконие, которые тяготели над государствами Европы и которые во всякое время способны были возжечь пламя войны; быть может, Господу угодно через Свою Святую Русь даровать вечный мир народам Европы. Идите же с светлым упованием, что не оскудеет для вас дивная помощь Божия; с миром в душе выступайте на брань с дерзновенными нарушителями мира... Помните, что и вы, как древние подвижники за Отечество, можете «верою победить царствия» (Евр. 11, 33). С молитвою непрестанною в сердце и на устах, с смиренной верой в то, что в «Боге наше упование и слава» (Пс. 61, 8), идите и принесите миру победу миротворную и победоносный мир...

Мы отпускаем вас с радостной и непоколебимой надеждой на то, что скоро совершится правда Божия, что скоро, по словам пророка, «правда и мир облобызаются» (Пс. 84, 11) и вы возвратитесь домой с благородным сознанием, что грудью своей отразили грозу военную и подвигами своими стяжали Отечеству вожделенный мир. «Господи, воздвигни силу Твою и прииди, во еже спасти нас» (Пс. 79, 3). Аминь».

Военное время было в календарном отношении, казалось бы, непродолжительным до Февральской революции: его можно исчислить 30 месяцами. Но событий за эти 30 месяцев успело произойти множество.

Отступление русских армий, остановленное ценой огромных потерь. Обширные пространства нашей земли – в руках врага. Полное расстройство народного хозяйства. Трудности всякого рода. Недовольство всего необъятного «тыла», простиравшегося до Тихого океана.

В Новгороде с 1913 года – года архиерейской хиротонии Преосвященного Алексия – обстановка успела измениться коренным образом. Война грохотала все ближе: к 1917 году фронт проходил километрах в 350–400. Новгород, бывшее историческое значение давно утративший, был в то время небольшим провинциальным городом и не представлял собой перекрестка политических и общественных течений века.

Но обстоятельства сложились так, что епископ Алексей был, как он сам говорил, «задавлен» усложнившимися епархиальными делами в Новгородской епархии, как мы уже видели, весьма обширной по территории и с большим числом приходов и духовенства. Губерния считалась на военном положении.

В 1916 году (11 декабря) – незадолго до Февральского переворота – епископ Тихвинский был переименован (в связи с назначением прежнего первого vicария – епископа Иоанникия – на Олонецкую кафедру) в первого vicария епархии, которой и до этого ему приходилось фактически постоянно управлять из-за частых и продолжительных отлучек архиепископа Арсения. Как уже неоднократно упоминалось выше, последний был вынужден участвовать в Петрограде в работе Святейшего Синода, Государственного совета (в который он был выбран представителем от духовенства), Училищного комитета Синода (в котором он председательствовал) и еще ряда комиссий и предсоборных органов. В первый год войны епископ Иоанникий болел, и это обстоятельство составляло добавочный груз для епископа Алексия.

Военное время к административной стороне управления епархией прибавило значительную нагрузку по военно-санитарной части – по руководству и обслуживанию

многочисленных госпиталей, лазаретов, эвакуационных центров, продовольственных и снабженческих пунктов, складов всякого рода. Епархия взяла на себя попечение о теплой одежде для воинов и беженцев.

Деловые контакты, совместные заседания и повседневное сотрудничество с военными и гражданскими властями, земскими учреждениями стали нормой для правящего архиерея не только применительно к участию самой Новгородской епархии в общем военном усилии страны, но и в силу необходимости ведать еще призрением, размещением и всесторонней поддержкой и обслуживанием церковных учреждений – монастырей, школ, консисторий, архивов, а также клириков и их семей, эвакуированных из западных епархий, занятых неприятелем.

Не следует забывать, что и святыни Церкви – мощи, чтимые иконы, иногда и церковная утварь – с начала войны 1914 года перевозились в епархии ближнего тыла из прифронтовой зоны, отчасти оставались в ближних епархиях на хранении, когда было возможно, переносились вглубь страны.

В напряженной внешней деятельности, поглощающей и даже изнуряющей, проходило время, надвигались и другие события, которые потребовали от всего епископата Русской Православной Церкви и от епископа Алексия лично решительной перемены в навыках и даже коренного пересмотра представлений, привычных и нормальных для сменявшихся прежде поколений иерархов этой Церкви. В частности, от них вскоре потребовалась переоценка представлений о взаимоотношении Церкви, которой Преосвященный Алексий имел намерение посвятить себя с ранней молодости, и государства, подданным которого он был от рождения.

Крушение этого Русского государства – и для него самого, и вообще для его собратьев епископов внезапное – создаст необходимость совершенно нового подхода к новой исторической действительности, которая складываться будет постепенно и определится не сразу. Первоначально до сознания будет доходить элемент негативный – именно крушение и вызванное им брожение распадающегося старого общества и его обломков.

Иерархию Русской Церкви переломные события эти застигнут неподготовленной к ним тем в большей мере, что за два – два с половиной года до них она стремилась принимать деятельное участие в усилиях страны довести небывалую еще по размаху и напряженности войну до победного для русского оружия конца.

Вспоминая почти полвека спустя о своих переживаниях в эти решающие месяцы и годы, Святейший Патриарх Алексий говорил, что, несмотря на всю многостороннюю активность в области, для архиереев неожиданной, к которой их побуждали и даже принуждали обстоятельства военного времени в ближнем тылу, чисто церковная жизнь, этими обстоятельствами также сильно осложненная, требовала от епископов постоянной самоотдачи и самой пристальной бдительности.

«А наш Владыка архиепископ был еще вынужден то и дело отлучаться в Петроград для участия в центральной церковной работе, и часто на продолжительный срок», – добавлял Патриарх, воскрешая в памяти свои заботы предреволюционных дней.

Необычайно деятельный и энергичный, архиепископ Арсений, за годы своего управления Новгородской епархией поднявший ее церковно-богослужебную жизнь, как и духовно-нравственную жизнь ее пастырей, на исключительную высоту, проявлял все больше инициативы и в начинаниях, относившихся к церковной и общественной жизни во всероссийском масштабе. Для этого перед ним были открыты тем большие возможности, что он был вовлечен в постоянную работу центрального церковного управления и высшего законосовещательного органа страны.

Так, архиепископ Новгородский проявил в довоенные и военные годы кипучую деятельность в деле борьбы с пьянством, ставшим настоящим всенародным бедствием. Сначала он покрыл всю епархию братствами трезвости. Затем он объединил их в федерацию Новгородской епархии. Во всем этом он считал живой пример лучшим видом нравственной проповеди. Поэтому, когда в покоях Владыки или в Епархиальном доме³⁵ устраивались собрания, приемы и трапезы, в газетах неизменно сообщалось, что они прошли без алкогольных напитков и даже без столового вина и пива.

В конце января 1917 года это начинание приобрело всероссийский размах, когда совет Всероссийского Александро-Невского братства трезвости, собравшись в Петрограде под председательством архиепископа Арсения, постановил созвать не позднее августа того же года Всероссийский съезд представителей трезвенных организаций. В Государственном совете архиепископ Арсений был инициатором нового законодательства по борьбе с пьянством в России.

За несколько недель до Февральской революции – в начале января 1917 года – в церковной жизни Новгорода имели место события местного значения, которые мы все же отметим из-за самого момента, когда они происходили. Правящий архиепископ Арсений возвратился на короткий срок в свой епархиальный город в последний раз до революции. В этот приезд он многое обсуждал со своим первым викарием епископом Тихвинским Алексием.

В столице обстановка принимала все более критический характер. Прошло два месяца со времени убийства Распутина, Государственная дума пребывала в состоянии острого политического кризиса. Среди самых противоречивых и тревожных слухов атмосфера в Петрограде непрерывно накалялась. И в Синоде, и в Государственном совете архиепископ Арсений мог ежедневно наблюдать признаки надвигавшегося государственного кризиса и полной неподготовленности к нему и растерянности правительственных кругов.

Причиной приезда архиепископа Арсения в Новгород в такой момент была назначенная на 8 января архиерейская хиротония новгородского епархиального миссионера архимандрита Варсонофия (Лебедева) в епископа Кирилловского.

В напутственной речи архиепископа новопоставленному архиерею отразились заботы и настроения переживавшегося исторического перелома. Приведем несколько характерных мест из его речи при вручении епископу Варсонофию архиерейского жезла.

«Переживаемые нами знаменательные события в государственной и церковной жизни выдвигают новые задачи для Церкви. Нет сомнения, что в настоящей мировой войне куется новая жизнь с ее запросами, которые будут направлены и к Церкви, и к ее пастырям. Сумеем ли мы должным образом ответить на них?»

Архиепископ Арсений сказал еще: «Не отрицаем недочетов в церковной жизни и мы. Существенным ее недостатком является слабая связь между пастырями и пасомыми и как следствие этого – недостаточное влияние Церкви на все стороны жизни человеческой, и личной, и общественной. Церковь есть союз любви. В силу такого союза пастыри должны руководить пасомых по пути к вечному спасению, духовно возрождать пасомых, обновлять их и соделывать храмами Святого Духа. Разобщенность между пастырями и пасомыми – причина равнодушия нашего общества к Церкви. Она же является удобной почвой для возникновения в ней враждебных сил в виде сектантства и неверия в многообразных формах».

Патриарх, вспоминая эту хиротонию начала 1917 года, отмечал несколько десятилетий спустя, что она прошла в совершенно необычной для таких церковных

торжеств атмосфере. Прибывший из Петрограда архиепископ Арсений говорил с присутствовавшими в Новгороде собратями архиереями новым языком. Тон его был сосредоточенно-серьезен, и собеседников он призывал к бдительности не только собственными глубокими суждениями, сбывшимися впоследствии, но и ссылками на Священное Писание.

Запомнилось напоминание Владыки архиепископа о словах Спасителя, которыми оканчивается 13-я глава Евангелия от Марка: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте». Бушующая война кончится, говорил с духовным волнением архиепископ Арсений, но люди, народы, все человечество уже будут не те: возврата к довоенным убеждениям и понятиям не может быть. И поскольку это не подлежит сомнению, нам нельзя не учитывать, что эта нынешняя война вызовет огромный и глубокий кризис в сознании современного человечества. Интересы народов и государств будут ставиться выше интересов личностей, и принцип обязанностей будет стоять выше прав».

Архиепископ добавил, что даже такой сдержанный и осмотрительный член Синода, как архиепископ Никон (Рождественский)³⁶, в конце 1916 года выступил на заседании Святейшего Синода с речью на эту тему и этой же теме посвятил ряд статей в синодальном органе – «Церковных ведомостях».

На епископа Алексия говорившееся в тот день произвело тем большее впечатление, что он слушал своего давнишнего наставника и что архиепископ Никон, на которого тот ссылался, также был в сонме хиротонисавших его иерархов.

В тот же вечер 8 января, после хиротонии епископа Варсонофия, архиепископ Арсений, крайне ограниченный во времени и спешивший возвратиться в Петроград, созвал годичное собрание своего детища – Новгородского церковноархеологического общества. Общество это после тщательной подготовки было учреждено архиепископом при активном содействии ученых Петербурга, Москвы и Киева в 1913 году. Епископ Алексий, заменявший своего архиепископа в возраставшем круге дел, играл все более деятельную роль в жизни этого общества, которое к 1917 году достигло большого и действительно всероссийского развития. В его «древлехранилище», быстро превратившееся в весьма значительное собрание ценных образцов новгородского искусства и древностей, со всей страны стекались новые экспонаты, объекты научного изучения, старинные документы и новейшие исследования.

Епископ Алексей был избран заместителем архиепископа, председателя общества. 8 января собрание общества было создано в архиерейских покоях, так как Арсенийский епархиальный дом был отдан под военный госпиталь. Епископ Алексей выступил с сообщением о работе комиссии по реставрации знаменитого Спаса-Нередицы (к несчастью для всего русского и мирового искусства в сороковых годах уничтоженного немецкой артиллерией).

Архиепископ Арсений открыл собрание многозначительной и одушевленной речью, заостренной не только против внешнего врага, но и против немецкого засилья внутри самой России. Ее он накануне обсуждал с епископом Алексием.

Из этой речи для более полного понимания настроений новгородских архиереев в этот переломный исторический момент приводим наиболее показательные места³⁷.

«Если мы вникнем в смысл совершающихся теперь событий, то, быть может, найдем, что наши занятия имеют свое оправдание и в переживаемые нами дни... Археология как раз имеет в виду пробудить национальное самосознание... Целых два века мы были в плену у Запада. Нас нимало не ужасало, что иноземные влияния наложили печать на все стороны нашей жизни, не исключая и религиозной. Запад научил нас отвергать предания священной старины, к православной богословской науке привил

свой рационализм. Только лет 15–20 тому назад мы, наконец, спохватились и задумались над утраченными нами под влиянием Запада ценностями... Мы поняли всю невозместимость утрат, понесенных нами благодаря тому, что предметы родной старины разными путями переселились в музеи Запада. В частности, мы, новгородцы, спохватились, что нашу старину не расхищали только те, кто не хотел... Министерство народного просвещения ввиду народившихся национальных течений должно было позаботиться о воспитании любви к родному прошлому в обучающемся юношестве. Было наконец открыто, что прежде знания назубок разных «Саксен-Рудольфштадтов, Саксен-Мейнинген» и прочих нам прилично ознакомиться и ознакомить учащихся с достопримечательностями Москвы, Киева, Новгорода.

Нужно ли, однако, говорить, что одно расширение книжной схоластики не могло и не может дать прочного знакомства со своим родным. Для этого необходимы личные впечатления... Доброму можно учиться и у врагов. И вот, если бы русские юноши последовали примеру немцев, которые предпринимают по своему фатерлянду длинные путешествия пешком, они научились бы понимать и любить свое Отечество».

Любопытно, что этими словами архиепископ Новгородский как бы предвосхищал широко распространившуюся в наши дни практику походов по стране туристов, преимущественно из послевоенного поколения.

«Наше церковно-археологическое общество, – продолжал архиепископ, – с одной стороны хочет возбудить интерес к родной старине среди местных жителей-новгородцев, с другой – оно желает быть одним из пунктов, знакомство с которым обязательно для всякого, кто интересуется прошлым нашей великой Родины.

Нынешним летом мы имели радость видеть в своем древлехранилище целое художественное училище, которое занималось там целое лето и не находило слов для выражения своего восхищения пред столетиями родной старины, собранными там. Полюбим и мы прошлое когда-то великого, буйного, а теперь тихо почившего Новгорода. Научимся понимать, что в Новгороде буквально каждая пядь земли говорит о том или ином событии.

Пусть же нам не будет стыдно пред тем, кто за сотни, за тысячи верст едет и едет в Новгород, чтобы видеть те дорогие для русского сердца места, где начиналась наша родная история, чтобы поклониться святыням нашим...

Наш годовой праздник ныне, как и в прошлом году, происходит не в обширном зале нашего Епархиального дома, который во время войны сделался домом милосердия... Но тем большая благодарность всем, кто имел усердие придти и разделить с нами нашу радость по поводу сделанного нашим обществом за четыре года его существования».

На том же годичном собрании церковноархеологического общества было и то обсуждение проекта реставрации Спаса-Нередицы, о котором говорил Патриарх Алексий. В журнале, в котором была приведена речь архиепископа Арсения, обсуждавшаяся обоими Владыками накануне, мы нашли следующую цитату, которая вызывает гневную скорбь при мысли, что между сегодняшним днем и вечером 8 января 1917 года пролегло кощунственное варварство – сокрушение неприятелем в ходе Второй мировой (Отечественной) войны этого уникального памятника XII века и его неповторимых фресок. Приведенные цитаты показывают заботы новгородских архиереев в последние дни перед сменой эпох в жизни страны и в их собственной жизни.

«Оказалось, – говорится в цитате, – что кроме изученных уже в Спасо-Нередицкой церкви трещин и отпучивания штукатурки с фресками на них замечены подобные же неприятные новообразования в отделении алтаря с жертвенником, на фигурах святых Кирика и Иулитты, на фресках с изображением Страшного Суда, расширяется

трещина на потолке алтаря над изображением Богоматери. Для временного укрепления угрожающих падением фресок найдено возможным употребить деревянные щиты с натянутыми на них лентами из холста и войлока.

В целях постоянного укрепления спасо-нередицких фресок предположено приступить к опытам сначала в других новгородских церквях, чтобы видеть действие употребляемых составов на штукатурку и фрески, и потом закончить эти опыты в Спасо-Нередицкой церкви в таких местах, возможная неудача опытов в которых не повредила бы драгоценной росписи Спасо-Нередицкой церкви. В тех же видах сохранения фресок предположено с западной стороны приделать к Спасо-Нередицкой церкви деревянную паперть и так или иначе заделать щели, образовавшиеся около рам в церкви».

2. Февральские события 1917 года в Новгороде. «Воззвание» епископа Алексия к новгородской пастве

Февральская революция началась в 1917 году в Петрограде с выхода на улицу народных масс, требовавших сначала хлеба. Но очень скоро раздалось требование мира. В это время интеллигенция требовала ответственного министерства. Думские партии после крушения самодержавия выдвигали программу войны до победного конца. Им ответила волна демонстраций по всем городам с лозунгами немедленного мира без аннексий и контрибуций.

Все происходившее не только на поверхности жизни в старой России, но и в более глубоких побуждениях социальных и политических групп, руководивших этой прежней жизнью, уже как-то не проникало в народную толпу. Невзгоды, лишения и жертвы, все виды несправедливости могли сноситься «в поте лица» во времена мирные. Но в военные годы все, даже обычные тяготы стали измеряться потерями в живой силе и крови.

Десятки, затем сотни тысяч, за неполных три года почти три миллиона трупов – скошенный цвет мужской мощи страны – полегли в бесчисленные и безымянные братские могилы в предгорьях Карпат, в лесных болотах Литвы и Полесья. И с этой поры все задуманное и проводимое «сверху» стало для народной стихии России не безразличным, а неприемлемым. Подсознательное у тогдашнего большинства, а у иных сознательное ощущение нестерпимости повело к прямому противодействию.

Старая власть рухнула сразу. Поначалу на ее развалинах оставалось лишь законодательное учреждение – Государственная дума, которой принадлежала инициатива создания временной центральной власти. Орган этой власти был и по названию провозглашен «временным правительством».

От имени Государственной думы недолго действовал особый комитет, фактически объявивший временными и законодательные прерогативы Думы, которой предстояло быть замененной Учредительным собранием для определения будущего государственного устройства страны.

В первые дни после переворота связь провинции со столицей почти не существовала. В Новгород, в частности, из Петербурга поступали лишь скудные и отрывочные сведения. Епископ Алексий, замещавший во главе епархии правящего архиепископа, не имел никакой связи ни с последним, ни со Святейшим Синодом. Известия о происшедших чрезвычайных событиях поступали к епископу первоначально лишь от военного коменданта города, в распоряжении которого находился «прямой провод», то есть телеграфная связь с Петроградом и Псковом (где находился штаб Северо-западного фронта).

Об отречении императора и его брата вся страна была уведомлена в срочном порядке. Относительно образования новой власти стали известны лишь главные факты. На месте губернатор был тотчас же отрешен от управления губернией. Губернский комиссар Временного правительства появился не сразу, и для поддержания порядка и снабжения в городе и губернии возник местный комитет общественного спокойствия.

К епископу поступали запросы от духовенства и приходов не только епархиального города, но и со всех концов епархии. Ему пришлось принять ряд ответственных решений, чтобы иметь возможность дать руководящие указания подчиненному ему на обширной территории весьма многочисленному духовенству и уведомить свою паству об отношении церковной власти к совершившимся историческим событиям.

В этот момент епископ Алексей не мог не вспомнить своих собственных ранних высказываний (в академической диссертации о митрополите Филарете) еще в 1904 году – то есть за тринадцать лет до Февральского переворота: «Все то, что мы переживаем, имеет несомненную, иногда самую непосредственную, тесную связь с событиями прошедшими, которые, таким образом, являются породителями современных событий, а потому, если мы захотим анализировать какое-нибудь явление наших дней и выяснить его значение и сущность, мы непременно должны восходить по исторической лестнице вглубь времени и искать в прежних годах те события, естественным следствием которых является исследуемый нами факт настоящей действительной жизни. Весьма часто причину данного явления следует искать в отдаленных временах...».

5 марта епископ Алексей выпустил воззвание, которое было оглашено во всех храмах епархии, расклеено на стенах городов и селений и воспроизведено во всей периодической печати, издававшейся в пределах Новгородской губернии.

Воззвание это гласило: «Твердо веруя, что за крестом внешних испытаний и внутренних нестроений дорогой Родины нашей наступит светлое воскресение и обновление великой России, православное духовенство города Новгорода призывает всех объединиться в общей горячей молитве к Милосердному Господу, да благословит Он в эти тяжкие минуты созидательную работу нового правительства, и просит православное население Новгорода во имя блага Родины пребывать в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, соблюдая во всех своих действиях полное единодушие и спокойно выполняя законные требования власти, которую в настоящее время в городе Новгороде представляет Комитет общественного спокойствия».

Воззвание было подписано: «Алексий, епископ Тихвинский, викарий Новгородский, и духовенство города Новгорода, 5 марта 1917 года, гор. Новгород».

В № 5 «Новгородских епархиальных ведомостей» (то есть в первом номере после Февральского переворота, вышедшем в свет 15 марта 1917 года) было напечатано несколько сообщений из церковной хроники. Приводим известие о том, что в воскресенье 5 марта в Софийском соборе Преосвященный Алексей, совершив Божественную литургию в сослужении соборного духовенства, перед молебном о даровании победы российскому воинству вышел на амвон и, прочитав манифесты императора Николая II и великого князя Михаила Александровича об отречении от престола, «в разъяснение вышеуказанных государственных актов» произнес слово, в котором охарактеризовал яркими чертами положение государства за последнее время, когда, с одной стороны, шла беспрецедентная в истории народов тяжелая война, а с другой – внутри совершались неслыханные измены со стороны тех, кто был призван царем в качестве ближайших сотрудников в управлении государством.

Владыка подробно коснулся того, как постепенно воздвигалась между царем и народом все более и более плотная стена. Преосвященный, переходя к недавним событиям, указал на то значение, какое имеет для России новый строй правления и чего он требует от каждого русского гражданина.

В том же номере «Новгородских епархиальных ведомостей» была напечатана краткая редакционная статья. Статья эта, принадлежавшая перу епископа Алексия, была озаглавлена «К моменту». Приводим ее начало: «Государственный переворот совершился. Дни революции большинством духовенства были пережиты в большой тревоге и смущении. Духовенство не за страх, а за совесть, по заповеди апостола, учило «быть покорными всякому человеческому начальству» (1 Пет. 2, 13). Не ритуалом, а потребностью религиозного сердца были «молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих... (1 Тим. 2, 1–2)», возносившиеся пастырями за богослужением. В дни переворотов пред сознанием пастырей во всем объеме ставился вопрос о верности присяге. Далекое от политической жизни страны, духовенство в большинстве своем не знало, чтобы существовали обстоятельства, в силу которых оно обязывалось думать о представителях власти: «судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога?» Отречение бывшего государя от престола облегчило совесть пастырей».

Статья «К моменту» более не касалась происшедшего государственного переворота. Она была фактически первым откликом на одно из первых же мероприятий Временного правительства – провозглашение равенства религий. По этому поводу епископ Алексий высказывал мысли, как бы подготовлявшие экуменическую линию его будущего патриаршества.

Приводим заключение статьи: «В истории Церкви были времена, когда ревнителями ее выдвигалась против врагов ее сила. Но тогда же находились люди, которые терпимостью к чужим верованиям и всякое насилие над людьми нецерковных воззрений обьявляли чуждыми существу Церкви. Нужно оплакивать слабости и заблуждения нашего времени, говорит святой Иларий (IV век). Люди воображают, что Бог нуждается в их покровительстве. Церковь угрожает изгнанием и темницей и хочет силою заставить веровать в нее – та Церковь, которая сама утвердилась через изгнание и темницы».

В статье «К моменту» отмечалось, что для Православной Русской Церкви свобода совести – великий завет, данный ей святыми первоучителями славянскими Кириллом и Мефодием. «... Начала свободы совести провозглашались и лучшими сынами Православной Церкви». «Церковь, – говорит Иван Сергеевич Аксаков, – не может отвергнуть принцип религиозной свободы, или, правильнее, свободы совести, не отрекшись от самой себя, ибо все здание Церкви стоит на том свободном действии духа, которое называется верою». Так заканчивалась статья.

Мы уже говорили, что русское духовенство было подготовлено к революции менее всех других сословий старой России. От него власть веками ждала покорности и повиновения. Христианство издревле, со времен апостольских, учило повиновению установленной власти. В этом отношении наставления апостолов категоричны. Это имело значение тем большее, что в то время христиане были гонимы преследовавшей их языческой властью.

Участие во всякой политике в принципе было отвергнуто Церковью с момента основания ее Господом, указавшим ученикам Своим, что она есть Тело Его. Греховность человека по-разному проявлялась в Церкви исторической. На Западе христианство само посягало на государственную власть и овладевало ею мечом. На Востоке в покорности власти христианство позволяло ей злоупотреблять собой. Восточное

христианство издревле оказывалось в страдательном положении от нашествий, завоеваний, притеснений со стороны мирского владычества.

Все христианство некогда переняло древнейший обычай – обряд помазания носителя власти на царство, восходящий к прецеденту помазания Саула пророком Самуилом в Израиле за тысячу лет до Рождества Христова. Рим превратил помазание правителей феодальных монархий в их зависимость от себя, и так сложились предпосылки папозезаризма. Но Византия постепенно превратила помазанничество в цезарепапизм, унаследованный от нее Россией.

В обоих случаях историческое христианство искажало учение Христово и посягало на сущность Церкви. Существовая в видимой части своей в мире, тем не менее она – не от мира сего. Независимо от религиозных или нравственных побуждений русских самодержцев, их покровительство шло поэтому не Церкви Христовой, а духовенству, именно как исторически сложившемуся «сословию». И в этом – объяснение стольких сторон нашей прошлой церковной жизни.

И в этом также объяснение значения революции для Русской Церкви, принесшей ей одновременно возможность и необходимость самостоятельного существования. Вполне понятно, что такая перемена повлекла за собой кризис перестройки, реорганизации, создания новых отношений с окружающим миром.

В первые же дни после крушения русской монархии, установившей систему цезарепапизма в нашей стране, совершилась весьма существенная перемена в судьбе и положении Русской Православной Церкви: как мы уже видели, она формально перестала быть «господствующей». Многие иерархи, клирики и миряне усмотрели в этом некую утрату. Этот взгляд нашел себе выражение в некоторых высказываниях на Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 годов, хотя тогда все-таки преобладало подлинно церковное понимание роли Православной Церкви в христианстве и мире.

Отклики укоренившихся представлений о «господстве» Церкви, принудительно осуществляемом государственной властью, впрочем, еще долго могли быть слышны среди русских иерархов старшего поколения, сходившего с исторической арены в двадцатых и тридцатых годах. От притязаний на «господствующее» положение Церкви и на обеспечение такого положения властью, обязательно вероисповедной, не сумели отрешиться расколы, возникшие в нашей Церкви после революции (как до сих пор существующий уже в полном отрыве от Русской и Вселенской Церкви зарубежный «карловацкий» раскол, о котором нам придется еще упомянуть ниже).

Что важно отметить, говоря не об «утрате» состояния «господствующей» Церкви, а о спасительном освобождении от подобного состояния, всегда и всюду искажавшего самое назначение Христовой Церкви как орудия вечного спасения людей, – так это мудрое и отчетливое понимание спасительной перемены, выраженное в печати сорокалетним епископом Тихвинским Алексием еще в марте 1917 года.

И до революции авторитетные голоса церковных иерархов и выдающихся православных писателей и мыслителей обличали всякое насилие над совестью человеческой и свободной волей людей в области религиозных верований. Но незамедлительное выступление церковной печати после совершившейся перемены – статья «К моменту» – остается одним из самых ранних официальных высказываний русской православной иерархии по вопросу равенства религий в России.

Уже в первые месяцы, последовавшие за Февральским переворотом, должно было стать ясным, что революция опрокинет все старые иерархические структуры в русской жизни. Как мы уже отметили, структуры административные и политические рухнули сразу. Быстро наметилось и крушение военной иерархической структуры.

Уже ход войны внешней обнаружил, что эта старая структура подорвана непоправимо, а опыт гражданской войны неопровержимо и окончательно подтвердил этот факт. Октябрь ниспроверг и структуры экономические и бытовые, сокрушив их социальные основы.

В эту переломную эпоху долгая внешняя связанность Церкви с прочими структурами страны не могла, конечно, не привести к тому, чтобы и существование церковной иерархической структуры ставилось под вопрос широкими кругами тогдашнего русского общества. Но основы церковных структур сложились на тысячу лет раньше возникновения в нашем Отечестве первичных форм государственности и за добрых полтора тысячелетия до петербургской империи, наложившей руку на управление церковной иерархией. Невозможность отождествлять внутренний строй Церкви, созданной не для отношений и целей «мира сего» с иерархиями социально-политическими, не была и не могла быть полвека тому назад понята всеми, кому приходилось жить в рамках официальной церковности.

Кроме того, теперь важно учесть, что видимая часть церковной жизни и ее земные структуры должны были доказать свою жизнеспособность в новых и изменяющихся условиях. И именно это доказательство не могло прийти сразу. Жизненность этих исторических структур Церкви могла стать очевидной только в развитии исторического же процесса, проявившись не в предположках, а в результате его.

Кажущаяся парализованность высшей иерархии Русской Православной Церкви после свержения старого государственного строя объяснялась прежде всего долгим ее пленением государственной властью. Несвобода церковной иерархии в дореволюционной России воспринималась святителями с просветленным и углубленным церковным сознанием как грех перед Церковью и как историческая трагедия. Но это состояние, став привычным, при видимости благополучного процветания русского Православия, далеко не всегда понималось во всей его духовной и нравственной несостоятельности очень многими иерархами Церкви и всей консервативной частью старого русского общества, к которой сами эти иерархи зачастую принадлежали.

Еще в начале XVIII столетия Русская Церковь была фактически как бы закреплена государством, что явилось следствием постепенного сползания Московского царства к византийскому цезарепапизму, при котором царская власть постоянным вмешательством в дела Церкви систематически нарушала заповедь Христову о разделении Божиего и кесарева. Духовный авторитет церковной иерархии, страдавший от этого, был уже подорван настолько в период великих реформ, что в юном Петербурге в начале XVIII столетия Церковь сочли возможным попросту «преобразовать» в некое государственное ведомство.

И вот два века подряд нашу церковную иерархию и народ Божий приучали к всемогущей опеке государства. В продолжение двух столетий иерархов Церкви хиротонисали в епископский сан не иначе, как по указам носителей государственной власти – императоров. По таким же указам иерархов перемещали с одной епископской кафедры на другую, увольняли «за штат», удаляли «на покой», налагали всевозможные, подчас унижительные взыскания или, наоборот, награждали орденами – опять же государственными, а не церковными. Но и чисто церковные награды: панагии, кресты, митры, камилавки и т. д. возлагались на клириков лишь под контролем гражданского (а то и военного) государственного чиновника, иногда неправославного (даже «по паспорту») или неверующего, какими бывали некоторые из пресловутых обер-прокуроров Святейшего Синода.

К этому нелепейшему в приложении к Церкви званию множество верующих привыкло, как привыкло оно и к тому ненормальному положению, в которое на протяжении жизни многих поколений была поставлена Русская Церковь. И немудрено, что люди, даже вовсе против нее и не настроенные – как в самой России, так и за границей, – часто смотрели на архиереев как на государственных сановников.

Когда же устои старой русской государственности развалились, самой Церкви стало необходимо возможно скорее вернуться к положению, отвечающему ее природе и назначению, то есть служению делу вечного спасения людей и исканию для этого Царства Божия и правды его в полной независимости от «мира сего» и его земных царств.

Достижение такого – для христианской Церкви естественного и обязательного – состояния после столь продолжительного вынужденного отклонения от него было бы непросто и нелегко и в самые мирные и спокойные времена. В обстановке же напряженности, вызванной истощившей силы и ресурсы страны мировой войной, какой прежде не бывало, и усугубленной политическим кризисом, необходимое освобождение Церкви от последствий вековой опеки со стороны государства, создавало огромные трудности. И эти трудности неминуемо должны были втянуть верующие массы России в продолжительный кризис.

3. Противостояние епископа Алексия новгородскому обновленчеству

Положение Русской Церкви в стране после крушения прежнего государственно-го строя и внутреннее состояние самой Церкви, не замедлившее выявиться в последующие же месяцы в период, в просторечьи прозванный тогда «керенщиной», теперь уже основательно позабыты. Это только естественно полстолетия спустя. Но тут нам представляется уместным отметить, что – как уже говорилось выше – наша задача состоит в ознакомлении читателя с главными событиями в жизни Святейшего Патриарха Алексия.

В жизни этой, волею Божией продлившейся более девяти десятилетий, как раз последнее полстолетие открылось цепью событий, к которым предшествовавшие сорок лет, как тоже уже говорилось, не могли подготовить первоиерарха, намеченного Господом в неисповедимых путях Своих последние свои четверть века стоять у кормила церковного корабля. И эти четверть века ему дано было вести вверенный ему корабль по глубоким водам после затихших уже бурь первой половины нашего XX столетия.

Исходя из никогда не покидавшей его покорности воле Божией и глубокой веры в то, что все совершающееся промыслительно, почивший Патриарх за все долгие годы своего архиерейства на ожидаемое и неожиданное реагировал в уверенности, что все – от Бога, и поэтому – как сразу после его блаженной кончины написал Экзарх в Западной Европе митрополит Сурожский Антоний – «все может быть, должно быть поводом, ниспосланным Господом для христианского делания, для дела Божия».

В первые дни после Февральского переворота епископ Алексей переживал тревогу за исход неоконченной войны. В этом отношении он разделял чувства всего русского епископата, вознесившего молитвы о ниспослании победы русскому оружию за каждым богослужением с лета 1914 года.

Архиепископ Новгородский Арсений еще задерживался в Петрограде, когда епископу Алексию пришлось еще раз заменять его при служении (14 марта) молебна на площади перед Софийским кафедральным собором, где, как было и в начале войны, выстроены были резервные боевые части, составлявшие тогда Новгородский гарнизон.

И вновь, обращаясь к войскам, Владыка сказал: «Приветствую вас, православные христоролюбивые воины, и радуюсь, что вы всей вашей военной семьей собрались здесь, чтобы перед лицом нашей многовековой новгородской и российской святыни, святой Софии, принести Господу усердную молитву о помощи Божией в борьбе со врагом.

Мой долг, как архипастыря и служителя Святой Церкви, напомнить вам, чтобы вы прониклись сознанием, что не внешняя сила, а помощь Божия является залогом успеха вашего во всяком деле. Молитва церковная, которую вы услышите сегодня, говорит: мы «не на лук уповаем, и не оружие наше спасет нас, но только Божественная сила и небесная помощь. <...>

Вера в эту Божественную силу и в эту небесную помощь укрепляла всегда русское воинство; она вдохновляла его на великие подвиги на полях брани; она же давала ему силы непоколебимо идти на самую смерть ради счастья Родины».

«И вам всем, братие, православные воины, — заканчивал свое слово епископ, — предстоит нести тяжелые подвиги в борьбе со врагом; многим из вас, быть может, суждено положить жизнь свою в этой борьбе. Пусть же вас укрепляет в ваших подвигах вера в Бога и надежда на Его помощь. Спаситель наш сказал, что «где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди их».

Мы веруем, что Он услышит нас всех, собравшихся во имя Его, и пошлет нам Свою Божественную помощь. Помолимся же Богу от всего сердца, чтобы Он помог нам в предстоящей трудной борьбе и чтобы Он благословил нашу Родину победою, славою, благоденствием и миром. Аминь».

Революционные сдвиги, между тем, во всей стране наращивали темпы. Такие явления, как парады войск с молебнами о даровании победы, становились редкостью в тыловых городах. В Новгороде во второй половине марта уже стали проявляться признаки брожения и в церковных кругах. Это брожение, которое Патриарх Алексей в последствии назвал «керенщиной в ограде Церкви», было направлено против церковной дисциплины и канонической иерархичности.

Первоначально это выражалось во внесении мирских страстей в стены храмов: в них начались шумные собрания, митинги, голосования, часто не имевшие даже никакого отношения к церковным делам и к церковной жизни. Церковными зданиями пользовались для гражданских целей в небольших городках и селах из-за их размеров и просторных помещений.

Но стали учащаться случаи самоуправства и в области чисто церковных вопросов. Возникали группы, переносившие отголоски избирательных кампаний и политические лозунги всевозможных партийных группировок разных направлений во внутриприходские отношения.

Большинство верующих и духовенства было чуждо этим внешним беспорядкам в их храмах, где инициаторами шумных выходов были единичные личности и собиравшиеся вокруг них небольшие группы прихожан. Такие явления были неизбежны в период распада основ прежней общественной жизни и всех ее проявлений. Но и сама церковная среда должна пережить свои особые волнения.

Помимо застарелых искажений церковной жизни в России синодального периода в последнее десятилетие перед революцией эта жизнь была отмечена болезненными фактами, также вытекавшими из той же зависимости от государственной власти, каких раньше все же не наблюдалось. Поэтому в церковной жизни возникли и определились контрастные явления. С одной стороны, в русском епископате и в православной общественности нарастало и углублялось церковное самосознание. В прямой

связи с этим крепили надежды на возможность оздоровить внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви возрождением в ней соборного начала.

Мертвящему воздействию казенного чиновничьего бюрократизма на религиозную жизнь верующих христиан противостояла сначала мечта о Поместном Соборе нашей Церкви, которая, принимая все более реальные очертания, выливалась в формы общественной борьбы за созыв такого собора³⁸. Это – повторяем – с одной стороны.

С другой – наблюдалось вящее искажение и без того ненормальных и застарелых в своей несообразности взаимоотношений между зависимой от государства Церковью со светской правительственной властью, обреченной на скорое и – как показала история XX века – неминуемое исчезновение. Власть эта, деятельность которой принимала характер какой-то припадочной безответственности и непоследовательности, металась из стороны на сторону под действием обострявшегося внутреннего кризиса.

Эта болезненная заключительная стадия старой русской государственности и отражение конвульсий ее на положении Русской Церкви составили недоброй памяти, пусть и краткий, период, который успел в русской общественной жизни быть прозван «распутинщиной».

Врожденная болезнь единственного сына царской четы – гемофилия, главной и опасной чертой которой является возрастающая трудность сворачивания крови, – с начала века наметила угрозу существованию династии Романовых и обусловила в военные годы нарастание истеричности в царском дворце, перешедшей в настоящий психоз. На этой почве создалась возможность появления за кулисами русского самодержавия предприимчивых и корыстных авантюристов, знахарей и кликуш. Так могло возникнуть в последние годы старой русской власти ни с чем не сообразное влияние на правительственную среду малограмотного и алчного человека порочной жизни. Прикидываясь молитвенником и целителем, человек этот – сибирский крестьянин Григорий Новых, в родном селе уже стяжавший кличку Распутин – играл одновременно на религиозных чувствах и на становившейся все более встревоженной и суеверной озабоченности царицы и влиянии ее на царя.

В итоге произошло нечто почти невероятное: он сумел стать одним из главных факторов безостановочной смены высших представителей правительственной власти – пресловутой «министерской чехарды».

В эту неустойчивость высших постов и должностей в те годы втягивали по проискам того же Распутина членов русского епископата. Распутину было нужно показать, что он имеет возможность воздействовать на архиереев, которые открыто выступали против него. Ему было особенно важно преодолеть распространявшееся все шире мнение, что он неправославный, что он примыкал к изуверской секте «хлыстов».

Добиваясь признания за собой свойств и добродетелей православного старчества, он был вынужден прикрывать некоторые из своих становившихся известными дебошей, как бы «Христа ради юродством». Так или иначе, он воображал, что ему удастся закрепить за собой в глазах царской семьи репутацию чуть ли не «специалиста» по церковным делам.

По мере того, как проходили годы, его все более разоблачавшие, главной заботой Распутина становилось стремление обезвредить наиболее решительных своих противников из современных ему иерархов Церкви или удалить их с архиерейских кафедр.

Появление Распутина в Петербурге и его «восхождение» относится к первому десятилетию века. Но в это десятилетие он сумел еще только снискать себе известность, как якобы «богомольный странник», а затем и «целитель». Политического влияния он

тогда еще не мог добиваться и старался держать себя осмотрительно. Но близко наблюдавшим его привычки и склонности, кутежи и безобразные выходки уже раскрыли глаза.

До Патриарха Алексия слухи о на шумевшей на всю Россию истории о разоблачении авантюриста епископом Феофаном (Быстровым) дошли, когда он был еще ректором семинарии в Туле. Тогда (в 1909 году) архимандрит Феофан, бывший на три года старше епископа Алексия, только что был хиротонисан в епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии.

В 1905 году, будучи магистром богословия и инспектором Петербургской Духовной академии, он познакомился с Григорием Новых, добравшимся до столицы из Тобольской губернии, уроженцем которой был, и поверил его набожности и благочестию. Архимандрит Феофан имел неосторожность представить «странника» обоим великим князьям «черногоркам» (сестрам, бывшим в замужестве за двумя братьями великими князьями Николаем и Петром Николаевичами, дядями царя). Таким образом Распутин попал «ко двору».

Вскоре епископ убедился в полном недостоинстве проходимца, которому он оказал свое покровительство и, осознав свою ответственность, горячо и решительно осудил собственную оплошность, с 1910 года предостерегая и собратьев епископов, и членов царского дома против лицемерия и притязаний Распутина. Епископ Феофан неустанно разоблачал его, и благодаря ему члены Святейшего Синода смогли занять единственно правильную позицию еще при жизни первоприсутствовавшего в Синоде почитаемого митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского)³⁹.

С епископом Феофаном Патриарху Алексию не приходилось встречаться до революции. Но архиепископ Новгородский Арсений хорошо его знал и своему будущему викарию Преосвященному Алексию, когда последний был еще ректором Новгородской семинарии, много о нем рассказывал. В то время епископ Феофан из-за своего энергичного противостояния Распутину приобрел большую известность в церковных кругах. Характеристика его, данная архиепископом Арсением, произвела сильное впечатление на Владыку Алексия.

Будучи ректором столичной академии, епископ Феофан уже стал популярным в Петербурге проповедником, «обжигая сердца слушателей своим пламенным глаголом», как выразился архиепископ Арсений. По описаниям архиепископа получалось, что епископ Феофан пылким характером и решительностью был несколько похож на него самого.

Синод сумел добиться назначения Преосвященного Феофана епископом Таврическим и Симферопольским в конце 1910 года. Но осенью 1912 года царское семейство уезжало в Ливадию и стало известно, что императрица не желает встречаться в Крыму с правящим епископом. Во избежание нежелательного инцидента Синоду пришлось найти выход из положения в переводе епископа Феофана на Астраханскую архиерейскую кафедру. В 1913 году он был назначен епископом Полтавским и Переяславским.

В период перед кончиной митрополита Антония члены Синода и руководящие деятели русского епископата отдавали себе ясный отчет в губительной для Церкви и страны роли Распутина, который со своей стороны также учитывал, что ему не под силу бороться с сонмом крупнейших иерархов, представлявших различные течения православной мысли в России, среди которых выделялись тогда все три митрополита – Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), Московский Владимир (Богоявленский), и Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон (Беллавин) – будущий Патриарх, архиепископ Житомирский и Волынский

Антоний (Храповицкий), архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) – тоже будущий Патриарх, архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий). Антираспутинская позиция перечисленных архиереев была хороша известна.

Низкая авантюра Распутина нашла, однако, единичных и достаточно податливых архиереев, которые пошли было на компромисс.

Жизнь Распутина, как известно, окончилась кровавой драмой: он был убит 18 декабря 1916 года – за два месяца до февральских событий и падения династии Романовых. Влияние его достигло своего зенита примерно за год до его конца.

И вот в ноябре 1915 года он имел возможность добиться перевода митрополита Петроградского и Ладожского Владимира (Богоявленского)⁴⁰ в Киев, чтобы не только избавиться в лице митрополита Владимира от неудобного и в столице для него опасного иерарха, но и продвинуть на его пост своего собственного доброжелателя.

Таковым оказался тогдашний Экзарх Грузии архиепископ Питирим (Окнов)⁴¹. Надо сказать, что раньше в епархиях, которыми он управлял, он завоевывал уважение и симпатии паствы отзывчивостью, заботой о беднейшей части населения, усердием в богослужении и храмостроительством. Перед войной в Синоде стали выдвигаться планы реформы приходов, и архиепископ Питирим прослыл даже передовым иерархом, отстаивая идею о введении выборного начала и избрания настоятелей пасомыми.

Бедой его оказался соблазн, в который ввел его Распутин, в конечном счете погубивший его, как и всех, кто с Распутиным сблизился.

Осенью 1915 года ожидалось периодическое обновление состава Святейшего Синода. Из Тифлиса был вызван архиепископ Питирим. Возник вопрос и о замещении Киевской митрополичьей кафедры, вдовствовавшей после кончины в тот же год митрополита Флавиана.

Воспользовавшись своими упрочившимися связями с министрами, Распутин сумел осуществить свой план и перевести митрополита Владимира на Киевскую кафедру, а на Петроградскую возвести архиепископа Питирима. Это случилось 23 ноября 1915 года. Чего Распутину все же не удалось, это назначения митрополита Питирима первенствующим членом Синода: им остался переведенный в Киев митрополит Владимир.

Но назначение митрополита Питирима в Петроград вызвало возмущение и недовольство не только в церковных, но и в широких общественных кругах. Как только осуществился Февральский переворот, Святейший Синод приступил к смещению с епископских кафедр архиереев, особенно скомпрометированных близостью к Распутину. Первым из них был митрополит Питирим, который 6 марта 1917 года был уволен на покой с поселением во Второ-Афонском Успенском монастыре на горе Бештау (над Железноводском), где жил до своей смерти в 1919 году.

Через две недели та же судьба постигла и митрополита Московского Макария (Невского)⁴², который на Московскую кафедру был назначен в 77-летнем возрасте после более чем полувековой изнурительной службы на Алтае, где он отличался аскетическим образом жизни, трудолюбием и приобрел навыки суровой монашеской дисциплины. Эти черты он внедрял и в Москве, а кроме того, оказывал поддержку самым консервативным, даже реакционным представителям духовенства, чем восстановил против себя влиятельную часть клира.

20 марта по настоянию московского духовенства, поддержанному обер-прокурором Временного правительства В. Н. Львовым, митрополит Макарий был устранен Святейшим Синодом с назначением ему пребывания в Николо-Угрешском монастыре

(около Люберец в Московской губернии), где он и скончался в 1926 году на 91-м году жизни. Так, в первый же месяц после начала революции обе столичные митрополичьи кафедры оказались незанятыми.

7 и 8 марта последовали определения Синода, относившиеся к двум архиереям, которые считались столпами распутинцев. Был удален со своей кафедры архиепископ Тобольский и Сибирский Варнава (Накропин), в епархии которого находилось село Покровское – родина Григория Новых. Был поселен в монастыре города Свияжска епископ, бывший Михайловский (викарий Рязанской епархии) Исидор (Колоколов), по стараниям Распутина получивший настоятельство в Троицком монастыре в Тюмени.

Епископ Исидор, хиротонисанный в 1902 году, был викарием в разных епархиях, пока не был обвинен в безнравственном поведении в 1911 году в Михайлове, откуда был уволен в распоряжение епископа Омского и помещен в Омский Успенский монастырь. Распутин извлек его оттуда, выхлопотав ему настоятельство в тюменском монастыре в Тобольской епархии епископа Варнавы. Находясь в Петрограде в декабре 1916 года, епископ Исидор совершил отпевание Распутина. 8 марта Святейший Синод определил, чтобы Исидор был переведен на жительство в один из монастырей Казанской епархии.

После опубликования актов об отречении Николая II и его брата Михаила Святейшим Синодом было издано обращение к пастве Русской Православной Церкви, гласившее: «Совершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути». Текст обращения был подписан первенствующим членом Святейшего Синода митрополитом Киевским Владимиром и членами Синода: митрополитом Московским Макарием, архиепископами – Финляндским Сергием, Литовским Тихоном, Новгородским Арсением, Гродненским Михаилом⁴³, Нижегородским Иоакимом⁴⁴, Черниговским Василием⁴⁵ и протопресвитером петроградского Петропавловского собора Александром Дерновым.

На первом же после переворота собрании Святейшего Синода из зала заседаний было вынесено обер-прокурорское кресло, прежде всегда стоявшее во главе стола. При этом архиепископ Новгородский Арсений испустил свое, ставшее тогда достойным всероссийской известности восклицание: «Вот, выносят символ цезарепапизма!»

Одним из первых и важнейших мероприятий Синода было решение о том, что все занимавшие архиерейские кафедры епископы Русской Церкви, в разное время возведенные на них в прежнем порядке указами государственной власти, должны быть утверждены на своих должностях во главе епархий или заменены другими иерархами путем избрания на созванных в кратчайший срок епархиальных съездах духовенства и мирян.

Епархиальные съезды сами по себе не являлись нововведением. Они созывались и раньше по определению Святейшего Синода (в XX столетии даже часто) и по представлению об этом докладов верховной власти, от которой исходило разрешение на созыв такого съезда. Но избрание правящих епископов и их викариев прежде не входило в компетенцию епархиальных съездов.

Во исполнение постановления Синода все епархии стали готовиться к епархиальным съездам. Они большей частью состоялись в первых числах мая. Но еще до съездов всюду выявились расхождения между двумя толками рядового духовенства. Везде большинство, местами весьма значительное, держалось за неукоснительное соблюдение догматической чистоты Православия и канонического строя Церкви, богослужбного Устава, церковных правил и дисциплины.

Но во всех епархиях стало заявлять о себе меньшинство, расположенное к различным реформам, из которого постепенно сложилась настоящая оппозиция каноническому церковному устройству. Эта оппозиция была как бы эмбрионом будущего «обновленчества» – раскола, крайности которого омрачали жизнь Русской Православной Церкви в двадцатых годах.

В Новгородской епархии до созыва епархиального съезда возникло два очага брожения. Сначала в первом Тихвинском благочинническом округе произошло нарушение церковной дисциплины из-за непопулярности местного благочинного. На соборании духовенства была образована комиссия из двух священников, двух диаконов и двух псаломщиков, которая произвела выборы нового благочинного.

Этот инцидент был с тактом и терпением улажен епископом Алексием.

В самом Новгороде была совершена попытка, шедшая уже значительно дальше. Инициатором оказался один из иереев новгородского Знаменского собора Николай Бабкин, который и в дальнейшем был до конца обновленческого раскола его глашатаем в Новгороде, окружив себя численно ничтожной, но упорной и шумной кучкой единомышленников (Знаменский собор был за все время церковной смуты единственным храмом, захваченным в Новгороде обновленцами).

26 марта 1917 года священник-обновленец Николай Бабкин основал Братство ревнителей церковного обновления, в которое записалось в качестве членов-учредителей два протоиерея, два диакона, десять священников, один псаломщик и три мирянина. Два пункта устава братства гласили, что члены его оказывают друг другу моральную помощь и обсуждают все мероприятия церковной власти, оказывая им содействие, «если они не противоречат Христовой правде и целесообразности».

В конце апреля возвратился в свой епархиальный город архиепископ Арсений. Ко времени его приезда уже образовалась другая группа, имевшая целью сплотить новгородское духовенство на предстоящем епархиальном съезде. Его инициативная группа из 1 архимандрита, 11 протоиереев, 8 священников, 6 диаконов и 1 псаломщика положила начало Союзу объединения новгородского духовенства и мирян, в который вступило еще до съезда несколько сот клириков. На выборах делегатов съезда повсеместно прошли члены и последователи этого союза. Сторонникам обновленческого иерея Николая Бабкина удалось провести лишь несколько человек, тщетно пытавшихся своими речами создать на съезде нервную атмосферу.

На открытии епархиального съезда архиепископ Арсений поделился с аудиторией церковными новостями и изложил и объяснил ряд решений и мероприятий Святейшего Синода. Он остановился на подготовке Всероссийского Поместного Собора и на уже проведенных Синодом реформах. Он сообщил, что Училищный комитет, в котором он председательствовал, принял решение передать в ведение Министерства народного просвещения и подготавливает передачу последнему 37 тысяч церковноприходских школ (около одной пятой их общего числа) в конце учебного года.

Архиепископ указал, что образованная под его же председательством специальная синодальная комиссия разработала положения о введении выборного начала в церковную жизнь на епархиальном и приходском уровне. Впредь под председательством епархиальных архиереев должны были действовать епархиальные советы из трех клириков и трех мирян, избранных духовенством и паствой. Ректорство духовных академий и семинарий становилось выборными должностями.

Съезд Новгородской епархии принял решение по организационным, административным, финансовым и школьным вопросам местного значения. Было отмечено, что немногочисленные сторонники «реформации» во время отсутствия Владыки Арсения

пытались распространять по Новгороду слухи, что в столице он в разгар событий «укрывался» от своей паствы. Это вызвало смех собрания.

На заключительном заседании съезда архиепископ произнес взволнованную речь, в которой говорил о своем тридцатипятилетнем служении Святой Церкви и народу Божию и предоставил своим собратьям по священству, которых, как он сказал, он мог нередко обижать своей архиерейской взыскательностью и начальнической требовательностью, решать, может ли он и впредь править своей любимой паствой и епархией в стенах древнего Великого Новгорода.

«Вот мой ученик – Преосвященный Алексей! – воскликнул он. – Спросите и его».

Впоследствии Патриарх Алексей говорил о своей речи в тот день с присущей ему скромностью: «Ничего особенного сказать мне не пришлось. Я призывал к единству в Церкви Божией, чтобы всем было видно и ясно по заповеди Господа нашего Иисуса Христа, что мы Его ученики. О Преосвященном Владыке архиепископе я сказал, что всю мою сознательную монашескую жизнь я не переставал благодарить Бога за то, что по Промыслению Его я имел такого учителя и руководителя».

Во время речи епископа Алексея участники съезда поднялись с мест и по окончании ее раздался громкий голос: «Нашему умному, энергичному и достойному архиепископу Арсению и его ближайшему сотруднику епископу Алексию – благодарение и слава!» Единодушное громовое «Исполла эти, деспота» завершило этот избирательный съезд, может быть, имевший некоторое сходство с вечем Господина Великого Новгорода прежних веков, но во всяком случае по своей программе и повестке дня неизвестный петербургскому периоду нашей истории. Новгородский епархиальный съезд 1917 года для новгородских архиереев оказался триумфальным.

Вообще на съездах в 61 из русских епархий епископат в тот год успешно прошел через испытание выборного начала. Лишь в четырех епархиях – Харьковской, Тверской, Черниговской и Екатеринославской – правящие епископы не были переизбраны. Выборы новых предстоятелей в обеих столичных епархиях состоялись несколько позже, поскольку в них и духовенство и паства были весьма многочисленны, распределяясь по гораздо более значительному числу приходов, церковных учреждений и учебных заведений.

В Московской и Петроградской епархиях в мае и июне проходили приходские собрания, на которых избирались делегаты-члены епархиальных съездов. В Петрограде присутствии Синода, двести лет бывшего правящим центром Русской Церкви, и множества клириков и деятельных мирян, работавших в синодальных отделах, канцеляриях и комиссиях, осложнялось еще пестротой церковно-общественных течений и направлений.

Для Петроградской митрополии наследие митрополита Питирима было нелегким, так как уже при его управлении ею она стала рассадником всевозможных тенденций, иногда крайних. Элементы разных церковных уклонов, из которых в дальнейшем развились расколы, были уже вполне заметны в Петрограде, и не только в синодальных сферах или думских кулуарах. Политическая «керенщина» порождала брожение и в кругах, составлявших до революции клерикальную бюрократию, и в кругах профессуры, разбавлявшей политиканством собственные богословские теории.

На Петроградском Епархиальном съезде прения «сторон» вышли уже довольно бурные. Избран главой епархии был первый викарий епископ Гдовский Вениамин (Казанский), участвовавший в 1913 году в сонме иерархов, хиротонисавших архимандрита Алексея (Симанского) во епископа Тихвинского⁴⁶.

В Москве Епархиальный съезд собрался в выстроенном незадолго до этого Епархиальном доме (в Лиховом переулке у Садово-Каретной, где помещается теперь студия документальных и короткометражных фильмов). 20 июня после торжественной Литургии в Успенском соборе имели место выборы (на Кремлевской площади перед соборами, где была установлена избирательная урна). О результате выборов съезду сообщил архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел. Избранным большинством в 481 голос был объявлен архиепископ Литовский и Виленский Тихон.

Самым существенным из решения Синода в недели, последовавшие за Февральским переворотом, было постановление о созыве в самом ближайшем будущем церковного Собора. Поместный Собор Российской Православной Церкви было решено открыть в день праздника Успения Божией Матери, по старому стилю (тогда имевшему законную силу в России) 15 августа 1917 года в Москве.

Последние приготовления к созыву Собора были поручены новоучрежденному Предсоборному Совету, образованному при Святейшем Синоде 29 апреля. В этот Предсоборный Совет вошло 62 человека, из которых 7 были в архиерейском сане. Эти семеро были избраны в июне правящими и викарными архиереями России, чтобы представлять епископат в Предсоборном Совете.

Показателен результат этих выборов. Наибольшее число голосов, отданных семи епископам, которые оказались избранными в состав Совета, распределилось так: архиепископ Новгородский Арсений – 83 голоса, архиепископ Литовский Тихон, будущий Патриарх – 59 голосов, митрополит Киевский Владимир – 47 голосов, архиепископ Тамбовский Кирилл, будущий митрополит Казанский, один из Патриарших местоблюстителей – 46 голосов, архиепископ Волынский Евлогий, будущий Патриарший Экзарх в Западной Европе – 29 голосов, архиепископ Пермский Андроник – 27 голосов, епископ Минский Георгий, будущий митрополит Варшавский и всея Польши – 27 голосов.

Архиепископ Арсений председательствовал в Предсоборном совете. В день учреждения Предсоборного совета было изложено сжато, но ясно новое положение Церкви: «Давно уже, – говорилось в послании, – в умах православных русских людей жила мысль о необходимости созыва Всероссийского Поместного Собора для коренных изменений в порядке управления Российской Православной Церкви и вообще для устройства нашей церковной жизни на незыблемых началах, данных Божественным Основателем и Главою Церкви в Священном Писании и в правилах святых Апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов.

Происшедший у нас государственный переворот, в корне изменивший нашу общественную и государственную жизнь, обеспечил в Церкви возможность и право свободного управления. Заветная мечта русских православных людей стала осуществимой, и созыв Поместного Собора в возможно ближайшее время сделался настоятельно необходимым».

Весь 1917 год епископ Тихвинский Алексей вновь провел в управлении Новгородской епархией, так как сам правящий архиерей, архиепископ Арсений, был более чем когда-либо занят в Петрограде и Москве, будучи полностью вовлеченным в подготовку и в труды Поместного Собора. Как викарный епископ, управляющий епархией, Преосвященный Алексей не должен был принимать участие в Соборе, и все лето и осень оставался в Новгороде.

2 августа Синод принял постановление, что все 62 члена Предсоборного Совета (в том числе 47 мирян) будут участвовать в Соборе. Всего в Поместный Собор входило 564 члена (с 12 заместителями – 576 человек), от каждой епархии – трое (правлящий

архиерей, один клирик и один мирянин), по три представителя зарубежных епархий – Американской и Японской, наместники лавр: Киево-Печерской, Троице-Сергиевой, Почаевской и Александро-Невской, настоятели монастырей Соловецкого, Валаамского, Саровской пустыни и Оптиной пустыни, протопресвитеры Большого московского Успенского собора и военно-морского духовенства, 10 представителей единоверцев (избранных в июле на Единоверческом съезде мужских монастырей 16–23 июля в Троице-Сергиевой Лавре), по 3 представителя от четырех Духовных академий, 46 человек, приглашенных Синодом по поименному списку, представители Российской Академии Наук, университетов: Петроградского, Московского, Киевского, Харьковского, Казанского, Новороссийского, Саратовского, Юрьевского, Томского, Донского и Пермского, Государственной думы и Государственного совета.

В последнюю сессию Святейшего Синода перед открытием Поместного Собора Русской Православной Церкви входили: архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии Платон, будущий митрополит Херсонский и Одесский, впоследствии – митрополит всея Америки и Канады; архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей, будущий митрополит Нижегородский, заместитель Патриаршего Местоблюстителя, впоследствии Патриарх; архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел, будущий митрополит, один из Патриарших Местоблюстителей; епископ Самарский и Ставропольский Михаил; епископ Уфимский и Мензелинский Андрей: протопресвитер московского Успенского собора Н. А. Любимов; протоиереи А. В. Смирнов и А. В. Рождественский и мирянин Ф. Д. Филоненко.

4. Поместный Собор Русской Православной Церкви (1917–1918).

Избрание Патриарха Тихона (5 ноября 1917 года). Интронизация (21 ноября 1917 года, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы)

Поместный Собор Русской Православной Церкви был открыт очень торжественно. 14 августа в канун Успения Пресвятой Богородицы всенощное бдение в московском Успенском соборе служил архиепископ Московский и Коломенский Тихон. После крестного хода вокруг собора с плащаницей был пролет Акафист Божией Матери.

В день праздника и открытия Поместного Собора Литургию совершали митрополит Киевский Владимир, Экзарх Грузии Платон, архиепископ Ленинградский Вениамин, протопресвитеры Николай Любимов и Александр Дернов, четыре протоиерея – члена Собора и два протоиерея из клира Успенского собора. Во время запричастного стиха все члены Собора прикладывались к мощам святителей Московских Петра, Ионы, Филиппа и Гермогена, а затем процессией направились в Чудов монастырь к раке святителя Алексия.

На Красной площади, куда стеклись крестные ходы московских храмов, митрополит Владимир огласил грамоту, обнародованную о созыве Собора Святейшим Синодом, который с этого момента прекратил свое двухвековое существование.

На следующий день 16 августа начались заседания Собора. Архиепископы Московский и Петроградский были возведены в митрополичий сан. При выборах председателя Собора митрополит Тихон собрал 407 голосов. Подсчитывались и голоса «против»: их оказалось 33. Товарищами председателя были избраны архиепископ Новгородский Арсений (404 голоса «за» и 31 «против») и архиепископ Харьковский Антоний (285 «за» и 150 «против»).

Председательствовавший митрополит Тихон предложил избрать почетным председателем Собора митрополита Киевского Владимира. Все участники Собора стоя засвидетельствовали единогласное избрание его.

Голоса (около 30), выступавшие против избрания митрополита Тихона и архиепископа Арсения, дают довольно точное представление о меньшинстве, которое в дальнейшем ходе работ Собора систематически и упорно противилось восстановлению в Русской Православной Церкви патриаршества. После Собора из этого же меньшинства выдвинулись кадры «обновленческой» и «живоцерковной» оппозиции Патриарху и канонической иерархии Русской Церкви (которую в двадцатых годах в кругах раскольников стали называть «тихоновской»).

На самом Соборе в роли ведущих представителей будущего раскола выступали против идеи восстановления патриаршества столпы обновленческой мысли – профессор Петроградской Духовной академии Б. В. Титлинов, протоиереи Н. П. Добронравов и Н. В. Цветков (настоятель московского Георгиевского храма, что на Варварке, у нынешней гостиницы «Россия»).

Постепенно прения на Соборе стали интенсивными и жаркими, наконец, даже ожесточенными. Но общая атмосфера на Соборе была деловой и серьезной. Православная Русь собралась для решения важнейших церковных проблем. Для верующих Русской Церкви время Собора 1917 года было временем редкого религиозного подъема. Самый церемониал, отметивший открытие Собора, возобновлявший в столь необычных условиях церковные традиции древней Московской Руси, придал деяниям и начинаниям Собора благоговейный и волнующий облик.

Епископ Тихвинский Алексей созрел этот Собор издалека, трудясь среди святых земли Новгородской над тем же делом утверждения Православия и его духовных ценностей в своей, тогда уже многочисленной пастве. Из дня в день он переживал этот важный спор о том, каким должен быть корабль нашей Церкви и как должен он быть оснащен для плавания в неведомых еще водах новой исторической действительности.

Как и весь русский епископат в огромном большинстве своем, Преосвященный Алексей с самого начала революционной эпохи и преодоления в нашей Церкви цезарепапизма, а особенно со времени возникновения публичных дебатов в Поместном Соборе, убежденно отстаивал идею патриаршества. Он ощущал духовную поддержку и единомыслие своего новгородского клира, своей паствы – всей родной уже для него епархии. Он понимал, что во многом было бы право то крыло Собора, составленное из клириков и мирян, которые пришли на него с программой широких и смелых реформ, но он видел слабость некоторых из них в том, что они уstraшены сосредоточенностью духовной власти и церковного авторитета в лице Первосвященителя – Патриарха.

К епископу Тихвинскому примыкало большинство новгородского церковного народа, как примыкало большинство православных русских людей и к большинству, сразу выявившемуся на Соборе 1917 года. Преосвященный Алексей, как всегда в своей жизни и, быть может, с особой уверенностью именно в этот ответственный момент, всецело полагался на волю Божию, твердо веря, что Божественный Промысл укажет Церкви и ее Собору верные пути.

Большинство на Соборе было уже очевидным, но все же в деяниях его был период, когда чаши весов могли склониться в любую сторону. Столпами идеи о необходимости восстановления патриаршего возглавления были оба архиепископа, которые дольше и глубже всех разрабатывали эту идею: Финляндский Сергей (более десяти лет занимавшийся вопросом о преобразовании церковной власти), которому при подготовке Собора был поручен именно раздел о высшем церковном управлении, и Новгородский Арсений, также целое десятилетие единомысленно сотрудничавший с Преосвященным Сергием и ведавший разделом о правовом положении Русской Православной Церкви.

Мы уже отмечали, что епископат в большинстве своем сочувствовал идее патриаршества. Очень многие из епископов видели в патриаршем возглавлении Церкви гарантию против притязаний со стороны единоличной государственной власти, но русская монархия пала, и это соображение утратило в какой-то мере свою острую срочность.

Все же для епископата было ясно, что Церковь, вышедшая из-под ослабившей ее двухвековой опеки, нуждалась в прочном внутреннем строе. Как бы то ни было, вопрос о патриаршестве сразу стал на Соборе главным вопросом. И хотя по первоначальным признакам он и мог казаться наиболее трудно разрешимым, в конечном итоге Собору, созванному в такой исключительный и чрезвычайный момент истории, удалось разрешить по существу именно и как будто только этот вопрос.

Так или иначе, за два первых месяца деяний Собора участникам его стало ясно, что спор о патриаршестве нельзя не разрешить в положительном смысле, поскольку Церкви не только необходимо было опереться на собственную иерархическую природу свою, но и укрепить это иерархическое построение церковной власти, точно определить ответственность ее носителей.

В решающие дни сильное действие оказали на Соборе мудрые и обоснованные, яркие по форме выступления тридцатилетнего архимандрита Илариона (Троицкого), ставшего впоследствии епископом Верейским, викарием Московской епархии (в соборных кругах его прозвали «Златоустом патриаршества»).

Вся историческая обстановка способствовала осознанию участниками Собора основных и насущных нужд Церкви. Единодушие и согласие между ними постепенно возрастало, и, когда вопрос о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви решался, до конца непримиримых его противников оставалось лишь семь человек.

11 октября председательствовавшим в этот день архиепископом Астраханским Митрофаном был поставлен на обсуждение вопрос об устройстве церковной власти. После двухнедельного обсуждения Поместный Собор принял 28 октября 1917 года постановление по этому важнейшему вопросу, состоявшее из четырех пунктов.

Первый пункт устанавливал, что высшая власть – законодательная, судебная и контролирующая – в Русской Православной Церкви принадлежит ее Поместному Собору.

Второй пункт определял, что в Русской Церкви восстанавливается патриаршество и что управление ею возглавляется Патриархом.

Третий пункт повторял каноническое положение, что Патриарх является первым между равными ему епископами.

Четвертый – что Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору.

Теперь следует вспомнить, что решение Поместного Собора Русской Церкви о восстановлении патриаршества имело место уже при советской власти. Постановление Собора о патриаршестве было вынесено через три дня после провозглашения Лениным Советской республики. И если обратиться к этому прошлому от нынешней действительности, бросится в глаза параллельность событий в истории церковной и государственной. Коренным переменам в социально-политическом строе нашего Отечества соответствуют обновление и преобразование внутреннего устройства и Церкви нашей.

Знаменательна даже хронологическая сторона событий. Избрание Патриарха Тихона состоялось 5 ноября 1917 года, через одиннадцать дней после того, как прогремела Октябрьская революция и было основано Советское государство. Всероссийскому

Церковному Собору особую значимость сообщала вся историческая обстановка – великие события и в отечественной, и в международной жизни, небывалый переворот в социальных и человеческих отношениях, грохот еще не затихшей мировой войны. Вся совокупность этих событий не только служила фоном деяниям Собора, но и во многом определяла пути, по которым Промысл Божий судил устремиться церковной жизни.

И все русское Православие сознавало необходимость, важность и значение обсуждавшегося на Соборе. Пусть почти вся работа, проведенная Собором с середины августа 1917 года до Октябрьских дней и далее в первые недели 1918 года отошла в область исторических воспоминаний, даже как-то изгладилась в памяти современников. Пусть даже эта работа осталась собранием множества неосуществившихся проектов и пожеланий. Соборный разум проявлялся в переходный момент и, в конечном счете, учитывал исторический перелом и ему соответствовал.

Но соборный разум именно потому был необходимым, что через него на Церковь явственно снизошла благодатная мудрость свыше. Для исторических судеб Русской Церкви чрезвычайно важным оказался тот факт, что торжество Октябрьской революции совершилось во время ее Собора. Обрушились последние обломки старой жизни. И Собор, после которого осталось восстановленное патриаршество, принял свой подлинный смысл не только в совершенно новой обстановке, но уже и по сю сторону водораздела, как мы отметили – уже при советской власти.

А в такой исторический момент Церковь нуждалась в ответственной и устойчивой власти, увенчанной именно патриаршим возглавлением. Без соборной же полноты патриаршество осталось бы таким же несбыточным пожеланием, таким же невыполнимым мечтанием, как и все столь подробно разработанные схемы проблематических деталей земного церковного устройства, казавшихся столь важными, но оказавшихся столь несущественными в своей исторической неприменимости.

Но соборная полнота не могла возникнуть без долгих упражнений соборного разума, водимого Святым Духом, и месяцы размышлений и обсуждений отнюдь не были затрачены втуне. И в их итоге могло быть продумано и осуществлено главное, когда по изволению Промышления Божия было отведено второстепенное. Верующий ум уже тогда постигал танстvenное всемогущество неисповедимых путей этого Всеблагого Промысла, «неизменно все устрояющего к нашему спасению и различными проявлениями к ее небесному назначению».

И именно этими словами грамоты, обращенной Святейшим Синодом к полноте Православия через автокефальные Православные Церкви по случаю созыва нашего Поместного Собора, повторенными перед новгородской паствой, епископ Тихвинский возвестил ей «радость неизреченную» – полученную из Москвы весть об избрании митрополита Тихона Патриархом Московским и всея России, как гласила формула поминания, утвержденная тогда Собором. И впервые прозвучало по этой формуле многолетствование Патриарха в Новгороде.

Перед этим Преосвященный Алексей обратился с посланием, выражающим свою и новгородской паствы верность избраннику Русской Церкви. Епископ приветствовал пасомых выражением своей радостной уверенности, что «Бог ниспослал Церкви Российской утешение вновь иметь на челе своем Патриарха, дабы был у нее кормчий, молитвенник и светильник среди всех обстоятельств, могущих одерживать ее».

И еще поведал пастве Владыка Алексей, что при выборах Патриарха ее архипастырь Арсений, ставший митрополитом Новгородским, занял второе место, собрав 317 голосов.

По окончании Собора митрополит Арсений возвратился в начале 1918 года в свою епархию, жившую до тех пор в общем безмятежной жизнью под спокойным и ровным управлением благожелательного епископа Алексия. Но к этому времени должны были произойти существенные перемены в жизни и самом положении всей Русской Православной Церкви и вообще религии в России.

5. Декрет об отделении Церкви от государства (1918). Объединение новгородской паствы вокруг епископа Алексия в годы церковных нестроений (1918–1921)

5 февраля 1918 года был издан декрет об отделении Церкви от государства (и школы от Церкви). Для Православной Церкви в нашей стране этот декрет создавал совсем новые условия существования. Ей предстояло незамедлительно принимать решения по всем вопросам, связанным с ее будущим служением делу вечного спасения людей на Русской земле.

От только что законченного Собора у нее оставался обновленный, вернее возобновленный патриаршей властью, древний канонический строй ее. Это последнее обстоятельство было особенно ценно и важно. Как бы внезапно ни произошло отделение от государства, само по себе оно было равносильно промыслительному избавлению Церкви от греховного попрания великой Христовой заповеди о разделении Божия от кесарева.

Но подлинные потрясения для Русской Церкви, как и для всей России, были вызваны кровопролитной гражданской войной и сопровождавшими ее бедствиями – хозяйственной разрухой, эпидемиями, перемещениями значительных масс населения и временной географической разобщенностью обширных частей государственной территории.

Все это не могло не отразиться, и весьма болезненно, на Церкви. Распад церковных соединений, епархий и приходов обострял разделение в деятельности церковной иерархии, в психологической направленности ее руководителей и деятелей, нарушал нормальные отношения между ее составными элементами.

По этим же причинам усугублялись разногласия в церковной среде как на «местах», в отдельных пунктах, так и в масштабах всей необъятной страны. Возникшие соблазны, усугубляясь, становились раздорами. Отдельные самочиния и застаревшие случаи самоуправства превращались в очаги смут. Разногласица постепенно порождала расколы и взаимную вражду. Греховность человеческая приносила свои обычные плоды. Множились взаимные обвинения, наветы, доноительство.

Представители новой государственной власти, идеологически принципиально отвергавшей религию, испытывали затруднения, первоначально в особенности, при выяснении противоречий церковной мысли и понимании возникавших религиозных расхождений.

Более всех других подозрения вызывали те элементы Русской Православной Церкви, которые представлялись наиболее связанными с прошлым. Возможность отождествить такие группы церковных деятелей с контрреволюционным брожением в отдельных группах населения влекла за собой принятие по отношению к ним мер репрессивного порядка.

К двадцатым годам состояние церковной жизни становилось хаотическим. Гражданская война только что закончилась и последствия ее, конечно, еще не могли быть изжиты. Процесс становления нового государственного строя был еще в самом начале. Новая советская законность еще только устанавливалась.

Декрет об отделении от государства оставлял Русскую Православную Церковь как бы в легальном вакууме. Она оказывалась без всякого правового положения. Всего за каких-нибудь три-четыре года перед тем она по старым законам признавалась «господствующей». Прежнее юридическое положение было «господствующим» не только по сравнению со всеми прочими религиозными группами страны. Надо помнить, что в старой России все акты гражданского состояния о рождении и смерти составлялись при храмах в отношении считавшихся православными подданных Российской империи и выдавались лишь в виде метрических выписей из регистрации в церковных книгах. А подданные, считавшиеся православными, если были рождены от православных родителей (или хотя бы одного из родителей православного вероисповедания), должны были по закону быть крещены в православную веру и сами могли впоследствии вступать лишь в церковные браки. Что касается смешанных браков, то и они должны были совершаться православным духовенством с тем, чтобы родившиеся от таких браков (как уже сказано) также были крещены в православную веру. Таковы были требования государственных законов, бывших в силе до революции. Именно эти законы и определяли юридическое преобладание Православной Церкви.

Установленное таким образом государством положение «господствующей» Церкви, тяготило, конечно, последователей всех других религий ограничениями их религиозной свободы, не имевшими к Православию и вообще к христианству никакого отношения. Принадлежность к Православной Церкви определялась не велением свободной совести, а становилась чем-то обязательным в силу государственных законов.

Но не только. Подобное положение вещей не могло не озлоблять неверующих или просто равнодушных – «православных по паспорту».

Один тот факт (для примера), что государственные суды имели право приговаривать таких российских подданных к «церковному покаянию», располагал судившихся, не принадлежавших в душе и совести ни к какой вере, к отождествлению православных священников чуть ли не с жандармами. В кругах, враждебных Православной Церкви, ее привыкли считать составной частью старого государства, как бы привеском его или надстройкой на нем.

Из гражданской войны победительницей вышла идеология материалистическая. Установилась государственная власть, как мы только что отметили, отрицавшая религию как таковую. Русская Церковь, как мы тоже отметили, оказалась в юридическом небытии. Декрет о разделении предоставлял Церковь самой себе, но без какой-либо легализации новой властью. Это означало лишенность всякого признания самого ее существования новым государством. А без такого признания Церковь, окормлявшая многомиллионную массу православных граждан, не смогла бы, да и в действительности не могла существовать в масштабах величайшей в мире страны и сохранять собственные установленные церковными канонами организационные формы. Даже пользование храмами в социалистическом государстве после национализации земли и невиджимости требовало какой-то договоренности с государственной властью.

Все это, разумеется, предполагало легализацию Русской Православной Церкви со стороны нового, Советского государства. Первым из иерархов Церкви с предельной ясностью отдал себе в этом отчет митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Главное, он осознал всемирно-историческое значение Октябрьской революции и понял, что она внесла окончательные перемены в жизнь русского народа и в историю его государственности.

Остановиться далее на исторической роли митрополита Сергея, которому Промысл Божий судил стать в конце его замечательной жизни двенадцатым Патриархом

Русской Церкви, нам необходимо не только потому, что он был непосредственным предшественником Патриарха Алексия на Московском патриаршем престоле.

В начале нашего повествования о жизни Святейшего Патриарха Алексия мы вкратце говорили об отдельных людях, оказывавших заметное влияние на него в ранние периоды его жизни. И мы отмечали, что последним по времени человеком (и воистину великаном духа, мысли и прозрения), которого сам покойный Патриарх признавал своим вождем и руководителем, был митрополит, впоследствии – Патриарх Сергей. А с его именем связаны решения и действия, позволившие Русской Церкви благополучно выйти из бурь эпохи кризиса ее, о котором на предшествующих страницах мы пытались дать хотя бы поверхностное представление сегодняшним читателям.

Продолжая некоторое подобие летописи важных для настоящего очерка церковных событий двадцатых годов, мы не можем не остановиться на том, что клеветническая кампания «обновленцев» в нашей стране, с одной стороны, и международная шумиха беженцев-архиереев, укрывшихся на чужбине (которую иначе, как провокационной невозможно назвать) – с другой, не могла не возыметь последствий.

Представители утверждавшейся советской власти стали принимать на местах меры, чтобы обезопасить создавшийся общественный строй от выглядевших неблагонадежными «церковников», как называли деятелей Церкви в ту пору. К церковным кругам в тот период начало складываться довольно определенное отношение: церковная иерархия многими рассматривалась как элемент, новому строю не только чуждый, но и опасный.

Самим церковным людям нельзя было не учитывать, что только что закончилась на юге, на востоке и на севере России жестокая гражданская война, что на западе возникшему на территории старой Российской империи молодому Советскому Союзу была навязана нелепая и несправедливая граница силами враждебными, использовавшими затруднения государства, еще только отстраивавшегося и возводившего структуры своего внутреннего устройства.

Эти самые трудные для советской власти годы оказались самыми сложными и болезненными и для Русской Православной Церкви. Она находилась, так сказать, между двух огней: между поносившими ее активными внутренними раскольниками и компрометировавшими ее зарубежными мятежниками. От внешнего самоуправства можно было отмежеваться и защититься мерами прещения и осуждения (что и было предпринято всеми тремя патриархами послереволюционной эпохи). Но внутренний раскол способствовал разладу, при его же помощи возникшему в лоне самой Церкви. Обновленцы избрали к тому же путь систематического оговаривания епископов и религиозных деятелей, верных канонам Церкви, пытаясь представить церковную иерархию каким-то контрреволюционным сборищем.

ГЛАВА V

ПЕТРОГРАДСКИЙ ПЕРИОД СЛУЖЕНИЯ И ССЫЛКА (1921–1926)

1. Назначение Преосвященного Алексия епископом Ямбургским, первым викарием Петроградской епархии (21 февраля 1921 года)

В самое трудное время долголетнее безупречное и рассудительное управление епископом Тихвинским Новгородской епархией получило признание со стороны высшей иерархии Русской Церкви. Посоветовавшись с митрополитом Арсением, Патриарх Тихон принял 21 февраля 1921 года решение удовлетворить просьбу митрополита

Петроградского Вениамина и назначить ему в помощники первым иеромонахом Петроградской епархии Преосвященного Алексия с титулом епископа Ямбургского. Епископу Алексию был предоставлен для постоянного богослужения Казанский собор.

2. Схизма «Живой Церкви» и обновленческое движение в Петрограде

Церковный Петроград тогда бурлил, объятый смятением из-за нестроений, вызывавшихся «обновленческим» и «живоцерковным» расколом, принимавшим в тот момент самые бурные формы. Соревнующиеся между собой раскольники доходили до отрицания всех непререкаемых религиозно-нравственных положений православной церковности.

Верующий народ с изумлением наблюдал архиерейские хиротонии женатых священников или повторные браки уже рукоположенных клириков, противился, как мог, постоянным и явным нарушениям канонических норм, неприкосновенных церковных традиций. В храмах завелись споры, на папертях дело доходило до свалок, в больших залах города чередовались шумные диспуты между духовенством, верным законному священноначалию, и мятежными реформаторами. Страсти разгорались. Церковный народ покидал приходы и храмы, в которых пробовали закрепиться раскольники.

В такой момент епископ Алексей был призван в беспокойный Петроград из своего тихого Новгорода. На провинциальном новгородском вокзале в уходящем поезде его с плачем осаждали привыкшие за семь лет к его всегда незлобивому и мягкому, мудрому окормлению прихожане новгородских храмов.

В Петрограде Преосвященному Алексию сразу пришлось окунуться в атмосферу борьбы, склок и неразберихи. И обновленцы, и живоцерковники, восстававшие против патриаршей власти, но неспособные договориться между собой, сначала добивались, чтобы епископ Алексей сам присоединился к расколу, чтобы он сам согласился возглавить его в Петроградской епархии!

3. Мученическая смерть митрополита Петроградского Вениамина. Епископ Алексей во главе Петроградской епархии (с 30 мая 1922 года)

Преосвященный епископ Ямбургский, непреклонно отстаивая непререкаемость церковных канонов и верность Патриарху, как всегда, проявлял свое великодушие и готовность прощать, принимать человеческое раскаяние. 29 мая 1922 года епископу Алексию пришлось, после смерти митрополита Вениамина, принять управление Петроградской епархией.

На следующий день, 30 мая, он сообщил митрополиту Ярославскому Агафангелу, временно замещавшему Патриарха Тихона, что встал во главе епархии впредь «до последующих распоряжений» и писал ему, что считает «для себя обязательным лояльное отношение к правительственной власти и подчинение ее законам».

Обновленческие вожаки со своей стороны учредили в Петрограде свое «высшее церковное управление», захватывая храмы, стараясь внести разброд в ряды петроградского духовенства и усиливая клевету против «тихоновской иерархии». Но особенно губительной в такой обстановке была роль других отщепенцев – «архиереев-беженцев», укrywшихся в разных странах после поражения белых армий в гражданскую войну. Они положили начало другому злу – церковному дезертирству.

Возникшее было при Колчаке «Сибирское церковное управление» исчезло сравнительно бесшумно, и члены его нашли себе убежище в далекой Манчжурии, где в так называемой полосе отчуждения восточно-китайской железной дороги с дореволюционных времен проживало несколько сот тысяч русских.

Эвакуированные в 1920 году с волной эмиграции с юга России иерархи (ранее в 1919 г. пытавшиеся образовать «временное церковное управление» в Ставрополе Кавказском) повели себя более демонстративно и безответственно. Увезя с родной земли русскую святыню – чтимую чудотворную икону Божией Матери Курскую-Коренную (теперь она в Америке), оставив на произвол судьбы свою паству в нескольких обширных епархиях, эта группа архиереев после ряда пробных попыток осела в Югославии. Сохраняя за собой титулование по названию брошенных на Родине епархий, эта группа, объявив себя «временным церковным управлением», издала (25 июля 1921 г.) «указ» о созыве в Сремских Карловцах (в северной Югославии) церковного съезда, который сначала было решено назвать «общецерковным заграничным собранием».

Но собрание это, открывшееся 20 ноября 1921 года, поспешило вынести ряд чисто политических резолюций, не имевших отношения к церковным делам (как обращение к Генуэзской международной конференции с предложением организовать и финансировать новую гражданскую войну в России или как призыв к восстановлению династии Романовых), и 1 декабря провозгласило себя «заграничным церковным собором».

Хотя в то время сообщения между разными странами были затруднены, решительное осуждение, вынесенное Патриархом Тихоном всем этим начинаниям в ряде патриарших указов и актов, было тогда прекрасно известно участникам зарубежного своеобразия, которое быстро превратилось в «карловацкий раскол».

Надо только добавить, что «карловчане» уже тогда – в двадцатых годах – никоим образом не могли считаться выразителями церковной эмиграции, поскольку вся Западная Европа и Америка были вне того, что они считали своей «юрисдикцией». И не следует упускать из вида, что все вообще архиереи Русской Церкви, уехавшие в те годы в разные страны, не представляли собой и десяти процентов русского епископата, каким он был по завершении Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1921 и 1922 годах обновленцы сумели соблазнить и на время оттянуть значительно большее число епископов, нежели эмиграция. Церкви необходимо было защищать свою паству, ограждая народ Божий от всех соблазнов, искушений, отпадений и шатаний.

Иерархии, возглавленной Патриархом, надлежало сохранить свое единство, невзирая ни на травлю изнутри одними мятежниками, ни на порочащее вовне поведение других. В обстановке, создавшейся менее чем через два года по прекращении гражданской войны, это не могло быть простой задачей.

4. Ссылка в Каркаралинск (Казахстан) (1922–1926)

Положение не могло также быть ясно гражданским властям, когда они приступали к тем или иным мерам против церковных деятелей. В октябре 1922 года меры эти коснулись и епископа Алексия Ямбургского, который подвергся тогда административной высылке из Петрограда в Казахстан.

3 ноября Преосвященный выехал из Петрограда в Семипалатинск, куда он прибыл четыре дня спустя. В Семипалатинске он был радушно встречен епископом Семипалатинским Киприаном. После трехнедельной остановки в Семипалатинске 25 ноября Владыка Алексей направился в Каркаралинск – городок к западу от Семипалатинска, расположенный в горном массиве, носящем название Каркаралинского (в пределах Карагандинской области).

Местное православное население хотело убедиться, что епископ не принадлежит к числу обновленческих архиереев и, убедившись, радостно просило его постоянно

служить в городском храме. Тут же ему изготовили митру, поскольку он не привез с собой архиерейских облачений.

Сначала Преосвященный жил у местных жителей Туголесовых, но летом 1923 года его пригласил переехать в просторный дом церковный староста Чемоданов.

Епископ Алексей вспоминал три года, проведенные в Каркаралинске, как период физического спокойствия в живописной местности и живительном воздухе, когда он совершал самые долгие прогулки в своей жизни. Кроме регулярного отправления богослужений, он посвящал много времени чтению, главным образом Священного Писания (всю жизнь сохранял он том Библии, поля которого испещрены его пометками в Каркаралинске). Преосвященный Алексей вел также обширную переписку, в частности с митрополитом Арсением, который также был подвергнут высылке из Новгорода в Среднюю Азию, и с митрополитом Сергием, назначенным после Владимирской на Нижегородскую кафедру.

За три года административного и общественного бездействия будущий Патриарх обменялся с митрополитом Сергием (тоже – надо помнить – будущим Патриархом, преемником которого ему суждено было по воле Божией стать) многими суждениями о нуждах Церкви и о текущем моменте, что позволило обоим иерархам убедиться в своем единомыслии и духовном созвучии.

5. Возвращение в Ленинград (1926).

Усилия по легализации церковной власти Русской Православной Церкви

В марте 1926 года епископу Алексию была предоставлена возможность возвратиться в Петроград, ставший уже Ленинградом. В качестве иерарха Церкви он возобновляет, опираясь на значительное большинство верующих, борьбу с ленинградскими обновленцами, в руках которых остается много храмов города.

Внутрицерковное состояние канонической православной иерархии в этот период оставалось еще в состоянии кризиса, ставшего затяжным. Как уже отмечалось в самом начале настоящего очерка, 7 апреля 1925 года, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, преставился Патриарх Тихон. Последние годы его были омрачены расколами – зарубежными и обновленческими. Свирепствовавший обновленческий раскол сумел добиться легализации своего существования. Пользуясь этим, обновленцы выставляли себя перед гражданскими властями, как единственно лояльную ветвь Православия. Легализация обновленческого высшего церковного управления давала последнему возможность вести деловую связь с епархиями и приходами, оказавшимися у него в подчинении, административное руководство ими и даже созывать свои соборы (как в 1923 и 1925 гг.).

Положение же Православной Церкви, еще при жизни и после кончины Патриарха не легализованной с точки зрения нового законодательства, оставляло центральную церковную власть лишенной правового положения. Такое состояние вело к расстройству церковной жизни и на местах, где епархиальные архиереи, часто оставаясь без центрального руководства, бывали предоставлены самим себе. Многие епархии вдовствовали без наличия правящих епископов или возможности их канонического замещения.

Когда весной 1925 года Местоблюстителем патриаршего престола по завещанию Патриарха Тихона стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский), отсутствие всякого легального статуса у Русской Православной Церкви не могло не отразиться на ее

положении самым болезненным и пагубным образом. Без легализации своего управления Местоблюститель не имел возможности править Церковью, даже созывать сессий Патриаршего Синода.

Последнее собрание епископов имело место во время погребения Патриарха Тихона. Тогда 37 архиереев соборно и единогласно утвердили волю почившего и признали митрополита Петра носителем высшей церковной власти в качестве Местоблюстителя.

Для избрания нового Патриарха был необходим созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви. Такой важный вопрос, конечно, опять упирался в проблему той же легализации Церкви и ее канонической власти. Этой проблемы митрополит Петр не успел и не сумел разрешить.

Руководители обновленческого раскола после смерти Патриарха сосредоточили свои наиболее яростные нападки на личности Местоблюстителя, что повлекло за собой удаление последнего из Москвы (10 декабря 1925 года).

Заместителем Патриаршего Местоблюстителя по указанию митрополита Петра, отбывшего в Пермь, а позднее в Екатеринбург (многие годы назывался Свердловск), стал митрополит Нижегородский Сергей, который не сразу получил возможность приступить к отправлению высшего церковного руководства, переданного ему Местоблюстителем. Осуществлять эту власть полностью он смог постепенно, как бы по ступеням.

Несколько забегаая вперед, приведем короткую выдержку из новогоднего послания митрополита Сергея от 31 декабря 1927 года, подписанного членами образованного к 1927 году Временного Патриаршего Синода и в том числе Преосвященным Алексием (тогда уже в сане архиепископа).

«Господь возложил на нас великое и чрезвычайно ответственное дело править кораблем нашей Церкви в такое время, когда расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления. Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая, как ощупью, среди неосведомленности, жили отдельной жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и всяких пагубных заблуждений. Какое обширное поле для всякого самочиния».

Эта цитата из обращения иерархов нашей Церкви, с именами которых было связано ее возрождение, среди которых были два ее будущих Патриарха, говорит с предельной ясностью о трудностях, теперь почти невообразимых, пережитых ею в начале двадцатых годов.

Отсутствие административного руководства, достаточной связи и исчерпывающей, достоверной осведомленности объясняет множество нестроений, заблуждений и недоразумений, нарушавших в то время нормальное течение церковной жизни и вызывавших расхождения, отделения и отпадения на местах, в разбросанных по стране епархиях Русской Церкви, – всех печальных явлений, из которых некоторые даже назывались в свое время расколами, забытыми теперь, как «григорианский», «иосифлянский», «викторианский» (по имени возглавлявших их архиереев) или как «ярославский» или «лубенский» (по месту допущенного самочиния).

Мы не имеем ни возможности, ни надобности останавливаться в жизнеописании Патриарха Алексия на отдельных проявлениях церковной разрухи в десятилетие между 1918 и 1928 годами. Цель наша состоит в изложении главных фактов в жизни

Святейшего, а история Русской Церкви до и после революции – дело историков. И если мы говорили о происходившем в нашей Церкви в целом, то лишь в той мере, поскольку это не могло не отразиться на жизни столь центральной церковной фигуры как ее будущий Патриарх.

Без этого многое в жизни тринадцатого Патриарха Русской Православной Церкви, правившего ею четверть века, могло бы остаться неосвященным и даже не вполне понятным сегодняшним читателям.

В 1926 году в положении Церкви стали проявляться признаки оздоровления. Многие разногласия, правда, давали себя знать не только в 1926, но и в последующие годы. В частности, например, «григорианство» (прозванное так по имени епископа Екатеринбургского Григория, пытавшегося противопоставить обновленчеству и одновременно канонической иерархии возвращение к синодальному строю) пыталось внести свой вклад в церковную смуту именно в этот период.

Но обновленческий раскол начал увядать главным образом из-за отсутствия поддержки со стороны верующих мирян, церковное сознание которых в двадцатых годах было вообще достойно преклонения. Церковные массы определенно тяготели к «тихоновской Церкви».

Государственная власть тем временем перестала рассматривать обновленцев, как некое «лояльное» крыло Православной Церкви, убедившись в том, что им противостоит огромное большинство православного населения, а также и в том, что во главе все более разобщенных между собой толков раскола стоят честолюбцы и смутьяны.

В 1927 году с легализацией церковной власти Русской Православной Церкви все уклоны, нарушавшие ее единство, стали убывать, в то время как священноначалие ее не переставало укрепляться. В человеческом плане в этом прежде всего проявилась мудрость, твердость и духовная сила такого исключительного по дарованиям и церковной стойкости иерарха, как Патриарх Сергей. Но вся великая паства Русской Церкви – и никогда не выходившие за ее ограду, и временно заблудшие или смятенные, но вернувшиеся, – сознавала, что Промысл Божий уберег для нее этого великого пастыря и воздвиг его в трудный для нее час.

Вспоминая об этом времени, Патриарх Алексей говорил, что и сам он, и митрополит Сергей черпали ободрение в словах апостола, обращенных к коринфянам: «... и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10, 13).

Оба Патриарха – и Сергей, и Алексей – с большой суровостью отзывались о сущности обновленческого раскола. Патриарху Сергию принадлежит такое определение: «Основной грех обновленчества не в том, что не все его представители оказались безупречными в жизни, а в том, что обновленчество, как корпорация или, выражаясь языком канонов, как самочинное сборище, откололось от Святой Церкви и «иный олтарь водрузило» (31-е Апостольское правило). И не только водрузило олтарь для себя, но и всячески воевало против Святой Церкви, стараясь отторгнуть за собой церковных овец. Это грех, который не омывается, по учению Святых Отец, даже мученической кровью».

А Патриарх Алексей, вообще известный умеренностью своих суждений, высказался еще категоричнее: «Обновленчество, как таковое, по существу не ересь и даже не раскол, как мы понимаем этот термин во всем его объеме. Оно не более как рабское следование путем ветхозаветного Хама и новозаветного Иуды».

ГЛАВА VI НА НОВГОРОДСКОЙ КАФЕДРЕ (1926–1933)

1. Архиепископ Хутынский Алексей – управляющий Новгородской епархией (2 сентября 1926 года)

По возвращении Преосвященного Алексия из Средней Азии в Ленинград, заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей, пребывавший тогда в Крестовоздвиженском монастыре в Нижнем Новгороде, назначил его управлять Новгородской епархией с титулом архиепископа сначала Тихвинского, позднее – Хутынского (по названию Хутынского Варлаамова Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде, бывшего резиденцией епископа Тихвинского и где он сам настоятельствовал). За митрополитом Новгородским Арсением, в то время еще отсутствовавшим, заместитель Местоблюстителя сохранял и епархию, и ее титул.

Архиепископ Алексей принял управление епархией 2 сентября 1926 года. В начале 1927 года митрополит Сергей вступил в переговоры с гражданскими властями в целях легализации высшего управления Русской Православной Церковью.

Над текстом церковной «декларации» по вопросу об отношениях с государственной властью, образованной в 1917 году, Заместитель Местоблюстителя работал уже много месяцев, и архиереи, находившиеся в его канонической юрисдикции, как архиепископ Алексей, об этом были осведомлены и мнения их им запрашивались.

Единодушно с другими епископами, признавшими Заместителя носителем высшей церковной власти преемственно от покойного Патриарха, Преосвященный Алексей был убежден, что возглавление Русской Православной Церкви, ответственное за будущую жизнь ее в рамках Советского государства, должно засвидетельствовать свое признание его правительства, как установленной и законной государственной власти.

27 марта 1927 года митрополит Сергей оказался в состоянии приступить к выполнению своих обязанностей заместителя Местоблюстителя в Москве в полном их объеме.

23 апреля он назначил на должность управляющего делами подготавливаемого им Временного Патриаршего Синода хиротонисанного в том же году в епископа Серпуховского, vicария Московской епархии, Преосвященного Сергия (Гришина)⁴⁷.

2. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года. Архиепископ Алексей – член Временного Патриаршего Синода

18 мая заместитель Местоблюстителя устроил в своей резиденции совещание архиереев из разных епархий, в котором принял участие и архиепископ Алексей. На совещании было решено образовать временный Синод, как вспомогательный орган при Заместителе, причем последний внес уточнение, что такой Синод обладал бы полномочиями лишь по делегации собственных его полномочий, полученных им от Патриаршего Местоблюстителя. Если бы его, Заместителя, полномочия пришли к концу, прекращались бы полномочия и Синода, образованного при нем.

Эта юридическая оговорка была в тот момент особенно важна, так как необходимо было избежать возможного существования канонически незаконного Синода, возникшего в «явочном» порядке, то есть именно того, что в то время распространилось в различных отколовшихся от Церкви группах, в которых возникали самозванные «центральные» органы.

Синод при Заместителе был назван «Временным Патриаршим Синодом». Отношение государственной власти к канонической власти Русской Церкви к этому времени, после обстоятельных и исчерпывающих переговоров с митрополитом Сергием, было уже положительным.

Впоследствии Патриарх Алексей вспоминал, как митрополит доказывал и в разговорах с представителями гражданских властей, и в беседах с церковными деятелями, что возглавление древней Церкви, которая на протяжении девяти с лишком веков разделяла с народом все его судьбы и которая готовится в недалеком уже будущем отметить тысячелетие своего существования, не может игнорировать установленной в России государственной власти.

Митрополит Сергей считал, что православные русские не вмешиваются ни в какую политику признанием власти, существующей в их стране, и наоборот, полагая, что могут игнорировать ее, погрязают в политической иллюзии. А такие очень уж специфические иллюзии уже выражают именно политическую линию, для русских христиан недопустимую, – говорил митрополит.

По этому поводу автор настоящего очерка о Патриархе Алексии должен привести слова, слышанные от самого Святейшего через тридцать лет после описываемого ответственного периода в истории русского православного священноначалия.

Патриарх сидел за своим письменным столом с лицом, слегка склоненным к груди. «Когда Преосвященный Сергей принял на себя управление Церковью, он подошел эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности, и я был совершенно согласен с ним», – тут Святейший вскинул глаза в типичном для него пристально испытующем взгляде. «Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны, – продолжал он, – мы всем Временным Синодом подписали с ним декларацию 27-го года в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой».

Уже тогда, задолго до войны, наступившей в 1941 году, мы сознавали, что наше государство готовит оборону Отечества, и это уже обязывало нас подчиниться ему и его законам. Когда мы на улицах видели воинов, мы видели в них наших солдатиков, защитников Родины», – и тут лицо его как-то прояснилось и приняло мягкое, ласковое выражение. «Линия Преосвященного Сергия с 1927 года возвратила нам внутренний мир, который позволил нам в войну сразу встать и призвать пасомых на путь выполнения долга перед Родиной».

Эти слова Святейшего Патриарха были произнесены во время разговора о том, как одни из русских, бывших за рубежом в конце двадцатых годов, поддержали декларацию митрополита Сергия, тогда как другие не поняли ее и заняли враждебную позицию.

20 июля 1927 года правительственный документ, адресованный заместителю Местоблюстителя, засвидетельствовал, что образование им Временного Патриаршего Синода принято к сведению и что против начала его деятельности не встречается препятствий. Это означало легализацию центральной церковной власти.

25 июля Заместитель разослал циркуляр по епархиям, предлагая правящим и vicарным епископам озаботиться регистрацией перед областными гражданскими властями епархиального и приходского управления.

Нет, разумеется, нужды пояснять, что цель такой поместной регистрации заключалась в дополнении регистрации центральной и в легализации гражданскими властями на всех уровнях Православной Церкви и ее общин и учреждений в пределах Союза Советских Социалистических Республик.

Но можно все-таки добавить, что этим систематическим и планомерным подходом к преодолению церковных нестроений митрополит Сергей сумел в очень короткие сроки упорядочить и церковное управление на центральном, епархиальном и приходском уровнях. Но восстановление высшей церковной власти имело, конечно, главное и огромное значение для упорядочения всей жизни – внутренней и внешней – Русской Православной Церкви. Все расколы и нестроения, возникшие в переходное время, были в конечном счете вызваны утратой клириками и мирянами ясного представления о том, кто является носителем законной, то есть канонической власти в Церкви с иерархическим строем.

Временный Патриарший Синод с самого начала был составлен под председательством митрополита Сергея из членов: митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого), митрополита Тверского Серафима (Александрова)⁴⁸, архиепископа Вологодского Сильвестра (Братановского)⁴⁹, архиепископа Хутынского Алексия (Симанского), архиепископа Самарского Анатолия (Грисяюка)⁵⁰, архиепископа Вятского Павла (Борисовского)⁵¹, архиепископа Костромского Севастиана (Вести)⁵², архиепископа Звенигородского, управляющего Московской епархией Филиппа (Гумилевского)⁵³, епископа Сумского, управляющего Харьковской епархией Константина (Дьякова)⁵⁴, епископа Серпуховского Сергия (Гришина), управляющего делами Синода.

Этот состав Временного Патриаршего Священного Синода (за исключением не имевшего возможности прибыть к этому времени митрополита Арсения и отсутствовавшего по болезни архиепископа Севастиана) подписал 29 июля документ исторического значения – «Послание пастырям и пастве», разработанный митрополитом Сергием. В этом документе излагалось отношение Русской Православной Церкви к Советскому государству. Он получил известность под названием «Декларации 1927 года». 19 августа того же года текст документа был опубликован в газете «Известия ВЦИК».

Послание открывалось с указания на то, что «одной из забот почившего Святейшего отца нашего Патриарха Тихона перед его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: «Нужно бы пожить еще годика три». И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом выступления зарубежных врагов Советского государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая справедливое недоверие Правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего, и ему не суждено было при жизни видеть своих усилий, увенчанных успехом. <...>

Ныне жребий быть заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело почившего и всемерно стремиться к мирному устройению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона... Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги ее интересы, кто желает вывести ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее теперь для нас показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и правительством. Засвидетельствовать то и является первой целью настоящего нашего (моего и синодального) послания.

Засим извещаем вас, что в мае текущего года, по моему приглашению и с разрешения власти, организовался временный при Заместителе патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся (отсутствуют Преосвященный Новгородский митрополит Арсений, еще не прибывший, и Костромской архиепископ Савестиан, по болезни). Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом».

Послание подчеркивало далее значение и объем перемен, привнесенных в жизнь Русской Православной Церкви договоренностью с государственной властью, о которой оно – Послание – возвещало:

«Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т. д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений. Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволivшему о Святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия».

Центральная часть послания 1927 года являлась декларацией о гражданской и патриотической лояльности руководства Русской Православной Церкви. Воспроизвести тут эту декларативную часть послания, подписанного тогда двумя будущими Патриархами, необходимо для понимания линии, засвидетельствованной на весь мир, в частности, архиепископом Хутынским Алексием, которой он твердо держался всю свою последующую жизнь, то есть более четырех десятилетий (в эти сорок три года входила и четверть века самого длительного в истории Русской Церкви патриаршества).

Декларация заместителя Патриаршего Местоблюстителю и Временного Патриаршего Синода была обнародована в год, когда исполнялось первое десятилетие Октябрьской революции, а для Святейшего Патриарха Алексия завершалось полвека его собственной жизни.

Когда Промысл Божий определил для него срок земного паломничества и оно пришло к концу, Святейший был уже последним из девяти православных русских иерархов, подписавших историческую декларацию: все другие преставились намного раньше.

Провозглашение гражданской лояльности православных русских Советскому государству выражалось в следующих словах: «Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, мы ясно сознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому⁵⁵, сознается нами, как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха наказания, но и по совести», как учил нас апостол (Рим. 13, 5). И мы надеемся, что с помощью Божией, при нашем общем содействии и поддержке, эта задача будет нами разрешена».

В 1927 году непонимание необходимости для Церкви, происходящей не от «мира сего», но в служении своем спасению людей, которые обитают в этом мире, долженствующей действовать в нем, создавало отчужденность многих христиан от окружающей человеческой среды и разобщенность их со своим временем.

Нашим современникам, не только более молодым по возрасту, но и их отцам, может показаться странным, почти нелепым, что их пережившие революцию и три года гражданской войны предшественники – деды могли еще во второй половине двадцатых годов сомневаться, что коренные перемены в русской жизни окончательны и что «возврата к прошлому» быть не может и не будет.

Между тем, в цитированном нами послании 1927 года приходилось писать именно об этих сомнениях, которые и ранее были, и еще тогда могли быть помехой усилиям построить мирную и нормальную жизнь Русской Церкви в условиях советской действительности и в рамках советских законов.

«Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это – недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Учреждение советской власти многим представлялось недоразумением, случайным и потому недолговечным» – говорилось в послании. – «Забывали люди, что случайностей для христианина нет, и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием.

Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах и в делах и навлекавшее подозрения советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством. Недаром ведь апостол внушает нам, что «тихо и безмятежно» жить по своему благочестию мы можем, лишь повинувшись законной власти (1 Тим. 2, 2), или должно уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь, со всей ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти».

1927 год был поворотным для Русской Православной Церкви. Десятилетний кризис ее был изжит и перед ней открылись перспективы домостроительства в новом мире, в котором политические, социальные и международные отношения потребуют от нее и новых подходов к общечеловеческим и отечественным проблемам.

Эта новая эпоха была тесно связана с именем Патриарха Алексия, которому Промысл Божий судил с середины сороковых годов и в продолжение пятидесятих и шестидесятих годов века стоять у кормила нашей Церкви. Новая эпоха в жизни Русской Церкви, о которой мы говорим, открылась для Патриарха Алексия многолетним (почти семнадцатилетним) тесным и плодотворным сотрудничеством с митрополитом Сергием, который еще до восприятия патриаршего сана будет готовить себе в нем преемника. Почти все эти долгие годы работы с митрополитом Сергием будут постоянно возвращать архиепископа и затем митрополита Алексия в его родную Москву, ставшую вновь столицей, в которой уже имел свое местопребывание с его основания в 1927 году центр Русской Церкви – ее Синод.

Интенсивная синодальная деятельность требовала от архиепископа Алексия все более частых приездов в Москву. Большой радостью для него было пребывание в течение семи первых лет этого периода в Новгороде, со святынями и с паствой которого он свыкся за первое десятилетие своего служения там.

3. Возведение архиепископа Алексея в сан митрополита с титулом Старорусский (18 мая 1932 года)

9 апреля 1930 года Преосвященный Заместитель и Священный Синод присвоили архиепископу Хутынскому право ношения креста на клобуке. А в 1932 году, когда 18 мая отмечалось пятилетие с основания временного Патриаршего Синода, архиепископ Алексей был возведен в сан митрополита с титулом Старорусского.

В передовой статье «Журнала Московской Патриархии», озаглавленной «1927–1932 год»⁵⁶, говорилось: «... Опыт пяти лет показал правильность избранного пути благоустройства церковной жизни, и что задача, поставленная Преосвященным Заместителем и временным при нем Патриаршим Священным Синодом – отделить церковную жизнь от всякой мирской политики, иметь исключительно церковно-созидательную работу на строгой основе канонов и церковной икономии – может быть осуществлена и в современных условиях государственного правопорядка».

«Сколько теперь за эти пять лет можно видеть и насчитать примеров искреннего покаяния и обращения как духовных лиц, так и мирян, от своих заблуждений, и воссоединения их со Святой Церковью в результате упорной деятельности Священного Синода».

Статья заканчивалась обнадеживающими словами: «В настоящее время Патриарший Священный Синод во главе с заместителем Патриаршего Местоблюстителя преисполнен упования, что при Всесильной Помощи Божией церковная жизнь и в дальнейшем потечет по намеченному пути и что, несмотря на трудности, которых всегда было и будет много в земных условиях существования Церкви Христовой, она, эта Церковь, будет для верующих неизменным прибежищем, где они приобретают силы духовные на борьбу со грехом и соблазнами мира ради своего спасения в Жизни Вечной».

4. Митрополит Новгородский и Старорусский Алексей – правящий архиерей Новгородской епархии (11 августа 1932 – 5 октября 1933 годов)

В том же 1932 году, 11 августа, митрополит Алексей получил титул той епархии, которой он управлял уже столько лет (в связи с назначением его бывшего «аввы» и учителя 70-летнего митрополита Арсения на Ташкентскую кафедру), и стал именоваться Новгородским и Старорусским. Но в его любимом Новгороде митрополиту Алексею суждено было остаться после этого уже только немного менее года (хотя титул «Новгородского» останется за ним до самого избрания его на Московский патриарший престол).

ГЛАВА VII

СЛУЖЕНИЕ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ КАФЕДРЕ (1933–1945)

1. Назначение митрополита Алексея на Ленинградскую и Новгородскую кафедру (5 октября 1933 года)

5 октября 1933 года митрополит Алексей был переведен на Ленинградскую кафедру и стал митрополитом Ленинградским и Новгородским. С этого времени он занял по старшинству чести второе место в иерархии Русской Православной Церкви после тогдашнего заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия.

В своем качестве старшего митрополита на заседании Временного Патриаршего Синода 27 апреля 1934 года митрополит Ленинградский Алексей огласил адрес, подписанный четырьмя митрополитами, шестью архиепископами и одним епископом, к которым присоединили свои подписи еще четыре архиепископа и шесть епископов.

Выдержки из этого адреса (автором адреса был митрополит Алексей) мы приводим ниже: «Всеблагову Промыслу Божию угодно было судьбы Русской Православной Церкви вручить мудрому отеческому попечению Местоблюстителя митрополита Сергия, который уже девятый год несет это ответственное послушание. Мудрое руководство кораблем церковным, братское отношение к епископам и отеческое ко всей пастве, – говорилось в адресе, зачитанном митрополитом Алексием, – соделали митрополита Сергия в общецерковном сознании фактически «первым епископом страны (34-е Апостольское правило)».

Этому особому и исключительному положению должно соответствовать и «особое титулование не по святительской кафедре рядового епархиального города Русской Церкви, но по общеизвестному имени столичного града Москвы, олицетворяющего всю страну».

«Посему, – возгласил митрополит Алексей, – приняв во внимание вышеизложенное и продолжающееся вдовство кафедры первого епископа страны, мы, митрополиты Русской Православной Церкви и члены Патриаршего Священного Синода, в безграничной преданности Вашему Высокопреосвященству, как к своему правящему Первоиерарху, единогласно решением своим положили: усвоить Вашему Высокопреосвященству, в соответствии Вашему высокому и особому положению правящего Первоиерарха Русской Церкви, титул Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского».

К этому постановлению присоединились по телеграфу митрополиты: Ташкентский Арсений (Стадницкий), Ярославский Павел (Борисовский) и Японский Сергей (Тихомиров), архиепископы – Литовский Елевферий (Богоявленский) и Алеутский и Северо-Американский Вениамин (Федченков).

Как следствие вышеотмеченного решения Священного Синода, 2 мая 1934 года в московском Богоявленском кафедральном соборе состоялось торжество настолования Блаженнейшего митрополита Сергия на Московской первосвятительской кафедре. Божественная литургия совершалась 20 епископами в сослужении 44 пресвитеров и 14 диаконов. После литургии было совершено водосвятие (так как был день Преполовения), после чего митрополит Алексей от имени Священного Синода обратился к новому митрополиту Московскому и Коломенскому с приветственным Словом:

«В чувстве глубокой духовной радости собрались мы помолиться вместе с тобою и приветствовать тебя сим многочисленным собором всякого чина церковного. Этот священный собор ознаменован тем, что от лица возглавляющего его сонма архипастырей, вкупе же и многих отсутствующих святителей, тебе, Владыко святой, было представлено общее решение собора епископов нашей Православной Русской Церкви, чтобы ты возглавил вдовствующую кафедру Московскую и воспринял именование, отличающее тебя среди прочих преосвященных архипастырей, – именование Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского. И мы возложили на тебя две пангии – отличие Первоиерархов, сугубо поручая тебе в твоём высоком служении Покрову Божию и Пречистой Матери Господней. Сими знаменами мы явили новое выражение нашей общей сыновней любви к тебе и наше благодарное признание твоих великих подвигов в служении Церкви Божией. И вместе с тем мы как бы утвердили единодушно и единомысленно правилами церковными указуемое и ограждаемое твое священноначальственное действие в Русской Православной Церкви».

«Скоро уже девять лет, – продолжал свою речь митрополит Алексей, – как ты, Господу споспешествуя, бесценно и непрерывно несешь бремя кормчего этой Церкви, при помощи Божией объединяя всех около себя и являя всем нам по апостолу «образ... словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою» (1 Тим. 4, 12). Благодарим с тобою Господа за пройденный путь и, благодаряще, молим Его благодать продолжать над тобою и над служением твоим Его владычественное благословение, дабы и впредь, как доселе, по благодати Его в деяниях и решениях твоих и сущего с тобою собора святителей являема была не наша, человеческая, воля, а воля Божия, и открывалось еже «изволися Духу Святому» (Деян. 15, 28) ради святых Церкви и вечного спасения людей Господних. Прими же от нас, Блаженнейший Владыко, изъявление нашей сыновней любви к тебе и нашей верности, и на делание каждого из нас, твоих сопастырей, и на всю обширную паству свою призови зиждительное благословение Пастыреначальника и Спаса нашего Господа Иисуса Христа».

Итак, Русская Православная Церковь восстанавливала свой иерархический строй в ожидании созыва нового Поместного Собора для избрания ее двенадцатого Патриарха.

2. Деятельность митрополита Алексея в Священном Синоде и на Ленинградской кафедре по преодолению нестроений и расколов (1934–1941)

Тридцатые годы века были в жизни Русской Церкви – и в жизни митрополита Ленинградского Алексея – отмечены, как период неустанной работы ее Священного Синода, под мудрым руководством Первосвященителя митрополита Сергия, по собиранию ее паствы, долгое время предоставленной почти самой себе в плане человеческом.

Митрополит Сергий, всю жизнь отстаивавший канонический порядок в Церкви, настойчиво и планомерно проводил тогда мероприятия, направленные на то, чтобы в кратчайший срок привести внутрицерковные взаимоотношения в соответствие с требованиями церковных канонов.

«Мы пережили пору нестроений, когда действие Святого Духа одно восполняло нашу человеческую немощь и беспомощность, – говорил Блаженнейший Сергий членам своего Синода, – это с полной ясностью и очевидностью было испытанием нашей апостольской преемственности. Ведь мы на своем же опыте только что пережили действие предостерегающей заповеди, данной Господом апостолу словами «довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9).

«И Блаженнейший поучал нас, что все силы свои мы призваны напрячь в деле домостроительства Церкви и, если теперь уж мы не преуспеем в нашем труде на ниве церковной, то только от нашего же нерадения», – вспоминал Святейший Патриарх Алексей четверть века спустя.

Патриарх Алексей, за десятилетие своего стояния во главе Ленинградской митрополии бывший ближайшим сотрудником и единомышленником Патриаршего Местоблюстителя и впоследствии Патриарха Сергия, особенно хорошо знал его первосвященительскую заботу и деятельность во всех деталях. И до конца собственной жизни он свидетельствовал о совершенно исключительном месте в деле возрождения Русской Церкви, которое Бог судил занять Патриарху Сергию.

Глубина и объем его познаний, необыкновенно широкий кругозор и такие качества, как подлинно гениальная интуиция, непреклонная твердость в принципиальных решениях, сочетанная с бесконечной и гуманной терпеливостью, помогли ему осуществить оздоровление церковной жизни в масштабах и сроках, на которые никто вокруг него не мог надеяться.

Кроме громадного объема работы высшей церковной власти в период между легализацией временного Патриаршего Синода и Отечественной войной, то есть в те четырнадцать лет, когда митрополит Сергей и Синод должны были вложить столько усилий, чтобы восстановить в Церкви порядок и дисциплину, следует отметить твердость и подчас суровость, которую при этом приходилось проявлять.

Об этом Патриарх Алексей впоследствии вспоминал, отмечая, что Русская Церковь, вероятно, не знала такой решительности в управлении, какую применял митрополит Сергей при всем его отеческом великодушии: «Наш Первосвятитель, которого мы с ласковой почитательностью называли «дедушкой» и сердобольное долготерпение которого все мы знали и видели, мог быть неумолимым, когда дело касалось соблюдения общеобязательных норм церковной жизни и верности проверенным многовековым опытом церковным традициям».

В доказательство этой спасительной определенности в отношении поведения папстырей Церкви можно привести несколько извлечений из пространного постановления Синода от 29 октября 1930 года. Укажем на пять пунктов из этого постановления, о котором по благословиению заместителя Патриаршего Местоблюстителя архиепископ Хутынский Алексей представил ему предварительный доклад.

Окончательная редакция пункта первого гласила: «Всякого клирика, самовольно, без благословения архиерейского оставляющего свою должность, Преосвященный (правлящий архиерей) немедленно, по получении о том сведений, объявляет запрещенным в священнослужении и требует от оставившего в определенный срок объяснений, принимая со своей стороны и другие доступные меры к выяснению дела».

Второй пункт предписывал, чтобы по выяснении обстоятельств «клирики, виновные только в самовольном оставлении прихода (без снятия сана или отречения от веры)», подвергались, «смотря по степени виновности и проявленного ими раскаяния, различным церковным взысканиям от простого замечания до запрещения в священнослужении на более или менее продолжительный срок, а в случае упорства и злобности – и до лишения сана включительно».

Третий, четвертый и пятый пункты постановления относились к случаям апостазии и вероотступничества. В третьем пункте говорилось, что «клирики, отрекающиеся письменно, печатно или устно от Бога, веры или от имени клирика (заявившие о снятии сана с похулением церковного служения), признаются снявшими сан самовольно с последствиями по 62-му правилу святых Апостолов, то есть и в случае покаяния не имеют надежды на восстановление в священстве или в звании клирика».

Четвертый пункт рассматривал положение клириков, виновных «лишь в самовольном снятии сана без отречения от него (без похуления)». При нераскаянности эти клирики подлежат тому же 62-му правилу святых Апостолов, «при раскаянии же имеют надежду на оставление в сане или звании клирика, но под условием: а) если принесут Преосвященному свое покаяние раньше окончательного постановления церковной власти о снятии с них сана; б) если составят письменное опровержение своего заявления (газете, гражданской власти или приходу) о снятии ими сана; в) если понесут соответственную степени их виновности епитимию, по усмотрению Преосвященного, с публичным покаянием (когда этого требуют обстоятельства дела)».

Пятый пункт касался священнодействия в порядке самоуправства или нарушения наложенного архиерейской властью запрещения: «клирики, самовольно снявшие сан (с отречением или без оногo) и потом дерзнувшие снова приступить к священнодействию, без архиерейского на то благословения, или скрывшие от архипастыря свое самовольное снятие сана или отречение, подлежат немедленному лишению сана без надежды на снисхождение и без права обжалования в Патриархию»⁵⁷.

В акцентировании церковной дисциплины в условиях ее многолетней расшатанности, без сомнения, заключалась для всей Церкви объективная и повелительная необходимость. Всему окружению Местоблюстителя было, действительно, хорошо известно, насколько чрезмерная строгость всегда претила митрополиту Сергию субъективно. И только высокое сознание своей первосвятительской ответственности за людей, вверенных его попечению, позволяло ему без колебаний принимать решительные меры по отношению к епископам и клирикам, утратившим понимание канонического и иерархического строя Православной Церкви.

Но особенно характерной чертой управления митрополита Сергия и всего периода оздоровления, предпринятого и осуществленного им, была та постоянная готовность к прощению, к снятию вины и к реабилитации всякого, приходящего с искренним раскаянием, и к оказанию самой усердной и действительной помощи всем в деле выращивания и принесения «плода, достойного покаяния».

Предшествовавшая эпоха была ознаменована не только великим множеством индивидуальных заблуждений, соблазнов и падений, но и многообразными групповыми и коллективными разделениями, даже расколами, о некоторых из коих мы вкратце упоминали выше. Мы не имеем, однако, как тоже не раз говорилось, времени и места остановиться тут на истории расколов, возникавших было в Русской Церкви и создавших в жизни ее некий сложный кризис, «комплексный» и по их мотивам, и по их проявлениям.

С постепенным ослаблением обновленческого реформаторства, с изживанием «сепаратистских» тенденций в Церкви (разных украинских толков вроде «липковщины» и «самосвятства», из которых произошел пресловутый зарубежный «автокефализм») поднимались волны «охранительных» тенденций, стремившихся по-своему «оградить» Православие, а на деле учинивших новые разделения, как «григорианский» и «иосифлянский» расколы. Эти тенденции давали себя знать и после легализации церковной иерархии, в которой консервативно настроенные, но безответственные и по существу беспомощные церковные элементы склонны были усматривать угрозу чистоте православной веры.

Период восстановления церковного мира и порядка был поэтому отмечен нестроениями, которые Местоблюстителю приходилось преодолевать последовательностью в своей линии и неукоснительным внедрением дисциплины. Почва для нестроений, по-видимости «принципиальная», чаще всего осложнялась или даже создавалась местными неладами, определенными персональными предпочтениями или личными интересами.

Из-за таких обстоятельств, долгое время угрожавших возникновением локальных разделений, требовалось часто перемещение неуживчивых клириков. Заместителю Патриаршего Местоблюстителя в первые годы пришлось переместить десятки подчинившихся ему епископов на другие кафедры по чисто местным причинам.

Следствиями расколов оказалось, между прочим, ни с чем несообразное увеличение числа епископий – викариатств и даже епархий с титулами городов, давно утративших значение епархиальных центров или ими никогда не бывших. Даже подчиненные после покаяния митрополиту Сергию епископы иногда вновь самовольно «выходили» из его юрисдикции из-за личной «обиженности» тем или иным синодальным решением, а затем все-таки вновь возвращались в каноническое подчинение ему. Все это требовало от Первоиерарха поистине бесконечного терпения. Постепенно раздоры и разделения были изжиты.

Будущий Патриарх Алексей признавал с благодарностью, что восемнадцать лет постоянного и тесного сотрудничества с митрополитом, впоследствии Патриархом

Сергием были самым значительным, самым ценным и самым учительным периодом в его жизни. Надо помнить, что эти восемнадцать лет, начавшиеся для Патриарха Алексия в возрасте 50 лет были эпохой духовной зрелости его и святительского опыта, приведших его к ступеням патриаршего престола.

Большим и весьма важным «утешением», как любил выражаться Патриарх Алексий, было для него в ту пору сознание, что церковная линия, которой держался его учитель и духовный вождь митрополит Сергей, вполне совпадали с настроенностью и убеждением его первого «аввы» митрополита Арсения.

Мы видели, что письменная связь между прежним митрополитом Новгородским и его учеником и преемником епископом Алексием восстановилась в бытность последнего в Средней Азии. Эта связь продолжилась и во второй новгородский и затем в ленинградский периоды архиерейства Преосвященного Алексия – уже митрополита.

Мы знаем также, что митрополит Арсений (Стадницкий) был, как и архиепископ Алексий (Симанский), зачислен митрополитом Сергием в основанный им в 1927 году Временный Патриарший Синод. Духовная, сердечная и административная связь между митрополитами Сергием и Арсением также не прекращалась до преставления последнего в 1936 году в Ташкенте.

В 1933 году митрополит Арсений был назначен на Ташкентскую кафедру, в 1934 году он был награжден правом ношения двух панагий, а в 1935-ом – правом предношения креста при богослужении. Он в Бозе почил, сохраняя полное единомыслие со своим бывшим учеником, которому суждено было стать Патриархом всея Руси.

Оценку великого дела Патриарха Сергия и самой личности его Патриарх Алексий дал в своем предисловии к тому, выпущенному издательством Московской Патриархии в 1947 году под заглавием «Патриарх Сергей и его духовное наследство»: «В Бозе почивший Патриарх Сергей бесспорно занимает одно из первенствующих мест в сонме иерархов Российской Церкви текущего столетия. Если принять во внимание те огромные труды, которые Промышлением Божиим выпали на долю его как главы Православной Русской Церкви, труды, возвысившиеся до степени высокого церковного подвига, то Патриарха Сергия, несомненно, следует поставить в ряду тех великих подвижников и поборников церковной правды, труды коих с благоговением хранятся в памяти потомства, являясь драгоценным достоянием истории Церкви. Наша Русская Церковь благодарно вспоминает и еще долго будет вспоминать и благословлять эти труды его, направленные к охранению чистоты веры, к сохранению ясности церковного сознания, благодатной преемственности, канонически законного возглавления Поместной Русской Церкви».

В другом месте предисловия к книге о Патриархе Сергии Патриарх Алексий отмечал, что «произведения великих умов – в частности церковных деятелей – ценны не потому только, что заключают в себе раскрытие тех или иных истин веры и правил жизни и дают то или иное направление церковной деятельности в данное время, но еще и потому, что они, эти произведения, нося на себе печать великого духа, влияют и на последующее направление церковной жизни и, таким образом, составляют эпоху в жизни церковной».

Всей своей церковной деятельностью Патриарх Сергей показал, что дух церковного управления и благодатная сила канонических правил не только должны, но и могут оставаться в Церкви неизменными, несмотря на то, что формы церковного управления могут видоизменяться под влиянием различных условий гражданского устройства. Назначение великих деятелей церковных – сохранять неизменными основания прав Церкви, несмотря на разнообразие и изменения внешних форм управления, и в

то же время согласовать применение их с потребностями времени и внешних условий, не поступаясь существом правил и традиций церковных.

Многотрудная работа, проведенная в тридцатые годы восстановленной церковной иерархией на необъятных просторах нашей страны, принесла плоды, оказавшиеся тем более ценными, что надвигалось грозное испытание – величайшая разрушительная и истребительная война.

ГЛАВА VIII

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЁ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Подвиг патриотизма

Второе в жизни митрополита Алексия германское нашествие вновь застало его во главе епархий, расположенных на угрожаемом северо-западе. И это второе нашествие повело уже ко вторжению беспощадного, лютого врага в самые пределы обеих его епархий – Новгородской и Ленинградской.

Митрополит Никодим (Ротов, † 1978), преемник митрополита Алексия на этих двух кафедрах, так охарактеризовал его церковное и патриотическое служение в те годы (в речи на Акте, посвященном 50-летию епископского служения Патриарха Алексия 17 июля 1963 г.).

«Возглавление Ленинградской митрополии ознаменовалось для митрополита Алексия несением особого подвига. Это был подвиг патриотизма, противостоявшего вражескому вторжению в тяжелой памяти 1941 год. Тогда вся страна от края и до края поднялась на защиту своих исторических завоеваний, полная решимости побороть агрессора. Не осталась в стороне от всенародного дела и Русская Православная Церковь. По почину своего главы Блаженнейшего митрополита Сергия, в первый же день войны призвавшего чад Русской Церкви со всей силой патриотизма встать на борьбу с врагами Отечества, митрополит Алексей был участником героической эпопеи города-героя Ленинграда. Без отопления и света, часто без хлеба и воды, при ежедневных жестоких бомбардировках жило и боролось с обложившим город врагом его героическое население.

Митрополит Алексей не прекращал совершать богослужения, удовлетворяя духовные нужды верующих, утешал и ободрял изнемогающих в страданиях. Проповеди митрополита Ленинградского Алексия в дни войны и блокады были проникнуты чувством того горячего, беззаветного патриотизма, который, по его словам, особенно свойственен русскому человеку, поставляющему рядом со словом «родина» синоним «мать».

Обращения митрополита Алексия находили живой отклик в сердцах верующих. Его патриотическая деятельность была высоко оценена Церковью. 5 июня 1943 года особым указом Блаженнейшего митрополита Сергия митрополиту Алексию, в воздаяние понесенных им трудов, особенно при осаде Ленинграда, было усвоено высокое богослужебное отличие – предношение креста при богослужении.

Для митрополита Алексия новое посягательство тевтонской силы на Русскую землю было продолжением пресловутого «Дранг нах остен» (экспансии на Восток), первый отпор которому уже семь веков тому назад дал национальный герой и канонизированный Русской Церковью правитель Северной Руси святой князь Александр Невский. Митрополит Алексей говорил об этом в многочисленных словах и речах в грозные дни Великой Отечественной войны. И об этом писал он тогда в «Журнале Московской Патриархии»⁵⁸.

Продолжая обращаться к собственным высказываниям Святейшего Патриарха Алексия, извлекаем самые характерные строки из его статьи, озаглавленной «Святой благоверный великий князь Александр Невский – покровитель Северного края».

«Тотчас же после Невской победы над шведами Александру Ярославичу пришлось бороться с другими, еще более опасными врагами – немцами... В конце марта 1242 года произошло на Чудском озере знаменитое «Ледовое побоище», когда немецкое войско, недавно еще столь грозное, было уничтожено, а с ним вместе уничтожена была и сила немцев... В этой борьбе Александра Невского с западными врагами обращает на себя внимание одна замечательная черта: неумоимо сражаясь с ними, он ведет оборонительную войну и не стремится к захвату чужих владений. Своей победой он доказал западным врагам, что даже обессиленная тогдашними внутренними раздорами Русь, в моменты общей опасности явилась для врагов грозной и неодолимой силой. И если для борьбы и окончательного одоления страшной силы татарских ханов еще не наступило время, что ясно видела и сознавала пронизательная государственная мудрость Александра Невского, видевшего и то, что починение этой силе не грозило духовной целостности русского народа, то с западными врагами надлежало бороться со всем напряжением борьбы, так как здесь подчинение угрожало духовной целостности и грозило русскому народу участью тех славянских племен, которые жили в теперешней Пруссии, но, потеряв свою веру, так онемечились, что забыли свой язык, свое племенное происхождение и погибли как для Православной Церкви, так и для всего славянства».

«Вечная слава и хвала доблестному князю Александру Невскому, – продолжал митрополит Алексей, – который с истинно гениальной пронизательностью вовремя разгадал опасность, угрожавшую нам с Запада, предпочел временно терпеть татарскую неволю, но в то же время мужественно стал на страже русской народности против захватнических стремлений западных врагов и победоносно закончил борьбу.

И теперь, когда неотразимой силой нашего исторического и мирового всеславянского призвания, властью силой исторической необходимости миролюбивая Россия поставлена перед лицом грозной брани за славянство против наглого натиска германизма, когда во весь рост встали перед нами все вековые счеты наши с немцами, когда на защиту родной земли поднялись в едином порыве и в едином крепком союзе все народности, составляющие великий советский народ, – перед нами осиянный вечной славой встает светлый образ князя, явившегося олицетворением мощи русского народа, и вдохновляет нас к борьбе, и благословляет наше окончательное торжество над врагом».

2. Речь митрополита Сергия в первый день войны

Чтобы лучше постичь роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., надо вдуматься в слова Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского Сергия в обращении его к всероссийской пастве, разосланного по всем приходам Русской Церкви в первый же день войны.

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва ли не весь мир, не коснется нашей страны... Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге пред Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамям же их славного имени и мы – православные, родные им по плоти и по вере.

Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства».

«Вспомним святых вождей русского народа, – продолжал наш Первосвятитель, – например, Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в славной своей легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13). Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины... Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших воинов, полагавших жизнь свою за Отечество и веру во все времена наше- ствий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

Эти последние слова обращения митрополита Сергия особо подчеркивались русскими иерархами и в нашей стране и за рубежами ее: Блаженнейший не только выразил надежду на победу, он высказал уверенность в том, что она, эта победа, будет за нами.

3. Служение митрополита Алексия в блокадном Ленинграде (8 сентября 1941 – 18 января 1943 годов)

Но тяжкие годы великой борьбы были еще впереди. Особенно трудные, можно сказать – небывалые испытания должны были выпасть на долю Ленинграда. С самого начала войны неприятель пытался молниеносным ударом овладеть всем балтийским побережьем и самим Ленинградом и осуществить этим глубокий охват Москвы и всей центральной России с севера.

Во второй половине июля 1941 года – через месяц после начала войны – вражеские танковые армии уже рвались к берегам Ильмени, угрожая древнему Новгороду, которому вскоре после этого пришлось так пострадать в своих исторических святынях от руки неметчины через семь веков после первой его обороны от нее Александром Невским. Еще севернее немцы в те же дни пытались вторгнуться в пределы Ленинградской области. А в начале сентября им удалось блокировать Ленинград от Финского залива до Ладожского озера и началась 900-дневная легендарная защита великого города.

Митрополит Алексей, разделивший с вверенной его окормлению паствой это героическое стояние, еще 25 июля 1941 года в обращении к верующему населению Ленинградской митрополии говорил:

«Послание митрополита Сергия к пастырям и пасомым Русской Церкви призвало всех верующих в грозный час опасности, нависшей над нашим Отечеством, к единой защите – каждого в полную меру сил – великой нашей Родины. От лица Церкви сказано в этом послании, что она, Святая Церковь, «благословляет небесным благословением всенародный подвиг». И этот голос первого архипастыря Русской Церкви не оказался «гласом вопиющего в пустыне». Все верующие отозвались на этот призыв. Все в минуту общей опасности объединились без различия положения, как граждане единого великого Союза, в одном стремлении, чем бы то ни было – помочь, участвовать в общей работе по защите Отечества. Как на подвиг, благословенный Церковью, не только юноши, еще не призванные на военную службу, но и пожилые и старики пошли добровольцами на фронт, с полной готовностью и жизнь свою положить за целость, за честь, за счастье любимой Родины. Молебны в храмах и прошения о даровании победы русскому воинству находят живой отклик в сердце каждого молящегося, у которых теперь одна дума, одна молитва – дал бы Бог победить коварного и злобного врага...

Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жадностью грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие Неба за кровь и за бедствия свои и чужих. Но война – священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу.

Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества. Церковь неумолчно зовет к защите Матери-Родины. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом».

Первая суровая зима блокады была самой тяжелой. Ленинград был стиснут полным окружением. Особой тяготой для населения был холод, от которого не было укрытия и в домах, лишенных отопления. От мороза лопались трубы водопровода, и воду приходилось доставлять на самодельных салазках из прорубей в русле Невы.

К концу зимы возросла смертность. Первыми погибали старики. Дети зачастую переживали взрослых. Голод начал косить людей: недоедание постепенно стало главным бедствием. Умерших хоронили в братских могилах в садах и парках. Детям могил рыли, где было возможно. Не из чего было делать гробы.

За время блокады от истощения, болезней и голода погибло не менее семисот тысяч человек гражданского населения города. Эти сотни тысяч покоятся теперь на Пискаревском и Смоленском братских кладбищах-памятниках Ленинграда.

Богослужения в городских храмах чередовались беспрестанно при громадном скоплении верующих. В промежутках между службами суточного круга всенародным пением пелись акафисты. Совершая литургии, всенощные бдения и коллективные отпевания или читая на клиросах, митрополит Алексей фактически не покидал храма. Он постоянно произносил слова и проповеди.

С началом осады он поселился в здании Владимирского собора на Большом проспекте Петроградской стороны. На короткое время ночью он поднимался по узкой винтовой лестнице в мансардное помещение над входом в храм, где под наклонным

сводчатым потолком была устроена для него тесноватая, но высокая келья. Позднее, когда вражеским обстрелом Князь-Владимирский собор был поврежден, митрополит перешел в такое же помещение под куполом кафедрального Никольского собора в центре города у реки Мойки.

Не раз в храмы во время богослужения были попадания воздушных бомб и дальнобойных снарядов. При падении кирпичей, обломков и стекла службы не прекращались. Так проходили месяцы за месяцами. Но вместе с жителями Ленинграда митрополит Алексей считал, что жертвы, ими приносимые, и опасности, которым они подвергаются, не дают им даже возможности постичь ужас, окружающий воинов-защитников города, подверженных тем же лишениям на Ленинградском фронте, оружием и грудью удерживающих вражеские полчища у самой городской черты.

Полезно привести свидетельство ленинградского благочинного протоиерея Николая Ломакина, за все время блокады бывшего в постоянном общении с митрополитом Алексием. Воспоминания отца Николая были напечатаны в «Журнале Московской Патриархии»⁵⁹ вскоре после избрания митрополита на Московский патриарший престол.

«Наш Ленинградский Владыка Алексей явился в Ленинграде не только архипастырем – духовным руководителем, но и организатором здесь значительной работы всего духовенства на защиту Отечества и на оборону родного Ленинграда. Как верный сын Родины и любящий отец, объединил Владыка Алексей духовенство и паству в осажденном Ленинграде.

Не в малой статье рассказать о замечательных трудах святителя-патриота в страшные 900 дней блокады города-богатыря. Не щадя сил и жизни, глубоко веря в победу над врагом Руси и всего человечества – фашизмом, не обращая внимания на артобстрелы и другие ужасы вражеской блокады, Владыка митрополит бесстрашно, часто пешком, посещал ленинградские храмы, совершал в них богослужения, беседовал с духовенством и мирянами, всюду внося бодрость, веру в победу, христианскую радость и молитвенное утешение в скорбях.

Сам, иногда больной, Владыка в любое время дня принимал приходивших к нему мирян и духовенство. Со всеми ровный, приветливый – для каждого он находил ласку, умел ободрить малодушных и подкрепить слабых. Никто от нашего Владыки не уходил опечаленным, неокрыленным духовно. Очень многим Владыка из личных средств оказывал материальную помощь; лишая себя, по-христиански делился пищей. Желая молитвенно утешить и духовно ободрить пасомых в тяжкие дни блокады Ленинграда, Владыка Алексей нередко сам отпевал усопших от голодного истощения мирян, невзирая на лица и обставляя эти погребения особо торжественно».

«Как тверда была вера Святителя в победу над врагом!.. – восклицает отец Николай. – Как не любил он паники и уныния!.. Невольно вспоминается пасхальная ночь 1942 года, которую враг пытался омрачить нападением на Ленинград. Два авиабомбы сброшены врагом в юго-западный угол Князь-Владимирского собора. Ободряя других, Владыка и сам ни на минуту не терялся, не падал духом. В 1943 году много было случаев обстрела артиллерией Никольского собора, где жил наш Святитель. Однажды в храм попало три снаряда, причем осколки врезались в стену покоев Владыки. Причт по окончании литургии не мог выйти из храма – кругом были смерть и разрушение – и остались ждать конца обстрела в Никольском алтаре. Вдруг страшный разрыв снаряда... Через несколько минут входит в алтарь Владыка, показывает причту осколок снаряда и, улыбаясь, говорит: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось».

И так, – при всех и всяких обстоятельствах и ужасах блокады.

В своих многочисленных патриотических посланиях и обращениях к духовенству и пасомым и с церковного амвона Владыка митрополит непрестанно призывал к защите Отечества и родного Ленинграда, к жертвам, труду и терпению во имя победы над «коварным и злобным врагом – фашизмом».

При всем этом все жертвенные начинания Владыка предварял добрым примером – личной щедрой жертвой. Миллионные пожертвования ленинградских церквей и приходских общин в фонд обороны, на танковую колонну «Димитрий Донской» и другие военные нужды, и крупные жертвы отдельных прихожан деньгами, ценностями и вещами – были наилучшим ответом на призыв архипастыря.

Но Святейший Владыка Алексей не одинок был среди ленинградской паствы в своих высоких церковно-патриотических трудах. Ленинградское духовенство, движимое горячей любовью к Родине и Ленинграду, по зову архипастыря, совместно с приходскими общинами проводило в дни блокады Ленинграда большую и плодотворную работу».

Еще на исходе страшной первой зимы осады, когда от полного освобождения Ленинграда отделяли еще целых два года, митрополит Ленинградский обратился в марте 1942 года к своей пастве с новым пасхальным посланием. В нем он говорил:

«Прошло девять месяцев, наступил десятый, с начала переживаемой нами великой, всенародной, Отечественной войны. За это время мы были свидетелями – с одной стороны, со стороны врага, коварного, жестокого и бессовестного – самых ужасных зверств и нападений на нас не только на полях сражения, но и в городах и селах, на мирных и безоружных жителей; с другой стороны – со стороны наших доблестных и стойких защитников, нашего воинства – невиданных еще в истории подвигов самоотверженной борьбы за Родину, за ее честь, ее целостность, свободу и славу.

Находясь в городе, в относительной безопасности и защите от грозных нападений врага, от его налетов с воздуха, обстрелов из смертоносных орудий огромной силы, мы не можем себе и приблизительно представить всего ужаса, среди которого ежедневно и ежечасно находятся наши братья, наши дорогие защитники, доблестные воины Красной Армии, самым делом исполняющие слова Христа Спасителя: «Нет большей любви, как если кто душу свою положит за други своя...» (Ин. 15, 13).

Если мы, только читая о том, что они терпят, и слыша о неимоверных усилиях их отстоять каждую пядь земли родной, содрогаясь от ужаса, то как там они, наши родные русские воины, в самом пекле сражений, ежеминутно подходят к порогу смерти? За кого? За что? За нас и за нашу целостность! Все это может оценить только проникнутая сознанием величия и святости подвига полагающих жизнь свою за ближних душа христианина. И мы видим, что и в тылу многие и многие, болеющие душой за Родину, сознательно и бодро, без тени уныния несут все неизбежные в условиях военного времени тяготы и лишения, принимая их как долю, самую ничтожную долю, посильного участия в общем, великом и священном долге защиты Родины, приобщаясь этим к подвигу наших защитников и почерпая силы в твердом уповании на Бога – помощника в правом деле. Этого сознания не может быть у наших врагов: они опираются только на силу; но эта видимая сила их на наших глазах ослабеваает, как это мы видим на примере Москвы, от которой далеко отогнан враг, несмотря на то, что он подступил было к ней почти вплотную».

Далее митрополит напоминал своим пасомым, что победа достается силой не одного орудия, а «силой общего подъема и мощью веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды». Он учил их, что необходимо преодолевать

все виды слабости, уныния, греховного малодушия и маловерия. Он призывал изнемогающих не допускать ропота на Бога за лишения, невзгоды, за смерть близких, и беречь и хранить бодрость, общий душевный подъем, помогать общему делу по мере сил и умения.

«Все мы должны крепко помнить, что, как тогда, во время ли святых Александра Невского или Димитрия Донского, на льду Чудского озера, на берегах Дона и на поле Куликовом, решался великий спор правды и неправды, так и теперь – в другой обстановке, в непомерно более грозном столкновении – у нас решается спор наступающего германизма против защищающегося славянского мира, и значение его лично для нас, русских людей, расширяется и вырастает до мировых судеб нашего народа и нашего Отечества. Это должен понять каждый из нас, русских патриотов, и стать выше тех сравнительно малых лишений и личных бедствий, которые приходится переживать в это бурное время».

Мы не имеем возможности цитировать тут обилие призывов митрополита Алексия в суровые дни войны и слов ободрения и утешения, обращенных им к своей страждущей пастве. Но мы не можем оставить без внимания его обращения от 25 апреля 1943 года на Пасху к пастырям и верующим Ленинградской и Новгородской епархий, занятых еще вражескими войсками.

«С особым умилением простирая к вам голос мой, – писал митрополит в этом обращении через пылающий рубеж фронта, – я посылаю вам христианский привет в день Христова Воскресения. Тяжела и безрадостна жизнь ваша в земле исконно русской, но временно захваченной врагом безжалостным, ненавидящим все русское, попирающим все для нас дорогое и священное, не щающим в злобе своей ни старца, ни женщины, ни младенца! Но тем радостнее пасхальная весть! Мы знаем, как страдаете вы, отрезанные от своих близких, от всех дорогих сердцу. Не менее тяжело и для нас это разъединение. Мы слышим ваши стоны, боль сердца вашего в страданиях Родины, и всей душой – с вами. О вас наша неотвязная дума и о вас тревога любви нашей. Знаем мы и слышим, что многие и многие из вас, пренебрегая опасностями, со всех сторон вас окружающими, не щадя жизни, всеми силами борются с врагом, помогая этим нашим доблестным защитникам – воинам нашей Красной Армии в их беззаветной борьбе за честь и свободу Родины. Доблестный гражданин Русской земли Минин еще жив в потомках своих, которые дышат его великим духом, горят его любовью к Отечеству...

И да будет благословен ваш подвиг (курсив обращения митрополита. – А.К.). Да не падает, не умаляется, не кончается ваше святое воодушевление, да не гаснет священный огонь, ибо не подобает, невозможно угаснуть тому, что по существу духовно и вечно, неоскудеваемо...

Близится время нашей победы над врагом человечества. Невидимая рука Провидения, наказующая насильника и угнетателя, уже начертала пределы его кровавожданному владычеству. «Исчислил Бог царство его и положил конец ему» (Дан. 5, 26–27). Правда, еще остры и многочисленны стрелы врагии, но они не пробili и не пробьют нашего щита, ибо щитом нашим является верность в правде. Велики жертвы, приносимые народом нашим для спасения Отечества, но и велико и дорого спасение, ради которого приносятся эти жертвы!..

Объемлю всех вас с горячим чувством любви Христовой, вручаю вас покрову Матери Божией и святых угодников земли Новгородской и земли Псковской и со всем усердием молю воскресшего Господа о помощи вам, моей возлюбленной пастве, и всем нам в нашей святой и правой борьбе. И твердо, непоколебимо верую, что Господь нам поможет. Христос Воскресе!».

И вот еще цитата из обращения к ленинградской пастве 22 июня 1943 года: «Мы собрались в наших храмах сегодня, в день второй годовщины Отечественной войны, которую с великим самоотвержением и небывалым единством ведет народ наш... С какими же мыслями и чувствами предстоим мы ныне пред Господом, во время продолжающихся еще бранных опасностей? Что говорят нашему сердцу и чему научили нас эти два года тяжелых испытаний? – «Благословен Господь Бог наш, научаяй руки наши на ополчение и персты наши на брань; Господь – милость и прибежище наше, заступник наш и избавитель, защитник наш...» (Пс. 143, 1–2). Вот какие священные слова приходят нам на память в эти знаменательные минуты. Мы видим теперь, что несмотря на невероятные трудности современной войны, мы не только не ослабели, но, наоборот, окрепли в ратных подвигах; силе и искусству врага противопоставили мы нашу силу и наше воинское искусство и, что важнее всего, не изнемогающее ни перед какими трудностями всенародное воодушевление. Подлинно, Сам Господь «научает руки наши на ополчение».

Слава доблестному русскому воинству! Благословенна память подвижников Отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство, жизнь! Благословим Бога-Избавителя, благословившего подвиг возвращения из рук хищников и грабителей многих наших городов и сел, захваченных было врагом и с громадным для него уроном взятых от него обратно. Благословим Бога милости и щедрот, возбудившего в сердцах всех без различия русских людей сочувствие к подвигам и к несущим подвиги нашим воинам и желание всеми способами участвовать в их подвигах, облегчать их труд.

Как охотно и обильно всюду текли жертвы на воинские нужды и на подарки – подлинные дары любви – воинам, а также больным и раненым. И текли, и текут, и будут течь обильными, неиссякающими потоками, свидетельствуя о неиссякаемой любви нашей и преданности делу спасения Отечества, в твердой вере, что и для всех нас не оскудеет дивная помощь Божия».

«Враг, не только дерзновенно попирая всякие законы Божии и человеческие, разбойнически напал на нашу землю, но он с неслыханной жестокостью и звериной злобой расправляется с нашими близкими, имевшими несчастье попасть в его руки. Но и тут мы видим, с какой твердостью народ наш сопротивляется ему и, несмотря на страдания и муки, остается верным своей любимой Родине. Он остается верным ей и там, за рубежом, куда уводят его для каторжных работ немецкие злодеи, отрывая от родных мест и от близких и ввергая в безысходную муку. И туда мы шлем наши заботливые помыслы и всеми силами души посылаем свои молитвы и благословения. «Укрой, Господи, изгнанных, не выдай скитающихся... будь им покровом от грабителя, от притеснителей» (Ис. 16, 3–4). И мы веруем, что недалеко и для них время освобождения и возвращения в родные края. Да исправится же молитва наша, яко кадило пред Господом, и да пошлет Господь по вере нашей исполнение этой молитвы о скорейшей победе над врагом!..

Молитва – это рука, простертая для приятия благодеяний Божиих. Она невидимой, но крепкой нитью соединяет человека с Богом и дает человеку уверенность в непобедимой помощи Божией... Сегодня, в знаменательный для нас день, мы с особенным усердием соединяемся в молитве и «приносим Господу жертву хвалы, и возвещаем о делах Его с пением», и молим Его благость, да умножит Он силу нашего воинства для окончательного одоления врага. Да успокоится и почит сердце наше пред Господом! Да пошлет Господь торжество жизни и радости! Да сохранит Он град сей и живущих и молящихся в нем!».

Полное окружение Ленинграда длилось с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года, когда предпринятое войсками Ленинградского и Волховского фронтов наступление позволило им после ожесточенных боев прорвать немецкое кольцо и соединиться к югу от ладожского побережья. Этот успех смягчил тяготы блокады, но не упразднил их, так как немцы еще целый год удерживали свои позиции вокруг самого города в самой непосредственной близости от него.

Тем не менее, вдоль побережья Ладоги образовался коридор километров в десять, по которому стала возможна, хоть и трудная, связь со страной, с «большой землей», по суше. По этому узкому «перешейку», как по дамбе, стали налаживать прокладку даже железнодорожной колеи, позволившей более интенсивный подвоз военных и продовольственных грузов в Ленинград, оставшийся до окончательного его освобождения (в марте 1944 года) как бы осажденным островом.

Январский прорыв, давший возможность на узком пространстве осуществиться стыковке Ленинградского фронта с Волховским, позволил митрополиту Алексию в труднейших условиях предпринять путешествие для совещания с Местоблюстителем митрополитом Сергием и участия в готовившихся важнейших решениях и событиях в церковной жизни.

Таким образом, 8 сентября 1943 года, то есть день в день во вторую годовщину наложения осады на Ленинград, он выступил с докладом «О долге христианина перед Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны» на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви. Этот доклад, который можно было назвать программным, был произнесен сразу после краткого вступительного доклада председателя Собора Патриаршего Местоблюстителя («О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны»).

«Где и как выковывается победа?» – задавался вопросом митрополит Ленинградский в одном месте своего выступления. «Ответ здесь ясен, и всем понятно, что победа выковывается на поле брани трудом, подвигом и воодушевлением воинов, искусством военачальников; победа, далее, зависит и от усовершенствованных орудий борьбы: воздушные истребители и бомбардировщики, бронепоезда и танки, пулеметы, артиллерия, достигшая страшной разрушительной силы в своих снарядах, снайперская меткость, – все это подготавливает, обуславливает, создает победу! Неоспоримо, все перечисленное нужно для армии, как нужна и сама армия, чтобы была победа».

«Но, – продолжал митрополит Алексей, – признать только эти одни причины и условия победы, значило бы осудить весь народ, кроме армии, на бездействие во время брани, и свести его к положению безучастного зрителя совершающихся событий. Но есть нравственные условия победы, гораздо более широкие, гораздо более возвышенные, могу сказать, даже более действенные, чем численность и сила орудий современного боя. Они, эти нравственные условия, владеют и победоносным воинством, которому нужно воодушевление, которому нужна готовность перенести все и всякие жертвы, лишения, раны и самую смерть; они, эти нравственные условия, нужны и для народа, оставшегося внутри страны, который и до войны породил и воспитал армию, и во время войны питает ее духовно... Воодушевление воинства опирается на воодушевление народа и от него исходит. Воинство должно знать, что война, которую оно ведет, которая требует от него стольких трудов и несет ему столько опасностей, что эта война народная, война Отечественная, захватывающая всех от мала до велика.

Связь войска с народом – то же самое, что кровообращение в теле: с его прекращением останавливается сама жизнь. И такая связь у нас существует и даже, можно сказать, усиливается по мере нарастания темпов борьбы и наших побед. Смотрите,

какое воодушевление, какой огонь святой и пламенной любви к Родине! Это единодушие всех перед лицом грозной войны, эти жертвы кровью, жизнью, имуществом, трудом, это напряженное желание увенчать войну победою, это трепетное замирание сердца при всяком известии о новой победе...».

Далее митрополит остановился на подвиге населения его города, которому он сам был свидетелем: «И поистине изумительные подвиги русских людей можно было наблюдать в течение минувших лет в Ленинграде, осажденном и отрезанном от жизненных и военных центров страны. Ленинград был осажден, но город-воин продолжал жить, бороться и поддерживать неразрывную связь со всей великой страной. По водам Ладожского озера шли корабли и баржи с продовольствием и боеприпасами. Через линию фронта летели самолеты гражданского и военного воздушных флотов, нагруженные продовольствием и оружием. А когда замерзло Ладожское озеро, по ледовому его покрову была проложена знаменитая автомобильная магистраль – это грандиозное сооружение, не имевшее примера в гражданском и военном строительстве. И эта ледовая дорога стала жизненной артерией, связавшей Ленинград со страной. В морозы, под артиллерийским обстрелом, под бомбежкой с воздуха, везли по этой трассе помощь осажденному городу. За все время действия этой дороги по ней были перевезены миллионы пудов груза. Это была поистине «дорога жизни». Это была целая поэма о мужестве, настойчивости и самоотверженности и подвиге русских людей».

4. Пребывание Местоблюстителя митрополита Сергия и Патриархии в эвакуации в Ульяновске.

Сбор пожертвований на нужды фронта.

Борьба с церковным расколом на оккупированных немцами территориях

Не прошел и месяц с начала блокады Ленинграда, как гроза нависла и над Москвой. В сентябре немцам удалось окружить Вязьму и прорваться до оборонительной линии подмосковных городов Волоколамск-Можайск-Нарофоминск. Охват столицы намечался через Дмитров и Малоярославец. Начиналось московское сражение. Многие государственные учреждения и дипломатический корпус решено было эвакуировать в Куйбышев.

7 октября Моссовет предложил Патриаршему Местоблюстителю обеспечить эвакуацию его самого и сотрудников Московской Патриархии с их семьями в безопасный тыл – в Чкалов (нынешний Оренбург).

Митрополит Сергей выразил пожелание не уезжать за Волгу, так что местопребывание Патриархии и ее персонала было организовано в Ульяновске. Русская Церковь и управлялась оттуда без малого целых два года. Военное время требовало от высшей церковной власти крайне напряженной работы. Общая обстановка, конечно, не облегчала сношений с епархиями. Был период, когда связь со всеми епархиями севера России, Прибалтики, Белоруссии, всего Украинского Экзархата и Северного Кавказа была прервана военными действиями и вражеской оккупацией. Митрополит Сергей частыми обращениями к своей всероссийской пастве, даже через линию фронта, поддерживал патриотический дух ее, уверенность в победном исходе страшной войны, способствуя сохранению бодрости в людях, переживавших неимоверные страдания, утраты и лишения. Требовалась духовная, нравственная, физическая и материальная помощь епархиям, приходам и отдельным верующим, пострадавшим не только от войны как таковой, но и от вражеского террора, принимавшего все более яростные и бесчеловечные формы, и от всех мыслимых и немыслимых видов насилия, чинившихся обезумевшим неприятелем.

Патриарший Местоблюститель беспрестанно руководил еще и помощью военному усилению страны повсеместными сборами в фонд обороны, шефством церковных общин над госпиталями, детскими домами, сбором теплых вещей, белья. Епархии постоянно вносили крупные суммы, собранные их приходами.

30 декабря 1942 года Блаженнейший митрополит Сергей обратился к архипастырям, пастырям и приходским общинам Русской Церкви с призывом собрать особый фонд для сооружения танковой колонны, которая была бы названа именем Димитрия Донского. По стране не оказалось ни одного храма, ни одного прихода, который остался бы безучастным к этому почину своего Первосвятителя. Наименование, данное колонне танков, соорудившихся на средства православных русских, вызвало прилив патриотического энтузиазма. Сам митрополит Сергей напомнил связь между именами Димитрия Донского и Преподобного Сергия Радонежского, благословившего великого князя Московского на великий подвиг. Перед выступлением в поход Димитрий Донской совершил паломничество в новую в то время Троицкую обитель, где великий наставник русского монашества предсказал ему победу над Ордой, но ценой тяжких потерь. Преподобный послал с русским войском, собравшим в Коломне невиданное для того времени ополчение в 150 тысяч бойцов, двух своих монахов-богатырей Пересвета и Ослябю. Оба полегли на поле брани, а Пересвет в черном куколе схимника пал в символическом поединке вместе со своим противником татарин-великаном. Пересвет и Ослябя вошли в историю символом участия иночества во всенародном ратном деле и воинском стоянии за Русь⁶⁰.

На сооружение танков было собрано 8 миллионов рублей. К началу 1944 года колонна из многих десятков танков была готова, и митрополит Сергей поручил митрополиту Крутицкому Николаю совершить торжественную передачу колонны Вооруженным Силам. Церемония имела место на обширном поле. Митрополит обходил выстроенные боевые машины, принимая рапорт от командира каждого танка и вручая ему особый формуляр. После речи митрополита колонна прошла парадным строем мимо сооруженной для этого трибуны. На каждом танке крупными буквами была надпись: «Димитрий Донской». Впоследствии с полей сражений Патриарх Сергей получал победные донесения от командования колонны.

В то же время Блаженнейший усердно преодолевал остатки расколов, возвращая Церкви ее заблудших овец. Последние из обновленческих деятелей принимались в сане, в котором они некогда покинули Церковь. В 1940 году воссоединились с Русской Православной Церковью ее ветви, которые вели канонически необоснованное самостоятельное существование в те два десятилетия, когда Прибалтийские республики не входили в состав Советского Союза. Литовская православная митрополия, никогда, впрочем, не порывала своей дочерней связи с Московским Патриархатом. Воссоединение Латвийской и Эстонской епархий совершилось без затруднений в духе христианского братолюбия.

Автокефалия Польской Православной Церкви, провозглашенная в начале двадцатых годов, вопреки непризнанию и осуждению этого акта Святейшим Патриархом Тихоном, была и фактически поставлена под вопрос в 1940 году (после аннексии польской территории Германией и объявления ее германским «генерал-губернаторством»).

Епископат возвращенных и воссоединенных с Украиной и Белоруссией западных епархий естественно подчинился митрополиту Сергию. Но когда Германия напала на нашу страну, часть православных украинцев, проявивших в предвоенные годы «самостийнические» тенденции, еще находясь в юрисдикции Польской Церкви, вздумали объявить себя (на территории оккупированной немцами Польши!) «автокефальной Украинской Церковью». Во главе этого диковинного начинания оказался епископ

Поликарп (Сикорский), бывший в свое время приверженцем пресловутого «самостийника» Петлюры.

Архиерейская хиротония его состоялась в 1932 году, когда он состоял в юрисдикции митрополита Варшавского. Затем, подчинившись в 1939 году митрополиту Сергию, он был назначен викарным епископом Владимир-Волынским. Но оставшись впоследствии под немецкой оккупацией, он затеял свою церковно-политическую авантюру.

В конечном итоге во главе группы украинцев-автокефалистов он бежал в Канаду. Митрополиту Сергию пришлось наложить запрещение на Сикорского еще в феврале 1942 года, а последующий Архиерейский Собор изверг его и солидарных с ним клириков-отступников из сана, а их сообщников-мирян отлучил от Церкви. В отношении изменников Церкви и Родине (в общем, к счастью, весьма немногочисленных) Патриарший Местоблюститель и русский епископат действовали решительно.

Верующий народ, стойко переживший расколы двадцатых и тридцатых годов, отворачивался от церковных соблазнительей, как только их самозванство или авантюризм и, тем более, предательство становились для него ясны. И в этом отношении украинцы, сбивать с толку которых на их отторгнутых было западных землях германо-австрийская агентура пыталась всеми способами еще до войны 1914 года, не составляли никакого исключения: патриотический и жертвенный отпор, данный украинцами воинствующему германизму, говорит за себя. В обороне нашей великой и общей Родины в Отечественную войну вклад украинского народа весьма значителен в пропорциональном отношении к другим народам. Ведь Украина была одно время целиком занята врагом и пострадала от этого больше, нежели другие части страны.

Архиепископ (впоследствии митрополит) Псковский и Порховский Иоанн (Разумов)⁶¹, в 1943 году бывший в сане иеродиакона келейником Патриаршего Местоблюстителя и сопровождавший его при эвакуации в Ульяновск, позднее в воспоминаниях об этом периоде писал:

«Проживая в Ульяновске, Святейший по-прежнему имел тесную связь через переписку со всей своей паствой. Особенно беспокоился он за ленинградскую паству во главе с Ленинградским митрополитом Алексием. Получая письма из города-героя, он со скорбью говорил: «Вот нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то там каково, находясь в руках у смерти».

Выше мы говорили, что после первого прорыва ленинградской блокады в январе 1943 года стала возможной поездка митрополита Алексия к Патриаршему Местоблюстителю. До Ульяновска он смог добраться к 11 июля (28 июня по церковному календарю) в канун праздника апостолов Петра и Павла и в день памяти преподобных Сергия и Германа Валаамских (то есть в день тезоименитства митрополита Сергия).

В тот год Блаженнейший в последний раз в жизни праздновал день своего Ангела. Несмотря на обстоятельства военного времени, в Ульяновск съехалось семеро архиереев. Уже цитированный нами епископ Димитрий (Градусов)⁶² так описывал свои впечатления от этого, как он выразился, «слета епископов».

«Отмеченное первое впечатление о теперешнем Патриархе Святейшем Алексии, – писал Преосвященный Димитрий, – еще более усугубилось во время последовавшего вскоре именованного обеда. Как сейчас помню: только что прибывший Ленинградский святитель – митрополит Алексий сидел в непосредственной близости Блаженнейшего, который с какой-то особой, чисто отеческой любовью смотрел на митрополита Алексия; заразительно, по-детски смеялся, слушая рассказ Владыки Алексия об его дороге в Ульяновск, которую тот с большим юмором сравнивал с описанием путешествия Павла Алеппского.

Зная, что у Блаженнейшего с Владыкой Алексием была длительная не только личная дружеская, но и служебная деловая связь, что Владыка Алексей долгий ряд лет был ближайшим сотрудником и помощником Блаженнейшего, поверенным его планов и дум, – мне была вполне понятна та «радость свидания», которую я с любовью, как младший епископ, наблюдал с противоположного конца стола.

Отмеченное выше превалирование молодости в облике Владыки Алексия особенно подчеркивалось контрастирующей, маститой старостью Владыки Сергия. Невольно напрашивалось сравнение того и другого с прославляемым на другой день первоверховным апостолом и его любимым учеником. Воочию было отображение Павлово-Тимофеевской дружбы».

Вскоре пребывание Местоблюстителя и Патриархии в эвакуации окончилось. Немцы были отброшены к Великим Лукам и Смоленску. Прогремела решающая битва на Курской дуге. Наша армия отодвинула весь фронт километров на триста к западу. Для Местоблюстителя стало возможным не только возвратиться в Москву, но и приступить к подготовке созыва Архиерейского Собора Русской Церкви для окончательной нормализации ее высшего управления.

В Москве 4 сентября глава Советского правительства И. В. Сталин принял Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия в сопровождении митрополита Ленинградского Алексия и митрополита Николая, бывшего тогда Экзархом Украины. Во время состоявшейся беседы митрополит Сергей довел до сведения И. В. Сталина, что в ближайшем будущем предполагается созвать Собор епископов Церкви для избрания Патриарха Московского и всея Руси. Был также обсужден вопрос об открытии ряда духовных учебных заведений для подготовки пастырей Церкви. Глава Правительства отнесся с сочувствием к этим планам церковного руководства и заявил, что со стороны Советского правительства к их проведению в жизнь не встретится препятствий. Этот прием И. В. Сталиным трех митрополитов имел, таким образом, исторические следствия.

5 сентября состоялось торжественное служение в Богоявленском кафедральном соборе – первое по возвращении Блаженнейшего Местоблюстителя из Ульяновска. Ему сослужили многие прибывшие в Москву архиереи во главе с митрополитами Ленинградским и Киевским. При входе Первосвятителя в собор митрополит Алексей обратился к нему со следующей приветственной речью.

«Ваше Блаженство, Блаженнейший Владыко и Первосвятитель наш! Православная Москва с исключительной любовью и радостью сретает тебя и приветствует твое возвращение в свой град и к своей пастве после долгой разлуки с нею. Правда, паствою твоей является вся Православная Русь, но преимущественное право чтить в твоём лице своего непосредственного Архипастыря имеет Москва. Приветствуем тебя и мы, собравшиеся к тебе соепископы, соратники твои на ниве Христовой, приветствуем тебя, как своего Первосвятителя и отца, и в нашей соборной молитве к Господу будем просить Его благодать даровать тебе еще много лет и много сил для продолжения подвига твоего высокого священноначальственного служения Святой Церкви.

И твое благословение каждый из нас понесет своим пасомым, как священный дар и как благодатную силу, столь потребную всем в переживаемую годину суровых испытаний. Мы веруем, что совокупная молитва Церкви сильна низвести новую благодатную помощь нашему Отечеству, нашим доблестным вождям и воинам, с беспрецедентным мужеством и с таким явным успехом мощно поражающим фашистских злодеев, разбойнически покусившихся на целостность и на честь нашей священной Родины.

Да будет благословенно, Блаженнейший Владыко, вхождение твое в сей храм твоих постоянных молитв и священнодействий, и да изолюются с высоты Небес от Господа Сил на тебя и паству твою и на всех нас новые сугубые благодеяния и милости Божии».

По окончании службы митрополит Сергей призвал благословение Божие на свою паству и сообщил молящимся, что 8 сентября созывается Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

**5. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (8 сентября 1943 года).
Избрание Блаженнейшего митрополита Сергея Патриархом Всероссийским.
Интронизация Святейшего Патриарха Сергея (12 сентября 1943 года)**

Собор епископов Русской Православной Церкви открылся 8 сентября 1943 года в день сретения в Москве Владимирской иконы Божией Матери (по церковному календарю – 26 августа). В Соборе приняли участие девятнадцать архиереев. Перед началом деяний Собора был пропет тропарь праздника «Днесь светло красуется славнейший град Москва».

После заслушивания докладов Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея и митрополита Ленинградского Алексия и одобрения их, митрополит Алексей внес на рассмотрение Собора следующее предложение.

«Уже давно среди нас, епископов, зрел вопрос о том, что необходимо довершить строительство церковное возглавлением нашей Православной Русской Церкви Патриархом. Владыка митрополит Сергей в течение семнадцати лет фактически несет обязанности Патриарха. В настоящее время мы здесь собрались Собором епископов, чтобы избрать Святейшего Патриарха.

Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий. Поэтому я полагаю, что избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто бы и не нужным. Я считаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для Церкви в звании Патриаршего Местоблюстителя. Думаю, что все преосвященные будут со мной согласны. У нас – уже определенный, единственный кандидат на патриаршее место».

Обращение митрополита Ленинградского было встречено восторженными возгласами «Просим!», «Аксиос».

Председательствующий митрополит Сергей обратился затем к членам Собора с вопросом, нет ли у кого-нибудь иного мнения. Ответом были общие возгласы «нет, единогласно», «единодушно», «всем епископатом», «всем Собором». Участники Собора поднялись с мест и дружно пропели «Аксиос».

Избранник ответил кратко, сказав, что его избрание будет продолжением служения, павшего на него много лет назад. Но служение это делается еще более ответственным – «необычайная почетность патриаршего звания требует и необычайной ответственности служения». «Я благодарю за то, что вы остановили свой выбор на мне и вручаете мне в новом звании продолжение служения. Прошу у всех молитв и всяческого содействия».

Простая, но торжественная краткость совершившегося вызвала радостный подъем у всех присутствующих архиереев. Митрополит Алексей объявил формулу поминовения нового Патриарха: «Святейшего Отца нашего Сергея, Патриарха Московского и всея Руси». Собор пропел затем тропарь Пресвятой Троице «Благословен еси, Христе Боже наш», после чего протодиакон провозгласил многолетие «Блаженнейшему Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, избранному Патриарху Московскому и всея Руси».

12 сентября в Богоявленском кафедральном соборе Москвы, который с этого дня стал Патриаршим, состоялась торжественная интронизация Святейшего Сергия, двенадцатого Патриарха Московского и всея Руси. Когда по прибытии в соборный храм Патриарх взшел на архиерейскую кафедру, митрополит Киевский Николай поднес ему патриарший куколь, с вышитыми изображениями херувимов, который Святейший возложил на голову.

Затем с патриаршим жезлом к кафедре подошел митрополит Ленинградский Алексей и, вручая его Патриарху, произнес:

«Ваше Святейшество, Святейший Отец наш и Владыко, Патриарх Московский и всея Руси Сергей! Многократно собором епископов и сонмом пастырей встречали мы тебя и в сем святом храме и в других храмах твоего града, но в первый раз тебя встречаем облеченного в высокий и священный для русского народа сан Патриарха Московского и всея Руси. Многолетние труды твои и подвиги, соединенные со стоянием на Божественной страже первосвятительства в Церкви Русской, ныне увенчаны венцом полноты славы церковной и знаменами твоего священноначальственного служения.

Но слава твоя – и наша слава, и мы радуемся, сретая тебя и приветствуя, и прославляем Бога, венчающего тебя и нас милостию и щедротами. Да призрит Он с высоты престола Славы Своей на смиренные молитвы наши в Святой Церкви о тебе, Святейшем Отце нашем и Патриархе, и да ниспошлет тебе Свою небесную помощь в твоём высоком и многотрудном служении. Прими сей жезл патриарший в знамение того, что «жезл силы» посылает тебе Господь от Сиона, и вниди соединить твою благодарную и просительную молитву с нашею. И новые благоденствия Господни да нисходят на тебя и на ведомую тобой Церковь».

Так началось это двенадцатое русское патриаршество, которому Бог судил быть самым коротким в истории Русской Православной Церкви. На Московском патриаршем престоле Святейший Сергей пробыл восемь месяцев и три дня.

Испытание самой страшной из войн, раззававшей в мире такое «лютое телес озлобление», близилось к концу. И Патриарх Сергей это знал. В победоносном для нашего оружия исходе этого великого бедствия он, как мы видели, никогда не сомневался. Веру в конечную победу он умел внушать всем своим сотрудникам и близким. Но напряжение всех сил, казавшихся неистощимыми, духовно исполинской личности, какой всю свою жизнь был Владыка Сергей (Страгородский), в военные годы подточило здоровье его. И гром нашей победы раздастся по всему земному шару, когда будут уже навсегда сомкнуты веки великого церковного труженика Патриарха Сергия.

Когда кончилась тяжкая, но победоносная брань и прогремело перед всеми народами сверкающее торжество земли нашей, патриарший жезл был уже вложен в руку нового Московского Патриарха – Святейшего Алексия, которого Патриарх Сергей с такой отеческой любовью готовил себе в преемники. И если земная жизнь Святейшего Сергия, долгая и трудная, полная внешних потрясений, тихо угасла, то особенно замечательным в ней было то, что эта жизнь во все времена была исполнена мира внутреннего, который возникал и постоянно возобновлялся из смиренной покорности воле Божией. Эта черта роднила предшественника с преемником – Патриарха Сергия с Патриархом Алексием.

Но надо отметить, что перед преставлением его, для окружающих – внезапным, Святейшему Сергию дано было черпать после пережитых народных бедствий утешение не только в уповании, но и в совершенной уверенности, что конец мировой и национальной трагедии близится. Сознание выполненного долга – долга перед Церковью и перед Отечеством – было другим источником утешения для Патриарха, знавшего и

утверждавшего, что сроки жизни его исполняются. А в жизни вверенной его попечению Церкви наступало время радовавшего его успокоения и просветления.

Иерархический строй ее был восстановлен и внутренние нестроения в большей мере исцелены. Воссоединение заблуждавшихся и отпадавших, в частности, введенных в соблазн обновленческим расколом, завершалось в духе единения и братства. Своему преемнику и ученику Патриарх Сергей оставлял великое наследие: церковный мир, который требовал поддержания и укрепления, но предпосылки которого были не только созданы, но и прочны.

За короткое время своего патриаршества Патриарх Сергей имел также возможность исцелить канонический разрыв, разделявший православную иерархию Грузии с Русской Православной Церковью. Разделение это возникло сразу после Февральской революции в России, когда древняя Грузинская Церковь приняла решение объявить себя автокефальной. Поскольку Грузия по воссоединении с Российской империей утратила государственную самостоятельность, древняя Грузинская Православная Церковь оказалась подчиненной Святейшему Правительствующему Синоду Русской Церкви в качестве Экзархата. Грузинская автокефалия более четверти века оставалась непризнанной Русской Церковью.

После избрания Блаженнейшего митрополита Сергея Патриархом Католикос-Патриарх всея Грузии Каллистрат, поздравив его, выразил надежду на восстановление общения между обеими Церквями. Патриарх Сергей и Священный Синод, убедившись в верности Грузинской Церкви вероучению и канонам Вселенской Православной Церкви, послали архиепископа Ставропольского и Пятигорского Антония (Романовского)⁶³ к Католикосу-Патриарху в Тбилиси, чтобы восстановить молитвенное и евхаристическое общение между Церквями-Сестрами.

Тот факт, что Грузия уже не являлась частью централизованного государства, как в начале 1917 года (когда ее Церковь, опираясь на свое происхождение, значительно более древнее, нежели возникновение христианства в Киевской Руси, объявила себя независимой), а стала одной из национальных республик, составляющих союзное государство – Советский Союз, облегчал признание грузинской автокефалии. По правилам Вселенских Соборов, церковные границы должны следовать границам государственным. Таким образом, канонические и юридические основания позволяли, как гласило синодальное определение от 19 ноября 1943 года, объявить, что «наша Русская Православная Церковь, оставив прошлому всякие законнические счеты и пререкания, с готовностью и радостью раскрывает свои сестринские объятия навстречу автокефальной Грузинской Православной Церкви, ищущей общения с нами в молитве и таинствах». И об этом патриаршим посланием были уведомлены прочие автокефальные Православные Церкви.

6. Снятие осады Ленинграда. Митрополит Алексей – член Комиссии по расследованию фашистских злодеяний в Петергофе и Пушкине

Между тем, хотя наша земля быстро освобождалась от вражеских полчищ, епархии митрополита Алексея еще бедствовали и требовали его напряженной и участливой заботы. После избирательного Собора 1943 года он возвратился в свой страждущий Ленинград. 11 ноября ему была вручена правительственная медаль «За оборону Ленинграда».

До самой середины января 1944 года фронт вокруг великого города оставался скопанным. 14 января началось, наконец, освободительное наступление, отбросившее врага далеко в Прибалтику. На Рождество – бывшее последним Рождеством ленинградской

осады, а также и последним Рождеством в жизни Святейшего Патриарха Сергия, митрополит Алексей выпустил особое обращение к своей пастве в Новгородской и Псковской земле, которая уже третий год ждала освобождения под вражеской оккупацией.

«Мы верим, – восклицал митрополит, – что новый 1944 год принесет нам избавление от ига злобного фашизма, и великий Новгород, и Псков, и всю землю нашу снова озарит солнце радости бытия и счастья свободы; как в древние времена возвещал Господь скорбящему от бедствий народу Своему: «Воссияет вам солнце правды и исцеление в лучах Его... и изыдете, и възиграете... и будете попираť нечестивых, ибо они будут прахом под ногами вашими в тот день, который Я соделаю» (Мал. 4, 2–3), – так и ныне будет к нам милость Божия. Не с врагами нашими, предательски напавшими на нас и со звериной злобой бесчинствующими на захваченных ими землях наших пребывает Господь; с ними – слабая пред Богом сила человеческая, а с нами сила Божия, ибо мы стоим за нашу землю, за Родину нашу, защищаем священное достояние наше, за которое не раз проливали кровь свою наши предки. А враг «тою же дорогою, которою пришел, возвратится. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его» (4 Цар. 14, 22–34), – говорит Господь. Как тать побежит враг из нашей земли, в которую он вторгся как разбойник...

Для меня, изволением Божиим давно уже поставленного в самую близкую духовную связь с Новгородом и новгородской паствой, особенно тягостна и горестна невозможность быть с нею в это скорбное время в непосредственном общении. Но я с вами неразрывно духом. И потому особенно горяча моя молитва о вашем скором избавлении. Веруем вместе с вами, что за вас молятся и благословляют вас, простирают покров свой над Великим Новгородом и над древним Псковом святые угодники Новгорода и Псковской земли: и святитель Никита, неусыпный молитвенник за свой город, и святые князья Александр Невский, и Всеволод-Гавриил, некогда отражавшие вражеские нападения на эти родные для них грады и веси. Они вместе с нами болеют за родную землю и молят Бога об избавлении. Да будут эти святые угодники Божии вашими хранителями, а вместе и хранителями и вдохновителями нашего победоносного воинства для скорейшего одоления врагов, засевших в наших древних пределах».

Пока еще длилась осада Ленинграда, в нем совершилось церковное событие, для верующего населения города имевшее большое значение. 9 января состоялось торжество возвращения Православной Церкви знаменитого Преображенского собора (в районе Литейного проспекта). Церковная община собора в этот день воссоединилась с канонической иерархией после длительного пребывания в обновленческом расколе.

После литургии, совершенной соборным духовенством, митрополит Алексей служил торжественный благодарственный молебен, перед началом которого, отвечая на покаяние, выраженное от имени всей общины настоятелем собора и председателем церковного совета, сказал, что Церковь принимает их покаяние с любовью и, по слову Христову «Грядущего ко Мне не изжену вон», возобновляет с ними благодатное молитвенное общение.

Это событие получило в то время подлинно всероссийскую огласку и вызвало искреннюю радость Святейшего Патриарха Сергия.

В начале 1944 года мощными ударами Советской Армии укрепления осаждавших Ленинград немцев были, наконец, сметены. К 20 января войска Ленинградского фронта разгромили позиции противника вокруг Ленинграда от Пулкова до Ораниенбаума. А в тот же день войска другого фронта – Волховского, с севера и юга охватив Новгород клещами, освободили древнюю столицу Руси. Вражеские армии этими победами были угнаны в пространство между озерами Ильмень и Чудским, сыгравшим такую исключительную роль в древней русской истории.

В воскресенье 23 января во всех храмах Ленинграда было отслужено торжественное благодарственное молебствие, перед началом которого было оглашено еще одно обращение к ленинградской пастве митрополита Алексия. Сам Владыка предостоятельствовал за богослужением в Никольском кафедральном соборе.

«Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным войскам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте, – говорил в этот день митрополит, – эта победа отозвалась неопишуемой радостью в наших сердцах и вызвала в них новую горячую волну благодарности и любви к нашим славным, в подлинном смысле – победоносным, защитникам. Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли. Мы видим уже возвращение наших заветных по своим святыням и по историческим воспоминаниям древнего Новгорода и других священных памятников нашей великой русской истории. Исполнилось пророческое слово апостола: «Вознесет вас Господь в свое время» (1 Пет. 5, 6). Богу благодарение. Верующее сердце русского народа чувствует в этой победе силу правды Божией, за которую ополчился русский народ, и Божию милость, которая дарована нам по молитвам Церкви.

В духе умиления перед великой помощью и милостью Божией, в духе благодарности Богу «победителями нас творяще о Христе Иисусе» (2 Кор. 2, 14), я, как архипастырь ленинградской паствы, с особенной радостью воспринимаю эту весть о нашей победе, дарующей свободу нашим пострадавшим во вражьей фашистской неволе родным братьям и сестрам, и призываю паству свою молитвой встретить эту победную весть, весть о радости нашей. Будем молить Господа даровать нашим воинам сугубые силы продолжать в беспримерном подвиге одерживать новые и новые победы».

Снятие осады с многострадального Ленинграда позволило митрополиту Алексию лично пережить глубокое психологическое потрясение (сам он четверть века спустя характеризовал его как одно из самых сильных переживаний его жизни) при созерцании всего совершенного немецкими «культуртрегерами» (Святейший Патриарх с иронией употребил в беседе с автором настоящего очерка этот термин, означающий «носители культуры»), которым немецкая интеллигенция кичливо определяла собственный народ до Первой мировой войны).

И автор этих строк имеет возможность засвидетельствовать тут, что Патриарх Алексей испытывал чувство восхищения перед великолепием городов – парков, кольцо которых окружало Ленинград. Этим объясняется неоднократное возвращение Святейшего к трагической теме о их разрушении современными вандалами.

В настоящем месте нашего изложения речь должна идти именно о впечатлениях от опустошения, какие митрополиту Алексию пришлось пережить непосредственно и сразу после изгнания немцев из обширной парковой и дворцовой зоны к югу и западу от Ленинграда, которая до их вторжения была наполнена уникальными историческими и художественными памятниками.

Для этого нам предстоит еще раз обратиться к документальному тексту самого митрополита, строки которого как бы насыщены горестным негодованием. Это – статья его, написанная под свежим впечатлением пережитого и носящая все черты и признаки испытанного им сильного волнения. Статья могла бы быть названа «человеческим документом»⁶⁴. Тексты, носящие отпечаток эмоционального возбуждения, очень редки в архиве документов, вышедших из-под пера нашего покойного Патриарха, так как сдержанность была одной из наиболее типичных черт его характера.

Тотчас же после изгнания современных варваров из живописнейших на русском Севере мест, которые они имели возможность калечить, осквернять и грабить почти два с половиной года подряд и которые, не по своей воле, просто не успели прикончить взрывами целой системы заложенных мин, в Ленинграде была образована Областная комиссия по расследованию зверств и ущерба, нанесенных вражеской оккупацией. В состав комиссии пригласили войти митрополита Ленинградского. Комиссия осмотрела Петергоф и Пушкин через неделю после освобождения их от врага.

28 января (1944 г.) «...я посетил эти места, эти средоточия мировых памятников художества и непревзойденного искусства, – писал митрополит, потрясенный виденным в тот день. – Мы ехали туда с большими специалистами-художниками, с главным архитектором Ленинграда Н. В. Барановым, с профессорами Фармаковским и Доброклонским и другими лицами, имевшими задачей определить степень разрушения бесценных памятников.

С волнением, все возраставшим от удручающего впечатления от всего виденного по дороге – от валявшихся повсюду разбитых танков, и не только танков, но и еще не убранных трупов немецких дикарей, – подъезжали мы к Петергофу, к знаменитому Петергофскому дворцу – созданию «генерал-архитектора» Леблова, затем последовательно – итальянского зодчего Микетти, Растрелли, Фельтена.

Что же мы увидели? Мы увидели один остов огромного здания. Дворец полностью разрушен; от него остались одни стены, всюду пронизанные трещинами, обгорелые, с обвалившейся лепкой. Насквозь светятся его изувеченные окна, вся внутренность дворца уничтожена, сожжена, увезена. Немцами при отходе были заложены всюду мины – намеревались взорвать руины дворца, чтобы замести следы своих бесчинств, но не успели. Нас предупреждали не слишком свободно расхаживать у дворца и по парку, так как не все мины еще обезврежены.

От дворцовой церкви ничего не осталось, так же как и от растреллиевской галереи и «корпуса под гербом». Одним словом, вместо дворца теперь стоит скелет, готовый развалиться. К фонтанам подходить опасно – там мины. Да и от фонтанов ничего не осталось. Ничего. Даже часть массивного каменного круга, окаймлявшего «Самсона», разобрана; это фашистские воры устраивали проход, чтобы разобрать и утащить в Германию этот всемирно известный петергофский фонтан, по мысли Петра I изображавший «Сампсона российского, рыкающего льва свейского преславно растерзавшего». Уничтожены и увезены и все остальные фонтаны Петергофа, по выражению Леблова, – «душа царственных садов».

Вся фонтанная аллея, стрелой идущая от дворца к заливу, исковеркана варварами. Легкий ажурный мостик, переброшенный через Самсоновский канал, взорван, и от него остались одни свисающие вниз обломки. Разрушен знаменитый Львиный каскад, фигуры львов разбиты и валяются в грязном снегу. Гранитные колонны разломаны. От фонтанов «Адама» и «Евы» остались одни разбитые пьедесталы.

С трудом некоторые из нашей группы добрались до Монплезира. Там также все разрушено. Видимо, там были устроены немцами какие-то склады, остались следы полевых кухонь, конюшен. Мы видели в одном месте парка – бывшего парка, так как его теперь почти не существует, расположенные аккуратно дрова около землянок. Это срубленные немцами деревья Петергофского парка.

Известно, что парки в Петергофе, так называемые Верхний и Нижний сады, устраивались с исключительной тщательностью еще со времен Петра I, и это устройство стоило огромных трудов и средств, так как приходилось производить большие дренажные работы, сносить пласты глины, подвозить на баржах землю и удобрения. Из

Европы и самых отдаленных мест страны доставлялись в Петергоф десятками тысяч деревья – липовые, ильмовые, каштановые, кленовые и кедровые, ягодные кусты, фруктовые деревья, редкие цветочные луковицы.

Петергофские сады были истинно чудесным уголком природы. Еще при Петре было строго-настрого вменено «садовой части» следить за тем, чтобы «дрязга, сора, пенья, куренья не было в рощах». До последнего времени парки в Петергофе содержались в идеальном порядке и чистоте. Теперь вместо этих сказочных садов остались одни редкие обгорелые остовы деревьев. Все решетки в садах, а также прекрасные чугунные решетки Английского парка сняты и увезены в Германию.

Одним словом, весь дворцовый Петергоф разграблен и превращен в безнадежные руины».

Трагическая картина Петергофа, только что освобожденного от иноземных палачей и грабителей, считавших себя «господской породой», призванной нести миру высшую цивилизацию, становится еще трагичнее, когда митрополит Алексей переходит к описанию содеянного с жителями и населенными районами несчастного города.

«За Нижним садом, – пишет он, – начинается Ораниенбаумское шоссе, на котором стоит каменное здание старейшей в России гранитной фабрики. Она была основана еще при Петре I в 1722 году «для пилования и полирования мраморного и другого камня». Теперь и ее не существует. Вообще можно сказать, что в Петергофе, как Новом так и Старом, нет ни одного здания, полностью или частично не разрушенного. Прекрасный петергофский собор стоит с разобранными куполами, с которых немцы содрали золоченые листы, с разбитыми стенами, зияющими окнами. Говорят, они простреливали из пушек иконы в петергофском соборе.

Другие церкви представляют собой еще более удручающее зрелище. Разбита церковь бывшего Серафимо-Дивеевского подворья, совершенно разрушена кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Там собрались, спасаясь от бомбежек, верующие и все, кто только мог добежать до нее, – старики, дети. В неимоверной тесноте – их была не одна тысяча, – задыхаясь в спертom воздухе, в течение нескольких дней и ночей, выбегая, чтобы глотнуть свежего воздуха, просидели эти несчастные люди в храме. Но это их не спасло: немцы упорно бомбили храм, затем обстреливали его из орудий и в конце концов превратили его в груды развалин, под которыми нашли свой ужасный конец несчастные петергофцы. Теперь, как памятник позорного фашистского зверства, лежит на земле огромная груда красных, напоенных кровью русских жертв германского злодейства, кирпичей.

На всем протяжении пути от Нарвских ворот в Ленинграде до Петергофа, можно сказать, нет ни одного целого здания; стоят почти сплошь одни остовы зданий, одни скелеты.

Разрушены здания в Стрельне – дворец и службы; та же картина и в бывшей Сергиевской пустыни и в других местах, украшенных в довоенное время прекрасными зданиями-дворцами и дачами».

«Из Петергофа наша комиссия проехала в Пушкин (бывшее Царское Село). Та же, что и в Петергофе, картина страшного разрушения, те же мины, разбросанные в зданиях дворцов и по дороге. Екатерининский дворец находится почти в таком же положении, как и Большой в Петергофе. Но еще можно пройти в него, впрочем только для того, чтобы удостовериться в бесцеремонном бесчинстве немцев: нижний этаж дворца был обращен ими в конюшни, и в верхнем, по-видимому, они сами расположились, чему доказательством является бесчисленное количество винных бутылок и банок из-под консервов.

Перед отходом они, видимо, пытались все разломать, исковеркать, все мало-мальски ценное, включая дверные ручки, тащить с собою. Одна комната особенно поражает своим видом – комната, стены которой были покрыты ценным фаянсом. Вся она в высоту человеческого роста разбита, изломана. Не везде там безопасно проходить – всюду разбросаны мины. Так выглядит полуразрушенный Екатерининский дворец.

Так же наполовину скелетом является Александровский дворец. В общем же картина от царскосельских дворцов тоже безнадежна, равно как и от парков, которые сильно разрушены.

Знаменская церковь, стоявшая около Лицейского корпуса, внутри вся разрушена; в нее тоже нельзя было войти, так как и она минирована. Внутренность ее вся сожжена, двери и окна разбиты. А между тем до войны она была в блестящем состоянии, в ней совершалась служба, в ней находилась очень чтимая населением икона Знамени Божией Матери... Вблизи этой церкви, в садике, находился замечательный бронзовый памятник Пушкину. На нем был изображен Пушкин в юные лицейские годы, сидящим в мечтательной позе на скамейке. Все им любовались в течение многих десятков лет. Его теперь нет, конечно.

Город Пушкин весь разрушен – в иных кварталах больше, в других меньше. Но так или иначе, он весь разбит и ограблен. С какой-то планомерной, тупой жестокостью, с потрясающим однообразием истребления.

Трудно даже представить себе, если кто не видел, а кто видел, тому трудно найти слова, чтобы описать всю мерзость запустения, в какую приведены места, куда ступила нога зверских разорителей, всю картину несказанного разорения, неслыханных зверств. Кровью и слезами залиты развалины этих некогда цветущих, радовавших взор и ласкавших эстетическое чувство прекрасных мест. История никогда, разве во времена нашествия гуннов, не знала таких масштабов преступлений против народа, какие совершаются гитлеровцами.

Но ко всему этому прибавляются еще более чудовищные преступления немцев – их надругательства над русскими людьми в Петергофе, в Пушкине и в других местах. Многие жители уничтожены или умерли от ужасных условий, либо угнаны в немецкое рабство».

«Возвращаясь в Ленинград, мы встретили по дороге большой отряд пленных немцев. Идут они с опущенными головами, с блуждающим взором, грязные, оборванные, в каких-то странных плащах, иные с тряпками на голове вместо шапок, все до одного с печатью Каинова проклятия на челе.

Дорога от Пушкина до Ленинграда так же разорена, как и дорога в Петергоф. Везде следы разрушения; везде разбитые орудия, танки, брошенные ящики из-под боеприпасов; земля выжженная, разрытая снарядами.

Проезжали мимо Пулковской обсерватории, ее больше нет. Пустое пространство – груда развалин. Также и Кузьминское кладбище, где были такие прекрасные памятники.

Мы приобрели силу переносить любые испытания. Мы можем побороть в себе любой страх. Но непреодолимым является жгучее чувство презрения и отвращения к разорителям наших вековых гнезд, к палачам дорогих нам собратий и сродников. Справедливый народный суд и праведный суд Божий мы призываем на их головы».

Мы привели почти полностью этот потрясающий отчет митрополита Ленинградского о поездке по окрестностям его епархиального града через несколько дней после их отвоевания у врага, более двух лет осаждавшего самый Ленинград, который обезумевший Адольф Гитлер обещал сравнять с землей.

Быть может, такой текст кому-нибудь покажется длинным для краткого жизнеописания Патриарха Алексия, но мы обращаем внимание читателей на то, что этот текст напоминает как бы извлечение из дневников самого Святейшего в бытность его правящим архипастырем непокоренного Ленинграда. И это даже не личные его воспоминания, написанные позднее, а собственное живое повествование о только что виденном и остро пережитом. Поэтому вышеприведенное нам представлялось особенно ценным в биографическом отношении для жизнеописания Святейшего Патриарха.

Продолжая рассказ о том, как в свое время подействовали на митрополита Алексия зверства и погромы, учиненные немцами, и уничтожение ими исторических памятников, мы хотели бы передать тут один разговор со Святейшим Патриархом в начале шестидесятых годов.

Святейший позволил задать ему вопрос: потеря каких из стольких погубленных в годы войны святынь наших более всего его поразила. Святейший Патриарх ответил сразу: «Гибель Спас-Нередицы. И осквернение и разгром новгородской Святой Софии. В ней я ведь получил благодать архиерейства. Когда поступили первые сведения из Новгорода, можно было опасаться, что она совсем разрушена. Слава Богу, она устояла, но все ее священные и исторические ценности вплоть до иконостаса оказались уничтоженными или расхищенными. Теперь она стоит пустой. Да и все новгородские святыни нам осталось только оплакивать. Храмы выжжены, если не разрушены. Их иконы и древние фрески в большинстве погибли безвозвратно. Если восстановить полуразрушенные храмы, останутся одни коробки. Правда, это не простые стены – в них за века возносилось столько молитв.

Для меня это особенно чувствительные утраты: новгородские святыни я так долго видел, знал, изучал, в них и перед ними я молился, служил, священнодействовал. Но эти потери тяжелы и невознаградимы не только для старых новгородцев. Это – потери всех русских всей России. Вы знали Новгород с детства. Если вы помните его хорошо, вам, конечно, ясно, насколько трагично уничтожение таких жемчужин, как самые древние из новгородских храмов: как церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Городище или Успения Божией Матери на Волотове поле, как храмы Спаса в Ковалево, Архистратига Михаила, называвшийся «На Сквородке». От этих церквей остались одни горестные воспоминания.

Для меня особенно тяжело сознание, что Хутынский монастырь тоже превращен в груды развалин. Это была моя обитель и мой дом: я там настоятельствовал, я в нем жил. Там я столько раз служил у мощей преподобного Варлаама. Я даже одно время носил титул архиепископа Хутынского. Наш Хутынский Преображенский собор был одним из самых величественных храмов Новгородской земли; он был построен по подобию московского Успенского собора в Кремле. Теперь весь Хутынский монастырь – руины.

Георгиевский собор знаменитого Юрьева монастыря, основанного в начале XII века Ярославом Мудрым (в крещении имя его было Георгий), сильно поврежден обстрелом. Когда-то это был по великолепию один из самых известных храмов всей России. Богатство драгоценных украшений его образов и иконостаса было исключительным. Лично я очень тяжело пережил и уничтожение многих древних святынь Пскова и кошунственное разрушение взрывом собора в Новом Иерусалиме, которым я восторгался еще в ранней юности. Ужасно было и то, что немцы сделали с тихвинским Успенским монастырем. После разгрома его они похитили нашу чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери, одну из самых чтимых во всей России. И вообще расхищение древних икон – тяжкое горе для православных русских людей».

Это высказывание Святейшего Патриарха Алексия было самым волнующим из всего, что автору этого очерка было дано услышать из его уст. Тем более что при сдержанности и самообладании Святейшего сказанное им выражало подлинную трагедию, пережитую им двадцатью годами раньше, без всякого сомнения очень глубоко.

Патриарх Алексей никогда не был многословен, в особенности в устных своих высказываниях. Переданная беседа о гибели церковных святых и национальных сокровищ не была записана в свое время, но мы полагаем, что воспроизвели слова Святейшего Патриарха с предельной точностью, насколько позволяет память, но не уверены теперь, позволительно ли было заключать их в кавычки.

Если все же кавычки в данном случае поставлены, то не столько из-за строгой точности всех воспроизведенных выражений Патриарха, сколько из-за стремления отобразить горестный пафос, который в устах Святейшего звучал чрезвычайно редко. Что касается пишущего эту работу о Патриархе Алексии, то ему только раз довелось услышать от него нечто, сказанное с таким чувством и в таком тоне.

Заканчивая по необходимости весьма поверхностный обзор жизни и деятельности митрополита Алексия в годы Великой Отечественной войны, нам кажется нужным и допустимым выделить одно обстоятельство. И в настоящее время обстоятельство это надлежит даже особенно подчеркнуть: с тех лет, с той поры прошло уже более четверти века. Сам Патриарх Алексей пережил большинство своих современников разных, можно сказать даже – многих эпох. Несмотря на все значение личности Патриарха всея Руси, стоявшего столь долго во главе такой Церкви как Русская, о нем вообще написано ничтожно мало. Чем больше проходит времени, тем труднее будет восполнить этот пробел. Если в будущем окажется возможным – как надо надеяться – перечитывать и воспроизводить большую часть написанного или напечатанного за его подписью (и то, главным образом, за патриарший период его деятельности), то это все равно не даст полной картины даже одних только высказываний его. Таков уж был необычный, почти столетний период, в котором протекала его жизнь, резко отличный от времен, когда могли составляться – да и составлялись – биографии людей, жизнь которых протекала более размеренно, спокойно и, в конце концов, неприметно, чтобы не сказать банально.

Между тем, хотя бы только такие «девятьсот дней» как Ленинградская блокада, пережитые столь значительным духовным лицом, которому уже после этого испытания суждено было войти в историю и стать Патриархом Русской Православной Церкви, – явление настолько исключительное, что ему следовало бы быть описанным исчерпывающим образом, во всяком случае – всесторонне и детально.

Было бы, конечно, очень важно и ценно иметь возможность записать сказанное митрополитом Ленинградским Алексием в эти страшные месяцы осады и запечатлеть, как оно было воспринято слушателями. Мы доподлинно знаем, что слова его и высказывания, произносившиеся устно, тогда нигде не напечатанные и никем не записанные, воспринимались живо, чутко и глубоко тысячами и тысячами слышавших их, переживавших их в те трагические дни как окрылявшую надежду среди неимоверных бедствий, как целительное пастырское утешение в обстоятельствах свыше сил человеческих, как западавший в души действенный призыв к патриотической бдительности и жертвенности.

Но трагедия Ленинграда унесла столько пасомых, истово внимавших своему архипастырю. И еще столько было перенесших истребительную катастрофу надорванными и изможденными, которые в десятилетие, последовавшее за избавлением, тоже ушли из этой жизни... Осталось уже мало участников и свидетелей одной из самых жутких эпопей мировой истории, какой была героическая ленинградская страда.

И все же в Ленинграде в стоутом предании живет память о том, что в те неповторимые 900 дней гневный глагол покойного Патриарха Алексия непрестанно дышал патриотическим горением архипастыря Церкви именно Русской. Переживания, думы и слово его отражали страдания его народа и его самого – сына этого народа.

Пафос, патриотический и национальный, которым митрополит Ленинградский воодушевлял свою страждущую паству во время столь тяжелых испытаний, был прежде всего проявлением наболевших чувств русского человека, переживавшего во второй раз в своей жизни нашествие немцев на его землю.

Эти чувства митрополита Алексия полностью разделял и его старший собрат и руководитель Блаженнейший митрополит Сергей. Как и в отношении к Церкви и ее историческим судьбам, так и в отношении к Отечественной войне и вражескому вторжению, сопровождавшемуся столь страшным опустошением, оба святителя и будущих Патриарха – предшественник и преемник – были совершенно единомысленны и солидарны, переживая одни и те же сильные и возвышенные чувства. И это обстоятельство возымело особое значение для направленности и развития русской церковной жизни как в тридцатые и сороковые годы, так и в последующие десятилетия нашего века. Курс был тот же. И это понятно, ибо за первым кормчим, избравшим и положившим этот курс, у кормила церковного корабля, по воле Божией, встал другой кормчий, сохранивший и державший для него тот же курс. Это редкое единодушие и последовательность должны быть поняты всеми православными и неправославными христианами как подлинное проявление промыслительного попечения Божия о Русской Православной Церкви и как доказательство правоты обоих Патриархов, столь часто и столь решительно утверждавших, что Русская Церковь всегда была и остается со своим народом.

7. Кончина Патриарха Сергия (15 мая 1944 года).

**Местоблюститель Патриаршего престола – митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский)
(15 мая 1944 – 2 февраля 1945 годов)**

Святейший Патриарх Сергий, здоровье которого беспокоило его окружение в первые годы войны, весной 1944 года стал чувствовать себя лучше. В последний день своей жизни, 14 мая, он наслаждался ярким солнечным, почти летним днем и говорил, что не испытывает ни утомления, ни слабости. Было воскресенье, и Патриарх совершил Божественную литургию в Ризоположенском храме близ Донского монастыря, где в этот день состоялась хиротония архимандрита Макария (Даева)⁶⁵ во епископа Можайского, второго викария Московской епархии.

Днем и вечером Святейший Патриарх занимался текущими делами и провел в спокойном сне ночь. Утром 15 мая, проснувшись рано, Патриарх побеседовал со своим келейным архимандритом Иоанном и сказал затем, что может еще поспать до визита доктора, посещавшего его каждое утро.

Когда незадолго до семи часов архимандрит Иоанн вошел вновь к Патриарху, чтобы разбудить его, его поразила бледность лица Святейшего, который не подавал признаков жизни. Смерть наступила во сне, как определили врачи, от кровоизлияния в мозг, скоростижно и безболезненно. Он в Бозе почил на 78-м году жизни.

В то же утро в присутствии членов Священного Синода было вскрыто завещательное распоряжение усопшего Патриарха (составленное в самое тяжелое время Отечественной войны – 12 октября 1941 года), в первом пункте которого говорилось:

«В случае моей смерти или невозможности исполнять должность Патриаршего Местоблюстителя, эта должность во всем объеме присвоенных ей патриарших прав и обязанностей переходит к Преосвященному митрополиту Алексию Симанскому».

Вслед за оглашением этого текста состоялось заседание Священного Синода, на котором митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, согласно воле покойного и как старший по архиерейской хиротонии в русском епископате, был объявлен Местоблюстителем Патриаршего престола.

18 мая в Богоявленском патриаршем соборе отпевание и погребение Святейшего Патриарха Сергия было совершено сонмом архиереев и множеством священников при огромном стечении молящихся. Перед началом отпевания Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий произнес надгробное слово, которое начал словами:

«Христос Воскресе! В муках скорби глубокой и тяжелой стоим мы у гроба Святейшего Отца нашего и Патриарха и провожаем его «в путь всея земли». Как осиротевшие дети, оплакиваем мы его, вспоминая, как еще так недавно, всего несколько дней назад, мы вместе с ним молились, радовались его бодрости, утешались его любовью и ласкою. Теперь же мы видим его в гробу, бездыханным, а скоро и этот дорогой для нас образ его сокроется в глубокой могиле...».

И в заключение своей речи, в которой митрополит обрисовал величественный облик почившего Патриарха как святителя Русской Церкви, сохранившего преемственность иерархии, чистоту веры, неприкосновенность священных канонов, как авторитетного православного богослова и как печалника русской земли – продолжателя дела Патриарха Гермогена и Преподобного Сергия, он сказал:

«Мы веруем, что пред лицом Воскресшего Господа нет умерших, а все живые, в видимом ли или невидимом мире, и для всех Он Един есть воскресение и жизнь, «несть Бог – Бог мертвых, но Бог живых» (Мк. 12, 27), «все бо Тому живи суть» (Лк. 20, 38). И в этом наше утешение и радость в нашей великой скорби. Помяни же нас, Владыко святой, в молитвах твоих у Престола Господня, и если дано будет тебе дерзновение у Господа, умоли Его благодать утвердить мир Церкви, послать мир и благоденствие Родине нашей, и всем и во всем Его всесильную небесную помощь, особенно же нам, оставшимся после тебя ученикам твоим, неисповедимыми судьбами Промысла Божия призванным по преемству принять жребий служения твоего, с непоколебимой решимостью идти только по твоему пути и следовать твоим, священным для нас заветам».

После мирной и безмятежной кончины Святейшего Патриарха Сергия, несмотря на преклонные лета его, безвременной и неожиданной не только для его близких, вся Церковь Русская испытывала чувство осиротелости. Сам почивший Святитель был давно готов к смерти, на которую он с молодости смотрел подлинно по-христиански – как на начало истинной жизни, к которой земное существование должно служить лишь подготовкой и предварительной стадией. А в последние годы, когда ему приходилось бороться с болезнями, Патриарх как бы готовил окружающих к неминувости своего уже близкого расставания с ними, повторяя с характерным для него при всех житейских обстоятельствах шутивным юмором, что он уже давно живет «сверхсрочно». И когда наступил предначертанный предел для верного раба Божия, Патриарха всея Руси, ученикам его, как сказал Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий, стало особенно отчетливо понятно и ясно, что, воспринимая жребий его, им надлежит с непоколебимой решимостью идти «только по его пути», следуя его заветам.

8. Воссоздание Духовных учебных заведений Русской Православной Церкви

Так началось возглавление Русской Православной Церкви Патриархом Алексием, которое продлилось почти двадцать шесть лет – из них более двадцати пяти лет в патриаршем сане. Патриаршим Местоблюстителем он оставался неполных девять месяцев (точно – 265 дней). За период местоблюстительства состоялось десять епископских хиротоний. Кроме того, два архипастыря, бывших на покое, получили назначения на архиерейские кафедры. К тому же периоду относится важное событие в жизни Русской Церкви – открытие после долголетнего промежутка первых духовных школ, подготовлявшееся при Патриархе Сергии.

Через месяц после преставления его, 14 июня 1944 года, в торжественной обстановке, в историческом московском Новодевичьем монастыре были открыты Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Алексием Богословский институт и Пастырско-богословские курсы (которые впоследствии были преобразованы в Московскую Духовную академию и Московскую Духовную семинарию, воссозданные в стенах Троице-Сергиевой Лавры в Загорске).

В речи на торжественном собрании, посвященном этому событию, митрополит Алексей говорил о христианских основах духовного просвещения.

«В начале пути вам особенно необходимо уразуметь, в чем именно заключается духовное просвещение или, что то же, духовная мудрость, и какими чертами она определяется. Святой апостол Иаков так определяет эту духовную мудрость – «первое убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна» (Иак. 3, 17).

Вот сколько доброго может приобрести человек, прикасающийся к истинной премудрости!

Итак, прежде всего мудрость христианская «чиста». Она чиста как по источнику своему, так и по цели. Ее чистый источник есть Бог, Его Слово, заключенное в Священном Писании, затем уясненное и приложенное ко всем сторонам жизни учением и духовными опытами Богомудрых отцов и учителей. Ее чистая цель есть также Бог, Его познание во Христе и разумение путей угождения Ему.

Отсюда поймите, как важно для вас, для всех стремящихся не слепцами ходить по жизненному пути, а с открытыми очами, подобно ученикам Христовым Клеопе и Луке, коим при соприкосновении с Господом, Источником всякого познания и разума «отверзостесь очи и познаста Его» (Лк. 24, 31), как необходимо и важно тщательное изучение Священного Писания, творений святых отец, правил и установлений церковных, причем изучение не книжное – сухое и оторванное от жизни, а соединенное с деятельным осуществлением изучаемых истин».

Мудрость христианская «мирна и кротка», «исполнена милости и плодов благих». Мирен и кроток должен быть и тот, кто для нее подвизается. Как в тихой неволнуемой воде отражается образ солнца, так только в тихой, не волнуемой страстями и всякими раздражениями душе может отразиться вышний свет духовной мудрости. Духовная мудрость дарована не для того, чтобы она служила орудием раздора и вражды между людьми, а для того, чтобы она содействовала духовному союзу людей во имя истины, во имя любви Христовой, подобно тому, как было у апостолов Христовых, которые, обладая истинною и мудростью духовной, были «связаемы союзом любви». Духовная мудрость учит нас в самой жизни проявлять слово пророческое «с ненавидящими мира беж мирен» (Пс. 119, 6).

Мудрость христианская «благопокорлива, несумненна и нелицемерна». Она провозглашает и дарует истинную духовную свободу. Но вместе с тем учит с апостолом «повиновению Господа ради» (1 Пет. 2, 13). Ревнующие об истинной мудрости

должны поднимать дух людей из рабской низости и духовного расслабления к свободному раскрытию и проявлению его сил, но в то же время утверждать его в свободном, без колебаний, и нелицемерном повиновении закону и власти, от Бога установленным, и охранять от своеволия, которое есть искажение и извращение свободы.

Вот, отцы и братие, чему вы должны будете одни – учить, а другие – учиться в этом новооткрываемом духовном вертограде богословского познания».

Приведенное выше поучение Патриарха Алексия очень типично для него как воспитателя и педагога, готовившего к пастырскому поприщу не одно поколение будущих священнослужителей Русской Православной Церкви. Не достигнув и тридцатилетнего возраста, он был преподавателем и церковным оратором, с амвона и кафедры выступавшим как проповедник-экзегет. Таким он был в должности инспектора и ректора семинарии, таким он остался и в тот период, когда он обращался к молодежи духовных школ в высшем церковном сане.

Вспомним, что он руководил восстановлением русских духовных учебных заведений уже в возрасте 67 лет, если можно так выразиться, в расцвете зрелости собственного духовного опыта. Духовное просвещение в середине нынешнего столетия требовало иного подхода, нежели в его первом десятилетии. Как и его мудрый предшественник на патриаршем престоле, Патриарх Алексий «умел связывать», как отметил на Поместном Соборе 1971 года его преемник Патриарх Пимен, «духовные традиции прошлого нашей Церкви с современной ее жизнью в новых исторических условиях.

Достойный хранитель духовных сокровищ нашей Церкви, как драгоценного опыта живой любви и богословского созерцания отцов и учителей Церкви, он научил нас любить и ценить эти духовные сокровища и традиции, завещал нам не только хранить их далее, но и укреплять, и умножать своей доброй христианской жизнью».

Почти все обращения Патриарха Алексия к учащимся духовной школы носили богословский характер. Богословствование в поучениях он перенял у собственного возлюбленного учителя митрополита Московского Филарета. Он приближался к знаменитому церковному писателю и по стилю, но стиль Патриарха Алексия отличался краткостью слога, делавшей мысль его особенно доходчивой при устном изложении.

Это позволяет сказать, что стиль Патриарха был замечательно современным по форме и стал поэтому образцом церковного языка для нового времени. Интересно привести тут мнение и оценку покойного ректора Московской Духовной академии протоиерея Константина Ружицкого, в неизданном исследовании «Богословские труды Святейшего Патриарха Алексия», писавшего в 1964 году:

«Еще в молодые годы своей церковной и педагогической деятельности будущий Всероссийский Патриарх возлюбил продолжателя святоотеческого «мудрствования» – Высокопреосвященного митрополита Московского Филарета (Дроздова), у которого измлада воспринял все духовное искусство богословствовать и быть подражателем его богословствования, которое не перестает действовать и донныне в рукописаниях Святейшего Патриарха Алексия, подлежащих нашему изучению. К числу характерных особенностей богословских трудов Святейшего Патриарха Алексия относится язык его творчества. Редкая сжатость речи, ее литературная безупречность, отлитая в совершенную форму слова церковного, соединяется с удивительной проницательностью ума и знания глубин человеческого сердца, четкостью, ясностью и неопровержимой доказательностью при богатой аргументации и редкой «притязательностью» «преизящной» стилистики, напоминающей святоотеческий язык митрополита Филарета».

Когда в нашем очерке речь будет идти о патриаршестве Святейшего Алексия, нам придется еще вернуться к вопросу о новой духовной школе Русской Православной Церкви. Пока мы излагаем главные события церковной жизни после преставления Патриарха Сергия.

Вторая половина 1944 года была отмечена началом занятий в Богословском институте и Пастырско-богословских курсах (то есть в высшем и среднем богословских учебных заведениях) в Москве, так как в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры разместить их тогда еще не представлялось возможным.

В конце июня Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей обратился с посланием к пастырям и пасомым Русской Православной Церкви, в котором говорил:

«В первый день войны, три года назад, почивший Святейший Патриарх Сергий писал в своем послании пастырям и пасомым: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий народный подвиг». Исполнилось это вдохновенное слово старца Первосвятителя.

Церковь наша с первого дня войны, не прерывая молитвы своей ни на один день, за всеми службами церковными усердно молилась Господу о даровании успеха и победы нашему воинству: «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...» Она подавала руку помощи скорбящим и страждущим от лишения на брани; она неустанно поминала пред престолом Божиим всех, «имже судил Господь положить на брани души своя». И молитва Церкви не была тщетной...». «Церковь наша, кроме молитв и благословения, собирала средства на многообразные нужды обороны; по приглашению и по благословению Святейшего Патриарха она соорудила танковую колонну имени Димитрия Донского в память известного благословения, данного Преподобным Сергием двум инокам его обители стать в ряды бойцов войска князя Димитрия, благословения, которое даровало победу русскому воинству на поле Куликовом».

Четыре месяца спустя митрополит Алексей в письме на имя председателя Совета Народных Комиссаров СССР маршала И. В. Сталина сообщал: «В порыве патриотического воодушевления, по призыву покойного Патриарха Сергия, клир и верующие Русской Православной Церкви в течение всего военного периода собирали средства и жертвовали их на военные нужды, – в частности, на танковую колонну имени Димитрия Донского, – внося этим свою долю участия в великое дело борьбы, которую под Вашим верховным водительством так победоносно ведет весь русский народ... К настоящему времени общая цифра этих взносов доходит до 150 миллионов рублей, не считая пожертвований ценными вещами всякого рода. Несомненно, близкий конец войны уже виден: блестящие победы нашей доблестной Красной Армии громко свидетельствуют о скором разгроме германского фашизма; и на этом последнем этапе войны новые задачи встанут перед нами. Я нашел благовременным призвать духовенство и верующих нашей Православной Церкви ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором щедрых пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии... Для начала дела Патриархия вносит один миллион рублей»⁶⁶.

9. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (21 – 23 ноября 1944 года).

Доклад митрополита Алексия о патриотической деятельности Русской Церкви в военные годы. Подготовка Поместного Собора

К концу 1944 года епископат Русской Православной Церкви приступил к приговлениям к своему Поместному Собору для избрания преемника почившего Патриарха Сергия. С 21 по 23 ноября в Москве заседал Собор епископов, задачей которого было разработать все вопросы, связанные с созывом Поместного Собора.

Председательствовавший на Архиерейском Соборе Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей объявил на первом заседании, что все епископы соберутся на следующий день у могилы Патриарха Сергия в Богоявленском патриаршем соборе для общей молитвы.

Затем митрополит сказал: «Кончина Святейшего Патриарха Сергия была для всей нашей Церкви великим ударом и незаменимой утратой. Мы все, и архипастыри, и пастыри, почувствовали себя осиротевшими, лишившимися мудрого руководителя, который твердо стоял у кормила церковного и у кого всегда можно было получить совет, указание, наставление. За сравнительно долгое руководство им нашей церковной жизнью мы привыкли видеть в нем надежную опору во всех затруднительных обстоятельствах церковной жизни; мы знали, что он сумеет найти выход из самых трудных и запутанных положений, и мы были уверены, что он, с помощью Божией, введет корабль церковный в тихую пристань. И наши надежды оправдались вполне.

После многих лет бурного плаванья настала для Церкви нашей пора более спокойной жизни, и в этом исключительно его великая заслуга перед Святой Церковью. По-видимому, земное послушание, данное ему от Господа, было выполнено; исполнен им был долг, завещанный от Бога, и с этим вместе окончилось и земное поприще его.

В старости добрей, почтенный здесь, на земле, высшим саном, как истинный Патриарх почил он от трудов своих, унося с собою в мир вечной правды сознание свято исполненного долга и оставив в сердцах наших светлую память о себе, как о любящем Отце и добром истинном Пастыре Церкви Христовой. Да будет незабвенному Владыке-Патриарху в Церкви Российской вечная память!

На всех нас лежит долг неуклонно следовать по его пути, и каждый из нас на своем участке работы в меру своих возможностей должен продолжать то дело, которому им положено начало, дело собирания церковных сил для благоустройства всех сторон церковной жизни».

Митрополит-Местоблюститель сделал затем обзор церковных дел за время патриаршества Святейшего Сергия и в месяцы, истекшие после его кончины (участие Церкви в патриотических начинаниях, связанных с войной; открытие храмов по стране; учреждение духовных школ; возобновление церковных печатных изданий; печатание богослужебных книг; мероприятия по расширению сферы церковной деятельности; вопросы церковной дисциплины).

«Я не касаюсь здесь обширной темы о задачах наших в области руководства вверенными нам пастырями, – сказал митрополит, – о воспитании в них пастырской ревности, благоговейного отношения к службам церковным... о долге нашем в этом отношении быть живыми и назидательными примерами для пастырей, чтобы с надлежащим авторитетом руководить ими, – об этом, я уверен, каждый из нас заботится и, в меру ревности своей и стремления, успевает.

Полагаю, что нет нужды распространяться и о том, что в своей архипастырской деятельности мы должны прежде всего хорошо знать и твердо усвоить церковные правила и установления и не допускать, в соблазн и в дурной пример вверенному нам духовенству, их нарушения. Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступить через рубеж правил церковных; коль скоро переступим однажды по какому-нибудь произвольному рассуждению, то уже трудно будет определить, где предел, далее которого нельзя идти. Один шаг через рубеж правил подвергает опасности многое и подает ревнителям повод к серьезным и основательным нареканиям. Для этого не нужно искать примеров, они у нас на глазах... Такого направления нашей деятельности требует церковная дисциплина, равно как и того, чтобы каждый из нас

держал постоянную связь с Патриаршим центром, который должен быть осведомлен о жизни епархий.

Наша главная задача, ради которой, как я сказал, мы собрались на настоящий Собор, состоит в том, чтобы совместным обсуждением подготовить дело избрания Святейшего Патриарха. О предполагаемом порядке этого избрания, о всех подробностях чина избрания и чина на stolования мы в среде приехавших за это время в Москву преосвященных рассуждали и, принимая во внимание исторические данные и правила и обычаи, каких держалась наша Церковь в подобных обстоятельствах в прежние времена патриаршества, пришли к известным решениям по этому вопросу».

Первый день Собора епископов прошел в обсуждении некоторых административных дел и вопросов, относившихся к каноническому положению отдельных епископов.

Второй день (22 ноября) начался совершением Божественной литургии в Богоявленском патриаршем соборе Патриаршим Местоблюстителем в сослужении соборного причта. Все прочие члены русского епископата лишь присутствовали за богослужением. После литургии митрополит Алексей в архиерейском облачении служил панихиду по Святейшем Патриархе Сергии у его могилы (возле левого придела соборного храма). Остальные архиереи окружали могилу, стоя в рясах и клобуках.

Перед началом панихиды митрополит Алексей произнес, обращаясь к епископам, краткую речь:

«Сегодняшняя служба наша – необыкновенная служба: у гробницы Святейшего Отца нашего Патриарха Сергия мы собрались всем собором архипастырей Русской Православной Церкви и, таким образом, вся наша Русская Церковь молится сегодня о упокоении души почившего в Бозе нашего Отца, молитвенника, наставника и руководителя. Многие из архипастырей впервые видят могилу Патриарха Сергия, после того как видели его живым.

Мы веруем, что Святейший Патриарх Сергий и по смерти своей жив у Господа и чувствует наше присутствие здесь и наши молитвы о нем, и радуется нашему молитвенному собранию у его гроба. Мы вспоминаем его любовь к нам, своим сопастырям, его кротость, его смирение. На всех нас простиралась его забота, его отзывчивость к нашим нуждам, его снисхождение к нашим немощам и недостаткам. Любовь его проявлялась к каждому из нас в бесчисленном ряде случаев, а его смирение проявлялось в том, что он, будучи выше всех нас во всех отношениях, относился к нам не только как к своим детям, но и как к братьям.

Мы все также любили и почитали его, как своего мудрого отца и наставника. А теперь искренно приносим к его гробу нашу печаль и молитвы о нем.

Наше церковное собрание здесь сегодня совпадает с праздником святой иконы Божией Матери Скоропослушницы. Это приводит нас на память, как Святейший Патриарх с особым благоговением чтит Божию Матерь. Его почитание Божией Матери сказывалось не только в том, что он составил несколько акафистов в честь Ее, но и в особом глубоком внутреннем почитании Матери Божией, и этого не мог не замечать всякий способный к наблюдательности.

Наши молитвы о почившем Патриархе Сергии да привлекут и его молитвы о нас, и да помогают нам эти загробные молитвы его в наших трудах и подвигах во славу Церкви Божией, как прежде помогали нам во всем его советы и руководство».

В тот же день 22 ноября на вечернем заседании архиерейского Собора был заслушан доклад архиепископа (впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский) Псковского и Порховского Григория (Чукова)⁶⁷ о проекте «Положения об управлении Русской Православной Церкви». Затем председательствующий митрополит

Алексий выступил с докладом о патриотической деятельности Русской Церкви в военные годы, подобным тем, которые были сделаны на избирательном Соборе 1943 года Патриархом Сергием и самим митрополитом Алексием, но с добавлением новых данных последнего года.

Приводить содержание доклада в пространных цитатах нам больше нет оснований, но надо все же извлечь из него небольшую выдержку, дающую представление об итогах жертвенных усилий Церкви.

«Я еще не имею в настоящее время полной сводки по сегодняшней день всех пожертвований на нужды войны, – сказал митрополит, – но и те цифры, которыми я располагаю, являются весьма красноречивым свидетельством стремления верующих русских людей вносить возможно большую долю участия в общее дело борьбы с врагом.

Я прошу вас прислать мне для предпологаемого отчета о патриотической деятельности нашей Церкви за военный период все ваши послания, обращения к пастве и т. д., а также цифру пожертвований – денежных, вещевых, облигациями, ценностями за весь военный период, которая определится к концу текущего года. До сего времени эти пожертвования определяются в общей сумме до двухсот миллионов рублей.

В октябре этого года я обратился ко всем верующим Русской Церкви с новым призывом: ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии, и я имею сведения, что уже собраны миллионы на это великое дело».

Архиерейский Собор вынес постановления о поддержке вновь созданных учебных заведений Русской Церкви и издательской деятельности Московской Патриархии. Указав, что «успех дела образования и воспитания будущих пастырей является необходимой предпосылкой укрепления церковного организма», Собор постановил, что он «поэтому должен служить предметом ревностной и повседневной заботы всех архипастырей Православной Церкви. Эта забота должна выразиться прежде всего в молитвенной и материальной помощи, а также в отборе достойных кандидатов из верующих для направления в Богословский институт и на Богословско-пастырские курсы... Ревнуя о возведении духовной школы на высоты стоящих перед нею задач, Собор признает необходимым в кратчайший срок создать неоскудевающий фонд денежных средств на нужды Православного Богословского института и курсов, и с этой целью возлагает на каждого епархиального архиерея нравственную обязанность, сопряженную с церковным послушанием, привлечь все приходы своей епархии к неременному участию в содержании этих духовно-учебных заведений».

На третьем заключительном заседании Собора епископов были одобрены программа созываемого в начале 1945 года Поместного Собора Русской Православной Церкви, порядок избрания нового Патриарха всея Руси и чин наставления – интронизации его. Было также постановлено послать приглашения на предстоящий Собор Восточным Патриархам, Патриарху-Католикусу Грузии и главам других автокефальных Православных Церквей.

После закрытия Собора председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпов устроил прием в Совете для архиереев, принимавших участие в Соборе. Прием явился ответом Г. Г. Карпова на пожелания ряда преосвященных увидеться и побеседовать с ним.

На приеме Председатель Совета выразил удовлетворение теми полными взаимопонимания отношениями, какие установились у него за 14 месяцев существования Совета с Патриархом Сергием и Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Алексием. В частности, Г. Г. Карпов отметил, что «немецкая политика стремилась

использовать Православную Церковь в качестве орудия для достижения своих разбойничьих планов для борьбы с советской властью, с советским народом. Но она натолкнулась на непреодолимое препятствие – на любовь и верность духовенства и верующих к своей Родине. Поэтому немцы стали грабить и разрушать храмы, убивать и истязать священников».

Далее Г. Г. Карпов сказал: «Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временный характер, не являются тактическим маневром, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели или, как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны и которая получила свое развитие в ходе войны... Мероприятия Советского правительства, относящиеся к жизни Русской Православной Церкви, находятся в полном соответствии с Конституцией СССР и носят характер одобрения той позиции, которую Церковь заняла в отношении Советского государства в последнее десятилетие перед войной и, в особенности, во время войны, направленной на скорейшее достижение победы над врагом».

Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви уточнил еще, что Совет «образован для осуществления связи между правительством Союза и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской Православной Церкви, требующим разрешения правительства»; что «Совет по делам Русской Православной Церкви обеспечивает правильное и своевременное проведение в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений правительства, относящихся к Русской Православной Церкви, принимая меры к устранению всякого рода ненормальностей во взаимоотношениях между религиозными общинами и советскими органами на местах».

ГЛАВА IX

ТРИНАДЦАТЫЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

1. Поместный Собор Русской Православной Церкви (31 января – 2 февраля 1945 года)

Десять недель прошло между окончанием Собора епископов и Поместным Собором Русской Церкви... 27 января 1945 года в Москву на Киевский вокзал прибыла первая из уже освобожденной Югославии делегация во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом – Местоблюстителем Патриарха Сербского Гавриила, еще томившегося тогда в немецком плену. С митрополитом Иосифом была обширная группа церковных деятелей, в том числе епископ Нишский Иоанн и благочинный русских церквей в Югославии протоиерей Иоанн Сокаль – будущий архиепископ Смоленский и Дорогобужский Иннокентий (Сокаль)⁶⁸.

28 января самолетом прибыл из далекого Египта Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки Христофор. Другим самолетом прибыли – из Лондона представитель Вселенского Константинопольского Патриарха Вениamina архиепископ Фиатирский Германос, из Святой Земли – представитель Иерусалимского Патриарха Тимофея архиепископ Севастийский Афинагор, архиепископ Мариотский Афанасий Александрийского Патриархата.

И в тот же день на Курский вокзал прибыл из Сирии Патриарх великого града Антиохии и всего Востока Александр III в сопровождении митрополита Хопского Александра и митрополита Тиро-Сидонского Феодосия (будущего Патриарха). Наконец, на

Курский же вокзал в тот день прибыл из Тбилиси Католикос-Патриарх всея Грузии Каллистрат.

31 января вечером из Бухареста прибыл представитель Румынского Патриарха Никодима епископ Аржешский Иосиф.

На Поместном Соборе Русской Церкви 1945 года от имени семи автокефальных Православных Сестер-Церквей присутствовали три Патриарха, четыре митрополита, один архиепископ и четыре епископа в сопровождении более 20 клириков и мирян.

Поместный Собор 1945 года открылся 31 января в храме Воскресения Христова в Сокольниках в Москве. Присутствие вышеперечисленных Предстоятелей и представителей Автокефальных Православных Церквей – фактически Полноты Православия – придало этому Собору как бы вселенское значение. В истории Православной Церкви Собор не имел прецедентов и, можно сказать, выходил за рамки обычных соборов ее Поместных Церквей.

В состав Собора 1945 года входили 204 участника, из них 46 иерархов Русской Православной Церкви – 4 митрополита, 13 архиепископов и 29 епископов, 87 других клириков – 3 архимандрита, 2 игумена, 68 протоиереев, 8 иереев, 3 иеромонаха, 2 диакона, 1 иеродиакон и 38 мирян.

По образовательному цензу члены Собора распределялись следующим образом: 142 человека – с богословским образованием, 62 – со светским. Из числа участников Собора было 10 профессоров.

Собор открылся торжественным молебном, перед началом которого митрополит Алексей сказал, обращаясь к участникам Собора:

«С благоговейной молитвой ко Господу приступаем мы, всечестные отцы и братие, к соборному решению наших церковных дел. По слову Христову, «идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их», мы веруем, что и наше многолюдное собрание освящается присутствием Господним, ибо во имя Господа, во имя Церкви Христовой собрался мы делать дело Божие. Помолимся же Господу, да прострет Он предстательством Пречистой Матери Своей, Чей святыи чудотворный образ, древняя святыня нашего града, находится среди нас⁶⁹, и молитвами святых московских святителей и чудотворцев благословение Свое на нас и да совершится на настоящем Соборе нашем еже изволися Духу Святому (Деян. 15, 28), во благо Святой Церкви. Аминь».

Последование молебствия было разработано на ноябрьском Соборе епископов. Отметим некоторые подробности и особенности.

Предначинательный возглас был как за литургией или за Рождественским молебном: «Благословенно Царство...». После возгласа обычное: «Царю Небесный», Трисвятое, «Отче наш», «Господи, помилуй» (12 раз). «Приидите, поклонимся...» (трижды). Затем псалом 66-й («Боже, ущедрни ны и благослови ны...»). Великая ектения с двумя особыми прошениями после прошения «О плавающих, путешествующих...»: «О еже милостивым оком призрети на Церковь Русскую и святой Собор ея благословити и труды его к церковному устройению и общему нашему спасению благоплодны показати, Господу помолимся»; и «О предстоящих членах Священного Собора, от вся нашей страны собравшихся zde и ожидающих благодати Святаго Духа и требующих от Бога помощи и заступления, Господу помолимся». После «Бог Господь и явися нам» тропарь святой Пятидесятницы: «Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей...». Прокимен (Пс. 101, стихи 19 и 23): «Да восхвалят людие Господа, внегда собратися им вкупе, да работают Господеву». Апостол: Еф. 4, 1–6, 11–13 (зачало 224: «Молю вы, братие, достойно ходити звания в неже звани бысте»). Евангелие (зачало 67), взятое из главы 16 от Матфея – стихи 13–19, начиналось «Во

время оно пришед Иисус во страны Кесарии Филипповы...» и заканчивалось обетованием, данным Спасителем власти апостольской: «И дам ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех».

В сугубой ектении прибавлены прошения: «Утешителя Твоего Духа на святых Твоя ученики и апостолы низпославый, Того, Благий, обнови в сердцах всех на Собор сей святой во имя Твое собравшихся, даждь им мудрость и силу в трудах их, молимся Тебе, услыши и помилуй» и «Пастырю добрый, расточенныя овцы Твоя во едином стаде собрати обещавый, утоли церковныя соблазны и разделения и вся заблуждающия от пути Твоего в покаяние и познание истины приведи и во двор Твой возврати и вся их во православней вере и в делании заповедей Твоих утверди, молимся Тебе, услыши и помилуй».

Молитва после сугубой ектении, произнесенная Предстоятелем митрополитом Алексием, выражала благодарение за благодеяния Господа, упование на ниспослание Собору духа премудрости и разума и моление о победе над врагом, напавшим на страну нашу: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, неизреченныя ради милости Твоя, Духа Твоего Утешителя от Отца низпославый на святых Твоя ученики и апостолы и теми Церковь Твою во всей вселенней насадивый и утвердивый! Пред Тобою припадающе, яко раби недостойнии, благодарение о Твоих благодеяниях, российским людем от Тебе бывшим, усердно приносим и безмерную благодать Твою к нам, грешным, исповедуем: от лет бо древних страну нашу светом Твоея истины просветил еси и род наш во спасительный двор святых Церкви Твоея призвал еси. И ныне призри, Всеблагий Владыко, на собравшихся вкупе на Собор сей святой верных людей Твоих; даждь им духа премудрости и разума; вложи в сердца их дух страха Божия, дух благочестия и ревности о славе имени Твоего святаго; огради я от всяких искушений, соблазнов и разделений, да союзом любве к Тебе, своему Владыке, и друг ко другу связуеми, непреткновенно совершат дело служения своего в созидании Церкви Православныя, яко единого Тела Христова. Примими, Господи, моление наше и о стране нашей, властех и воинстве ея во еже победити враги наша, напавшия на ны, да спасени Твоею всеблагою десницею не престанем в Церкви Твоей до конца веков исповедати и прославляти всесвятое имя в Троице славимаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Многолетие на молебне, которым начался Собор 1945 года, было тоже особенным, соответствующим духу прочих молитв: «Спаси, Христе Боже, и помилуй рабов Твоих, от всея нашея страны собравшихся вкупе ко благоустроению Церкви Твоея. Даруй им, Господи, благоденствие, единение веры и любви и сохрани их на многая лета».

Патриарший Местоблюститель митрополит Алексей, как председатель Поместного Собора, приветствовал членов и почетных гостей Собора, после чего объявил Собор открытым. Сразу после этого слово было предоставлено официальному представителю советского правительства в лице председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпову.

Приветственное заявление его представляло значительный интерес, и мы приведем тут большую часть его. «Правительство Союза Советских Социалистических Республик уполномочило меня, – сказал Г. Г. Карпов, – передать настоящему Высокому Собранию от имени правительства приветствие и наилучшие пожелания успешной и плодотворной работы по устройству высшего церковного управления. Советское правительство также поручило мне приветствовать почетных гостей Поместного Собора от Православного Востока в лице Патриарха Александрийского Христофора, Патриарха Антиохийского Александра III, представителей: Вселенского Патриарха –

митрополита Германоса, Иерусалимского Патриарха – архиепископа Афинагора, от родной Грузии – в лице Католикоса всея Грузии Каллистрата и от братских славянских народов – в лице представителя Синода Сербской Церкви митрополита Иосифа и всех сопровождающих архипастырей и пастырей⁷⁰.

Настоящий Поместный Собор, созванный для выборов Патриарха Московского и всея Руси и для принятия Положения по управлению Православной Церковью, является выдающимся событием в жизни Православной Русской Церкви. Я глубоко уверен, что решения Поместного Собора послужат делу укрепления Церкви и явятся важным отправным моментом в дальнейшем развитии деятельности Церкви, направленной на помощь советскому народу в достижении стоящих перед ним величайших исторических задач.

Поместный Собор Православной Русской Церкви собрался в обстановке, когда все народы нашей великой страны вместе со свободлюбивыми народами всего мира ведут священную освободительную войну против германского разбойничьего империализма, напрягая величайшие усилия для достижения победы над врагом, отдавая на алтарь Отечества жизнь и достояние миллионов людей.

Православная Русская Церковь в дни тяжелых испытаний, которым неоднократно подвергалась наша Родина в прошлом, не порывала своей связи с народом, живя его нуждами, чаяниями, надеждами, и вносила свою лепту в общенародное дело.

В церквях и монастырях зародилась письменность и складывались первые летописи о жизни нашей страны; стены церквей и монастырей неоднократно выдерживали осады иноземных завоевателей; многие выдающиеся деятели Церкви пожертвовали своей жизнью на благо Родины».

«И в наши дни, – продолжал Г. Г. Карпов, – когда гитлеровские разбойники злодейски напали на нашу священную землю, когда все народы Советской державы в могучем порыве поднялись на Великую Отечественную войну за свою честь, свободу и независимость, Православная Русская Церковь с первого дня войны приняла самое горячее участие в защите Родины всеми имеющимися в ее распоряжении средствами и возможностями.

Выдающийся церковный деятель, мудрейший старец, митрополит, а затем Патриарх Сергей, глубоко понимавший смысл происходивших событий, благословил православных на защиту границ Родины. В своих многочисленных посланиях и проповедях с церковного амвона он неустанно звал верных сынов Церкви на смертный бой с лютым врагом Советской страны – гитлеровской Германией.

В прошлом году Православная Русская Церковь понесла тяжелую утрату – умер Патриарх Сергей. По завещанию покойного Сергея управление Церковью перешло в руки старейшего по хиротонии митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, заслуженного церковного деятеля, горячего патриота, не покинувшего своего поста во время 900-дневной блокады Ленинграда, который в полном единодушии с другими членами Священного Синода возглавляет Церковь после смерти Патриарха до сегодняшнего дня.

Патриотическая деятельность Церкви нашла свое выражение не только в посланиях, церковных проповедях, но и в сборе пожертвований на строительство танков, самолетов, на помощь больным, раненым, инвалидам, сиротам войны. Правительство Советского Союза с глубоким сочувствием относится к мероприятиям Церкви, направленным на борьбу с врагом».

В заключение своего приветствия Г. Г. Карпов повторил сказанное им на Соборе епископов в ноябре 1944 года об учреждении Совета по делам Русской Православной

Церкви при Правительстве Советского Союза и его задач. Произнеся это приветствие от имени Правительства, он выслушал благодарственный ответ председателя Поместного Собора митрополита Алексия и покинул заседание Собора.

После приветственной речи заместителя председателя Собора митрополита Крутицкого Николая, обращенной к почетным гостям Поместного Собора – Предстоятелям и представителям Православных Церквей-Сестер, слово от имени Восточных Патриархов взял Блаженнейший Патриарх Антиохийский Александр III, учившийся и служивший в молодые годы в России и прекрасно владевший русским языком.

В своей речи он сказал: «Во главе этого празднества, созданного здесь в этот торжественный час, находятся, радуясь и воспевая победную песнь, представители Апостольских Церквей Востока, которые материнской любовью окружают Православные Церкви повсеместно, и в частности Святейшую Русскую Церковь».

От имени Грузинской Православной Церкви – «Церкви удела Богоматери» – Собор приветствовал Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Каллистрат. Выступали и другие почетные гости.

Митрополит-Местоблюститель сделал обзор патриотической работы Русской Православной Церкви в годы войны. Архиепископ Псковский Григорий (Чуков) зачитал проект Положения об управлении Русской Православной Церкви, изложенного в 48 параграфах.

В первый день Собора этот проект обсуждался в выступлениях ряда епископов. Поскольку этот проект во всех своих принципиальных и практических сторонах разрабатывался в течение ряда лет еще со времени местоблюстительства митрополита Сергия, высказанные суждения совпадали и показывали полное единодушие членов Собора.

Последний вынес поэтому постановление перейти к голосованию проекта Положения, который и был единогласно принят и утвержден. Принятое Поместным Собором 1945 года Положение определяло, что высшая власть в Русской Православной Церкви принадлежит ее Поместному Собору, избирающему Патриарха всея Руси, который является Предстоятелем и первым среди равных епископов Церкви.

Патриарх – председатель Священного Синода Русской Церкви, им периодически собираемого для обсуждения и решения важнейших церковных дел, а также для избрания новых епископов, когда архиерейские кафедры освобождаются или вдовствуют.

Митрополиты Ленинградский, Киевский и Крутицкий по должности – постоянные члены Священного Синода, все прочие правящие епископы присутствуют в Синоде с равными правами в порядке очереди. В Поместных Соборах принимают участие епископы Церкви и избранные от епархий клирики и миряне.

В заседании Собора 2 февраля членом соборного секретариата протоиереем Н. Ф. Колчицким было оглашено телеграфное приветствие, полученное из Фанара от Вселенского Патриарха Константинопольского, следующего содержания:

«Радостно приветствуем начало деяний Священного Избирательного Собора. Великая Церковь Христова благословляет, желает полного успеха. Да совершит Господь Бог святое дело Собора для блага и славы Сестры – Российской Церкви. Патриарх Вениамин».

Были также зачитаны поступившие другие многочисленные приветствия.

В тот же день были заслушаны доклады проф. А. И. Георгиевского от мандатной комиссии и ректора Православного Богословского института и Богословско-пастырских курсов протоиерея Тихона Попова.

Затем было заслушано приветствие от бывших членов Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг., которые были допущены на Собор 1945 года как

полноправные члены. От их имени выступал маститый протоиерей А. К. Станиславский, благодаривший Патриаршего Местоблюстителя и Собор за предоставленную им возможность участвовать в нем и отметивший, что первый Поместный Собор был ознаменован восстановлением патриаршего престола, который вдовствовал с 1721 года, избранием Патриарха Тихона, а второй призван на тех же канонических началах избирать нового патриарха.

2. Избрание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия Патриархом Московским и всея Руси (2 февраля 1945 года)

После ряда резолюций, принятых Собором по деловым вопросам, наступило время для важнейшего и торжественного акта – избрания Патриарха Московского и всея Руси. Член секретариата Собора, управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Николай Колчицкий объявил:

«На Соборе епископов Русской Православной Церкви, состоявшемся в ноябре 1944 года, был принят порядок открытого голосования при избрании Патриарха Московского и всея Руси. В этом голосовании принимают участие все епископы Русской Православной Церкви. Каждый Преосвященный имя избираемого называет от лица своего клира и паствы своей епархии, предварительно обсудив на месте со своим клиром и паствой кандидата в Патриархи. Голосование, по принятому порядку, начинается с младшего по хиротонии Преосвященного».

Вслед за этим сообщением все члены Собора в архиерейском сане – митрополиты, архиепископы и епископы – облачились в мантии и пропели молитву, возглашаемую на всех православных соборах: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра и вси, вземши Крест Твой, глаголем: Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!»

После сего началось голосование. Протоиерей Николай Колчицкий обращался поочередно ко всем архиереям, начиная с младшего по хиротонии епископа Краснодарского и Кубанского Флавиана (Иванова), с вопросом, кого они с клиром и паствой избирают Патриархом Московским и всея Руси.

Все иерархи отвечали: «Я, клир и паства вверенной мне епархии избираем Патриархом Московским и всея Руси высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского».

После окончания голосования отец Николай Колчицкий произнес: «Теперь остается еще имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского высокопреосвященнейшего Алексия». Тогда поднялся заместитель председателя Собора митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) и сделал Собору следующее предложение: «Ввиду единодушия, проявленного всеми преосвященными при избрании Патриарха Московского и всея Руси, разрешите, преосвященные собратья, нам освободить от личного голосования Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия».

Предложение митрополита было принято и он объявил: «Итак, Поместный Собор Русской Православной Церкви устами всех епископов нашей Церкви, от лица их самих, клира и мирян, Патриархом Московским и всея Руси единодушно избрал Патриаршего Местоблюстителя высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского».

Протоиерей Н.Ф. Колчицкий обратился уже ко всему Собору с вопросом: все ли клирики и миряне, входящие в него, согласны с избранием Патриарха, названного всеми преосвященными? На это последовал звучный ответ: «Согласны!», за которым

весь Собор трижды воспел громовое «Аксиос». Огромный смешанный хор московских храмов исполнил в торжественном и знаменитом музыкальном переложении Д. С. Бортнянского «Тебе Бога хвалим» святителя Амвросия Медиоланского.

Имя избранника Русской Церкви было занесено в избирательную грамоту, которая была затем ясным и громким голосом оглашена митрополитом Крутицким Николаем: «Изволением Духа Святаго Священный Собор Русской Православной Церкви в составе преосвященных архиереев всех епархий Русской Церкви и представителей от клира и мирян каждой епархии, в присутствии Патриархов: Александрийского – Блаженнейшего Христофора, Антиохийского – Блаженнейшего Александра III; Католикоса-Патриарха всея Грузии – Святейшего Каллистрата; представителя Вселенского Патриарха – Преосвященного митрополита Фиатирского Германоса; представителя Иерусалимского Патриарха – Преосвященного архиепископа Севастийского Афинагора; представителя Сербского Патриарха – Преосвященного митрополита Иосифа и представителя Румынского Патриарха – Преосвященного епископа Иосифа, избрали Вашу Святыню Патриархом Московским и всея Руси».

Принимая эту грамоту из рук митрополита Николая, новоизбранный Патриарх сказал: «Избрание меня Поместным Священным Собором Православной Русской Церкви в благодарении приемлю и нимало вопреки глаголю». После чего было провозглашено первое многолетие «Высокопреосвященному митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию, избранному Патриарху Московскому и всея Руси». И тут была произнесена от имени Собора приветственная речь, обращенная к новоизбранному архиепископом Астраханским и Сталинградским Филиппом (Ставицким)⁷¹ хиротонии 1916 года. Архиепископ Филипп, достигший в то время шестидесятилетнего возраста, издавна славился как проникновенный церковный оратор. Обращение его к Патриарху Алексию при избрании его на Московский престол в свое время обошло весь мир и было воспроизведено на множестве языков.

Мы приводим тут несколько извлечений из Слова Владыки Филиппа: «Новоизбранный и нареченный Патриарх Московский и всея Руси митрополит Алексей! – начал он. – Собор епископов Православной Русской Церкви с чувством невыразимой радости приветствует тебя, возлюбленнейший Избранник наш. В великих исторических условиях мировой жизни и небывалых еще в истории Церкви Русской обстоятельствах, когда вся Вселенская Православная Церковь в лице своих Предстоятелей и представителей соединилась с нами в духовном, молитвенно-братском общении в сердце нашей дорогой Родины, изволением Святаго Духа, десницею Всевышнего, одними устами, одним сердцем, одной волей епископов, представителей клира и мирян Церкви Русской избран ты на престол Первосвятителей московских Патриархом Московским и всея Руси.

Когда я открыл книгу жизни, слово Божие, чтобы узнать, что возглаголет Господь о тебе в эту величайшую историческую минуту жизни нашей родной Церкви, я прочел следующие навеки незабвенные, драгоценнейшие слова великого Апостола языков: «Мы во всем являем себя, как служители Божии... в слове истины, с оружием правды в правой и левой руке» (2 Кор. 6, 7). И облобызал я с любовью и умилением эти золотые слова великого Павла и сказал в сердце своем: «Да, если когда, то именно теперь, когда мир, по слову апостола, «весь во зле лежащий» употребляет все усилия, чтобы с неправдой своей и с лукавством своим проникнуть даже в ограду Церкви Христовой, когда даже здесь бывают попытки тонкой подмены истины Христовой, смешения правды Божией с правдой человеческой, – тебе, как главе Церкви Русской, предстоит быть на страже истины Христовой, «с оружием правды в правой и левой руке».

Отныне ты будешь носить высокое наименование: «Святейший отец». В нем сосредоточиваются самые светлые, самые прекрасные, самые великие идеалы, чаяния и ожидания православного русского народа. Отныне сердца всех сынов Церкви Русской с верой будут устремлены к тебе как к носителю истины Христовой, правды церковной, совести христианской.

Если кто, то именно верующий русский народ любит правду, алчет и жаждет правды, тоскует по правде, чаует того «нового неба и новой земли, где правда живет». Твое имя будет навеки благословенно, когда этот народ-правдолюбец будет всегда видеть в тебе твердого и непоколебимого поборника правды Христовой.

Скажешь: это подвиг. Да, ныне это – великий подвиг. Но разве не поспешат к тебе с небесной помощью те навеки незабвенные Первосвятители московские, на престол которых ты вступаешь ныне, и особенно Филипп, Гермоген и Никон, которым правда Христова была дороже жизни? Разве случайность то знаменательное событие, которое мы с такой радостью, с таким восторгом ныне созерцаем?

Ведь в лице сих бесконечно дорогих ангелов и представителей Восточных Церквей как бы вся Вселенская Церковь будет молиться с нами, чтобы Бог правды укрепил твои силы в великом подвиге правды. А мы, соратники твои, всякий раз, когда будем предстоять престолу Всевышнего, вечного «Солнца правды», с возлежащим на нем Агнцем, за мир, за правду вечную закланным, разве не будем мы с глубокой верой и любовью молиться о тебе: «В первых помяни, Господи, Святейшего отца нашего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, его же даруй святей Твоей Церкви в мире, цела, честна, долгоденствующа, право правяще слово Твоея истины».

Речь свою Преосвященный Филипп закончил просьбой к новому Патриарху: по древнерусскому православному обычаю принять от избравших его членов Поместного Собора земной поклон с горячим молитвенным пожеланием долгие годы украшать Русскую Церковь и вести корабль церковный по пути правды Христовой...

3. Интронизация Патриарха Алексия (4 февраля 1945 года)

Поместный Собор принял тексты Обращения к Правительству, Обращения к христианам всего мира, Послания к преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви.

По окончании Собора представителями восьми Православных Церквей, собранными в Москве, было выработано воззвание к народам всего мира, в котором благословлялась заканчивавшаяся освободительная борьба и предстоявшая по ее завершении послевоенная работа по организации мира.

Это воззвание было обнародовано 7 февраля 1945 года за подписями Патриархов: Христофора, Александра III, Алексия, Каллистрата, митрополита Германоса, архиепископа Афинагора, митрополита Иосифа и епископа Иосифа.

3 февраля состоялось торжественное всенощное бдение в московском Патриаршем Богоявленском соборе, совершенное соборно тремя Патриархами, восемью митрополитами и архиепископами и четырьмя епископами. Избранный и нареченный Патриарх Алексей еще в сане митрополита Ленинградского и Новгородского молился в тот вечер в своей крестовой церкви.

В начале настоящего очерка мы уже цитировали (говоря об «особой харизме богослужения» Патриарха Алексия) митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева)⁷². Как очевидец и участник подлинно исторического всенощного бдения, которое впервые служили в Москве три православных Патриарха, Владыка описал это редкое богослужение. Сам он накануне этого дня был в первый раз облачен в стихарь как новый иподиакон.

Мы прибегнем вновь к цитате из повествования митрополита Питирима в № 2 «Журнала Московской Патриархии» за 1970 год: «К субботе 3 февраля собор преобразился. Тогда во всем еще были видны следы военного времени и недавнего военного положения Москвы. Стены были темны. На окнах еще не сняты местами светомаскировочные полотнища, а стекла верхних ярусов перекрещены защитными полосками бумаги. Но теперь собор расцвел. Расцвел самым буквальным образом гирляндами живой зелени и ослепительно белой сирени. Старая позолота, блеск начищенных подсвечников и разноцветные лампадки, пурпур и золото пасхальных облачений в ярком свете прожекторов кинохроники превратили собор в невиданные райские сады. Привычно знавшие его замирали в недоуменном восторге. Подобного не видели давно, а может быть, и никогда».

На следующий день, 4 февраля, состоялось торжество интронизации митрополита Ленинградского, и с этого дня он стал известен всему миру как Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий.

И еще раз обратимся в этой связи к повествованию митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима: «4 февраля 1945 года – дата, принадлежащая истории в ряду великих дат. К ней не раз обращались церковные историки и будут обращаться впредь... Я хочу передать, сколь возможно, непосредственные впечатления и начну с весьма характерного рассказа нашего покойного отца ректора протоиерея Константина Ивановича Ружицкого».

Однажды на приеме у Святейшего Патриарха по делам Академии он брал благословение на представленный им список праздничных неучебных дней. Его Святейшество намерен был вычеркнуть, по глубокому своему смирению, день интронизации из ряда праздничных, говоря, что лучше посвятить его учебным трудам и тихой молитве. Отец ректор со всей силой красноречия стал возражать. Он говорил примерно так: «Представляете ли Вы, Ваше Святейшество, все значение этого дня для нас, рядовых священнослужителей? Для нас, вынесших годы внутренних церковных нестроений, для нас, переживших в годы войны горечь и бедствие фашистской оккупации, которая несла не только смерть и разорение, но и отраву лжи и враждебной пропаганды?»

Мы слышали от оккупантов, что Русской Патриаршей Церкви больше нет, что нет православных архиереев, что в Москве не будет больше Патриарха, а если и будет, то поставленный немецкими захватчиками. И вот 4 февраля 1945 года! В Москве, сердце Родины и Церкви, – всеправославное торжество. В невиданном доколе Соборе на Патриарший престол вступает преемник славы московских первосвятителей. Еще не стих смертный гул войны, а из Москвы по всему миру разнесся праздничный благовест, и мы, находясь далеко от столицы, слышали его. Мы воспряли духом на руинах наших поруганных и разоренных городов и церквей. Мы, верившие в конечную победу над врагом, еще раз пережили радость нашего освобождения, близость и теплоту единства со всем народом, со всей Церковью. Нет, Ваше Святейшество, что хотите сокращайте, но этот день оставьте нам и наследникам нашим!»

Возможно, я очень свободно передал этот рассказ отца ректора, с тех пор прошло почти 20 лет, но я хорошо помню пафос и волнение, с которыми говорил о своих переживаниях отец Константин. И это переживание – не его одного».

Нам не дано было присутствовать на литургии 22 января/4 февраля 1945 года в московском Патриаршем соборе в день, когда Церковь празднует память апостола Тимофея, но мы слышали от присутствующих, что в тот воскресный день, отличавшийся «лютым и сжигающим морозом и ветром», вокруг собора толпы были «как на Пасху», а внутри, «как рассказывали некоторые, особенно малорослые, держались в массе людей, не доставая ногами до пола».

Описывать последование всей Божественной литургии и на stolования Святейшего Патриарха Алексия мы не имеем возможности. Но несколько моментов этого великолепного богослужения четырех православных Патриархов, в котором предстоятельством Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский Христофор, не упомянуть все-таки нельзя.

Это, во-первых, две выдержки из речей митрополита Киевского и Галицкого, Экзарха всея Украины Иоанна (Соколова) при поднесении новому Патриарху белого куколя, на воскрилиях которого были вышиты московские святители, его предшественники, и старейшего митрополита Крутицкого Николая при вручении Патриарху патриаршего жезла.

Митрополит Иоанн сказал: «Почти полтора года прошло с того момента, как в этом Патриаршем соборе, на этом самом месте ты радостно приветствовал с возведением в наивысшее иерархическое достоинство незабвенного Патриарха Сергия. Ныне же собрался здесь великий сонм святителей не только нашей Русской Церкви, но и других Православных Церквей во главе с Восточными Патриархами для возведения тебя на Патриарший престол всея Руси. Быть кормчим Русской Церкви в переживаемое нами время, в период великих мировых событий – это подвиг исключительного значения. На твои рамена возлагается величайшее бремя. Дай Бог, чтобы дух Святейшего Сергия, витающий в этом святом храме, почил на тебе обильно и помогал тебе быть истинным хранителем апостольских преданий и вести неуклонно корабль нашей Церкви по избранному почившим пути во славу Божию и на благо нашей дорогой Родины. Да благословит тя Господь от Сиона и узриши благая Иерусалима во вся дни живота твоего».

Митрополит Крутицкий Николай говорил: «Окончились дни вдовства Московского Патриаршего престола. После безмерной утраты, какую наша Церковь понесла с кончиной Святейшего Патриарха Сергия, после дней скорби, которую ты разделял, возглавляя Церковь как Патриарший Местоблюститель, Господь призрел на сирот, и в сегодняшний торжественный день изволением Духа Святаго твоя Святыня восходит на престол Патриарха Московского и всея Руси».

Русская Церковь знает о твоей деятельности во благо ее за 43 года твоего священнослужения, из коих 32 года ты пребываешь в святительском сане, и видит, что сан Патриарха является достойным увенчанием этих твоих многолетних ревностных и плодотворных трудов, понесенных для славы Церкви и нашей дорогой Родины».

Русский верующий народ видит на тебе сияние света незабвенного нашего духовного путевождя, великого старца Патриарха Сергия, благословившего тебя замещать его после кончины до избрания нового Патриарха: ведь ты в течение 18 лет разделял с ним бремя высшего управления Церковью как любящий и любимый им его старший по хиротонии – в ряду других епископов – сын. И мы верим, что Святейший Патриарх Сергий и ныне незримо благословляет тебя на твой высокий, ответственный путь служения Церкви».

Да подаст Господь тебе, наш Святейший отец, Свое Божественное благословение на твои новые подвиги для прославления Его имени и для утверждения веры в нашем народе».

В этих речах оба митрополита впервые обращались к новому Патриарху, титулуя его «Святейшим» и «Святейшеством».

Вторым и важнейшим моментом чина на stolования нового Патриарха всея Руси, без сомнения, была его собственная первосвятительская молитва, произнесенная коленопреклоненно, которую все присутствовавшие в его соборном храме слушали

стоя. Перед восхождением на горнее место Патриарх при входе в алтарь отдал крест и дикирий и встал перед престолом. Архидиакон возгласил на амвоне: «Господу помолимся, рцем вси». В алтаре и на хорах громко и размеренно поют троекратное «Господи, помилуй». Святейший Патриарх, сняв куколь, прислонил его к левому плечу и отступил через Царские врата на солею, где архидиакон, повернувшись к стоящему в храме народу (то есть к западу) возгласил: «Вонмем». Тем временем Патриарх преклонил колена и при общем благоговейном молчании оставшейся стоять паствы прочитал молитву: «Боже всеильный, Отче Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, Егоже дал еси Пастыреначальника святей Твоей Церкви, Иже избра святых Своих ученики и апостолы, ими же боговедение приемше светом Духа просветихомся и еже в Тя веровати научихомся. От них же преемством благодати Святаго Духа поставлен есмь и аз, недостойный, пасти стадо словесных овец в Великой, и Украинской, и Белой Руси, да наставлю их во спасение и приведу к Тебе люди избранны в Твое Небесное Царствие. Ты же, Владыко мой и Господи, настави мя в деле, на неже поставил мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем. Отверзи ми, грешному, устне и научи мя, како достоин и о ихже потребе молитися. Се бо страхом предстою Ти, в пучину милости Твоя отчаяние души моя поверг. Окорми живот мой, словом всю тварь неизреченною премудрости силою управляяй, тихое обуреваемых пристанище, и скажи ми путь, в онь же пойду. Дух премудрости Твоя моим подаждь помышлением. Дух разума безумию моему даруй. Духом страха Твоего мои осени дела. Дух правый обнови во утробе моей, и Духом Владычним мыслей моих поползновение утверди. Да на всяк день Духом Твоим Благим к полезному наставляем сподоблюся творити заповеди Твоя. И аз, грешный, Твою молю благодать, елика просих, воздаждь ми во спасение. Даждь убо, Господи, людем паствы моя щедроты Твоя, да приведу их в Твои небесныя селения, и да вси едиными усты и единым сердцем восхвалим Тебе, Единого Бога во Отца, Сыне и Духе Святем в безконечныя веки. Аминь».

Так началось патриаршество Великого Господина и Святейшего Отца нашего Патриарха Московского и всея Руси Алексия – тринадцатое в истории Русской Православной Церкви.

ГЛАВА X

РОЛЬ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ В АКТИВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – 1958)

1. Посредническая миссия Патриарха Алексия в примирении Вселенской Патриархии и Болгарской Церкви. Снятие схизмы с Болгарской Церкви (март 1945 года)

Через месяц после своего избрания на Московский Патриарший престол Патриарх Алексий имел возможность выразить свою радость Патриарху Вселенскому Вениамину в известительной грамоте по поводу снятия долголетней схизмы с Болгарской Церкви. Известие об этом было получено от Экзарха Болгарии митрополита Софийского Стефана. Это было первым достижением нового Московского Патриарха, принявшего на себя с момента освобождения Болгарии посредничество между церковными властями Истамбула и Софии.

«Присутствие на Соборе нашем и на последующих церковных торжествах Блаженнейших Патриархов Александрийского и Антиохийского и представителя

Патриарха Вселенского митрополита Германоса и представителя Патриарха Иерусалимского – архиепископа Афинагора, а также представителей братских Церквей – Грузинской, Сербской и Румынской – было для нас и для всей Русской Церкви радостным, как благое знамение братского общения во Христе Православных Церквей и залогом укрепления духовной связи между нами в будущем. Известие же о снятии Вашим Святейшеством схизмы с братской нам Болгарской Церкви ... исполнило наше сердце особой радости и удовлетворения».

Снятие схизмы с Болгарской Церкви было первым личным успехом Патриарха Московского и всея Руси, начавшего переговоры об этом с Константинопольским Патриархом и его Священным Синодом еще будучи Местоблюстителем Русской Православной Церкви. Прибытие в Россию митрополита Фиатирского Германоса позволило закончить приготвления для благоприятного решения этого вопроса в Константинополе. Присутствие Патриархов Христофора, Александра и Каллистрата также способствовало успешному завершению его. 6 апреля 1945 года в Софию была направлена русская церковная делегация во главе с архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым), в которую входили: архимандрит Иоанн (Разумов), протоиерей К.И.Мещерский и доцент Московского Богословского института А.И.Георгиевский, с поручением Святейшего Патриарха приветствовать с совершившимся избранием Блаженнейшего Стефана главой Болгарской Православной Церкви и с воссоединением ее со Вселенской Патриархией и со всем Православием мира через снятие с нее схизмы, наложенной еще до Освободительной войны 1877–1878 годов, в 1872 году.

«Ваше прибытие, – сказал, приветствуя русскую делегацию, Экзарх Болгарии митрополит Стефан, – бесспорно является важным историческим актом, началом новой для нас церковной эры, залогом установления новых, близких, совершенно искренних отношений между нашими Церквями и нашими братскими народами».

В послании Патриарха Алексия к Экзарху говорилось:

«Движимый утешительным и радостным чувством единения в святой православной вере, я еще раз, независимо от посланных мною раньше поздравлений Вашему Блаженству, братски приветствую Вас как с последовавшим 21 января сего года единодушным избранием Вашего возлюбленного Блаженства Экзархом Болгарской Церкви, так и с восстановлением благодатного братского общения и правильного канонического единения между Святой Вселенской Патриархией и Болгарской Православной Церковью. Благословен Господь наш Иисус Христос, давший Своей Церкви и чадам ее священную и благодетельную заповедь любви и благодатный дар духовного единения, простирающийся на все исполнение Святыя Соборныя и Апостольския Церкви.

Как плод этой священной о Христе любви и как знамение сего благодатного дара приняли мы с радостью вожделенную весть о снятии с братской нам Болгарской Церкви схизмы, так счастливо совпавшим с Вашим избранием и вступлением на престол Главы Церкви Болгарской, совершившимся сообразно с церковными правилами, добрым решением Священного Собора и православного болгарского народа».

2. Предоставление автокефалии Американской Церкви

Первым актом Святейшего Патриарха Алексия оказалось содействие восстановлению самостоятельности Болгарской Православной Церкви, а последним – учреждение самостоятельной Церкви Американской.

В Америке Православная Церковь была основана в XVIII веке с первыми русскими поселениями на Аляске и на Алеутских островах. Паства Русской Церкви в Западном полушарии составила первоначально из поселенцев, прибывавших в русские

владения на побережье нынешних тихоокеанских штатов США, позднее – из западных губерний России (Гродненской, Виленской, Минской) и главным образом – из крупной эмиграции (многих сотен тысяч душ) из прежней Австро-Венгрии (из Червонно-Карпатской и Лемковской Руси – нынешней Западной Украины). Эти последние, прибывая в Америку в качестве униатов, возвращались в лоно Православия и вливались в русскую епархию.

Но это историческое явление относится к последним годам прошлого столетия и к началу нынешнего. Что же касается появления первых представителей русского православного духовенства, то его можно отнести еще к походам знаменитого Дежнева и ходивших с ним в бассейны Чукотского, а впоследствии и Берингова морей и в воды Аляски моряков-первооткрывателей, с которыми плавали и клирики. А это относится к середине XVII века.

Первые же русские православные миссионеры известны в Америке (первоначально на Алеутских островах и главным образом на Кодиаке) со второй половины XVIII столетия, когда обращение туземного населения в Православие становится обычным и уже организованным явлением.

Православное духовенство с тех пор имело постоянное пребывание во всех русских владениях на Американском материке. Русские гарнизоны стояли по всему Тихоокеанскому побережью от Новоархангельска (нынешний Отхи на острове того же имени) до Русской речки в Калифорнии, километрах в ста к северу от Сан-Франциско. В устье Русской речки сохраняется как исторический памятник знаменитый русский острог Форт-Росс. Неподдалеку, около городка Калистого на горе святой Елены (названной по имени русской великой княжны), можно видеть мраморную доску, на которой высечено, что это название было дано горе после молебствия, совершенного русским духовенством.

Еще в 1793 году Святейший Синод направил в Америку Русскую Духовную Миссию, которая прибыла на Аляску на следующий год. Первым русским архиереем для Америки с титулом Кодиакского (в качестве викария Якутской епархии) был в 1796 году назначен епископ Иоасаф, погибший в пути во время кораблекрушения. Из семерых валаамских монахов-миссионеров один Герман дожил в пещере до 1837 года, когда преставился, овеянный ореолом святости. Ныне он причислен к лику святых Православной Церкви.

С 1823 года на Аляске подвизался Иоанн (в монашестве Иннокентий) Вениаминов, ставший в 1850 году епископом Камчатским, а в 1855 году еще и Амурским. Помимо своей огромной Дальневосточной епархии до отъезда с Аляски он распространил влияние Православия и в Америке, перенеся архиерейскую кафедру из Аляски в Сан-Франциско. В бытность архиепископом высокопреосвященного Тихона (Беллавина), будущего Патриарха, кафедра Американской епархии была перенесена уже в Нью-Йорк.

В двадцатых годах нашего столетия в Америку стала прибывать послереволюционная русская эмиграция, причем последние из них относились к так называемым прогрессивным лицам (то есть к выходцам из стран Европы и Азии, жившим в них до Второй мировой войны), среди которых возникало особенно много расколов.

После архиепископа Тихона Русской епархией в Америке правили: архиепископ Платон (Рождественский), впоследствии митрополит Херсонский и Одесский; архиепископ Евдоким (Мещерский), впоследствии архиепископ Нижегородский; архиепископ Александр (Немоловский), впоследствии митрополит Брюссельский и Бельгийский. В 1921 году митрополит Платон возвратился из Одессы в Америку и был вновь назначен Патриархом Тихоном на прежнюю свою Американскую кафедру. В годы

церковной смуты он подпал под прещение заместителя Патриаршего Местоблюстителя в 1932 году. Когда он скончался в 1934 году, преемником его был избран митрополит Феофил (Пашковский), а после смерти последнего в 1950 году – митрополит Леонтий (Туркевич).

При митрополитах Феофиле и Леонтии Московская Патриархия уже вела переговоры об урегулировании церковного положения в Америке. В 1945 году Святейший Патриарх снял церковное запрещение с покойного митрополита Платона посмертно. В 1946 году Собор Американской митрополии, созванный в Кливленде, признал Патриарха Алексия духовным главой и возбудил пред ним ходатайство о даровании митрополии церковной автономии.

Переговоры продолжались длительное время, осложняясь в известные периоды атмосферой так называемой холодной войны. Хоругвь Православия была воздвигнута на Американской земле Русской Церковью два века тому назад. Препятствия, затем митрополия, берущая свое происхождение от Русской Православной Церкви и управлявшаяся русскими архиереями, стала ее духовной дочерью и созрела до самостоятельной жизни. Она окормляла православных христиан многих национальностей, ставших гражданами США и в большинстве своем родившихся от американских граждан православного вероисповедания, для которых английский язык – родной язык во втором или даже уже в третьем поколении. Ее первоначально миссионерский, главным образом, характер привел к обращению в Православие десятки тысяч верующих.

В шестидесятые годы духовная энергия митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима ((1978), установившего, в качестве председателя Отдела Внешних Церковных Сношений Московского Патриархата (с 21 июня 1961 года), постоянные деловые контакты с епископатам Американской митрополии, во главе с Митрополитом всея Америки и Канады Иринеем, привела переговоры к успешному завершению.

И в благодатно-положительном итоге Промысл Божий судил Святейшему Патриарху Алексию 10 апреля 1970 года, за неделю до своей блаженной кончины, председательствовать в Священном Синоде Русской Православной Церкви, на котором было принято историческое решение.

Из постановления Синода извлекаем выдержку, выражающую его суть: «Стремясь положить предел пагубному разделению, утверждая благословенный мир и Христову любовь, создавая этим основу для развития искренних братских отношений и сотрудничества, свидетельствуя добрую волю идти путем православного единства и принимая во внимание обращение к Святейшему Патриарху Алексию через высокопреосвященного митрополита Иринея Большого Архиерейского Собора Русской Православной Греко-Кафолической Церкви Америки, выражающего мнение и желание верных чад этой Митрополии об устроении Православной Церкви в Америке на началах Автокефалии; признавая автокефальное бытие благом для Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке, которая ныне представляет собой зрелый церковный организм и имеет все необходимое для своего успешного дальнейшего роста и независимого самостоятельного бытия, и считая, что это принесет пользу Православной Церкви», постановили: «любовию даровать Автокефалию Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке, о чем составить для направления Блаженнейшему Иринею, архиепископу Нью-Йоркскому, Митрополиту всея Америки и Канады, соответствующий Патриарший и Синодальный Томос».

Предоставление Автокефалии, или автономии Православным Церквам на территории самостоятельных государств, ранее бывших частями Церкви Русской, – характерное явление для Патриаршества Патриарха Алексия. Оно возобновляет древнюю

традицию Православной Церкви, опирающуюся на Апостольские правила и каноны Вселенских и Поместных Соборов, воссоздавая в наши дни каноническую закономерность для возникновения Поместных Церквей и их взаимоотношений с государственными новообразованиями.

В этом явлении отражается и забота Патриарха Алексия об укреплении межправославного единства. Именно ради единства православного мира предстательствовала Русская Церковь в лице Патриарха Алексия перед Вселенским Патриархом о снятии схизмы с Болгарской Церкви, ныне ставшей полноправной Сестрой Автокефальных Православных Церквей.

Патриарх Алексий всегда был последовательным поборником этого православно-го единства. Оно было заложено в основу и поставлено во главу его первого Патриаршего послания в самый день его интронизации. На открытии Московского совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей, состоявшегося в 1948 году в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, Патриарх провозгласил:

«Пусть все исповедающие Христа узнают, что в мире есть единая Святая Соборная Апостольская Церковь, ведущая к вратам Царствия Божия, в неисчерпаемом изобилии обладающая всей полнотой благодатных даров Святого Духа».

3. Воссоединение зарубежных православных русских приходов с Московским Патриархатом

В двух районах Запада – по обе стороны Атлантического океана – в Западной Европе и в Америке конец двадцатых и начало тридцатых годов были ознаменованы параллельными и почти тождественными расхождениями зарубежных церковных иерархий, прежде подчинявшихся священноначалию Русской Православной Церкви, с линией, принятой Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием.

Расхождения эти в обоих случаях – как в западноевропейской иерархии, возглавлявшейся митрополитом Евлогием (Георгиевским), так и в американской, руководимой тогда митрополитом Платоном (Рождественским) – были вызваны нежеланием подчиняться указаниям Местоблюстителя и согласовывать жизнь зарубежных русских епархий и приходов с требованием центральной церковной власти от отказа их от политических выступлений против власти, существующей у них на Родине.

Еще и раньше, при Патриархе Тихоне, наша церковная власть добивалась от иерархов, оказавшихся за рубежом России, чтобы они не допускали превращения церковного амвона в некую трибуну их пасомыми – политическими эмигрантами – и что бы сами они воздерживались от выступлений против советской власти.

Тенденции, проявившиеся в этот период в Европе и Америке, объяснялись общим непониманием того, что в советской России уже существовала новая государственная власть. Для Русской же Церкви не представлялось никакой возможности игнорировать этот факт. Необходимо было достичь согласованности с реальной действительностью. Местоблюститель и будущий Патриарх Сергий отдавал себе ясный отчет в этой необходимости и встречал полную поддержку со стороны образованного при нем Священного Синода, в котором в тот период Преосвященный Алексий, его будущий преемник, уже был его ближайшим помощником и единомышленником.

Как уже говорилось выше, известная декларация митрополита Сергия 1927 года была тщательно продумана окружающими его архиереями и явилась выражением соборной мысли ответственных представителей высшей церковной власти.

Ставшая знаменитой формула в обращении к государственной власти: «ваши радости – наши радости, ваши горести – наши горести» не была понята за рубежом, где

представления о государстве, о власти, гражданском долге и патриотизме еще связывались с прошлым России; где на исторически уже сложившееся новое общество смотрели как на временное (в особенности в поколении, пережившем революцию в 50-летнем или даже 60-летнем возрасте). Многие из епископов, оказавшихся за границей после гражданской войны, не признавали себя даже эмигрантами, считая свое пребывание за пределами России каким-то временным и случайным явлением.

Не связанные между собой ничем, кроме принадлежности к той же Церкви и подчиненности одной общей церковной власти, митрополиты Евлогий (Георгиевский) в Париже и Платон (Рождественский) в Нью-Йорке поступили одинаково, не приняв указаний Патриаршего Местоблюстителя. В обоих случаях иерархи оказались под действием собственного прошлого, но главным образом под влиянием окружающей их среды политически предубежденных мирян.

Митрополит Евлогий, не подчинившись Местоблюстителю и Синоду, был подвергнут церковному прещению и пытался найти для себя выход в обращении к Константинопольскому Патриарху – тогда Фотию II, который согласился временно принять его в свою юрисдикцию (в 1931 году), несмотря на неканоничность подобного решения.

Тут нелишне напомнить, что ядром Западно-Европейской митрополии послужили многочисленные русские храмы, обслуживавшие старые российские посольства и крупные европейские курорты, где всегда жило много русских. Так, на одной Ривьере, например, было пять каменных храмов на французской стороне и один – на итальянской. В Германии еще шесть таких же храмов. В Америке, где русские приходы насчитывались сотнями, митрополит Платон объявил (в 1933 году), что его Митрополия будет временно управляться самостоятельно впредь до «нормализации» ее взаимоотношений с Матерью Русской Церковью. Эта позиция опиралась на решение Собора Американской митрополии, созванного в 1924 году в Детройте.

Первоначально и митрополит Платон, и митрополит Евлогий были утверждены на своих постах Патриархом Тихоном, но оба они, после многократных предупреждений, были запрещены в служении в период местоблюстительства митрополита Сергия. В тот же период временно утратившая связь с Матерью-Церковью иерархия, первоначально созданная центральной церковной властью (сначала Святейшим Синодом, а затем Патриархом) в так называемой «полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги» и оказавшаяся в «самостоятельной» Манчжурии, заняла позицию, сходящую с позицией западноевропейских и американских архиереев.

Такое положение длилось до Второй мировой войны. Церковные нестроения лечиваются медленно, и воссоединить происшедшие отколы было нелегко. От Матери-Церкви и ее Предстоятеля потребовалось много терпения и любви, чтобы собрать воедино заблудших овец.

Митрополит Евлогий тяготился своим ненормальным положением и отрывом от родной Церкви и от родной земли. После кончины Патриарха Сергия Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Алексей уведомил его о созыве в начале 1945 года Поместного Собора Русской Церкви для избрания нового Патриарха и пригласил его принять в нем участие.

Растроганный митрополит Евлогий, уже прикованный к одру болезни, которая через полтора года унесла его, к тому же не имевший возможности прибыть из Парижа в Москву на Собор вовремя по обстоятельствам военного времени, воззвал к вновь избранному Патриарху Московскому и всея Руси, прося воссоединить его и его паству с Матерью Русской Церковью. Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай

(Ярушевич), прибыв в Париж послом Патриарха, восстановил общение с митрополитом Евлогием и его викарными архиереями.

Впоследствии один из викариев высокопреосвященного Евлогия – митрополит Владимир (Тихоницкий), отказавшись подчиниться назначенному преемником почившего митрополита митрополиту Серафиму (Лукьянову), частично возобновил парижский раскол.

По долготерпению, для него столь характерному, Патриарх Алексий не налагал больше прещения на митрополита Владимира и его клир, но пожелавшая остаться вне ограды своей Церкви парижская архиепископия возвратилась в греческую юрисдикцию Вселенской Патриархии.

Из иерархии митрополита Евлогия архиепископ Александр (Немоловский) – последний дореволюционный правящий архиерей на Американской кафедре, затем архиепископ Брюссельский и Бельгийский, увезенный во время Второй мировой войны и заточенный немцами в Германии, а после победы вернувшийся в Бельгию, – был возведен Патриархом Алексием в сан митрополита, в котором и скончался.

Епископ Пражский Сергей (Королев), хиротонисанный в 1921 году во епископа Бельского, викария Варшавской епархии, возвратился на Родину и скончался архиепископом Казанским и Чистопольским.

После воссоединения с Русской Церковью в 1945 году всех иерархов и приходов Манчжурии во главе с митрополитом Харбинским Мелетием (Заборовским) манчжурские епископы (после кончины Высокопреосвященного Мелетия) возвратились на Родину и представились во вверенных им Патриархом епископских кафедрах.

4. Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви в послевоенный период

В первый же день своего патриаршества новый Патриарх в послании архиереев, пастырям и верным чадам Русской Православной Церкви определил основы своего предстоящего служения. В центре его, во главу угла был положен долг Предстоятеля Поместной Церкви хранить ее единство и сознавать, что она – часть Вселенской Церкви Христовой. «Долг Патриарха, – говорилось в Послании, – хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных; охранять вверенную ему Поместную Церковь от разделений и расколов; насаждать доброе житие в своей пастве; иных «страхом спасать», иных по апостолу «обличать», «запрещать», «да всяко некие спасутся». «Великое обетование Христово: «Созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее» (Мф.16,18) – относится к Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви». <...>

Поместная же Церковь, по словам одного древнего писателя, иногда возносится к Небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда всплывает на веслах исповедания. <...>

Охранять ее от падения, возносить дух ее горе, поддерживать в ней горение духа – все это лежит на Патриархе и требует от него непрестанного бодрствования, «не давая сна очима и веждама дремания», принося Богу в жертву все способности и силы, весь труд и покой, и утешения, и скорби, и самую жизнь, должен он нести до конца принятый им подвиг, «внимая себе и всему стаду» ради Церкви Господа Бога, «юже стяжа Христос кровию Своею».

В приведенных словах Патриарх Алексий начертал программу своего патриаршества, повторяем, в самом начале его. «Как много может дать пастырь, – говорил Патриарх, – если он не о себе думает, а отдает себя на служение пастве, если он, по

словам пророка, не себя пасет, а вверенных ему духовных овец; если он, по выражению Премудрого, “приставит сердце свое к стаду своему”» (Притч.27, 23).

И вот когда преставился Патриарх Алексей после самого продолжительного в истории Русской Церкви патриаршества, не только осиротевшей пастве его, но и всем христианам стало ясно, что к нашему Патриарху не смогут быть применены грозные слова Божии, переданные пророком Иезекиилем о нерадивых пастырях: «которые пасли самих себя» и «слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали» (Иез. 32, 2-4).

Патриаршество Святейшего Алексея началось, когда подходила к концу страшнейшая из войн, пережитых человечеством. Но еще бушевала и грохотала эта война, оставившая за собой десятки тысяч разрушенных городов и селений, скосившая миллионы жизней, опустошившая столько душ, искалечившая столько судеб человеческих. Итоги этого небывалого бедствия еще не были подведены – им и не суждено быть когда-либо измеренными полностью.

На Первоиерарха Русской Церкви, всегда жившего со своим народом, болевшего его невзгодами и тяготами, разделявшего с ним все его испытания, ложилось бремя великих забот. Патриарх Алексей обратился к кровоточащей действительности сразу же, еще в то время, когда Великая Отечественная война не была завершена.

«Военное испытание, переживаемое нашей страной, и теперь благодаря самоотверженной доблести нашего воинства и беззаветному подвигу всего нашего народа милосердием Божиим приходящее к концу, открыло широкое поприще для нас, пастырей Церкви Христовой», – возвестил Патриарх. – Сколько тайн, страдания, сколько чудес долготерпения видим мы в наших пасомых! <...> Сколько горя обязаны мы утолить духовными утешениями, преподаванием духовной силы и крепости. <...> Сколько страждущих душ призваны мы целить благодатными средствами. <...> Как широко раскрыты должны быть наши сердца пред жаждущими получить от нас духовную помощь. <...> Как горяча и сильна должна быть наша молитва, чтобы в сердцах наших пасомых не затухал огонь надежды на милосердие и помощь Божию!».

Необходимость преодолеть и исцелить зло, оставленное пронесшейся над миром войной, слилась с необходимостью предотвратить повторение ужаса в еще более губительных масштабах. Борьба за сохранение и укрепление мира на земле стала заботой и задачей Предстоятеля Русской Церкви в первые же годы его патриаршества.

Накануне пятилетней годовщины вступления своего на Патриарший престол Святейший Патриарх Алексей обратился к своим братьям – Предстоятелям всех Православных Автокефальных Церквей с Посланием об ответственности христиан за мир и о роли Православия в «этом главном христианском делании». Вспомним первые строки этого Послания:

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф.5,9). Всякий день, с каждым восходом солнца этот Божественный призыв будит дремлющие очи нашего сердца. Ежедневно совершаемая бескровная Жертва напоминает нам о единожды совершенном очищении и искуплении всего мира Животворящей Кровью Христовой. Драгоценный залог мира между земным и Небесным вручен таинственному священству словесного Христова стада. Во всех «дворах овчих», особенно в Рождественские дни, отверзаются хвалебные уста и возносится пение: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Ангелы с пастырьми славословят Господа. Они благовествуют мир на земле. Они воспевают надежду на достижение человечеством благой воли, ведущей к утверждению этого мира. Так все благое Божие домостроительство о нашем спасении направлено к установлению мира во всем ми-

ре, мира, некогда нарушенного в раю. Родился Христос – и всякая тварь, Небеса и земля веселится и радуется избавлению от клятвы».

Упорное и последовательное усилие Русской Православной Церкви словом и делом, увещанием и примером содействовать сохранению мира неустанно развивалось. Священноначалие нашей Церкви обращалось не только к своей пастве, но и к братским Православным Церквам, ко всем христианам, ко всем людям доброй воли.

У Церкви свои пути и средства: она стремится укоренить братство на месте недоверия и духом любви преодолеть дух ненависти. «Если мы, православные архипастыри и пастыри, теперь же не встанем все вместе и дружно на охранение жизни наших словесных овец, это будет означать, что мы сами потеряли веру в истинность слова Божия и в действенность силы этого слова», – говорил наш Патриарх много лет тому назад.

5. Преодоление последствий внутрицерковного кризиса. Ликвидация обновленческого раскола

Глубокий духовный кризис в самых недрах Русской Церкви, развязанный в первой половине XX века обновленческим расколом, был изжит с легкостью, удивившей современников, наблюдавших и комментировавших его возникновение, развитие и спад. Как внутри страны, так и за ее рубежами обновленчество могло казаться и казалось неизбежным следствием заостренности русского религиозного сознания и отрыва его от путей, уготованных секуляризированной русской культурой после исторического перелома на пороге XVII столетия, известного под названием Смутного времени.

Последовавший в XVII веке раскол в результате церковных реформ Патриарха Никона, преобразования Петра Великого, эволюция русского мышления за весь петербургский период русской истории – явления значительные, чреватые историческими последствиями, слившимися в грандиозный комплекс, – давали повод самым различным толкователям – и протестантским церковным историкам, и католическим богословам, и экклесиологам, и даже православным иерархам Восточных Патриархатов – ожидать вслед за отделением в России Церкви от государства и предоставлением ей возможности самостоятельно устраивать свою внутреннюю жизнь возникновения русской Реформации наподобие европейской. Суждения, высказывавшиеся в двадцатые годы многими русскими церковными деятелями и специалистами, казалось, подтверждали основательность подобных прогнозов.

Однако уже патриаршество Святейшего Тихона показало, что «реформации» в русском Православии в послереволюционную эпоху не произошло. Несмотря на соблазнительное поведение ряда иерархов и профессоров русской Духовной школы, церковный народ сплотился вокруг своего Патриарха, первого из предстоятелей Русской Церкви, облеченного этим саном после перерыва синодального правления (1700–1917). Посягательство на канонический строй Церкви было отражено.

В последние месяцы местоблюстительства митрополита Сергия и за краткий период его патриаршества ликвидация формальных проявлений обновленческого раскола была завершена. Патриарх Алексей унаследовал в числе прочих обременительных задач миссию преодоления последствий пережитого внутрицерковного кризиса.

Надлежало не только укрепить каноническое устройство Церкви, упорядочить иерархические отношения между клириками на всех уровнях – от епархиального до приходского, между пастырями и пасомыми, – надо было изгладить и устранить в душах верующих, как священнослужителей, так и мирян, и психологические последствия пережитого разделения, излечить нанесенную им травму.

Вступая на Патриарший престол, Святейший Алексей сознавал это как свою

главную и неотложную задачу.

«В Бозе почивший Святейший Патриарх Сергей, – говорил он в своем первом Патриаршем послании, – оставил нам завет «самоотверженно трудиться над очищением церковной ограды от всяких нестроений, накопившихся в ней по нашему нерадению». К этому же обязуюсь и я призвать всех чад нашей Православной Церкви, наипаче же преосвященных архипастырей и приходских пастырей. Им ведомы современные настроения в церковной жизни. Ведомо и повеление апостола о внимании – прежде всего к себе, а затем и ко всему вверенному стаду».

«Начать необходимо с себя, – говорил Патриарх, – если архипастыри имеют долг наблюдать за тем, чтобы порученные их попечению пастыри делали свое пастырское дело не как наемники, не радеющие о стаде, а как истинные пастыри, готовые «душу свою положить за овцы своя», подавая им пример твердости в вере, учительстве бескорыстия и неисканию «своего си», то и пастыри не только безупречностью личной жизни и кротостию, но и твердостию, молитвенным настроением, неленостным исполнением своего долга, исканием не «гнусной корысти» (1 Пет. 5, 2–3), а спасением своих пасомых должны подавать верующим добрый пример служения Христу и его Церкви».

«Только тогда, – предостерегал Святейший Патриарх, – от пастырей будет простираться сила на верующий народ, который с большим пониманием относится к личности каждого пастыря и прекрасно разбирается в том, который из них – истинный пастырь, молитвенник и раздаятель благодатных даров и который лицедействует в храме Божиим, только “господствует над наследием Божиим”» (1 Пет. 5, 2–3).

«И, действительно, пасомые нашей Церкви поняли, что Патриарх и Отец их «хранит неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных» и охраняет вверенную ему Поместную Церковь от разделений и расколов и что в переживаемое время для Церкви – это главное».

Поэтому первые же годы патриаршества Святейшего Алексия оказались целительными и принесли Русской Церкви успокоение и единство. Личные свойства ее Предстоятеля – его спокойствие, терпеливость и умеренность в большой мере способствовали необходимому замирению умов.

В наши дни уже трудно себе представить, что еще совсем исторически недавно лоно Русской Православной Церкви сотрясались волнениями и раздорами. Сознанию верующего явлен новый пример того, как ведущий и все устрояющий Промысл Божий в разные эпохи вручает попечение о Церкви кормчему, наделенному нужными чертами и качествами.

Твердое и всегда безмятежное стояние Святейшего Алексия в неповрежденной апостольской и святоотеческой вере и характерное для него упование на промыслительную помощь Божию, которые роднят его с православными исповедниками былых веков, давали всей его пастве уверенность, что благожелательное и осмотрительное отношение его ко всем не может привести к попустительству. В вопросах вероучения, основных для Церкви вопросах, преемник первых двенадцати русских Патриархов являл непреклонность, которая служила нерушимой гарантией сохранения Русской Церквию верности Православию.

Архипастырям, олицетворяющим подлинную надвременную церковность, паства отдает свою верность, доверие и любовь, и лишь такие епископы Церкви излучают духовный авторитет, вокруг которого создается и витает атмосфера благоговения и душевной невозмутимости. А при таком состоянии души и сердца только и возможно осуществление прошения нашей ектении, повторяющего наставление апостола Павла: «Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

**6. Предоставление канонической автокефалии Польской Церкви (22 июня 1948 года).
Учреждение автокефалии Чехословацкой Церкви (23 ноября 1951 года).
Признание автономии Финляндской Церкви
в пределах Константинопольского Патриархата (30 апреля 1957 года)**

31 января 1945 года на торжественном молебствии, которым открылся в Воскресенском храме в Сокольниках Избирательный Собор Русской Православной Церкви, в сугубую ектению было включено прошение: «Пастыре добрый, расточенные овцы Твоя во едино стадо собрати обещавай, утоли церковные соблазны и разделения и вся заблудшие от пути Твоего в покаяние и познание истины приведи и во двор Твой возврати и вся их во православной вере и в делании заповедей Твоих утверди, молимся Тебе, услыши и помилуй!».

В те дни, как будто еще столь близкие, но уже отдаленные от нас целой эпохой, начиналось новое патриаршество, одной из основных черт которого должно было стать собирание стада Христова, возвращение во двор Божий расточенных и заблудших овец Его. Если в самой стране нашей последствия человеческого своеволия в Церкви были преодолены сравнительно быстро и безболезненно, за рубежом церковные настроения потребовали упорных и терпеливых усилий. Многообразны и сложны были причины отпадения от Матери-Церкви различных территориальных групп или общественных течений верующих.

Предстоятелю Русской Церкви, ищущему своих «расточенных овец», более всех понятны были слова великого апостола: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор. 11, 29). Ему подлинно приходилось «для немощных быть как немощный, чтобы приобрести немощных» и «для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22).

Матери-Церкви и пришлось иных «увещевать», иных «обличать», иных «запрещать», «страхом спасать». Как мы уже видели, в двадцатых и тридцатых годах Русская Церковь познала уклонения одних и отпадения других.

В период между обеими мировыми войнами от Русской Церкви оказались отделенными ее епархии, находившиеся на территории Польши. Из них образовалась Митрополия, заключившая с Варшавским правительством договор о самостоятельности, условий которого не считал тогда возможным признать Патриарх Тихон. Однако Патриарх Константинопольский Григорий VII актом 13 ноября 1924 года признал не «отпущенную» Московским Патриархом Польскую Церковь автокефальной.

Впоследствии Польская Церковь вернулась в лоно Матери-Церкви Русской, признав полученную от Константинополя автокефалию «неканонической и недействительной». Дарования ей канонической автокефалии Польская Церковь просила затем у Матери – Русской Православной Церкви, из которой она произошла. Эта автокефалия была предоставлена Польской Церкви Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом Русской Православной Церкви 22 июня 1948 года.

Ныне, после кончины главы Польской Православной Церкви митрополита Стефана (Рудыка), эту Автокефальную Церковь возглавляет Блаженнейший Митрополит Варшавский и всей Польши Василий, участвовавший в отпевании и погребении Святейшего Патриарха Алексия I.

Явление, в некотором роде схожее с положением в Польше в двадцатых-тридцатых годах, наблюдалось в Финляндии со времени провозглашения ее государственной независимости. Местные православные, которые окормлялись до революции архиепископами Финляндскими, назначавшимися Святейшим Синодом Русской Церкви, перешли в юрисдикцию Вселенского Патриарха. С таким односторонним решением

Русская Церковь не могла согласиться, и между нею и Церковью Финляндии на тридцать лет было прервано общение.

30 апреля 1957 года Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха Алексия, «следуя неуклонному стремлению Русской Православной Церкви вносить дух мира и любви во все междуцерковные вопросы», постановил предать забвению все канонические споры и недоразумения, имевшие место между Церквями Русской и Финляндской, признать автономию Финляндской Православной Церкви в пределах Константинопольского Патриархата и установить молитвенно-каноническое общение между обеими Церквями. И за последнее десятилетие патриаршества Святейшего Алексия это общение стало особенно тесным и братским.

Между Русской Православной Церковью и ее Дщерью Православной Церковью Чехословакии (ныне Православная Церковь Чешских земель и Словакии. – *Ред.*) не было ни споров, ни тяжб. Православной Чехословацкой Церкви, бывшей Экзархатом Русской Церкви, 23 ноября 1951 года актом Патриарха Московского и всея Руси Алексия и всего освященного Собора Русской Православной Церкви – была дарована автокефалия, и она стала (в то время) «юнейшей Сестрой в семье Православных Автокефальных Церквей».

Православная Церковь Чешских земель и Словакии в настоящее время возглавляется Блаженнейшим Митрополитом Дорофеем, также приезжавшим отпевать нашего Святейшего, которого помнят и почитают все православные чехи и словаки.

7. Миротворческие инициативы Патриарха Алексия в отношении карловацкого раскола и трёх заграничных экзархатов

Особое место среди церковных нестроений занимало зарубежное течение, в котором дореволюционные политические нормы определяли отношение к Церкви и религии. Это течение с самого начала революционной эпохи превратилось в ожесточенный и непримиримый раскол, получивший название карловацкого по местонахождению его возглавителя покойного митрополита Антония (Храповицкого), некогда видного иерарха Русской Церкви, – в Сремских Карловцах (в Югославии). После смерти митрополита Антония Карловацкая группа возглавлялась митрополитом Анастасием (Грибановским), тоже умершим в весьма преклонном возрасте.

Карловчане претендовали на своего рода монополию в окормлении русских за рубежом и в силу этого постоянно входили в острые конфликты и распри с другими отколами, пока эти последние существовали. Карловацкий раскол – явление, ближе всего подходящее в современных условиях к типу религиозно-политической секты. В известной мере он повторяет прецедент раскольников XVII века. Тогда раскол был результатом религиозной и национальной самоуверенности и затмения вселенской идеи христианства.

Нетерпимая самоуверенность карловчан побуждает их считать лишь самих себя единственными обладателями христианской истины и охранителями чистоты Православия. Наряду с этим и как следствие этого они признают себя, и опять-таки только себя, «солью земли Русской». Трудно найти столь яркое проявление чистой гордыни.

Но и к ним, как и ко всем заблудшим и оторвавшимся, Патриарх продолжал проявлять свойственную ему терпеливую снисходительность. Отступникам, державшим поносить его и родную Церковь, он мог ответить словами псалмопевца: «Не враг поносит меня – это я перенес бы... но ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой, с которым мы разделяли искренние беседы и ходили вместе в дом Божий» (Пс. 54, 13–15).

Тем не менее карловацкая иерархия без колебаний дерзала противопоставлять себя на протяжении полувека не только трем каноническим Патриархам и не только Матери своей – Русской Православной Церкви, но и всей полноте Православия – Вселенской Церкви, поместной ветвью которой Церковь Русская является.

И именно этим мотивируется противостояние Вселенскому Православию со стороны потерявших всякое чувство меры раскольников: они не могут «простить» ему, что Русская Церковь – органическая часть его. Они не могут «простить» и Всемирному Совету Церквей участие в нем нашей Церкви. И Папе Римскому они не «прощают» сближение с ней. Это – мирская позиция нетерпимой политической предвзятости.

Мятеж карловчан против Матери–Церкви восходит к 1921 году. Против домогательства карловацкой группы покойный Патриарх Тихон выступил уже в Указе от 5 мая 1922 года. Двенадцать лет спустя Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей и Священный Синод Русской Православной Церкви вынесли постановление, в котором объявлялось: «Заграничных русских архиереев и клириков так называемой Карловацкой группы как восставших на свое законное священноначалие и, несмотря на многолетнее увещание, упорствующих в расколе, предать церковному суду по обвинению в нарушении правил Святых Апостолов 31, 34, 35; правил Двукратного собора 13, 14, 15 и других, с устранением обвиняемых впредь до их раскаяния или до решения о них суда, от церковных должностей (если таковые они занимают)».

Еще через одиннадцать лет Святейший Патриарх Алексий 10 августа 1945 года обратился с новым увещанием к архиереям и клирикам карловацкого раскола, в котором говорилось: «Испробовав безусловно все средства к сохранению мира и единства и к обращению отступивших от общения с Православной Русской Церковью, мы настоящим нашим посланием в последний раз простираем к ним слово увещания и предлагаем принести покаяние пред Церковью в сознании, что, как учит святитель Иоанн Златоуст, «разрывать единство и полноту Церкви – не меньшее зло, чем создавать ересь».

«Это уже последний призыв, – писал в заключение Патриарх, – над теми, кто останется и на этот раз глухим к нашему отеческому призыву, будет подтверждено решение Священного Синода Русской Православной Церкви 1934 года. Молим Господа, да вразумит Он поставивших свой разум выше Разума Церкви и в гордыне своей пребывающих в упорном коснении и по Своему бесконечному милосердию да приведет заблудших в ограду Церкви Своей, которая есть единый ковчег спасения и единый путь к Небесному Царствию».

В первый день своего патриаршества Патриарх Алексий ссылался на пророка Иезекииля. Мог ли он не помнить заклинания пророка: «Скажи им, живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11). И «ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив» (Иез. 33, 16).

За все время своего стояния у кормила Святейший Патриарх Алексий в подходе к отпавшим и отделившимся от Матери–Церкви руководствовался этим наставлением великого ветхозаветного пророка.

Но ко всем призывам Матери–Церкви карловацкие раскольники оставались до сего времени глухи. Руководство их замкнулось в своем одиночестве, отгородившись от всего современного христианства. Растущая озлобленность карловчан отталкивает от них самих многих, соприкасающихся с ними. Немало епископов и священников, отрекшись от духа гордыни и самомнения, которым питались раскольники, воссоединились со своей Церковью.

В патриаршество Патриарха Алексия с Матерью-Церковью воссоединилось много иерархов, состоявших в разное время в иных юрисдикциях. Другие, не находясь в отделении и оставаясь в патриаршей юрисдикции, возвратились на Родину. Многие воссоединившиеся или возвратившиеся получали в управление епархии и представлялись на своих кафедрах или уже уйдя на покой.

Назовем сначала трех Патриарших Экзархов, в Бозе почивших в своих Экзархатах: митрополита Евлогия (Георгиевского), Экзарха Западной Европы; митрополита Харбинского и Маньчжурского Мелетия (Заборовского), Экзарха Маньчжурии; митрополита Алеутского и Североамериканского Макария (Ильинского), Экзарха Северной и Южной Америки.

По воссоединению с Русской Церковью преставился на покое митрополит Дионисий (Валединский), бывший Варшавский, Вольнский и всей Польши. Воссоединился и преставился на своих кафедрах: митрополит Брюссельский и Бельгийский Александр (Немоловский); архиепископ Филадельфийский и Карпато-Русский Адам (Филипповский), заместитель Патриаршего Экзарха; архиепископ Эдмонтонский и Канадский Пантелеимон (Рудык), брат митрополита Варшавского Стефана; епископ Сан-Францисский Дионисий (Дьяченко). В Болгарии скончался воссоединенный с Матерью-Церковью архиепископ Серафим (Соболев), окормлявший русские приходы в Софии.

В разное время возвратились, занимали архиерейские кафедры или пребывали на покое в монастырях блаженной памяти иерархи: митрополит Вениамин (Федченков), бывший Патриарший Экзарх в Северной и Южной Америке; митрополит Серафим (Лукьянов); митрополит Нестор (Анисимов); митрополит Виктор (Святин); архиепископы: Сергей (Королев), Антоний (Марценко), Димитрий (Вознесенский), Ювеналий, в схиме Иоанн (Килин), Симон (Ивановский), Алексий (Пантелеев), Иоанн (Лавриненко), Гавриил (Огородников), Иннокентий (Сокаль); епископы: Никандр (Викторов), Феодор (Текучев), Алексий (Дехтерев), Антоний (Васильев) и другие.

Приведенный выше внушительный список может служить наглядным подтверждением того, что Святейший Патриарх Алексий уже вошел в историю Русской Церкви как патриарх-миротворец, как примиритель и собиратель вверенного его окормлению словесного стада, умевший терпеть, ждать и «покрыть любовью» (и это было излюбленное его выражение) былые недоразумения, временные расхождения, любые расстояния или вызванную обстоятельствами разобщенность. Вероятно, никто не мог бы отдать должного его приветливости, дружелюбности и такту в такой полной мере, как святители, бывшие когда-то географически или психологически далеко от него и находившие у него затем такую радушную симпатию, уважение, деликатность и всегда ровное, братское отношение.

8. Возобновление богослужения в Троице-Сергиевой Лавре

С именем Святейшего Патриарха Алексия неразрывно связано восстановление Троице-Сергиевой Лавры. Через год после принятия им патриаршего титула, в Успенском соборе Лавры, в день Великой Пятницы, было совершено первое богослужение с выносом плащаницы. Храм был переполнен молящимися.

В пасхальное Воскресение 1946 года назначенный наместником Лавры архимандрит Гурий (Егоров) послал следующую телеграмму Патриарху Алексию: «Священнослужители и богомольцы молятся в Успенском соборе у раки Преподобного Сергия о Вашем Святейшестве и о всей Православной Церкви. Христос Воскресе!».

Святейший Патриарх ответил также телеграммой: «Христос Воскресе! С чувством особого умиления восприняли мы весть о восстановлении богослужения в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Радость великого праздника Воскресения Христова ныне усугубляется для нас радостью этого светлого лаврского торжества. Да будет сия Пасха поистине Пасхой избавления от скорби и непрестающей радости для всех притекающих к раце многоцелебных мошей Преподобного Сергия. Приветствую Вас и в Вашем лице священнослужителей и молящихся, удостоившихся первыми вознести свои молитвы в благодатной Лавре. Да будет простерто над всеми нами благословение Господне молитвами и предстательством Преподобного Сергия и да не забудет Преподобный посещать чад своих по неложному своему обетованию. Воистину Христос Воскресе!».

Историческое значение всего патриаршества Святейшего Алексия заключено в его отношении к Преподобному Сергию. В начале настоящего очерка мы уже говорили об этом его отношении, в котором такую исключительную роль сыграл великий учитель и самого Патриарха (и его отца В. А. Симанского) историк В.О.Ключевский. Надо понять это. Надо постичь, каково было впечатление, произведенное на пятнадцатилетнего мальчика Сергея Симанского речью В.О.Ключевского, произнесенной им на собрании Московской Духовной академии в стенах Троице-Сергиевой Лавры и напечатанной затем в ноябрьском выпуске «Богословского вестника» в 1892 году.

Мы просто не можем не привести некоторых мест из этой речи великого русского историка. Впечатление, произведенное на русского юношу, которому предстояло воспринять преподавание в той же Московской Духовной академии и пострижение в монашество в Лавре Преподобного Сергия с тем, чтобы впоследствии на самый продолжительный срок занять Всероссийский Патриарший престол, было столь значительно, что умолчать об этом впечатлении в его жизнеописании было бы невозможно. И без ссылки на самый источник этого впечатления мы не могли бы дать никакого представления о силе его.

«Пятьдесят лет делал свое тихое дело Преподобный Сергей в Радонежской пустыне, – говорил Ключевский, – целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустытника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом святого старца.

Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем Преподобного Сергия. Один из этих фактов – великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой – целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни. <...>

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарские полчища в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многочисленными костями.

Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что Преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения

князя Дмитрия Донского, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь» – и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах Преподобного Сергия. Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое Преподобный Сергей вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживалось стремление к иночеству. <...>

В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет, 1240–1340 годы – возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340–1440 годов, когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходит в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы...

Впрочем, исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает сама идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром обнаружилась и в другом признаке перелома, в перемене самого направления монастырской жизни со времени Преподобного Сергия. До половины XIV века почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени решительный численный перевес получают монастыри, возникавшие вдали от городов, в глухой лесной пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели монашества – к борьбе с недостатками духовной природы человека – присоединилась новая борьба с неудобствами внешней природы; лучше сказать, что вторая цель стала новым средством для достижения первой. <...>

Преподобный Сергей со своей обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монашеской жизни, «начальником и учителем всем монастырям, иже в Руси», как называет его летописец. Монастыри, основанные учениками Преподобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти монастыри были пустынные монастыри. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам.

До половины XIV века масса русского населения, сбита врагами в междуречье Оки и верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юго-восток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой и непроходимый край, кое-где занятый дикими племенами финнов; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри. «Много было тогда некрещеных людей за Волгой», то есть мало крещеных, говорит старая летопись одного заволжского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынный и пошел туда смелым разведчиком. <...>

Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV века возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории Русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской Церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенцев-хлебопашцев и хозяйственным руководителем, и

судной кассой, и приходской церковью и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась Верхне-Волжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество Преподобный Сергей. Напутствуемые благословением старца, шли борцы, одни на юг, за Оку на татар, другие на север за Волгу на борьбу с лесом и болотом. <...>

Время давно овевало эти дела в народной памяти, как оно же глубоко заматало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками невредимо стоит на поверхности земли.

Чем дорога народу эта память? Что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда.

Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, заведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения – вот в чем состояло это впечатление.

Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна.

Так думали тогда все на Руси, и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказам Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: «Како может в сих странах таков светильник явиться?»

Преподобный Сергей своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших «во тьме и сени смертной», он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. <...>

Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом: таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник – вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к жизни эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни.

Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. <...>

Это имя сохраняло силу непосредственного личного впечатления, какое производил Преподобный на современников и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после того, как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, подтверждает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило – самые ценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите от них его – оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысли об ответственности потомков перед великими народами, предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

Последние шесть строк, которыми оканчивалась речь В. О. Ключевского, выражали с большой точностью настроение Патриарха Алексия. И это его настроение разделял с ним предшественник его Патриарх Сергей. Последний считал, что после окончания Великой Отечественной войны, при его жизни еще не завершённой, необходимо будет возбудить вопрос о возрождении Лавры перед советским правительством.

Вступив на Патриарший престол и пережив величайшую победу нашего оружия, Святейший Патриарх Алексий, разумеется, сразу обратился к нашей государственной власти с просьбой о разрешении растворить ворота Лавры Преподобного Сергия и возжечь лампы над его гробницей. Божественному Промыслу угодно было позволить Святейшему Патриарху Алексию в первый год его патриаршества стать священноархимандритом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и вернуть мощи Преподобного Сергия в их раку в Троицком соборе.

Огромные работы по восстановлению самой Лавры, которые начались еще в 1946 году, не прекращаются и по сей день.

Мы уже отмечали в своем очерке, что почивший Патриарх Алексий любил проводить в стенах Лавры Преподобного многие знаменательные дни своей жизни. День своего рождения 9 ноября Святейший Патриарх обычно находился в обители, где молился и причащался в Крестовом Патриаршем храме святого Филарета Милостивого. И, как мы также отмечали, по просьбе представителей русской церковной иерархии Патриарх согласился на более торжественное празднование своего дня рождения,

когда ему исполнилось 85 лет. Для этого он избрал день памяти преподобного Никона, Радонежского Чудотворца, бывшего учеником и первым преемником Преподобного Сергия.

И так же было отмечено скромное, почти келейное празднование пятидесятилетия епископской хиротонии Патриарха Алексия 11 мая 1963 года и торжественно – в день памяти Преподобного Сергия – 18 июля.

В тот год многие главы и представители Автокефальных Православных Церквей и Римской Церкви и других христианских исповеданий почтили этот день своим присутствием.

Бывший наместник Лавры архимандрит Пимен (Хмелевский) отмечал, что «святые врата Лавры гостеприимно открылись для десятков, сотен, тысяч иностранных и отечественных гостей. Лаврские колокола радостным перезвоном встречали приезжавших, которые, войдя в ворота обители, прежде всего направлялись к древнему Троицкому собору и к святым мощам Преподобного».

22 августа 1946 года наместник Лавры архимандрит Гурий был хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. Вторым наместником возродившейся Троице-Сергиевой Лавры был назначен архимандрит Иоанн (Разумов), прошедший на этом посту семь необычайно деятельных лет (из Лавры он был назначен в 1953 году епископом Псковским и Порховским и в 1972 году был возведен в сан митрополита). Под неустанным деятельным руководством и самого Патриарха и архимандрита Иоанна Лавра реставрировалась и украшалась.

К концу 1946 года был закончен самый срочный ремонт Успенского собора: была промыта средняя большая глава его и четыре боковые синие главы покрашены и покрыты золотыми звездами. Когда в день преставления Преподобного Сергия Патриарх Алексей входил под своды величественного Успенского собора, архимандрит-наместник обратился к нему со следующим словом: «Ваше Святейшество! Великий Господин и Отец наш! Оживотвори своим вдохновением увядающие цветы древней обители сей. Освяти пришествием своим седые своды святылища сего. Видит Преподобный Сергий твою к нему горячую любовь, возвышенную смирением и молитвенными трудами, которые приносишь ты для спасения обители его и всей Православной Церкви. Вниди, Святейший! Отверзты уже врата внешнего и внутреннего храма...».

В конце Литургии Патриарх сказал: «Хозяином нашего торжества является сам Преподобный Сергий. И здесь мы снова имеем побуждение вспомнить о задачах своей земной жизни. Земная жизнь есть время подготовки к вечности. Труден путь на Небо. Среди великих скорбей пролегал он. Но Господь Своєю благодатью помогает нам преодолевать трудности и достичь цели подвигом. В этом шествии к нему Преподобный Сергий – теплый о нас к Богу молитвенник».

Патриарх Алексей лично составил и утвердил для постоянного пользования Устав Троице-Сергиевой Лавры. Об этом Уставе существует запись бывшего наместника Лавры архимандрита Пимена, которую мы и приводим ниже: «Первый параграф Устава указывает, что «устройство монашеской жизни основывается на учении Священного Писания и святых отцов Церкви, а также на врожденном человеку стремлении духа путем самоотвержения достигать высшего нравственного совершенства (глава 1, (2). Все остальные параграфы представляют собой подробное разъяснение того, как путем нестяжания, девства и послушания монах может достигнуть главных целей монашеского жития.

Вторая глава Устава (§ 8–12) посвящена описанию внутреннего устройства Лавры. Она касается обязанностей священноархимандрита – Патриарха, наместника,

Духовного Собора и его членов. Третья глава Устава (§ 13–34) дает сведения об обязанностях должностных лиц Лавры, каковыми являются: казначей, духовник, благочинный, ризничий, эконо́м, келарь, уставщик, регент, эккле́сиарх, свечник, лавочник, пономарь, звонарь, письмоводитель, библиотекарь, просфорник, трапезник, гостинник, больничный, работники мастерских, иконописцы и другие лица из числа братии.

Глава четвертая говорит об условиях принятия в братство Лавры и о первоначальных шагах новопоступившего брата (§ 25–44). Глава пятая содержит подробные правила поведения новоназначенных (§ 45–57). В главе шестой говорится о духовном руководстве и о духовном преуспении иноков (§ 58–65). Глава седьмая посвящена вопросам, касающимся богослужений в Троице-Сергиевой Лавре (§ 66–76).

Глава восьмая говорит о монастырской трапезе (§ 77–82). Глава девятая – о «келейном пребывании», то есть о том, как монах должен проводить то время, что он находится в своей келлии в часы, свободные от послушаний (§ 83–87). В главе десятой сказано о внешних посетителях и о взаимном посещении келлий (§ 88–92). Глава одиннадцатая озаглавлена «Условия отлучки из Лавры» (§ 98–100). Последняя, двенадцатая, глава перечисляет условия увольнения из Лавры (§ 101–104).

Из одного только беглого перечисления вопросов, освещенных Уставом Троице-Сергиевой Лавры, становится ясной глубокая, всесторонняя продуманность положений Устава и его специфическая направленность быть не только формально, но и с определенной высокой благодатной целью всесторонне духовно развивать человека, ставшего на трудный путь отрешения от мира».

В отношении ремонтно-реставрационных работ в Троице-Сергиевой Лавре попечение Патриарха Алексия, как свидетельствует запись архимандрита Пимена, «не прекращалось ни на один день в течение каждого года начиная со времени передачи советским правительством всего комплекса зданий Лавры Московской Патриархии».

Первыми были реставрированы оба соборных храма – Троицкий и Успенский. Троицкий собор – первая каменная церковь в Лавре – был воздвигнут в теперешнем его виде в 1422 году преподобным Никоном, преемником Сергия. Тогда были только что открыты его нетленные мощи.

Преподобный Никон вызвал для постройки, длившейся почти до его смерти, превосходных мастеров. При этом он пользовался энергичной поддержкой большого почитателя и крестника Преподобного – князя Юрия Звенигородского, сына Дмитрия Донского.

В 1422 году Троицкий собор был расписан преподобным Андреем Рублевым и Даниилом Черным с учениками. В частности, в местном ряду иконостаса ранее находилась знаменитая «Троица» Рублева, перенесенная в Третьяковскую галерею, которая была заменена в Троицком соборе превосходной копией Баранова. Оригинал и копия сверкают теперь чистотой и яркостью красок. А в левой части иконостаса помещается другая «Троица», написанная ее автором через полтора-два десятилетия после Рублевской. Ее характерная темная окраска после промывания осталась значительно темнее, чем у Рублева, и это отчетливо видно с солеи собора.

Для временного хранения мощей Преподобного Сергия (ныне находящихся в серебряной раке, пожертвованной императрицей Анной Иоанновной) преподобный Никон при постройке нового собора перенес старый деревянный храм (также освященный во имя Живоначальной Троицы) метров на тридцать к востоку, поставив его на место нынешней Духовской церкви, которая была построена в 1486 году как Троицкий храм, но не с 1641 года, как указывают древние лаврские книги, ставшая уже называться храмом Сошествия Святого Духа.

15 мая 1559 года в присутствии царя Иоанна Грозного, его первой супруги Анастасии Романовны и их двух старших сыновей был заложен Успенский собор, хотя он был окончен и освящен на другой год по смерти его сыном – царем Феодором Иоанновичем. Освящение совершал митрополит Дионисий в день Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа 1585 года. Тогда же были освящены и два придела в этом храме в честь святых, имена которых носили царь и царица: великомученика Феодора Стратилата и мученицы Ирины.

Никоновская церковь построена под Троицким собором в 1623 году. Рядом с Никоновским храмом находится Серапионова палата, построенная в западной половине фундамента Троицкого собора. Она получила свое название по имени Серапиона, архиепископа Новгородского, который скончался 16 марта 1516 года и над гробом которого она была поставлена.

В 1948 году в Серапионовой палате были произведены кровельные работы, с золоченной кровли собора была снята маскировочная окраска. В самом соборе отделаны рамы и двери, устроено калориферное отопление.

«В 1949 году, – писал архимандрит Пимен, – снят елей с живописи XIX века на западной стене и общих столпов, на сводах и в куполе собора. Реставрирована икона Тихвинской Божией Матери со 108 клеймами. Удалением плесени и покрытием олифой сохранены от разрушений иконы местного ряда. В алтарных апсидах восстановлена форма оконных проемов XV века. Для оконных проемов изготовлены новые двойные переплеты и металлические решетки. В 1949 году в церкви святого Никона произведены капитальные реставрационные работы, восстановлен иконостас, сделана из дерева рака и сень над гробницей преподобного Никона, и храм освящен в день памяти преподобного Никона – 30 ноября того же года.

В 1950 году устроены металлические леса для реставрации настенной живописи. Восстановлены надгробия и закончено оформление Серапионовой палаты. В 1951 и 1952 годах в Троицком соборе произведены обширные столярные, малярные, белокаменные и штукатурные работы, а также осуществлена большая работа по реставрации настенной живописи. В 1961 году специальным раствором был промыт купол Троицкого собора от покрывавшей его копоти, а также произведены частичные ремонтные работы.

В 1963 году выполнен ряд капитальных реставрационных работ по восстановлению первоначального вида Никоновского храма. Была разобрана поздняя четырехскатная кровля, опущен до первоначальной высоты купол, удалены кирпичные закладки стен и апсид, восстановлена первоначальная форма позакомарного покрытия из листовой меди, а также раскрыт от закрывавшей его земли и капитально отремонтирован доколь церкви».

В Духовской церкви «в 1948 году были произведены планировочные работы вокруг храма, устроены два кирпичных крыльца, отремонтирован пол, оштукатурены стены, с фасадов сбита старая штукатурка и поверхность побелена известью, внутри установлен иконостас из палисандрового дерева, восстановлена настенная иконопись. В 1949 году отремонтирована и покрашена кровля. В оконные проемы барабана и купола вставлены оконные переплеты, отремонтированы и покрашены подкупольные металлические конструкции. Отремонтирована и окрашена глава. Медный пояс и звезда на главе заново вызолочены сусальным золотом.

В 1950–1952 годах восстановлены надгробия митрополиту Филарету, митрополиту Плутону и Максиму Греку. В 1960 году произведены работы по очистке орнамен-

тального пояса, проходящего по фасадам. С сентября по декабрь того же года производилось восстановление звонницы и позакомарного покрытия; разобрана поздняя кирпичная кладка по стенам церкви и поздняя четырехскатная кровля, раскрыты проемы звонницы, восстановлены срубленные формы кокошников, подвешены колокола, в ките на западном фасаде восстановлена икона «Нерукотворный Спас».

В Успенском соборе в 1946 году были проведены значительные работы по ремонту кровли и куполов. С центрального купола была снята маскировочная окраска, поставлен ранее сорванный бурей крест, четыре других купола были покрашены, позолоченные звезды были отмыты от позднейших закрасок. Внутри собора на столпах отреставрировано 16 икон. Фасад побелен известью. В 1948 году отреставрировано 8 икон местного ряда иконостаса, а также все иконы Царских врат. Резная сень над престолом в алтаре реставрирована и позолочена сусальным золотом. В 1949 году реставрирована живопись 66 икон четырех ярусов иконостаса, восстановлена и укреплена позолота икон. Восстановлена металлическая ограда вокруг собора и центральной аллеи с одновременным восстановлением полуразрушенного кирпичного цоколя ограды. В 1950 году позолочены сусальным золотом кресты пяти куполов и звезды четырех куполов. Окрашена кровля и четыре купола, а главный купол заново промыт.

В 1952 году полностью восстановлена подземная церковь в честь Всех святых, в земле Российской просиявших, в ней устроен каменный пол, иконостас, отремонтированы надгробия над похороненными там митрополитами».

Необходимо отметить также, что именно в храме Всех святых, в земле Российской просиявших, похоронен в 1970 году и сам Святейший Патриарх Алексий.

В Успенском соборе возобновлена роспись всех трех папертей. «Произведены геологические исследования устойчивости столпов в связи с деформацией и образованием трещин в сводах. Трещины по сводам зачеканены металлическими клиньями и оштукатурены.

В 1953 году произведены асфальтовые работы вокруг собора, а также укреплен фундамент и произведены реставрационно-живописные работы. В 1959 году у южной, западной и северной папертей устроены гранитные ступени взамен пришедших в негодность кирпично-цементных. В 1960 году произведен частичный ремонт кровли и кровельных креплений. Местами реставрированы наружные настенные росписи».

Помимо соборных храмов между 1946 и 1968 годом отремонтированы другие храмы Лавры: колокольня XVIII столетия, потребовавшая из-за огромных своих размеров особенно много работы. Проверка и ремонт колоколов, покраска всего сооружения, замена белокаменных основ, сносившихся за века; обкладка асфальтовыми дорожками и посадка деревьев; устройство лестниц и лифтов, обслуживающих залы выставок и съездов на нижних этажах колокольни, внесли новые элементы во внутренний и внешний облик ее.

Огромные работы были проведены в Трапезной церкви Преподобного Сергия, где установлен иконостас, перевезенный из московского храма Большого Креста: сооружены два новых придела, восстановлена лепка и живопись, старые лестницы заменены гранитными. Заменены также обвалившаяся лепка и живопись на громадных потолках нарышкинского барокко над пространством, вмещающим до шести тысяч молящихся. Одной колокольни и Трапезной церкви, опоясанной громадным гульбищем (под которой помещается нынешний трапезный зал на несколько сот монахов) хватило бы для крупного монастыря.

А надо бы еще посчитать Михеевскую церковь с иконостасом из золоченой решетки и вишневого бархата; надвратный храм святого Иоанна Предтечи, церковь

Смоленской Божией Матери Одигитрии, в подвальном помещении которой, капитально отделанном и украшенным лепкой, был похоронен в 1960 году митрополит Николай (Ярушевич); надкладезную часовню, в которой, как и в Троицком соборе, совершаются постоянные богослужения.

Помимо многочисленных обширных монашеских корпусов, которым за последние годы придан первоначальный вид, произведены громадные работы по восстановлению чертогов императрицы Елизаветы Петровны, в которых помещены возвращенные в Лавру из Москвы (в 1947 – 1948 годах) Московская Духовная академия и Московская Духовная семинария.

В актовом зале (бывших покоями Елизаветы Петровны) восстановлены потолки со стягом, изображающим все победы, одержанные Петром I. Реставрированы наборные паркетные полы. Полностью восстановлена обширная Покровская академическая церковь, провалившаяся было и годами стоявшая без крыши. С 21 мая 1955 года ее древний художественный иконостас, барочная роспись ярких зеленых стен с белым орнаментом, возглавленная высоким витражом Покрова Пресвятой Богородицы, производят чарующее впечатление.* Чертоги были соединены со зданием восстановленной многоэтажной библиотеки Духовных школ новым туннелем, напоминающим коридоры метро. Он облицован мрамором и электрифицирован, как впрочем и вся Лавра.

Духовные школы в несколько сот человек обслуживаются целым рядом корпусов, снабженных всеми средствами современного комфорта.

В городе Загорске (в настоящее время городу возвращено его прежнее название Сергиев Посад. – *Ред.*) выстроены четыре больших жилых корпуса для размещения всех живших прежде в стенах Лавры. Эти постройки осуществлялись согласно постановлению правительства о передаче всех храмов и зданий, расположенных на территории Лавры, в бесплатное и бессрочное пользование Московской Патриархии.

Необходимо отметить еще, что в период между 1948 и 1960 годом восстановлены полностью Патриаршие покои, в которых освящена замечательная Крестовая церковь в честь святого праведного Филарета Милостивого.

Кроме того, в тех же пятидесятых годах восстановлены главные братские корпуса № 2 (Варваринский) и № 1 (Предтеченский), прекрасно отделанные. На площади перед колокольной капитальному ремонту подверглись обелиск, сень, гробница Годуновых. Все башни и стены Лавры ремонтировались по мере их предоставления Церкви. В них разбирались все перегородки, оставшиеся от прежних жильцов, кладка стен, восстанавливались древние формы бойниц. Так были отделаны башни: Пятницкая, Луковая, Сушильная, Утичья, Звонковая, Успенские ворота.

В 1961–1962 годах проводилась реставрация и крепление палат мастера Елисея, расположенных по обе стороны от Святых ворот. Всюду устраивались лестницы, настилались полы. В 1963 году сносился более чем на метр верхний слой земли, что открыло на всю высоту цоколь Троицкого собора и Никоновского храма.

Вся центральная часть Лавры от Святых ворот до Троицкого собора и до Патриарших покоев была затем вымощена белокаменными плитами. Всюду были высажены липы, кустарники, цветы. В саду Академии был установлен памятник почившим профессорам.

Кончина Патриарха Алексия многое оставила все же еще незаконченным в Троице-Сергиевой Лавре. Но в целом Лавра засияла поразительным блеском и красотой.

* После пожара 1986 года Покровский академический храм отреставрирован заново. – *Ред.*

ГЛАВА XI

25 ЛЕТ ВО ГЛАВЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1945–1970)

1. Забота Патриарха Алексия о благолепии церковных служб,
уставном пении и чтении

Нам уже довелось говорить о благолепии церковных служб, с благоговейной и возвышенной простотой совершавшихся Святейшим Патриархом с самого начала его священнослужения – еще с диаконства и прествитерства его. Когда он предводительствовал за каким-либо богослужением, это возглавление сослужащих ему клириков непосредственно и сразу отражалось на всем сонме духовенства и передавалось, как некими волнами благочестия, всему церковному народу, наполнявшему храм у подножия алтаря.

Мы говорили об «особой харизме богослужения», которая дана была Патриарху Алексию. Для такой Церкви, как Русская Православная Церковь, подобный дар, ниспосланный ее Предстоятелю, особенно ценен, так как эту Церковь, думается, с полным основанием можно назвать самой литургической из христианских Церквей. Поскольку Литургия совершается для собора верующих и в ней верные получают благодатную пищу – Тело и Кровь Христовы, чрезвычайное значение приобретает в нашем богослужении связь алтаря со всем храмом, служащих с остальными молящимися. Все верующие, в меру собственного духовного разума, активно участвуют в православном богослужении.

Всякий человек, бывавший в православном храме, мог наблюдать, как за последние десятилетия в особенности самые скромные из мирян шепотом или даже вполголоса то и дело повторяют не только слова молитв, но и возгласы священника. Весь собор верных, весь народ Божий включен в собственную молитву. И духовное усердие, церковное благоговение молящихся тем глубже и тем истовее, чем сильнее передается им священнодействие ведущего службу пастыря. И как раз для этого (а вовсе не для какого-либо внешнего действия и тем более – «эффекта») со святоотеческих времен в Православной Церкви сложены основы богослужебного уставного благолепия и нормы обязательного, отнюдь не театрального благочиния. И о соблюдении этих основ и этих норм всеми клириками окормляемой им Русской Церкви Святейший Патриарх Алексей заботился особенно, по-отечески наставляя духовенство.

В годы архиерейства Патриарха Алексия в Новгородской епархии церковное пение и вообще совершение богослужений были поставлены заботами архиепископа Арсения на высоту, получившую всероссийскую известность и признание. По городам епархии множились школы псаломщиков, регентов и церковных певчих; в благочиннических округах устраивались певческие праздники с конкурсами и соревнованием хоров. В самом Новгороде хоры многочисленных церквей епархиального города были на самом высоком уровне. Что же касается хора Софийского собора, называвшегося «хором Его Высокопреосвященства», то он соперничал со столичными певческими капеллами и знаменитым Синодальным хором.

Епископ Алексей привык к совершенному, но строго уставному пению. Петроградские церковные хоры выдвинули целый ряд выдающихся регентов. Постепенно, однако, хоры стали проникаться светским духом. Занимая Ленинградскую митрополичью кафедру с 1933 года, Патриарх неоднократно обращался к настоятелям ленинградских храмов с требованиями более строгого контроля над исполнением в церковных хорах.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, в день Сретения Господня (2/15 февраля 1941 года), последовало распоряжение митрополита Алексия благочинным Ленинграда, в котором говорилось:

«Несколько лет назад мною было предложено к исполнению настоятелям и исполнительным органам церквей упорядочить вопрос о церковных хорах, которые, в ущерб выполнению церковного устава, заботились главным образом о том, чтобы производить эффект, поражать своим художественным театральным пением, чуждым духа церковности.

На первых порах были приняты меры к урегулированию церковного пения в направлении данных мною указаний, но постепенно все пошло по-прежнему. И теперь, как и раньше, можно слышать у нас в храмах пение искусственное, театральное, в то время как то, что является основным в богослужении – псалмы, стихиры, каноны, – сокращается до последней степени.

Необходимо снова напомнить, что целью наших богослужений является не создание музыкальных эффектов и не подражание операм и концертам с их сольными и прочими «номерами», а молитвенное настроение, вызываемое содержательными и умирительными церковными песнопениями. <...>

Для этого не нужны многолюдные хоры, не нужны и те огромные средства, которые на них тратятся. Как раз то, на что употребляется столько усилий и столько времени, а именно: молитвы – «Ныне отпускаеши», «Великое славословие», «Свете тихий» за праздничным всенощным бдением, а также – «Отче наш», «Верую» за Литургией, должны петься самым простым напевом, требующим не столько искусства, сколько благочестивого чувства. И для этого не нужно ни больших хоров, ни приглашения особых гастролеров, ни каких-либо особенных голосов.

Должен сказать, что и многие верующие, проникнутые духом церковности и понимания истинной красоты богослужения, неоднократно и настойчиво, особенно за последнее время, выражали мне неодобрение такому искусственному пению, растягивающему богослужение и не дающему молитвенного настроения. Такого рода замечания не должны игнорироваться нами.

Предлагаю обратить на это серьезное внимание и отцам настоятелям следить за выполнением певцами того минимума церковного устава, который должен соблюдаться и в приходских храмах, с сокращением до последней степени так называемого партесного пения.

Необходимо подумать и о сокращении невероятных расходов на пение, так как верующие приносят свои жертвы в храм не для того, чтобы слушать концерты, а для того, чтобы вся обстановка храма и богослужения помогала им молиться»⁷³.

В 1946 году, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, уже по избрании своем на патриаршество, Святейший Патриарх Алексей обратился с посланием к настоятелям храмов города Москвы с руководящим указанием о совершении богослужения. И на вопросе о церковном пении Патриарх вновь останавливался с особым вниманием. Он всегда решительно отвергал влияние светского, нецерковного духа на церковную и богослужебную жизнь. И в беседах он часто напоминал, что пение в храме выражает соборную молитву народа Божия, возносящего хвалу и моление Богу «едиными усты и единым сердцем». Он напоминал, что Православная Церковь не допускает, в частности, никакой музыки, переданной рукотворными инструментами. Даже церковные колокола и древние била, благовест которых был предназначен призывать верных в храм в положенное для соборной молитвы время, водружались вне самих храмов на колокольнях и звонницах. И самые слова «церковная музыка» – выражение

нецерковное. Речь должна идти о «церковном пении», «богослужбном пении» и «песнопениях» – словах, вошедших в наш благоговейный народный обиход. А церковное пение должно быть прежде всего именно церковным.

«Об этом много говорилось, – писал Святейший в своем обращении в 1946 году, – но пока результатов не видно. Большая часть молящихся в церкви не является знатоками пения, но спросите у этого большинства, чего оно ожидает от церковного пения и какого пения оно желало бы? И большинство вам ответит: дайте нам такое пение, которое трогало бы сердце, которое вызывало бы у нас слезы умиления, которое бы поднимало наш дух и помогало бы молиться. Народ прекрасно понимает истинный дух и надлежащий тон церковного пения и лучше всякого знатока отличает пение церковное от пения театрального. Зачем ему навязывать то, чего не принимает его молящийся дух? Зачем навязывать ему в лучшем случае наслаждение, притом мирское, душевное, когда он ищет умиления духовного? Если в просьбах наших к людям, от которых мы ожидаем получить то или иное, мы выдерживаем нужный, часто почтительный и, во всяком случае, серьезный тон, то почему в прошениях наших к Господу мы дерзаем брать тон дерзновенных и легкомысленных театральных излияний, исключая всякое благоговение. <...>

Исполнение церковных песнопений в крикливом тоне светских романсов или страстных оперных арий не дает возможности молящимся не только сосредоточиться, но даже уловить содержание и смысл песнопения. Такое пение дает лишь впечатление слуху, но в душе не оставляет никакого следа. Зачем нам гоняться за безвкусным с точки зрения церковной подражанием светскому пению, когда у нас есть изумительные образцы пения строго церковного, освященного временем и традициями церковными? Необходимо отцам настоятелям со вниманием следить за тем, чтобы пение в их храмах было церковное не по названию только, а на самом деле и чтобы в угоду малоцерковным или совсем нецерковным регентам не исполнялись песнопения, чуждые церковному духу. В частности, пение Символа веры и молитвы Господней пусть будет всегда всенародным. Замечается, что в то время как правый хор по большей части, видимо, подготовился к праздничному богослужению, левый хор кое-как справляется с пением ектений и остающихся на его долю песнопений. Это производит жалкое впечатление и, конечно, нарушает торжественность службы. Необходимо в таких случаях так разделять хор, чтобы и правый и левый были более или менее однородны. Если это потребует так называемого лишнего расхода, то ради благолепия следует его произвести».

К теме «О правильной постановке церковного пения в храмах» Святейший Патриарх вернулся два года спустя, в апреле 1948 года, в речи в Московской Духовной академии: «В храме Божиим, – сказал он, – этом доме молитвы, все: и иконография, и чтение, и пение, и самое внешнее и внутреннее устройство храма – все должно служить одной цели: возбуждению и поддержанию молитвенного духа, назиданию и укреплению в вере. Все здесь должно дышать благоговением, возвышенным чувством, духовной красотой, умилять душу, назидать ее, возносить к небу. В особенности это следует сказать о церковном пении, так как пение занимает одно из главных мест в ряду средств духовного воздействия на молящихся в храмах. Церковное пение все состоит из молитвы: кто поет духовную песнь, тот молится. Первые певцы перед престолом Божиим – ангелы Божии и святые. Они день и ночь непрестанно славят Всемогущество Бога, Творца вселенной: «взывают, – как читаем мы в одной молитве в чине литургии святителя Василия Великого, – един к другому, немолчными словословленьми». В подражание ангелам и святым установлено пение и на земных богослужениях Святой Церкви, когда «и силы небесные с нами невидимо служат». И каждое

богослужение неизменно сопровождается пением. Нужно ли поэтому объяснять, почему необходимо принимать меры к тому, чтобы церковное пение вполне отвечало своему высокому значению в православном богослужении? <...>

В древней Церкви так и было. Как сама жизнь древних христиан, когда быть христианином значило то же, что быть святым, так и древние памятники религиозного творчества остаются вечными образцами для позднейших поколений. Такие храмы, как храм святой Софии в Константинополе, такие проповедники, как святитель Иоанн Златоуст, такие песнописцы, как святой Иоанн Дамаскин, Иосиф-песнописец и другие древние творцы церковных песнопений – навсегда останутся идеалами церковного творчества. И в области церковного пения наша Церковь получила богатое наследство от своих предков. Старинные церковные распевы являются лучшим выражением высоких религиозных настроений. Это и понятно, потому что творцами их были люди высокого религиозного духа, подвижники, святые, одаренные тайной познания божественных звуков. И у нас на Руси во многих древних обителях до последнего времени можно было утешаться именно церковным пением, слышать пение так называемых «подобных», прекрасное исполнение осмогласника и так далее. <...>

К величайшему прискорбию приходится сказать, что в настоящее время это почти полностью утрачено. И вместо небесной музыки, какая слышалась в древних строгих и величественных распевах, мы слышим мирское легкомысленное сочетание звуков. И, таким образом, пение в храмах наших, особенно городских, совершенно не соответствует той цели, которую оно должно преследовать, и храм из дома молитвы часто превращается в зал бесплатных концертов, привлекающих «публику», а не молящихся, которые поневоле должны терпеть это отвлекающее их от молитвы пение. Почти забыты древние трогательные церковные распевы – знаменные, греческие, болгарские, киевские – даже в переложениях недавних хороших композиторов. В храме часто слышишь такую музыку, под которой уместно было бы подписать вовсе не те слова, которые поются, так как нет никакого соответствия между словами и музыкой. Такое пение не только не возбуждает молитвенного настроения, но вызывает возмущение у богомольцев и слушается с удовольствием только теми, кто стоит в храме как в театре, и кто пришел сюда не молиться, а ласкать слух привычными светскими мелодиями».

Святейший Патриарх считал увлечение звуковыми «эффектами» в храме кощунственным нарушением самого духа православного богослужения и при всей своей безмятежной незлобивости достаточно сурово обличал некоторые проявления нецерковного поведения в наших храмах.

«Нельзя без негодования видеть, – говорил он, – как часто после пения «Ныне отпускаеши» на всенощном бдении эта «публика» валом валит из храма или как она же устремляется вон после так называемого «концерта» на Литургии перед самым явлением Святых Даров, поклониться которым она считает для себя совершенно излишним. В угоду такой «публике», а не богомольцам регенты изошряются друг перед другом в подыскании и исполнении самых вычурных, самых по их мнению эффектных «номеров», в которых главное место отводится исполнению солистов, причем ради этих мнимых музыкальных эффектов иные композиторы даже имеют дерзость жертвовать текстом песнопений, пропуская слова или наоборот – вводя слова, не имеющиеся в данном песнопении, или же повторяя некоторые слова, хотя на них нет логического ударения. Необходимо отметить, что «публика», ради которой так низкопоклонно стараются иные регенты, вовсе не щедра на пожертвования в пользу храма и хора. И правые хоры, поглощающие львиную долю храмового бюджета, содержатся на лепты тех богомольцев, религиозные требования которых совершенно игнорируются. <...>

Что особенно прискорбно – правые хоры считают своей обязанностью только нотное исполнение некоторых песнопений, а пение стихир, в которых излагается сущность праздника, предоставляется торопливому, невнятному и неумелому исполнению левого клироса, по большей части любителей, поющих без всякой предварительной подготовки, по одной в большинстве случаев книге, с трудом разбирая славянский текст. И так как исполнение «номеров» правого хора занимает много времени, то опускается большая часть стихир и производятся недопустимые сокращения церковного богослужения.

Все вышеизложенное говорит о том, что мы должны обратить самое тщательное внимание на дело церковного пения в наших храмах; что мы не имеем права игнорировать требования церковных людей, чтобы пение церковное соответствовало своей цели; что мы должны сделать все возможное, чтобы изгнать мирской дух из нашего церковного пения, обратиться к древним его прекрасным образцам, столь любезным сердцу верующего и молящегося православного христианина. Почин в этом деле должен принадлежать Москве как церковному центру нашего Отечества».

2. «Поминайте наставников ваших...». Кончина Патриарха Алексия (17 апреля 1970 года, в канун Лазаревой субботы)

Теперь, когда Святейший Алексий – тринадцатый Патриарх Московский и всея Руси – отошел в вечность, поколениям людей, слышавших имя его за его долгую жизнь, придется встречать это имя только в исторических текстах и воспоминаниях: одним – редко, другим – чаще. Пока сменялись в длинном ряду десятилетия земной жизни Патриарха Алексия, современные ему средства информации и связи доводили внешний облик и даже голос его до восприятия зрением и слухом множества людей, а самое имя его – до большинства живших на этом свете. Пусть это имя оставляло равнодушными очень многих. У некоторых оно вызывало симпатию, возраставшую с годами, так как оно было связано с первыми усилиями борьбы за мир, за гармонию и любовь против сил войны, распада и ненависти.

У пасомых его (а многомиллионная паства его была велика, она была самой значительной в православном мире) имя его неизменно вызывало чувство сыновней благодарности к Первосвятителю, который самым бытием своим и бессменным стоянием на челе русской православной иерархии обеспечивал, в условиях не всегда легких и часто сложных, доступ к Таинствам и духовным утешениям Христовой Церкви.

Имя Патриарха Алексия вызывало чувство злобы у иных – у ожесточенных хулителей, унесших с земли своей в человеческое рассеяние никчемный груз камней, чтобы, держа их за пазухой, метать время от времени издали кошунственный булыжный щебень, не долетавший до «источника» патриаршей мантии.

Вечность овладела теперь духом нашего Патриарха, но образ его отразится в человеческих попытках запечатлеть бывшее на земле. Попытки эти сами тоже будут поглощены бесконечностью и необъятностью неисповедимой вечности, но пока поколения человеческими, необратимо чередующимися на пути к эсхатологическому завершению, они понимаются как история. Патриарх Алексий отныне в человеческих глазах принадлежит истории. И это уже обязывает всех взирающих на последование его земного поприща, по-человечески долгое, к невозмутимому лицезрению его святого образа.

Паломнический путь в Бозе почившего Патриарха на этой земле поражает прежде всего тем, что он прошел его при беспрестанном чередовании событий чрезвычайных. И начались они с иночества его в Лавре Преподобного Сергия, развивались в

годы воспитательной педагогической работы в исторических русских городах – Пскове, Туле и Новгороде; развернулись в полный размах и глубину в период епископства в некогда величайшей из русских епархий – Новгородской и на митрополичьей кафедре прежнего «царствующего града» Санкт-Петербурга, героического Ленинграда, и стали затихать только когда на рамена уже маститого Патриарха лег омофор Предстоятеля всей Русской Церкви.

События эти разражались при жизни Патриарха Алексия над всем человечеством, но особенно над его страной, над его народом и даже непосредственно над его личной судьбой, можно сказать, самым потрясающим образом. Две мировых войны, по сокрушительному размаху и разрушительному действию неизведанные еще человеческой историей. Революция, по своим сдвигам, последствиям и историческому значению превзошедшая все перевороты, какие совершались в жизни великих народов. Социальные и национальные преобразования, перекройка географической карты и психологические переоценки во всемирном масштабе, колоссальнейшие потери в жизнях человеческих.

И, наконец, личная вовлеченность во многие трудные и мучительные события, как пребывание в течение многих сотен дней на седьмом десятке лет в осаде в великом городе, лишившемся в этом беспримерном бедствии почти миллиона жителей.

Все это – в пределах времен и сроков, положенных Промыслом Божиим для земного странствования человека, отмеченного великим служением Патриаршим, жизни и деятельности которого посвящен этот очерк.

Слова Святейшего Патриарха Алексия, произнесенные почти за два десятилетия до своей блаженной кончины при посещении могилы маститого Первосвятителя древней Грузинской Православной Церкви Патриарха-Католикоса Каллистрата, о значении долголетия служителей Церкви как дара и благословения Божия, мы можем повторить теперь, склоняясь перед его могилой, и обратить слова эти к нему самому:

«Почивший Святейший Патриарх имел много даров от Бога; имел он и дар Божий – долголетие, ибо долголетие есть подлинно знамение благословения Божия по обетованию Господню: «долголетен будеши на земли» (Исх. 20, 12). Но вот и благословенная долголетием жизнь обрела свой предел; пришествование на земле души христианской, взыскающей града небесного, окончилось; открылась перед нею таинственная дверь вечности и душа скрылась за ней, оставив здесь, как оставляют у входа в дом дорожную одежду, брненное тело, дабы над тем, что есть в нем от ветхого Адама, – исполнился древний суд: «земля еси, и в землю отыдеша» (Быт. 3, 19)».

В том же слове своем у гроба Святейшего Каллистрата в Бозе почивший Патриарх Алексий сказал: «Мы, православные христиане, хорошо знаем, что пути Божии неисповедимы, и как мы постоянно наблюдаем в окружающей нас природе, что созревший плод уже не может держаться на дереве и падает с него, так разумеем и духовный закон, особенно приложимый к верным служителям Таин Божиих, по которому душа, созревшая для вечной жизни, вземется от земли в область небесную».

И еще: «Мы веруем, что возлюбленный Патриарх, всю жизнь свою посвятивший служению Святой Церкви, когда настало время его отшествия, мог сказать Господу, подобно апостолу Павлу: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который дает мне Господь, Праведный Судия, в день оный...» (2 Тим. 4, 7–8)».

Из завещания Патриарха Алексия извлечем несколько строк: «Самая главная просьба ко всем, с кем мне приходилось иметь общение, это просьба о молитве за меня, да примет Господь дух мой в Свои светлые Обители, простив мне вольные и

невольные грехи Своим Божественным милосердием. Сам я, расставаясь с этой временной жизнью и отходя в жизнь вечную, в которую во все периоды моей жизни я глубоко веровал, ни на кого не имею обиды или недоброжелательства, а если кого-либо обидел, прошу меня простить и покрыть любовью и молитвою о душе моей... Паству, вверенную мне Господом в этой жизни, знаемых и незнаемых рабов Божиих, да хранит Господь в мире и благополучии. Верую, что духовное общение наше не прекратится, а по общей нашей молитве усилится и по отшествии моем в вечность».

И как не вспомнить тут слов апостола Павла из Послания к Евреям: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр.13,7). И проричая апостола Иоанна Богослова: «...отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр.14,13).

«Эсхатология – мудрое предвосхищение Конца, за которым идет вечное Начало, – вот единственное, о чем мне надлежит думать», – говорил Святейший, вступив в последнее десятилетие своей почти вековой жизни.

И да будет позволено нам заключить этот несовершенный и неполный очерк о Патриархе Московском и всея Руси Алексии и его времени самого длительного патриаршества в истории нашей Русской Церкви, обратив к нему его же слова, сказанные им в 1952 году своему любимому собрату Патриарху – Католикосу Каллистрату: «Мы веруем, что там, в стране живых: «во благо водворится» душа его, и с любовью и упованием творим о нем молитвы исходные. И поминают его не только его родные и близкие, но и вся его возлюбленная паства; и Русская Церковь... с горячей молитвой склоняется над его могилой и, как к живому, простирает к нему приветствие: Архирейство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

ОТ РЕДАКЦИИ

Александр Львовичу КАЗЕМ-БЕКУ не суждено было завершить начатый труд по жизнеописанию Святейшего Патриарха Алексия I. 21 февраля 1977 года, в возрасте 75 лет, он скончался, пережив Патриарха Алексея на 7 лет.

Автор *Жизнеописания* не успел, а может быть и не стремился, дать полный и исчерпывающий очерк истории непосредственно Патриаршества Алексия (Симанского), так как, очевидно, считал, что этот период жизни Святейшего легко восстановить по обильному количеству исторических памятников, документов и мемуарной литературы. Читатель *Жизнеописания* не найдет в нем подробного освещения жизни Русской Церкви в период 60-х и 70-х годов, ничего не упоминает автор и о хрущевских гонениях на Церковь, и об Архирейском Соборе 1961 года, и многие другие важные события последних десятилетий жизни Патриарха Алексия I остались за рамками этой работы. Вероятно, будучи ближайшим сподвижником и другом Патриарха Алексия, его доверителем во время откровенных бесед о своей жизни, и в особенности о ранних годах служения Церкви, Александр Львович считал, что этот материал уникален по своей значимости, так как его невозможно восстановить по историческим документам – единственным первоисточником являлся сам Патриарх. Естественно поэтому, что в *Жизнеописании* особое внимание уделяется воспоминаниям самого Святейшего.

Интерес к личности Патриарха Алексия, пробуждаемый чтением *Жизнеописания*, по нашему мнению, можно удовлетворить, обращаясь к работам современных исследователей, которые как раз и делают наибольший акцент на Патриаршем служении Святейшего, то есть в основном на периоде 1945–1970 годов. Желаящим более подробно ознакомиться с этим периодом редколлегия «Богословских трудов» рекомендует недавно вышедшее в свет замечательное исследование магистра богословия, протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Церкви», где в главе восьмой «Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Алексии I (Симанском) (1944–1970)» этот период изложен достаточно подробно и объективно. (Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997. – М.: Спасо-Преображен. Валаам. монастырь, 1997. – С. 316–425).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Форма прямого обращения к Синоду была «Ваше Святейшество».

² Иеромонах А л е к с и й (Симанский). Митрополит Филарет о господствующих в современном нравственно-правовом сознании понятиях // Кандидатское сочинение // Вера и Церковь. 1905. I–V.

³ В. О. Ключевский. Очерки и речи // Второй сборник статей: Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства. Изд. Литературно-издательского отдела Комиссарната Народного Просвещения. Пг., 1918.

⁴ Журнал Московской Патриархии. 1970. № 2. С. 28.

⁵ Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1970. № 70–71. С. 90–91.

⁶ Архиепископ Димитрий (Градусов) родился в 1881 году. Хиротонисан в 1943 году во епископа Можайского, затем епископа Ульяновского, перемещен на кафедру Рязанскую с титулом Рязанского и Шацкого (впоследствии Рязанского и Касимовского). В 1947 году назначен архиепископом Ярославским и Ростовским. Преставился в 1956 году, 10 апреля, за шесть дней до блаженной кончины приняв схиму с именем Лазаря.

⁷ Журнал Московской Патриархии. 1945. № 3. С. 25.

⁸ Имение Симанских «Екатерининское» находилось в 50 километрах от Пскова и в 40 километрах от пушкинского Михайловского.

⁹ Весной 1905 года Святейший Синод сообщил императору Николаю II, что он находит необходимым созыв Всероссийского церковного собора, результатом чего явился рескрипт на имя первоприсутствующего члена Синода митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) от 27 декабря 1905 года, разрешавший приступить к подготовке созыва такого собора. Поэтому в марте 1906 года и было открыто совещание при Синоде, получившее название Особого присутствия, из 20 церковных и общественных деятелей и ученых – епископов, священников, профессоров Духовных академий и университетов. Труды «Присутствия» были выпущены в 1906–1907 годах в шести томах. Когда в 1907 году Синод вновь обратился к государственной власти, испрашивая разрешение созвать подготовленный трудами «Особого присутствия» собор, ему в этом разрешении было отказано. Известная резолюция по этому поводу гласила: «Нахожу созыв собора неблагоприятным. Предоставляю себе право, по образу византийских императоров, созвать собор, когда найду его благоприятным». Эта резолюция совпала по времени с роспуском II Государственной думы, которая была закрыта (через четыре месяца после ее созыва) в том же 1907 году.

¹⁰ Архимандрит Евдоким (Мещерский) был инспектором Московской Духовной академии с 1896 года. В 1903 году назначен ее ректором (преемником епископа Арсения (Стадницкого). Хиротонисан во епископа Волоколамского в 1904 году и в 1909 году назначен викарием Тульской епархии с титулом епископа Каширского. В этот период сотрудничал с архимандритом Алексием (Симанским), с 1906 по 1911 годы бывшим ректором Тульской семинарии. В 1914 году был назначен архиепископом Алеутским и Североамериканским. После Всероссийского Собора 1917–1918 годов был архиепископом Нижегородским и Арзамасским.

¹¹ Игуменья московского Новодевичьего монастыря Леонида (Озерова) была родной сестрой бабушки Святейшего Патриарха Алексия (матери его отца) Анны Петровны Симанской (урожденной Арцибашевой).

¹² Эта комната – ныне мемориальная – в «Хоромах» Московской Духовной академии в настоящее время входит в состав музея памяти Святейшего Патриарха Алексия.

¹³ Слово это по содержанию и по форме замечательно. Но в рамках настоящего труда не представляется возможным привести его полностью, так как это поучение не кратко. Оно, конечно, заслуживало бы быть напечатано во всем его тексте (цит. по: Тульские епархиальные ведомости. 1909. № 23).

¹⁴ Архиепископ Ярославский и Ростовский Сергей (Ланин) родился в 1852 году в Москве. После обучения в гимназии и Московской семинарии окончил Московскую Духовную академию в 1878 году. Принял монашество в 1880 году и рукоположен во иеромонаха в 1882 году. В

сане архимандрита назначен ректором Костромской семинарии. Переведен на ту же должность в Симбирскую семинарию в 1890 году. Наместник Киево-Печерской лавры в 1893–1896 годах. Хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии в 1896 году. Епископ Псковский и Порховский в 1902–1903 годах. Архиепископ Ярославский и Ростовский в 1903 году. Преставился в 1904 году, погребен в Успенском кафедральном соборе города Ярославля.

¹⁵ О митрополите Владимире (Богоявленском) см.: с. 89–90, 94, 96.

¹⁶ Полного текста диссертации, к сожалению, не сохранилось.

¹⁷ См. с. 15–16.

¹⁸ Архиепископ Борис (Шипулин) родился в 1874 году. Инспектор Курской Духовной академии в 1902–1904 гг. Инспектор Псковской семинарии – 1904–1905 гг. Ключарь Синодальной ризницы – 1906–1909 гг. Ректор Московской семинарии в сане архимандрита в 1912 году. В том же году хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. В 1915 году епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии; в 1921 году – епископ Уфимский; в 1927 году – архиепископ Тульский; в 1936 году – архиепископ Ташкентский. Преставился в 1937 году.

¹⁹ Архиепископ Борис (Шипулин) не вступил в управление Олонецкой епархией и не выехал в Петрозаводск. Впоследствии назначен на Ташкентскую кафедру.

²⁰ Архиепископ Ювеналий (Масловский) родился в 1878 году в Орловской губернии. Получив среднее образование в Орловской гимназии, поступил в Казанскую Духовную академию, по окончании которой в 1903 году принял монашество. В 1903–1904 годах служил в Русской Духовной Миссии в Урмии (в персидском Азербайджане). В 1904 году назначен преподавателем в Псковскую семинарию. В 1906 году в сане игумена назначен настоятелем Спасо-Елеазаровской пустыни (названной в XV веке на реке Толбе у Псковского озера). Эта небольшая обитель с тридцатью насельниками, традиционно отличавшаяся строгостью монашеской жизни, обрела известность перепиской ее инока Филофея, в письмах к псковскому дяку Мисюре Мунехину выдвинувшего идею и теории о Москве – Третьем Риме. В 1910 году в сане архимандрита отец Ювеналий был назначен настоятелем новгородского Юрьева монастыря. В 1914 году хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. В 1917 году – епископ Тульский и Белевский. Член Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. В 1923 году – архиепископ Курский и Обоянский, в 1928 году – архиепископ Рязанский и Зарайский (впоследствии Рязанский и Шацкий). Преставился в 1937 году. Архиепископ Ювеналий стал одним из выдающихся русских литургистов. Он автор монументального труда «Архиерейский торжественник» об архиерейском богослужении (в шести томах и 416 главах на 3000 страницах), составившегося в течение семи лет на основе материалов уникальных собраний Торжественников и Чиновников московского Успенского собора, новгородского Софийского, нижегородского Преображенского и холмогорского Преображенского соборов.

²¹ Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 19. С. 448.

²² Храм Тульской Духовной семинарии был посвящен Ипостасной Софии – Премудрости Божией.

²³ Речь Святейшего Патриарха Алексия при открытии в Москве Богословского института и Богословско-пастырских курсов 14 июня 1944 года.

²⁴ Архиепископ Парфений (Левицкий) родился в 1858 году в Полтавской губернии. В 1894 году – инспектор Вифанской Духовной семинарии. В 1895 году – ректор той же семинарии в сане архимандрита. В 1897 году – ректор Московской семинарии. В 1899 году хиротонисан во епископа Можайского, второго викария Московской епархии. В 1901 году – первый викарий в той же епархии. Председатель комиссии по переводу Четых-Миней с церковно-славянского языка на русский. В 1904 году – епископ Подольский и Брацлавский. В 1908 году – епископ Тульский и Белевский. В 1911 году – архиепископ и член Святейшего Синода. В 1920 году – архиепископ Переяславский и Полтавский. Преставился в 1921 году.

²⁵ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) родился в 1846 году в Тамбовской губернии. По окончании Тамбовской Духовной семинарии (в 1866 году) и Казанской Духовной академии (в 1870 году) был преподавателем в Казанской академии (1871–1879 гг.). Редактор журнала «Православный собеседник» с 1879 года. В 1883 году пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. В том же году возведен в сан архимандрита.

В 1884 году – инспектор Казанской Духовной академии, в 1885 году переведен на ту же должность в Санкт-Петербургскую академию. В 1887 году – ректор Санкт-Петербургской академии. В мае 1887 года хиротонисан в Троицком соборе Александро-Невской лавры во епископа Зыборгского (в то время – викария Санкт-Петербургской епархии). В 1892 году – архиепископ новоучрежденной епархии Финляндской. С 1898 года – митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский и первенствующий член Святейшего Синода. Доктор церковной истории. Почетный член Санкт-Петербургской, Московской и Казанской академий. Преставился 2 октября 1912 года.

²⁶ Святитель Тихон Задонский, всея России чудотворец, родился в 1724 году в Новгородской епархии, учился и учительствовал в Новгородской Духовной семинарии, был епископом Воронежским и Елецким, преставился в Богородицком монастыре в Задонске в 1783 году, причислен к лику святых в 1861 году.

²⁷ Преосвященный Андроник (Никольский) пробыл епископом Омским и Павлодарским до 1914 года, когда был перемещен архиепископом Пермским и Соликамским.

²⁸ Преосвященный Иоанникий (Дьяков) в 1916 году был назначен епископом Олонецким и Петрозаводским.

²⁹ В. М. Скворцов. Новый пир веры в Великом Новгороде // «Колокол». 1913. 1 мая.

³⁰ Архиепископ Никон (Рождественский) родился в 1851 году в Московской губернии. Окончил Московскую семинарию в 1874 году. Принял постриг в 1880 году. С 1893 года – казначей Троице-Сергиевой Лавры в сане архимандрита. Хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии в 1904 году. В 1906 году – епископ Вологодский и Тотемский. В 1907 году – член Государственного совета от духовенства. В 1912 году освобожден по болезни от управления епархией с назначением (в силу пятилетнего пребывания в Государственном совете) членом Святейшего Синода и представителем Издательского совета при нем. В сане архиепископа с 1913 года. Перезбран в Государственный совет в 1915 году. Преставился 30 декабря 1918 года.

³¹ Архиепископ Евсевий (Гроздов) родился в 1866 году. Закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию в 1890 году. Инспектор Виленской семинарии в 1899 году. Ректор Ярославской семинарии в сане архимандрита в 1903 году. Хиротонисан во епископа Угличского, викария Владимирской епархии в 1906 году. Епископ Псковский и Порховский в 1912 году. Архиепископ с 1918 года. Преставился в 1929 году.

³² Митрополит Вениамин (Казанский) родился в 1878 году в Олонецкой губернии. В 1893 году поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1896 году принял монашество и был рукоположен во иеродиакона и в том же году – во иеромонаха. В 1897 году, по окончании Академии, назначен преподавателем в Рижскую семинарию. В 1898 году – инспектор Холмской семинарии, в 1899 году перемещен на ту же должность в Санкт-Петербургскую семинарию. В 1902 году возведен в сан архимандрита и назначен ректором Рижской семинарии. В 1905 году перемещен ректором в Санкт-Петербургскую семинарию. В 1910 году хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1917 году Епархиальным съездом Петроградской епархии избран архиепископом Петроградским и Ладужским. В том же году возведен в сан митрополита. Преставился в 1922 году.

³³ Архимандрит Варсонофий (Лебедев), Новгородский епархиальный миссионер, в январе 1917 года стал викарным епископом Кирилловским. Его архиерейская хиротония была первой, в которой в сонме епископов участвовал Патриарх Алексий.

³⁴ Архиепископ Анастасий (Добрадин) родился в 1828 году в Новгородской губернии, был епископом Старорусским (викарием Новгородской епархии), затем епископом Калужским и Боровским. Скончался архиепископом Воронежским и Задонским 1 мая 1913 года.

³⁵ Епархиальный дом в Новгороде был крупнейшим зданием города, сооруженным архиепископом Арсением (и на Епархиальном съезде названном в его честь Арсениевским) для размещения учреждений епархии, Новгородского Духовного училища, съездов и конференций.

³⁶ Участвовавший в архиерейской хиротонии Патриарха Алексия (см. с. 61).

³⁷ Новгородские епархиальные ведомости. 1917. № 3, февраль.

³⁸ Как уже было упомянуто выше, Святейшему Синоду была лишь предоставлена возможность рассмотреть в 1906 году вопросы, связанные с Поместным Собором Русской Церкви. «Особое присутствие», образованное Синодом с этой целью, провело весьма значительную

работу по подготовке созыва Собора. В 1907 году Синоду было отказано в созыве Собора, но в 1912 году на его повторную просьбу последовало разрешение продолжить изучение этой проблемы. С 1912 года над этим, таким образом, работало «Предсоборное совещание». Отсрочки, продиктованные властью, не давали возможности созвать самый Собор, но длительная подготовительная работа «Предсоборного присутствия» 1906 года и «Предсоборного совещания» 1912 года оказалась ценной и полезной. Она составила в общей сложности одиннадцать толстых томов крупного формата. Эта документация была использована при созыве Собора в 1917 году.

³⁹ См. сноску 25 на с. 50.

⁴⁰ Митрополит Владимир Киевский и Галицкий (Богоявленский) родился в 1848 году в Тамбовской губернии. Окончил Тамбовскую гимназию в 1869 году, Киевскую Духовную академию – в 1874 году. Преподаватель Тамбовской Духовной семинарии и Тамбовской гимназии в 1874–1881 годах. Рукоположен в иерея в 1882 году. Благодичный тамбовских городских церквей в 1883–1886 гг. Пострижен в монашество в 1886 году. В том же году возведен в сан архимандрита с назначением настоятелем Троицкого монастыря в городе Козлове. В октябре 1886 года перемещен настоятелем в Антониев монастырь в Новгороде. 13 июля 1888 года хиротонисан в Троицком соборе Александро-Невской лавры во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В 1891 году – епископ Самарский и Ставропольский. В 1892 году – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. Митрополит Московский и Коломенский в 1898 году. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, первенствующий член Святейшего Синода в 1912 году. С 23 ноября 1915 года – Митрополит Киевский и Галицкий с сохранением должности первоприсутствующего в Святейшем Синоде. В августе 1917 года единогласно избран почетным председателем Всероссийского церковного собора. Трагически преставился 24 января 1918 года, пав от руки оставшегося неизвестным убийцы (был застрелен в спину).

⁴¹ Митрополит Петроградский и Ладожский Питирим (Окнов) родился в Риге в 1858 году. По окончании Рижской гимназии закончил Киевскую Духовную академию и принял монашество в 1883 году. Преподавал в Киевской семинарии, инспектор Ставропольской семинарии в 1887 году, ректор в сане архимандрита той же Семинарии в 1890 году. Ректор Санкт-Петербургской семинарии с 1891 года. В 1894 году хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. В 1896 году – епископ Тульский и Белевский. В 1904 году – епископ Курский и Белгородский, с 1905 года – епископ Курский и Обоянский. В сане архиепископа – с 1909 года. Архиепископ Владикавказский в 1918 году. Архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии в 1914 году. Митрополит Петроградский и Ладожский – с 25 ноября 1915 года. Уволен на покой 6 марта 1917 года. Преставился 25 марта 1919 года во Второ-Афонском монастыре на Кавказе.

⁴² Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский) родился в 1835 году во Владимирской губернии, в детстве переехал с семьей в Сибирь. Учился в Тобольске в Духовном училище и в семинарии, по окончании которой в 1855 году поступил на службу в Алтайскую Духовную Миссию. В 1861 году принял монашество. Участвовал в устройстве новой обители у Телецкого озера в Чолумшанской долине. В 1864 году наблюдал за печатанием в синодальной типографии в Петербурге первой партии переведенных им на алтайский язык богослужебных книг. В 1867 году повторно занимался изданием новых книг на алтайском языке, продолжая плодотворно работать над переводами и в последующие десятилетия. Возведен в сан архимандрита и назначен начальником Алтайской Миссии в 1883 году. Хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. В 1891 году назначен епископом Томским и Семипалатинским (впоследствии его кафедра была переименована в Томскую и Барнаульскую). В 1895 году – почетный член Казанской Духовной академии. С 1906 года – архиепископ Томский и Алтайский. В том же году – почетный член Санкт-Петербургской академии. С 25 октября 1912 года – митрополит Московский и Коломенский. С 1 мая 1914 года награжден правом предношения креста при богослужении. 20 апреля 1917 года уволен на покой. Преставился 16 февраля 1926 года в Николо-Угрешском монастыре. Погребен в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры.

⁴³ Митрополит Киевский Михаил (Ермаков) родился в 1862 году в Санкт-Петербурге. По окончании Киевской семинарии и Киевской академии принял в 1887 году монашество. Инспектор Орловской семинарии – с 1888 года. Инспектор Санкт-Петербургской академии в сане

архимандрита – в 1891 году. Ректор Волынской семинарии – с 1893 года. Хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии в 1899 году. С 1899 года – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. В 1903 году – епископ Омский и Павлодарский, с 1905 года – епископ Гродненский и Брестский, в сане архиепископа с 1912 года. Проявил героизм, воодушевляя войска при обороне Гродно в 1915 году. Участник Всероссийского собора 1917–1918 гг. Управляющий Киевской епархией в 1921–1922 гг. Митрополит Киевский, Экзарх Украины с 1924 года. Преставился 17 марта 1929 года в Киеве.

⁴⁴ Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким (Левицкий) родился в 1853 году в Киевской губернии. Учился в Киевской семинарии и академии, которую закончил в 1879 году. Принял священство в Риге в 1880 году, где был законоучителем. Пострижен в монашество в 1893 году. Ректор Рижской семинарии в сане архимандрита – с июня 1893 года. Хиротонисан в 1896 году во епископа Балтского, викария Подольской епархии. В 1900 году – епископ Гродненский и Брестский, в 1903 году – епископ Оренбургский и Уральский, с 1908 года – Оренбургский и Тургайский, с 1910 года – епископ Нижегородский и Арзамасский. В сане архиепископа с 1916 года. Участник Всероссийского собора 1917–1918 гг. Преставился в 1921 году.

⁴⁵ Архиепископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский) родился в 1867 году в Тамбовской губернии (близкий родственник митрополита Владимира). Окончил Тамбовскую семинарию в 1888 году. Принял священство в 1890 году. Выпущен из Казанской Духовной академии в 1900 году. Магистр богословия – в 1907 году. Пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита с назначением ректор Черниговской семинарии в 1908 году. Хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии, в 1909 году. С 1911 года – епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии. В мае того же года назначен епископом Черниговским и Нежинским. Возведен в сан архиепископа в 1916 году. Преставился в 1919 году.

⁴⁶ См. сноску 32 на с. 63.

⁴⁷ Архиепископ Сергей (Гришин) родился в 1889 году в Олонецкой губернии. В 1917–1925 гг. Настоятельствовавал в Пафнутиевом Боровском монастыре. В 1927 году хиротонисан во епископа Серпуховского. В 1928 году – епископ Полтавский. В сане архиепископа с 1930 года. В 1932 году – архиепископ Киевский, в 1934 году архиепископ Харьковский. В 1941 году – архиепископ Можайский, управляющий Московской епархией. В 1942 году – архиепископ Горьковский и Арзамасский. Преставился 14 октября 1943 года.

⁴⁸ Митрополит Тверской и Каширский Серафим (Александров) родился в 1867 году в Саратовской губернии. В 1914 году хиротонисан во епископа Кустанайского, викария Оренбургской епархии. В 1916 году – епископ Челябинский. В 1917–1918 гг. – секретарь Епископского совещания Поместного Собора Русской Православной Церкви. В 1918 году – епископ Полоцкий и Витебский, в 1919 – епископ Тверской и Кашинский. С 1922 года – архиепископ, в 1924 году – митрополит, с 1928 года – митрополит Саратовский и Балашовский. В 1938 году – митрополит Казанский и Свияжский. В 1934 году награжден правом предношения креста при богослужении. Преставился в 1938 году.

⁴⁹ Архиепископ Вологодский и Устюжский Сильвестр (Братановский) родился в 1871 году в Ярославле. В 1907 году – настоятель Спасо-Андрониева монастыря в Мо. В 1910 году хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. В 1915 году – епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии. В 1917 году – епископ Верецкий, викарий Московской епархии. В 1920 году – архиепископ Пермский и Соликамский. С 1925 года – архиепископ Вологодский и Устюжский. Преставился 29 сентября 1935 года.

⁵⁰ Митрополит Херсонский и Одесский Анатолий (Грисюк) родился в 1880 году в Волынской губернии. В 1913 году хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. В 1922 году – епископ Самарский и Ставропольский, в 1928 году – архиепископ Херсонский и Одесский. С 1932 года – митрополит. Преставился 10 января 1938 года, погребен в Одесском кафедральном соборе.

⁵¹ Архиепископ Вятский и Слободской Павел (Борисовский) родился в 1867 году во Владимирской губернии. В 1916 году – епископ Суздальский, викарий Владимирской епархии. С 1921 года – епископ Вятский и Слободской. В 1924 году – архиепископ Ярославский и Ростовский. С 1932 года – митрополит. Преставился в 1938 году.

⁵² Архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести) родился в 1870 году в Бессарабской губернии. В 1894 году окончил Кишиневскую семинарию, в 1897–1901 гг. проходил курс Киевской академии. В 1900 году принял монашеский постриг. В 1903 году – инспектор Холмской семинарии, в 1906 году в сане архимандрита – ректор Подольской семинарии. В 1909 году – ректор Донской семинарии. В 1914 году хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. В 1919 году переименован во епископа Нерехтинского. В 1920 году – архиепископ Костромской. В 1921–1922 гг. уклонялся в обновленчество, в 1923 году принес покаяние Патриарху Тихону и восстановлен на Костромской архиерейской кафедре. В 1927 году – член Временного Патриаршего Священного Синода. Преставился в 1934 году.

⁵³ Архиепископ Филипп (Гумилевский) родился в 1877 году в Московской губернии. В 1902 году – псаломщик русского храма во Флоренции (Италия), в 1903 году – в той же должности в посольской церкви в Риме. В 1907 году принял монашество. В 1908 году – инспектор Вифанской семинарии. В 1910 году – ректор той же семинарии в сане архимандрита. В 1912 году – ректор Московской семинарии. В 1920 году хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии. В 1922 году – епископ Балашовский. В 1927 году – архиепископ Звенигородский, управляющий Московской епархией.

⁵⁴ Митрополит Киевский Константин (Дьяков) родился в 1871 году. В 1924 году хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. В 1927 году – архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1932 году – митрополит Киевский, Экзарх Украины. В 1936 году награжден правом предношения креста при богослужении. Преставился 28 октября 1938 года.

⁵⁵ В послании имеется в виду убийство посла Советского Союза в Польше Войкова, совершенное террористом Борисом Ковердой.

⁵⁶ Журнал Московской Патриархии, 1932, № 11–12.

⁵⁷ Журнал Московской Патриархии, 1931, № 1. С. 2.

⁵⁸ Журнал Московской Патриархии, 1943, № 2, октябрь. С. 27–29.

⁵⁹ Журнал Московской Патриархии, 1945, № 4. С. 26–27.

⁶⁰ Гробницы Пересвета и Осляби находятся в ныне действующем московском храме Рождества Богородицы в Старосимоновом монастыре. – *Ред.*

⁶¹ Архиепископ Иоанн (Разумов) родился в 1898 году в Московской губернии. С 1916 года – послушник Смоленско-Зосимовой пустыни при Троице-Сергиевой лавре. В 1923 году – в Богоявленском монастыре в Москве. В 1924 году принял постриг и рукоположен во иеродиакона. В 1928–1936 гг. – иеродиакон каширского Успенского собора. С 1936 года – экономом Московской Патриархии. В 1941–1943 гг. – келейник Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. В 1942 году рукоположен во иеромонаха и возведен в сан игумена, а позднее архимандрита. В 1946 году – наместник Троице-Сергиевой Лавры. В 1953 году хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 1954 года – епископ Псковский и Порховский. В 1959–1960 гг. – епископ Берлинский и Германский, управляющий Псковской епархией. В 1960 году – епископ Псковский и Порховский. С 1962 года – архиепископ. В 1963 году награжден правом ношения креста на клобуке. С 9 сентября 1972 года – митрополит. Преставился 13 января 1990 года.

⁶² Журнал Московской Патриархии, 1945, № 3. С. 25–26.

⁶³ Митрополит Антоний (Романовский) родился в 1886 году. Принял постриг и рукоположен во иеродиакона в 1911 году. В 1912 году – иеромонах. Окончил Киевскую Духовную академию в 1913 году. Преподаватель основного, догматического и нравственного богословия в Тифлисской семинарии в 1913–1918 гг., инспектор той же семинарии в 1918–1921 гг. С 1921 года – благочинный русских монастырей в Грузии. В 1924 году хиротонисан (в Москве) во епископа Эриванского, управляющего Сухумской епархией. С 1927 по 1929 гг. на покое. В 1929–1930 гг. – епископ Донской. В 1931–1935 гг. епархией не управлял. На покое до 1943 года. В 1943 году выполнял поручение Патриарха Сергия по восстановлению евархистического и канонического общения с Грузинской Православной Церковью. С 1945 года – архиепископ Ставропольский и Бакинский. В 1962 году возведен в сан митрополита. Преставился в Ставрополе 7 ноября 1962 года.

⁶⁴ Журнал Московской Патриархии, 1944, № 2. С. 19.

⁶⁵ Архиепископ Можайский Макарий (Даев) родился в 1888 году в Московской губернии.

В 1911 году окончил Вифанскую семинарию. В 1912 году рукоположен во священника, служил в Ризоположенском храме в Москве. В 1944 году принял постриг и хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. В 1946 году назначен председателем Хозяйственного управления при Священном Синоде. В 1951 году возведен в сан архиепископа. В 1957 году награжден правом ношения креста на клобуке. Преставился в 1960 году в Москве и погребен на Ваганьковском кладбище.

⁶⁶ Газета «Известия». 1944. № 253 от 24 октября.

⁶⁷ Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) родился в Олонецкой губернии в 1870 году. В 1899 году окончил Олонецкую семинарию (после курса Петрозаводской гимназии). С 1895 по 1899 гг. обучался в Петебургской Духовной академии, которую закончил с отличием. Был наблюдателем церковно-приходских школ Олонецкой епархии и деятельно способствовал их реорганизации. В 1897 году был рукоположен во священника, в 1907 году возведен в сан протоиерея. В 1911 году – ректор Олонецкой семинарии. В 1918 году переведен в Петроград. В 1928 году – магистр богословия. Во время блокады Ленинграда потерял семью. В 1942 году принял постриг, был назначен настоятелем Саратовского кафедрального собора и в тот же год хиротонисан во епископа Саратовского. В 1943 году назначен управляющим Тамбовской епархией, сохраняя кафедру Саратовскую. В 1944 году перемещен на кафедру Псковскую и Порховскую с управлением епархией Ленинградской и Новгородской. Возведен в сан архиепископа. В 1945 году назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским. В 1948 году – доктор богословия и председатель Учебного комитета при Священном Синоде. В 1948 году награжден правом предношения креста при богослужении. Преставился в Москве 5 ноября 1955 года. Погребен в Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

⁶⁸ Епископ Смоленский и Дорогобужский Иннокентий (Сокаль) родился в 1883 году в Холмской губернии. Образование получил в Варшавском Духовном училище и в Холмской семинарии. В 1910 году окончил Киевскую Духовную академию. В том же году назначен помощником инспектора Курской семинарии. В 1912 году рукоположен во священника и перемещен инспектором параллельных классов Курской семинарии в городе Рыльске. В 1919 году прикомандирован к Русской Духовной Миссии в Палестине. В 1921–1931 гг. – инспектор русских семинарий в Югославии. В 1931–1950 гг. – священник, а затем настоятель русского Троицкого храма в Белграде. В 1945 году указом Святейшего Патриарха Алексия назначен благочинным русских приходов в Югославии. В 1950 году – ректор Саратовской семинарии, в 1953 году перемещен ректором Минской семинарии. В 1956 году – ректор Одесской семинарии. В 1957 году – настоятель смоленского Успенского кафедрального собора. В том же году – магистр богословия. В 1959 году принял постриг и возведен в сан архимандрита. В том же году хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского. Преставился в 1965 году в Смоленске.

⁶⁹ В Воскресенском храме в Сокольниках ныне находится знаменитая Иверская икона Божией Матери.

⁷⁰ Епископ Аржешский Иосиф, представлявший на Соборе Румынскую Православную Церковь, прибыл в Москву лишь к 1 февраля 1945 года и поэтому не упоминался в обращениях и приветствиях в первый день.

⁷¹ Архиепископ Астраханский и Сталинградский Филипп (Ставицкий) родился в 1884 году в Волынской губернии. 6 августа 1916 года хиротонисан во епископа Аляскинского, после чего отбыл к месту служения в Соединенные Штаты. Для участия в Избирательном Соборе Русской Православной Церкви летом 1917 года возвратился на Родину. В 1920 году назначен епископом Смоленским и Дорогобужским. В 1928 году перемещен на Астраханскую кафедру. В 1937 году в сане архиепископа назначен на кафедру Омскую. В 1943 году – архиепископ Астраханский и Сталинградский. Преставился 12 декабря 1952 года в Москве. Тело архиепископа Филиппа перевезено по желанию его паствы в Астрахань, где и погребено в Покровском соборе.

⁷² См. сноску 4.

⁷³ Текст вышеприведенного обращения митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия был воспроизведен в Православном церковном календаре за 1946 год.

К 80-ЛЕТИЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАТРИАРШЕСТВА

Чуть больше года, одного из самых страшных в русской истории, с 15(28) августа 1917-го по 7(20) сентября 1918-го в Москве, с перерывами, проходили заседания Священного Собора Православной Российской Церкви. На Соборе был рассмотрен чрезвычайно широкий круг вопросов, вставших перед Церковью, в том числе и в связи с изменившимся (сначала после февраля 1917-го, а затем после октября того же года) государственным строем. Несмотря на то, что Собор по требованию властей был распущен и не успел полностью завершить свою работу, свое главнейшее решение – о восстановлении Патриаршества – он принял.

Обсуждение этого вопроса началось на 24-м заседании Священного Собора 11(24) октября 1917 года после доклада епископа Астраханского Митрофана (Краснопольского), представившего доклад Отдела Высшего Церковного Управления¹. В этом докладе были сформулированы предложения, касающиеся восстановления Патриаршества². Начались прения. В них – интереснейший, удивительный по богатству мнений, аргументов, исторических параллелей, человеческих эмоций материал. Приведем простые, не претендующие на научность, но идущие от сердца слова только одного участника дискуссии, крестьянина Самарской епархии Тихона Максимовича Гаранина: «Петр Великий оставил Церковь вдовствующею на 200 лет. Если еще и мы оставим Церковь вдовствующею, то какому суду мы будем подлежать? <...> История Русской Церкви научила русский народ учиться не в коллегиальных учреждениях. Она знает Троицкую Лавру, Почаевскую Лавру, Соловецкий монастырь, и кто в этих монастырях, какие святители и подвижники. По ним живем, слышим их голоса. Потом Патриархи Московские, их идеалами живем и движемся. И если бы мы вздумали сказать: «не следует вам Патриарха» – простой народ был бы страшно опечален»³.

А над Россией именно в эти дни уже сгущались зловещие сумерки жесточайших гонений на Церковь. «С 28 октября жизнь в Москве становилась все страшнее и ужаснее. Засверкали в воздухе тысячи ружей и штыков, затрещали ружья и пулеметы, загудели орудия, воздух с зловещим свистом и воем прорезали снаряды и беспощадно разрушали все встречавшееся им на пути», – писал в те дни участник Собора, епископ (впоследствии митрополит) Нестор (Анисимов)⁴.

* ТАРАСОВ Кирилл Кириллович (р. 1948), историк, библиограф. Старший научный сотрудник Сектора истории книги, библиотечного дела и библиографии Российской государственной библиотеки.

Принимал участие в создании крупных библиографических пособий: «Справочники по истории дореволюционной России» (М., 1978), «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (М., 1979 – 1989. Т. 3 – 5), «Книга Русского Зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918 – 1991» (М., 1997. Т. 1), «Православие» (около 3000 названий книг на русском и церковнославянском языках за 1918 – 1993 гг. – находится в производстве). К. К. Тарасов – автор ряда статей в научных сборниках и журналах, в том числе в «Журнале Московской Патриархии».

28 октября (10 ноября), то есть уже после захвата власти большевиками, Священный Собор на своем 31-м заседании, проходившем под председательством митрополита Московского и Коломенского Тихона (Беллавина), будущего Патриарха, принял выработанные Отделом Высшего Церковного Управления четыре «общих положения», в корне меняющих существовавшую систему церковного управления и восстанавливающих Патриаршество⁵. В окончательном виде, с изменениями, внесенными в текст Редакционным отделом Собора, «Общие положения о высшем управлении Православной Российской Церкви» были утверждены на 35-м заседании Собора 4 (17) ноября⁶ и напечатаны в качестве Определения Священного Собора от того же числа. Вот полный текст этого исторического документа:

«1. В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.

2. Восстанавливается Патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом.

3. Патриарх является первым между равными ему епископами.

4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору»⁷.

В литературе, затрагивающей проблему восстановления Патриаршества, приведенный выше текст документа иногда датируют 28 октября, то есть по дате принятия решения, но это, как уже отмечалось, текст Определения от 4 (17) ноября. Дело в том, что документ принимался Собором в двух слушаниях: постатейно – 28 октября, и в изложении Редакционного отдела – 4 ноября. Текст первых двух статей, за которые проголосовали соборяне 28 октября, звучал так: «1. Поместному Собору, периодически в определенные сроки созываемому в составе епископов, клириков и мирян, принадлежит высшая власть в Русской Церкви – судебная, законодательная, административная и контролирующая. 2. Восстанавливается патриаршество, которым возглавляется управление церковными делами Российской Православной Церкви» (третья и четвертая статьи редакционных изменений не претерпели)⁸. Некоторая разница в текстах, как видим, есть. Поэтому, касаясь такого важнейшего вопроса как восстановление Патриаршества в России, желательно быть предельно точным и не путать дату принятия решения (28 октября) с датой соборного Определения (4 ноября), хотя, безусловно, принципиально важным является именно решение Собора от 28 октября 1917 года.

36-м деянием Собора 5 (18) ноября было «Всенародное торжественное собрание Священного Собора в соборном храме Христа Спасителя в богоспасаемом граде Москве в лето от воплощения Бога-Слова 1917-е месяца ноября в 5-й день для избрания и наречения Патриарха Московского и всея России»⁹. В поворотный для России момент в главе Русской Церкви встал Святитель Тихон. При благовестии ему Патриаршества Его Святейшеством были произнесены пророческие слова: «Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: «плач, и стон, и горе», и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез. 2, 10; 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину! <...> Но да будет воля Божия!»¹⁰ И смиренно, с великой любовью к России Святитель Тихон понес тяжелый крест Предстоятеля Русской Церкви.

17 (30) ноября Священный Собор одобрил чин Патриаршего наставления и назначил днем «торжества наставления (интронизации) избранного и нареченного в Патриарха всея России Митрополита Московского и Коломенского Тихона – 21 ноября с.г., в день Введения во храм Пресвятыя Богородицы»¹¹. Соответствующее

Определение принял и Святейший Синод¹². 21 ноября (4 декабря) 1917 года состоялась интронизация Патриарха, проходившая в Успенском соборе Московского Кремля. Именно с этого дня стало совершаться поминание Святейшего Патриарха Московского и всея России (вместо Святейшего Синода) во всех храмах России. 31 января 1918 года (по старому стилю) Священный Собор принимает документ, первая статья которого гласила: «Священный Синод и Высший Церковный Совет вступают в исполнение своего служения с 1 февраля 1918 года и принимают от Святейшего Синода все дела церковного управления»¹³. В этот же день Святейший Синод принял Определение № 273 «О передаче дел Святейшего Синода Святейшему Патриарху, Священному Синоду и Высшему Церковному Совету»¹⁴. Митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) назвал день 1 февраля 1918 года по церковному стилю исторической датой¹⁵. Большое значение этого события отметил и Свяtitель Тихон, выступая 3(16) февраля на открытии соединенного присутствия новых органов Высшего Церковного Управления. Патриарх напомнил, что «14 февраля 1721 года открыт был Святейший Правительствующий Синод и 14-го же февраля (по новому стилю) 1918 года прекратил свои действия»¹⁶. Так, в феврале 1918 года завершился Синодальный период в истории Русской Православной Церкви.

Из сказанного выше можно заключить, что под восстановлением Патриаршества следует понимать не какое-то одновременное решение, а некую цепь взаимосвязанных событий, своего рода процесс, хронологические рамки которого на последнем этапе можно обозначить: 28 октября (10 ноября) 1917 года – 1(14) февраля 1918 года. Весь же путь и к созыву Собора, и к его важнейшему решению был гораздо длиннее – огромная подготовительная работа велась на протяжении более десяти лет, с 1905 года, но это уже предмет другого, специального исследования.

Помимо восстановления Патриаршества Собор рассмотрел и утвердил большое количество важнейших документов, появление значительной части которых и было, в свою очередь, вызвано этим событием. Назовем лишь некоторые из них: «О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете», «О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного Управления», «Об епархиальном управлении», «О правовом положении Православной Российской Церкви», «О православном приходе (Приходский Устав)», «О порядке избрания Святейшего Патриарха», «О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России», «О мероприятиях, вызываемых гонениями на Православную Церковь», «О церковном имуществе и хозяйстве», «О монастырях и монашествующих». Но полностью, как уже отмечалось, работа Собора завершена не была, и часть материалов члены Собора или не обсуждали, или не успели утвердить.

В последние годы документы Собора вызывают огромный интерес не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Это объясняется тем, что многие решения Собора 1917–1918 годов стали особенно актуальными именно в наши дни, когда в России начала активно возрождаться церковная жизнь. Нельзя не согласиться с мнением известного участника Собора А. В. Карташева, который писал: «Авторитет первого Всероссийского Собора 1917 г. ничем не может быть поколеблен... Созданные Собором органы власти и управления и изданные законы, как и всякое законодательство, вероятно, нуждаются в исправлениях и усовершенствованиях, но самый источник этого законодательного творчества, его каноническая полноправность, чистота, беспорочность и компетентность Собора вне всяких сомнений»¹⁷. Опубликованные недавно сборники документов, а также научные исследования показывают, что изучение

материалов Собора в нашей стране действительно начинается. Об этом свидетельствуют, например, крупное исследование протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Церкви, 1917 – 1997», статьи И. К. Симака, другие материалы¹⁸.

Неутомимым зарубежным исследователем документов Собора является немецкий богослов и славист, профессор Гюнтер Шульц, опубликовавший в Германии книгу, целиком посвященную Священному Собору¹⁹.

Уникальным, поистине бесценным первоисточником как для изучения работы Священного Собора, так и самой эпохи являются соборные деяния. Согласно статье 183-й Устава Собора, по каждому заседанию Собора составлялись протокол и соборное деяние. В статье 189-й Устава сказано: «Соборное Деяние излагается или чинами Канцелярии или скорописцами и содержит в себе точную запись всего происходившего на заседании и всех высказывавшихся суждений в строго хронологическом порядке»²⁰. Всего заседаний полного состава было 170. Столько же получилось соборных деяний и протоколов. Все эти материалы находятся в настоящее время в Москве в фондах Государственного архива Российской Федерации (Фонд 3431).

Наиболее полные сведения о публикации деяний помещены на обложке 2-го выпуска 4-й книги (издание 1918 года), что позволяет предположить, что этот выпуск был последним по времени выхода в свет.

К настоящему времени обнаружены все книги и выпуски Деяний, заявленные на обложке этого выпуска как «напечатанные». Приведем их полное библиографическое описание:

Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния [1–82, 104–106, 116–119]. – М.; Пг.: Собор. Совет, 1918. – Изд. не завершено.

Кн.1, вып.1: Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. М., 1918. VI, 144 с.; Кн.1, вып.2: Деяния 1–5. М., 1918. 74 с.; Кн.1, вып.3: Деяния 6–16. Пг., 1918. С. 75–188; Кн.2, вып.1: Деяния 17–19. Пг., 1918. 96 с.; Кн.2, вып. 2: Деяния 20–30. Пг., 1918. С. 97–456; Кн.3: Деяния 31–40. Пг., 1918. 260 с.; Кн.4, вып.1: Деяния 41–45. Пг., 1918. 176 с.; Кн.4, вып.2: Деяния 46–51. Пг., 1918. 184 с.; Кн.5: Деяния 52–65. Пг., 1918. 405,4 с.; Кн.6, вып.1: Деяния 66–70. М., 1918. 116 с.; Кн.6, вып.2: Деяния 71–77. Б.м., Б.г. С. 117–284; Кн.7, вып.1: Деяния 78–82. М., 1918. 144 с.; Кн.9, вып.1: Деяния 104–106. Пг., 1918. 118 с.; Кн.10, вып.1: Деяния 116–119. Пг., Б.г. 147 с.

О нескольких выпусках (книгах) на той же обложке сообщается, что они *печатаются* (Кн.7, вып.2: Деяния 83–90; Кн.8: Деяния 91–103; Кн.9, вып.2: Деяния 107–115; Кн.10, вып.2: Деяния 120–129; Кн.11: Деяния 130–140; Кн.12: Деяния 141–150). К сожалению, их поиски в фондах крупнейших российских и зарубежных книгохранилищ успехом не увенчались. Есть все основания предполагать, что заявленные как *печатающиеся* книги Деяний напечатаны не были (или, по понятным причинам, не вышли в свет) и что к печатанию последних Деяний (151–170), о которых на обложке 2-го выпуска 4-й книги нет никакой информации, вообще не приступали. Как видно из приведенного выше библиографического описания, из 170 Деяний, находящихся в фондах Архива, к настоящему времени опубликованы 89, то есть примерно половина.

По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Новоспаским монастырем в 1994–1996 годах осуществлено репринтное переиздание Деяний (скомпанованное в 6 томах), а также сборника Определений и Постановлений Священного Собора, впервые увидевшего свет в 1918 году. Необходимо отметить, что из опубликованных тогда 89 Деяний, переизданы идущие подряд без пропусков 82, а Деяния 104–106 (Кн.9, вып.1) и 116–119 (Кн.10, вып.1) не переиздавались.

Работу по изучению материалов Собора существенно тормозит то, что остается неопубликованным 81 Деяние. Впереди большая и крайне необходимая работа по подготовке и изданию этих материалов. Такая публикация помимо своей главной задачи, может быть, положит конец или несколько уменьшит количество недобросовестных (или некомпетентных) «ссылок» на те или иные решения или суждения Священного Собора, зафиксированные в документах, находящихся ныне в Архиве. Необходимо ставить вопрос и о напечатании трудов Отделов Собора, отражающих всю подготовительную работу и представляющих не меньший интерес, чем сами Соборные Деяния.

В предисловии к Деяниям сообщается о том, что «все 129 Деяний будут напечатаны к сентябрю 1918 года»²¹. Из этой фразы неподготовленный читатель может заключить, что и самих Деяний было 129. Но их, как мы знаем, было 170. Дело в том, что 129-м было заключительное Деяние второй сессии Собора от 7 (20) апреля 1918 года, но ведь с 6 (19) июля по 7 (20) сентября 1918 года проходила последняя, третья сессия Собора, на которой проходили заседания общего состава (со 130-го по 170-е). Чем же тогда объяснить фразу из предисловия? На мой взгляд, только одним: первый выпуск первой книги Деяний (в котором помещено предисловие) вышел в свет сразу или вскоре после окончания второй сессии Собора (в промежутке между 20 апреля и 19 июля 1918 года), и у профессора В.Н. Бенешевича, который возглавил редакцию издания, не могло быть никакой уверенности в том, что Собору удастся собраться на свою третью сессию.

В переломный момент русской и мировой истории шли заседания Священного Собора Православной Российской Церкви. Выступая на закрытии 3-й сессии (а фактически – и всего Собора) 7 (20) сентября 1918 года с заключительным словом, Святейший Тихон сказал: *«Пресвященные архипастыри, отцы и братие. Есть хорошо известная вам русская поговорка несколько иронического характера: она гласит следующее: "начал за здравие, а кончил за упокой". Я очень счастлив, что в настоящее время мы осуществляем эту поговорку наоборот: начали за упокой, а кончили за здравие. Вы слышали несколько речей ораторов, которые воздавали по заслугам похвалу членам президиума. Священный Собор им действительно воздал должное, но он почитает своим священным долгом принести от лица президиума благодарность и всем простым рядовым членам Собора за их усердную продуманную работу на пользу Святой Церкви. П. И. Астров и Л. К. Артамонов резонно указали на то, что в деле великого строительства церковного имеют значение все члены Церкви. Как в теле имеет значение каждый член, так и в церковном теле дорог и важен каждый работник. И настоящее наше собрание, которое является последним в эту сессию, все же не чуждо, и при сознании нами исполненного долга, некоторой скорби, которая является естественной при разлуке. За год мы уже привыкли друг к другу, сжились, работая вместе, а теперь приходится разъехаться на неопределенное время. Скорбь наша усугубляется тем, что, когда оканчивались предшествующие сессии, назначался определенный срок для начала следующей сессии, а теперь, к сожалению, мы по многим обстоятельствам лишены этой счастливой возможности указать срок, когда мы снова соберемся. Но да послужит для нас утешением то, что как бы ни были сильны препятствия и озлобления, о нас нечется Господь, Который не оставит Своей Святой Церкви. И самое созвание Собора именно в наши дни, когда происходит нечто неслыханное и когда даже иноверцы выражают протест, есть Божие попечение о Святой Церкви, выразившееся в решении тех вопросов, которые были предметом нашего обсуждения. И мы, как и все верующие члены Церкви Христовой, проникнуты сознанием, что Господь не оставит нас немощных без Своей помощи и попечения и в дальнейшие дни, что Он Сам приведет Церковь к тихой пристани. А теперь воздадим Господу Богу*

благодарность за то, что нами или вернее Духом Божиим чрез нас немощных сделано на этом Соборе и вместе с тем будем молиться Ему, чтобы Он пробавил Свою милость ведущим Его – всем истинно верующим, преданным Святой Церкви.

Объявляю настоящую сессию Священного Собора закрытой.*

Необходимо максимально полно выявить все источники – как опубликованные, так и архивные, – которые должны быть положены в основу глубокого, объективного изучения Священного Собора – этого крупнейшего события в жизни Церкви и государства Российского. Надеемся, что материалы сборника будут полезны всем интересующимся отечественной историей – как церковной, так и гражданской.

Помещаемая ниже статья написана выдающимся ученым – историком Церкви, членом Священного Собора Православной Российской Церкви, Председателем Редакционного отдела Собора Степаном Григорьевичем Рункевичем (1867 – † после 1922).

Перу С. Г. Рункевича принадлежит множество опубликованных произведений. Среди наиболее известных: «Алекسانдро-Невская лавра, 1713–1913» (СПб., 1913); «Великая отечественная война и церковная жизнь» (Пг., 1916), «История Минской архиепископии, 1793–1832» (СПб., 1893), «Религиозные мотивы в сочинениях Пушкина» (СПб., 1899), «Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов» (СПб., 1897), «История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. I. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода» (СПб., 1900) (за которую он был удостоен степени доктора церковной истории), «Приходская благотворительность в г. Санкт-Петербурге» (СПб., 1914).

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится личный архивный фонд С. Г. Рункевича. Анкетный лист, составленный не позднее 1920 года²², позволяет проследить основные вехи жизненного пути будущего Председателя Редакционного отдела Собора. 1891 год – окончание Санкт-Петербургской Духовной академии, 1894 – защита магистерской диссертации, 1901 – получение степени доктора церковной истории. В 1900–1911 годы – работа обер-секретарем Святейшего Синода, а с 1911 по 1917 год – помощником Управляющего Синодальной канцелярией. Одновременно шла напряженная научная деятельность: в 1900–1907 годах С. Г. Рункевич – приват-доцент Санкт-Петербургского университета, с 1903 по 1912 год – член Учебного Комитета Святейшего Синода, в 1912–1917 годах – неперменный член Медицинского Совета МВД.

Совершенно особый этап биографии Рункевича – его деятельность (август 1917-го – сентябрь 1918-го) в качестве члена Священного Собора и Председателя его Редакционного отдела. Затем (1918–1920) – участие в работе делегации Высшего Церковного Управления по сношениям с Совнаркомом и, наконец, с 1920-го – работа в качестве научного сотрудника Главархива. Дальнейшая судьба С. Г. Рункевича неизвестна, и публикатор будет благодарен всем, кто поможет уточнить известные и установить недостающие биографические сведения о нем.

Статья С. Г. Рункевича, строго говоря, в пояснениях не нуждается. Она была опубликована в «Православном календаре на 1919 год» и является как бы введением к изучению работы Священного Собора. Эту статью можно назвать кратким пособием для знакомства с организацией деятельности Священного Собора в целом, раскрывающим его

* Публикуемый документ хранится среди материалов последнего, 170-го заседания Священного Собора (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1, д. 173, л. 184 – 186. – Машинопись). – Публикатор К. К. Тарасов.

структуру. Ни в одной из опубликованных позднее работ нет такого четкого и ясного изложения самого механизма работы Собора и принятых на нем решений, как в статье-путеводителе Председателя Редакционного отдела²³.

В публикуемой статье Степана Григорьевича Рункевича сохраняется орфография оригинала.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг.: [В 6 т.] – Репр. воспр. изд. 1918 г. – М.: Новоспаский монастырь, 1994. – Т.2. – С. 225–236. (Далее в сносках – Деяния).

² Деяния. – М., 1994. – Т.2. – С. 231.

³ Деяния. – М., 1994. – Т.2. – С. 313–314.

⁴ Нестор (Анисимов Н.А.), епископ. Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.). – Репр. воспр. изд. 1917 г. – М., 1995. – С.33.

⁵ Деяния. – М., 1994. – Т.3. – С. 9–10.

⁶ Деяния. – М., 1994. – Т.3. – С. 90.

⁷ Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг. Вып.1–4.– Репр. воспр. изд. 1918 г. – М.: Новоспаский монастырь, 1994. – Вып.1. – С. 3.

⁸ Деяния. – М., 1994. – Т.3. – С. 9–10.

⁹ Деяния. – М., 1994. – Т.3. – С. 105–120.

¹⁰ Деяния. – М., 1994. – Т.3. – С. 118.

¹¹ Деяния. – М., 1996. – Т.4. – С. 116–122 (пар.1-я).

¹² Церковные ведомости. – 1917. – № 46/47. – С.419.

¹³ Деяния. – М., 1996. – Т.6. – С. 246.

¹⁴ Церковные ведомости. – 1918. – № 7/8. – С. 37.

¹⁵ Деяния. – М., 1996. – Т.6. – С. 207.

¹⁶ Прибавления к Церковным ведомостям. – 1918. – № 7/8. – С. 323.

¹⁷ Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. – М., 1991. – С. 112.

¹⁸ См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг.: [В 6 т.] (М., 1994–1996); Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг. (М., 1994); Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 /Сост. М. Е. Губонин. – М., 1994. – 1063 с.; Цыпин В.А., протоиерей. История Русской Церкви, 1917–1997. – М., 1997. – 831 с. – (История Русской Церкви. Кн. 9); Смолич И. К. Предсоборное Присутствие 1906 г.: К предыстории Московского Поместного Собора 1917/19188 гг. // Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. – М., 1996. – С. 693–719. – (История Русской Церкви; Кн. 8, 4.2); Смолич И. К. Русская Церковь во время революции: с марта по октябрь 1917 г., и Поместный Собор 1917/1918 гг.: (К истории взаимоотношений между государством и Церковью в России // Там же. – С. 720–743.

¹⁹ Schulz G. Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 – ein unbekanntes Reformpotential. – Göttingen, 1995. – 212 s.

²⁰ Деяния. – М., 1994. – Т.1. – С. 51 (пар. 1-я).

²¹ Деяния. – М., 1994. – Т.1. – С. 2 (пар.1-я).

²² ОР РГБ. Фонд 257 (Рункевич С. Г.). Папка первая.

²³ Эта статья уже была перепечатана в «Журнале Московской Патриархии» (1993. № 9), но плохое качество оригинала привело к появлению в ее тексте отдельных неточностей, которые сейчас устранены.

СВЯЩЕННЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В МОСКВЕ 1917–1918 гг.

Торжественно открытый 15 августа 1917 года Священный Собор Православной Российской Церкви, или, как он первоначально именовался, до установления этого названия Соборным Советом, Поместный Всероссийский Церковный Собор, в 1917 году закончил свои заседания 9 декабря; затем Собор возобновился 20 января 1918 года; 7/20 апреля соборные заседания снова были прерваны, после перерыва начались 6/19 июля и закончены были 7/20 сентября, с назначением срока для будущего очередного Собора на весну 1921 года. При этом Собором сохранены за членами Собора полномочия, и Святейшему Патриарху предоставлено созвать Собор и до 1921 года, во всякое время, по требованию обстоятельств, в нынешнем его составе.

Занятия Собора проходили в заседаниях при полном собрании его членов и в соборных Отделах. Соборные Отделы образываемы были для предварительной разработки подлежавших рассмотрению Собора дел. Результаты своих работ, в форме докладов, при особых докладчиках по каждому докладу, Отделы вносили через Соборный Совет на рассмотрение Собора в полном его составе. Всех членов Собора числилось по списку, составленному в начале Собора, – 541 и в конце – 427. В Отделах, кроме Отделов личного состава и Редакционного, участвовали все члены Собора, изъявившие, по предварительной записи, желание участвовать в работах Отделов; Редакционный же Отдел и Отдел личного состава состояли из членов по избранию Собора, причем кандидаты в Редакционный Отдел, в числе 10, были предложены Соборным Советом.

По каждому из заседаний Собора были составляемы протокол и деяние. Протоколы заключают в себе перечисление всего происходившего в заседании и текст принятых постановлений; деяния же представляют подлинную (почти стенографическую) запись. Всех деяний, как и протоколов, получилось, по числу заседаний полного состава, 170. В Отделах составляемы были протоколы или журналы с более или менее подробным изложением происходивших суждений, причем протоколы и журналы Отделов обнимают собою как отдельные заседания, так и целый ряд заседаний, посвященных одному и тому же предмету.

Доклады Отделов при рассмотрении их в полном составе Собора подвергались переработке, изменениям и дополнениям и после этого по каждому из принятых докладов издаваемы были соборные определения и постановления, обязательные для всех принадлежащих к Православной Российской Церкви. Соборные определения и постановления были печатаемы, по мере их принятия Собором, в «Церковных ведомостях», пока они издавались, и в четырех выпусках «Собрания Определений и Постановлений» Собора, некоторые соборные доклады Отделов не были рассмотрены Собором и переданы на распоряжение в Высшее Церковное Управление, с предоставлением ему [права] вводить их в жизнь полностью или в частях, по его усмотрению.

Деятельность Собора выражалась в издании церковных законоположений и соборных посланий и в актах богослужебного характера.

Законодательная деятельность Собора посвящена была главным образом переустройству церковного управления и установлению нового строя церковной жизни в соответствии с изменившимися ее условиями в зависимости от происшедшего изменения условий жизни государственной и общественной.

Вот перечень соборных определений и постановлений с указанием, в каком выпуске «Собрания» напечатано каждое из перечисляемых законоположений.

1. По общим положениям о Высшем Управлении Православной Российской Церкви (о том, что высшая власть в Российской Церкви – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Собору и что восстанавливается Патриаршество) – 1 (4)*.
2. О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России – 1 (13).
3. О порядке избрания Святейшего Патриарха – 4 (21).
4. О местоблюстителе Патриаршего престола – 4 (8).
5. О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете (о составе и устройстве) – 1 (26).
6. О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного Управления (Священного Синода и Высшего Церковного Совета) – 1.
7. О содержании членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета – 3 (8).
8. О положении и штатах Высшего Церковного Управления – 4 (6).
9. О созыве будущего очередного Собора и о полномочиях членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета – 4 (2).
10. О полномочиях членов Священного Собора 1917–1918 годов – 4 (3).
11. По проекту Положения о временном Высшем Управлении Православной Церкви на Украине – 4 (8).
12. О церковных округах – 4.
13. Об епархиальном управлении. (Гл. 1 – об епархии, ее устройстве и учреждениях; гл. 2 – об епархиальном Архиепископе; гл. 3 – об Епархиальном Собрании; гл. 4 – об Епархиальном Совете; гл. 5 – о благочиннических округах) – 1 (85).
14. Об учреждении новых епархий и викариатств – 4 (7).
15. О викарных епископах – 3 (6).
16. Об уездных собраниях – 3 (4).
17. Об устройстве Варшавской епархии в пределах бывшего Царства Польского – 4 (5).
18. Об изменениях в ст. 80 и 83 соборного определения об епархиальном управлении – 4.
19. О православном приходе. (Введение с приложениями: I – о Богослужении, II – о престольных праздниках и III – о посещении домов. Приходский устав: гл. 1 – общие положения; гл. 2 – о приходском храме; гл. 3 – о причте; гл. 4 – о прихожанах; гл. 5 – об управлении приходскими делами; гл. 6 – о Приходском Собрании; гл. 7 – о Приходском Совете; гл. 8 – о приходских учреждениях; гл. 9 – просвещение населения; гл. 10 – о храмовом и приходском имуществе; гл. 11 – о соборных храмах; (гл. 12 – о кладбищенских храмах и кладбищах; гл. 13 – о союзах приходов) – 3 (177).

* Первая цифра обозначает номер выпуска сборника «Собрание Определений и Постановлений», впервые изданного в 1918 г. и перепечатанного в 1994 г. В скобках указано количество статей в данном Определении или Постановлении. – К.Т.

20. О внутренней и внешней миссии – 3 (46).
 21. О церковном проповедничестве – 2 (10).
 22. О монастырях и монашествующих. Основные статьи общего положения: гл. 1 – братия обители; гл. 2 – должностные лица обители; гл. 3 – Монастырский Совет; гл. 4 – внутренний строй монастырской жизни; гл. 5 – монастырский быт и дисциплина; гл. 6 – монастырское имущество и хозяйство; гл. 7 – образовательные учреждения для монашествующих; гл. 8 – миссионерско-просветительная деятельность монастырей; гл. 9 – благотворительная деятельность монастырей; гл. 10 – монастырское управление; гл. 11 – Епархиальное Монашеское Собрание; гл. 12 – участие монашествующих в Епархиальных Собраниях духовенства и мирян; гл. 13 – Всероссийское Монашеское Собрание; гл. 14 – об ученом монашестве; гл. 15 – Иноческое Всероссийское Церковно-Просветительное Братство – 4 (97).
 23. О настоятеле и просветительной деятельности Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры – 2 (2).
 24. О единоверии (об устройстве и управлении) – 2 (19).
 25. О привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения – 4 (2).
 26. Об управлении духовно-учебными заведениями и церковно-приходскими школами и организации законоучительства для учащихся в светских учебных заведениях – 4 (2).
 27. О восстановлении празднования дня памяти всех святых Российских – 4 (4).
 28. О порядке прославления святых к местному почитанию – 4 (15).
 29. О возведении в священный сан лиц в безбрачном состоянии – 4.
 30. О второбрачии священнослужителей – 4 (3).
 31. О возможности восстановления в священном сане лиц, лишенных сана по суду – 4 (4).
 32. О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью – 3 (22).
 33. О дополнении соборного определения о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью – 4 (3).
 34. По поводу декретов о расторжении брака и о гражданском браке – 2.
 35. Об образовании общецерковной казны и обеспечении содержанием преподавателей и служащих духовных учебных заведений по 1/14 сентября 1918 года – 2(8).
 36. О сборах в общецерковную казну с прошений и документов – 4.
 37. О сборе «Церковная лепта» – 4 (3).
 38. О финансово-хозяйственных церковных учреждениях – 4.
 39. О разделе местных средств содержания приходского духовенства – 2 (9).
 40. О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь – 3 (17).
 41. О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни – 3 (12).
 42. Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания – 4 (11).
- Кроме указанных, Священным Собором изданы были определения, которые по связи с переменами в государственной и общественной жизни или в зависимости от этих перемен не имеют в настоящее время прямого применения, хотя и остаются выражением соборного сознания, авторитетного и действенного. Это:
43. О правовом положении Православной Российской Церкви. Основные положения, долженствующие быть, по признанию Священного Собора, принятыми в государственном строе для обеспечения свободы и независимости Православной Церкви в России – 2 (25).
 44. О церковном имуществе и хозяйстве. (Основные положения) – 4 (11).

45. О преподавании Закона Божия в школе – 2 (5).

46. О церковных школах – 2.

47. По поводу правительственного законопроекта о церковно-приходских школах – 2.

48. Об основных началах преобразования и введении в действие новых штатов православных Духовных Академий – 3 (5).

49. О Духовных Семинариях и Училищах и о Пастырских Училищах – 3 (4).

50. О Женских Училищах Епархиальных и Духовного Ведомства – 3 (4).

Один законодательный акт (51. О сборах с церковных документов – 3) поглощается позднейшим соборным определением более подробного характера (36) и один – 52. Об установлении особого сбора на покрытие расходов по содержанию Собора – 2 (6) – простирал свое действие лишь на 1918 год.

Изданные Священным Собором и Святейшим Патриархом послания, вызванные современными Собору событиями, призывали народ возвратиться к заповедям Христовой веры и к мирной жизни: одно послание призывало ко всеобщему покаянию и одно обращено специально к благовестникам (миссионерам). Собором установлено было молебное пение о спасении Державы Российской и особое покаянное моление.

Каждое постановление Собора, по принятии Собором окончательного его изложения, поступало в соборное Совещание Епископов, состоявшее из всех Епископов – членов Собора под председательством Святейшего Патриарха, для одобрения с точки зрения соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и Преданию Церкви. После подписания его установленным числом епископов оно было обнародуемо в виде соборного определения. Соборное Совещание Епископов, кроме того, составляло из себя Собор Архиереев, который выносил постановления по делам канонизации святых и разного рода богослужебным вопросам и производил суд по делам архиереев.

Каждое дело поступало на Собор через **Соборный Совет**, являвшийся распорядительным органом Собора.

Отделов всех было образовано Собором 23:

1. **Уставный**, занимавшийся разработкой вопросов, возникавших на Соборе по применению соборного наказа или устава к непредвиденным наказом обстоятельствам: о пополнении состава Соборного Совета и Отделов и об утрате членами их своих прав вследствие непосещения заседаний; эти доклады в свое время были рассмотрены Собором. Нерассмотренным остался доклад об осуществлении Собором высшего надзора за деятельностью церковных установлений, предусматриваемого наказом, но без указания способов его осуществления.

2. **Отдел Высшего Церковного Управления** разработал все вопросы, получившие решение в соборных определениях о переустройстве Высшего Церковного Управления (см. список: 1–6, 9, 11, 12, 14), и подготовил доклад, не рассмотренный Собором – о Соборе Православной Российской Церкви и их составе.

3. **Отдел Епархиального Управления** представил доклады для соборных определений о переустройстве епархиального управления и разного рода новых организациях в этой области (13, 15–18, 10), а также по возникавшим на Соборе вопросам о возможности изменений в некоторых статьях изданных соборных определений. Три доклада Отдела с Инструкцией викарным епископам, о делопроизводстве в Епархиальных Советах и о присоединении к Бакинской епархии Дагестанской и Закаспийской областей и русских поселков в Персии – переданы в распоряжение Высшего Церковного Управления, и первые два, с некоторыми изменениями, введены в действие.

4. **Отдел Церковного суда**. По его докладам изданы три соборных определения (31–33); не принято Совещанием Епископов соборное постановление об устройстве

Церковного суда, наконец, судебные и бракоразводные дела, впредь до нового устройства церковного суда, переданы новым органам церковного управления. Отделом приготовлены также доклады: устав о церковных наказаниях, устав об устройстве церковных судебных установлений, общие положения устава церковного судопроизводства и общие положения о производстве дел о расторжении браков, освященных Церковью, и признании их недействительными, по материалам Комиссии Предсоборного Сопосещения.

5. **Отдел благоустройства прихода.** Отделом выработан Приходский Устав (19) и составлена инструкция членам причта, утвержденная, по полномочию Собора, Высшим Церковным Управлением.

6. **Отдел правового определения Церкви в государстве,** дал доклад, послуживший для соборного определения по сему предмету (43).

7. **Отдел Богослужения, проповедничества и храмов** провел четыре своих доклада через Собор (21, 27, 28 и об *Аллилуйи* в покаянном Богослужении), два – через Сопосещение Епископов (о канонизации святителей Софрония Иркутского и Иосифа Астраханского), два – через Высшее Церковное Управление (о Комитете попечительства о русской иконописи и об издании православного церковного календаря в возможно лучшем виде), – и оставил на рассмотрение Высшего Церковного Управления доклады: о церковном богослужебном языке; об упорядочении Богослужения и церковного пения; об изменении Евангельского чтения в Великий Пяток на вечерне и изменениях в чинопоследовании Новогоднего молебствия; о чине диаконского погребения; о литии, певаемой в нужде и обстоянии; о порядке возношений о Державе Российской и воинстве ее и поминовения за богослужением Восточных Патриархов; о сохранении старого стиля для церковного исчисления; об издании точного месяцеслова и внесении в него памятей всех Русских святых, об издании полных и кратких молитвословов; о Патриаршей палате церковного искусства и древностей.

8. **Отдел церковной дисциплины.** Три доклада приняты Собором (25, 29, 30), [доклады] о разрешении священнослужителям носить мирское одеяние и подстригать волосы; о постах; о праве женщин входить в алтарь и о восстановлении чина диаконов – переданы на разрешение Высшего Церковного Управления.

9. **Отдел внешней и внутренней миссии** разработал в трех докладах материал для соборного определения о внутренней и внешней миссии (20), представил доклады об уставе Православного Миссионерского Общества; о Миссионерском Институте и средне-учебных миссионерских заведениях; о миссиях Северо-Американской, Иерусалимской и Корейской; об устройстве Православной Церкви в Финляндии; о представительстве Патриарха Всероссийского пред главами Автокефальных Православных Церквей; о правовом и материальном положении деятелей миссии; о сборе «Миссионерская Лепта».

10. **Отдел единоверия и старообрядчества** выработал положение о единоверии, принятое Собором (24).

11. **Отдел монастырей и монашества.** Кроме двух докладов, прошедших чрез Собор (22, 23), Отдел занимался вопросами, вызываемыми современным отношением к монастырям светской власти.

12. **Отдел Духовных Академий** представил основные начала преобразования и штаты Духовных Академий, принятые Собором (48), а также устав Академий и заключение по проекту монашеской Академии.

13. **Отдел духовно-учебных заведений** дал три различных, в соответствии с изменявшимися обстоятельствами церковной жизни, доклада о типе и управлении

духовных учебных заведений и Пастырских Училищ, а также доклады об Епархиальных женских Училищах и по вопросу об обеспечении учебно-воспитательного состава духовно-учебных заведений.

14. Отдел церковно-приходских школ. Два доклада Отдела вызваны были законом бывшего Временного Правительства о передаче церковно-приходских школ в Министерство Народного Просвещения и послужили материалом для двух соборных постановлений (46 и 47) и один доклад послужил для 9-й главы Приходского Устава – о просвещении населения (19).

15. Отдел преподавания Закона Божия внес на Собор три доклада, причем один доклад – об обязательности преподавания Закона Божия в учебных заведениях – послужил для соборного определения (45), другой – о характере школьного преподавания Закона Божия – был возвращен в Отдел для подробной разработки, и третий – о внебогослужебном и внешкольном просвещении народа – был частью принят Собором, а частью возвращен для дополнительной разработки некоторых вопросов, которая к концу Собора и была исполнена Отделом.

16. Отдел церковного имущества и хозяйства внес три доклада, принятые Собором (44, 35 и 36), доклады об общем плане церковного хозяйства и организации церковного бюджета, о финансово-хозяйственных церковных учреждениях, взаимном церковном страховании, всероссийском церковном кооперативе, всероссийском кредитном союзе приходов, центральном свечном комитете – переданы Собором в распоряжение Высшего Церковного Управления. Кроме того, Отделом были вносимы доклады по разным мероприятиям Собора хозяйственного характера, частью осуществленным, а частью предположенным к осуществлению: о порядке доставления церковных сумм из епархий, об образовании при Отделе финансово-статистической осведомительной комиссии, об образовании особой ревизионной комиссии по приему церковного имущества новыми органами церковного управления. Один доклад был составлен по поводу бывшего законопроекта об отнятии церковных земель.

17. Отдел правового и имущественного положения духовенства. Два доклада – о разделе местных средств содержания духовенства – были рассмотрены Собором и вызвали соборное по сему определение (39) и остались нерассмотренными два же доклада о материальном обеспечении православного духовенства и доклады о правовом положении духовенства и образовательном его цензе, доклад об обеспечении епархиальных и викарных архиереев, переданный Собором на разрешение Высшего Церковного Управления, получил уже разрешение.

18. Отдел устройства Православной Церкви в Закавказье в связи с объявленной грузинами автокефалией своей Церкви представил доклады: по делу о провозглашении грузинами автокефалии своей Церкви, о командировании двух членов Собора в особую Комиссию по церковным делам в Закавказье и об устройении православных церквей в Закавказье и на Кавказе. Последний доклад передан Собором на разрешение Высшего Церковного Управления.

19. Издательский [отдел] представил два доклада] – о средствах и способах осведомления православного населения о деятельности Собора, и два же доклада о способах распространения патриарших и соборных посланий, кроме того, доклад с положением о Церковно-Издательском Совете.

20. Отдел личного состава занимался проверкою полномочий членов Собора.

21. Редакционный [отдел] устанавливал и оглашал окончательное изложение каждого из соборных постановлений, после чего Собором и разрешался вопрос о принятии постановления в полной его совокупности.

22. **Библейский [отдел]** составил доклад с основными положениями о Библейском Совете при Высшем Церковном Управлении.

23. **Отдел о соединении Церквей** представил предположение об образовании при Священном Синоде особой комиссии для возможного содействия к скорейшему достижению единения Церквей.

Кроме докладов, внесенных Отделами на Собор, были вносимы доклады, выработанные на соединенных заседаниях двух и более Отделов: два доклада о штатах и содержании членов Высшего Церковного Управления, принятые Собором (9 и 10), и доклад: о Патриаршем управлении в Канцеляриях Высшего Церковного Управления, переданный на разрешение Высшего Церковного Управления (2 и 16 Отделов), о продлении полномочий членов Собора (1 и 2 Отделов), об устройстве Варшавской епархии (2 и 3 Отделов), о применении нового календаря в церковной жизни (7 и 6 Отделов), об управлении духовно-учебными заведениями и церковно-приходскими школами и об организации законоучительства для учащихся в светских учебных заведениях (13, 14, 15 и 19 Отделов).

Для предварительной разработки решаемых Собором вопросов, при срочности последних, были образовываемы нарочитые Комиссии из членов Собора, действовавшие по подобию Отделов. По докладам Комиссий состоялись соборные определения 34, 40, 42. Комиссии работали также по подготовке проектов соборных посланий.

Заведование хозяйственными делами поручено было Хозяйственно-Распорядительному Совещанию при Соборном Совете. При Совете были учреждены также Религиозно-Просветительное Совещание и Юридическое Совещание.

Для сношений с органами гражданской власти были избираемы особые делегации. Последняя из них сохранена при Высшем Церковном Управлении и по прекращении заседаний Собора.

Исполнительным органом была Соборная Канцелярия, образованная главным образом из состава Канцелярии Святейшего Синода и других синодальных учреждений, а также преподавателей Московской Духовной Семинарии.

Деяния Священного Собора и «Собрание Определений и Постановлений» изданы Собором для всеобщего пользования. (Об опубликованных документах Собора см. с. 187. – К. Т.).

Публикатор К. К. ТАРАСОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА

В опубликованной выше статье С. Г. Рункевича приводится перечень докладов (проектов Соборных Деяний), которые были подготовлены Отделами Поместного Собора 1917–1918 годов. Большая часть неутвержденных докладов осталась неопубликованной. Материалы Поместного Собора хранятся в Москве – в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Санкт-Петербурге – в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА). Издание этих материалов связано со значительными трудностями, которые объясняются в первую очередь тем, что мы имеем дело не с текстами окончательных решений, а с подготовительными материалами и проектами. Для исследования тех вопросов, по которым Собор не успел принять окончательного решения и выработать Соборное Деяние, особо важное значение приобретают стенограммы дискуссий, проходивших в Подотделах: они дают возможность проследить общее направление работы, выявить господствующие тенденции.

Однако полностью публиковать материалы дискуссий в Отделах едва ли целесообразно. Содержание стенограмм неравноценно, в них много повторов, и объем публикации при таком подходе оказался бы колоссальным. Поэтому при публикации материалов Отделов пришлось прибегнуть к значительным сокращениям.

Предмет настоящей публикации. Обсуждение проблем, касающихся храмового богослужения, церковного искусства, музыки и Типикона почти не отражено в опубликованных Деяниях. Это связано с тем, что, за небольшим исключением, эти вопросы не были вынесены на пленарные заседания. Революционные события и все усиливающиеся репрессии, направленные против Церкви, диктовали Собору регламент работы. Первоочередными становились вопросы взаимоотношения Церкви и государства. Постоянная угроза насильственного закрытия Собора вынуждала ограничиться решениями, обеспечивающими жизнедеятельность Церкви в условиях нарастающих гонений.

В основу настоящей публикации положены материалы заседаний Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*¹.

Принципы подачи материала. Публикация разделена на шесть относительно самостоятельных тематических разделов: 1) Богослужбное пение и музыка. 2) Иконописание и проблемы церковного искусства. 3) Церковно-богослужбный язык. 4) Юлианский и григорианский календари. 5) Проблемы Типикона. 6) Проблемы канонизации. Каждый раздел включает:

1. Предысторию обсуждения данной проблемы.
2. Все доклады экспертов или членов Собора, профессионально работавших в данной области.
3. Фрагменты стенограмм дискуссии.
4. Принятый Отделом доклад (проект Соборного Деяния).
5. Сведения о дальнейшей судьбе докладов (обсуждение их на пленарных заседаниях Собора и Епископском Совещании).

Осенью 1918 года стало совершенно очевидно, что в ближайшее время работа Собора будет насильственно прекращена. Поэтому на пленарном заседании Собора, которое состоялось 7/20 сентября 1918 года, было принято решение «о передаче на рассмотрение Высшего Церковного Управления оставшихся нерассмотренными докладов Соборных Отделов, с представлением названному Церковному Управлению права вводить выработанные Отделом предначертания в жизнь по мере надобности, полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях»². Таким образом, подготовленные Отделами материалы могли использоваться как документы, регламентирующие жизнь Церкви. *Публикуемые материалы фиксируют состояние разработки вопросов на момент закрытия Собора.*

Источники. Публикация осуществляется на основе материалов Поместного Собора, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонд 3431, опись 1. В ссылках на это собрание мы ограничиваемся лишь указанием номера архивного дела и листа, опуская номер фонда и номер описи.

Организация материала. При изложении мы безусловно предпочитали цитирование собственному пересказу. Тексты приводятся в том виде, как они сохранились в архиве. Исправления и пропуски обозначены при помощи угловых скобок < >. Без специальных оговорок вносятся лишь инициалы при фамилиях и фамилии при монашеских именах. Не оговаривается также раскрытие встречающихся сокращений. Орфография текста и употребление прописных букв приведены в соответствие с нормами, принятыми в «Богословских трудах».

Аппарат. Публикация сопровождается Именным указателем. Указатель включает также краткие биографические справки о членах Собора и людях, участвовавших в работе Собора. К сожалению, биографии далеко не всегда удается восстановить.

Публикатор весьма признателен сотрудникам Издательского отдела Московской Патриархии, много сделавшим для улучшения публикуемого текста. Неоценимую помощь оказали нам советы К. К. Тарасова. Публикатором были приняты далеко не все рекомендации и пожелания, поэтому ответственность за ошибки и неточности лежит исключительно на публикаторе.

СВЯЩЕННЫЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОТДЕЛА О БОГОСЛУЖЕНИИ, ПРОПОВЕДНИЧЕСТВЕ И ХРАМЕ

ГЛАВА I. БОГОСЛУЖЕБНОЕ ПЕНИЕ И МУЗЫКА

1. Предыстория вопроса об упорядочении церковного пения

Во второй половине XIX – начале XX века вопрос об упорядочении церковного пения вставал периодически. Связано это с тем, что к этому времени возникает оппозиция партесному пению, которое широко распространилось в XVIII–XIX веках. Основным недостатком партесного пения его противники считали внимание к музыкальной форме в ущерб слову. «Иностранцы композиторы, – писал сторонник возвращения к славяно-византийской музыке, – по большей части не знали не только славянского, но и русского языка, а поэтому игнорировали текст и заботились только о музыкальной форме»³.

Определенные шаги в этом направлении предпринимал К. П. Победоносцев. «Обер-прокурор усердно заботился об улучшении церковного пения – предписывал архиереям наблюдать за правильностью пения в церквах, усиливал его преподавание в Духовно-учебных заведениях и церковноприходских школах, предписывал обязательно устраивать при школах хоры. При Победоносцеве был реорганизован Московский Синодальный хор и училище церковного пения; братство же Пресвятой Богородицы, в котором обер-прокурор активно участвовал, издавало переложения древних церковных напевов, работало над очищением пения от европейских заимствований»⁴.

В конце XIX века усиливается интерес светских композиторов к церковной музыке и древнерусскому музыкальному строю. Этот интерес мы видим у М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского. Последнему К. П. Победоносцев выхлопотал денежное пособие⁵.

В начале XX века в печати возникает дискуссия о направлении развития церковной музыки. Полемические статьи появляются в журналах «Музыкальный труженик», «Музыка и пение» и т. д. Эта дискуссия явилась фоном для обсуждения этих вопросов на Соборе.

Уже на третьем заседании Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*, которое состоялось 12 сентября 1917 года, принимается решение о создании Подотдела, занимающегося проблемами церковной музыки. Председателем этого Подотдела становится Е. М. Витошинский. В связи с тем, что далеко не все члены Подотдела обладают профессиональными знаниями, необходимыми для подготовки соответствующего Соборного *Деяния*, принимается решение о привлечении специалистов – музыковедов и церковных композиторов, не являющихся членами Собора. В результате в подготовке документов Подотдела принимали участие А. Д. Кастальский, Д. В. Аллеманов, М. М. Ипполитов-Иванов, регент Синодального хора Н. М. Данилин.

2. Дискуссия об употреблении инструментальной музыки во время богослужения

Мы не будем излагать ход обсуждения доклада «Об упорядочении церковного пения», хотя в архиве сохранились достаточно подробные протоколы, фиксирующие ход работы над этим текстом⁶. Это могло бы стать предметом специального исследования и в наши задачи не входит. Мы ограничимся лишь воспроизведением протокола заседания Подотдела, которое состоялось 8 декабря 1917 года и было посвящено вопросу о возможности использования во время богослужения органа. Согласно решению Отдела, этот протокол был напечатан в «Церковных ведомостях»⁷. Ниже мы воспроизводим эту публикацию.

Протокол соединенного заседания членов Подотдела по церковному пению Поместного Собора Православной Русской Церкви и Наблюдательного Совета Московского Синодального училища церковного пения от 8 декабря 1917 года
(Об употреблении органа за православным богослужением)

На заседании присутствовали – члены Собора: 1) священник-профессор В. Д. Прилуцкий, 2) священник Л. Е. Иваницкий, 3) Г. А. Ольховский, 4) П. Т. Кладников, 5) Е. М. Витошинский, 6) Н. Г. Безкровный; члены Наблюдательного Совета: 1) директор Синодального училища А. Д. Кастальский, 2) священник Д. В. Аллеманов, 3) А. В. Никольский, 4) регент Синодального хора Н. М. Данилин.

Кроме того, по приглашению Соборного Подотдела в заседании принял участие композитор А. Т. Гречанинов.

Председателем был избран Е. М. Витошинский, секретарем – священник Л. Е. Иваницкий.

А. Т. Гречанинов вносит на обсуждение вопрос о необходимости ввести за богослужением в православном храме орган для придания церковной службе большей музыкальной красоты, возвышенности и силы воздействия на молитвенное настроение молящихся.

По его мнению, наше богослужение как при пении существующих хоров, даже хорошо обученных, так в особенности при пении псаломщиков производит на молящихся удручающее впечатление. Всякий раз, когда он лично захочет молиться в храме, он должен посещать католический костел, так как только там он находит ту религиозно-музыкальную атмосферу, которая позволяет наслаждаться художественностью исполнения религиозной музыки.

Те музыкальные впечатления, которые в настоящее время может дать православное богослужение, по его мнению, слишком примитивны и некультурны, почему и не могут поднимать на должную высоту настроение молящихся. Создать хорошие хоры в приходских церквях при нашей бедности мы не только не сможем в ближайшем будущем, но, вероятно, не сможем никогда. Дело примет совсем другой оборот с введением органа в церковь.

Два-три опытных певца при умелом органисте сразу поставят на должную высоту исполнение духовномызыкальных песнопений за церковной службой.

Ввиду принципиальной важности предложения А. Т. Гречанинова в его обсуждении приняли участие все члены совещания.

Священник-профессор В. Д. Прилуцкий: На предложение А<лександра> Т<ихоновича> я должен заметить, что богослужение Православной Церкви совершенно не приспособлено к сопровождению пения органом. Вся красота нашей церковной службы заключается в тексте священных песнопений, а текст только тогда может стать достоянием молящихся, когда его внятно произносит человеческий голос. Звуки органа его, безусловно, затемняют и скрывают от молящихся всю красоту и возвышенность вложенных в него песнотворцами мыслей. С этой точки зрения кроме вреда введение органа за церковной службой православному богослужению ничего принести не может. Католическая Церковь прибегла к содействию органа как к средству поднять в народных массах сильно упавший интерес к церковной службе в сравнительно поздний период своей истории. Но это нововведение и в ней вызвало довольно большую ломку Церковного Устава, так как и на Западе все церковные службы до IX века были рассчитаны на исполнение их только средствами музыки вокальной. При введении органа нам пришлось бы изменить и переработать все изменяемые части богослужения, так как к исполнению стихир и кондаков ни в каком случае нельзя приспособить сопровождение органа. Наше кондакарное пение сложилось и выросло в условиях только вокального исполнения и потому, в случае введения органа, мы должны были бы от него совершенно отказаться. А отказаться от кондакарного пения – это значило бы для нас отказаться от половины церковномызыкальных сокровищ русского песнотворчества.

А. Д. Кастальский: Введение органа в сельские церкви будет недоступно ни по цене этого инструмента, ни в силу отсутствия опытных исполнителей. Для подготовки хороших органистов потребуются специальные школы и очень продолжительное время. При наших условиях можно ограничиться недорогой фисгармонией, которую следует поставить на клиросе. Назначение этой фисгармонии – поддерживать певцов во время исполнения песнопений за службой. Так как сельские хоры не будут петь технически трудных музыкальных произведений, то для игры на фисгармонии не потребуются большой техники. Любой регент, народный учитель или псаломщик будут в состоянии справиться с этой задачей. При сопровождении пения аккомпаниментом фисгармонии значительно выиграет пение хора, а произношение слов для слушателей станет более отчетливым.

Г. А. Ольховский: Я должен обратить внимание присутствующих на то, что Римская Церковь ввела орган очень поздно – в начале IX века, а до этого времени она, как и Церковь Восточная, органа не знала и довольствовалась для целей богослужения только музыкой вокальной. История введения органа в Римской Церкви вкратце такова. Византийский император Константин Копроним прислал Пипину Короткому в подарок небольшой орган для домашней церкви. Отсюда обычай употреблять за церковной службой орган перешел сначала в домашние церкви придворных, потом стал употребляться высшим дворянством и только через сравнительно большой промежуток времени стал употребляться в приходских храмах. Введение органа в Католической Церкви

обуславливалось главным образом употреблением латинского языка за богослужением. Народ не понимал церковной службы и потому скучал в храме. Ввиду этого католическое духовенство было вынуждено оживить богослужение введением инструментальной музыки.

У нас нет в наличности тех условий, которые вызвали необходимость введения органа в Церкви Западной. Богослужение совершается на понятном народу языке и сопровождается национальным, то есть созданным самим народом, пением. При таких условиях орган не только не прояснит в народном сознании как смысла текста церковных песнопений, так и всей службы в целом, но только затемнит то и другое в сознании еще не окрепшего в грамотности нашего простонародья. Нам нужно вводить не орган, а приложить все старания к подъему общенародного пения в церкви, так как только этот путь приведет наш народ к сознательному участию в церковной службе.

П. Т. Кладинов: Я совершенно не согласен ни с тем, что предлагает А. Т. Гречанинов, ни с мнением А. Д. Кастальского. Введение в наше богослужение инструмента убьет дальнейшее развитие нашего хорового искусства и не только в его элементарной форме общенародного пения, но и в форме более высокой – организованного хорового исполнения. Западная Церковь введением органа нанесла огромный вред делу развития хорового пения в среде простонародья. Благодаря органу католическое общенародное пение до сих пор не вышло из стадии унисона. По-видимому, оно дальше не подвинется. В то же время наш народ, благодаря отсутствию в храме инструментальной музыки, выработал в себе очень большую способность к хоровому исполнению и в этом отношении далеко оставил за собой другие народы Европы. Ввиду этого я отношусь отрицательно как к предложению А. Т. Гречанинова о введении за нашей церковной службой органа, так тем более к мысли А<лександра>Д<митриевича> об употреблении на церковном клиросе фисгармонии, инструмента с очень слабой силой звука, который никакой существенной роли в деле улучшения церковного пения в храме играть не может.

Священник Л. Е. Иваницкий: По затронутому А<лександром> Т<ихоновичем> вопросу в Собор поступил довольно обширный по объему, но наивный по мотивировке доклад В. В. Надина-Уварова о введении при православном богослужении инструментальной музыки «ради наивысшего благолепия православного храма и его богослужения», как выражается автор. Надин-Уваров имеет при этом в виду не орган, а перстобрячательные орудия библейского типа, как то – гусли, арфы, цитры и псалтырионы (плоские ящики с отдушиной). «Инструменты иных типов и новых конструкций – фисгармония, пианино, скрипка и другие – «неприемлемы», по заявлению самого автора.

К докладу приложено много вырезок из газет и журналов за разные годы со статьями, в которых специалисты-музыканты и неспециалисты обсуждают этот вопрос с разных точек зрения. Эти вырезки имеют весьма большое значение для решения затронутого вопроса, так как ярко свидетельствуют о его живучести в сознании православных. Не менее характерно и то обстоятельство, что ни один из авторов категорически не высказывается за введение инструментальной музыки за православным богослужением в храме.

Самый авторитетный из критиков – профессор М. Иванов в своей статье «Музыка в православных храмах»⁸, изложив сущность проекта доклада В. В. Надина-Уварова, замечает: «Таковы идеи Уварова. Я же со своей стороны, не высказываясь положительно за них, прибавлю, что если подобное нововведение может, хотя бы только с чисто внешней стороны, сблизить все христианские Церкви, то не следовало ли бы этому порадоваться и одобрить его». Таким образом, автор рассматривает введение инст-

рументальной музыки не как средство «ублагоепит» православное богослужение, чего добивается Уваров, а хочет видеть в этой мере «мост к соединению Церквей», другими словами, переносит вопрос с музыкальной почвы на почву церковной политики.

Я считаю своим долгом обратить ваше внимание на то, как была бы принята предлагаемая реформа нашим простонародьем, если бы Собор стал на точку зрения сторонников введения в храме инструментальной музыки. Не усмотрел ли бы народ в этой реформе посягательства на самую сущность Святой Церкви и не ответил ли бы он таким резким протестом, который неминуемо грозил бы Церкви новым расколом? Если мы этого раскола не желаем, то должны раз и навсегда отказаться от мысли и попытки вводить за богослужением в православном храме инструментальную музыку в каком бы то ни было виде.

А. Т. Гречанинов: Я соглашаюсь с мнением отца Л. Е. Иваницкого, что введение органа во всех приходских церквях пока преждевременно, и наш народ к этому еще, безусловно, неподготовлен. Но, по моему мнению, при введении этой реформы нужно было бы соблюдать необходимую осторожность: сначала в виде опыта ввести ее только в домовых церквях, которые посещаются интеллигентной публикой, музыкально развитой и уже вполне созревшей для предлагаемой мной реформы. Когда первые шаги показали бы, что население постепенно привыкает к реформе, ее можно бы развивать дальше. Я подчеркиваю, что в этом деле нужна большая осторожность.

Председатель замечает А. Т. Гречанинову, что Собор не может выносить по такому принципиальному вопросу половинчатых постановлений: допускать инструментальную музыку в одних храмах и не допускать ее в других. Собор должен прежде всего решить вопрос с принципиальной точки зрения – да или нет – и только после этого постановления можно говорить о частностях вопроса. Ввиду этого предложение А. Т. Гречанинова о частичном осуществлении проекта введения за церковной службой инструментальной музыки подлежать обсуждению не может.

Н. Г. Безкровный: У нас на Кубани делались уже опыты сопровождения нашей церковной <службы> аккомпаниментом органа и оркестра. Делалось это, правда, не в храме, а на концертной эстраде. Атаманский хор дал в Тифлисе несколько духовных концертов с сопровождением органа и оркестра. В таком виде по преимуществу исполнялись концерты Д. С. Бортнянского. Публика отнеслась к подобному начинанию отрицательно. Отрицательно отзывалась о нем и местная художественная критика. Инициаторы дела должны были признать, что их попытка окончилась неудачей.

Е. М. Витошинский: Я постараюсь рассмотреть вопрос о введении за церковной службой инструментальной музыки с исторической, психологической и музыкально-художественной точек зрения.

Русская Православная Церковь как явление историческое заканчивает уже первое тысячелетие своего существования. За это время все ее основные традиции и обычаи так глубоко и органически слились с душой народа, что всякая ломка этих традиций неминуемо должна отзываться в этой психике глубоко и болезненным расстройством. Мыслимо ли народу в начале второго тысячелетия жизни своей Церкви так радикально ломать одну из основных церковно-богослужебных традиций – за церковной службой только пение, а не инструментальная музыка? Конечно, немислимо. Предлагать такую реформу – значит совершенно не считаться с привязанностью народа к исторической традиции, готовить ему глубокие страдания и потрясения во имя совершенно для него чуждых теорий. Но такие потрясения народу не нужны, так как не вызываются никакими серьезными мотивами. Отсюда вполне понятно, что с исторической точки зрения предлагаемая реформа не должна иметь места.

Во всех случаях, когда народная психика испытывает резкое потрясение, не оправдываемое в его глазах понятными народу мотивами, она отвечает на них стихийным протестом. В истории Русской Церкви был уже такой печальный опыт, резко расколовший церковное единство. Я здесь имею в виду попытку Патриарха Никона насаждать в Москве западно-русское пение при помощи выписанных им из Киева певчих, так называемых «вспаваков». Они стали исполнять церковные песнопения и канты с такими приемами, которые шли совершенно вразрез с духом и характером употребляющегося преимущественно в Москве знаменного распева. И что же? Народ ответил резким отпором новшествам Патриарха, осудил его попытку ввести в церковное пение новую, непривычную струю и дал в руки сторонников старины одно из сильных доказательств еретичности Патриарха, и притом доказательство, понятное массам. А ведь <Патриарх> Никон не ломал так решительно церковной традиции в области пения, как готовимся сделать это мы: он не вводил инструментальной музыки, а сделал лишь скромную попытку насадить в церковном пении новую школу, ввести в него новую художественную струю. Мне возразят, что разница между временем Патриарха Никона и нашим временем огромна, что общий уровень развития народных масс в наше время гораздо выше и потому нам нечего опасаться с их стороны тех резких выступлений, которые в свое время погубили дело Патриарха Никона. На это и я отвечаю, что масса всегда остается массой, и ее протест будет резким и огромным по напряжению во всех тех случаях, когда она сталкивается с таким явлением жизни, к которому она психически не подготовлена или которое задевает «святая святых» ее мировоззрения. Я лично отношу обычай употребления за православным богослужением только вокальной музыки именно к области того народного «святаго святых», которое русская верующая масса будет защищать от всяких посягательств до последней возможности. Не ясно ли, что при наличии таких условий делать попытку введения инструментальной музыки в храм – значит создавать почву для раскола и огромных волнений в среде православной паствы.

Должен быть отрицательно решен вопрос о введении инструментальной музыки в храм и с *психологической* точки зрения. Всякий психолог знает, что религиозные навыки народа, его привязанность к известным обрядовым формам богослужения являются одной из самых устойчивых сил народной души в ее массовом целом. Колебать эту устойчивость без достаточных оснований так же опасно, как колебать устойчивость большого здания, которое грозит похоронить под своими развалинами того, кто потряс его основы, но не сумел совладать с последствиями своего неосторожного шага. В наше время потрясений, <происходящих> во всех сторонах народной жизни и психики, прибавлять ко всем тяготам и испытаниям еще одно – церковную смуту из-за введения органа в храм – это значит не только не желать залечить народные раны, но, напротив, еще сильнее их растравлять.

С *музыкальной* точки зрения пение хора является более высокой формой художественного исполнения, чем игра инструмента. Человеческий голос одухотворен и может передавать самые глубокие музыкально-художественные движения человеческой души, а инструмент неодухотворен и безжизнен. Кроме того, по общему признанию музыкального мира, русский народ наделен от природы выдающимися способностями к хоровому пению и выдающимися по качеству голосами. Таких детских сопрано и таких широких по диапазону и мощных по силе басов, какие встречаются в среде русского народа, нет ни у одного народа. Всякий раз, когда наши образцовые хоры – Синодальный или хор А. А. Архангельского – посещали музыкальные центры Европы – Вену, Берлин, Рим, Лейпциг, – иностранцы восхищались качествами и музыкальностью голосов и художественным совершенством исполнения, какого Европа до сих

пор не знала. Обладая от природы таким сокровищем, мы, естественно, должны идти по пути его наибольшего развития в будущем, а не сворачивать в начале второго тысячелетия своей истории на тот путь, который неминуемо должен привести нас к значительному понижению хорового пения, так как история со всей очевидностью доказала, что употребление в храме органа не дает народу возможности развивать до высших ступеней искусство хорового пения. Становясь на этот путь, мы должны ясно сознавать, что совершаем крупную историческую ошибку. Если посмотрим на вопрос даже с чисто технической стороны, то и тогда его отрицательное решение неизбежно. Что может дать хоровому исполнению сопровождение органа? Нового – решительно ничего, а только, несомненно, затемнить природные музыкальные красоты хора, тонкость его нюансов, нежность мелодических рисунков голосовых партий. Отрицать этого не будет ни один сознательный музыкант.

Резюмируя все сказанное, я принципиально отвергаю предложение А. Т. Гречанинова о введении за нашим богослужением в храме инструментальной музыки в каком бы то ни было виде.

Священник Д. В. Аллеманов поддерживает мысль А. Д. Кастальского о желательности допущения на церковный клирос фисгармонии для поддержки хора во время пения за церковной службой.

Е. М. Витошинский возражает А. Д. Кастальскому и священнику Д. В. Аллеманову, что введение только фисгармонии, инструмента очень слабого по силе звука, не даст решительно никаких художественных результатов, а соблазн будет так же велик, как и от введения органа. Нам нужно ставить вопрос не об органе или фисгармонии в храме, так как это технические мелочи, а нужно предварительно решить вопрос – допустима или недопустима в православном храме за богослужением инструментальная музыка? «В таком виде, – заканчивает председатель, – я ставлю этот вопрос на баллотировку».

Результаты голосования: из одиннадцати человек, присутствовавших на заседании, восемь высказались *против* введения в православном храме за богослужением инструментальной музыки, а три высказались *за*. Таким образом, большинством голосов этот вопрос решен отрицательно.

Этот протокол был зачитан на 26-м заседании Отдела, которое состоялось 2 марта 1918 года. Идея А. Т. Гречанинова шла вразрез с общим направлением работы Отдела, который стремился свести к минимуму западноевропейские элементы в богослужебной практике, поэтому решение Подотдела было поддержано: «Соглашаясь с решением Подотдела о недопустимости органа при православном богослужении, просить Соборный Совет сделать распоряжение напечатать в «Церковных ведомостях» копии вышеизложенного протокола соединенного заседания членов Подотдела о пении и Наблюдательного Совета Московского Синодального училища, в котором излагается высказанная специалистами по данному вопросу мотивировка отрицательного его решения⁹. Не следует забывать, что не всегда оказывалось возможным опубликовать даже *Деяния Собора*. Поэтому публикация этого протокола свидетельствует о том, что эту дискуссию члены Собора считали чрезвычайно важной.

К марту 1918 года Подотдел завершает работу над проектом доклада. На 27-м заседании, которое состоялось 27 марта 1918 года, Отдел приступил к обсуждению этого проекта. Перед началом обсуждения Е. М. Витошинский рассказал историю подготовки проекта, который был выработан состоявшими в Подотделе членами Собора.

«Но так <как> рассматриваемые Подотделом вопросы – специальные, то Подотдел обращался к специалистам с приглашением принять участие в работе. Это было исполнено. Но было постановлено, чтобы работы Подотдела представлялись на соединенное заседание Наблюдательного Совета Синодального училища и Подотдела. Такие заседания состоялись. Таким образом, работа Подотдела прошла через фильтр компетентного учреждения. В заседании соединенном принимали участие А. Д. Кастальский, священник Д. В. Аллеманов, Калинин, М. М. Ипполитов-Иванов, регент Синодального хора Н. М. Данилин. Работа рассматривалась около двух месяцев и плодом этого рассмотрения была выработка текста в редакции Синодального училища. <...> Наш проект, по крайней мере <...> его главы об осмогласии и о музыкальных сочинениях, требует больших теоретических познаний, и к вопросу о возможности поправок в этих главах следует относиться с большой осторожностью. Остальные главы положения носят характер организационно-административный и здесь, конечно, возможны большие поправки. Первые две главы нужно принимать в окончательной редакции. Всякие поправки здесь должны быть взвешены с точки зрения целесообразности»¹⁰.

Председательствующий на заседании епископ Пахомий (Кедров) полагал, что поскольку Отдел не в состоянии компетентно обсуждать вопросы, требующие профессиональной подготовки, то не лучше ли «проект Положений прямо направить в органы Высшего Церковного Управления – Священный Синод и Высший Церковный Совет, как уже и решено Собором, что дела, которые не успеют быть рассмотрены на Соборе, переходят именно в эти учреждения. Вообще нам не следует брать на себя ответственность в этом деле <...> раз мы не в состоянии, как утверждается здесь, критически отнестись к Положениям, к тому же нет надежды на то, чтобы Собор успел заняться рассмотрением Положений»¹¹.

Против этого предложения выступил Е. М. Витошинский, по мнению которого «для Русской Церкви важно, чтобы Положения об устройстве у нас пения были изданы Собором, а не другим каким-либо органом. Теория остается теорией, но у Церкви есть специальная задача: она должна сказать, чего желает от пения. Я предлагал бы внести Положения на пленарное заседание Собора. Митрополит Антоний (Храповицкий) сказал мне, что он и сам живо интересуется вопросом об устройстве пения и обещал принять меры к тому, чтобы Положения были заслушаны Собором»¹².

После постатейного обсуждения, которое продолжалось в течение нескольких заседаний¹³, был принят следующий текст:

3. Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*

«Об упорядочении церковного пения»¹⁴

Докладчики: священник Л. Е. Иваницкий и Е. М. Витошинский

Отдел I

1. Об осмогласии

1. Осмогласие является основой богослужебного пения Православной Русской Церкви.

2. Все богослужебные песнопения – изменяемые обязательно, а неизменяемые предпочтительно – исполняются осмогласными распевами.

3. Установившиеся общецерковные распевы, как-то: большой, малый и сокращенный знаменные, большой и сокращенный киевский и греческий признаются

ценными и потому настоятельно рекомендуются для употребления на церковном клиросе.

Те же распевы, которые обезличены различными редакциями, как, например, «придворный», считаются нежелательными для клироса и подлежащими постепенно-му упразднению.

4. Отдел считает настоятельно необходимым издание отдельными книгами рекомендуемых в 3-м пункте осмогласных распевов, а равно подобных и самогласных, в мелодически выправленной редакции всех изменяемых песнопений годового круга богослужения.

Примечание. Редактирование и издание мелодий общецерковных осмогласных распевов должно быть сделано центральным церковнопевческим органом при Высшем Церковном Управлении. Заботы же о записи, изучении и издании местных распевов во всем их объеме возлагаются на епархиальные церковнопевческие советы при правящем епископе под смотрением центрального певческого органа.

5. Осмогласные напевы могут исполняться за церковными службами как одногласно, так и хором: в двух-, трех- и более гласных изложениях.

6. Для хорового исполнения осмогласных распевов Отдел считает наиболее приличествующим такое изложение их, в котором сохраняется неизменяемой основная мелодия распева, соблюдаются все законы осмогласия и обрисовываются наличные черты национального церковнопесенного искусства.

7. Отдел допускает также обработку существующих церковных напевов и составление последних по законам осмогласия и с более свободным применением музыкально-технических средств.

8. Отдел выражает горячее желание, чтобы песнотворцы и певческие деятели прониклись усердием и отнеслись с полным вниманием к музыкальной обработке и исполнению за церковными службами изменяемых песнопений (стихир, канонов, антифонов, Блаженн, тропарей, кондаков, подобных и самогласных), до настоящего времени затеняемых песнопениями неизменяемыми и вообще весьма слабо представляемых на клиросе. Между тем они, будучи по существу нарочитыми, собственно и непосредственно относятся к данным церковным празднествам и службам.

Не только опущение их в большей части, но и исполнение в певчески необработанном виде и нетщательное ведет к обезличению празднеств и служб. Вместе с тем через изъятие из церковных служб изменяемых песнопений, составляющих главное содержание богослужбных книг, утрачивается для верующих огромная доля многовековой православной церковной поэзии, исчезают дары творческого вдохновения великого сонма святых песнотворцев.

2. О духовномузыкальных сочинениях

9. Духовномузыкальными сочинениями Отдел считает церковнохоровые произведения, в которых песнотворец кладет в основу своей работы не определенную и точную мелодию одного из существующих распевов, а создает собственную музыку на текст богослужбного песнопения.

10. Отдел разрешает употребление за церковной службой духовномузыкальных сочинений при условии: а) чтобы они были проникнуты строго молитвенным настроением, не нарушали цельности и логического смысла текста церковных песнопений, а общим характером своих мелодий и музыкальных построений отвечали бы изложенным в 6-м пункте музыкально-техническим требованиям; б) чтобы в практике клироса им предпочиталась обработка осмогласных и вообще церковных распевов.

Примечание 1. Вопрос о повторениях при церковном пении целых речений, отдельных фраз и слов будет разрешен в пределах, которые будут указаны высшим церковнопевческим органом с изложением мотивировки этого решения.

Примечание 2. Все существующие духовномызыкальные сочинения пересматриваются центральным церковнопевческим органом в целях определения их пригодности или непригодности к церковному употреблению, составляется список произведений, допускаемых для употребления при богослужении, который печатается для сведения и руководства певческих деятелей и органов наблюдения за состоянием и ведением церковного пения. Такие списки составляются и вновь выходящим произведениям и повременно объявляются во всеобщее сведение через помещение их в общецерковном печатном органе и отдельных брошюрах.

11. Отдел совершенно запрещает исполнение в храме концертов, написанных в свободном стиле западной светской музыки, в формах, неизвестных до конца XVIII века русскому народному пению. Концертные произведения могут исполняться вне храма, как наглядное пособие к лекциям по истории русского церковного пения и для других просветительных целей.

12. Отдел не запрещает исполнения за церковной службой произведений для одного голоса с сопровождением хора, если они написаны на мелодии церковных распевов и представляют или древний ипофонный (подпевательный) способ исполнения пения, или являют манеру пения протопсалтов Великой церкви (Софии Константинопольской), допускаемую также при канонаршении, запеваниях головщика и чисто русских «починах» и «захватах» в стародемественном пении.

13. Отдел совершенно запрещает для церковнопевческих произведений прямые заимствования мелодий и музыкальных оборотов мирской песни.

14. Отдел вменяет в непрременную обязанность приходского духовенства, руководителей пения в народной начальной школе и всех церковнопевческих организаций как приходских, так и окружных, всемерно заботиться о развитии и самом широком распространении в народе произведений религиозно-народного творчества, как то: псалмы, канты, колядки, духовные стихи, песнопения Богогласника западнорусских изданий, Алтайской лепты (демественное народное пение). Вопрос об употреблении этого рода песнопений в храме и вне храма в зависимости от местных обычаев предоставляется решению церковнопевческих советов при правящем епископе.

3. Об общенародном церковном пении

15. Исполнение песнопений за церковной службой может поручаться как особым хорам, состоящим из певцов-специалистов, так и всем присутствующим в храме молящимся.

16. Признавая общенародное пение за церковной службой могущественным средством привлечения молящихся к действительному участию в совершении богослужения, Отдел настоятельно предлагает епархиальным епископам принять соответственные меры к повсеместному введению в практику общенародного пения за церковными службами.

17. Общее наблюдение и руководство постановкой и развитием общенародного церковного пения в епархии возлагается на Епархиальные церковнопевческие советы при правящем епископе.

18. Все дело организации и руководства общенародным церковным пением в приходе возлагается на приходское духовенство и церковнопевческие приходские советы.

19. Отдел считает наиболее целесообразным и отвечающим интересам дела поручать непосредственное руководство общенародным церковным пением в приходе псаломщику, но в зависимости от местных условий руководство общенародным

церковным пением в приходе может быть поручаемо и другим членам причта – священникам и диаконам, а также и лицам, специально приглашаемым для этой цели приходом.

20. Для надлежащей подготовки таких псаломщиков-руководителей во всех епархиях на местные средства должны быть открыты соответствующие школы. Организация этих школ и непосредственное руководство их работой возлагаются на епархиальные церковнопевческие советы.

21. Для создания подготовленного кадра исполнителей желательна такая постановка преподавания церковного пения в начальной школе, чтобы учащиеся в ней были подготовляемы к участию в общенародном пении за церковными службами.

Должно быть восстановлено антифонное исполнение тех богослужбных песнопений, которые по Уставу положено петь на два лика, а равно и пение с канонархом.

Отдел II

Организация управления церковнопевческим делом Православной Российской Церкви

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Для управления всем церковнопевческим делом необходимо создание административной системы, которая регулировала бы деятельность и взаимоотношение всех органов, ведающих церковнопевческим делом. Наличие постоянно действующей системы внесет планомерность в работу всех церковнопевческих учреждений как в центре, так и на местах, и сообщит ей закономерность юридических отношений.

2. Для подъема общего уровня церковного пения в стране необходимо значительное усиление музыкального образования.

I. Организация церковнопевческого управления.

Центральный церковнопевческий комитет при Высшем Церковном Управлении. Его состав. Способ избрания его членов. Их права и обязанности

1. Для научной разработки вопросов церковного пения и для общего руководства деятельностью всех церковнопевческих организаций и учреждений Православной Российской Церкви при Высшем Церковном Управлении учреждается Центральный церковнопевческий комитет в качестве особого разряда 1-го Отделения Патриаршей Палаты церковного искусства и древностей.

2. Центральный церковнопевческий комитет состоит из пяти членов. Его членами могут быть: 1) композиторы, заявившие себя работами в области церковного пения, 2) ученые теоретики и историки церковной музыки, 3) специалисты-практики по организации хоров или основатели хоровых обществ. Желательно, чтобы в составе Комитета были представители каждой из этих специальностей.

3. Центральный церковнопевческий комитет в своем внутреннем управлении является учреждением автономным. Ему принадлежат в этой области следующие права: а) выбора председателя из числа своих членов сроком на три года, б) право законодательной инициативы по всем вопросам, входящим в круг его деятельности, в) составления плана своих работ, г) самостоятельного распоряжения всеми находящимися в его ведении кредитами в пределах надлежащей утвержденной сметы.

4. Члены Комитета избираются сроком на три года с правом переизбрания.

5. Замещение должности членов Комитета производится путем конкурса. Для выработки условий первого конкурса учреждается особая Комиссия, в состав которой входят: а) один член по назначению Святейшего Патриарха, б) три члена от Священного Синода, в) три члена от Высшего Церковного Совета, г) Наблюдательный Совет при Московском Синодальном училище церковного пения в полном составе.

6. На обязанности Комиссии кроме выработки условий первого конкурса лежит ведение всего дела по избранию членов Комитета. Из числа лиц, участвовавших в конкурсе, Комиссия избирает достойнейших и представляет их на утверждение Патриарха.

7. Заботы о замещении должности членов Комитета после образования его первого состава возлагаются на Комитет. В случае освобождения должности в Комитете его председатель входит к Святейшему Патриарху с представлением о назначении конкурса для замещения открывшейся вакансии. Для оценки кандидатов образуется особая Комиссия в составе: а) одного члена по назначению Святейшего Патриарха, б) двух – от Священного Синода, в) двух – от Высшего Церковного Совета, г) всех наличных членов Центрального церковнопевческого комитета. Избранный Комиссией кандидат утверждается в должности Святейшим Патриархом.

8. Вопрос о лишении должности члена Комитета может быть возбужден: а) Святейшим Патриархом, б) Священным Синодом, в) Высшим Церковным Советом, г) самим Комитетом и решается особой Комиссией в составе: а) одного лица по назначению Святейшего Патриарха, б) двух – от Священного Синода, в) двух – от Высшего Церковного Совета, г) всех наличных членов Комитета. Постановления Комиссии утверждаются Святейшим Патриархом. В случае несогласия Патриарха с постановлениями Комиссии дело передается на рассмотрение соединенного заседания Священного Синода и Высшего Церковного Совета для окончательного решения в общем порядке Высшего Церковного Управления.

Примечание. Мотивами удаления членов Комитета с должности могут послужить: а) ясно выраженная нецерковность направления, б) обнаружившаяся неспособность к исполнению своих обязанностей, в) небрежное отношение к делу, г) продолжительная или неизлечимая болезнь.

1. Круг обязанностей Центрального церковнопевческого комитета

В круг обязанностей Комитета входит: 1) руководство и высшее наблюдение за деятельностью церковнопевческих епархиальных советов при правящем епископе и разрешение всех спорных вопросов по церковному пению, возникающих в епархиях, 2) высшее заведование и руководство работой всех состоящих в его ведении певческих и музыкальных училищ, 3) выработка плана общей организации предметов преподавания во вновь открываемых училищах церковного пения, 4) разработка всех теоретических и практических вопросов, входящих в круг церковного пения, как-то: а) установление единства гласовой мелодии в общецерковных осмогласных распевах согласно пункту 4-му Постановления об осмогласии, б) выработка программ преподавания церковного пения в народной начальной школе всех ведомств, в духовных училищах, духовных семинариях и пастырских школах, в) организация нотоиздательства и книгоиздательства по вопросам церковного пения, г) научное и популярное издательство по церковному пению и истории церковной музыки, д) собирание всех имеющих отношение к пению рукописей и других памятников письменности, образование из них музеев и библиотек, е) научное описание и печатание нотных рукописей, хранящихся в существующих книгохранилищах.

10. Все постановления Комитета, имеющие обязательное значение для всей Русской Церкви, должны получить утверждение Патриарха и только после этого получают

законную силу. В случае отказа Патриарха утвердить постановления Комитета дело передается в Священный Синод, или в Высший Церковный Совет, или же в соединенное заседание того и другого по принадлежности.

II. Организация церковнопевческого дела в епархии

1. Епархиальные церковнопевческие собрания и съезды

1. На епархиальных собраниях образуется особый церковнопевческий отдел, в круг обязанностей которого входит рассмотрение всех вопросов, касающихся организации церковного пения в епархии для представления соответствующих докладов общему заседанию Епархиального собрания.

2. В случае нужды для решения специальных вопросов из области церковного пения с благословения епископа Епархиальным церковнопевческим советом могут быть созываемы особые Епархиальные церковнопевческие съезды, в которых имеют право участвовать все работники в области церковнопевческого дела в епархии.

3. Постановления Епархиального церковнопевческого съезда представляются на утверждение епархиального епископа.

2. Епархиальный церковнопевческий совет при правящем архиерее

4. Для руководства всем церковнопевческим делом в епархии и создания в ней соответствующих органов учреждается Епархиальный церковнопевческий совет при правящем епископе, действующий под его непосредственным руководством.

5. В состав Совета входят: по должности – регент архиерейского хора; по выборам – а) один представитель от преподавателей пения в местных Духовно-учебных заведениях, б) избираемые сроком на три года Епархиальным собранием три представителя – два клирика (один из которых в пресвитерском сане) и один мирянин.

Примечание 1. Избираемыми могут быть и лица, состоящие членами Епархиального собрания.

Примечание 2. Кроме указанных в 5-м пункте членов в работах Епархиального церковнопевческого совета по желанию с правом решающего голоса могут принимать участие: а) один представитель от преподавателей пения в местных светских учебных заведениях, б) один представитель от хоровых обществ, имеющих правление в данном городе.

6. Епархиальному церковнопевческому совету принадлежит: 1) право выбора председателя из числа своих членов сроком на три года, 2) право инициативы по всем вопросам, входящим в круг его деятельности, для проведения в жизнь епархии соответствующих мероприятий в установленном законом порядке, 3) составление плана своих работ и распоряжение всеми ассигнуемыми на нужды певческого дела в епархии кредитами в пределах надлежащей утвержденной сметы, 4) наблюдение за общей постановкой преподавания церковного пения в начальной школе, 5) установление типа общецерковного осмогласного распева как общеобязательного для всех приходских храмов епархии, согласно 3-му пункту Постановления об осмогласии, 6) запись, изучение и распространение местных церковных распевов, 7) заботы о самом широком распространении в народе произведений религиозно-народного творчества (народное местное пение) и установление, согласно местным обычаям, какие из них могут исполняться в храме и за церковными службами, а какие – вне храма (см. 14-й пункт определений «О духовномызыкальных сочинениях»), 8) собиране всех имеющих отношение к пению письменных памятников, образование из них местных музеев и библиотек, описание и издание рукописей и других музыкальных памятников по истории

пения в епархии, 9) устройство временных и постоянных регентских и певческих курсов, 10) организация нотных епархиальных библиотек, 11) устройство отдела духовно-музыкальных произведений и склада музыкальных инструментов при епархиальной книжной лавке, 12) помощь местным кустарям, производящим музыкальные инструменты, 13) устройство певческих праздников и съездов народных хоров в губернском и уездных городах, селах и деревнях, 14) руководство певческим делом в приходах.

7. Все постановления Епархиального церковнопевческого совета получают законную силу после их утверждения правящим епископом.

Источники для покрытия расходов по содержанию членов Епархиального церковнопевческого совета при правящем епископе, его канцелярии и служащих в ней определяются Епархиальным собранием духовенства и мирян.

3. Организация церковнопевческого дела в приходах

9. В приходах, где в силу условий не может быть образован особый певческий совет, заботы о проведении в жизнь постановлений Центрального церковнопевческого комитета и Епархиального церковнопевческого совета возлагаются на приходские советы. В круг их обязанностей входит: 1) организация в приходском храме хорового пения за церковными службами, 2) наблюдение за надлежащей постановкой преподавания церковного пения в начальных школах прихода.

10. В тех приходах, где местные условия представляют возможность, образуются особые приходские певческие советы, действующие в согласии с церковноприходскими собраниями.

11. В состав приходского певческого совета входят: а) по должности – все члены приходского причта, церковный староста и регент приходского хора, б) по выборам – три представителя от мирян (в том числе один представитель от земства). Члены по выборам избираются приходским собранием сроком на три года.

12. Кроме обязанностей, указанных в 9-м пункте настоящих Правил, на особые приходские певческие советы возлагаются: 1) заботы о широком распространении в народе произведений религиозно-народного творчества, 2) оживление и восстановление в народном быту национально-певческого искусства, 3) запись всех существующих в приходе произведений музыкального творчества, 4) устройство певческих приходских праздников и съездов народных хоров прихода, 5) содействие всем мероприятиям Епархиального церковнопевческого совета.

13. Приходскому певческому совету принадлежит право: 1) выбора председателя из числа своих членов сроком на три года, 2) самостоятельного распоряжения всеми ассигнуемыми на церковнопевческое дело прихода суммами в пределах надлежащей утвержденной сметы, 3) составление плана своей работы, 4) приглашения лиц для руководства певческим делом в приходе и увольнения их.

14. Во внутреннем своем управлении приходской певческий совет руководствуется теми постановлениями, которые будут выработаны Епархиальным церковнопевческим советом. В отношении административном он подчиняется общим нормам епархиального управления.

15. Все руководители церковнопевческого дела при совершении богослужения должны безусловно подчиняться Церковному Уставу. Наблюдение за исполнением Церковного Устава принадлежит настоятелю или, в случае его отсутствия, совершающему службу священнику, все распоряжения которого, основанные на требованиях Устава, должны быть безусловно исполняемы как псаломщиками, так и регентами и вообще всеми руководителями церковнопевческого дела.

III. Меры к подъему общего уровня музыкально-певческого образования страны

1. Для подъема общего уровня музыкально-певческого образования в стране, без чего невозможна и лучшая постановка церковнопевческого дела, желательное создание целой сети музыкально-певческих училищ, средних и низших, в разных епархиях и, в первую очередь, церковнопевческих училищ для надлежащей подготовки к своему делу псаломщиков.

2. В Духовных академиях должна быть введена кафедра церковного пения для изучения истории и археологии пения христианской Церкви.

3. В Духовных семинариях, пастырских школах и Духовных училищах должно быть увеличено количество уроков как для классного преподавания пения, так и для общеуходовых спевков, а само преподавание этого предмета должно вестись в том направлении, чтобы учащиеся твердо усваивали мелодии общецерковных осмогласных распевов на круг песнопений всего года и изучали бы напевы местные. Кроме того, учащимися должны быть приобретены практические навыки как по преподаванию пения, так и по организации хора и управлению им.

4. Кроме теоретических познаний учащиеся должны приобрести в этих школах следующие практические навыки: а) общее знакомство с методикой преподавания пения в начальной школе, б) умение организовать однородный и смешанный хор, в) управление хором.

В Духовных училищах должно быть обращено главное внимание на изучение квадратной и круглой нотации, на обучение пению по нотам, на твердое усвоение общецерковных осмогласных распевов в одноголосном и гармоническом изложении на круг песнопений всего года. Практические навыки: а) участие в общем пении, б) элементарные понятия об управлении хором.

4. Резолюция Соборного Совета по докладу «Об упорядочении церковного пения»

Этот доклад не был рассмотрен Собором. На первом листе этого доклада имеется приписка: «Передано <...> Совещанию Епископов. 3-я сессия»¹⁵.

На 163-м заседании Собора, которое состоялось 30 августа (12 сентября) 1918 года, проект этого доклада был в числе других докладов Отдела передан на разрешение Патриарха и Синода. Приводим выписку из протокола этого заседания.¹⁶

Выписка из протокола 163-го заседания Священного Собора от 30 августа (12 сентября) 1918 года

Секретарь оглашает: а) заявление 34 членов Собора (В. К. Недельский и др.) с просьбой вменить в обязанность органам Высшего Церковного Управления безотлагательно принять все возможные меры к усовершенствованию русской церковно-богослужебной практики, руководствуясь в этом святом деле выработанными Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме*, но не рассмотренными в общих заседаниях Собора докладами «Об упорядочении богослужения» и «О церковном пении», б) постановление Соборного Совета предложить Собору, ввиду краткости оставшегося времени до окончания занятий Собора, препроводить заявление 34 членов Собора и доклады Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* – 1) «Об упорядочении богослужения», 2) «Об упорядочении церковного пения», 3) «Об изменении евангельского чтения на вечерне Великого Пятка» – на разрешение Святейшего Патриарха и Священного Синода.

ПОСТАНОВЛЕНО: постановление Соборного Совета утвердить.

ГЛАВА II. ИКОНОПИСАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА

1. Комитет попечительства о русской иконописи. Создание. Задачи

На заседаниях Собора вопрос о русском иконописании и охране памятников церковного искусства¹⁷ возник в связи с запросом о судьбе Комитета попечительства о русской иконописи, поэтому публикацию следует предварить кратким очерком истории этого Комитета.

Комитет попечительства о русской иконописи был создан в 1901 году. Председателем Комитета стал граф С. Д. Шереметев. В его состав входили: академик Н. П. Кондаков, вице-президент Академии художеств И. И. Толстой, В. П. Безобразов, А. Н. Бенуа, Л. Н. Майков и другие, а также великие князья Константин Александрович и Сергей Александрович <Романовы>. Вдохновителем работы Комитета был Н. П. Кондаков. Комитет ставил перед собой задачу поддержки и воссоздания традиционных центров иконописания.

Поддержание русских иконописных центров означало реабилитацию старообрядческого иконописания. Для членов Комитета попечительства о русской иконописи старообрядческая икона становится идеалом, которому следует подражать. По словам Н. П. Кондакова, «только старообрядчество удержало древние стили, иначе они давно исчезли бы в иконописи»¹⁸.

В задачи Комитета входило: 1. Составление нового иконописного подлинника. 2. Открытие учебно-иконописных мастерских. 3. Запрещение или сокращение выпуска икон, напечатанных на бумаге или металле.

Уже на первом заседании Комитета, которое состоялось 17 мая 1901 года, было решено ходатайствовать перед Синодом о запрещении «машинного производства икон и об объявлении монастырям и духовным властям, что, согласно православному обычаю, иконами храмовыми должны быть признаны только писанные рукою»¹⁹. В результате этого ходатайства Синодом было принято определение от 6 февраля/3 мая 1902 года, согласно которому «в церквах, а равно и в лавках при церквах и монастырях с 1 января 1903 года не были продаваемы иконы, печатаемые на жести». Воспрещение же машинного производства икон Святейший Синод признал мерою рановременною²⁰. Однако члены Комитета отмечали, что продажа икон, отпечатанных на жести на фабриках Жако и Бонакер, не сокращается. На заседании 10 марта 1903 года были предложены следующие меры для поддержания русского иконописания.

1. Воспретить пропуск из-за границы в Россию всякого рода православных икон и религиозных листов.

2. Предоставить право печатного производства православных икон и священных изображений исключительно лаврам, монастырям и некоторым учреждениям Ведомства православного исповедания.

3. Допускать в церквах употребление исключительно рукописных икон, с тем, чтобы имеющиеся ныне в церквах печатные изделия постепенно заменяться рукописными.

4. Установить при мастерских печатных икон в монастырях и некоторых учреждениях Ведомства православного исповедания строгую, технически,

художественно и догматически осведомленную цензуру при участии Комитета попечительства о русской иконописи.

22 марта 1903 года эти предложения были одобрены Николаем II²¹.

После Февральской революции Комитет, желая войти в состав Министерства народного просвещения, передает в это министерство свой Устав. Однако Министерство народного просвещения передало дело о Комитете Поместному Собору. В Собор поступает проект Устава Комитета русской иконописи, текст которого публикуется ниже.

2. Проект Устава Комитета русской иконописи²²

1. Комитет русской иконописи представляет собою особое учреждение при Министерстве народного просвещения и имеет целью систематическое исследование, научное описание и издание памятников древнерусской иконописи и церковных древностей, а также изыскание и осуществление мер к дальнейшему развитию русской иконописи на основах художественных образцов русской старины и византийской древности.

2. Для исполнения своих задач Комитет имеет право: а) издавать ученые труды, а также руководства и пособия по иконописанию и церковным древностям, б) для обозрения и разыскания необходимых ему материалов командировать лиц, принадлежащих к составу Комитета, а также и других сведущих лиц, в) входить в непосредственные сношения со всеми учреждениями и лицами как в пределах государства, так и за границей, г) открывать иконописные школы и мастерские и заведовать ими, д) иметь иконные лавки, е) устраивать выставки иконописи и церковных древностей.

3. Комитет составляют председатель, товарищ председателя и действительные члены. Комитет имеет почетных членов и членов-сотрудников.

4. Председатель и товарищ председателя избираются Комитетом из числа действительных членов.

5. Председатель руководит ученой, издательской и хозяйственной деятельностью Комитета. Он созывает собрания Комитета и сносится непосредственно по делам Комитета со всеми правительственными учреждениями и лицами.

6. В почетные члены Комитета избираются лица, имеющие крупные заслуги в сфере деятельности Комитета.

7. В действительные члены Комитета избираются лица, известные своею деятельностью на ученом поприще и могущие быть полезными для Комитета своими познаниями в области древнерусской иконописи и церковных древностей и искусств. Кроме того, действительными членами Комитета состоят представители Академии наук, Академии художеств, Русского музея в Петрограде, Археологической комиссии, Археографической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества и Общества любителей древней письменности в Петрограде по одному от каждого учреждения.

8. В члены-сотрудники Комитета избираются лица, которые могут быть ему полезны своими сведениями по русским древностям и искусству или исполнением его поручений.

9. Кандидаты в действительные и почетные члены и сотрудники предлагаются не менее, чем тремя членами Комитета. Предложение должно быть письменное с указанием в нем пользы, которую может принести Комитету лицо, предлагаемое к избранию. Предложение это представляется председателю и заявляется им в ближайшем

заседании Комитета. В следующем затем заседании производятся выборы посредством закрытой баллотировки. Избранным признается получивший большинство 2/3 голосов, участвовавших в баллотировке. Отсутствующие в заседании, на котором происходят выборы членов, могут для избрания передоверить свое право голоса другим членам Комитета посредством письменных о сем заявлений, причем каждому члену может быть передано не более одного голоса.

10. В заседании Комитета правом решающего голоса пользуются действительные члены. Заседания действительны при участии не менее половины общего числа членов.

11. Делами Комитета заведует управляющий делами, избираемый Комитетом из числа действительных членов. В его ведении состоит канцелярия в составе, определяемом по мере действительной надобности.

12. Комитет имеет право владеть движимым и недвижимым имуществом, а равно с надлежащего в каждом отдельном случае разрешения министра народного просвещения, приобретать, отчуждать, закладывать таковое, заключать договоры и т. п.

13. Средства Комитета составляют: а) суммы, ассигнуемые из Государственного казначейства, б) доходы от продажи изданий Комитета и от иконописных лавок и выставок, в) пожертвования. Суммы, означенные в <пунктах> б) и в), а также остатки от штатных ассигнований составляют специальные средства Комитета.

14. Отчетность Комитета как по штатным, так и специальным средствам его подлежит ревизии государственного контроля на общем основании.

15. Принадлежащие Комитету суммы расходуются в пределах штатных ассигнований и ежегодных смет специальных средств, утверждаемых Комитетом.

16. По истечении каждого года Комитет составляет отчет о своей деятельности, который представляется министру народного просвещения.

17. Комитет имеет печать установленного для государственных учреждений образца.

18. Подробные правила о деятельности Комитета, о порядке и распределении занятий, об управлении и заведовании имуществом его устанавливаются самим Комитетом.

3. Доклад епископа Прокопия (Титова) «О Комитете попечительства о русской иконописи»

В связи с передачей дела о Комитете Поместному Собору Подотделом был подготовлен доклад «О Комитете попечительства о русской иконописи». Подотдел считал это дело спешным, поэтому уже 25 ноября доклад был рассмотрен на пленарном заседании Собора и утвержден²³.

ДОКЛАД

«О Комитете попечительства о русской иконописи»²⁴

Докладчик: епископ Прокопий (Титов)

Министр народного просвещения отнесся в Святейший Синод с ходатайством дать заключение по поводу обращения к нему Комитета попечительства о русской иконописи, в каковом обращении он изъявляет желание перейти в ведение Министерства народного просвещения и представляет вновь выработанное Положение, или Устав. Указанное ходатайство министра народного просвещения из Святейшего Синода было направлено в Собор и передано на рассмотрение VII Отдела *О богослужении*,

проповедничестве и храме. Из обмена мнениями сначала в особом Подотделе, затем в Отделе выяснилось следующее.

Комитет попечительства о русской иконописи был основан вследствие Высочайшего указа Правительствующему Сенату от 19 марта 1901 года и ближайшей целью своей деятельности имеет заботу «о процветании русской иконописи и об охранении в ней плодотворного влияния художественных образцов нашей старины». Положением об этом Комитете предписывалось: «1) изыскивать меры к обеспечению благосостояния и дальнейшего развития русской иконописи, сохранение в ней плодотворного влияния художественных образцов русской старины и византийской древности, 2) содействовать устройству артелей иконописцев, 3) издавать для них руководства, пособия и лицевой иконописный подлинник, 4) открывать иконописные лавки, 5) устраивать иконописные и художественные выставки, музеи и собрания». Средства на это в размере 35–42 тысяч ежегодно выдавались из Государственного казначейства. Комитет был вневедомственный. В состав его, кроме председателя графа С. Д. Шереметева и управляющего делами академика Н. П. Кондакова, вошли представители от всех министерств, в том числе и от Святейшего Синода (профессор В. В. Покровский).

Открыв на первых же порах четыре иконописных школы в местах сосредоточения иконописного мастерства в иконописных селах Владимирской губернии в слободах Мстере, Палехе и Холуе и в Борисовке Курской губернии, и иконную лавку в самом Петрограде, иконописный Комитет приступил к изданию иконописного подлинника, первый том коего, посвященный иконографии Господа нашего Иисуса Христа, вышел в свет в 1905 году под редакцией академика Н. П. Кондакова.

Но деятельность Комитета на первых же порах обнаружила и те дефекты, которые были допущены в его организации.

Не имея связи с Церковью и церковными учреждениями, Комитет не мог улучшить иконописное дело. Иконописные артели, учрежденные Комитетом, не нашли себе работы и скоро распались, потому что Комитет не мог предоставить им выгодных работ без рекомендации церковных властей.

Не дав жизни артелям иконописцев, Комитет, конечно, не мог привлечь и достаточного числа учеников в свои школы, так как родители детей, видя, что по окончании курса в школах Комитета их дети не находят работы и вынуждены поступать в те же иконописные мастерские иконописцев-подрядчиков, находили для себя более выгодным отдавать детей для учения в те же промышленные мастерские. Благодаря этому не достигалась и главная цель Комитета – улучшение и правильная постановка преподавания иконописи.

Все другие мероприятия Комитета, намеченные на первых порах и требуемые Положением о Комитете, в виде устройства иконописных выставок, собраний образцовых икон и т. п., не получили осуществления.

Скоро прекратилась и замерла и издательская ученая деятельность Комитета, ограничившись изданием лишь одного тома иконописного подлинника Христа Спасителя и фресок Ферапонтова монастыря.

После государственного переворота Комитет решил перейти в Министерство народного просвещения и составил новый проект Положения, или Устава, который был представлен министру народного просвещения.

Такова история Комитета.

В новом проекте Устава Комитет оставляет за собой те же чисто церковные задачи,

то есть «заботы по изысканию мер к дальнейшему развитию русской иконописи на основе художественных образцов русской старины и византийской древности» (§ 1), «посредством открываемых и заведываемых им иконописных школ, иконных лавок и выставок иконописи и церковной древности» (§ 2).

Но в новом Уставе Комитет получает совершенно иную конструкцию чисто учебного учреждения. На первом плане параграфа 1-го Комитет ставит себе задачей «систематическое исследование, научное описание и издание памятников древнерусской иконописи и церковных древностей». Члены Комитета разделяются на почетных, действительных и сотрудников. Почетными членами избираются лица, имеющие крупные научные заслуги в сфере деятельности Комитета (§ 6); кроме того, действительными членами Комитета состоят представители от Академии наук, Академии художеств, Русского музея в Петрограде, Археологической комиссии, Археографической комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества и Общества любителей древней письменности, по одному от каждого учреждения. В перечисленных выборных представителях от разных обществ и учреждений новым Уставом Комитета даже единственный представитель от Святейшего Синода, бывший в Комитете, исключается из состава Комитета. Не приглашен также представитель от Духовных академий, где в последнее время открыта специальная кафедра церковной археологии и искусства. Таким образом, согласно новому проекту Устава, бывшая слабая связь с Церковью с уничтожением в составе Комитета представителя церковного управления совершенно порывается.

Забота об улучшении иконописи – дело чисто церковное, обслуживающее религиозные нужды православного русского народа, – теперь вверяется Министерству народного просвещения, для которого иконопись – дело совершенно постороннее, чужое.

Церковь не только не имеет там руководящего и управляющего голоса, но даже совершенно лишена своего представительства. Все это дает повод опасаться, что русское иконописание в этом Комитете может принять совершенно неправильное направление и пойти по ложному пути, и Святой Церкви может быть нанесен существенный вред. Если равнодушие прежней церковной власти способствовало упадку иконописи и унизило в глазах простого народа высокое значение свято чтимых икон и тем косвенно способствовало развитию иконоборческих сект – штундизма, молоканства и других, то едва ли можно сомневаться в том, что иконописание, переданное в ведение светской власти, в частности Министерства народного просвещения, при современных условиях грозит нанести этому святому делу еще больший удар. По этим соображениям Отдел полагает, что иконописный Комитет, ведущий чисто церковное дело, должен быть передан церковному управлению, которому ближе всего забота о святых иконах как предметах благоговейного религиозного почитания православного русского народа и которое одно в состоянии обеспечить этому делу как широкое развитие, так и истинное церковное православное направление.

Поэтому Отдел предлагает Священному Собору принять постановление о том, чтобы Священный Синод уведомил министра народного просвещения, что Комитет попечительства о русской иконописи, имеющий своей задачей важное и чисто церковное дело – развитие русского иконописания, должен быть передан в ведение Высшего Церковного Управления, ибо только церковная власть может обеспечить этому делу и надлежащее православное направление, и широкое развитие.

Просим признать это дело спешным.

Вскоре²⁵ этот доклад был рассмотрен на пленарном заседании Собора и утвержден²⁶.

4. Доклад епископа Прокопия (Титова) «Об общих проблемах иконописания в России»

На этом же заседании епископом Прокопием (Титовым) был также зачитан доклад «Об общих проблемах иконописания в России», который мы также публикуем полностью²⁷.

ДОКЛАД

«Об общих проблемах иконописания в России»

Докладчик: епископ Прокопий (Титов)

Вопросы о благолепии Божиих храмов и украшающих оные святых икон, об улучшении иконописания и вообще о преуспянии церковного искусства на всех почти русских церковных Соборах XV, XVI, XVII веков (на Стоглавом Соборе, на Соборе 1554 года, 1666–1667 годов) пользовались особливим вниманием всех членов Соборов. И Царь, и Патриарх соревновали между собой в заботах о процветании церковного искусства. При государевом дворе была учреждена Оружейная палата, при которой была Царская иконописная палата, где жили собранные со всего Русского государства искуснейшие иконописцы и художники, рисовальщики, знаменщики, словописцы и мастера, которые выполняли царские работы и заказы <на иконы для> разных церквей и монастырей. Такая же иконописная палата была у митрополитов Московских и всея Руси, а затем и у Патриархов Русских. Святитель Петр, митрополит Московский, был искуснейшим иконописцем, и памятником его художества до сих пор хранятся в Успенском соборе Кремля иконы Успения Божией Матери и Петровская. Митрополиты Симон и Макарий также были любителями и знатоками иконописи, и митрополичьи и патриаршие писцы соревновали в своих работах с царскими жалованными иконописцами.

Начиная с петровской эпохи, с учреждением Академии художеств с профессорами иностранцами и иноверцами, русское религиозное искусство стало быстро падать. В особенности пострадала русская иконопись. Оставленная и Церковью и правительством на произвол судьбы, русская иконопись обратилась в кустарный промысел, сохранившийся в немногих селах Владимирской губернии и Курской губернии и уцелевший кое-где в монастырях, мужских и женских. Кустари-иконописцы скоро подпали под гнет капитала, и иконописание стало быстро падать. Торговцы иконами стали предъявлять свои требования к мастерам-иконописцам, заключающиеся в том, чтобы иконы были дешевы, а это повело к быстроте работы и небрежности в исполнении. Мастеру нужно было написать как можно более икон, чтобы не умереть с голоду. Отсюда и обучение иконописанию приняло характер исключительно ремесленный – нужно было выучить ученика писать как можно быстрее. В иконописных мастерских процесс иконописания стал приближаться к механическому, явилось дробное распределение работы по написанию одной иконы между многими мастерами, которые только и набивали руку в одной какой-либо специфической части этой работы. С появлением же в продаже печатных подделок под иконы кустарю-иконописцу приходилось уже конкурировать с машиной, и понятно, что недалеко то время, когда русское иконописание со всеми его древними техническими приемами, со всеми его достоинствами, окончательно погибнет.

В 1900 году иконописцы-кустари, не находя внимания к своим нуждам со стороны Святейшего Синода, обратились с прошением на Высочайшее имя, в котором, изложив бедственное положение русской иконописи, попросили помочь этой важной отрасли религиозного искусства. И результатом этой просьбы было учреждение в 1901 году особого вневедомственного Комитета попечительства о русской иконописи

под покровительством государя. К сожалению, Комитет был организован вне Церкви и без тесного единения с Высшей Церковной Властью, не встретил со стороны духовенства должного внимания, и многие мероприятия его не увенчались успехом.

В настоящее время нужды русского иконописания велики и многообразны. Но едва ли не самой настоятельной нуждой является ныне устройство хотя бы в некоторых епархиях при монастырях, мужских и женских, правильно организованных учебно-иконописных мастерских, которые бы состояли в ведении епархиального начальства и давали бы надлежащее художественное образование будущим иконописцам в духе Православной Церкви и изготовляли бы нужное количество икон для церковных потребностей и для потребностей отдельных лиц.

Но прежде всего в Москве как главном религиозном и промышленном центре необходимо открыть Высшую школу иконописания, которая должна готовить опытных учителей и инструкторов для учебных и промышленных епархиальных иконописных мастерских, в особенности при монастырях, мужских и женских. Подобная школа была недавно открыта в Москве художником Клавдием Степановым по образцу Синодальной школы церковного пения на проценты с капитала в сто двенадцать тысяч имени Селезневых в Донском монастыре, но, к сожалению, по смерти Клавдия Степанова эта школа временно закрылась. Ее необходимо восстановить и преобразовать по типу Высшей школы иконописания. При учебных мастерских должны быть организованы из окончивших курс учения артели иконописцев, которые будут принимать и исполнять епархиальные заказы. В настоящее время снабжение церковной иконописью и украшение стенописями церковей всецело находится в руках подрядчиков-иконописцев или подрядчиков-столяров иконоставщиков и даже каменщиков, строящих церкви, которые руководятся лишь своими выгодами и своим вкусом. При организации же епархиальной учебно-промышленной мастерской епархиальное начальство при одобрении планов на украшение церковей стенописями может рекомендовать ктитора и настоятелям церковей своих мастеров-иконописцев и направлять церковные заказы в епархиальные иконописные мастерские. При этом только может быть правильный надзор за доброкачеством иконописных заказов и делом улучшения иконописания. И этим самым будет естественно поддерживаться на высоте и епархиальная учебно-иконописная мастерская, имея постоянно достаточно заказов для своих мастеров, а также доставляя возможность и бедным церквам за недорогую цену иметь приличные храмам иконы и стенописи, за которыми бедные церкви не знают часто куда обратиться. Иконы, написанные в епархиальных мастерских, могут продаваться при свечных складах и епархиальных лавках, где уже продается и другая богослужебная утварь. Такое положение вещей даст возможность духовенству предъявлять иконописцам известные требования и, в свою очередь, будет также мощным средством для улучшения самой иконописи.

Повсеместный упадок художественного вкуса и в церковной архитектуре, и в религиозной живописи, и в иконописи, и в особенности в убранстве храмов, и в церковной утвари, широкое распространение произведений грубо ремесленных в значительной мере зависело и от небрежного отношения со стороны Церкви и ее служителей к церковным памятникам древнерусского искусства, сохранившимся во многих епархиях. Древние храмы самобытной и высокохудожественной архитектуры ломались и заменялись произведениями новейших архитекторов, вдохновлявшихся зданиями вокзалов и другими светского характера зданиями. Древние иконостасы с художественной резьбой и с высокохудожественными иконами выламывались, сваливались на чердаки и уступали место многоярусным столярным иконостасам, грубо вызолоченным

и лишенным всякого вкуса, а древние иконы заменялись ремесленными живописными копиями с немецких гравюр католических художников, часто лишенных также всякого художественного достоинства и противоречивших основным требованиям Православной Церкви.

Это варварское отношение к художественным памятникам церковного искусства, эта потребность в хранении культурных сокровищ Древней Руси, питающих вдохновение художников и являющихся главным залогом дальнейшего развития и успеха всякого рода искусства, эта гибель художественного национального достояния, хранящегося в церквах и монастырях, всегда вызвала негодование в культурном обществе и самые строгие, в большинстве случаев справедливые укоры. И в печати, и в обществе, и в ученых кругах, и в учреждениях изыскивали меры против этого варварства и наконец пришли к таким решительным мерам, как законодательные положения об изъятии всех культурных памятников церковного искусства и древностей из ведения Церкви, и отчуждение их, и объявление национальною собственностью.

В настоящее время к Церковному Собору обращены воззвания от художественных обществ и ученых учреждений с просьбой обратить внимание на действительную охрану памятников церковного искусства, находящихся в ведении Церкви, и выработать ряд мероприятий, обеспечивающих их сохранность и целостность.

Вот что пишет Собору Союз деятелей искусств от лица соединенных художественных организаций.

«Наибольшее количество памятников искусства и старины в России падает на памятники церковные и находящиеся в церквах, монастырях, часовнях, ризницах и в церковных, монастырских и епархиальных помещениях и хранилищах. До сего времени право владения церковным имуществом не было вполне определено. С одной стороны, существовало юридическое лицо отдельной церкви и монастыря (права пользования), с другой – наблюдались права, принадлежащие епархиальной власти (исключение подвижного имущества из описей Ведомства православного исповедания), иных ведомств (по охране искусства и старины) и, наконец, высшей государственной власти (например, отчуждение недвижимой собственности). Как ни старалось Ведомство православного исповедания противоположить право ведомственного владения праву владения государства, тем не менее в жизнь это мнение проведено не было и нигде в законе <об этом> прямо не было сказано.

В настоящее время в современной печати указывалось, что в кругах православного духовенства и в его высших установлениях в связи с вопросом об отделении Церкви от государства поднят вопрос о признании всех церковных имуществ принадлежащими нераздельно приходам и церковным установлениям.

Союз деятелей искусств, озабоченный охраной памятников искусства и старины, великого наследия наших предков, обсудив возможное положение дела охраны в будущем, признал, что:

1) передача прав владения нераздельно приходам и монастырям была бы отказом государства, хотя бы даже <от> части прав, принадлежащих ему, притом не вызванным необходимостью;

2) неудовлетворительная и до настоящего времени охрана церковных памятников была бы еще ухудшена при означенном переходе прав владения, так как поставила бы положение охраны церковных памятников в условия охраны памятников частновладельческих, охрана которых нигде в законе не предусмотрена. При этом нелишне отметить, что до сего времени главные усилия при охране церковных памятников были по необходимости направлены против покушения на них со стороны приходов, причтов, монастырей и епархиальных властей.

На основании изложенного Союз <деятелей> искусств признает настоятельно необходимым сохранить и по отделении Церкви от государства все права владения за государством, причем считает наилучшим решением признание всех сооружений и движимых имуществ, принадлежащих церквам, монастырям, часовням, епархиям, ризницам и хранилищам при них, общегосударственной собственностью, причем это правило должно быть распространено на все предметы – как внесенные в опись, так и не внесенные или из описей исключенные. Какое бы то ни было ограничение этого правила поведет к гибели целого ряда памятников часто первоклассного значения, так как не все памятники до сих пор известны и часто их приходится находить в местах свалки имущества, исключенного из описей.

Для того чтобы оградить права приходов, церквей и монастырей на пользование находящимся в них церковным имуществом после признания его государственной собственностью, эти права пользования должны быть оставлены, но при условии должного содержания, нерасхищения имущества и под соответствующим наблюдением».

В то же время Союз уполномочил одного из своих сочленов, академика архитектуры А. В. Щусева, внести это ходатайство лично в Собор и в интересах искусства защитить пред Всероссийским Собором предложение Союза об организации охраны художественного археологического имущества и предметов собственности церквей и монастырей путем передачи их в собственность государства.

Таким образом, Церкви грозит опасность лишиться своего достояния, ценность коего не поддается учету, достояния, вверенного ей поколениями верующих многих веков.

Среди культурных памятников, хранящихся в Церкви, должно отметить особо также и памятники древней письменности, старопечатные книги и церковно-гражданские архивы, сохранность коих всего менее обеспечена. Среди них есть такие сокровища, как Мстиславово Евангелие и множество других художественно-рукописных книг, украшенных миниатюрами, золотом и орнаментикой, доселе хранящихся в ризницах церквей и монастырей. Две самые древнейшие грамоты, дошедшие до нас в подлинниках двенадцатого века, – вкладная грамота великого князя Киевского Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьеву монастырю и древнейшая грамота преподобного Варлаама Хутынского Хутынскому монастырю – хранятся в означенных монастырях. Но множество рукописей подобного рода не ценятся некультурными владельцами их и выброшены в темные чуланы и на чердаки, гибнут от сырости, плесени и гнили. Такова участь больших церковных и монастырских архивов.

Забота об охране и этих письменных культурных памятников церковной старины побудила группу членов Собора во главе с В. Н. Бенешевичем и В. П. Шенным подать особую записку за подписью 32 <членов Собора>, в которой они, наряду с заботой об охране памятников церковного искусства и древностей вещественных, просят обратить особое внимание и на памятники древней письменности и архивы.

«В числе вопросов, – пишут авторы записки, – входящих в программу Собора и разрабатываемых в настоящее время Соборными Отделами, нет вопроса об охране и разработке находящихся в ведении Ведомства православного исповедания памятников древности. Между тем этот вопрос принадлежит к числу неотложных задач церковной власти.

Ведомство православного исповедания владеет не поддающимся подсчету и материальной и научной оценке археологическим и археографическим материалом. Всем прикосновенным к археологии и археографии и близким к ним отраслям знаний хорошо известны печальные последствия, проистекающие от отсутствия у нас

правильной общей организации по заведованию, охране и разработке этих материалов. До настоящего времени роль главного направляющего органа в этой области исполнял архив Святейшего Синода и состоящая при нем Архивная комиссия, которые с разрешения Святейшего Синода принимали на себя разработку тех или иных вопросов и мер, касающихся церковноархеологического дела, и на заключение которых церковная власть обращала иногда восходившие к ней дела этого рода. Но указанная роль не была закреплена за помянутыми установлениями, и вырабатывавшиеся ими меры носили случайный характер. Составленный Архивной комиссией с участием наиболее выдающихся ученых специалистов Санкт-Петербурга и одобренный в 1909 году Святейшим Синодом для вынесения на утверждение верховной власти проект Положения об Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и об епархиальных церковноархеологических комитетах, разрешавший вопрос о заведовании, охране и разработке памятников церковной старины, остается без движения. Такое положение дела вызывало и вызывает в специальной и общей печати, на археологических съездах и со стороны ученых обществ, правительственных и законодательственных учреждений самые разные суждения по адресу нашего Ведомства и даже требования об изъятии из его ведения памятников древности. Священному Собору Православной Российской Церкви надлежит разрешить этот наибольший вопрос».

Ввиду этих заявлений, а также важности и неотложности этих нужд Церкви в области церковного искусства Отдел богослужения выделил особый Подотдел о храме и поручил ему разработку всех этих вопросов. Подотдел нашел нужным пригласить к участию в обсуждении этих важных вопросов знатоков и специалистов в этой области: художников – профессоров живописи В. М. Васнецова, М. В. Нестерова, А. И. Савинова, академика архитектуры А. В. Щусева, и от археологических обществ – заслуженную деятельницу, в течение полувека доблестно ревнующую об охране памятников древнерусского искусства и церковных древностей, графиню П. С. Уварову, и директора Московского археологического института А. И. Успенского.

Предварительный обмен мнениями Подотдела по этим вопросам привел к решению о неотложной необходимости учреждения при Патриархе Всероссийском и Высшем Церковном Управлении особого органа, в ведении коего были бы все вопросы, связанные с церковным искусством: 1) как с надзором за целостью и сохранностью всех памятников церковного искусства: архитектуры, иконописи, религиозной живописи, литургического шитья, богослужебной утвари, древней письменности и архивов и других культурных ценностей, находящихся в ведении церковью и монастырями, 2) так и заботы о дальнейшем развитии церковного искусства на основах канонического древнехристианского, византийского и древнерусского искусства, наблюдение за художественной красотой церковного строительства, за украшением храмов, иконостасов стенописью и иконами, за богослужебной утварью и прочим в виде особой Патриаршей палаты церковного искусства и древностей.

5. 17-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (14 ноября 1917 года). Дискуссия о сохранении художественного наследия в связи с обстрелом Московского Кремля

На дальнейший характер дискуссии оказал решающее влияние обстрел Московского Кремля (это произошло 27 октября/3 ноября 1917 года). Еще в самом начале военных действий члены Собора ходили к большевикам и юнкерам, пытаясь предотвратить кровопролитие. Собору удалось добиться от большевиков разрешения похоронить жертвы

боев по-христиански. Уже 4 ноября, на следующий день после обстрела, делегация Собора прошла в Кремль²⁸. На заседании 8 ноября было принято решение «образовать особую Комиссию для описания и фотографирования поврежденных»²⁹. По благословению Собора вышла книга епископа Камчатского Нестора (Анисимова) о разрушениях, причиненных Кремлю³⁰.

В результате этих событий акценты дискуссии несколько смещаются. Если прежде речь в первую очередь шла о контроле за вновь создаваемыми произведениями церковного искусства и изучении церковных древностей, то теперь на первом месте оказываются проблемы сохранения наследия.

Дискуссия по проблемам церковного искусства состоялась на 17-м заседании Отдела, которое проходило 14 ноября 1917 года. Ввиду актуальности этой дискуссии и для настоящего времени приводим эту стенограмму полностью³¹.

Открывая заседание, *председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>* обратился к присутствующим со следующими словами: «Приветствую дорогих наших гостей, выразивших свое благосклонное желание оказать свое ученое сотрудничество нашему скромному делу. Дело охраны памятников церковной старины – весьма важное дело, дело это – великая святыня русского сердца. Поэтому оно требует усердного и благоговейного к себе отношения. Я еще раз благодарю дорогих членов Археологического общества, пришедших помочь нам своими указаниями в том, чтобы памятники нашей старины были надежно охраняемы. Мы ничего не можем сделать против тех варварских погромов и разрушений, которые наносятся ныне памятникам старины и о чем мы глубоко лишь скорбим. Пусть грех останется на совести тех, которые решаются на столь позорные деяния. История заклеяет эти злодеяния варваров, но мы должны приложить весь свой разум и все свое старание к сохранению от расхищения и гибели святых памятников старины, дабы они остались неприкосновенными и сияли как лучшие учителя и руководители нашей жизни в деле охраны народного благочестия». <... >

Граф П. Н. Апраксин: Я постараюсь занять ваше внимание всего несколько минут. Общий характер впечатления от произведенного в Кремле погрома потрясающий. Я два раза был в Кремле в последние дни. Там нет ни одного собора, в который бы не попал снаряд. Чудов монастырь пострадал сильно, больше всего церковь Двенадцати Апостолов; пострадал также сильно и Успенский собор, особенно от ударов бризантными снарядами. В собор стреляли 6-дюймовыми снарядами. В стене храма Николы Гостунского еще ныне лежит длинный осколок стента от тяжелого снаряда. Трещины и пробоины в стенах имеют угрожающий характер. В Успенский собор попало два снаряда: один – в купол, который пробит насквозь и его придется разбирать; другой снаряд попал в боковую часть стены, которая дала трещину по колонне и к низу. Если смотреть в профиль, то видно трещину вдоль собора. Громадные трещины также в церкви Двенадцати Апостолов. Уже с внутренней стороны видны трещины, а не только с наружной. В Патриаршую ризницу попало несколько снарядов, один из них бризантный, а другой 3-дюймовый и притом оба в одно и то же место. Можно себе представить сотрясение, которым подвергались здания под ударами этих снарядов. Бывшие <там > в это время люди передают, что вся почва дрожала. Спасавшиеся в подземелье Чудова монастыря не слышали звуков выстрела, а отмечают лишь, что дрожали стены от ударов снарядов. Я говорю это к тому, что не все было зарегистрировано, что произошло под влиянием разрушения. Очевидно, должны быть внутренние изменения в стенах: ведь их кладка старинная. Говорят, что в церкви Двенадцати Апостолов

трещина была раньше, теперь к ней присоединилась новая. Если бы этих трещин не было, то мы не заметили бы, что есть внутренняя трещина. При столь грандиозном разрушении, мне даже думается, <не> следует ли Собору бить в набат по поводу этих разрушений? Очевидно, ими должны заняться большие общества с крупными силами. Ведь трещины будут наполняться водой в дождевое осеннее время, вода будет замерзать и следует бояться разрушения здания. В обществе есть желание представить дело в более благоприятном виде, чем оно есть в действительности. Это вредная тенденция! Впоследствии все мы понесем за это справедливый упрек, ибо мы являемся нравственно ответственными за то, что сделано нами в целях сохранения зданий от дальнейшего разрушения. Через 20–30 лет в случае какой-нибудь катастрофы будут говорить, что <она> могла бы быть предупреждена, если бы своевременно были приняты меры. По-моему, все ученые должны броситься на это дело и выяснить максимум вреда, причиненного разрушением. Лучше ошибиться в этом деле; по-моему, вред гораздо больше, чем он кажется.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Хотя этот вопрос, о котором сообщил граф П. Н. Апраксин, очень больной, но мы не будем им заниматься. Учрежденная Собором Комиссия исследует и опишет все повреждения, причиненные разрушением, и затем Собор примет надлежащие меры к восстановлению разрушенного. <...>

* * *

После небольшого перерыва *В. Т. Георгиевский* зачитывает доклад, посвященный охране памятников церковной старины. Текст этого доклада пока не удалось обнаружить. В протоколе его содержание пересказано следующим образом: «После исторических справок об иконописном деле <докладчик> перешел к установлению руководящих принципов в области охранения древнецерковной самобытной художественной старины ввиду наметившихся тенденций изъять эту область из ведения Церкви и закончил сжатым проектом Патриаршей палаты церковного искусства»³².

Далее ход заседания вновь излагается по стенограмме.

По прочтении доклада *Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>* заявляет: «Подотдел и Отдел стоят на точке зрения создания прочной организации по охране памятников церковной старины, которой раньше здесь не было. Особенно это необходимо сделать теперь ввиду стремления организации художников взять это дело в свои руки. Первый вопрос, о котором Собор должен сказать свое слово, – вопрос о том, что эти памятники неотъемлемо принадлежат Церкви, или же Церковь пойдет на предложение изъятия их из своего владения и передачи их в область государственного владения. Вопрос сам по себе ясен. На памятники церковной старины нельзя смотреть как на предметы, подлежащие только научному изучению. Для нас эти памятники нередко святыня, предмет религиозного почитания, а посему они должны быть в ведении Церкви, а посему это положение ясно, но с принятием его Церковь должна отвечать как за сохранность этих памятников, так и за научную их разработку. Второй вопрос – о создании организации, которая занялась бы охраной памятников церковной старины и их разработкой.

Итак, вот два вопроса, которые предстоит нам решить. Как должно быть организовано дело охраны памятников церковной старины? Тут два предмета: памятники архитектурные и рукописные и памятники искусства. Двум ли независимым учреждениям передать охрану их или сосредоточить в одном церковном ведомстве».

Протопресвитер Н. А. Любимов вносит внеочередное заявление: «Я обращаюсь, – говорит он, – по поручению Соборного Совета с просьбою. Не только наш Успенский собор подвергся разгрому в дни междоусобной братоубийственной борьбы, потому что в среднем барабане собора снаряд сделал пробоину в аршин, из которой дует холодный воздух, тем более что в соборе побиты также и стекла. А в данный момент ввиду предстоящей интронизации Всероссийского Патриарха собор имеет особенную важность. Комиссия примет меры к тому, чтобы к предстоящему 21 ноября празднику изолировать пробоину и сделать собор теплым. Собор Двенадцати Апостолов подвергся полному разрушению. В Патриаршую ризницу попало два снаряда, которые обратили в щепы витрины с драгоценными древностями, стоявшие с правой стороны от входа. Витрины в ризнице представляют собой груды развалин. Была засыпана мусором и пылью, быть может, самая драгоценная святыня старины – Мстиславово Евангелие. По докладу мною Святейшему Синоду о происшедшем погроме была образована Комиссия для определения и описания этого погрома. В Комиссию вошли Высокопреосвященный Михаил (Ермаков), архиепископ Гродненский, я и <исполняющий> д<ела> прокурора Синодальной канторы Андреев.

Сегодня в первый раз Комиссия осматривала <Патриаршую ризницу>³³. Причем в осмотре Комиссии во главе с Высокопреосвященным Вениамином (Казанским) принимали участие верные члены Собора, православные крестьяне А. И. Иудин и П. И. Уткин. Сделано было множество отдельных снимков, причем в различных положениях снято было 8 снимков витрин Патриаршей ризницы. Из витрин, кажется, ничего не пропало. Но хранившиеся в них предметы или валяются на полу, или вынуты и переложены на другое место. Так, с митры Патриарха Никона был сбит крест, который валяется на полу. Нужно озаботиться прежде всего тем, чтобы застеклить побитые рамы ризницы, потому что здесь страшный холод и работать совершенно невозможно.

Тщательный осмотр мелочей не может быть произведен одним членом Комиссии. Тут необходимо участие других работников. Я доложил обо всем этом Соборному Совету, который и просил меня обратиться к Богослужебному отделу, с тем чтобы на помощь в работах по осмотру и разборке вещей командированы были члены Собора. Когда были сделаны снимки фотографом, то некоторые предметы были поставлены мною на свои места. По постановлению Комиссии ризница должна приводиться в порядок. Мстиславово Евангелие было вынуто из ларца, в котором оно хранилось. Оно все было засыпано толстым слоем пыли. С большой предосторожностью пыль была мною сдута. Евангелие оказалось целым и внутри оно не пострадало, но в корешке есть язва от пули. Одна из миниатюр потрескалась и рассыпалась в мелкие куски – в верхнем углу Евангелия. Затем в куче пыли мною найдена была часть застезжки Евангелия. По очищении от пыли Евангелие положено было мною в футляр и ввиду предстоящей уборки ризницы оно было заперто и передано для хранения в Синодальную библиотеку под расписку библиотекаря Н. П. Попова. Это пришлось сделать по необходимости, и об этом я доложил Святейшему Синоду. Все остальное в Патриаршей ризнице требует тщательного разбора. Прошу в помощь занимающимся этим делом троим членам Комиссии избрать некоторых членов Отдела. Работа по уборке ризницы, быть может, дело нескольких месяцев. Нам предстоит осторожная и тщательная работа. Ввиду того что весь пол ризницы засыпан слоем битого стекла, я предлагаю начинать мести пол самым тщательным образом. Необходимо все осколки собрать в ящик и затем уже постепенно и тщательно разбирать всю эту собранную массу. Ящики опечатать и поставить в отдельное помещение. Эта работа нескольких, говорю, месяцев, работа кропотливая. Она должна <будет> производиться при

неблагоприятных условиях, а потому требует крепких физических сил и здоровья. Работать придется сменными очередями, потому что одному лицу более двух с половиной часов не пробыть на работе. Примерно шестеро, по очереди работая неделю, могли бы тщательно собрать все разрушенное и перебитое и поднять с полу. Я прошу непременно в число лиц, имеющих заниматься разборкой Патриаршей ризницы, непременно включить крестьян П. И. Уткина и А. И. Июдина. А затем, может быть, обнаружится потребность в специалистах – художниках и ювелирах. Пока предметы ризницы охраняются солдатами, по-видимому, людьми верующими, так как они сами скорбят по поводу всего происходящего. Мы от Собора платим им каждому по три рубля в день за охрану.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)> спрашивает докладчика, безопасно ли само здание ризницы и можно ли в нем оставить вещи.

Протопресвитер Н. А. Любимов: С внешней стороны даже трудно разобрать, что внутри здания произошло такое варварское разрушение. Даже решетки на окнах не разворочены, только в одном месте окна решетка несколько расширена. Но внутри страшные повреждения. У одного из окон отбит косяк. Удар снаряда направлен был, по-видимому, между Спасскими воротами и памятником императору Александру II. Но что любопытно, Евангелие, находившееся в киоте вблизи места прохождения удара, осталось незабытым и неповрежденным. В эту же первую ночь погрома сбежал хранитель Патриаршей ризницы архимандрит Арсений и не вернулся в свою квартиру до сих пор. Мы, таким образом, лишены возможности определить важность порчи или совершенной утраты тех или других предметов ризницы. Правда, на своем посту остался верным его помощник иеромонах Евстратий – человек ревностный и усердный, но он далеко не в курсе дела. Я доложил Святейшему Синоду о поступке архимандрита Арсения, и Синод, кажется, уже принял меры к устранению его от заведования ризницей. Окна в ризнице уже и теперь застекляют. Мы будем просить помощи ученых-археологов. Но затруднение непреодолимое относительно вставки стекол в оконные рамы. Ходить до окна по битым стеклам и грудам мусора небезопасно: как бы не раздавить какую-нибудь драгоценность, подступа к окнам нет. Я предлагаю даже, быть может, не застеклять двух окон, а просто забить их снаружи щитами. Беда также и в том, что порваны электрические провода, и залы лишены освещения. Мною, как я указывал, приняты меры к охране ризницы. Сегодня комендант Кремля вызвал надежную стражу из лиц учебной команды. Сегодня в ночь эта стража была на месте. Стража дала слово, что она будет охранять со всем усердием.

По выслушании доклада отца протопресвитера Н. А. Любимова, *председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>* предлагает перейти к главному предмету занятия настоящего заседания, именно: обсудить вопрос, в чьем ведении должны находиться памятники церковной старины и как должно быть организовано управление ими.

Граф Д. А. Олсуфьев: <Нам предстоит решить>, что охранять. Есть памятники живой церковности и предметы, ставшие объектом исторического и художественного изучения. Если бы только о вторых государство само заботилось, то это нисколько не освобождает Церковь от обязанности тщательно хранить церковную старину храмов.

И. П. Машков: Нужно присоединиться к <мнению> об устройстве Высшей иконописной школы в Москве. Что касается того, чтобы все памятники церковной старины и хранение их было передано в ведение государства, – против этого необходимо протестовать всеми мерами. До сих пор и в ведомстве государства плохо охранялись памятники старины. Правда, существует закон об их охране, но видно, что никакая гражданская власть серьезно не занималась вопросом об их охране. В настоящее

время эта охрана, как и самые памятники в городе, переданы городским властям, но и они, по-видимому, также мало интересуются этим делом. Мы знаем подтверждающие это <факты>, например, из деятельности городского управления города Тулы, постановившего, было, сломать свой кремль. Города и земства, если и охраняют сколько-нибудь, то только, так сказать, материальную старину. При таких условиях весьма желательно было бы совсем выделить из их власти охрану памятников старины церковной. Что касается до способов охранения памятников церковной старины, то я сказал бы, что одной проектируемой Подотделом Палаты церковного искусства при Патриаршем управлении недостаточно. Но я хотел бы, чтобы при Патриаршем управлении был особый департамент, который бы имел свои разветвления и ведал памятниками по всей России. Я думаю, что идти нам по этому пути возможно. Несомненно, что художественные кружки не могут хладнокровно и легко уступить право владения и охраны памятников каким-либо другим организациям, тем более что они также являются любителями старины. В конце концов следует указать и на то, что привлечение к делу хранения памятников каких-нибудь 20–30 человек – это будет мертвое дело. Нельзя в этом деле <...> обойтись без привлечения любителей церковной старины добровольцев. Ограничиться только созданием одного лишь «ведомства» недостаточно. Это едва ли удовлетворит всех. Придется взять вопрос гораздо шире. Я мог бы предложить проект охраны памятников старины, выработанный Московским археологическим обществом. Он в этом Обществе разработан детально и мог бы послужить канвой для выработки проекта об управлении памятниками искусства и охране церковных древностей, который бы вполне удовлетворил не только ведомство Святейшего Синода, но и общественные круги.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Может быть, сначала мы сделаем обмен мнениями по вопросу. <Если> мы говорим об охране памятников церковной старины, то естественно, что и учреждение, ведающее эту охрану, должно быть церковное. Но мы, однако, допускаем также в эту область и широкое привлечение сил ученых – художественных и общественных. Таким образом, это будет церковно-общественное учреждение.

А. И. Юудин: <Так как> древности наших церквей <...> представляют из себя большую ценность, то и <для охраны> их нужно принять меры серьезные. На мой взгляд, вся древность как в церквях, так и в часовнях должна находиться в описи. Ответственны за них – причт и совет церковный. Они должны хранить и отвечать по закону за их уничтожение. Если в церкви или в часовне есть древности, то необходимо привести их в порядок. Во-первых, иконы или другие вещи должны быть помещены в соответствующем помещении в чистоте и опрятности и строго охраняться от расхищения. Во-вторых, если хранить старинные иконы приходится в особом помещении, а находится желание положить эти иконы в иконостас, в часовню или в церковь, то отпустить таковые, но с тем, чтобы они были на их учете, за их строгой ответственностью и делать это с благословения епископа. В-третьих, если в церкви или в часовне древние иконы, кресты или другие какие вещи не прибраны в порядок, то таковые должны отбираться и отправляться в епархиальный музей. Ранее взгляд на древние иконы, сосуды и другие вещи церковные был поверхностный. Они хранились плохо, даже расхищались самым обычным порядком. В некоторых приходах, а в особенности на Севере, где стариной весьма богаты, к тому же чтимые иконы в часовнях и церквях иногда бывают <потемневшими>, их отправляют поправить лишь в некоторых частях живописи; между тем <...> им предлагают переправить всю икону, переписать ее снова, на что охотно соглашаются, и вот вместо переправленной им привозят новую,

но старая не вернется, и этим путем много теряют древних икон, каковую переправку надо всемерно запрещать.

А. В. Щусев: Я позволю на некоторое время остановить внимание Отдела на существе вопроса. *Кому* принадлежит церковное имущество – Церкви или государству? Хозяина, владеющего имуществом, памятниками старины церковной, у Церкви нет, и Союз художников правильно рассуждает, что ввиду этого заведование этими памятниками должно быть передано государству. Но и государство хорошо ли охраняет памятники? Ответ на это нам дает разгром Московского Кремля, произведенный в наши дни. Из-за политических бушеваний страстей гибнут памятники старины. Таким образом, вопрос о необходимости охраны памятников старины самим государством отпадает, потому что меры государства, применяемые здесь, как оказывается, недействительны. Памятниками церковной старины, итак, должна владеть Церковь – с этой стороны и я присоединяюсь к мнению Союза деятелей искусств. Церковь всегда скверно охраняла памятники старины и не умела владеть ими. Она, попросту сказать, выбрасывала их или говорила – всякий бери, кому что нравится. Не было у Церкви организовано ни охраны, ни собиране памятников, и только лишь в последнее время стали заводиться церковноархеологические комиссии. Если предполагается организовать Палату церковного искусства, то это должно приветствовать. Палата и будет именно тот орган, имеющий власть, о котором необходимо всемерно заботиться. Если церковное учреждение – Палата – будет и охранять памятники искусства, и развивать, и насаждать новые отрасли искусства, то вопрос об ее учреждении следует приветствовать. Но *кому* должны принадлежать и *кто* должен охранять ценности – Церковь или государство – вопрос не решен. По-моему, ни то, ни другое. Вот, например, церковный фонарь, как его определить, можно ли его продавать или нет. Часто будет удобнее продать, чем хранить, и это нужно в известной мере даже поощрять, и Церковь запретить этого никогда не сможет. Агенты по покупке старых вещей и предметов наводняют собой всю Россию. Ведь даже и в Италии, где существуют строгие законы охранения старины, и то умудряются вывозить за границу памятники древности. Итак, по существу едва ли удастся когда полная охрана. То положение, что Церковь должна охранять памятники, нужно принять. Государство не вправе посягать на церковное имущество, но ему также дозволено собирать памятники старины. Церковная организация по охране памятников старины, конечно, убедительный аргумент в этом деле и всегда может предложить не поступаться церковными драгоценными древностями, а теперь этого достигнуть невозможно.

Епископ Прокопий (Титов): 1. Отдел имеет попечение о памятниках церковной старины и церковных искусств. Но и церковные памятники, как создания национального гения, являются достоянием народа, национальной собственностью.

2. Вопрос далее заключается в том, *кто* должен веда́ть этим национальным достоянием, *какой* орган, осуществляющий народные права, – государство или !Церковь. Ввиду того что у нас речь о тех памятниках искусства и древности, <которые> фактически всегда были достоянием храмов и монастырей и предметом религиозного почитания, естественно, что эти предметы не могут быть изъяты из ведения церковной власти как выразительницы прав православного народа.

3. Для сего Церковь должна организовать особое управление – Патриаршую палату – с представительством от ученых, художественных и общественных организаций.

4. Но чтобы этот центральный орган имел необходимую власть и влияние в своей деятельности на местах, необходимо признание Патриаршей палаты со стороны государственной власти, как и ассигнование средств из Государственного казначейства на

ее организацию и работы. Может быть, окажется необходимым иметь представителя государственной власти в Патриаршей палате, а возможно, что придется признать и контроль государства. Это будет зависеть от того, каковы отношения установятся между Церковью и государством.

5. Необходимо для жизнеспособности и живой работы на местах возможно широкое привлечение местных общественных сил и частных любителей и деятелей, и, может быть, на местах <...> общественные деятели еще более необходимы, чем в центральном органе.

К. И. Самбурский: Прежде чем сказать, в чем ведении должны находиться церковные древности, я скажу несколько слов о том, в каком печальном состоянии находятся древности, хранящиеся при церквях. По поручению предварительных комитетов по устройству археологических съездов Харьковского, Екатеринославского и Черниговского во время заведования моего Черниговским епархиальным древлехранилищем, при обследовании церквей и хранящихся при них памятников церковной старины я наглядно убедился, в каком печальном положении находятся предметы церковной старины. Предметы, иногда очень ценные в археологическом или научном значении, приходилось находить в разном мусоре, в кладовых церквей, на колокольнях и в других местах. <Мною установлено>, что предметы уничтожались, сжигались, подвергались разным случайностям, продавались скупщикам и погибали. В 1904 году при церквях составлены описи церковных древностей, но эти описи далеко не соответствуют действительности по неопытности лиц, производивших эти описи. Во всех почти губернских городах учреждены церковноархеологические комиссии или общества с церковными музеями при них.

По моему мнению, все церковные древности должны составлять неотъемлемую собственность храмов. Для этих предметов должны быть устроены витрины, а в монастырях отведены особые помещения, где бы предметы церковной старины и были бы размещены. С согласия приходских советов предметы старины могут быть переданы в епархиальные древлехранилища. Церковноархеологические комиссии должны командировать на места специалистов, знатоков церковной археологии, для приведения в известность предметов старины и их описания. Высшая церковная власть в лице Собора или Синода должна избрать Всероссийское ученое церковно-историко-археологическое общество по охранению и изучению памятников церковной старины, пригласив в это Общество ученые силы специалистов археологии и церковного зодчества. Это Общество должно выработать устав для епархиальных церковно-историко-археологических обществ и комиссий по охранению церковных древностей. В ведении епархиальных церковноархеологических обществ должны быть все церковные древности в церквях епархии. Всероссийское церковно-историко-археологическое общество должно ведаť всеми церковноархеологическими обществами и музеями церковными в епархиях, следя за их деятельностью и руководя ими.

З. И. Иванов (член Московского археологического общества): Все здания и предметы церковные и вообще все находящиеся предметы, принадлежащие Церкви, должны безусловно принадлежать Церкви, которая должна следить и охранять все памятники под руководством ученых, археологических и художественных обществ и без их заключения никаких решений не постановлять. <... >

Е. В. Скородумов: На вопрос, поставленный Высокопреосвященным председателем, кто является владельцем церковными памятниками, я, как сын Православной Русской Церкви, самым категорическим образом высказываюсь против какой бы то ни было передачи в чужие руки памятников церковной старины, принадлежащих

Церкви: будут ли то храмы, часовни, школы, церковная утварь или письменные памятники (кроме находящихся в частных руках). В этом отношении я, надеюсь, остаюсь верным заветам наших предков как обществу верующих христиан, живших церковной жизнью, от которой сохранилось так много памятников. Представитель Петроградского Союза деятелей искусств заявляет, что Союз стремится к отчуждению церковных памятников от Церкви потому, что Церковь обращалась со своими памятниками скверно. Я просил бы взять это слово обратно и выразиться более мягко, потому что все же в Церкви заметно стремление сохранить свои памятники и есть немало хранилищ этих сокровищ, а особенно проявляется это стремление в последнее время, да и сам Союз деятелей искусств не может похвалиться идеальным сохранением памятников гражданской жизни (гибнут же теперь целые деревни – типичные представители русского зодчества XVI – XVII веков и однако...). Итак, памятники церковные остаются за Церковью, а из того, что организация сохранения церковных памятников была плоха, еще не вытекает, что Церковь должна быть отстранена от этой организации. Наоборот, идя навстречу порыву Церкви, заняться упорядочением хранения памятников своей старины, надо приложить все старания к тому, чтобы эта организация была идеальна.

Граф Д. А. Олсуфьев: Одни памятники церковной старины составляют предмет науки и потому им место в музеях. Но вот, например, Остромирово Евангелие и подобные памятники. Сохраняйте, сказал бы я ревнителям охраны церковного имущества, но кто вам даст денег, необходимых для организации этой охраны. Нормальное государство, конечно, будет заботиться об охране памятников литературы и искусства и оно все-таки, наверное, захватит в свои руки значительную часть церковных древностей. Если значительная часть церковного искусства доселе гибла, то это зависело всецело от невежества церковных охранителей. Имелись, например, в церквях превосходные старинные иконостасы, но они почему-либо не нравились малосведущим в церковном искусстве священникам и даже епископам, и вот на их место ставили новые иконостасы, а старые выбрасывали. Я уже упоминал в Отделе, что в Ростове Великом, где имеются великолепные фрески в Архиерейских палатах, <...> устроены были в подвалах погреба с капустой, <там> очевидно, не понимают истинную цену церковных памятников. И следует сказать, если что доселе <и> сделано в отношении охраны церковного искусства, то это сделано элементом светским, а не церковным. Есть различные способы хранения старины: можно хранить художественные произведения так, что они будут пускаться, как бы сказать, в оборот, будучи поставлены в музей и сделавшись доступными для обозрения широкой публики. А можно иметь и другой способ хранения их, так сказать, в сундуках. Как на пример можно указать на ризницу Троице-Сергиевой Лавры. Я не думаю, чтобы охрана драгоценных предметов церковной старины в ризницах вполне отвечала музейной обстановке. Ведь там и холодно, и сыро, и сокровища остаются нередко вполне мертвыми. Кому принадлежат церковные древности – это для меня в высшей степени интересный вопрос. Я бы спросил: можно ли изъять ризницу Троице-Сергиевой Лавры и перевезти ее в Москву, в музей. Я бы сказал, что церковные древности принадлежат Церкви в целом, а не отдельным церквам. Мне думается, что могло бы <быть> вынесено постановление, что церковные древности суть достояние и собственность всей Православной Церкви в целом. Этими словами я даю ответ на первый вопрос Председателя. Но есть редкости, которые никогда не выйдут из собственности церковной, например икона Иверской Божьей Матери. Организация охраны памятников церковной старины необходима. Отдел наметил проект этой организации, и его нам необходимо обсудить, это будет полезно для следующих работ по этому вопросу. Организация должна быть как

центральная, так и областная; должны быть устроены провинциальные комитеты охраны церковной старины. Но самое ядро всей этой организации должно быть выработано Собором.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Я думаю, что мы всею силою должны утвердить положение <о том>, что памятники церковной старины – неотъемлемая принадлежность собственно Церкви. Обоснованием <того>, что Церковь сама не в состоянии охранять эти памятники, служит то, что памятники эти расхищаются, но ведь и государственные памятники испытывают едва ли не то же самое. Вот хотели уничтожить Московский Кремль. Таким образом, на государстве не меньше грехов, чем на Церкви. Лишь в последнее время благодаря народившимся археологическим обществам и у государства дело это более или менее направляется на надлежащий путь. Если же и далее по отношению к охране памятников церковной старины будет допускаться прежняя небрежность, это будет одинаково преступно как для Церкви, так и для государства. Бесконтрольное отношение к памятникам искусства было раньше общим грехом. Но теперь условия меняются: памятники, где имеются и уже <находятся> в ведении Церкви, передавать в государственное ведение отнюдь не следует. Конечно, нельзя к ним относиться бесконтрольно. Должен быть высший орган, который <будет> блюсти это дело. Собор, следовательно, погрешит, если признает необходимым архивные памятники передавать музеям, он правомочен это делать, но отнять право на собственности у Церкви никто не может. Ослаблять этого положения никак нельзя. Можно дать широкий доступ художественным и общественным управлениям в церковной организации по охране памятников церковной старины и искусства. Я имел смутное представление об Архивной комиссии при Святейшем Синоде. Все дело по охране церковной старины надо соединить в одну целую организацию с двумя при ней отделениями: одно – для памятников, другое – для рукописей, археографическое. Академик А. И. Соболевский <позже> обещает нам сообщить об этом. <...>

Г. И. Булгаков: <Необходимо> принять все зависящие от Собора меры, чтобы сохранить за Церковью принадлежащее ей по канонам право на владение церковным имуществом и в том числе памятниками церковного искусства, составляющими собственность Церкви, а также принять меры, чтобы государством было предоставлено Церкви право наблюдения за хранением тех памятников церковного искусства, какие находятся в государственных, общественных и частных музеях, так как эти памятники могут быть поставлены в такое положение, которое противоречит их религиозной ценности, свойственной предметам религиозного почитания. Для улучшения же охраны памятников церковного искусства, принадлежащих Церкви, – поддержать существующие церковные историко-археологические учреждения.

А. И. Иудин снова ставит вопрос о том, кто является хозяином церковных древностей, и кратко повторяет мысль, что хозяин этот – Церковь, а не государство.

Профессор П. Н. Жукович указал на то, что при устройстве будущего высшего учреждения для охраны памятников церковной старины нужно в равной мере иметь в виду оба основных разряда этих памятников – вещественные и письменные – и что в речах предыдущих ораторов недостаточно отмечено относительно письменных памятников. Затем он провел ту мысль, что нужно не только формулировать, но со всей тщательностью аргументировать то положение, что памятники церковной старины составляют собственность Церкви и что охрана их должна принадлежать ей. И при старом государственном строе и правительственные учреждения (министры внутренних дел, Императорская археологическая комиссия), и некоторые общества (Московское археологическое) заявляли сильные притязания на охрану памятников церковной старины. Этим и объясняется практическая неудача выработанного Археологической

комиссией при Святейшем Синоде законопроекта. Для исторических справок по вопросу об охране памятников письменных профессор П. Н. Жукович рекомендовал вышедший недавно свод узаконений и проектов об этом, изданный Русским историческим обществом в Петрограде.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Я думал закончить вопрос и войти на Собор с докладом по поставленному вопросу, но закончить не удалось. Во всяком случае нам нужно просить благословения Собора, чтобы Святейший Синод официально заявил, что: а) памятники церковной старины – неотъемлемая принадлежность Церкви, б) что должна быть организована правильная их охрана наверху с известным соотношением к епархиальным организациям. Если Собор согласится утвердить эти принципиальные предложения, тогда мы будем разрабатывать детали. В настоящее время остается в заседании мало членов, и я откладываю вопрос до следующего заседания.

6. 18-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (16 ноября 1917 года).

Доклад епископа Прокопия (Титова) «О Патриаршей палате церковного искусства и древностей»

В связи с тем, что первая сессия Собора должна была вскоре закончиться, Подотдел пытался завершить работы по тем темам, которые были близки к завершению. На 18-м заседании, давая обзор работ Отдела, архиепископ Евлогий (Георгиевский), в частности, сказал: «У нас <... > готово дело по поводу Комитета иконописи. Здесь требуется наше заключение по вопросу, в чьем ведении должен быть этот Комитет. Я думал первоначально <объединить> это дело с другим общим вопросом об охране памятников церковной старины. Но, как видно, последнее дело расширяется и требует руководственных указаний со стороны многих специалистов. Ввиду сего разрешение не связывать, как я указал ранее, а войти в Собор с отдельным докладом о том, что Комитет иконописи, как ведущий дело чисто церковное, отнюдь не может быть устранен из области церковного ведения. Нам настойчиво следует требовать, чтобы Комитет был передан Церкви. Священный Собор должен обратиться к Временному правительству с ходатайством о такой передаче, так как Комитет затрагивает чисто христианское дело»³⁴.

Собору был предложен следующий доклад (проект Соборного *Деяния*).

ДОКЛАД

«О Патриаршей палате церковного искусства и древностей»³⁵

Докладчик: Прокопий (Титов), епископ Елисаветградский

1. Предметы церковного искусства, а также и вещественные (произведения письменности, церковной печати, зодчества, иконописи, ваяния и прикладных искусств), находящиеся ныне в распоряжении Российской Церкви, являются неотчуждаемым достоянием всего русского православного народа и охраняются всей мощью государственной власти.

2. Право ближайшего ведения и непосредственного распоряжения этими памятниками, ввиду их церковного характера, часто непрекращающегося церковного употребления, а также и давности владения ими Церковью, принадлежит исключительно Православной Русской Церкви в лице надлежащих органов последней и не может быть ни отторгаемо от нее, ни сокращаемо в своем объеме, ни нарушаемо в отдельных случаях никакою властью.

3. Для заведования памятниками церковного искусства и церковной старины (п. 1) существующая ныне при Святейшем Синоде Архивная комиссия преобразовывается в особое установление при Высшем Церковном Управлении, которое именуется Патриаршей палатой церковного искусства и древностей.

4. Патриаршая палата церковного искусства и древностей имеет три отделения: 1) отделение современного церковного искусства, 2) отделение церковных древностей, 3) отделение письменности. Отделения могут в потребных случаях делиться на разряды.

5. Ведению первого отделения подлежат: а) наблюдение за церковным пением, б) художественное наблюдение за современным церковным строительством, иконописью и церковнобогослужебной утварью, литургическим шитьем и вообще предметами прикладного искусства, в) заведование существующими и открытие новых школ иконописания (в особенности в монастырях, мужских и женских), г) организация иконописных артелей и мастерских, устройство при них собраний образцовых икон, д) устройство выставок, е) урегулирование торговли иконами при церквях, монастырях и епархиальных складах церковно-богослужебных принадлежностей.

Примечание. Комитет попечительства о русской иконописи, находившийся в ведении Министерства народного просвещения, должен состоять в ведении Патриаршей палаты церковного искусства и древностей.

6. Ведению второго отделения подлежат: а) приведение в известность и регистрация всех памятников церковной старины, находящихся в ведении Церкви, б) принятие мер к охране их от порчи, гибели и отчуждения, а равно и поддержанию тех из них, которые подвергаются неустранимому действию времени, в) научное их исследование, разрешение вопросов о ремонте и реставрации памятников, д) заведование Патриаршей ризницей и другими центральными церковными археологическими древлехранилищами.

7. Ведению третьего отделения подлежат: а) приведение в известность и регистрация всех памятников письменности, находящихся в ведении Церкви, б) принятие мер к охране их от порчи, гибели и отчуждения, в) научное их описание, издание и разработка, г) заведование Патриаршей библиотекой, архивом и библиотекой бывшего Святейшего Синода и всеми другими центральными церковными учреждениями архивного и археологического характера.

Примечание. Архивная комиссия при архиве Священного Синода в настоящем ее составе включается в третье отделение Патриаршей палаты церковного искусства и древностей.

8. Все епархиальные учреждения: художественные, архивные, археологические, церковнопевческие и др. (общества, музеи, ризницы, древлехранилища, библиотеки, архивы) – находятся в живом общении с Патриаршей палатой церковного искусства и древностей, пользуются ее указаниями и представляют ей ежегодные отчеты о своей деятельности.

9. В состав Патриаршей палаты церковного искусства и древностей входят: а) лица, известные своими познаниями в области церковного искусства и церковных древностей – по назначению Высшего Церковного Управления, б) лица, избираемые Духовными учено-учебными учреждениями, в) представители от ученых историко-археологических и художественных обществ и учреждений, избираемые или по предложению Святейшего Патриарха.

Примечание 1. Все члены Палаты должны быть православного исповедания.

Примечание 2. Выборные члены Палаты избираются на три года с правом переизбрания.

10. Ведению общего собрания Палаты подлежат: а) выборы должностных лиц, б) заслушивание и утверждение годового отчета о деятельности Палаты, в) рассмотрение и утверждение сметы, г) решение всех дел, касающихся Палаты в ее целом.

11. Управление делами Палаты сосредоточивается в Совете Палаты, в состав которого входят председатель Палаты, каковым является один из членов Священного Синода по назначению Святейшего Патриарха, заместитель председателя, секретарь, казначей, а также председатели всех отделений и разрядов Палаты.

12. Заместитель председателя, секретарь и казначей Палаты избираются ее членами из своей среды на три года и утверждаются Святейшим Патриархом.

13. Отделения и разряды работают самостоятельно, руководствуясь особыми положениями или инструкциями. В потребных случаях они могут устраивать общие соединенные заседания.

14. Каждое отделение и разряд из своей среды выбирают председателя и других должностных лиц сроком на три года. Избранные утверждаются в своей должности в установленном порядке.

15. При Палате учреждается Канцелярия, на обязанности которой лежит ведение всего делопроизводства Палаты, ее отделений и разрядов.

16. Все постановления Патриаршей палаты, ее отделений и разрядов восходят на утверждение Святейшего Патриарха со Священным Синодом или Высшим Церковным Советом по принадлежности.

17. Служебные права членов Палаты, ее отделений и разрядов, размер жалованья, размер и условия получения пенсии, определение источников для покрытия расходов по содержанию Палаты, состав служащих в Канцелярии, их служебные обязанности и права, размер вознаграждения и пенсии, условия определения на службу и прохождения ее вырабатываются Высшим Церковным Управлением на общих основаниях.

18. Патриаршая палата как одно из учреждений Высшего Церковного Управления, служащее не только целям церковным, но и культурно-государственным, также должны получать средства из Государственного казначейства по смете Высшего Церковного Управления.

19. Патриаршая палата церковного искусства и древности состоит в сношении с соответствующими общегосударственными органами по всем вопросам, входящим в круг ее деятельности.

20. Учреждение Патриаршей палаты и открытие действий ее должны быть осуществлены по возможности без замедления.

Примечание. Подробная разработка настоящего положения о Патриаршей палате и ее отделениях составляет ближайшую задачу ее Совета, по указаниям Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета.

Судя по рукописной пометке на машинописном экземпляре этого доклада³⁶, он соборно не рассматривался.

7. 19-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (22 ноября 1917 года).

Продолжение дискуссии о Комитете попечительства о русской иконописи, церковном искусстве, иконописании и охране памятников церковной старины

Подготовленные и представленные Собору тексты докладов не покрывали собой всего круга вопросов, связанных с охраной памятников церковной старины, поэтому эта тема продолжала обсуждаться вплоть до конца работы Собора.

На 19-м заседании, которое состоялось 22 ноября 1917 года, архиепископ Евлогий (Георгиевский) сообщает, что докладчиком по вопросу о русской иконописи должен был выступить епископ Прокопий (Титов), однако он уехал из Москвы. Докладчиком Отдела становится Н. Н. Мавровский. Затем архиепископ Евлогий сообщил, что проблемы охраны памятников церковной старины были доложены Епископскому Совету и что он «выразил единодушное согласие по поводу того, чтобы дело о церковном искусстве, иконописи и памятниках церковной старины всецело было сосредоточено в руках Церкви»³⁷. С. Г. Рункевичем была сделана историческая справка о Комитете иконописи³⁸.

С. Г. Рункевич: Я должен сказать предварительно пару слов о Комитете иконописи. Когда Министерство народного просвещения передало на отзыв Св<ятейшего> Синода поступившее к первому обращению Комитета иконописи, то у Высшей Церковной Власти не было сомнения в том, что Комитет этот должен быть в ведении Синода. Кто помнит историю этого Комитета, тот знает, что Комитет этот первоначально образовался при Синоде. Апполинарый Львов собирался преобразовать существующую при Синоде Архивную комиссию в Археологическое общество. Был избран председатель намечаемого Общества А. Ф. Бычков и товарищем его граф С. Д. Шереметев. На первом заседании Архивной комиссии по этому делу произошло соглашение по вопросу указанного преобразования. А затем А. Ф. Бычков и С. Д. Шереметев уехали домой с одним из членов этой Комиссии, где и перерешили вопрос по-другому. Они обратились с докладом о Комитете иконописи на Высочайшее имя и проект последнего, представленный при докладе, был утвержден. Но, как известно, еще при Петре Великом существовали «изографы» и особая Комиссия их, которая находилась при Синоде. Так было с самого начала: по распоряжению государя Комиссия находилась в ведении Синода. Как устроить теперь? Министерство решило передать вопрос на обсуждение Синода. Для Синода, повторяю, ясно, что это дело должно быть в руках церковной власти. Св<ятейший> Синод, признавая это дело весьма важным и необходимым, решил представить его на заключение Собора, и Собор передал в наш Богослужбный отдел. Что касается другого дела – об отношении Собора к памятникам церковной старины, то Соборный Совет обсуждал это дело и пришел к мысли о необходимости в самом спешном порядке организовать охрану памятников церковной старины. Никогда в прошлое время эти памятники не подвергались такому варварскому разграблению и расхищению, как это мы видим в настоящее время как в центрах, так равно и в провинции на местах. Необходимо ввиду этого сконцентрировать дело этой охраны на прочных основах. На основании этого Св<ятейший> Синод признал эту задачу неотложною. А так как в предыдущее время вопрос этот уже неоднократно разрабатывался Св<ятейшим> Синодом, то было постановлено собрать все необходимые по вопросу сведения. Особенно детально вопрос об охране памятников церковной старины разрабатывался Св<ятейшим> Синодом в 1906 году, когда обсуждался вопрос о преобразовании Архивной комиссии Синода в Археологическое общество и об утверждении всех правил этого Общества. В 1906 году уже был представлен проект о создании церковной организации по охране памятников старины и об утверждении правящего этой организацией высшего органа. Теперь наша задача вновь организовать это дело, привести в исполнение прежний проект, применить его к нашему времени и создать организацию для немедленной охраны памятников старины.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Перед нами, как я представляю дело, две задачи: 1-я, чтобы принять на себя заботу об охране памятников старины, и 2-я, более живая, – о церковном искусстве, об иконописи. Должно быть

центральное учреждение, совмещающее в себе обе эти задачи. Оно должно направлять и разрешать те задачи, которые преследовал иконописный Комитет. Если мы скажем, что Церковь должна наблюдать за охраной памятников старины, то очевидно, что для такого наблюдения должно быть создано учреждение. Я и ставлю перед вниманием собрания вопрос: это учреждение должно быть единым, с двумя, так сказать, разветвлениями – памятниками старины и заботы о церковном искусстве, или одного с другим не следует соединять? Если речь идет о ценных археологических памятниках, то охрана их касается одного учреждения; если вопрос касается искусства, то это уже иное дело. Но у нас не решен еще первый вопрос – именно <о том>, что все памятники церковно-исторические и церковной старины должны быть в ведении Церкви. Здесь раздавались голоса, что целый ряд памятников должен быть независим от церковного управления, что это дело чисто государственное. Различные общественные организации также заявляют притязания ведать этим делом. У нас в Отделе были подробные рассуждения по этому поводу. Может быть, их теперь закрепить уже определенным голосованием: *что* должно оставаться в ведении Церкви и *что* – быть государственным достоянием. Я лично смотрю на дело так: что осталось в ведении Церкви – многое ведь уже ушло из ее ведения, потеряно для нее, – то отнюдь не должно быть передаваемо государству, а должна владеть и охранять оставшееся сама Церковь. Она должна создать учреждение, которое бы ведало остающимся у нее богатством. Я ставлю вопрос: что, все памятники старины – непререкаемая собственность Церкви или же часть их должна быть передана в ведение других, государственных учреждений?

С. Г. Рункевич: С моей точки зрения, в данном вопросе две стороны. Первый вопрос – о средствах охраны памятников церковной старины в настоящее время, а затем второй, общий вопрос – не только об охране, но и о дальнейшем развитии и усовершенствовании церковного искусства. Это уже задача Собора, который должен учредить Палату церковного искусства. Препятствий к обсуждению этого вопроса нет.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Что касается вопроса об отдаче памятников в ведение других учреждений, то, во всяком случае, желательно оставить их в ведении Церкви. Но здесь возникает вопрос о средствах. Если могут быть ассигнованы средства на дело охраны памятников старины, то они не должны выходить из рук Церкви. Потребуются на это дело затраты, и, может быть, сама Церковь не в состоянии будет пополнять эти затраты из собственных средств.

Священник М. Ф. Марин: Необходимо различать два рода памятников церковной старины. Одни из этих памятников могут быть переданы в музеи. Охрана памятников должна принадлежать тому, кто в состоянии лучше сохранить их. Но у нас в настоящее время нет и законной государственной власти. Кому же передать богатство памятников старины в государстве? Большевикам? Но известно, как они охранили на наших глазах памятники Московского Кремля. А те памятники старины, которые существуют ныне в Церкви, их передавать нельзя ни в каком случае. Они всегда были и будут в ведении Церкви. На помощь нам здесь придут частные археологические общества. Но с такой любовью к церковным памятникам никто не может относиться, как относятся к ним служители Церкви. Раньше еще, пожалуй, можно было говорить о передаче.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Я думаю, независимо от того, какая власть государственная будет в России, мы должны говорить об охране церковной старины. Я думаю, Церковь должна устроить прочную организацию, призвав в нее ученые, общественные и художественные силы. Я именно то и мыслил, чтобы это учреждение носило характер и ученый и общественный. Но дело, во всяком

случае, должно быть церковным. Может быть, собранию угодно голосовать принципиальный вопрос: возможно ли передать государству памятники церковной старины и церковного искусства или же они на все времена должны оставаться неотъемлемою собственностью Церкви? <... >

Художник А. М. Васнецов: Меня пугает мысль о разделении памятников старины между Церковью и государством; это разделение может вносить много зла. Я предложил бы не ставить вопрос остро. Должны быть общие точки соприкосновения, чтобы не было вражды между Церковью и государством. Разделять памятники старины на государственные и церковные – по этому пути идти не следует. Раз памятник – собственность Церкви, то, несомненно, всякой в отдельности церкви, которая им владеет. <Существуют> церковные музеи памятников. Но в общем эти памятники – достояние всего государства, понимаемого в идеальном его значении. С этим государством Церкви нельзя вступать в антагонизм. Памятники – это государственная собственность, подобно тому как собственность – все, что есть в государстве. Церкви, несомненно, придется обращаться к государству за средствами на сей предмет, а для сего необходимо прежде всего зарегистрировать все богатство памятников. Я стою за то, что какое учреждение уже владеет теми или другими памятниками, собственность того и составляют эти памятники; разграничивать области здесь нельзя.

Председатель <архиепископ Евлогий (Георгиевский)>: Мы только принцип утверждаем, право юридического лица. Но если широко поставить вопрос, то право участия государства остается в полной силе. Особенно при консультировании учреждения, ведающего охраной памятников старины и церковного искусства, необходимо привлечь к участию силы общественные, художественные и научные. Мне кажется, что таким путем был бы ослаблен антагонизм между Церковью и государством. Памятники старины – это общее достояние всех членов государства, но, однако, это не есть *res nullius* – вещь, никому не принадлежащая; но у нее есть определенный хозяин – это Церковь. Если обладает ими Церковь, то у нее есть какое-либо учреждение, к которому вещь, в целях сохранения ее в порядке, должна принадлежать и который должен являться определенным ее хозяином, – и мы устанавливаем, что памятники церковной старины есть достояние церковное. Теперь переходим к вопросу об организации охраны памятников старины. Интересно, что <...> есть уже готовый проект по сему предмету, с которым познакомит нас А. И. Соболевский.

А. И. Соболевский: Я позволю себе предварить чтение проекта некоторым введением. Вопрос, здесь возбужденный, разнообразен. Во-первых, вопрос об охране памятников; во-вторых – о развитии изучения и направления церковного искусства. Этот последний вопрос – вопрос новый. Было время, <когда> думали об учреждении Духовной академии наук и церковного искусства. Что бы мы ни делали в целях развития и направления искусства, во всяком случае, должен быть особый институт для изучения церковного искусства, подобно тому как для изучения церковного пения есть специальные учреждения: консерватория и специальные классы. Речь идет о Духовной академии художеств, в которой могли бы учиться священнослужители, – это с одной стороны. Другой вопрос есть вопрос об устройстве Всероссийского церковного музея. Вопрос также не новый. Под председательством великого князя Георгия Михайловича был образован Комитет по организации этого музея, в состав этого Комитета входил и я. Мы осмотрели в Москве все места для здания будущего музея, дело уже налаживалось. В музей думали поместить и Синодальную ризницу, различные предметы из других церковных древлехранилищ, например, из Новоиерусалимского монастыря. <... >³⁹ Был напечатан и самый проект его. Что касается охраны

памятников церковного искусства, то в 1908 году в комиссии под моим председательством, при участии почти всех проживающих в Санкт-Петербурге видных представителей археологии вместе с Н. П. Кондаковым, были выработаны проекты «Положения об Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и о церковноархеологических комитетах»⁴⁰. В большей части епархий такие комитеты уже существуют, за исключением епархий новых, где мало памятников церковной старины. Некоторые комитеты работают весьма усердно, они издают свои уставы или обращаются к нам в Синодальную архивную комиссию за указаниями. У нас есть план одного общего устава, так сказать, шаблон для всех комитетов, который мы и рассылаем по просьбе желающих иметь его. Всероссийскому Священному Собору представляется решить это дело и санкционировать предполагаемые проекты. <... >

8. Положение⁴¹

об Архивно-археологической Комиссии при Святейшем Синоде и епархиальных церковноархеологических комитетах

1. Архивно-археологическая Комиссия при Святейшем Синоде

1. При Святейшем Синоде состоит Архивно-археологическая комиссия с тремя отделениями – Архивным, Археологическим и Художественным.

2. В состав Комиссии входят: председатель, три товарища председателя, делопроизводитель и члены православного исповедания, известные учеными трудами по церковной археологии, церковной истории и истории искусств, представители от Академии художеств, Петроградского и Московского археологических институтов, Русского археологического общества, Союза архивных деятелей, Обществ архитекторов и художников.

3. Члены Комиссии избираются в заседаниях оной по предложению не менее двух членов, большинством голосов и утверждаются Св<ятейшим> Синодом.

4. Председатель Комиссии и его товарищи избираются членами оной большинством голосов и утверждаются Св<ятейшим> Синодом.

5. Делопроизводителем Комиссии и ее непременным членом состоит начальник Архива и Библиотеки Св<ятейшего> Синода. Он заведует также казначейскою частью и ведет денежную отчетность.

6. Члены Комиссии, равно как и председатель, его товарищи и делопроизводитель Комиссии жалованьем не пользуются, но получают вознаграждение за труды по определению Комиссии.

7. Члены Комиссии допускаются для осмотра документов, книг и предметов искусства и древности во всех архивах, библиотеках, музеях, древлехранилищах и ризницах церковных, архиерейских, монастырских и других. На описание и исследование испрашивается разрешение Св<ятейшего> Синода или епархиальных преосвященных по принадлежности.

8. Средства Комиссии образуются из ежегодно ассигнуемой от Государственного казначейства денежной суммы, из назначений по мере надобности из специальных средств Св<ятейшего> Синода и из могущих быть пожертвований.

9. Комиссия созывается на заседания или в полном своем составе, или в составе одного из своих отделений.

10. В ведение Комиссии поступают состоящие в Духовном ведомстве церковно-археологические музеи и общества разных наименований.

11. Предмет занятий Комиссии в полном ее составе – Комиссия: а) изыскивает меры и средства к распространению интереса, уважения и любви к церковному искусству

и памятникам церковной старины, б) решает общие вопросы по охранению, описанию и поддержанию архивов, рукописных и старопечатных книг и предметов искусства и древности, находящихся в Духовном ведомстве, по сооружению и украшению новых храмов и зданий Духовного ведомства и по реставрированию или перделке древних или старинных, в) вырабатывает по этим вопросам правила и инструкции, г) обсуждает архивные, археологические, архитектурные и другие вопросы, связанные с церковным искусством и предлагаемые на рассмотрение Комиссии как Св<ятейшим> Синодом, так и членами Комиссии, д) исполняет поручения ученого характера, исходящие от центрального Духовного управления и относящиеся к архивоведению, археологии и церковному искусству, е) избирает из своей среды председателя Комиссии, его товарища и членов, ж) обсуждает вопросы по открытию, деятельности и личному составу церковноархеологических комитетов, направляет и объединяет деятельность этих комитетов, снабжает их для руководства особыми правилами и инструкциями, и, по мере возможности, содействует успешности их трудов, з) составляет и публикует общий годовой отчет о деятельности Комиссии и комитетов.

12. Архивное отделение Комиссии решает вопросы по описанию Архива Св<ятейшего> Синода и наблюдает за охранением и описанием других архивов Духовного ведомства. Следит за состоянием архивных помещений и возбуждает ходатайства об улучшении оных; составляет, редактирует и печатает «Описание дел и документов Архива Св<ятейшего> Синода», «Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания», а также описание дел и документов и краткие описи с указателями к делам архивов отдельных учреждений, находящихся в Архиве Св<ятейшего> Синода, причем в работах этих руководствуется особо составленными на сей предмет специальными правилами; издает памятники истории, литературы и права, хранящиеся в Архиве Св<ятейшего> Синода и в других архивах Духовного ведомства, и посвященные этим памятникам исследования.

13. Археологическое отделение Комиссии решает частные вопросы по охранению, описанию, поддержанию и восстановлению предметов и памятников старины и искусства, находящихся в Духовном ведомстве; вступает в сношения по этим вопросам с церковноархеологическими комитетами, всякого рода учреждениями и начальствующими лицами и имеет ближайшее наблюдение за деятельностью церковноархеологических комитетов.

14. Художественное отделение Комиссии, распадаясь на два подотделения: а) архитектуры и иконописи, б) церковного пения, – наблюдает за течениями в церковном искусстве, заботится о поддержании тех из них, которые соответствуют идеалам и преданиям Православной Русской Церкви; дает соответствующие указания церковноархеологическим комитетам, епархиальным преосвященным и, в случае ходатайства, всем интересующимся лицам; издает руководства и сборники образцов; следит вместе с Археологическим отделением Комиссии за восстановлением памятников старины и искусства в церковном ведомстве.

15. Сношения Архивно-археологической комиссии и ее отделения с учреждениями и лицами ведутся от имени председателя.

16. Протоколы заседаний Комиссии и ее отделений ведутся делопроизводителем и подписываются всеми присутствовавшими в заседании членами.

17. Годовой отчет о деятельности Комиссии и комитетов составляется делопроизводителем Комиссии.

18. На переписку бумаг и т. п. ежегодно Комиссии назначается определенная сумма в распоряжение делопроизводителя Комиссии.

19. Заседания членов Комиссии и ее отделений происходят в помещении архива

и библиотеки Св<ятейшего> Синода и назначаются председателем Комиссии или одним из его товарищей по мере надобности.

2. Епархиальные церковноархеологические комитеты

1. В епархиальных городах состоят епархиальные церковноархеологические комитеты. Они находятся в ведении Архивно-археологической комиссии.

2. При каждом церковноархеологическом комитете в уездных и заштатных городах, посадах, селах и монастырях могут быть открываемы, если окажется нужным, отделы комитета на основании постановления комитета. Взаимные отношения комитетов и их отделов определяются как общими инструкциями Комиссии, так и специальными инструкциями самих комитетов.

3. Обязанность этих комитетов и их отделов заключается в наблюдении: 1) за охранением, описанием и поддержанием предметов и памятников старины и искусства, а также древних рукописных и старопечатных книг, находящихся в Духовном ведомстве, 2) за охранением и описанием архивов Духовного ведомства в пределах той губернии или уезда, где учрежден каждый из комитетов или отделов. Сверх того, на обязанности комитетов и их отделов лежит забота: а) о распространении интереса, уважения и любви к предметам церковного искусства и церковной старины, б) о поддержании тех течений в церковном искусстве, которые соответствуют идеалам и преданиям Православной Российской Церкви, а также и посильное научное исследование как этих предметов искусства и церковной старины, так и архивов Духовного ведомства.

4. Церковноархеологический комитет, а равно и его отдел, состоят из почетного председателя, председателя, товарища председателя и членов.

5. Почетным председателем комитетов и отделов состоит епархиальный Преосвященный.

6. Председатель избирается из числа членов комитета или отделов в заседании его по большинству голосов на 3 года и утверждается почетным председателем.

7. Члены комитета или отдела избираются с согласия почетного председателя из числа знатоков и любителей искусства и церковной старины православного исповедания, членов местных ученых обществ и преподавателей учебных заведений.

8. Избрание новых членов происходит по предложению не менее как двух членов в заседаниях комитета или отдела по большинству голосов.

9. Кроме членов действительных в комитете, а равно и в его отделах могут быть члены почетные из числа ревнителей церковной старины. Они избираются на общем основании и участвуют в заседаниях с совещательным голосом.

10. Об избранных вновь членах комитеты немедленно сообщают Архивно-археологической комиссии.

11. Один из членов комитета или отдела по избранию комитета или отдела несет обязанности секретаря и заведует делопроизводством.

12. Один из членов комитета или отдела, действительных или почетных, по избранию несет обязанности казначея.

13. Сверх того, могут быть избираемы из числа членов комитета или отдела хранители библиотеки, архива и музея комитета или отдела, если таковые при них будут, с соответствующими наименованиями.

14. Первый состав каждого комитета образуется местным епархиальным Преосвященным по соглашению с Комиссией при Св<ятейшем> Синоде из числа членов местных ученых обществ, преподавателей духовно-учебных заведений и известных местных знатоков искусства и старины.

15. Комитеты руководствуются инструкциями и постановлениями Комиссии при Св<ятейшем> Синоде, находятся с нею в постоянных сношениях и по истечении каждого года представляют ей отчет о своей и отделов деятельности, о личном составе, о приходе и расходе сумм за год.

16. Во всех важных случаях (об открытиях, разрушениях, злоупотреблениях, крупных пожертвованиях и т. п.) комитеты немедленно сообщают Архивно-археологической комиссии.

17. Постановления Архивно-археологической комиссии обязательны для комитетов и их отделов и немедленно приводятся в исполнение.

18. Церковноархеологические комитеты и их отделы имеют помещения для заседаний, канцелярий, библиотеки, музея, архива и проч., по назначению почетного своего председателя, в одном из зданий Духовного ведомства. Все расходы по приспособлению, ремонту, охране, отоплению, освещению и т. п. этого помещения производятся на местные епархиальные средства.

19. Заседания комитетов – закрытые. Но если окажется возможность, комитеты устраивают также публичные собрания с чтениями, беседами и представлением для осмотра предметов старины и искусства.

20. Заседания созываются по мере надобности почетным председателем или, с его благословения, председателем комитета, или в случае его отсутствия и не терпящих отлагательства обстоятельств – товарищем председателя.

21. Заседание считается законно состоявшимся, если будет созвано законным порядком и состоится в присутствии не менее 3-х действительных членов.

22. В случаях, не терпящих отлагательства, если не может состояться собрание комитета или его отдела в интересах охранения памятников искусства и старины, распоряжения делаются председателем или его товарищем с донесением об этом комитету или отделу, по возможности немедленно.

23. Члены комитетов или отделов допускаются в монастырские, архиерейские и церковные архивы, библиотеки, музеи и ризницы для осмотра, описания и исследования в них документов и предметов древности с разрешения епархиального преосвященного.

24. Епархиальные музеи или древлехранилища, архивы и библиотеки ученого характера, ныне подчиненные непосредственно местному преосвященному, поступают в ближайшее заведование комитетов по соглашению с их почетными председателями и управляются комитетами на основании особо выработанных для каждого учреждения уставов или правил.

25. Если существующее уже ныне какое-либо церковноархеологическое, или церковноисторическое, или художественное общество пожелает принять на себя возлагаемые на церковноархеологические комитеты обязанности и вступить в ведение Архивно-археологической комиссии, то такое общество заменяет собою предполагаемый к открытию в данной епархии церковноархеологический комитет, сохраняя в силе свой устав, коим оно ныне руководствуется.

26. Почетный председатель имеет заботу о доставлении из епархиальных и вообще местных средств потребных на расход комитетов и их отделов сумм, но комитеты и их отделы должны также и сами заботиться о привлечении на свои нужды, на распространение интереса к предметам искусства и церковной старины и на дело охранения и исследования памятников и предметов искусства и древности частных пожертвований.

На вопрос председателя, почему положение об Архивно-археологической комиссии не было введено в действие, *А. И. Соболевский* отвечает, что

«обер-прокурор С.М. Лукьянов не решился представить эти положения на Высочайшее утверждение по соображениям тактическим»⁴².

9. 19-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме. Окончание дискуссии по проблемам иконописания в России и охраны памятников церковной старины*

Как уже было сказано, Отделом и Собором была признана необходимость создания при Патриархе особого органа, занимающегося проблемами церковного искусства. Задачи этого Комитета удалось сформулировать весьма кратко, поэтому из-за отсутствия итоговых документов нам приходится приводить значительные фрагменты стенограмм. Приведем фрагмент дискуссии, которая произошла на 19-м заседании Отдела, состоявшемся 22 ноября 1917 года⁴³.

В. Т. Георгиевский: Мне приходилось много разъезжать по обязанностям службы по Руси. Повсюду, где я бывал, я считал своим долгом посетить церковь, осмотреть церковную ризницу – иконы, облачение и проч. Я проехал 58 епархий и посетил их, кроме Пензенской и Тамбовской. Я посетил все епархиальные монастыри как в городах, так равно и в селениях, и повсюду я замечал одно и то же плачевное явление. Я видел полную гибель памятников церковной старины, наблюдал, как не дорожат ими и расхищают их⁴⁴. Это такое общее заключение, что о нем не стоит даже и говорить. Меня и строительство церковное смущает. В угоду какому-нибудь церковному старосте выламываются древние иконостасы и заменяются иконостасами новыми, яркими, бездарной работы, которые размалевываются кустарями-позолотчиками. Часто церковь прямо обезображивается неподходящими работами. Все это меня приводило к мысли, что у нас до сего времени дело с церковным искусством и иконописью обстоит неладно. До сего времени ни в наших Духовных академиях, ни в семинариях не было особого предмета церковной археологии и церковного искусства. Священники совершенно не знакомы с этим делом. Они не знают, поступая на приход, *чему* они хозяева. Ему все одинаково дорого. Но полное отсутствие сведений по археологии и искусству губит старину.

Что нужно сделать в противовес этому? – думал я. Я обращался в Св<ятейший> Синод с предложениями обязательного преподавания археологии в семинариях, но Синод был глух и отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что уже сконструированы семинарские системы, давно составлены программы и потому пришлось бы ломать всю постановку дела, – предложение было признано запоздалым. Был создан новый Устав Духовных семинарий. Я служил уже в период его создания в Учебном комитете; ратовал за то, чтобы введена была в курс семинарских наук церковная археология, и она действительно была введена. Профессору Н. В. Покровскому поручено было выработать программу этого предмета, – но не церковного искусства, о введении которого в курс семинарии я хлопотал преимущественно, – и он составил <эту программу> применительно к своему учебнику. Я был доволен, что теперь хотя <бы> примитивные понятия о церковном искусстве будут получать будущие пастыри Церкви. Но вот при обсуждении вопроса о количестве учебных часов к тому или другому предмету наук при введении этого Устава в Учебном комитете возникли бесконечные споры: стали отвоевывать себе бывшее <прежде> количество часов, <...> каждый заботился о своих уроках, и вот на догматическое и нравственное богословие было выделено шесть недельных уроков, а на церковную археологию – один. Когда преподаватели семинарии получили выработанную программу предмета археологии и учебник Н. В. Покровского, они стали в тупик перед вопросом, как можно выполнить

обширную программу предмета и при одном часе в неделю, пользуясь притом объемистым учебником профессора Н. В. Покровского. И вот в Учебный комитет посыпались запросы – чем пожертвовать преподавателю предмета: литургикой или археологиею в ущерб выполнения программы – и в ответ получили: археологию может не преподавать. Дело так и провалилось, и тут думается, что оно провалится и теперь, потому что у многих нет сочувствия предмету. А тут нападки – упреки в варварстве, укоры в том, что разрушает духовенство само по невежеству памятники старины. А. И. Соболевский сообщил нам, как сама действительность стучалась в Святейший Синод по вопросу об охране церковной старины и взывала: помогите нам, обратите внимание... Но эти вопли не были, однако, услышаны. Обер-прокурор С. М. Лукьянов чего-то убоился. Доколе же так будет продолжаться? Начался грозный час – старина церковная безжалостно гибнет. Достаточно указать, что сделано на наших глазах большевиками в Синодальной ризнице. Наше богатое достояние, наша святыня ограблена и опозорена. Вопрос об охране церковной старины необходимо решить искренно и серьезно. Полумеры вроде различных археологических комитетов тут не достигают цели. Я сам собирал старину церковную для музеев и устраивал их. Дело этих музеев непрочное; они стояли в зависимости, особенно в провинции, от личного каприза губернаторов, а нередко и местных епископов. Пришлют какую-нибудь бумагу из Петрограда: озаботиться найти помещение для тех или других целей или временно его использовать – и вот охранителям музея говорят: уберите вы со своими черепками в другое место, нам нужно в вашем помещении устроить то-то и то-то неотложно необходимое. Во многих учреждениях для памятников старины церковной и до сего времени не находится подходящего места, и вот их прячут в подвалы, под колокольню, на чердаки. Наша московская Патриаршая ризница – едва ли не первое в <мире> по богатству древлехранилище, но она находится в холодном помещении, на колокольне Ивана Великого. Не дай Бог, если оборвется тысячепудовый колокол, пробьет пол и легко уничтожит хранящиеся в ризнице предметы.

Все изложенное мною и заставило Подотдел о храме обратить внимание на охрану старины. Что-нибудь нужно же, наконец, сделать в этой области. Предлагаемый мною проект по сему вопросу – это *ria desideria*⁴⁵. Но Собор должен вынести решение, чтобы кто-нибудь всерьез ведал этим делом. Раз средства тратятся на устройство церквей, то почему же не могут быть к этому делу привлечены художники, а не базарные мастера. Если Церковный Собор сделает регистрации предметов церковного искусства, если старинные предметы его будут в целости и сохранности, то художники будут вдохновляться мыслию для нового творчества. Он <художник> будет творить в духе церковной старины. Почему бы местным архиереям не рекомендовать, чтобы там, где производятся новые постройки храмов или возобновляются старые, указывать художественные образцы в руководстве мастеров. Мы, таким образом, были бы застрахованы от утраты старинных художественных памятников искусства. Все архитекторы сами с бережливостью относились бы к памятникам церковной старины. Если в Сольвычегодском или в другом каком монастыре хранятся памятники искусства, то настоятель знает, что это неприкосновенная ценная старина, будет охранять ее, будет зорко следить за тем, чтобы она не гнила; будет знать, имея в руках реестр, что та или другая вещь церковная – ценная и что ее надо беречь, помнить, какое богатство хранит в своих стенах та или другая обитель. Таким образом будет воспитываться любовь к охране той или другой вещи. А охрана эта должна быть организована. <... >

С. Г. Рункевич: Мне представляется, что должна быть одна Палата, но разделенная на несколько Отделов, имеющих соотношение между собой, например, в

Отделе о церковной живописи может быть два отдела: один из них будет заботиться о хранении искусства живописи, а другой – способствовать развитию этого искусства. В настоящее время уже есть некоторые структуры, преследующие эту цель: это Комитет иконописи, в который поступает много различных вопросов со стороны, <это> фирмы, изготавливающие иконы, каковы, например, фирмы Бонакер и Жако. Есть в Св<ященном> Синоде Техническо-строительный комитет, который вместе с тем дает указание и по художественной части; с другой стороны, по закону при постройке новых церквей должны обращаться в Археологическую комиссию. Все это возможно создать и в отношении церковной архитектуры. Третий Отдел – палата церковного пения. Вопрос о современном его положении подробно разрабатывается Синодальным хором. По археологии есть прекрасные музеи церковных редкостей, в которых археология и современность сочетаются между собой. Наконец, заботы о той части древности, о которой упоминает профессор П. Н. Жукович, – письменные памятники. Но тут древности относятся не к искусству, а к науке. Но особый отдел организовывать для него нецелесообразно. Отдел этот отвлечется другими. Таким образом, я предлагаю разделить Палату только на четыре Отдела: архитектуры, археологии, живописи и пения. Может быть, эти отделы могли бы сделаться самостоятельными учреждениями, разумеется, это было бы хорошо. Но каковы бы ни были судьбы Церкви и государства в будущем, во всяком случае, будет все направлено к величайшей экономии и, таким образом, лучше сократить чем расширить⁴⁶.

III. Проблемы охраны памятников старины и церковного имущества на второй сессии Поместного Собора

Вторая сессия Собора продолжала работу в том же направлении. Чрезвычайно интересным кажется уточнение, внесенное представителем Московского археологического общества А. А. Захаровым⁴⁷.

В <...> проекте Положения о Патриаршей палате не выяснено отношение между Палатой как учреждением, ведущим охрану памятников старины, <и государством>. Об этом есть лишь два упоминания – 1-й параграф: «Предметы церковного искусства, а также памятники церковной старины... охраняются всей мощью государственной власти» и 13-й параграф: «Патриаршая палата... получает средства из Государственного казначейства по смете Высшего Церковного Управления». Между тем раз государство будет опускать деньги на поддержание и охрану памятников церковной старины, оно, несомненно, будет запрашивать о том, на что и сколько потребно денег; свои органы по охране памятников старины в лице их же, а также государственного контроля; будет наблюдать за тем, чтобы деньги шли на охрану и поддержание известных указанным им памятников и при том согласно указанным им (то есть государством) способом. Это неизбежно при всяком правительстве, не говоря уже о таком, которое желало бы устроить «национализацию» церковных памятников. Посему в Положение совершенно необходимо вставить параграф или параграфы, говорящие о сношениях Патриаршей палаты с общегосударственными органами по охране памятников, об их совместной работе на этом поприще и сделать это тем необходимее, чтобы заранее определить те формы сношений, которые приемлемы для Церкви, и указать те пределы, далее которых не может простираться власть государства в вопросах, касающихся церковных памятников. Возлагать решение такого основного вопроса на совет Патриаршей палаты, являющийся органом чисто административным, распорядительным, исполнителем ее решений, представляется совершенно невозможным, и я, как

представитель Московского археологического общества, покорнейше прошу рассмотреть и тот законопроект, который представители Общества имели честь представить 3 февраля сего года Его Святейшеству Святейшему Патриарху с покорнейшей просьбой представить его на рассмотрение VII Отдела Священного Собора.

Собственником всего церковного имущества является Церковь как от Бога установленное общество человек, соединенных православной верой, законом Божиим, священноначалием и таинствами. Посему и храмы *не могут быть рассматриваемыми* как собственность прихода. Приход является только вечным пользователем. На это прошу членов Освященного Собора обратить внимание при рассмотрении вопроса о юридическом лице прихода, ибо это тесным образом связано и с вопросом о сохранении памятников церковной старины. Раз будет признано, что приход является собственником храма и всего в нем находящегося, то он будет иметь юридическое право храм перестроить, переменить иконостас, перерисовать стенопись, перелить колокола и тому подобное, благодаря усердию не по разуму, заботясь якобы о благолепии храма, или же по иным побуждениям. Поэтому в законопроекте Положения о Патриаршей палате необходимо сказать, что «Патриаршая палата церковного искусства и древностей относится к числу органов Высшего Церковного Управления и, как таковая, имеет право и обязанность наблюдать за памятниками церковной старины, принадлежащими Православной Русской Церкви», а с другой стороны, в проекте Положения о приходе необходимо вставить два слова: «В своем праве распоряжаться храмом и церковными предметами старины приход обязан руководиться указаниями Патриаршей палаты церковного искусства и древностей как одного из органов Высшего Церковного Управления».

А. А. Захаров оглашает проект, представленный Московским археологическим обществом при отношении его на имя Святейшего Патриарха от 29 декабря 1917 года за № 854 следующего содержания.

11. Проект организации по охране памятников церковной старины, выработанный Московским археологическим обществом

1. Общие положения

Ст. 1. Все памятники церковной старины являются неотделимой собственностью Православной Русской Церкви и, как национальное достояние всего православного русского народа, охраняются всей мощью государственной власти.

Ст. 2. Высшее наблюдение за сохранением и поддержанием памятников церковной старины возлагается на Патриаршую палату церковного искусства и древностей, состоящую при Всероссийском Патриархе.

Ст. 3. Подлежат сохранению и охране все памятники церковного искусства и церковной древности как вещественные, так и рукописные независимо от того, какому церковному учреждению принадлежит ближайшее ими заведование. К числу таких памятников старины относятся все архитектурные сооружения или их остатки, принадлежащие Церкви или находящиеся в ее заведовании; памятники иконописи, религиозной живописи, богослужебная утварь, памятники литургического шитья, памятники древней письменности, старопечатные книги, документы церковных архивов; все предметы церковного обихода, хранящиеся в ризницах церквей и монастырей, в церквях, монастырях и часовнях при церквях, в центральных и местных церковно-хранилищах, музеях и библиотеках Духовных академий и семинарий и вообще все предметы художественные, исторические и археологические, принадлежащие Православной

Русской Церкви. Равным образом подлежат хранению и охране все памятники старины не церковного характера, составляющие собственность Православной Русской Церкви.

Ст. 4. Сохранению и охране подлежат все памятники церковной старины старше 50 лет.

Ст. 5. Так как многие из вышеперечисленных сооружений и предметов являются не только церковными памятниками, но и памятниками государственно-национальными, то в охране их участвуют и государственные органы охраны памятников старины <и средства> в потребных случаях должны быть отпускаемы из сумм Государственного казначейства. Поэтому органы государственной охраны памятников старины дают в потребных случаях свое мотивированное заключение по поводу того или иного памятника церковной старины и указывают на необходимость производства тех или иных работ по его поддержанию или исправлению. При обсуждении какого-либо вопроса, касающегося памятников церковной старины, в общегосударственных органах по охране памятников старины участвует с правом решающего голоса и представитель Патриаршей палаты церковного искусства и древностей. Высшая санкция относительно производства работ по поддержанию и охране памятников церковной старины принадлежит Патриаршей палате и об ее установлении доводится до сведения общегосударственных учреждений, ведающих охраной памятников старины.

Ст. 6. Все памятники церковной старины разделяются на: 1) памятники, имеющие особо важное национально-церковное значение как художественное, так и историческо-археологическое и 2) все прочие памятники старины.

Ст. 7. Относительно первой группы памятников Патриаршая палата церковного искусства и древностей, дабы пользоваться охраною всей мощи государственной власти, получает мотивированное заключение о потребных для охраны их мерах от центрального общественного учреждения по охране памятников старины и сама обращается к нему в целях сотрудничества с государственной властью. По поводу же второй группы памятников дают свои заключения областные общегосударственные учреждения по охране памятников старины. Решающая власть принадлежит в обоих случаях Патриаршей палате.

Ст. 8. В целях лучшей сохранности отдельных предметов церковной старины при Патриаршей палате устраивается и в ее заведовании находится Центральное церковноархеологическое древлехранилище, в состав которого входят Синодальная ризница и Библиотека и куда присоединяются из других церковных хранилищ принадлежащие Церкви древности и памятники церковного искусства, имеющие особо важное церковноисторическое или художественно-археологическое значение, а также принадлежащие Православной Русской Церкви рукописи, старопечатные книги и документы церковных архивов, имеющие особо важное церковноисторическое или художественно-археологическое значение.

Ст. 9. Во избежание нареканий со стороны органов государства, ведающих охраной памятников старины, Патриаршая палата запрашивает по поводу всякого перенесения таких особо важных исторических или церковно-художественных памятников в Центральное церковноархеологическое хранилище мнение государственных учреждений по охране памятников старины. Такие обязаны дать свое мотивированное заключение по всякому возбужденному Патриаршей палатой вопросу.

Ст. 10. Все вопросы о реставрации, ремонте, перестройке или видоизменении, а тем более сломке памятников церковного зодчества или их остатков, а также о переделке и реставрации всех прочих памятников церковной старины Патриаршая палата как учреждение, пользующееся для поддержания и охранения памятников старины

содействием государственной власти и получающее в потребных случаях для поддержания и охранения этих памятников средства из Государственного казначейства, представляет на заключение центрального общественного органа по охране памятников старины по отношению к памятникам, имеющим особо важное значение, и на заключение областных общегосударственных учреждений по охране памятников старины – по отношению ко всем прочим памятникам.

Ст. 11. Определение, какие памятники церковной старины следует признать имеющими особо важное значение, производится совместно Патриаршей палатой и центральным государственным органом по охране памятников старины.

Ст. 12. Все памятники старины, принадлежащие Православной Русской Церкви, где бы таковые ни находились, и притом как церковного, так и светского характера, обязательно должны быть внесены в подробные описи, хранящиеся в Патриаршей палате, копии с которых хранятся в местах нахождения памятников и в епархиальном органе по охране памятников церковной старины и передаются в центральное и соответствующее областное общегосударственное учреждение, ведающее охраной памятников старины.

Ст. 13. Все предметы церковной старины не подлежат отчуждению из своих хранилищ; если же по условиям места или по другим обстоятельствам какое-либо из церковных древлехранилищ или учреждений признает невозможным для себя должное хранение того или другого памятника или предмета старины, то с разрешения Патриаршей палаты данный памятник или предмет может быть передан в ведение или для хранения в одно из хранилищ или учреждений по указанию Патриаршей палаты с доведением об этом до сведения общегосударственных органов по охране памятников старины.

Ст. 14. Старые дела архивов, принадлежащих церковному ведомству, могут быть назначаемы к уничтожению не иначе, как с разрешения Патриаршей палаты и после предварительного сношения с общественными учреждениями, ведающими охраной памятников старины, причем последние – из дел, назначенных Патриаршей палатой к уничтожению, могут отобрать для своих хранилищ то, что найдут нужным.

Ст. 15. В случае разрушения, разборки, уничтожения или видоизменения без узаконенного разрешения какого-либо из памятников церковной старины или их остатков, подлежащих охране, ответственность возлагается на лицо, в непосредственном заведовании которого состоит данный памятник.

2. О Патриаршей палате церковного искусства и древностей как центральном учреждении, ведающем охраной памятников церковной старины

Ст. 16. Патриаршая палата церковного искусства и древностей, одной из функций которой является охрана принадлежащих Церкви памятников старины, состоит из: а) лиц, известных своими специальными познаниями в области церковного искусства и древностей (художники, архитекторы, ученые), назначаемых Высшим Церковным Управлением, б) лиц, избираемых Духовными учено-учебными учреждениями, в) представителей от ученых, историко-археологических и художественных обществ и учреждений.

Примечание. Все избираемые члены Патриаршей палаты должны быть православного вероисповедания и избираются на три года с правом дальнейшего переизбрания.

Ст. 17. Почетным председателем Патриаршей палаты является Всероссийский Патриарх как глава Православной Русской Церкви.

Ст. 18. Председатель, товарищ председателя, секретарь и товарищ секретаря (если в последнем явится надобность) утверждаются в своей должности Высшей Церковной Властью по представлению Патриаршей палаты.

Ст. 19. Все дела решаются в Патриаршей палате по большинству голосов; в случае равенства голосов голос председателя дает перевес, но меньшинство имеет право переносить спорный вопрос на разрешение Высшей Церковной Властью.

Ст. 20. В случае разногласия Патриаршей палаты с заключением относительно мер, необходимых для охраны того или иного памятника церковной старины, данным общегосударственными учреждениями по охране памятников старины, вопрос разрешается Патриаршей палатой совместно с центральным государственным учреждением по охране памятников старины.

Ст. 21. Внутренний распорядок дел в Патриаршей палате устанавливается наказом, вырабатываемым Палатой и утверждаемым Высшей Церковной Властью.

Ст. 22. Заседание Патриаршей палаты считается состоявшимся при наличии не менее половины всех ее членов.

Ст. 23. Патриаршая палата в потребных случаях имеет право приглашать к участию в своих работах с правом совещательного голоса лиц, содействие которых признано будет ею желательным.

Ст. 24. Член Патриаршей палаты, не посещавший в течение года ее заседания, считается из нее выбывшим, и об этом доводится до сведения того учреждения, которым он был назначен или избран.

Ст. 25. Для приведения в исполнение решений Патриаршей палаты и для письменных сношений по делам, находящимся в ее ведении, при президенте Палаты учреждается канцелярия на основании особых штатов.

Ст. 26. Патриаршая палата ежегодно публикует отчет о своей деятельности.

Ст. 27. В обязанности Патриаршей палаты церковного искусства и древностей по отношению охраны памятников церковной старины входит: а) высший надзор за всеми принадлежащими Православной Русской Церкви памятниками старины, установление способа их регистрации и создание учреждений для этой регистрации на местах, составление общих для всей территории Православной Русской Церкви списков этих памятников и определение совместно с центральным общегосударственным учреждением по охране памятников старины, какие из церковных памятников имеют особо важное значение (ст. 6) и подлежат особо тщательному наблюдению за их сохранностью, б) контроль за действиями всех лиц и учреждений, в непосредственном заведовании которых находятся принадлежащие Церкви памятники старины, в) окончательное решение вопросов, связанных с ремонтом, реставрацией, видоизменением и уничтожением памятников церковной старины или их остатков согласно заключениям, данным общегосударственными учреждениями по охране памятников старины, г) ученое описание и художественное издание памятников церковного искусства и старины, д) сосредоточение у себя фотографических и иных снимков, планов и всякого рода сведений по возможности относительно всех памятников церковной старины и регистрационных списков всех этих памятников, е) ежегодное представление в общегосударственные учреждения смет о суммах, потребных для охраны и реставрации принадлежащих Православной Русской Церкви памятников церковной старины, ж) учреждение органов, заведующих сохранением и охраной памятников церковной старины на местах, выработка им инструкций и наблюдение за их деятельностью, з) разрешение учреждения местных церковных древлехранилищ, выработка правил управления и заведования ими и наблюдение за соблюдением этих правил, и) вообще все

дела, какие могут встретиться при охране памятников старины, надзор за исполнением решений Патриаршей палаты, сношение с подлежащими властями и учреждениями для приведения в исполнение решений Патриаршей палаты и т. д.

3. Об органах, заведующих охраной памятников церковной старины на местах

Ст. 28. Органы, заведующие охраной памятников церковной старины на местах, учреждаются Патриаршей палатой церковного искусства и древностей и находятся в ее управлении.

Ст. 29. Такими органами являются епархиальные комитеты по охране памятников церковной старины.

Ст. 30. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины состоит из представителей местной епархиальной власти, представителей от клира и мирян и представителей от местных ученых историко-археологических обществ и учреждений.

Примечание. В потребных случаях в состав епархиального комитета может быть командировано Патриаршей палатой особо назначенное лицо.

Ст. 31. Председатель, товарищ председателя и секретарь комитета утверждаются Высшей Церковной Властью по представлению комитета, передаваемому через Патриаршую палату.

Ст. 32. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины имеет право приглашать к участию в своих работах с правом совещательного голоса лиц, действие которых будет признано им желательным.

Ст. 33. Заседание епархиального комитета происходит не реже одного раза в месяц и считается состоявшимся при наличии не менее половины всех его членов.

Ст. 34. Все дела в епархиальном комитете решаются большинством голосов, голос председателя дает перевес; при разногласии меньшинство имеет право перенести окончательное разрешение вопроса на решение Патриаршей палаты.

Ст. 35. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины прежде разрешения какого-либо вопроса, касающегося ремонта, реставрации, переемки и пр. древнего памятника, обязан запрашивать заключения общесоюзного областного органа по охране памятников старины, без коего не может предпринимать никакие работы или <...> переделки древних церковных памятников.

Ст. 36. Член епархиального комитета, не посетивший его заседания в течении года, считается из него выбывшим, о чем и доводится до сведения того учреждения, которым он был назначен или избран.

Ст. 37. Внутренний порядок делопроизводства епархиального комитета определяется наказом, утверждаемым Патриаршей палатой.

Ст. 38. Епархиальный комитет по охране памятников церковной старины ежегодно получает из сумм Патриаршей палаты определенную сумму, которая расходуется им на охрану памятников старины и всякого рода связанных с нею работ, а в потребных случаях ходатайствует перед Патриаршей палатой о назначении ассигнований по особо составленным сметам.

Ст. 39. При епархиальных комитетах по охране памятников церковной старины могут быть с согласия Патриаршей палаты учреждаемы древлехранительные памятников церковной старины, состав которых и порядок управления определяются Патриаршей палатой. Существующие уже церковные музеи и древлехранительные, а также ризницы или части их могут по решению Патриаршей палаты входить в состав епархиального

древлехранилища. Для заведования епархиальными или областными древлехранилищами могут быть назначаемы по представлению епархиальных комитетов Патриаршей палатой особо подготовленные для сего лица.

Ст. 40. О всяком переносе памятников церковной старины из одного места их хранения в другое областной комитет по охране памятников церковной старины доводит до сведения Патриаршей палаты и получает от нее разрешение на это перенесение.

Примечание. Относительно памятников, имеющих особо важное значение, соблюдаются указания ст. 9.

Ст. 41. На епархиальные комитеты по охране памятников церковной старины возлагается:

а) Приведение в известность и обследование всех находящихся в пределах подведомственного ему округа памятников старины или их остатков, составляющих собственность Церкви, составление им подробных описей, снятие фотографий и рисунков и представление таковых в Патриаршую палату вместе с копией с оных для центрального общегосударственного учреждения, ведающего охраной памятников старины.

Примечание. Копии со всех описей остаются на местах хранения памятников и в епархиальном комитете по охранению памятников церковной старины.

б) Сосредоточение у себя фотографических и иных снимков, планов и всякого рода сведений, относящихся по возможности ко всем памятникам церковной старины или их остаткам, находящимся в пределах подведомственного ему округа, и сообщение их в копиях Патриаршей палате и центральному общегосударственному учреждению, ведающему охраной памятников старины.

в) Наблюдение за сохранением всех находящихся в пределах данной епархии памятников церковной старины или их остатков, наблюдение за принятием мер, необходимых для их поддержания или реставрации, <производится> согласно заключения областного общегосударственного учреждения по охране памятников старины, поскольку эти меры могут быть принимаемы с разрешения областных органов по охране памятников старины.

Примечание. В случае разногласия между епархиальным комитетом по охране церковных памятников старины и общегосударственным областным учреждением по охране памятников старины вопрос направляется епархиальным комитетом в Патриаршую палату.

г) Доведение до сведения Патриаршей палаты о необходимости всякого рода работ, касающихся памятников, имеющих особо важное церковноисторическое или художественное значение, и непосредственное наблюдение по указаниям Патриаршей палаты за производством разрешенных ею работ, касающихся этих памятников, и вообще за их сохранностью.

д) Доведение до сведения Патриаршей палаты о всех случаях изменения, повреждения или отчуждения церковных памятников, находящихся в пределах данного округа, на предмет возбуждения законного преследования виновных лиц.

е) Ежегодное представление в Патриаршую палату сметных предположений о суммах, потребных для реставрации, поддержания в исправности или для исправления памятников церковной старины, находящихся в пределах данной епархии и подлежащих ведению Епархиального комитета по охране памятников церковной старины (ст. 7).

ж) Распространение сведений о находящихся в пределах данной епархии памятников церковной старины путем издания их научных описаний, исторических сведений о них, снимков или же путем выпуска соответствующих повременных изданий.

з) Рассмотрение вообще всех дел, какие только могут встретиться по вопросам об охране памятников церковной старины в пределах данной епархии, сношения по

поводу их с Патриаршей палатой, областным общегосударственным учреждением по охране памятников старины и другими учреждениями, в коих может встретиться надобность.

Ст. 42. Епархиальный комитет ежегодно представляет Патриаршей палате отчет о своей деятельности и расходовании средств и публикует этот отчет.

* * *

Епископ Прокопий (Титов): Это, собственно, не законопроект, а подробная инструкция и имеет свое значение в качестве лишь таковой. У нас предположено, что Палата должна иметь на местах свои органы и развивать их. Здесь есть пункты, о которых достаточно лишь упомянуть простым перечислением их, а не развивать их в законопроект.

Прослушав этот проект, Отдел *постановил*: « а) принимая во внимание, что рассматриваемый ныне Отделом вопрос ввиду краткого срока, оставшегося до времени окончания настоящей сессии заседаний Священного Собора, не может быть разработан со всею обстоятельностью и полнотою, как того требует означенное дело, выработанные три первых основных пункта об охране памятников церковного искусства и древностей представить особым докладом ныне же Священному Собору в спешном порядке, б) дальнейшую разработку пунктов Положения – как подготовительную к докладу в общих заседаниях Отдела работу поручить Комиссии в составе членов Собора и Отдела: епископа Прокопия (Титова), иеромонаха Афанасия (Сахарова) и Г. И. Булгакова с предоставлением Комиссии права приглашения к участию в работе и других лиц, труд которых, по ее мнению, был бы полезен в рассматриваемом вопросе. При этом просить означенную Комиссию согласовать между собой проекты законоположений: а) представленный Московским археологическим обществом, б) выработанный Высокопреосвященным архиепископом Евлогием (Георгиевским)⁴⁸, в) представленный Подотделом о церковном пении в соответствующей части последнего»⁴⁹.

12. Заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (27 августа/8 сентября 1918 года).

Доклад священника Н. М. Сироткина «О возврате к национальным началам в деле возрождения и облагораживания русского иконописного творчества»

На этом систематическое обсуждение вопросов охраны церковной старины и контроля за иконописанием закончилось. К этой теме Отдел вернулся лишь на своем предпоследнем заседании, которое состоялось 27 августа/8 сентября 1918 года⁵⁰. На этом заседании был зачитан доклад священника Н. М. Сироткина «О возврате к национальным началам в деле возрождения и облагораживания русского иконописного творчества». Этот доклад⁵¹ содержит исторический очерк развития русского церковного искусства XI – XIX вев. Судя по протоколу, на заседании Отдела этот доклад не обсуждался.

Таким образом, единственным принятым Собором документом является доклад «О Комитете попечительства о русской иконописи». Остальные документы, приведенные в настоящем разделе, должны рассматриваться лишь в качестве рабочих материалов к докладам, проектам *Деяний*, которые так и не были выработаны.

ГЛАВА III. ЦЕРКОВНО-БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЯЗЫК

1. Предыстория вопроса об исправлении богослужебных книг в России

Вопрос о литургическом языке и тексте богослужебных книг возник на начальном этапе подготовки к Собору. В 1905 году Святейший Синод обратился к епархиальным архиереям с вопросами, касающимися предстоящей церковной реформы. В предложенном Синодом вопроснике проблема литургических реформ не ставилась, однако двадцать архиереев в той или иной форме высказались о языке богослужения. Эти отзывы были опубликованы⁵².

Предсоборное Присутствие вопросами литургического языка практически не занималось. VI Отдел Присутствия не считал целесообразным приступить к подробному обсуждению вопросов, касающихся литургического языка: «Ввиду важности и сложности вопросов <...> их касаться не следует, отложив разрешение их до завершения переустройства церковного управления»⁵³.

Для обсуждения вопросов богослужебного языка Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме* был образован специальный Подотдел, возглавляемый епископом Оренбургским Мефодием (Герасимовым). Подотдел работал с 9 по 26 сентября 1917 года. Подготовленный Подотделом доклад должен был быть рассмотрен на 40-м заседании Отдела, которое состоялось 12 (25) июля 1918 года. Однако слушание было отложено из-за отсутствия епископа Оренбургского Мефодия (Герасимова). Состоялось лишь небольшое обсуждение, во время которого, как сказано в протоколе заседания, «И. А. Карабинов указал на основанную при бывшем Святейшем Синоде Комиссию для исправления и предлагал ждать дальнейших трудов ее; князь Е. Н. Трубецкой, указав вместе с епископом Зиновием (Дроздовым) на опасность потери векового наследия красот богослужебного языка, питающего душу верующего, настаивал на необходимости установления принципов для обсуждения и в этих целях обстоятельного доклада обо всем сделанном по вопросу»⁵⁴. Подготовить доклад, излагающий историю обсуждения проблемы литургического языка на Соборе и систематизирующий все сделанное Подотделом, было поручено А. В. Новосельскому. Доклад был прочитан 23 июля (5 августа) 1918 года. Его текст мы приводим полностью⁵⁵.

2. 42-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (23 июля/5 августа 1918 года). Доклад А. В. Новосельского «О богослужебном языке»

«Исполняя возложенное на меня Отделом поручение ознакомить его с работами Подотдела о богослужебном языке, осмеливаюсь несколько расширить рамки своего сообщения, коснувшись предшествовавших Собору работ по этому вопросу. Внимательный взгляд, брошенный назад, даст нам возможность вернее выяснить положение этого вопроса в общей подавляющей объеме массе застарелых больших и малых церковных вопросов, накопившихся в Русской Церкви в течение веков, и таким образом определить линию своего поведения, нашего отношения к данному вопросу. Вспоминаю, что Высокопреосвященнейший Евлогий (Георгиевский)⁵⁶, председатель нашего Отдела о богослужении, имел в виду тот же метод: в первом же заседании Отдела он рекомендовал интересующимся лицам обратиться к трудам Предсоборного

Присутствия 1906 года. По справкам, – говорю, выражаясь канцелярским языком, – такого вопроса в работах Предсоборного Присутствия не оказалось, о чем Высокопреосвященный и заявил на следующем же заседании.

Что это значит? То ли, что самого вопроса не было и нет?

Чтобы не решать этого вопроса с личной точки зрения, заглянем назад несколько далее Предсоборного Присутствия, в работы, предшествовавшие ему, именно: в собрание мнений и отзывов епархиальных епископов по вопросам церковной жизни от 1905 и 1906 годов. Эти официальные данные не подлежат сомнению – это голоса с *мест*. Существовал ли этот вопрос там, *на местах*, – в далекой Сибири, в Архангельске, Украине, на Кавказе, в Центральной России – и как там ставили этот вопрос? Мнения с *мест* тем более важны и интересны, что они иногда являлись не только выражением личного взгляда местного епископа, а были *ria doxideria*⁵⁷ целых учреждений, призывавшихся кое-где епископами к обсуждению церковных дел в указываемое время. В них, таким образом, сказывалось соборное сознание церковных людей.

Что же говорят эти мнения?

Двадцать епархиальных Преосвященных ставило на очередь вопрос о богослужебном языке. Среди них встречаются имена покойных святителей – Флавиана (Городецкого), митрополита Киевского, Иеронима (Экземплярского), архиепископа Варшавского, Гурия (Бургасовского), епископа Симбирского, Стефана (Архангельского), епископа Могилевского; и доселе здравствующих Владык: Арсения (Брянцева), Сергия (Страгородского), Агафангела (Преображенского), Иакова (Пятницкого), Назария (Кириллова) и т. д. Весь этот сонм архипастырей единодушно свидетельствует о неудобовразумительности славянского текста богослужебных книг. Михаил (Темнорусов), епископ Минский⁵⁸, пишет, что ни один славянин не писал и не говорил на таком языке, каким написаны наши богослужебные книги; епископ Могилевский Стефан (Архангельский)⁵⁹ скорбит о том, что церковная служба наполовину мертва для богомольцев; Иоанникий (Казанский), архиепископ Архангельский⁶⁰, отрицает религиозно-воспитательное значение нашего богослужения для богомольцев, почему последние не могут разумно участвовать в нем; Гурий (Бургасовский), епископ Симбирский⁶¹, считает язык богослужения «чрезмерно трудным»; митрополит Флавиан (Городецкий) писал, что «громадное большинство»⁶² народа лишено возможности понимать богослужение; Высокопреосвященный Назарий (Кириллов) про церковнославянский язык выражается так: «он малопонятен не только для богомольцев, а даже для пастырей»⁶³, что служба Божия совершается сама по себе, а предстоящие молятся сами по себе. Вследствие неудобопонятности молитв и песнопений церковных богомольцы не могут выстаивать целые часы, поддерживать и сохранять высокое религиозное благоговение (Константин (Булычев), епископ Самарский) и потому скучают за богослужением (Стефан (Архангельский), епископ Могилевский). Останавливаясь здесь и больше не привожу почти дословных отзывов с *мест* епархиальных архипастырей: «Толк болак имам свидетелствы верных». Для их сознания не подлежит сомнению тот факт, что язык наших богослужебных книг малодоступен для понимания православных богомольцев, различается ими только степень невразумительности: одни говорят – служба Божия наполовину непонятна, другие – для большинства, третьи – для громадного большинства, четвертые – не только для богомольцев, но даже и для пастырей. Как бы то ни было, свидетельство важное: каждый из членов Собора, имея свой взгляд на данный вопрос, должен помнить и свидетельство верных и еще раз проверить свое мнение.

Снова возвращаюсь к мнениям и отзывам архиереев, чтобы в них найти еще что-нибудь полезное для нас, призванных волею Божиею и голосом народа к решению

поставленного вопроса. Не найдем ли там указаний на выход из создавшегося положения, диктуемый неотложной необходимостью пользы Церкви?

Смелого и решительного указания на такой выход в них нет, но лишь намечается путь, отыскивается решение в определенном направлении. Одни говорят и об исправлении богослужебных книг – (Евсевий (Никольский), епископ Владивостокский, и Назарий (Кириллов), епископ Нижегородский); другие – о пересмотре их (Георгий (Орлов), епископ Астраханский, Арсений (Брянцев), епископ Харьковский); третьи – о капитальном переводе на новославянский язык (Стефан (Архангельский), епископ Могилевский), для всех понятный и вразумительный (Иаков (Пятницкий), архиепископ Ярославский); иные рекомендуют приблизить язык богослужебный к современному русскому (епископ Евсевий (Никольский), до возможного понимания всеми (митрополит Флавиан (Городецкий)), или требуется перевод на славяно-русский (Иоанн (Смирнов), епископ Полтавский) с подстрочными примечаниями.

Мне кажется, что в сознании предстоятелей местных церквей мысль о необходимом изменении существующего общепотребительного текста богослужебных книг определенно еще не выявилась, не кристаллизовалась. В самом деле, какой пересмотр и исправление мыслятся нашими архипастырями? Ведь исправление совершалось и совершается, есть для этого даже особая Комиссия⁶⁴. Какой язык разумеется под *новославянским* языком? Ведь и наш язык богослужебных книг не старославянский Остромирова Евангелия. Или надо какому-либо ученому братству создать еще новый язык? Несомненно, мысль о создании особого языка, особого стиля, мысль об обрусении славянского текста есть, когда говорят о переводе на славяно-русский или о приближении церковного языка к русскому. В мнении нескольких епископов замечается больший, хотя и робкий, уклон в сторону родного языка; так, Гурий (Буртасовский), епископ Симбирский, писал: «Желать перевода на русский едва ли удобно»⁶⁵; Иаков (Пятницкий), архиепископ Ярославский, выражался так: «если по многим причинам нельзя говорить о переводе на русский язык»⁶⁶. Архиепископ Иркутский Тихон (Троицкий-Донебин) писал, что Собор должен рассмотреть вопрос о переводе богослужения на русский язык или об изменении в «словосложении церковнославянского»⁶⁷. Чувствуется, что они готовы говорить о русском языке и только боятся чего-то, каких-то причин, удерживавших их. Архиепископ Иоанникий (Казанский), сравнивая религиозное просвещение верующих чрез участие в богослужении со школьным воспитанием, высказался более решительно: «Богослужение будет иметь, – говорит он, – воспитательное значение только тогда, когда оно будет совершаться на родном языке». Он признаёт необходимым введение русского языка в богослужение постепенно; Сергей (Страгородский), архиепископ Финляндский, – по желанию прихожан⁶⁸.

Итак, оглядываясь назад на начало соборных работ *на местах*, мы видим, что вопрос о богослужебном языке предносился пред церковным сознанием во многих местных церквах и доходил до Предсоборного Присутствия, но он потонул, затерялся там в массе более громких дел.

Материалы хранились. Общественная мысль не переставала работать по интересующему нас вопросу, и в Предсоборном Совете 1917 года в VI Отделе уже поставлен был на обсуждение вопрос о богослужебном языке. На заседании указанного Отдела 10 июля 1917 года (журнал № 9) сделан был доклад профессором Киевской Духовной академии Петром Павловичем Кудрявцевым о допущении русского, малорусского и других народных языков в богослужение. Заседание было единственное и доклад единственный. Протокол этого заседания, где вкратце передан доклад П<етра> П<авловича>, был зачитан на первом же заседании нашего Подотдела 9 сентября 1917 года,

бывшем под председательством епископа Оренбургского Мефодия (Герасимова). Так как этот доклад послужил основанием и поводом к прениям в Предсоборном Совете и так как на основании его выработаны были тезисы, то знакомство с ним, более или менее исчерпывающее, необходимо.

С удовольствием выслушал я доклад П. П. Кудрявцева в Подотделе. Прямолинейность в принципиальном решении вопроса, чуткая осторожность в практическом проведении его в жизнь Церкви с ее вековыми традициями глубина взгляда на религиозно-поэтическое церковное творчество, целостность общего представления православного храма – места богослужения, где всякая новая черта может быть пятном на общем фоне, – все это глубоко трогает верующего русского человека, еще не потерявшего любви к родной церковной старине и священной обстановке. Думаю, что такое же впечатление вынесли в свое время и другие участники нашего Подотдела.

Вот в существенном прозаическом перефразе содержание доклада П. П. Кудрявцева:

1. Вопрос о допустимости богослужения на украинском или русском языке принципиально решается просто: невозможно указать каких-либо возражений против введения названных языков в богослужение, поскольку для нас обязательны примеры Христа и апостолов и поскольку убедительно существо дела, требующее, чтобы слова молитвословий были всем понятны и чтобы доступ высоких истин искусственно не затруднялся для верующих покровом чужого языка.

2. Но, продолжает докладчик, практическое применение принципа вызывает осложнения. Жизнь не так проста, как мысль. Немедленному проведению в жизнь мешают:

а) прежде всего тысячелетняя привычка к родственному нам церковнославянскому языку. Она сделала для многих богослужебный язык интимно близким, дорогим, так что как будто и постановка вопроса излишня. Но как бы ни был близок... чужой язык, сказанное на родном языке понятнее, выразительнее, интимнее (высота и абстрактность содержания здесь исключаются: они сохраняются и в родном языке). Отсюда и возникла по местам естественная потребность слышать богослужение на родном языке. Настойчивая постановка вопроса на Украине о богослужении на местном языке тоже является не только делом политическим, а имеет под собой глубокую народную почву. В Юго-Западной Руси даже приобрели себе право на употребление религиозные колядки – униаты пользуются этой народной потребностью и привлекают к себе православных, штундизм соблазняет многих родным языком Евангелия и религиозных песен;

б) второе препятствие – трудность необыкновенная удовлетворить зародившуюся потребность. Как на самом деле провести в жизнь наилучшим образом, к пользе душ наших, это нелегкое дело? Трудность не в русском языке, не в его свойствах [А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, митрополит Филарет (Дроздов), А. К. Толстой, А. С. Хомяков, архиепископ Иннокентий (Борисов)]. Язык, имеющий великих художников, не может быть изгоем среди других; богатый, гибкий и выразительный русский язык не беднее древнего болгарского. Трудность в <следующем>: «чтобы переводить поэта, нужно быть самому поэтом», нужно быть причастным религиозному церковному настроению, нужно творчество;

в) отсутствие в нашей Русской Церкви церковного песнотворчества (Н. М. Языков и А. К. Толстой – редкие исключения) – следующее затруднение. Его надобно преодолеть. В области законодательства и управления создается кое-что новое. Нечего бояться творчества и в богослужении: надо приумножать вверенные таланты. «В творчестве мы уподобляемся... Богу и обретаем величайшую из доступных нам на

земле радостей, – говорит П. П. Кудрявцев. – Доселе мы хранили, а теперь будем творить, – зовет он, – в живой связи с Церковью, с ее прошлым (мы не без рода и племени) и с миром вечности»;

г) еще одно, последнее требование к новым строителям Церкви – это строгое соблюдение общего храмового стиля. Архитектура, иконопись, церковные одежды и песнопения – все это элементы одного стиля. Кто ценит стильную старину, тот с легким сердцем не перейдет на богослужение с русским языком: не тот стиль... Докладчик надеется, что любовь к делу, литературный вкус и творческий дар обновят нам язык без нарушения основного стиля и не допустят оскорбления самых чутких религиозных душ. Если будет в Церкви воодушевление, тогда «и слова нашего родного языка зазвучат с не меньшей силой, нежели та, какую были преисполнены слова языка церковнославянского». П. П. Кудрявцев заканчивает свой доклад следующим призывом: «О, если бы голос мой умел сердца тревожить! Тогда, наверное, достиг бы образования... особого Отдела для разрешения казалось бы маленького и простого, а на самом деле не маленького и не так уж простого вопроса: как достигнуть того, чтоб присутствующие в храме разбирали (и разумели, прибавляю от себя) то, что там поют и читают».

Желание докладчика исполнилось: на Всероссийском Церковном Соборе образовался особый Богослужебный отдел с Подотделом о богослужебном языке. Отделу надлежит дать ответ по мере своих сил и разумения на поставленные вопросы, а всему Освященному Собору иметь дерзновение «изволися бо Святому Духу» (Деян. 15, 28) вынести определение, соответствующее христианской свободе, истине и пользе Церкви.

✓ В Предсоборном Совете по докладу П. П. Кудрявцева высказалось 12 ораторов: епископ Андроник (Никольский), архиепископ Евлогий (Георгиевский), архиепископы: Сергей (Страгородский) и Платон (Рождественский), епископ Андрей (Ухтомский), протоиерей Ф. Д. Филоненко, протоиерей А. П. Рождественский, профессор Б. А. Тураев, профессор И. М. Громогласов, протоиерей С. И. Шлеев, Д. И. Боголюбов и Н. М. Гринякин. Из всех ораторов принципиальным и решительным противником выступил только один – Пермский епископ Андроник (Никольский), он представил письменный доклад. Вот основные положения его доклада.

1) Странно было бы «говорить с Богом» на языке обычном. У всех народов, во всех религиях богослужебный язык возвышенный, одухотворенный, различный от разговорного (как перевести: «примите, ядите...», «чрево... пространнее небес содела»?).

2) Нельзя на русский язык передать дивной красоты, умиляющей и радующей небожную душу, богослужебных молитв, песнопений и акафистов.

3) Церковнославянский язык выразительнее русского (перевод посланий апостола Павла на русском языке невыразителен).

4) Народ любит славянский язык, и его замена произведет соблазн, раскол; даже исправление вызвало «у благочестивцев» смущение.

5) Для понимания достаточно: а) продолжать умелое исправление, б) перевести кое-что на русский язык для личного употребления, в) изучать церковнославянский язык в школах как разговорный язык с Богом, г) устраивать занятия со взрослыми и детьми за богослужением и на внебогослужебных беседах.

✚ *Высокопреосвященный Платон (Рождественский)* признавал бессознательное отношение многих к богослужению и потому высказался за необходимость перевода на русский язык церковных книг. «Немцы, англичане молятся на своих языках, а правоспособность русских почему-то исключается», – заключил свою речь Владыка.

Высокопреосвященный Евлогий (Георгиевский) не считал возможным принципиально оспаривать доклад П. П. Кудрявцева и предлагал высказаться о целесообразности и о пределах введения народных языков в богослужение. Он лично стоял за частичный перевод богослужения на народный язык и частичное введение его, соблюдая осторожность и отвечая потребностям народа. Богослужение на окраинах можно было бы оживить и расцветить... можно дать Евангелие, Апостол, паримии, живую проповедь и нечто вроде колядок во время крестных ходов, пение общее и антифонное <на родном языке>. В требовании украинцев Преосвященному слышался больше голос политического кружка, чем голос народной массы. По вопросу о церковном творчестве, так широко поставленном П. П. Кудрявцевым, Преосвященный заметил, что Церковь живет и творит (молебны, акафисты), хотя творчество проявляется грубое, шаблонное.

Высокопреосвященный Сергей (Страгородский), отмечая, с одной стороны, любовь карелов к славянскому языку, красоту его, известную доступность для народа, с другой – затемнение славянским текстом смысла, все-таки высказался за частичный перевод богослужения.

Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) большую религиозность татар объяснял тем, что они имеют некоторые богослужебные книги на родном языке. В понятности богослужения он видел средство к возвращению сектантов в лоно Православной Церкви. Сам Владыка, чтобы сделать доступнее для богомольцев богослужебный текст, допускал перестановку слов и пояснения.

Протоиерей Ф. Д. Филоненко направлял свою речь против положений епископа Андроника (Никольского). Евреи и греки «разговаривали с Богом» своим языком, почему же нам, русским, нельзя? Иначе невозможна молитва ребенка. Язык церковнославянский далеко не всем понятен; окончившие курс второклассных школ, интеллигенты и то часто не понимают его. Нет также оснований славянский язык считать выразительнее и глубже русского языка. Творчество трудно, но оно необходимо; меняются же обряды, пение и т. д.

Протоиерей А. П. Рождественский признает потребность введения народного языка в богослужение, потому что простецы многого не понимают в славянском языке, потому что в греческой поэзии много витиеватости и игры слов, недоступных русскому сознанию. Бояться перевода нечего; *творить* богослужение и вводить русский язык нужно осторожно, не по-никоновски. Во втором слове отец А. П. Рождественский возражал против боязни пестроты (архиепископ Евлогий), потому что каждый молится по-своему и в этом соблазна нет, и напоминал, что Церкви всегда была присуща *приспособляемость* (в Ветхозаветной Церкви была музыка, у нас – пение псаломщиков).

Протоиерей С. И. Шлеев отрицал привязанность старообрядцев к непонятному (от понятного и разумного они не отрешиваются) и утверждал, что многие из старообрядцев не станут спорить из-за перевода книг. Употребление перевода, чуждого вульгарности, он предполагал допускать желающим приходом.

Профессор Б. А. Тураев, отметив культурные заслуги славянского языка, высказался за необходимость перевода книг на русский язык; в монастырях и кафедральных соборах предлагал сохранить славянский язык. Профессор выражал надежду, что «для перевода великая Россия даст поэта».

Д. И. Боголюбов, разделяя ораторов на эстетов и народников, видел в преклонении пред славянским языком проявление, голос эстетического чувства, веление сердца. Народ говорит: свяшенно, а ничего не понимаю. Он нуждается в богослужении на понятном языке, везде издания с подстрочными объяснениями распространяются успешно.

Слова Д. И. Боголюбова вызвали со стороны епископа Андроника (Никольского) реплику, что им руководит не эстетика, а что он принципиально отстаивает славянский язык, видя любовь народную (в Пермской епархии) к нему.

Профессор И. М. Громогласов говорил против преувеличенного восхваления церковнославянского языка: это смесь разных славянских наречий, язык искусственный, говорил он. Непризнание за русским языком права церковного употребления он считает деспотизмом и полагал невозможным отказывать просящим богослужения на русском языке. <...>⁶⁹

И. М. Громогласов указал на вред для жизни употребления за богослужением церковнославянского языка: жизнь расходуется с религией, в храме один язык и строй мысли, дома – другой; отсюда раздвоенность, мешающая христианизации народа.

Н. М. Гринякин высказался за введение в богослужение особого церковнорусского языка и чтение Священного Писания на русском языке.

По обмену мнений выработаны были и приняты VI Отделением Предсоборного Присутствия единогласно, за исключением епископа Андроника, прилагаемые тезисы:

1. Введение в богослужение русского или украинского языка допустимо.
2. Немедленная и повсеместная замена в богослужении церковнославянского языка русским или украинским языком и неосуществима, и нежелательна.
3. Частичное применение русского и особенно украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные молитвы и песнопения, тем более замена или пояснение отдельных речений русскими или украинскими речениями, введение новых молитвословий на русском языке, в случае их одобрения Церковью) допустимо и в известных условиях желательна.

Преосвященный Андроник (Никольский) подал голос за перевод церковных книг лишь для домашнего употребления.

4. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке, в меру возможности, подлежит удовлетворению.
5. Творчество в богослужении допустимо и возможно.
6. Дальнейшие работы Особой комиссии по переводу, исправлению и упрощению славянского языка в церковных книгах желательны.

7. Работы Комиссии Высокопреосвященного Сергия (Страгородского), архиепископа Финляндского и Выборгского, по сему предмету желательны.

Вот все работы и результаты работ, предшествовавших Всероссийскому Церковному Собору по вопросу о богослужебном языке.

Теперь перехожу к работам нашего Соборного Подотдела, обсуждавшего тот же вопрос на пяти заседаниях.

Первое заседание, как я уже выше говорил, под председательством Преосвященного Мифодия (Герасимова) состоялось 8 сентября. Прежде всего был прочитан протокол VI Отдела Предсоборного Совета. Все, что происходило, или, вернее, говорилось на этом заседании, мною пересказано выше. По заслушании протокола произошел обмен мнениями, прерванный в самом начале письменным заявлением епископа Андроника (Никольского), чтением статьи из «Архангельских епархиальных ведомостей» под заглавием «Неотложное дело» и доклада епископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского).

Письменного заявления Преосвященного Андроника (Никольского) при протоколе нет. Взгляд его известен из доклада, представленного Предсоборному Совету: а) для беседы с Богом нужен особый язык, б) на русском языке нельзя обойтись красотой и выразительностью славянской речи, в) народ привык к славянскому богослужению и

любит его, так что при введении русского богослужения возможен раскол, г) достаточно ограничиться пожеланиями, исправлениями, обучением и беседами.

Содержание доклада, систему доказательств в защиту церковнославянского языка епископа Сильвестра (Ольшевского) можно представить в виде следующих кратких положений.

I. Значение и достоинства славянского языка:

1) Везде православный славянин (в Моравии, Черногории, Болгарии, Сербии и в России) слышит слово Божие и молитвы церковные на церковнославянском языке: «Драгоценно такое средство духовного единения».

2) Для всей семьи славянских народов церковнославянский язык является языком образцовым, классическим, отличающимся непререкаемою точностью, законченностью развития и округленностью формы.

3) При гармонической звучности церковнославянский язык отличается богатством форм, оборотов, яркой образностью, выпуклой выразительностью, священной важностью и могучей силой. Ученые (Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов и др.) и художники <слова> (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Хомяков, А. С. Пушкин) признают особенную красоту и художественность его. Кроме сего, ему свойственна благородная простота и непосредственность («блаженно чрево, носившее Тя», «ложесна бо Твоя престол сотвори», «всяк мужеский пол»...).

II. Далее Преосвященный ставит вопрос: что сказать на то возражение – а разве нельзя молиться, выражать высокие богооткровенные истины живым языком? Пусть церковнославянский язык имеет свои достоинства, они и не отрицаются.

И отвечает:

1) Господь Иисус Христос проповедовал и на языке арамейском, святые апостолы – на живых языках, а молитву храмовую и домашнюю творили на языке библейских писателей – Моисея, Давида и других («воспел же псалмы» – на Тайной Вечери).

2) Высокие истины возможно выражать всяким достаточно развитым языком, но церковнославянский язык – язык священный, как санскритский, греческий и латинский.

3) Живые языки изменчивы, и богослужебная речь может утратить при переводе духовное наследие веков; религиозные переживания при молитвах на новом языке не те, что на церковнославянском.

III. Может быть, это дело привычки? Тот же благой плод может быть, если мы с детства привыкаем молиться на языке матери. Так ли это?

1) Опыт всех подвижников веры и молитвы, то есть специалистов молитвенного дела, всецело отдает предпочтение богослужению на церковнославянском языке перед живою областною речью. Русское Евангелие и молитвы на русском языке не внушают молитвенного настроения и святых чувств читателям.

2) «Да, привычка», но привычка тысячелетняя. В строении языка церковнославянского принимали участие величайшие гении, таланты; его для молитв употребляли святые угодники и сонм безвестных подвижников; на нем отразилось благоухание молитвенных воздыханий святых молитвенников («Есть сила благодатная» – М. Ю. Лермонтов). «Если способны к восприятию благодатных плодов разные вещи, бывшие в молитвенном употреблении у святых угодников, тем более способно хранить в себе благодатный след молитвенное слово...». Молитвенный язык святых подвижников способен сообщить нам их святые переживания.

3) Современное скептическое настроение, равнодушие к делам веры, теплохладность религиозная, отражаясь на языке современного общества, ничего не может дать в применении к молитвенному делу, в создании нового богослужебного языка.

А настоящий богослужебный язык создан в юношеский возраст славянства, в период особенного одушевления, идеализма, создавшего блестящий век царя Симеона. Такой же период переживали русские князья и наш народ, что отразилось в подвижничестве Киево-Печерских иноков (Киево-Печерский Патерик). Нынешнее духовное творчество не может подняться на духовную высоту наших предков. Вывод: переход на новый язык неуместен и невозможен.

IV. Как же быть с тем обстоятельством, что для многих молитвы и песнопения на церковнославянском языке малодоступны?

1) Меры различны, смотря по характеру трудностей. Есть трудности, зависящие от глубины содержания: таковые необходимо преодолеть школьным и практическим изучением. В древности достигали уразумения языка частым посещением храма Божия, чтением и пением (переписка Курбского с Грозным). Есть трудности, проистекающие от построения речи и несовершенств перевода: он подлежит исправлению. В древности были примеры таких работ [митрополита Алексия – в XIV веке, Патриарха Никона – в XVII; в XIX веке – труды Августина (Гуляницкого)⁷⁰, епископа Екатеринославского⁷¹].

Отсюда докладчиком выведены следующие положения:

1) Церковнославянский язык, обладая всеми достоинствами: лексическими, идейными и художественными, классической непосредственностью, будучи общеславянским, является для нас классическим языком.

2) Созданный в пору высшего религиозного воодушевления славянских народов, освященный тысячелетним употреблением святыми угодниками Божиими, он носит в себе благодатные следы духовные и является для нас незаменимым.

3) Живая разговорная речь наша переменна, носит на себе нравственные следы текущей жизни, потому затруднительно и не полезно изменять богослужебный язык по росту живой речи.

4) Христос Спаситель и святые апостолы для проповеди употребляли живые современные языки, но молились по преимуществу на классическом языке древности.

5) Церковнославянский язык имеет свои легкопреодолимые трудности и подлежит изучению в школах.

6) Несовершенства славянского перевода церковных молитв и песнопений подлежат обязательному исправлению посредством тщательного пересмотра текста.

7) Полезно и желательно издание для школ и народа богослужебных книг о двух параллельных текстах: с исправленным церковнославянским текстом и с переводом на современный русский язык. Но можно заменить русский перевод соответственными примечаниями.

Священник П. М. Ильинский прочитал статью из «Архангельских епархиальных ведомостей» – «Неотложное дело», где высказана мысль о необходимости перевода на русский язык богослужебных книг, так как прихожане славянского языка не понимают, а потому богослужение славянское цели своей не достигает; из-за этого многие из православных уклоняются в сектанство.

Чтение докладов епископов Андроника (Никольского), Сильвестра (Ольшевского) и упомянутой статьи заняло почти заседание. По поводу их высказались немногие.

II. За сохранение церковнославянского языка два раза с короткими заявлениями выступал Н. И. Пантин (из Финляндской епархии), два раза – Н. И. Троицкий (из Тульской епархии) и И. В. Курбатов (из Вятской епархии). Н. И. Пантин считал перевод на русский язык ненужным, чтобы не потерять красоты славянской поэзии, и признавал необходимым исправить и пояснить непонятные и обветшавшие слова богослужебного языка.

Н. И. Троицкий высказал новую мысль: немцы стремятся задавить славянство вообще, между прочим и язык его. С этим надо бороться, отстаивать славянские ценности, в том числе богослужебный язык, упрощая, однако, и разъясняя непонятные слова и выражения.

И. В. Курбатов оскудение богомольцами храмов объяснял не тем, что язык богослужения непонятен, а утратой веры и благочестия, в особенности среди интеллигенции.

Против сохранения славянского текста, за перевод богослужения на русский язык говорили священник *М. С. Елабужский* (два раза) и кандидат прав *И. В. Попович* (тоже два раза). *М. С. Елабужский* признавал перевод на русский язык весьма необходимым ввиду неясности славянского текста: в течение веков смысл некоторых слов изменился, некоторые слова вызывают у слушателей неподходящие мысли. Если простой народ на это не жалуется, а жалобы слышатся со стороны интеллигенции, – это понятно: последняя относится к делу сознательнее (защита интеллигенции вызвана была случайной репликой епископа Андроника (Никольского), что переводить богослужение на русский язык ради интеллигенции, не посещающей храма, нет нужды). Не согласен священник *М. С. Елабужский* с тем, что в настоящее время нельзя найти лиц с высокой религиозной настроенностью; такие лица найдутся, и они могут внести свою лепту в дело перевода, сообщить ему красоту и поэзию. Если великие русские писатели в своем художественном творчестве обращались иногда к церковнославянскому языку (они знали его), это не значит еще, чтобы сам русский язык был слаб для выражения мыслей и чаяний церковного человека. Священник *М. С. Елабужский* указывал, что употребление русского языка в богослужении давало блестящие результаты. Ссылку епископа Сильвестра (Ольшевского) на то, что Иисус Христос и апостолы молились на еврейском языке, он считал ничем не доказанной.

И. В. Попович убежденно отстаивал необходимость перевода богослужения на русский язык и малорусский, оставляя основным богослужебным языком язык церковнославянский, упростив и исправив его. Закрывать двери для света христианства непонимающим нельзя. Нельзя ради сохранения славянской культуры жертвовать интересами христианства. Игнорировать требования интеллигенции, забывшей Церковь из-за невразумительности славянского богослужения, не следует, ибо, по учению Спасителя, заблуждающиеся более заслуживают отеческого попечения и любви, чем праведники. Совершение богослужения на русском языке может быть разрешаемо по желанию прихожан. Русский язык богат настолько, что перевод на него возможен. Тогда был расцвет славянского языка, а теперь русский язык в расцвете. Необходимость перевода *И. В. Попович*, между прочим, аргументировал указанием на то, что народные школы по проекту Государственной комиссии по народному образованию теперь будут безрелигиозными; Церковь будет единственной религиозной народной школой. Для более близкого знакомства с богослужением *И. В. Попович* предлагал распространить среди народа богослужебные книги на русском языке. Против мысли епископа Сильвестра (Ольшевского) о том, что Спаситель и святые апостолы молились на древнееврейском языке, он выставлял другую истину: для проповеди апостолы получили дар языков и говорили после сошествия на них Святого Духа на разных языках, так что собравшиеся к дому их слышали от них каждый свой язык.

Прения продолжались на втором заседании Подотдела 18 сентября.

За сохранение славянского языка, против перевода на русский язык произнес длинную речь *Василий Константинович Лебедев* (из Вологодской епархии). Вот общие положения его речи: 1) не следует заменять славянского языка при богослужении русским, 2) богослужебный язык имеет для нас национальное значение, 3) <необходимые> меры для достижения большей вразумительности богослужения на славянском языке.

Первая мысль доказывается следующим рядом аргументов:

а) русский народ привязан к церковнославянскому языку, любит его, сроднился с ним как со священным; переход на русский язык будет опасной церковной революцией: православные уйдут к единоверцам и старообрядцам;

б) церковнославянский язык – счастье для народа, это завеса от всяких оскорблений святыни;

в) он производит особенное эстетически-религиозное впечатление, в нем звуковое богатство и красота неразрывны с содержанием; разница между пением и чтением на славянском и русском языках не в пользу последнего;

г) с переводом на русский язык идеальная ясность не будет доступна: нужно общее развитие и богословское образование;

д) трудно применить церковнославянские мелодии, напевы к новому тексту в русском переводе;

е) церковнославянский язык ближе к греческому, точно передает его обороты: <дательный>⁷² самостоятельный, винительный с неопределенной формой, и пр.

Вторая мысль разъясняется следующими частными:

а) церковнославянский язык благотворно влияет на развитие русского языка, способствует сохранению его чистоты и нормального строя;

б) он служит объединяющим звеном всех русских людей обширного Отечества на протяжении веков;

в) он содействовал и должен способствовать нашему возрождению, ибо под его знаменем всегда жила и спасалась Русь;

г) он объединял и должен объединять всех славян.

В последней части оратор указывает ряд мер для достижения большей вразумительности церковнославянского богослужения, именно:

а) широкое знакомство в школах всех типов с церковнославянским языком;

б) авторитетное исправление отдельных слов, целых выражений, оборотов и конструкций,

в) осмысленное чтение и пение и проникновение чтения молитвенной настроенностью.

Это был единственный оратор на втором заседании, выставивший в защиту церковнославянского богослужения все возможное.

Против него, за переход на русский язык выступали профессор Б. А. Тураев, протоиерей А. А. Хотовицкий, Н. И. Знамировский и священник М. С. Елабужский.

Взгляд профессора Б. А. Тураева нам уже известен. Теперь он указал на аналогичные явления в Церкви Греческой и Коптской. В Греции вопрос о переводе богослужения на новогреческий язык возник по почину королевы Ольги Константиновны и вызвал там протест и смуту. В Коптской Церкви, где богослужение доселе совершается на непонятном для народа коптском языке, допущен все-таки в богослужение разговорный арабский язык. Допущение русского языка возможно, потребность <в этом>⁷³, при всей любви к церковнославянскому языку, с которым сроднились, очевидна. Факты непонимания бывают поразительны: так, перевод протоиереем А. П. Мальцевым богослужебных книг на немецкий язык оказался прежде всего полезным для русских, впервые понявших красоту православного богослужения. Прежде всего следует разрешить чтение на двух языках, пение псалмов антифонно, далее возможно употребление готовых переводов, сделанных людьми с поэтическим дарованием. Переводы великих песнотворцев – преподобных Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, Космы Маюмского и других – должны быть исполнены размером подлинника лицами, близкими по таланту самим творцам. Исправление существующего текста – дело необходимое,

трудное, требующее первоклассных сил; работы Синодальной комиссии в этом отношении поучительны. Решение вопроса о переводе и введении богослужения на украинском языке – дело неотложное в силу униатской опасности. Кое-где украинский язык вводится там явочным порядком.

Протоиерей А. А. Хотовицкий вопреки В. К. Лебедеву признавал перевод безусловно необходимым; изгонять верующих из Церкви из-за языка преступно. «Даже мы, священники, – признавался он, – встречаемся с такими местами славянского текста, которые совершенно непонятны и приходится без понимания произносить молитвы и ударять звуками в воздух. Ради красоты формы славянского языка отказать народу русскому в переводе на родной язык нецелесообразно: мы таким образом сэкономим золотник, а потеряем пуд».

Священник М. С. Елабужский направлял свою речь против положений епископа Сильвестра (Ольшевского) и В. К. Лебедева. Богосозданная природа человеческого духа склонна к развитию. Церковь живет духом творчества. Не нужно думать, будто мысли и чувства молящихся могут быть выражаемы только на классических, и в частности на церковнославянском языке. Это значило бы условному приписывать безусловное значение и временное возводить в вечное. Жизнь говорит противное: наша частная молитва не облекается в славянскую форму. В дневнике отца Иоанна Кронштадтского есть немало вдохновенных молитв на русском языке; на нем же изложены молитвы Киевского старца Парфения. Церковная проповедь совершается на русском языке. Отец М. С. Елабужский, как и И. М. Громогласов, в искусственном разделении речи на славянскую в храме Божиим и на русскую в обиходе видит проявление той раздвоенности, что проявляется в народе: набожность с одной стороны, жестокость – с другой. Не надо быть неразумными ревнителями отеческих преданий подобно преследователям переводчиков [архимандрита Макария (Глухарева) в свое время.] Реформа не вызовет протеста, если будет проведена с мудрой осторожностью и настойчивостью, и там, где того пожелают прихожане.

Н. И. Знамировский признавал необходимым взяться за великое дело исправления и перевода богослужебных книг сведущими и готовыми на этот великий святой подвиг людьми. Если Собор по каким-либо причинам не допустит совершения богослужения на русском языке, то желательно и полезно <допустить> во всяком случае частное распространение богослужебных книг на русском языке «для ознакомления верующих с содержанием церковных молитв». Насильственное введения не должно быть, а только по желанию.

Третье заседание посвящено было чтению известного нам доклада П. П. Кудряцева. Оно заняло все утро 19 сентября. Обмена мнениями и прений не было.

Четвертое заседание происходило 21 сентября вечером под председательством епископа Мефодия (Герасимова). В заседании участвовал председатель Отдела Высокопреосвященный Евлогий (Георгиевский). Собрание было многолюдное, в обсуждении принимало участие до 30 членов Собора.

В начале заседания были воспроизведены протокол Предсоборного Совета, доклад епископа Сильвестра (Ольшевского) и вновь предложены вниманию собрания доклады епископа Мефодия (Герасимова) и протоиерея Петра Ратьковского. Доклада Преосвященного Мефодия при протоколе нет, хотя есть замечание, что он «при сем прилагается». Взгляды Преосвященного известны из его объемистой брошюры о богослужебном языке⁷⁴. По своим убеждениям он примыкает к епископам Сильвестру (Ольшевскому) и Андронику (Никольскому), только его взгляды выражены резче, определеннее. Вот взгляд его на возможное изменение языка богослужения: 1) Замена богослужебного языка русским будет ничем иным, как профанацией молитвы,

омирщением ее. Собор должен санкционировать славянский язык богослужения. Изгнание славянского языка из богослужения будет невознаградивой утратой этого сокровища и должно быть названо святотатством⁷⁵. 2) О достоинствах славянского языка он выражается так: славянский язык – это ценное сокровище, данное промыслом Божиим русскому народу. Он может передать священный текст с точностью до последней иоты и черты, заключающихся в законе, не теряя при этом чистоты и ясности..., он совмещает в себе музыкальность древних языков и идейное богатство новых. Указание на недостаток⁷⁶ славянского текста Преосвященный Мефодий (Герасимов) устраняет тем замечанием, что они не влияют «на понимание общего хода мыслей», защищает даже гречизмы и гебраизмы, каких немало оставлено в славянском тексте переводчиками, ибо они слились со славянской речью в такую органическую связь, что сделались как бы родными ей. 3) О молитвенном значении славянского текста Владыка выражается так: «В звуках славянско-богослужбной речи почил молитвенная благодать, которая сама собой способна во время богослужения возбудить в нас молитвенное настроение... Славянская речь есть священная речь... Каждое слово, каждая точка освящены чтением и слушанием...» В этом отношении взгляды его очень близко примыкали к взгляду епископа Сильвестра (Ольшевского). Свою привязанность к славянской речи он высказал в устной <форме> на заседании, заявив, что отнять славянский язык – это значит отнять часть души... «Для меня лучше смерть, чем лишение славянского богослужения», – сказал он в заключение. Понятен при таком настроении взгляд его, что русский язык не привлечет в Церковь, а оттолкнет от Церкви верующих.

Доклад священника П. М. Ратьковского «Богослужбный язык Православной Церкви» (из Туркестана, был читан там на Епархиальном съезде) приложен при протоколе. В нем есть новые мысли, доселе ни в докладах, ни в речах не высказанные. В начале доклада отец П. М. Ратьковский отмечает, что вопрос о языке богослужения весьма важен, поскольку молитва имеет значение для нашего спасения. <...> Затем докладчик бросает краткий взгляд на происхождение славянской письменности и историю русского языка. Затем переходит к доказательствам необходимости перевода богослужебных книг на русский язык.

1) Психологическая истина, что для усвоения истины, реагирования на нее необходимо понимание. Это относится как к простым восприятиям, так и к высоким истинам. Язык же нашего богослужения почти непонятен простолыдину, малопонятен образованному человеку и не везде понятен даже священнику. Докладчик говорит о себе, что, пока переводишь и осмысливаешь первую фразу стихир, певцы, а тем более чтецы уже уходят вперед и общего смысла песнопения не улавливаешь. В деревне совсем не понимают богослужения: богомольцы деревенские шепчут что-то свое про себя, а что читают священники и поют певцы, то все пропадает для их сознания. При всем желании их получается только хаос в голове, отсюда рассеянность и скука; мысль уносится за стены храма. Так много раз, и человек старается под каким-либо предлогом уклониться от тяжелого подвига – ходить в церковь.

2) Еще хуже влияет славянский язык на детей. Малые дети с огромным трудом зубуривают послушно со слов отца или матери «Богородицу», «Отче наш, иже еси...» и др. Бессмысленные для них молитвы ничего не дают детскому чувству. В школе самоотверженно, со слов батюшки учат детей непонятным молитвам целый год, с трудом запоминают значение «иже», «яко», «сый» и т. д. Скольким усилий нужно, чтоб поддержать внимание детей в классе при таких работах. Дальше. В гимназии изучение <...> знаменитого катехизиса митрополита Филарета (Дроздова), написанного 100 лет тому назад, напечатанного славянским стилем, – это нечто самое сухое, мрачное, давящее при воспоминании, как кошмар. «Ославяненный Закон Божий, говорит <священник

П. М. Ратьковский>, сушит и убивает веру и любовь в людях, и от мертвящей славянской чело́веку не отвязаться от рождения до смерти».

3) В защиту славянского языка нельзя даже сослаться на каноны.

4) В то время, как все инородцы имеют богослужение на родном языке, мы, русские, должны молиться Богу живому на языке мертвых. Будучи непонятным, богослужение потеряло для нас свое значение, не увлекает нас своим содержанием. Отсюда по необходимости введено в богослужение партесное пение с девизом: «Хватай», «валяй», увлечение голосистыми диаконами (типа Н. С. Лескова, И. Н. Потапенко и др.).

5) Кое-где теперь общее пение заменяет одинокое пение псаломщиков и партесное пение церковных хоров и увлекает богомольцев; еще больший подъем религиозного настроения получится, когда раздастся пение на родном языке. Есть тому примеры: успех у сектантов общего пения русских песен, пример прихожан одного села Самарской епархии⁷⁷, малороссов в Ташкенте.

6) Трудности в применении мелодий к русскому тексту будут; работа предстоит большая и сложная, но для знатоков дела исполнимая.

7) Преимущественные достоинства славянской речи сравнительно с русским сомнительны, спорны. Совсем не благозвучны слова «пес возвращься на свою блевотину (2 Пет. 2, 22), «изблева морской зверь» (2-й канон Рождества Христова, песнь 6, ирмос)⁷⁸, «Ироду блядня» (3-й кондак Акафиста Божией Матери)⁷⁹ и т. п.

8) Ограничиться объяснениями невозможно. Священник П. М. Ратьковский вычислил, что если объяснять в праздничные дни народу богослужение по книжке священника Г. М. Дьяченко «Беседы о богослужении Православной Церкви» по 15 страниц за праздничным богослужением, то нужно употребить на эту работу 6 лет. Времени для уяснения высоких истин веры и жизни у пастыря не будет.

9) В конце доклада священника П. М. Ратьковского есть ответ на возражение об изменчивости живого языка: «Богослужение будет изложено на чистом современном литературном языке, понятном везде и всюду в России».

В заключение докладчик выражает надежду, что богослужение на родном языке вызовет подъем религиозного чувства, усилит пламень молитвы и укрепит веру.

По ознакомлении с докладами *Высокопреосвященный Евлогий (Георгиевский)*, выражая свое преклонение пред славянским языком как языком художников молитвы, освященного веками, все-таки напоминал о реальной действительности: народ не понимает богослужения. Как сделать, чтобы священные слова вливались в душу народную в полноте своей? 90% богомольцев не в состоянии ответить, что воспеваётся в стихирах. «Прошу подумать, – говорит он, – об этом темном народе». На решение он ставил вопрос: допустимо ли <...> применение русского языка в богослужении, замена им или другим каким-либо языком славянского языка?

За сохранение славянского языка, против допустимости в богослужение родного языка из многих ораторов выступали кое-кто старые. Так, *В. К. Лебедев* вновь выступал со своими тезисами, уже известными нам.

Преосвященный Сильвестр (Ольшевский) свой взгляд подтверждал примером греческой Церкви (профессор Б. А. Тураев раньше говорил об этом).

Н. Ф. Миклашевский в доказательство своей мысли, что достаточно для желательной ясности ограничиться перестановкой слов, заменой некоторых выражений, сослался на постановление Новгородского епархиального съезда, допустившего будто только частичное изменение.

Священник И. Ф. Щукин поправил *Н. Ф. Миклашевского*, прочитал подлинное постановление съезда: «В целях большего влияния церковного богослужения на душу

верующих, в целях противодействия сектантским богослужебным собраниям необходимо, чтобы в Православной Русской Церкви все совершалось на понятном языке. Таким языком должен быть признан наш родной русский язык». Н. Ф. Миклашевский имел в виду только конец постановления, что в случае невозможности перевода на русский язык следует приступить к немедленному исправлению славянского текста.

Крестьянин Ф. Г. Зибарев стал в защиту славянского языка на особую точку зрения, так сказать, эсхатологическую: «В народе говорят, что придет антихрист, что знамением пришествия его будет то, что станут отнимать старые книги и дадут новые. Книги мы отнимем и оставим народ без молитв. Реформа несвоевременна».

В. П. Шергин говорит, что народ идет к сектантам потому, что пастыри не проповедуют Слова Божия, а не потому, что богослужение непонятно.

Священник А. Р. Пономарев вопрос о недоступности для понимания слушателей славянского языка связывал с исполнением. Нужно читать с чувством, с толком, с расстановкой, вспоминал чтение 1-го часа драматической артисткой, открывшей перед слушателями поэзию псалмов. Желающих переделать богослужение сравнивал с прислугой, которой не нравится расстановка хозяйкой мебели в квартирах. Не может же каждый распорядиться по своему вкусу в таком важном деле. Славянский язык он считал родным потому, что он был родным его дедам и прадедам. В Предсоборном Совете один оратор различал эстетов и народников. Как бы таким народникам не дать народу вместо хлеба камень, вместо рыбы – змею. Народ потеряет язык, потеряет и лицо. В Украине были случаи запрещения читать Евангелие на украинском языке, – это голос народа. Во Владивостоке три течения: а) оставить славянский язык, б) упростить, в) перевести на русский язык. Главное: исполнители. Закончил он сравнением: «Я не понимаю высшей математики, но не смею требовать ее упразднения. Так и здесь: не понимаешь – поучись».

По поводу употребления украинского языка за богослужением передавали личные впечатления К. И. Самбурский и М. Л. Пилипчук. К. И. Самбурский ознакомил собрание с постановлениями Черниговского съезда, единогласно высказавшегося за церковнославянский язык, и рассказал, как народ плакал от огорчения, когда слышал чтение Евангелия на украинском языке. Исправления признавал нужными. М. Л. Пилипчук, наоборот, свидетельствовал, что народ рад был слышать проповедь на малорусском языке. Так же рад будет народ и богослужению на русском языке.

Профессор В. Д. Прилуцкий убеждал собрание, что приближение слова богослужения к пониманию народа может быть достигнуто через одно упрощение синтаксиса. Это уже и делается Комиссией при Синоде. Собор должен одобрить работу, дать указания⁸⁰; говорить же об этом деле, как о чем-то новом, не следует. Он сомневается, чтобы переводом была достигнута ясность, потому что поэтические произведения вообще затруднительны для понимания. Совершенно понятный перевод будет переложением, описанием. Поэзия будет убита: вместо чуждых оборотов дана будет скучная проза.

Генерал Л. К. Артамонов горячо выступил в защиту славянского текста. Сначала он привел пример Абиссинской Церкви (древнее наречие гез, новое – амара). Там не возникает и спора о замене священного языка гез посредством народного амара. Мы оживаем комара, когда говорим о непонятности богослужения и слушаем ораторов, говорящих вовсе не на русском языке (приводил примеры такой речи, набора иностранных слов). Бунт против славянского языка поднимают полуинтеллигенты, говорил он, не заглядывающие в церковь. Мы должны творить дело Божие для верных детей Православной Церкви, а не привлекать за шиворот нежелающих. Бойтесь заключить слово Божие в глиняный горшок. Я понимаю плач старух, когда они услышали святые слова на обычном языке. Нужна в этом деле осторожность. Возможны только пояснительные примечания под строкой или в скобках.

Представители Японской Миссии свидетельствовали, что апостол Японии архиепископ Николай (Касаткин) перевел Священное Писание и богослужебные книги на старояпонский язык, а не на новый.

В. К. Недельский настаивал на большой осторожности в решении вопроса. В современных людях он не видит подлинного религиозного вдохновения (сектантская литература – сплошное убожество). Рекомендовал постепенность в исправлении текста, замену темных мест, устранение греческих оборотов, общее пение и объяснение богослужения пастырями, клириками и лучшими из мирян.

А. В. Новосельский остановил внимание собрания на главной трудности в переводе, отмеченной в докладе П. П. Кудрявцева и не раз подчеркнутой другими, – на высокой поэзии богослужебных песнопений. «Чтобы переводить поэта, нужно самому быть поэтом», – говорит П. П. Кудрявцев. Да, в греческом подлиннике была поэзия, там были и тоника, и ритм. А у нас в славянском переводе никакой поэзии не чувствуется. Иеромонах Епифаний (Славинецкий) и его помощники не были поэтами; их нельзя даже сравнивать с талантливыми мастерами, а разве только с копиистами-ремесленниками: они переводили подряд, слово в слово, форма в форму, создавая формы и обороты, не свойственные славянскому языку (примеров множество). Известный подвижник епископ Феофан (Говоров) Вышенский признавал перевод богослужебных книг делом неотложно необходимым, «если мы не хотим, – говорил он, – быть причиной вреда, который отсюда происходит» (уход в штунду)⁸¹. В проведении реформы оратор признавал нужным постепенность: сначала наиболее употребительных книг – Часослова, Октоиха и т. д.

Протоиерей И. А. Ильин напомнил защитникам славянского богослужения Первое Послание к Коринфянам, 14-ю главу, и процитировал оттуда стихи, требующие понимания пророчеств и назиданий. Славянский язык он считал понятным только ученым, священникам и епископам, псаломщики уже не понимают его. Через 10 лет народ уйдет к сектантам – в наших храмах он не назидается; иное у сектантов, где для него поют и читают понятно. Ссылку Преосвященного Сильвестра (Ольшевского) на то, что наши угодники молились на славянском языке, отец И. А. Ильин ослабляет вопросом: разве тогда русский язык был? Если бы святые Кирилл и Мефодий жили теперь, то, конечно, для русских они перевели бы не на славянский язык, а на русский. План реформы должен выработать Собор.

Священник М. Ф. Марин доказывал необходимость реформы с соблюдением постепенности, тогда не будет соблазна. Книги всегда исправляли и теперь исправляются, а все-таки он, человек с высшим образованием, не улавливает смысла славянских песнопений. Если простецы плачут, то от умиления формой: молитва для них своего рода заклинание. Он напомнил слова святых Кирилла и Мефодия: «Проповедовать на чужом языке – писать на песке».

Когда Н. И. Знамировский, признавая принципиально возможность перевода богослужения на русский язык и введения его там, где народ пожелает и где того требуют обстоятельства, рекомендовал между другими ранее указанными им мерами приготовление к богослужению на дому, отец М. Ф. Марин вновь выступил и заметил, что эта мера неисполнима: нет возможности иметь богослужебные книги на дому. Относительно желаний народа священник М. Ф. Марин невысокого мнения: мало ли чего народ желает по невежеству? Он закрывает больницы, школы и другие культурные учреждения. Остановился своим вниманием священник М. Ф. Марин на утверждении отца А. Р. Пономарева, что понятность <богослужения> зависит от чтеца: как бы ни был хорош чтец, непонятного он не может сделать понятным. Нужно расшифровать славянский текст, сделать безупречный перевод на родной язык, умело провести реформу, и народ будет благодарить за реформу.

Священник М. С. Елабужский отметил в своей речи сравнение членов Собора с прислугой, забирающейся в хоромы и там хозяйничающей, и выразил смущение заявлением епископа Мефодия, что мы убиваем его душу; уж очень много придается значения внешности. Следует спросить: не убиваем ли мы души темных людей, не толкаем ли их в штуду и индифферентизм непонятым богослужением? Мнение епископа Феофана (Говорова) уже было приведено. Требования П. П. Кудрявцева слишком строги. Тот же епископ Феофан (Говоров) об известных ему переводах отзывался как «о благоговейных и понятных», своим авторитетным отзывом он одобрил эти переводы. Правильное указание на то, что наши русские переводчики XVII века вовсе не были поэтами, М. С. Елабужский усилил, прибавив, что и сами составители часто не бывали поэтами (примеры из службы святому Иоанну Предтече). В заключение он просил снисхождения не только к малым сим, но и к духовенству, которое часто само не понимает <богослужбные тексты>.

И. В. Фигуровский предлагал ввести богослужение на русском языке сначала в домовых церквях (совершать же в семинариях на славянском языке). Этот опыт обнаружит настроения народа и укажет, как надо действовать.

Развивая далее эту мысль, священник Н. В. Брянцев предлагал Собору устроить пробное богослужение в семинарском храме. Перевод он считал несомненно необходимым.

Священник С. А. Сабинин ставил вопрос в указанной Высокопреосвященным Евлонием форме: допустимо ли постепенное введение русского языка в богослужение? Никто не говорит о немедленном и всеобщем переходе на русский язык. Надо приблизить богослужение к пониманию народа. Один оратор (К. И. Самбурский) говорил, что народ не желает, а я от имени народа скажу совершенно обратное: «народ желает», и бояться, что богослужение в русском тексте потеряет красоту, не следует: самая высокая поэзия – самая высокая простота, она не нуждается в прикрасах.

Протоиерей В. И. Туркевич относительно малороссов заметил, что не все приходы стоят за сохранение славянского богослужения.

Протоиерей Т. П. Теодорович, чувствуя в словах защитников славянского богослужения большую любовь к языку, видел в речах их любованием старинной вещью, как это бывает с археологами. Богослужением же нужно не любоваться, а пользоваться, наблюдая духовные потребности верующих. Надобно богослужение приблизить к народному пониманию. Жизнь берет свое: богослужбный язык постепенно приближается к русскому языку. Надобно содействовать естественному ходу вещей. Не уважая своего языка, мы не уважаем себя. Придавать особое значение заявлениям народа о нежелании слушать богослужение на родном языке не следует. Недалеко то время, когда он поймет правду. Не нужно опаздывать, как всегда с нами бывает. Если малороссы отказываются от своего языка, то потому, что им привили убеждение, будто их язык холопский, рабский. В заключение речи он указал на пример мариавитов в Католической Церкви, славных тем, что они ввели польский, национальный язык в богослужение.

А. Ф. Горайн высказался за введение русского богослужения там, где к тому побуждают обстоятельства.

Священник С. А. Мельницкий в подтверждение взгляда Т. П. Теодоровича на украинский язык сообщил, что на Подольском съезде сначала не хотели слышать о малороссийском языке, но когда разъяснили, произнесли хорошие речи, прочитали молитвы, Евангелие, настроение переменилось и послышалось: «За сердце хапает». Было постановлено, чтобы Евангелие читалось и проповеди говорились на украинском языке. Надо народ подготовить к реформе. Употребление колядок на Юго-Западе имело самое благотворное влияние на православных, <они> поются даже в церкви.

М. Н. Котельников познакомил собрание с постановлением Уфимского съезда в целях борьбы с сектантством об упрощении языка богослужебных книг и о допущении среди инородцев родных языков. Кроме того, *М. Н. Котельников* отпарировал нападки генерала Л. К. Артамонова на маловерующую интеллигенцию, бунтующую против славянского языка («Присутствующие здесь, – говорит он, – никак не могут причислить себя к указанной категории»), и на русский язык: язык А. С. Пушкина, И. С. Тургенева не может быть сравниваем с глиняным горшком.

Л. К. Артамонов ответил по личному вопросу, что он имел в виду обыденный, базарный язык и порчу русского языка иностранными словами.

По окончании прений выработаны были, поставлены на голосование и приняты значительным большинством следующие тезисы:

1) Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

2) В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются принципиально права русского и украинского языков для богослужебного употребления.

3) Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении русским или украинским неосуществима и нежелательна.

4) Частичное применение русского и украинского языков в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения и молитвы, замена отдельных слов и речений и т. п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковною властью допустимы и при известных условиях желательны.

5) Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке в меру возможности подлежит удовлетворению при одобрении перевода церковною властью.

6) Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском (или украинском).

7) Необходимо при Высшем Церковном Управлении иметь особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужения на русский (или украинский) языки.

8) Желательно издание богослужебных книг на двух параллельных языках – славянском и русском (или украинском), а также издание отдельных книжек с параллельными текстами, заключающими в себе церковно-богослужебные молитвословия.

9) Желательно широкое ознакомление с церковнославянским языком богослужения как через изучение в школах, так и путем разучивания церковных песнопений с прихожанами для общецерковного пения.

В конце заседания предложены были на голосование мнения профессора В. Д. Прилуцкого, чтоб комиссии при Священном Синоде в своих исправлениях более сообразовались с духом и поэзией, чем с формой; Н. И. Знамировского – о разрешении во внебогослужебное время петь духовные гимны; протоиерея Н. В. Брянцева – о пробном богослужении на русском языке в церкви Московской Духовной семинарии. Предложения не были подвергнуты голосованию за поздним временем.

Последнее, пятое заседание, было 26 сентября под председательством Преосвященного Мефодия (Герасимова). Предложение отца В. Д. Прилуцкого и отца Н. В. Брянцева отклонены. Тезис Н. И. Знамировского принять в такой редакции:

10) Употребление церковно-народных гимнов на русском языке на внеслужебных беседах по одобренным церковною властью сборникам признается полезным.

Принято еще предложение Преосвященного Мефодия:

11) Издать русский перевод Библии с текста LXX толковников. Перевод должен

быть снабжен указанием разночтений темных и переносных мест по русской Библии с еврейского языка.

После голосования тезисов В. К. Недельский выразил опасение, что разрешение совершать богослужение на русском и малороссийском языках поведет за собой разрешение совершать богослужение на различных наречиях, на местных говорах, которых у нас такое множество, и это, естественно, раздробит единство Русской Церкви.

Архиепископ Евлогий (Георгиевский), возражая В. К. Недельскому, указал на то, что одной из побудительных причин к введению в богослужение русского и украинского языков является страшная опасность массового соращения православного населения Украины в унию, где уже совершается богослужение на местном языке. В 1905 году разрешением к употреблению церковно-народных гимнов в крестных ходах почва из-под ног у католической пропаганды была вырвана и немалое количество верующих было сохранено в лоне Православной Церкви.

Выступал в конце заседания с призывом оставить славянский язык в богослужении *архиепископ Ставропольский Агафодор (Преображенский)*: народ будет против, что он твердо знает, как прослуживший 20 лет приходским священником.

В заключение докладчиком Подотдела был избран профессор П. П. Кудрявцев и содокладчиком М. Н. Котельников, секретарь Подотдела. Председатель Подотдела епископ Мефодий (Герасимов) заявил, что он войдет со своим особым докладом в Отделе.

Вот все существенное, что я мог извлечь из работ, предшествовавших Собору, и занятий Подотдела по занимающему нас вопросу. Прошу прощения, что, может быть, утомил внимание почтенного собрания. Желательно было изобразить всестороннее освещение и обсуждение вопроса так, как это было на самом деле, с напоминанием даже мелочей: последние часто служат показателями не только той горячности, с какой относились к решению, очевидно, большого для многих вопроса, но и свидетельствами слабости или прочности защищаемых позиций. В изложении я всячески старался быть объективным, прибегая в передаче мнений почти везде к подлинным выражениям докладчиков и ораторов. Отделу, таким образом, представляется полная возможность обсудить, насколько вытекают тезисы из данных докладов и прений, дополнить <то>, что, быть может, упущено в течение долгих прений Подотделом из внимания; принять или не принять выработанные положения; видоизменить их редакцию, если она не совсем удовлетворительна, и представить тезисы в той или другой форме на санкцию всего Освященного Собора. Чем скорее, тем лучше. Промедления довольно: ведь дело забылось и лежит недвижимо с 26 сентября.

Доклад А. В. Новосельского обсуждался на 42-м заседании. При этом и сторонники, и противники допущения в церковную службу русского языка сошлись на том, что добавить к сказанному ранее нечего⁸². На 44-м заседании, которое состоялось 30 июля/12 августа 1918 года, были приняты следующие тезисы (проект Соборного Деяния).

3. Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* «*О церковно-богослужебном языке*»⁸³

1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления.

3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима.

4. Частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т. п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время.

5. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языке в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода церковной властью.

6. Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском или малороссийском.

7. Необходимо немедленно образовать при Высшем Церковном Управлении особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужений на общерусский или малороссийский и на иные употребляемые в Русской Церкви языки, причем комиссия должна принимать на рассмотрение как уже существующие опыты подобных переводов, так и вновь появляющиеся.

8. Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужебных книг на параллельных славянском, общерусском или малороссийском употребляемых в Православной Русской Церкви языках, а также изданием таковых же отдельных книжек с избранными церковнославянскими богослужебными молитвословиями и песнопениями.

9. Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковнославянским языком богослужения как через изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений прихожанами для общецерковного пения.

10. Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужебных собеседованиях по одобренным церковною властью сборникам признается полезным и желательным.

4. Резолюции Соборного Совета, Совещания Епископов по докладу «О церковно-богослужебном языке»

Доклад Подотдела был заслушан Соборным Советом 29 августа (11 сентября) 1918 года и передан на рассмотрение Совещания Епископов⁸⁴. Проходившее 19 (22) сентября в келлиях Петровского монастыря Совещание Епископов, на котором председательствовал Святейший Патриарх Тихон, рассмотрело доклад⁸⁵. Стенограммы обсуждения в архиве нет, поэтому приведем текст справки последнего по времени документа, касающегося этого доклада⁸⁶. «Священным Собором Православной Российской Церкви 30 августа (12 сентября) сего года было утверждено постановление Соборного Совета о передаче на разрешение Совещания Епископов представленного Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме* доклада «О церковно-богослужебном языке».

Совещание Епископов, заслушав в заседании 19 (22) сентября сего года означенный доклад, *постановило*: доклад этот передать Высшему Церковному Управлению: «Согласно сему постановлению Совета Епископов и во исполнение по сему предмету Предсоборного Совета, представляю означенный доклад о церковно-богослужебном языке на разрешение Высшего Церковного Управления»⁸⁷.

ГЛАВА IV. ЮЛИАНСКИЙ И ГРИГОРИАНСКИЙ КАЛЕНДАРИ

1. Календарная проблема в России на рубеже XIX – XX веков. Дискуссия по календарному вопросу на Всероссийском Поместном Соборе

Календарная проблема в России обсуждалась периодически. В 1899 году при Астрономическом обществе работала Комиссия по вопросу о реформе календаря в России. В состав этой Комиссии входили Д. И. Менделеев и В. В. Болотов. Комиссия готовила реформу юлианского календаря, а не замену его григорианским. «Принимая же во внимание: 1) что в 1830 году ходатайство Императорской Академии наук о введении в России григорианского календаря было отклонено императором Николаем I и 2) что православными государствами и всем православным населением Востока и Запада отвергались попытки представителей католицизма ввести в России григорианский календарь, Комиссия единогласно постановила отклонить все предложения о введении в России григорианского календаря и, не стесняясь выбором реформы, остановиться на той, которая совмещала бы в себе идею истины и возможной точности, как научной, так и исторической, применительно к христианскому летосчислению в России»⁸⁸. Деятельность Комиссии носила чисто академический характер. Материалы ее работ были опубликованы⁸⁹.

Проблема календаря приобрела практический характер в связи с Октябрьской революцией. 16 ноября 1917 года вопрос о календарной реформе был поставлен на обсуждение Совнаркома, 24 января был принят Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря. В Декрете говорилось: «В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами счисления времени Совет народных комиссаров постановляет ввести по истечении января месяца сего года в гражданский обиход новый календарь». Для этого: «Первый день после 31 января сего года считать не 1 февраля, а 14 февраля, второй день считать 15 и т. д.»⁹⁰.

Введение гражданской властью григорианского календаря требовало, чтобы Собор выразил свое отношение к календарной проблеме.

Этот вопрос встал на 71-м заседании Собора, которое состоялось 27 января 1917 года. Приводим стенографический отчет обсуждения этого вопроса.

Председатель митрополит Арсений (Стадницкий): Советом народных комиссаров издан Декрет, которым вводится новый, западноевропейский стиль. Вопрос о новом стиле касается многих сторон жизни, и Совет народных комиссаров имел в виду прежде всего потребности государства. Но Декрет этот имеет близкое отношение к Церкви, так как затрагивает вопрос о церковных праздниках. Не угодно ли будет Собору передать этот вопрос на рассмотрение в Отдел о богослужении? Здесь этот вопрос уже рассматривался и раньше⁹¹, но теперь, после издания Декрета о новом стиле, его следует передать туда для того, чтобы Отдел спешно высказался об этом для руководства верующими, которые не знают, как им поступить теперь. Не угодно ли будет Собору передать вопрос в Отдел?

П. И. Астров: Я присоединяюсь к этому предложению, но полагаю, что это вопрос более юридического свойства, чем богослужебного, а потому желал бы, чтобы вопрос о новом стиле был рассмотрен на соединенном заседании Отдела *О богослужении* и Отдела *О правовом положении Церкви в государстве*.

Председательствующий *митрополит Арсений (Стадницкий)*: Должен сказать, что в виду Декрета об отделении Церкви от государства вопрос этот сам собою отпадает. Угодно ли будет Собору принять предложение П. И. Астрова?

Постановлено: Обсудить вопрос о введении в России нового стиля в соединенном собрании Отдела *О богослужении* и Отдела *О правовом положении Церкви в государстве*⁹².

Совместное заседание двух Отделов состоялось 29 января. Задача была сформулирована председательствующим на нем митрополитом Арсением (Стадницким): «Нам необходимо решить, как быть с вопросом об отношении Церкви к введению нового стиля в ближайшее время. Наша задача дать ответ на поставленный вопрос Собору завтра»⁹³. Выступавшие на заседании были против немедленного перехода на новый стиль (основные аргументы см. ниже в докладах С. С. Глаголева⁹⁴ и И. И. Соколова).

И. А. Карабинов: «С новым стилем не согласятся ни старообрядцы, ни единоверцы и будут справлять церковные праздники по старому стилю».

Дискуссию резюмировал С. С. Глаголев: «По отношению к будущему я должен заметить, что едва ли мы можем остаться при старом стиле. Наши Пасхальные таблицы все более и более расходятся с небом. Они построены на неточных астрономических основаниях. В будущем необходимо придется стиль переменить, чтобы получилось согласование с небом и все благополучно устроено было бы на земле. Мы понимаем, что стиль надлежит переменить, но в настоящее время практическая необходимость заставляет нас остановиться на юлианском календаре»⁹⁵.

Обсуждение этого вопроса было продолжено на 30-м заседании Отдела, которое состоялось 15 марта 1918 года. На этом заседании было зачитано два посвященных календарной проблеме доклада, тексты которых мы приводим полностью.

2. Доклад профессора С. С. Глаголева⁹⁶ «Сравнительная оценка юлианского и григорианского стилей»

По юлианскому календарю продолжительность года превышает действительную на 11 1/4 минут. По григорианскому – только на 1/2. Но при сравнительной оценке достоинств стилей нужно иметь в виду точки зрения: *астрономическую, практическую и историческую*. *Астрономически* оба календаря негодны, ибо для астрономии требуется несравненно большая точность. *Практически* оба календаря совершенно достаточны, ибо ошибка на сутки в <юлианском>⁹⁷ календаре возрастает лишь в 120 лет. Сама по себе эта ошибка не важна, она происходит в период, превышающий длительность человеческой жизни, и, наконец, новое расхождение с григорианским календарем у нас фактически произойдет в 2100 году. *Исторически* григорианский календарь вреден, о чем будет сказано ниже. юлианский отвечает научным требованиям.

Должно признать, что юлианский стиль несовершенен, и несовершенство, относительная неудовлетворительность его была признана уже на Константинопольском Соборе 1583 года, созванном по поводу предложения Папы Григория XIII Патриарху Иеремии принять новый стиль. Новый календарь нужен, и желательно, чтобы он стал общим календарем народов. Но напрасно думают, что григорианский календарь удовлетворяет требованиям идеального календаря и что против него идут только по религиозному упорству или по любви к рутине. Нет. Календари могут иметь разные задачи. И юлианский, и григорианский календари имели своей задачей дать такое летоисчисление, в котором весеннее равноденствие и времена года неизменно падали бы на

те же числа и месяцы. Год астрономический (время от одного весеннего равноденствия до другого) 365 дней 5 часов <48 минут> 45–52 секунды, здесь колебание (юлианский год 365 дней 6 часов – ошибка на 11 1/4 минут; григорианский год 365 дней 5 часов 49 минут 12 секунд – ошибка на 1/2 минуты). Несомненно, что продолжительность года в григорианском календаре определяется гораздо точнее, чем в юлианском. Но это преимущество – практически на самом деле бесполезное – получено им благодаря принесению непоправимых жертв. Задача календаря, во всяком случае, должна состоять в том, чтобы в нем не было несуществующих дней. Между тем, введение григорианского календаря началось с того, что в 1582 году после 4 октября (четверг) стали считать 15 (пятница), 5–14 октября были выброшены. Занимающиеся историей и хронологией поймут, однако, как эта операция Григория XIII может затруднять хронологические расчеты. Если 4-го был четверг, значит пятницы были 5, 12, 19-го, а оказывается пятница была 15-го числа. Если 4-го было новолуние, значит полнолуние было 18-го или 19-го, а оно было 28-го, и григорианский календарь отличается от юлианского только одним правилом, согласно которому при окончании столетий, то есть когда число годов оканчивается двумя нулями, год будет високосным лишь в том случае, если число столетий делится на 4. Это правило просто и им достигается большая точность григорианского календаря, но им чрезвычайно усложняются вычисления. Историк-хронологу при вычислениях лучше всего забыть о григорианском календаре и делать вычисления по юлианскому, а потом прибавлять соответствующее число дней.

Будучи непригодным для целей исторических, григорианский календарь не удовлетворяет и требованиям астрономическим. Так, еще в 60-х годах прошлого века предложен стиль, по которому в течение 128 лет должен быть 31 високос. По этому стилю ошибка в вычислении годов в течение тысячи лет не может стать более часа. К этому летосчислению можно приспособить православную Пасхалию. григорианский календарь, являясь исторически вредным, оказывается астрономически ненужным.

Однако о православной Пасхалии нужно установить, что она разошлась с небом и нуждается в исправлении. Канонически это допустимо. Если в государственной жизни России окончательно утвердятся новый стиль, то Церковь в своем религиозном обиходе может или сохранять старый стиль, или посредством тех или иных приспособлений перейти на новый. В последнем случае она должна действовать совместно со всеми Православными Церквями.

Можно различными способами перейти от старого стиля к новому. Одним из простейших представляется следующий. Нужно уничтожить 31-е числа месяцев, тогда через два года старый стиль сольется с новым. Допустим, что этот переход от старого стиля к новому начнется с 1919 года. Церковные службы в 31-х числах будут переноситься на 30-е; Пасха будет не 7-го, а 9-го апреля, ибо к апрелю календарь передвинется на 2 дня (исчезнут 31 января и 31 марта). В течение 1919 года Церковь приблизится к новому стилю на 7 суток (31-е числа января, марта, мая, июля, августа, октября, декабря). 1920 год Церковь может вместо високосного признать простым (хотя необходимости в этом не будет). По старому стилю Пасха в 1920 году должна быть 29 марта. При новом порядке она будет 8 апреля (если сохранить високос, то 7-го). После этого, если будут исключены 31-е числа в мае, июле и августе, 1 сентября Церкви совпадет с 1 сентября гражданским. Если Церковь сохранит високос, то совпадение произойдет 1 ноября. После этого церковный обиход пойдет совершенно обычным путем, только теперешняя Пасхалия должна быть заменена григорианской.

Анализ церковных правил (7-е Апостольского Собора и 1-е Антиохийского Собора 341 года) утверждает в мысли, что поступить так Церковь может. При новом чтении этих правил получается впечатление, что они так обычно толковали, что правила

предписывают праздновать Пасху после иудеев. На самом деле правила предписывают праздновать Пасху независимо от иудеев. Да и на самом деле, в настоящее время было бы странно Святой Церкви ставить себя в какую бы то ни было зависимость от иудеев, хотя бы в смысле обязательного празднования Пасхи после них.

Возможно улучшение и григорианского стиля через уничтожение еще одного дня (какого-либо 31-го числа) и через уничтожение одного високоса через каждые 128 лет. Тогда различие между гражданским и астрономическим годом станет очень ничтожным, но такое преобразование календаря, хотя по существу <и>⁹⁸ очень незначительное, может быть произведено по постановлению всемирной международной конференции.

Но лучше передвинуть наш стиль указанным методом не на 13, а на 14 дней. Это будет, во-первых, точнее астрономически и, во-вторых, дни по-прежнему будут падать на те же числа.

Для ближайшего времени Церковь должна сохранить старый стиль, и необходимо издать на 1919 год научный церковный календарь. Это сделать можно, это нетрудно, полезно и даст верный доход.

Затем, изменение церковного стиля возможно лишь по согласию со всей Православной Церковью.

3. Доклад профессора И. И. Соколова «Отношение православного Востока к вопросу о реформе календаря»⁹⁹

В сложном вопросе о реформе календаря существенное значение принадлежит церковной стороне. Тогда как научно-астрономическая сторона вопроса не заключает в себе бесспорных данных ни в пользу юлианского, ни григорианского календаря, <ни>¹⁰⁰ нейтрального между ними, а житейско-практическая сторона не вызывает существенных неудобств, с безусловной принудительностью побуждающих реформировать господствующий в России календарь, – церковное значение предполагаемой реформы является в высшей степени важным и по существу, и по результатам. Реформа неизбежно должна коснуться вековых традиций Православной Церкви относительно времени празднования Пасхи Христовой и соединенных с нею других праздников и церковных времен. Реформа повлечет за собой отмену «зрячей Пасхалии», церковных книг, употребляющихся в России и имеющих в представлении народа непререкаемый священный авторитет. А такая отмена, в свою очередь, может вызвать в народе тревожную смуту с оттенком церковно-религиозного разномыслия и повод к неблагоприятному для Православной Церкви схизматическому движению.

Но церковное значение календарной реформы не ограничивается пределами нашего Отечества, а простирается на весь православный Восток – греческий и славянский. Православные Церкви Ближнего Востока (Константинопольская, Иерусалимская, Антиохийская, Александрийская, Эладская, Кипрская, Синайская, Болгарская, Сербская, Черногорская, Румынская – в Румынии и в Австро-Угрии) имеют одну и ту же с Церковью Русской Пасхалию и руководятся одинаковыми с ней принципами в определении иных праздничных дней и времен, применительно к господствующему на всем православном Востоке юлианскому календарю. Ввиду общего для всех Православных Церквей этого календаря ни одна из них в отдельности не в праве заменить его другим без предварительного сношения с остальными своими Духовными Сестрами. Общее для всех Автокефальных Церквей дело, существенным образом переплетающееся с духовно-религиозными интересами всего православного мира, и должно подлежать обсуждению и решению представителей всех Православных Церквей –

греческих и славянских. Ведь все Православные Поместные Церкви составляют отдельные части единой организации – Церкви Вселенской, все они суть равные между собою Духовные Сестры, или дочери одной для всех них Матери – Православной Кафолической Церкви. А по слову Апостола, если славится один член единого тела, с ним радуются все члены, если страдает один член, с ним страдают все члены (1 Кор. 12, 26). Для православного Востока, особенно греческого, календарный вопрос является одним из импульсов, способных вызвать чувство страдания в области церковно-религиозных отношений. А ныне и для Русской Церкви настало время оценивать календарный вопрос с точки зрения жизненных ее интересов. Вот почему поставленный вопрос необходимо рассматривать при свете отношений к нему всего православного Востока, где он имеет свою историю, из которой мы и представим некоторые иллюстрации.

В 1582 году римский Папа Григорий XIII произвел реформу календаря, положившую новую грань между православным Востоком и латинским Западом: тогда как Восток остался верен традициям прошлого, Рим допустил не оправдываемое точной наукой нововведение в празднование Пасхи и соединенных с ней праздников и церковных времен. Не подлежит сомнению, что это нововведение в церковно-религиозной области стояло в тесной, неразрывной связи с идеей папства и было одним из проявлений господствующего на Западе церковного абсолютизма, стремившегося распространить свое влияние и на православном Востоке. Примечательно, что введение на Западе нового, григорианского календаря было понято представителями Православной Церкви именно как новый поход папства против Православия на Востоке. Современный <этому событию> Константинопольский Патриарх Иеремия II (Транс) немедленно осудил (1582 год) вместе со своим Синодом папское новшество как несогласное с преданиями Церкви, унаследованными от святых отцов. А в 1583 году, 20 ноября, <Патриарх> Иеремия вместе с находившимся в Константинополе Александрийским Патриархом Сильвестром издал соборный томос против григорианского календаря, где резко порицал григорианский календарь как произведение папства, – силы, враждебной православному Востоку, смотрел на этот календарь как на характерное новшество в целой системе папских нововведений сравнительно с традициями православного Востока, считал его орудием папистской завоевательной политики в отношении к автокефальным греческим Церквам.

И в последующее время первоиерархи Православных Церквей Востока высказывались против григорианского календаря и увещевали православных своих чад избегать этого орудия латинской пропаганды. Знаменитый Константинопольский Патриарх Кирилл I Лукарис, занимавший Вселенский престол шесть раз и в течение всего своего патриаршества энергично боровшийся с иезуитами, по интригам которых он преждевременно и погиб, неоднократно осуждал григорианский календарь, оценивая его в духе синодальных определений Иеремии II. В таком же роде высказывались против римского календаря и Вселенские Патриархи – Парфений I (1639–1644), Пансий II (1726–1733), Кирилл V (1748–1751), Григорий VI (1835–1840), Анфим VI (1845–1848).

Предстоятели других греческих Церквей также живо интересовались вопросом о календаре, получившим особое значение в Сирии, Палестине, Египте и на Кипре в силу широкого распространения здесь с XVII века католической пропаганды, которая привлекала православное греческое и сиро-арабское население в лоно Римской Церкви, заставляла новых прозелитов отказываться от юлианского имьярология и побуждала праздновать Пасху и другие торжественные дни по новому стилю. Патриархи Палестины, Сирии и Египта и архиепископы Кипра, охраняя паствы от козней латинских миссионеров, путем посланий и грамот разъясняли им значение григорианского

календаря, оттеняя преимущественно его связь с целым рядом новаторских измышлений папства и миссионерское применение его в практике римско-католических орденов. Аналогичное отношение Александрийского Патриарха Сильвестра к григорианскому календарю уже известно. Можно для примера отметить и борьбу Антиохийского Патриарха Афанасия с католической пропагандой в Сирии (1700), о которой говорит послание к местному православному населению от имени Константинопольского Патриарха Каллиника II: Афанасий, как и Каллиник, разъяснял склонным к унии с Римом христианам Антиохийской Церкви, что празднование Пасхи одновременно с латинянами, отречение от установлений Православной Церкви о постах и применение уставов Римской Церкви есть измена Православию и отступление от святоотеческих заветов, гибельное для членов Православной Церкви. Поэтому всякий истинный христианин должен быть тверд в установлениях Православной Церкви и обязан праздновать Пасху и соединенные с нею праздничные дни и церковные времена применительно к практике православного Востока, а не инославного Запада.

И в наше время православный Восток, греческий и славянский, в лице своих представителей: патриархов и синодов, имел повод официальным образом высказаться по поводу реформы календаря. Церковная жизнь и международные сношения выдвинули на Ближнем Востоке этот вопрос на первую, можно сказать, очередь и требовали того или иного его решения применительно к местным нуждам и потребностям.

Почин в новейшем пересмотре старого вопроса о календаре принадлежит Константинопольскому Патриарху Иоакиму III (1834–1912), одному из самых выдающихся иерархов православного Востока нового времени, опытному и умному администратору, ревностному попечителю о благостоянии всей Вселенской Церкви, чутко отзывающемуся на запросы времени и своей паствы. 12 июля 1902 года Патриарх Иоаким III, вместе со своим Синодом из 12 митрополитов Константинопольской Церкви, обратился с Патриаршим и Синодальным посланием к Патриархам Александрии и Иерусалима и к предстоятелям Автокефальных Церквей на Кипре, в России, Греции, Румынии, Сербии, Черногории и просил их официально ответить на следующие четыре «важных и достойных тщательного расследования и изучения» вопроса: 1) Какими средствами следует укрепить единомыслие, взаимообщение и любовь между Святыми Православными Церквями Божиими? 2) Как урегулировать их отношения к католицизму и протестантству – этим двум великим отраслям христианства – с целью сблизить их с Православием в духе христианской любви? 3) Как Православные Церкви должны относиться к старокатолицизму, стремящемуся к соединению с ними? 4) О возможности или невозможности изменения и более точного определения господствующего в Православных Церквях календаря.

✠ На это послание Константинопольский Патриарх получил официальные ответы от Церквей Иерусалимской, Русской, Элладской, Румынской, Сербской и Черногорской. Нет лишь ответов Александрийского Патриарха, который держится вообще изолированно от представителей прочих Православных Церквей; и от Кипрской Церкви, где еще не избран Предстоятель – архиепископ. Антиохийскому Патриарху Мелетию послание и совсем не было отправлено, так как он со времени своего избрания (1899) пребывал вне канонического общения с Константинопольским Патриархом. 12 мая 1904 года Патриарх Иоаким III обратился к упомянутым Церквям с новым Посланием, в котором выяснил отношение великой Христовой Церкви к четырем основным вопросам, в частности к вопросу о календаре.

Уже одно то, что вопрос о календаре поставлен в Патриаршем послании 1902 года наряду с крупными и существенными вопросами о взаимоотношениях Православных Церквей, о католичестве, показывает всю важность принципиальной его оценки со стороны Константинопольской Церкви. А в самом Послании этот вопрос сформулирован таким образом: «Мы признаем достойным большого внимания то, что в течение уже достаточного времени говорят и пишут относительно общего календаря, причем, в частности, предполагаются системы преобразования издавна господствующего в Православной Церкви юлианского календаря, а также введение григорианского, ввиду того, будто первый в научном отношении менее совершенный, а второй отличается большей точностью; в связи с этим необходимым признается и изменение нашей церковной Пасхалии. И в исследованиях этого предмета мы видим два господствующих мнения, принадлежащих и нашим православным специалистам. Одни из них полагают, что издревле переданный календарь есть единственный удобный и подходящий для Церкви, так как установлен Отцами и издавна утверждён церковной практикой, – поэтому <они> не только не признают реформу необходимой, но и по основаниям, ими раскрываемым, рекомендуют совершенно избегать ее. Некоторые же, указывая на возможно полную точность в счислении времени или же на новое удобство и пользу в применении однообразного стиля, являются защитниками западного календаря и стоят за введение его и у нас, причем их сотрудниками в этом деле выступают, как и естественно, члены Западной Церкви, в надежде на церковно-религиозные от этого выгоды, опять, конечно, с точки зрения этих посторонних сотрудников. Ввиду существующего в наше время спора, в котором та и другая сторона настойчиво предлагает различные и достойные внимания доводы, относящиеся или к области науки, или к предметам веры, имея ввиду и то, что в некоторых православных странах обнаруживалась склонность к уступкам в пользу мнения о перемене юлианского календаря или некотором его преобразовании, нам представляется целесообразным обменяться с другими Православными Церквями мнениями, относящимися к этому вопросу научного и явно бесспорного церковного значения, дабы у них образовалось общее по этому вопросу суждение, одно мнение и решение Вселенской Православной Церкви, которой одной только и принадлежит оценка его и изыскание в случае необходимости способа, по возможности примиряющего искомую относительную научную точность с желательным сохранением освященных церковных определений».

В ответ на этот запрос Иерусалимский Патриарх Дамиан и его Священный Синод в послании <Иоакиму III> от 5 июня 1903 года писали следующее: «Переходя к вопросу Вашего Святейшества о преобразовании действующего в Православной Церкви юлианского календаря, прежде всего мы должны сказать, что при тех условиях, в которых ныне находится Православная Церковь на Востоке, непрерывно подвергающаяся миссионерским действиям со стороны приверженцев и слуг Католической Церкви и Протестантской, – всякое постановление о реформе господствующего календаря, и особенно в сторону предпочтения григорианского, послужит ко вреду Православия. Но если христианские народы Запада когда-нибудь придут к сознанию относительно противоевангельского и, в интересах всемирного христианского единства, губительного дела прозелитизма, систематически ими поддерживаемого; если, далее, представители этих народов пожелают упразднить и навсегда устранить соблазн (обращения христиан одного исповедания в другое), то мы полагаем, что Православная Церковь не совершит ничего несоответствующего, если примет календарь, с возможной правильностью разработанный наукой – для точности времячисления, для удобства в жизненных сношениях, но и к славе Христа, когда будет наблюдаться единство

верующих в Него и в счислении времени, и в одновременном совершении спасительных праздников. Правда, принятие календаря в научном отношении более совершенного приведет к упразднению Апостольского правила «совершать Пасху после весеннего равноденствия и после иудеев» и к отмене господствующего со времени Первого Вселенского Собора обычая праздновать Пасху в воскресенье после первого полнолуния за весенним равноденствием. Но коль скоро отпадут моральные причины, из которых возникли апостольский канон и соборный обычай, то, очевидно, не будет никакого с догматической точки зрения препятствия к тому, чтобы Православная Церковь, по согласию всех ее членов, иным образом и соответственно с истинными результатами науки установила свой календарь».

Церковь Королевства Греческого в ответном Послании Патриарху Иоакиму III от 14 июля 1903 года так оценивает вопрос о календаре: «Священный Синод Церкви со вниманием обсудил вопрос о преобразовании действующего в Православной Церкви календаря, разрешение коего (вопроса) кажется очень легким, в действительности же зависит от обстоятельств и условий народных и общественных. Какой из двух существующих календарей более точен: наш ли юлианский, или западный григорианский, и насколько каждый из них нуждается в изменении и более точном приспособлении, – это есть вопрос преимущественно астрономический; а что касается религиозной и богословской его важности, то <эта важность> обуславливается тем, <что> с календарем связано празднование церковных дней. Посему, если все Поместные Православные Церкви на Востоке будут убеждены, что условия жизни народов различных Православных Церквей окажутся удобными для преобразования календаря без смущения совести и религиозного <сознания>¹⁰¹ более простых людей, неспособных отличить догматы и литургические предметы от вопросов астрономических, тогда они могут по взаимному соглашению и совместно с правительством каждой из Церквей заняться реформой ныне действующего у нас календаря, применительно к успехам и результатам астрономической науки».

Церковь Румынская во главе с митрополитом Иосифом сделала такое определение по вопросу о календаре: «Не входя в рассмотрение изысканий и выводов ученых, занимавшихся вопросом о счислении времени, из коих одни благоприятствуют нашей календарной системе, а другие – иной системе, Священный Синод Святой Автокефальной Румынской Церкви и думает и ходатайствует, что следует остаться при существующем ныне календаре, так как невозможно будет не коснуться канонических постановлений, если мы станем рассуждать о какой-либо перемене или преобразовании юлианского календаря, с которым Православная Церковь жила столь продолжительное время и не чувствовала стеснения. За всем тем, и пальцем нам не позволено коснуться издревле установленных определений, которые составляют нашу церковную славу. Бог, Великий Господь веков, и в этом деле укажет Свою волю. И что Он определит, то и будет существовать. Доселе Господу угодно было лишь однажды изречь Свою волю тем, кои и установили действующий от нашей церковной древности календарь. Если и опять будет Его святая воля, то Он просветит нас Духом Святым, дабы мы и в этом случае знали, чего нам желать и что делать. В смирении молитвенно простирая руки к Великому Царю, Всевышнему нашему Господу, признаем, что велика была и есть милость Его на нас, поелику от времени Он сохранил нас и благодатию Своею просветил, дабы мы пребывали в Святом Доме Его».

Синод Сербской Церкви в ответном Послании от 6 июня 1903 года писал следующее: «Ни григорианский, ни юлианский календари не отличаются точностью в счислении времени. Неудобства, вытекающие из этой неточности, очевидны, посему

сама собою становится ясной потребность устранить неточность в счислении времени. <...>¹⁰² Мы спрашивали мнения по этому вопросу у специалистов и пришли к убеждению, что мнение господина Максима Терпковича есть более основательное как в отношении счисления времени, так и касательно религиозной и канонической части христианского календаря. Признаем уместным сообщить, что та часть календаря, которая относится к уравниванию года, подлежит всецело компетенции специалистов этого вопроса. Нашему же исследованию и оценке принадлежит только религиозная и каноническая часть календарного времени. Посему Священный Синод признал возможным приступить (по предложению Константинопольского Патриарха Иоакима III) к исследованию вопроса об исправлении христианского календаря. После слушания дела Священный Собор архиереев определяет: по вопросу об исправлении календаря хорошо было бы выслушать мнение специалистов, поскольку дело идет о предписании канонов касательно счисления времени, дабы и Пасха, и все праздники, которые с ней связаны, были распределены в порядке, всецело отвечающем духу Православной Церкви».

Черногорский митрополит Митрофан в послании от 23 апреля 1903 года писал: «Что касается изменения или частичного исправления календаря, то об этом во всех православных странах уже давно ведется речь. Между прочим, блаженно почивший митрополит Белградский Михаил (†1898) имел однажды по этому вопросу переписку с покойным Вселенским Патриархом Иоакимом II (1884–1886). Затем, нам известно, что и в России недавно учреждена для этой цели специальная комиссия, которой дано поручение осветить вопрос с научной точки зрения. Но насколько мне известно, ни Константинопольская, ни Русская комиссии не пришли по этому предмету к какому-либо определенному результату. Да это и понятно, потому что вовсе не легко прийти к такому результату в вопросе, имеющем весьма важное значение. Представители Православных Церквей должны быть весьма осторожны в обсуждении и решении этого вопроса. Известно, что изменение календаря предполагает изменение и Пасхалии, то есть всей церковной системы счисления годового круга и подвижных праздников. А мы знаем из истории, что бывали и очень незначительные перемены, которые, когда приспособлялись к жизни Церкви, вызывали большие или меньшие нестроения среди верующих. Имея это в виду, начальовожди Православных Церквей должны принять во внимание все возможные последствия, которые могут возникнуть вследствие изменения календаря. Посему, боясь, как бы нам не подвергнуться какой-либо опасности, подобной тем, какие известны из истории, я смиренно держусь того мнения, что впредь следует применять и пользоваться календарем юлианским».

Наконец, Святейший Синод Русской Церкви в Послании от 28 февраля 1903 года писал по вопросу о календаре следующее: «Вопрос о перемене или только о некотором преобразовании календаря немало и давно уже волнует православных и в нашей стране. По повелению благочестивейшего государя нашего нарочито для исследования этого вопроса была образована при Императорской Академии наук особая Комиссия из ученых – представителей различных относящихся к этому предмету отраслей знания. Но работы этой Комиссии, весьма многосложные и разносторонние, до настоящего времени еще не закончены, и последнего вывода их заранее сказать нельзя. Необходимо только, по нашему мнению, иметь в виду, что вопрос этот имеет много сторон, допускающих неодинаковое освещение и решение. Применение нового стиля в одном гражданском летосчислении, без изменения Пасхалии и без передвижения церковных праздников и с одним только переименованием чисел применительно к новому стилю (то есть тот день, который теперь помечается, например, 6-м числом

января, будет тогда помечаться 19-м числом, но останется праздником Богоявления), конечно, особенно не затронет церковных интересов, так как в церковной практике во всей своей силе остается юлианский календарь (только праздник Новолетия тогда совпадет не с праздником Обрезания Господня, но с памятью святого мученика Вонифатия 19 декабря старого стиля, как это и практикуется, например, в Православной Японской Церкви, которой приходится помечать свои праздники новым стилем, действующим в Японии). Но если затронуть вопрос о чисто научной состоятельности того и другого летосчисления, то более авторитетные ученые у нас склоняются скорее в пользу юлианского календаря, допуская только некоторые поправки в нем, а отнюдь не замену его менее осмысленным, по их заключению, календарем григорианским. Этот авторитетный голос ученых заставляет и нас, блюстителей Церкви, относиться с большой осторожностью к желанию некоторых переменить календарь, если при этом разуметь перемену и Пасхалии, и всего церковного летосчисления. Такая перемена, колеблющая исконный и многократно освященный Церковью порядок, несомненно, сопровождалась бы некоторыми потрясениями в церковной жизни, а между тем в настоящем случае такие потрясения не находят для себя достаточного оправдания ни в исключительной правоте предлагаемой реформы, ни в назревшей церковной потребности. Посему мы, со своей стороны, стояли бы за сохранение в церковной практике юлианского календаря, допуская в крайнем случае лишь формальные, выше изъясненные перемены касательно Новолетия и переименования чисел.

Когда Священный Синод Церкви Константинопольской получил от различных Автокефальных Восточных Церквей послания в ответ на Патриаршую грамоту от 1902 года, то они были подвергнуты особому рассмотрению сначала в специальной образованной из духовных лиц комиссии, а затем в Священном Синоде под председательством Патриарха Иоакима III. В результате Патриарх и Синод обратились к Автокефальным Церквям православного Востока с новым Окружным посланием (от 12 мая 1904 года) по поводу взаимоотношения Поместных Церквей и «по вопросу об изменении юлианского календаря». И вот какое мнение по последнему вопросу изложено в недавнем Послании великой Христовой Церкви: «От веков установленная и утвержденная непрерывным употреблением в Церкви Пасхалия, по которой полагается праздновать Светоносное Воскресение Господа в первый воскресный день или следующий за ним воскресный день после полнолуния, следующего за весенним равноденствием, должна быть свято почитаема и ненарушима, так что в отношении ее непозволительно делать нововведения. Сохраняя же юлианский календарь и наши Святыи неизменными, только выкинуть 13 дней, так чтобы совпали Месяцесловы – наш и следующих иному календарю, – бесполезно и бесцельно, так как с одной стороны, пропуск стольких дней не оправдается никакими основаниями – ни церковными, ни научными; а с другой – совпадение Месяцесловов, которое от этого получилось бы, было бы временным, то есть до 2100 года, когда опять возникла бы разница на один день. Но и производить реформу юлианского календаря, как именно научно неточного, и привести таким образом средний гражданский год в большее согласие с тропическим мы считаем ныне преждевременным и вообще лишним. Ибо мы с церковной точки зрения не имеем нужды в перемене календаря, и наука, как утверждают сведущие люди, еще не высказалась решительно о той точности, с которой исчисляется тропический год».

Итак, господствующий голос православного Востока – греческого и славянского – раздается не только против григорианского календаря, как детища враждебного ему католического Запада, но и против нейтрального или исправленного календаря, так

как реформа крайне неблагоприятно отразится на церковной жизни православных народов. Ведь всякое исправление юлианского календаря вызовет нужду в весьма трудном и хлопотливом деле исправления Пасхалии. «Исправить Пасхалию по принципам строго научным едва ли окажется в состоянии и вся совокупность наук нашего времени. А исправление полунаучное может повести к введению Пасхалии или григорианской и близкой к ней, или совсем не похожей ни на григорианскую, ни на православную». Но здесь весьма важный вопрос заключается и в том, кому будет принадлежать почин в исправлении календаря. Рим, конечно, никогда и никому не уступит этой инициативы, которую он и проведет в строго папистском духе. Но в таком случае православный Восток никогда не пойдет под власть Рима, как и доселе он защищал свою независимость относительно календаря. Если же инициатива будет принадлежать Востоку, то заранее и уверенно можно сказать, что он не встретит на католическом Западе сочувствия и содействия в осуществлении своего почина. Симпатии же одного протестантского мира не обеспечат того всемирного единства в летоисчислении, которое является целью календарной реформы. К тому же православный Восток – греческий и славянский – не желает, как показано, никаких календарных реформ. Значит, и в этом случае дело, при современных взаимоотношениях между православным Востоком и инославным Западом, нужно считать почти безнадежным.

Что касается Русской Церкви, то она как Поместная, без предварительного сношения с остальными Автокефальными Православными Церквями и без совместного с ними обсуждения, совершенно не в праве, да и никогда не согласится самостоятельно произвести то или другое изменение в календаре, составляющем общее достояние всех Церквей и имеющем значение для всего православного мира. Для окончательного решения вопроса о григорианском календаре безусловно необходимо сношение нашей Церкви с Автокефальными Церквями православного Востока, и только по общему церковному суду возможна та или иная реформа».

Заслушав доклады, Отдел поручил С. С. Глаголеву и И. И. Соколову «подготовить проект Соборного Деяния по вопросу о календаре. При этом «ввиду невозможности скорого решения вопроса о реформе календаря и применении нового стиля одною Русскою Церковью просить избранную Отделом календарную Комиссию продолжить свои занятия по вопросу о календаре и по закрытии деятельности Священного Собора»¹⁰³. Подготовленный доклад был зачитан С. С. Глаголевым на 73-м заседании Собора¹⁰⁴.

4. Проект Соборного Деяния по вопросу о календаре

С. С. Глаголев: Соединенное заседание Отделов *О богослужении и О правовом положении Церкви в государстве* постановило, что Церковь пока должна пользоваться в своем обиходе старым стилем. Мне поручено изложить следующие основания для сего:

1) Введение нового стиля в гражданской жизни русского населения не должно препятствовать церковным людям сохранять их церковный уклад и вести свою религиозную жизнь по старому стилю. И прежде гражданское новолетие 1 января не мешало Церкви освящать новолетие 1 сентября и вести свой счет от этого числа. И теперь ничто не должно препятствовать Церкви отпраздновать Сретение Господне 15 февраля по новому стилю и 2 февраля – по старому.

2) Но Церковь не только может сохранить старый стиль; она в настоящее время не может перейти на стиль новый. Церковь в своем богослужбном обиходе ведет

своих чад истинным путем: определенными Неделями она готовится к Великому посту, к покаянию, в религиозно-воспитательных целях регулирует жизнь верующих. Введение нового стиля в церковный обиход теперь влечет за собою уничтожение в этом году праздника Сретения Господня и седмицы мытаря и фарисея (11 февраля), но, главное, оно вызывает ряд неразрешимых затруднений по отношению к празднованию Святой Пасхи. Когда ее праздновать? 22 апреля по новому стилю ее праздновать нельзя, так как Пасха, согласно церковным определениям, празднуется после полнолуния, а 22 апреля (9 апреля) приходится пред полнолунием 26 апреля (13 апреля). Пасху по новому стилю нужно будет праздновать 31 марта (18 марта по старому стилю), ибо Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния, если таковое будет не раньше 21 марта. В текущем году полнолуние будет 27 марта (14 марта). Но если праздновать Пасху по новому стилю 31 марта, тогда от настоящего дня (30 января – 12 февраля) до Пасхи (18–31 марта) осталось 48 дней. Как же может быть выполнен Устав о приговорительных Неделях к Великому посту и о Великом посте?

3) Введение нового стиля имеет другую цель – установление единения. Было бы, конечно, весьма утешительно, если бы у христиан разных исповеданий было хотя бы единение в днях празднования. Но в настоящее время переход Русской Церкви на новый стиль прежде всего повлек бы за собой не объединение, а разъединение. Все Православные Церкви ведут свой церковный круг по старому стилю. Это имеет место и в тех странах, например в Румынии, где для гражданского обихода употребляется новый стиль. Поэтому введение нового стиля в Русской Церкви было бы в некотором отношении разрывом ее с другими Православными Церквями. Вопрос о перемене стиля должен стать предметом обсуждения и быть решенным всеми Православными Церквями совместно.

4) К григорианскому стилю нельзя применять правила о праздновании Пасхи. Согласно этим правилам: а) Пасха празднуется непременно после еврейской, хотя бы на один день, б) Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния (21 марта и позже – нового стиля). Но у евреев Пасха празднуется в весеннее полнолуние, если оно будет не ранее 14 марта по старому стилю (27-го – по новому). Отсюда следует, что евреи иногда могут справлять Пасху почти месяцем позже григорианских христиан. Так это было в 1891 и 1894 годах, и в течение столетия, 1851 – 1950 годы, представляется таких 15 случаев. Но такое празднование стоит в противоречии и с историей, и с идеей празднования.

5) Должно признать, что юлианский стиль несовершенен, и несовершенство, относительная неудовлетворительность его была признана уже на Константинопольском Соборе 1583 года, созванном по поводу предложения Папы Григория XIII Патриарху Иеремии II принять новый стиль. Новый календарь нужен, и желательно, чтобы он стал общим календарем народов. Но напрасно думают, что григорианский календарь удовлетворяет требованиям идеального календаря и что против него идет только по религиозному упорству или в любви к рутине. Нет. Календари могут иметь разные задачи. И юлианский, и григорианский календари имели своей задачей дать такое летоисчисление, в котором весеннее равноденствие и времена года неизменно падали бы на те же числа и месяцы. Астрономический год (время от одного весеннего равноденствия до другого) 365 дней 5 часов <48> минут 45–52 секунды (здесь колебание). юлианский год 365 дней 6 часов (ошибка на <11 1/4> минут), григорианский год 365 дней 5 часов 49 минут 12 секунд (ошибка на 1/2 минут). Несомненно, что продолжительность года в григорианском календаре определяется гораздо точнее, чем в юлианском. Но это преимущество – практически, на самом деле бесполезное – получено им

благодаря принесению непоправимых жертв. Задача календаря, во всяком случае, должна состоять в том, чтобы в нем не было несуществующих дней. Между тем, введение григорианского календаря началось с того, что в 1582 году после 4 октября (четверг) стали считать 15 (пятница), 5–14 октября были выброшены. Занимающиеся историей и хронологией легко поймут, как эта операция Григория XIII может затруднять хронологические расчеты. Если 4-е было четверг, значит, пятница была 5-го, 12-го, 19-го, а оказывается, пятница была 15-го числа. Если 4-го было новолуние, значит, полнолуние было 18-го или 19-го, а оно было 28-го или 29-го. Григорианский календарь отличается от юлианского только одним правилом, согласно которому при окончании столетий, то есть когда число годов оканчивается двумя нулями, год будет високосным лишь <в том случае>, если число столетий делится на 4. Это правило просто, и им достигается большая точность григорианского календаря, но им чрезвычайно усложняются вычисления. Историк, хронологу при вычислениях лучше всего забыть о григорианском календаре и делать вычисления по юлианскому, а потом прибавлять соответствующее число дней.

Будучи непригоден для целей исторических, григорианский календарь не удовлетворяет и требованиям астрономическим. Так, еще в 60-х годах прошлого века предложен стиль, по которому в течение 128 лет должен быть 31 високос. По этому стилю ошибка в вычислении годов в течение тысячи лет не может стать более часа. К этому летосчислению можно приспособить православную Пасхалию. григорианский календарь, являясь исторически вредным, оказывается астрономически ненужным.

Введение григорианского календаря в разных странах совершалось далеко не мирным путем, и у нас в Западной Руси велась борьба из-за стилей в течение целых столетий. Православные славяне всегда стояли за стиль юлианский; Австрия стремилась утвердить у подвластных ей славян стиль григорианский, но ей приходилось уступать пред твердостью славян. В 1699 году сербский народ добился права, «да по Восточные Церкви закона греческого и Россиянов обычаю и начину ветхого календаря обряды свободно задержит». Только этого и теперь хочет Русская Церковь от русского правительства, – чтобы она могла свои Церковные Уставы по своему обычаю и начину свободно содержать.

На основании изложенных соображений, *Правовой и Богослужебный* Отделы в соединенном заседании *постановили*: 1) в течение 1918 года Церковь в своем обиходе будет руководиться старым стилем, 2) поручить *Богослужебному* Отделу разработать в подробностях дело применения стилей во всей жизни Церкви.

5. Окончание дискуссии на Соборе и принятие заключительного решения по календарному вопросу

Обсуждение этого проекта было непродолжительным.

М. А. Семенов: Я полагал бы, что не следует обращать никакого внимания на декреты большевиков и никак на них не реагировать. Я знаю, так очень многие поступают.

Председательствующий: Но ведь к нам обращаются с вопросами и недоумениями, ввиду чего и было дано соответствующее поручение названным Отделам. Итак, угодно ли Собору принять предложенное заключение?

Постановлено: заключение соединенного собрания Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* и Отдела *О правовом положении Церкви в государстве* утвердить.

ГЛАВА V. ПРОБЛЕМЫ ТИПИКОНА

На втором заседании Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*, которое состоялось 5 сентября 1917 года, *митрополит Евлогий (Георгиевский)* сказал, что одной из основных задач Отдела является «благоустройство важнейшей части церковной жизни – православного богослужения. Церковный Устав в своем целом носит на себе печать глубокой идеи и представляет стройное целое, но мы знаем, как он исполняется в настоящее время в церквах. Иногда в исполнении Устава получается нечто изуродованное на почве всевозможных его урезов и сокращений, полное отсутствие каких-либо руководящих начал. Отсюда замечается и повседневное разнообразие в применении Устава, и полный произвол в руководствовании им, и полный беспорядок в церковном богослужении»¹⁰⁵.

Для обсуждения проблем упорядочения богослужения создается Подотдел «О богослужебном Уставе», председателем которого становится архиепископ Симферопольский и Таврический *Димитрий (Абашидзе)*. После двух заседаний Подотдела 12 сентября проблема Устава выносится на общее заседание Отдела. В этой связи, естественно, встает вопрос о пределах полномочий, то есть о том, имеет ли Отдел право изменять богослужебный Устав. А. Ф. Пионткевич сформулировал эту проблему следующим образом: «Надлежит ли Собору касаться пересмотра долженствующего ныне действительного богослужебного Устава, в действительности не соблюдаемого, или ограничиться увещанием о неуклонном его исполнении. С одной стороны, официальное изменение Собором Устава вызовет в народных массах смущение и даже раскол, с другой же стороны, наблюдаемое почти повсеместно отступление от Устава налагает на Собор обязанность принять соответствующие меры и указать на греховность сокращения церковных служб в объеме, граничащем с искажением сущности»¹⁰⁶.

Епископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский), ратуя за необходимость точного следования Уставу, однако, полагает, что для приходских храмов «Собор должен определить: уставные сокращения должны простираться до таких-то и таких пределов. Если Собор примет настоящее предложение, то может быть образована комиссия из людей, сведущих в знании Церковного Устава, которая и укажет пределы возможных сокращений в церковно-богослужебном Уставе»¹⁰⁷. По мнению *священника Василия Беляева*¹⁰⁸, разный Устав для сельских и монастырских церквей может вызвать смущение, ибо и сейчас прихожане жалуются на то, что в приходских храмах служат не так, как в монастырских. Поэтому необходим исполнимый Устав, одинаковый для монастыря и для приходского храма.

Н. И. Знамировский указывает на то, что деяние Собора, предлагающее сокращение Устава, будет болезненно воспринято многочисленными ревнителями уставного богослужения. Присоединяясь к предложению епископа *Андроника (Никольского)* о составлении от имени Собора послания, посвященного уставным сокращениям, *Н. И. Знамировский* говорит, что «это послание должно быть преисполнено всяческими похвалами полноте нашего богослужения, похвалами тем обителям и тем приходским церквам, где эта полнота по возможности блюдется»¹⁰⁹.

Здесь также следует упомянуть важную реплику *митрополита Антония (Храповицкого)*, что богослужебный текст может быть предметом проповеди:

«Священник часто теряется и не знает, о чем ему проповедовать. Надо сказать: возьми Служебник и переводы его по-русски. Переводы *Иже Херувимы* – малопонятную песнь для молящихся. Говори о самых простых вещах и изъясняй их смысл и значение. Это толкование богослужения будет умилительным, и народ будет слушать с охотой, слушать без конца»¹¹⁰.

На восьмом заседании Отдела, которое состоялось 10 октября 1917 года, были заслушаны три доклада, подготовленные членами уставного Подотдела.

Во вступительном слове к своему докладу И. А. Карабинов сказал, что он «ставит своей задачей дать историческую справку о происхождении Церковного Устава». При этом профессор делает оговорку, упоминая, что предлагаемый доклад далек от полноты и совершенства как по форме, так и по содержанию. Извиняющим автора может быть разве лишь то обстоятельство, что он не имел под руками при составлении доклада первоисточников. Новая книга по вопросам Церковного Устава профессора А. А. Дмитриевского¹¹¹ была только лишь перелистаана за краткостью времени докладчиком»¹¹².

1. Доклад профессора И. А. Карабинова «О происхождении и истории богослужебного Устава»

Главнейшими причинами, возбуждающими вопрос о реформе нашего богослужебного Устава, именно в смысле сокращения богослужений, являются: 1) продолжительность и сложность его последований; 2) несоответствие некоторых из этих последований или их частей задачам и назначению этих последований вследствие изменившейся практики; 3) и самое главное, монастырское происхождение нашего Устава. Монашеский характер нашего Типика удостоверяется как всем его содержанием, так и его заглавием: содержание почти всюду говорит об исполнителях богослужения – лицах монашеского звания, а в заглавии наш Устав называется Типиком *во Иерусалиме святых Лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы*. В рукописных Типиках с XIV века помещается любопытное наставление, читающееся и в наших старопечатных Уставах, о том, «чтобы настоятель со всем тщанием соблюдал и не опускал ничего находящегося в типике», где излагается такая генеалогия нашего Типика: «Церковное последование, чин и порядок установлены во свв. обителях и лаврах Евфимия Великого, Саввы Освященного, Феодосия Общежительного, Герасима на Иордане, Харитона Исповедника и Кириака Отшельника, которые взаимно перенимали это друг от друга как некое наследие, позднейшие – от своих предшественников, подобно сыновьям от отцов... А чтобы при устной передаче и за давностью времени типик не пришел в забвение, подвижный божественной ревностью великий Патриарх Иерусалимский Софроний передал его последующим поколениям письменно. Когда же варвары сожгли святую лавру Саввы Великого и писание блаженного Софрония сделалось добычей огня, богомудрый Иоанн Дамаскин, подобно трудолюбивой пчеле, собрал сладчайшие соты и мед священного отеческого Предания, – от того времени они хранятся и доселе во всяком роде».

Несмотря на ясное и категорическое заявление заглавия и содержания нашего Типика об его палестинско-монашеском происхождении, такие заявления следует принимать с большими оговорками. Прежде всего, наш Устав далеко не однороден по своему источнику, его нельзя назвать чисто палестинским: это Устав сводный, образовавшийся путем объединения двух богослужебных практик – иерусалимской и константинопольской. Затем, ни один из этих двух источников не является строго

монашеским. Константинопольские богослужебные обычаи, запечатлевающиеся в нашем Типике, принадлежат Великой (соборной) церкви Константинополя – Святой Софии; палестинский же источник нашего Устава в своей первооснове представляет собою богослужебные порядки тоже соборного храма города Иерусалима, то есть храма Воскресения. Устав этого храма, по-видимому, первоначально перенят был иерусалимскими монахами, толпы которых наполнили Святой Город уже в самое первое время после открытия иерусалимских святых мест при императоре Константине Великом и которые принимали самое деятельное участие в тамошнем богослужении. В VI веке Иерусалимский Патриарх святой Илия дал этим иерусалимским монахам некоторую организацию, устроив для них в Иерусалиме, недалеко от храма Воскресения, особый монастырь во имя Богородицы, так называемый *Στοιβή* от коего и сами монахи получили название спудеев. Заимствовав богослужебное правило от храма Воскресения, спудеи конечно должны были несколько увеличить его строгость применительно к своему монашескому укладу жизни. От спудеев, быть может, Устав храма Воскресения перешел в монашеские обители, когда-то изобиловавшие в окрестностях старого христианского Иерусалима, в том числе и в лавру святого Саввы Освященного, а затем и в другие более отдаленные монастыри Палестины и Сирии.

Что такое заимствование Иерусалимского богослужебного Устава даже палестинскими и притом ближайшими к Иерусалиму обителями происходило не в особенно отдаленную эпоху, свидетельствует, между прочим, тот факт, что до нас сохранился <...> древний Часослов лавры святого Саввы: содержащиеся в нем чины суточных служб по своему составу и порядку далеко не совпадают с нашими службами, большая часть коих, вероятно, принадлежит храму святого Воскресения. Из Палестины с уставами вообще монашеского жития Иерусалимский Типик распространился и по другим местам Древней Восточной Церкви, в том числе и в Константинопольском Патриархате. Помимо более или менее целостного усвоения здешними монастырями Иерусалимский Типик отдельными своими элементами начинает просачиваться в богослужебную практику и мирских церквей Константинопольской области. Любопытными показателями этого просачивания служат памятники Устава в Константинопольской Церкви. Древнейшие из них, IX–X веков, еще не содержат почти ни одного иерусалимского обычая; в памятниках X–XI веков эти обычаи уже есть, но они большею частью единичны; в памятниках XI–XII веков количество <иерусалимских обычаев> значительно увеличивается. Что же касается памятников XIII века, то из них часть уже предлагает совершителю богослужения на выбор отправлять его так, как поведует *ὁ ἐκκλησίασις*, или же как указывает *ἀγιοπολίτης*. В конце XIII века Устав константинопольской Софии твердо соблюдался уже всего лишь в двух соборных храмах Салоник и Афин. Распространению Иерусалимского Устава в мирских церквях Константинопольского округа, помимо великого влияния монастырей, много содействовали еще и некоторые особенности самого Иерусалимского Типика: *во-первых*, у него были некоторые особенные, производящие сильное впечатление последования для выдающихся памятней, например для Страстной седмицы (последование Святых Страстей и часов Великого Пятка); *во-вторых*, службы по иерусалимскому обычаю изобиловали разнообразными песнопениями в форме стихир, канонов и так далее, тогда как богослужение по константинопольскому чину первоначально употребляло церковные песнопения в очень ограниченной мере, например Константинопольский Типик IX–X веков знает еще почти одни тропари и Акафист Богородице. <...> Думают затем, что распространению и утверждению Иерусалимского Устава в пределах Константинопольского Патриархата весьма много содействовало взятие

Константинополя крестоносцами в 1204 году. По мнению некоторых литургистов (начиная с блаженного Симеона Солунского), это событие, вызвавшее на время прекращение православного богослужения в константинопольской Софии, повлекло за собою вообще упадок константинопольского богослужебного ритуала как в столице, так и в провинциальных городах. По представлению этих литургистов, окончательной победе Иерусалимского Устава над Константинопольским много содействовала допускаемая первым сравнительная простота исполнения богослужения: в то время как Константинопольский Устав всюду всегда требует для совершения богослужения певцов, в богослужении по Иерусалимскому Типику можно ограничиться просто чтением. Довольно верный относительно позднейшей богослужебной практики по Иерусалимскому Уставу этот взгляд ошибочен в отношении к старейшему его исполнению: древнее иерусалимское богослужение, подобно константинопольскому, все исполнялось певчески, о чем свидетельствуют даже позднейшие наши Уставы, говорящие о пении шестопсалмия, кафизм и тому подобных частей.

Указав троякий источник нашего богослужебного Устава, можно далее в грубых чертах и с приблизительной точностью наметить отдельные его элементы, относящиеся к каждому из указанных источников. В обширном и сложном содержании Типика различаются следующие наиболее существенные его стороны, или части: *во-первых*, круг последований суточного богослужения; *во-вторых*, богослужебный календарь, то есть системы богослужебных памятей неподвижных и переходящих; *в-третьих*, особенности в порядке богослужения отдельных памятей или целых богослужебных периодов и, наконец, некоторые составные части богослужения, именно: чтения (и прежде всего паримии, апостольские и евангельские зачала) и песнопения (разумеется стихословие Псалтири и затем произведения христианских песнотворцев). Из перечисленных элементов в нашем богослужебном Уставе на долю древнего *Святогробского* Типика приходится, во первых, главнейшие службы суточного круга, именно: последования утрени, вечерни, часов и, вероятно, повечерия. Все эти службы построены очень сходно и сравнительно просто: единство лежащей в основе их схемы затемняется позднейшими прибавками и осложнениями, а также допущенным уже издревле соединением нескольких совершавшихся рядом служб в одну. В наиболее чистом виде иерусалимская схема суточных служб выступает в последованиях часов: ее основу составляют три псалма. В последовании *вечерни* эта древняя схема осложнена прибавкой так называемого предначинательного псалма, то есть 103-го – *Благослови, душе моя, Господа*. Старинная иерусалимская трехпсалмная основа – псалмы 140, 141 и 129, увеличенная прибавкой краткого псалма 116, в нашей богослужебной практике за исключением 2–3 первых стихов почти повсюду игнорируется. В чине *утрени* древнюю иерусалимскую схему трудно различить, на первый взгляд, вследствие того, что данная служба <...>, образовавшаяся путем соединения двух служб: полуночной, основой которой является так называемое шестопсалмие, и утрени в собственном смысле, совершавшейся на заре при рассвете. Начало этой второй службы совпадает с хвалитными псалмами, от коих в нашем обычном богослужении фигурируют такие же небольшие обрывки, как и в псалмах вечерни. Тождество в построении древних иерусалимских вечерни и утрени особенно бросается в глаза, если мы возьмем наше будничное исполнение этих служб: единственным различием между ними окажется тогда едва ли не один лишь прокимен вечерни – <один из> древнейших стихов пасхальной службы. *Повечерие* в его древнейшем размере, то есть в последовании нашего великого повечерия, представляет собою соединение последований ночных часов. Его основу составляют первые шесть его псалмов, которые

старинными памятниками Иерусалимского Устава называются – подобно утренним, или, точнее полуночным шести псалмам, – тоже шестопсалмием. 12 псалмов этих двух шестопсалмий, по-видимому, составляют 12 псалмов дневных часов. Кроме чинов служб суточного круга, в наш Типик из древнего Святогробского богослужебного ритуала перешли некоторые особенности богослужения отдельных памятей, преимущественно дней Страстной седмицы и Пасхи (последование Святых Страстей и часов Великого Пятка), небольшая часть апостольских и евангельских чтений (преимущественно опять-таки Страстной седмицы), затем устав стихословия Псалтири <Устав о Псалтири, како глаголати во все лето> «писаны по повелению блаженного отца Ноя, епископа христоролюбивого великого града Тивериады, рукою Феодора, диакона Святого Воскресения Христова», «псалмопение, как поем в святом храме Христа Бога нашего Воскресения» и, наконец, старейшие и лучшие песнопения для праздничных и вообще выдающихся памятей. В богослужебном календаре нашего Устава прямые заимствования из древнего Святогробского Типика указать трудно: наиболее выдающиеся иерусалимские памяти (например, 13–14 сентября, 5 декабря) весьма рано вошли в константинопольский богослужебный календарь и перешли в наш Типик чрез посредство последнего.

Из Константинопольского Устава в наш Типик перешли, во-первых, богослужебный календарь, затем расписание апостольских и евангельских зачал за небольшими исключениями, подбор праздничных паримий, некоторые песнопения, например, большая часть прокимнов, причастнов и тропарей и некоторые особенные гимны (херувимские песни), наконец, особенности в порядке большинства праздничных дней. Константинопольский богослужебный строй несколько изменил порядок иерусалимских чинов утрени и вечерни: в наиболее чистом виде этот иерусалимский порядок выступает в нашем будничном богослужении, в праздничном он искажается несколько внесением сугубой ектении непосредственно вслед за вечерним и утренним гимнами, как она стояла в константинопольских чинах названных служб. Двоичным источником нашего чина утрени объясняется тот несколько загадочный факт, что наш Часослов содержит две различные версии утреннего гимна: первая из них, праздничная, – константинопольская, вторая же, так называемая будничная, – иерусалимская.

Наиболее важные прибавки и осложнения, внесенные в наш строй богослужения монахами, суть следующие. В систему суточного круга ими вставлены были некоторые последования их келейного правила, каковы междочасия, полагающиеся нашим Уставом в посты – Апостольский и Рождественский и в другие будничные дни года, когда поется *Аллилуиа*, затем полунощница и, наконец, так называемое последование изобразительных, являющееся чином причащения в келлии или храме в том случае, когда не совершается Литургия.

Старинные списки так называемого Иерусалимского Устава или совсем не упоминают о междочасиях и полунощнице, или же говорят о них как о келейных последованиях, и лишь типики, предназначавшиеся для общежительных монастырей, вводят их в расписание служб суточного круга, но всегда почти отличают их по значению от основных и древнейших служб суточного круга (утрени, вечерни и Литургии) местом их совершения: в то время как для последних таким местом является храм, для первых обычно указывается его притвор, или придел, или какой-либо второстепенный монастырский храм (например, монашеская усыпальница или, наконец, просто трапеза). Нужно заметить, <что> такое же различие для некоторых богослужебных мест проводится старинными типиками между перечисленными древнейшими службами и другими последованиями суточного круга также основными, но несколько более поздними по происхождению – часами и повечерием. Следы этого различия сохранились

отчасти в предписаниях нашего Типика отправлять в некоторые дни часы в притворе и твердо держатся в современной афонской богослужбной практике, где, за некоторыми исключениями, повечерие и часы совершаются в притворе. Затем, монашеское влияние в богослужбной стороне нашего Типика, вероятно, сказалось в значительном усилении дисциплинарных предписаний о коленопреклонениях в будничные дни, *егда поем Аллилуиа*.

В современной богослужбной нашей практике действие типикарных правил о поклонах и *Аллилуиа* ограничивается лишь Святой Четырнадцатницей, но даже наш Типик совершенно определенно предписывает применение этих правил в посты Апокалиптический, Рождественский и довольно ясно говорит о возможности такого применения и в остальное время богослужбного года. Древность так именно и поступала – распространяла данный Устав на все дни, когда Типик полагал петь *Аллилуиа*, даже и в непостные дни, за исключением Пятидесятницы и дней, окружающих великие праздники Рождества Христова и Богоявления. В старинном монашеском исполнении богослужение с *Аллилуиа* в значительной мере приближалось к домашнему или келейному, хотя оно совершалось и в храме, но священнослужители за ним не употребляли никаких священных одежд (за исключением, конечно, Литургии) и не входили в алтарь. Количество великих, или земных поклонов в нашей современной практике за богослужением с *Аллилуиа* значительно сокращено отчасти в позднейшее уже время, например Патриархом Никоном, поменявшим¹¹³ в 1653 году под влиянием приезжих восточных иерархов свою *Памятью о поклонах* прежнюю правильную русскую практику: по старинному монашескому обычаю не только все поклоны с молитвою Ефрема Сирина, но и во всех тех случаях, где Устав богослужения с *Аллилуиа* говорит о поклонах или метаниях, нужно разуметь земные поклоны. Все такие указания Устава возникли, кажется, из стремления облегчить путем разложения на части то большое количество коленопреклонений, какое возлагалось на монахов¹¹⁴ в старину в праздничные дни; старинные, так, например, Иерусалимские Уставы, определяют это количество в 300 поклонов, поэтому и служба прямо с пением *Бог Господь*, являющаяся в нашей современной богослужбной практике часто будничной, но отменяющая поклоны, для древнего монаха была праздничной.

Далее, из монашеского богослужбного строя, вероятно, перешла в наш Типик большая часть дополнительных всякого рода <особенностей>, так, например, *всенощного бдения*. Прототипом его было, несомненно, общехристианское пасхальное бдение, выродившееся в нашу великосубботнюю Литургию; в IV веке в иерусалимском храме Святого Воскресения совершались еще чрезвычайные и также с участием всех христиан бдения Великого Пятка, послужившие основой для современного *чина Святых Страстей*, и еще, быть может, бдение на Рождество Христово. В конце IV и начале V веков на Востоке, по свидетельству Кассиана <Римлянина>, повсюду совершались бдения на воскресные дни, якобы в подражание апостолам, бдвшим в ночь Воскресения Христова, но в действительности, вероятно, просто по образцу пасхального бдения.

Описанный выше сводный обычно, как например, Иерусалимский Типик, в своем историческом существовании имел не единственную лишь ту его строгую версию, которой пользуемся в настоящее время мы, но *несколько различных версий*. Одной из этих версий, значительно смягченной, является знаменитый Студийский Типик: в отличие от спудской ветви Иерусалимского Устава, увеличивающего в праздничные дни объем и состав богослужения, Студийский Устав, предназначавшийся для монашеского общежития, где братия была занята разнообразными довольно тяжелыми физическими работами, значительно сокращает его: например, Студийский Устав не знает

рядовых бдений, отменяет во все дни с *Бог Господь* часы и поклоны, сокращает вечерне и т. д.

К Студийскому Уставу в значительной мере примыкает старинный Устав Святой Горы, в своем древнейшем виде являющийся, по-видимому, просто отраслью Студийского Устава. Известна затем и другая старинная ветвь Иерусалимского сводного Устава, более строгая по сравнению со Студийским Уставом, но несколько более мягкая, чем употребляемая теперь у нас версия, – такая ветвь дошла до нас в Типике константинопольского Евергетидского монастыря. Этот Типик знает бдения, но несколько особой формы сравнительно с предписываемой нашим Уставом: между вечерней и утренней там вставляется *панихида* – особое повечерие по образцу такой службы Великой Константинопольской церкви с каноном Богородице. Затем данный Устав указывает совершать часы в общем братском собрании лишь в посты Четырехдесятницы, Апостольский и Рождественский (для последних двух постов – в притворе), в остальное время года эти службы поются по келлиям, а в Пятидесятницу, кажется, совсем отменяются.

В настоящее время представляется совершенно невозможным проверить справедливость предания о первоначальных записях Иерусалимского Типика, сделанных будто бы святым Патриархом Иерусалимским Софронием и Иоанном Дамаскиным: древнейшие сохранившиеся до нас рукописи этого Устава не восходят далее XII века. Затем мы имеем небольшие отрывки из древнего Иерусалимского Типика в сочинениях преподобного Никона Черногорца (конец XI века), который получил этот Типик от настоятеля Спасского монастыря в Лаодикии. Текст этих отрывков стоит очень близко и часто совпадает с текстом позднейших, например иерусалимских, типиков. Наконец, у нас есть известие, по-видимому, о сирском переводе Типика святого Саввы X века. Дошедшие до нас рукописи Иерусалимского Устава содержат в себе несколько его версий, относящихся к разным местам и временам и отличающихся между собою и в форме, и в порядке изложения, а отчасти и в самом содержании применительно к назначению того или иного списка или версии: так, намечаются довольно явно редакции палестинская, синайская, святогорская и другие. Установить, лежит ли в основе данных редакций какой-либо общий источник в виде определенного текста или памятника, пока не удастся, так как такая работа требует долгого кропотливого изучения и сравнения весьма многочисленных рукописей Иерусалимского Типика, рассеянных по библиотекам Востока и Запада. Но для некоторых глав Типика такой старинный письменный первоисточник можно предполагать с большою вероятностью ввиду того, что эти главы помещаются во всех списках Иерусалимского Устава и изложение их в различных списках очень сходно и нередко переходит в буквальное совпадение. Такими главами в нашем Типике являются главы 2-я и 9-я о всенощном бдении и о порядке суточного богослужения в будни. Весьма возможно, что в них переработан какой-либо оригинал палестинского происхождения.

До XV приблизительно века Русская Церковь руководилась в своем богослужении Студийским Уставом. Переведенный по поручению преподобного Феодосия для его обители и распространившийся первоначально по монастырям, этот Устав, по-видимому, скоро принят был и в мирских храмах древнерусской Церкви. От XII века мы имеем список Студийского Типика, правда несколько сокращенный и дополненный некоторыми богослужебными обычаями по Уставу Великой Константинопольской церкви, изготовленный для Новгородской Софии тамошним архиепископом Климентом. Удерживая так долго Студийский типик, Русская Церковь в своем богослужебном развитии весьма сильно отставала от греческой Церкви – там Студийский Устав был, по-видимому, редким явлением уже в XIV веке, и то в захолустных и окраинных

местностях. Повсюду получала преобладание строгая версия Иерусалимского Устава, даже в самом Студийском монастыре. В начале XIV века старый Иерусалимский Типик переведен был сербским архиепископом Никодимом на славянский язык с греческого оригинала, полученного переводчиком из цареградского монастыря Предтечи, под коим с большою вероятностью подразумевают Студийскую обитель. В XIV же и начале XV веков появилось несколько переводов Иерусалимского Устава, сделанных русскими. Один из этих переводов, принадлежащий ученику Преподобного Сергия преподобному Афанасию Высоцкому, получил преобладание над другими переводами и с теми или иными изменениями и дополнениями перепечатывался в московских изданиях Типика при первых пяти Патриархах. Первое правленое издание Типика, по сравнению с другими правленными богослужебными книгами, появилось довольно поздно – уже при Патриархе Иоакиме в 1682 году. Ставшее необходимым ввиду несоответствия прежних изданий Устава новоправленным книгам, исправление Типика было поручено Патриархом (Собором русских святителей) особой комиссией, составленной из опытных в Уставе монахов во главе с лучшим справщиком – чудовским иноком *Евфимием*, учеником Епифания Славинецкого.

Основой для правленного текста справщики взяли московское издание Типика 1641 года, <осуществленное> при Патриархе Иоасафе. Источниками и пособиями для них <послужили> Филаретовское издание Типика 1633 года, еще довольно близкое к чистой версии афанасьевского перевода, какой-то харатейный славянский список Иерусалимского Устава, вероятно, из хранящихся в Московской Синодальной библиотеке, анфологион (праздничная Минея), изданный во Львове и правленный по греческим печатным изданиям, затем новоправленные книги московской печати – Октоих, Триоди, Служебник, Часослов и Псалтирь. Из греческих источников справщики весьма много пользовались печатными венецианскими Минеями, служащими почти образцом для месяцесловной части Типика, <и> отчасти лишь опять-таки печатным Уставом. После первой основной sprawy перебеленный экземпляр Типика подвергнут был вторичному исправлению в той же комиссии справщиков. Затем эта вторая версия правленного Типика читалась на Соборе епископов, и здесь в нее внесены новые поправки. Наконец, одобренная и скрепленная подписями членов Собора, третья версия правленного Типика напечатана была в издании его 1682 года. Таким образом, наш Типик является не просто руководством к правильному совершению богослужения, но в известной мере и его законодательной нормой. В 1695 году вышло второе издание Типика с новыми исправлениями, сделанными в соответствии с выпущенными в Москве за указанный промежуток времени правленными Минеями. С незначительными изменениями издание 1695 года перепечатывается и доселе. Признать наш Типик, несмотря на произведенные в нем исправления, свободным от дефектов далеко нельзя – находят ошибки в его переводах тропарей и кондаков, считают этот перевод даже ухудшением текста 1682 года¹¹⁵, практики отмечают неполноту и неопределенность его предписаний; можно указать далее в нашем Типике ошибочные мысли (об откровении глав), отступления от старинной практики (21 ноября), противоречия (полунощница Фомина понедельника) и проч. Так что новая проверка и исправление текста нашего Устава представляется делом необходимым.

Нужно заметить, что Русская Церковь, усвоив в XIV и XV веках <...> Иерусалимский Типик, до конца XVII века исполняла его в рамках и обычаях прежнего своего Студийского Устава. Так <например>, она совершенно почти не знала ни иерусалимских в строгом смысле, ни современных наших всенощных бдений. Некоторые монастыри совершали иногда всенощные бдения, но в порядке, напоминающем скорее

еврегетидские бдения. Эти бдения состояли из ряда ночных служб – вечерни, повечерия, полунощницы с канонами и утрени – иногда в этот ряд вставлялся еще и канон за творящих милостыню. Обычно же по монастырям и соборным храмам служились в свое время раздельно вечерня и утрени; не особенно часто совершались там и все-нощные бдения по Иерусалимскому Уставу, но начинавшиеся около 12 и 1 <часа> ночи. Современные всенощные бдения появились в московском Успенском соборе, по-видимому, лишь при Патриархе Никоне, едва ли не под киевским влиянием. Первоначально они совершались очень редко и начинались далеко не так рано, как ныне – в 8 часов вечера. Такое позднее время для <совершения всенощных бдений> по крайней мере официально держалось в нашей богослужбной практике в XVIII и значительной части XIX века.

Из представленного беглого и сжатого обзора исторического прошлого нашего Типика можно, думается, вывести следующие заключения, с коими нельзя не считаться при реформе нашего богослужбного строя:

1. Действующий ныне у нас Типик по своему происхождению не является чисто монашеским произведением.

2. Как сочетание двух весьма важных древних богослужбных традиций – Церкви Константинопольской, нашей Матери, и Церкви Иерусалимской, имеющей общехристианское значение, славившейся своими богослужбными порядками еще в IV веке и оказавшей весьма сильное влияние на богослужение почти всех Древних Церквей, богослужбный строй, заповедуемый нашим Типиком, имеет в общем большую ценность.

3. Пересмотр и проверка текста нашего Типика по примеру исправлений 1682 и 1695 годов необходимы.

4. В исполнении типикарной богослужбной нормы в храмах мирских можно сделать некоторые послабления, но при этом следует всячески остерегаться руководства исключительно практическими соображениями и символическими изъяснениями богослужения, так как эти точки зрения могут привести к искажению последнего, и необходимо считаться с первоначальными задачами и целью каждого последования и его историческим прошлым.

5. Ввиду того, что современная богослужбная практика нередко опускает в различных последованиях такие их части, которые с исторической точки зрения являются основными и существенными (например, псалмы вечерние и утренние хвалитные), следовало бы восстановить исполнение подобных частей.

✠ 2. Доклад профессора-священника В. Д. Прилуцкого «О неурядицах в современной богослужбной практике»¹¹⁶

При лечении болезни, прежде чем применять те или иные средства, необходимо бывает предварительно распознать саму болезнь, или, выражаясь языком медицинским, поставить диагноз болезни. Главная задача Подотдела «О богослужбном Уставе» – изыскание мер к упорядочению нашей богослужбной практики, урегулирование ее такими нормами, которые способствовали бы поднятию богослужения на надлежащую высоту. И в этом важном деле, прежде чем принимать те или иные средства, надлежит установить, в чем же, собственно, сказывается беспорядочность современной богослужбной практики, против чего должны направляться те или иные положительные меры. И здесь требуется своего рода диагноз.

На неурядици в нашем богослужении указывалось давно и много раз. Немало пришлось выслушать горьких сетований по этому поводу и в собраниях нашего Подотдела. Но высказываемые печатно или устно заявления о неурядици в богослуженной практике носят в большей части случайный характер и, кроме того, лишены более или менее твердых объективных оснований, а от этого подобные заявления не всегда даже согласуются одно с другим. То, что принимается одним за беспорядок, у другого получает иное освещение, и наоборот. То же явление наблюдается и в практической деятельности самих совершителей богослужения, ревнующих об упорядочении церковных служб: меры, принимаемые в этом направлении одним, вызывают отрицательное к себе отношение у другого и т. п. Причина всего этого, по нашему мнению, заключается в том, что как при суждениях об упорядочении церковных служб, так и при осуществлении разных мер к водворению богослуженного порядка руководствуются более личным вкусом, переживаемым настроением, иногда даже воспоминаниями из светлой поры детства, и в то же время забывают об одном единственно твердом и непререкаемом критерии, именно – о нашем Церковном Уставе, или Типиконе. Этот источник, по нашему мнению, и должен служить точкой отправления при суждениях о богослуженных нестроениях; только стоя на точке зрения Церковного Устава, можно рекомендовать и разные меры к улучшению наших богослуженных обычаев.

С постоянными обращениями к Типикону я и хотел бы сделать указания на те богослуженные неурядици, которые следовало бы иметь в виду нашему Подотделу при определении мер к улучшению богослуженной практики. Не претендуя на исчерпывающую полноту, я хотел бы затронуть лишь самое общее.

Время совершения богослужения

Прежде изложения порядка той или иной церковной службы Типикон обычно указывает время ее начала. Указания эти имеют в виду характер и назначение службы, разные времена года, особенности группировки суточных последований в некоторые великие праздники и посты и, наконец, физические силы молящихся. Одни из этих указаний выражены путем описательным, другие – через точное обозначение дневных или ночных часов по восточному исчислению. Указания первого рода чаще встречаются в первой (общей) части Устава, где дается общий порядок суточных – как праздничных, так и будничных – служб. Вот некоторые из относящихся сюда типиконных выражений: *Прежде солнечного захождения, По еже зайти солнцу мало, Прежде вечера мало, В утрии* – и некоторые другие. Употребляя такого рода выражения, Устав соотнобразится с разной длиной дня и ночи в различные времена года. В месячесловной и триодной частях Типика мы чаще встречаем обозначение времени начала служб через точное указание на часы: *При часе седьмом дне, О часе десятом ноци, В начале втораго часа дне знаменуем в кампан* и т. п. В некоторых случаях Устав показывает и время окончания богослужения: *подобаает же екслесиаρχу, и сие смотри прилежно, да егда повечерия отпуцут, быти знамению дне, сиречь прежде сомрака* (понедельник, 1-я седмица Поста) или: *подобаает же екслесиаρχу имети опаство, да егда скончавается литургия* (в Великую Субботу), *будет час яко вторый ноци*. Что касается Литургии, то Типикон определяет и время начала и время окончания ее, отводя на эту службу (как это ни странно) один час (см. 8-ю главу Типикона). Как видно, Церковный Устав, предоставляя некоторую свободу в определении времени для начала рядовых – как праздничных, так и будничных – служб, с большой настойчивостью берет под свой контроль время совершения богослужения в некоторые нарочитые праздники и преимущественно в посты. Почему так? Главным образом

потому, что в такие праздники и посты суточные последования группируются иначе, чем как это бывает в обычное время, к тому же значительно, когда меняется и самый характер службы таких дней. Очевидно, уставное время для начала нарочитых праздничных последований не соответствовало бы самой идее таких последований, лишало¹¹⁷ бы их присущего им колорита. Принимаются при этом во внимание и физические силы молящихся. Так, в некоторые великие праздники Уставом предписывается совершать Литургию *порану – труда ради бденнаго*. Так относится к богослужебным терминам наш Типикон. И что представляет из себя в этом отношении действующая практика? Мы не станем говорить об обычных службах суточного круга в будние и большую часть праздничных дней. То разнообразие, которое наблюдаем мы по разным храмам во времени начала вечерни и утрени, еще так или иначе может быть оправдано неопределенными указаниями Типикона: *Мало к вечеру* или *Во утре*. И вечер и утро имеют по несколько часов и потому и начинать вечерние и утренние службы можно в разные часы.

Но мы решительно отказываемся подыскивать более или менее удовлетворительные объяснения тем нарушениям Устава, которые касаются времени начала службы в некоторые нарочитые праздники и в Великий пост. Из нарочитых праздников Типикон в этом отношении выделяет навечерия Рождества Христова и Богоявления. В эти праздничные дни службы распределяются по часам дня и ночи в нашем Уставе так: в 8 часов утра (по восточному – во 2-м часу дня) полагается начало так называемых царских часов, в 1 ч. дня (по восточному – при часе 7-м) – великая вечерня с Литургией Василия Великого и, наконец, в 4-м часу ночи (в 10 часов ночи) – великое повечерие с утреней. Что же мы видим в практике как городских, так и сельских храмов? Обычно в навечерия Рождества Христова и Крещения служба совершается в два, так сказать, приема: утром – часы, вечерня и Литургия, вечером – повечерие с утреней. Важнейшая из этих служб – праздничная вечерня – отправляется около 9–10 часов утра, а иногда и того раньше. Если же навечерие названных праздников падает на субботу и воскресенье, то вечерня совершается тоже с Литургией и совершается сразу после нее. Хотя по Уставу между этими двумя службами должен быть перерыв для вкушения пищи, *яко да не наречется пост*. И кто знает, не в этом ли нарушении Устава о времени начала для рождественской, например, вечерни кроется одна из причин малоизвестности и малопосещаемости этой торжественнейшей в церковном круге службы. Мы как бы не хотим подчеркнуть ее необъятность во времени начала и тем самым низводим в разряд заурядных богослужений. То же следует сказать и о службах великопостных и в особенности о богослужении Страстной седмицы. У нас нет единообразия во времени для начала даже таких выдающихся по своей духовной красоте и наиболее посещаемых богомольцами богослужений, как вечерня Великой Пятницы или великосубботняя Литургия. В кафедральных храмах и в некоторых обителях обе эти службы начинаются хотя <бы> приблизительно в уставное время. Но в приходских церквях, как городских так и сельских, в данных случаях руководствуются очевидно ложно понимаемым выражением: *якоже изволит настоятель* и начинают эти службы далеко не в уставное время. В некоторых храмах вечерня Великой Пятницы служит сразу после часов задолго даже до полудня, а великосубботняя Литургия даже оканчивается за несколько часов до того времени, когда она должна по Уставу только начинаться.

На все эти беспорядки следует обратить внимание и принять меры к введению большего единообразия во времени начала таких выдающихся служб нашего круга.

Пусть эти немногие службы начинаются в уставное время и пусть это делается так же строго охраняемо на практике, как это мы видим в отношении к пасхальной, например, утрени.

Группировка церковных служб

Чинопоследования служб суточного круга редко совершаются в отдельности, но обычно соединяются в те или иные группы. В обычное время Устав придерживается одной системы, но в некоторых случаях отступает от нее. Такие отступления применяются Уставом, опять-таки, или для особо великих праздников, или для постов. Очевидно, в данном <случае> Церковный Устав имеет нарочитые цели: или подчеркнуть и усугубить величие праздника, или содействовать проведению и исполнению своих предписаний о посте. Практика не всегда в данном отношении следует предписаниям Устава. Всем нам известны неуставные способы группировки службы в будние дни, а также во дни постов. Теперь не только в домовых церквях, но и в соборных, а иногда и в монастырях будничная утренняя соединяется с вечерней, что ослабляет разницу между буднями и праздниками. Известно также, что подобное соединение допускается и в дни Великого поста, через что, быть может, ослабляется степень воздействия на душу молящихся великопостных служб.

Применяя различную группировку служб в зависимости от праздников и постов, Церковный Устав в иных случаях совершенно опускает некоторые церковные последования. Это прежде всего нужно сказать о полной Литургии в дни Великого поста. Уставная отмена полной Литургии для великопостных будних дней всецело зиждется на каноническом основании (Лаод. 49, и Трулл. 52), тем не менее известны случаи отступления и от этого предписываемого Уставом и канонами порядка. Подлежат периодической отмене и некоторые последования келейного характера, как например междочасия, повечерие, полунощница. Но первые из названных чинопоследований у нас почти нигде не совершаются, а Устав о дальнейших не соблюдается в точности.

О строе службы

Для усиления значения поста в жизни христианина наш богослужебный строй для постных дней назначает службы, выделяющиеся своими особенностями. Наиболее заметные из них это пение *Аллилуиа* и поклоны с молитвою Ефрема Сирина. На практике эти особенности блюдутся в отношении лишь великопостного богослужения. Службы других постов у нас ничем уже не отличаются от обычных, хотя по Уставу и эти службы имеют отличия, приближающие их к великопостному богослужению. Нам нигде не приходилось слышать богослужение с *Аллилуиа* и молитвою Ефрема Сирина в будние дни Филиппова и Петровского постов. Многие даже и не подозревают, почему на некоторые числа ноября и декабря положены первыми стихиры Богородице, и иногда поют эти стихиры, не применяя других положенных по Уставу особенностей для таких служб. И кто знает, не через это ли опущение уставных требований посты Филиппов и Петровский нарушаются у нас с большей легкостью, чем режим великопостный.

Местонахождение священнослужителей при отправлении некоторых служб

При всех службах местом стояния священника и диакона у нас является алтарь. Сюда приходят священнослужители еще перед началом богослужения и остаются здесь во все время его совершения, исходя лишь для произнесения ектений, каждения и для так называемых входов. Между тем, по Церковному Уставу, алтарь оказывается

местом постоянного пребывания священника лишь при совершении Литургии. В отношении к прочим службам алтарь для священника своего рода *святая святых*, куда он входит лишь несколько раз для совершения тех или иных священнодействий. Так, на всенощном бдении священник входит в алтарь не более, кажется, шести раз, на будничной же вечерне всего лишь один раз и два раза на будничной утрени. Такие же службы, как часы (в отдельности от Литургии), полунощница и повечерие, совершенно и не предполагают входа священнослужителей в алтарь. Такое местостояние священника за богослужением, имея за собою исторические основания, проникнуто и глубокой идеей. Священник входит в алтарь как дерзновенный ходатай за предстоящих в церкви, или с кадилом для воздаяния чести святыням алтаря, или в такие моменты службы, какие являются молитвенными по преимуществу. Сравним нашу практику с Уставом и увидим ее полное несоответствие с ним.

Сокращение Устава

Самым ярким и наиболее чувствительным нарушением Устава в современной практике является его сокращение. Сокращение богослужебного Устава, в своей основе вызванное, конечно, необходимостью, сделалось теперь явлением как бы даже законным, своего рода обычным правом. Такого рода сокращения не только не вызывают какого-либо соблазна, но едва ли для большинства даже самих совершителей богослужения и заметны.

Для некоторых же сокращений имеется к тому же некоторое основание в узаконенных высшею властью церковнопевческих сборниках, или так называемых Обиходах. О сокращениях этого рода мы подробно говорили в одном из предшествующих своих докладов, теперь же сделаем лишь некоторые общие упоминания. Таковы, например, пение вместо всего предначинательного псалма на бдении 4 или 6 стихов из него; пение 6-ти стихов первого антифона первой кафизмы; чтение, а не пение двух прочих антифонов той же кафизмы; пение двух первых стихов с припевом: *Услыши мя, Господи* из так называемых возванных вечерних псалмов, вместо исполнения их в целом виде; постоянная замена 17-й кафизмы на утрени полиелейными псалмами <и>, в свою очередь, сведение этих псалмов к четырем <первым> стихам; замена библейских песен канона припевами и чтение, <а не> пение канонных тропарей, опущение второй литии в конце бдения. Все это такие сокращения, которые сделались как бы уже законными. Наоборот, приближение к Уставу в перечисленных случаях показалось бы чем-то необычным и могло бы теперь показаться каким-то противоуставным новшеством. Замена, например, на некоторых бдениях пения полиелейных псалмов уставным исполнением 17-й кафизмы. Такое деяние в лучшем случае вызовет недоумение, а со стороны некоторых, пожалуй, можно услышать даже и протест.

К подобного рода отступлениям от Устава следует отнести и изъятие из богослужения святоотеческих чтений. При нашем современном объеме бдения и других служб введение таких чтений в полном их комплекте свело бы наши службы почти к сплошному и редко прерываемому пению молитв и слушанию этих поучений. Обходя отступления от Устава указанного характера, остановимся лишь на таких нарушениях его, которые собственно суть нарушения самой практики, нарушения своего рода богослужебного минимума, освященного обычаем. Для удобства распределим этого рода сокращения Устава по двум рубрикам: а) сокращения, касающиеся неизменяемых частей богослужения, б) сокращения изменяющихся составных частей его.

Первые сокращения менее значительны по объему и применяются не так часто и не так, скажем, смело, как вторые. Так, в последовании вечерни такие сокращения

едва даже и заметны: неизменяющиеся части ее хотя конспективно и путем обозначения, но исполняются почти все. Наиболее заметным опущением можно считать пропуск литии на вечерне, соединяемой с утреней в бдении, и пропуск 33-го псалма. На утрени постоянные составные части ее подвергаются большему сокращению. Так, весьма нередко сокращение шестопсалмия (этого ядра утренней службы в историческом отношении), пропуск псалма 50-го, сокращение до двух первых стихов хвалитных псалмов и нечто другое. На службах келейного характера (часах, полунощнице и повечерии) нередко пропуски целых псалмов. Особенно это нужно сказать о великом повечерии.

В сокращении изменяющихся частей суточных служб наблюдается уже большая свобода. Здесь безжалостно опускаются многие частности, притом такие, которые оказываются первостепенными или по своей древности, или по высоте заключенной в них поэзии. Иногда опускаются такие песнопения, в которых, говоря без преувеличения, выражена вся суть праздника, и что важнее всего, в сжатых, но ярких образах указано нравственное значение воспоминаемого священного события. В зависимости от неумолимого и ничем не ограждаемого сокращения праздничных песнопений и вообще изменяющихся частей служб стоит тот печальный факт, что наши службы совершенно обесцвечены, лишены идейности праздников, чересчур подведены под какой-то общий шаблон. Воскресные службы – это 8 самостоятельных, значительно различающихся одна от другой поэм в честь страдания и Воскресения Господня. Но при нашем отношении к Октоиху такого впечатления от воскресных служб не получается. Воскресные бдения – это до утомительности похожие одна на другую службы. Только некоторые из богомольцев чуть-чуть улавливают разницу между воскресными бдениями, да и то не по содержанию их, а скорее по песенной стороне, по изменяющимся гласам. То же следует сказать и о праздничных службах. Через пропуск праздничных стихов <...>¹¹⁸ кондаков характер праздничных бдений значительно ослабляется и праздничные бдения становятся похожими на обычные воскресные.

В порядке числа служб пропуски изменяющихся частей можно отметить так:

Сокращение стихир на *Господи, воззвах* иногда до одной, причем вместо пения стихир допускается чтение их.

Совершенное игнорирование стихир из Миней в воскресные дни, когда в Минее нет нарочитого праздника.

Полная беспорядочность в соединении стихир при совпадении памятей.

Пропуск Славников, тогда как <эти> стихиры по своему этическому характеру полнее других песнопений освещают историю праздника.

Сокращение повторения великих прокимнов или пение их по образцу обычных.

Пропуск паримий на полиелейных службах, особенно при соединении их с воскресными.

Пропуск стихир стиховных и игнорирование соответствия Богородичнов со Славниками.

Однократное или двукратное пение тропаря в конце вечерни на бдении.

Сокращенное в смысле количественном и неправильное в порядке следования пение тропарей на *Бог Господь*.

Почти полное игнорирование седальнов. В лучшем случае чтение их вместо песенного исполнения (по своему значению седальны почти одинаковы с тропарями).

Сокращенное пение тропарей по *Непорочных* на воскресных бдениях и сокращение стихов избранных псалмов в праздники до одного или двух. Последнего рода сокращение представляется даже малопонятным: длительность пения величаний у нас

сообразуется со временем, потребным для каждения всего храма. При обширных храмах певцы растягивают пение величаний до утомительности, однако почему-то не хотят спеть лишний стих.

Пропуск воскресных антифонов. В некоторых храмах поют, впрочем, три первые стиха. Между тем степенны антифоны – одно из трогательнейших церковных песнопений с библейским оттенком.

Всем известное сокращение канонов как в отношении ирмосов (однократное, вместо по большей части двукратного, пение их), так и в отношении промежуточных песнопений между 3-й и 6-й песнями. Пение 3-х и 4-х ирмосов катавасии в праздники и игнорирование уставных указаний о ее смене.

Пропуск экзалостилариев и светильных. Или полный пропуск, или значительное сокращение стихир на Хвалитех и стиховных, в том числе на воскресных бдениях пропуск стихир евангельской. Непонятная свобода в выборе стихир на *и ныне* пред великим славословием.

Пропуск тропаря и Богородична его или только последнего по великом славословии.

Свободное отношение к соединению двух тропарей, а также <...>¹¹⁹ тропарей и кондаков на часах.

На Литургии:

Почти полное игнорирование антифонов *по вся дни*.

Сокращение праздничных антифонов до двух стихов.

Сокращение Блаженн и полное игнорирование стихов к ним или тропарей от канонов.

Беспорядочное исполнение тропарей и кондаков по входе.

Пропуск аллилуария.

Игнорирование уставных указаний о соединении апостольских и евангельских чтений на Литургии при совпадении памятей.

Неправильное произношение отпустов в конце Литургии, равно как и в конце других служб.

Добавочные части

Сокращая число служб, практика наша иногда осложняет их добавочными частями. Наиболее частое применение добавочных частей мы слышим при поминовении усопших. Отводя из седмицы субботу как преимущественный день для совершения моления об усопших, Церковный Устав и в прочие будние дни назначает краткие молитвословия и песнопения за умерших, молитвы на полунощнице; <...>¹²⁰ тропарь и кондак. Но есть дни праздничные, когда Уставом запрещается поминовение умерших. Наша практика не хочет знать этого: мы не только слышим ектении на Литургии в каждый праздник, но можем указать и случаи зауспокойных канонов на воскресных утрнях.

3. Доклад профессора Б. А. Тураева¹²¹

«Проект руководственных указаний для применения Церковного Устава к практике приходских храмов»

Сообщая предание о литургической деятельности святителя Василия Великого, Патриарх Прокл выражается следующим образом: *«Замечая леность и небрежность людей, тяготившихся продолжительностью литургии, Василий Великий, сам хотя и не считал ее содержащей что-либо излишнее, но, чтобы отнять у небрежных повод*

*тяготиться, передал произносить ее более кратким способом, пользуясь сим как врачевным средством...»*¹²². Таким образом, церковное Предание усвоит святителю Василию Великому, а за ним и Златоусту уступки немощам их современников в самой дорогой и священной части богослужения – Божественной литургии и притом в то время, когда религиозная жизнь была неизмеримо живее и интенсивнее, чем теперь, когда обычная жизнь была не столь сложна и мирские обязанности не столь многообразны. И в наше далеко не церковное время *замечается леность и небрежность* уже не только среди мирян, но и среди самих священнослужителей, тяготящихся продолжительностью, правда не Литургии, а прочих служб дневного круга; от их небрежния и проистекают в значительной степени те уклонения для Церковного Устава, которые были только что указаны. Пример великих вселенских учителей и святителей дает право и Поместному Собору, снисходя к немощи своих современников, сделать ряд указаний и разъяснений для упорядочения того более краткого образа отправления богослужения, каковой ныне наблюдается в приходских храмах, будучи чужд единообразия, порядка и духа Церковного Устава. История богослужения и Церковный Устав знают не один пример сокращений и упрощений. Разве не ими обусловлено сокрытие от ушей предстоящих прекрасных слов утренних и вечерних молитв. Дивные кондаки и икосы Романа Сладкопевца и иных творцов ныне представлены вместо цельных композиций лишь первыми своими строфами, нередко выдающими свое происхождение недоговоренностью и незаконченностью. И Церковный Устав не назначил кафизмы для недели вечера и предписывает опускать кафизму на вечерни после бдения *труда ради бденнаго*, как он делает это для Великого канона <читаемого в четверг 5-й седмицы>, назначая вместо трех одну кафизму и меняя для этого все расписание чтения Псалтири. *Труда ради бденнаго* Литургии в дни Святой Пасхи, Рождества, Богоявления и Антипасхи служатся *порану*, а не в то время, которое предписывается восьмой главой Типикона. В понедельник 1-й седмицы Великого поста к утрени *знаменует коснее, вечерняго ради утешения*. Не будем распространяться о тех случаях, когда Устав предписывает то или другое песнопение исполнять поскорю, без пения и т. п., но вспомним, что и Студийский Устав делал подобные же и еще большие уступки немощи, например освобождая от часов и иногда от кафизм праздников (так называемые *ἄι τῶν ὁρῶν*). И настоящий Поместный Собор уже вступил на этот путь. В чине *Молебного пения о спасении Державы Российской*, совершенном его членами, в его присутствии и всенародном на Лобном месте в день Воздвижения Честнаго Креста, мы впервые вместо канона не только услышали, но и увидели напечатанными *запевы*. Этим как бы получил санкцию укоренившийся у нас непохвальный обычай ограничиваться на молебнах вместо канона запевами. Нельзя не скорбеть об этом уже и ввиду того, что в этой же палате перед тем было принято предложение об уставности богослужений, совершаемых от имени Собора, причем были особенно подчеркнуты каноны на молебнах.

ПРОЕКТ *руководственных указаний для применения Церковного Устава к практике приходских храмов*

1. Представляется возможным в дни праздничные, имеющие славословие великое, начинать Литургию непосредственно после него, опуская обе ектении и часы, как это введено в современной греческой и румынской практике. Опускание часов, как это отметил в своем докладе И. А. Карабинов, «вполне приемлемо с историко-литургической точки зрения», так как для великих дней, когда пелось *Бог Господь*, оно было

принято в Студийском Уставе. В русской практике оно может найти себе оправдание и в весьма распространенном обыкновении служения ранних и поздних Литургий – часы будут вычитаны пред поздней Литургией.

2. Полунощница, как служба монастырская по преимуществу, может быть совершенно опускаема, и утренняя может начинаться с возгласа *Слава Святей*, с опущением 19-го и 20-го псалмов и примыкающих к ним. Воскресная же полунощница, где не бывает бдения, должна быть сохранена; служению ее по киевскому чину желательно дать возможно широкое распространение.

3. Первый час, как дневная служба, не должен читаться с вечера и опускается после всенощного бдения. На бдении с литией можно опускать на вечерне сугубую ектению, на утрени вместо молитвы *Спаси, Боже, люди Твоя* можно ограничиться ее концом: *Молим Тя*.

4. Последовательное чтение Псалтири должно быть удержано как общее всему христианскому миру, но вместо кафизмы за единицу деления может быть принята *Слава*. Выделив первый антифон 1-й кафизмы для навечерий воскресных и праздничных дней, 17-ю кафизму – для утра к субботе, 18-ю – для вечерен с понедельника по пятницу – 3 псалма ежедневно, остальную часть Псалтири можно вычитывать по *Славе* или по две *Славы* на утренях в последовательном порядке. На утренях великих праздников можно рядовую *Славу* заменять особыми праздничными псалмами, как это имело место в Уставе Великой церкви, и отчасти по итальянским спискам Студийского Устава, желательно эти праздничные псалмы петь антифонно. Из рядовых *Слав* можно исключать псалмы, употребляемые в ежедневном неизменяемом богослужении. Седалны, хотя бы по одному, следует петь. Во Святую Четыредесятницу ежедневно вычитываются 4 или 5 *Слав* на утрени и часах. В церквах домовых и иных, где великия ради нужды богослужение не совершается ежедневно, Псалтирь вычитывается по *Славам* в последовательном порядке вся, без выделения 17-й и 18-й кафизм.

5. Чтения, песнопения и молитвословия обеих Триодей (исключая службы минейного характера) не подлежат никакому сокращению, но могут (кроме канона Святой Пасхи) исполняться без повторений (*колько их есть*). В воскресные дни Пентикостария, когда полагается петь пасхальный канон, можно ограничиться полным исполнением его с Богородичными и опустить канон недели, который будет читаться в следующие дни.

6. Не подлежат сокращению и службы двенадцатых праздников (также исполняемые без повторений) от предпразднства до отдания, а также службы недель, окружающих Рождество Христово.

7. То же предписывается и для службы дня храма. На вечерне этого дня должно быть по Уставу отдание, а по субботам на утрени – канон храму.

8. Октоих поется с Минеей и в воскресные, и в простые дни. Из каждого рода стихир (воскресных, «восточных», минейных, стиховных, хвалитных обоего рода, вседневных, Блаженн) следует петь не менее двух, не считая *Слава и ныне*. Из каждого канона должен быть прочтен по крайней мере один тропарь. В воскресные дни, впрочем, можно ограничиться чтением всех тропарей воскресного канона и одним или двумя (если два канона) – из Минен. Крестовоскресный и богородичный каноны могут быть отнесены на вечер воскресенья. Кондаки по 6-й песне следует петь всегда, отнюдь не должно опускать ексапостилариев и стихир евангельских.

9. Положенные по Уставу полиелеи должны соблюдаться. Из русских памятей полиелейная служба обязательна для дней памяти святого равноапостольного князя Владимира, святых Антония и Феодосия Печерских, Преподобного Сергия Радонежского, Святителей

Московских. Род службы во дни других русских святых предоставляется усмотрению настоятеля. Во всех случаях службы русским святым должны петься вместе с вселенскими того дня, соединяясь в будние дни – как служба святой княгине Ольге со службой святой мученице Евфимии; для полиелейных – как служба святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову со службой святому Арсеню Великому или как указано в Уставе для 8 июля. Тому же порядку следуют русские Богородичные праздники, а также день 9 мая, в который наша современная практика совершенно опускает службу святому пророку Исаии.

10. На часах во Святую Четырдесятницу возможно чтение или пение поочередно, по дням, по одному псалму на каждом часе с прибавлением рядовой части Псалтири. Молитвы часов может читать священник только: *Христе, Свете истинный* – на 1-м часе, и *Всемогущаго и Животворящаго* – на воскресной полунощнице. Песни прощальные в Великий пост исполняются во всех приходских храмах по Уставу.

11. Акафисты, кроме будничных, не должны вставляться во всеношное бдение, но могут составлять особую службу <...> суточного круга, но лучше заменять их древними кондаками с икосами святого Романа Сладкопевца и иных. Возрождение употребления этих дивных творений, имеющих и в славянских переводах, послужит к подъему настроения молящихся. Например, икосы на Рождество Христово в новом славянском переводе П. П. Мироносицкого¹²³ могли бы читаться за всеобщим бдением и, во всяком случае, после вечерни первого дня или за утреней второго.

12. На Литургии следует исполнять уставы относительно пения изобразительных или повседневных антифонов (глава 21 <*О еже когда глаголются изобразительныя и когда антифоны*>).

Время совершения служб, предписанное Уставом, не всегда выполнимо в условиях мирского быта. Во всяком случае, бдения следует начинать возможно позже. Часы с вечерней в Святую Четырдесятницу не следует начинать раньше 11 часов. Служение утрени с вечера, кроме бдений, а также вечерени с утра должно быть навсегда и повсеместно прекращено.

Для оживления богослужения может служить широкое развитие общего пения. Молящихся следует располагать к пению стихир, ирмосов и т. п. попеременно с певцами. Вместо прежнего беспорядочного и произвольного чтения Псалтири ныне вводится облегченное планомерное исполнение этой святой книги. Желательно ввести пение, по возможности антифонное, этих немногих приходящихся на каждую службу псалмов. Вечером великих праздников, когда положена великая вечерня, предлагается петь антифонно псалом девятого часа, а также 140-й и следующие псалмы вечерни полностью. Последние можно петь и в воскресные дни вечером. После вечерни в воскресенье полезно служить молебен с канонами крестовоскресным и богородичным и с чтением евангельских зачал, положенных на Литургиях в наступающую седмицу. Таким путем может быть выполнен годовой круг евангельских чтений и в тех храмах, где по великой нужде не совершается ежедневная служба. Это чтение, равно как и каноны, могло бы быть исполнено и на повечерии (сравни древние панихиды). В тех храмах, где служба совершается ежедневно, дневные апостолы и евангельские чтения не должны заменяться заупокойными или минейными, а непременно должны вычитываться согласно Уставу. Заупокойные и иные могут следовать за ними. Перед евангельским чтением аллилуарий должен исполняться троекратным пением *Аллилуиа*. И тропари на Литургии не должны, как это замечается ныне во многих местах, заменяться пением заупокойного кондака. Вообще же поминовение усопших на ектениях допустимо только в будние дни и за ранними Литургиями в воскресные, причем его необходимо

перенести на конец Литургии: после *Благословение Господне на вас* – тропари *Со души праведных*, и произносить заупокойную ектению. Повсеместно в конце Литургии или после нее следует раздавать антидор при пении или чтении 33-го псалма.

4. Тезисы Подотдела «О богослужебном Уставе»

После приведенного выше доклада оглашаются подготовленные уставным подотделом тезисы¹²⁴, корректировке и дополнению которых будет посвящено несколько последующих заседаний.

1. Ныне действующий богослужебный Устав слагался на протяжении почти четырнадцати веков истории христианской Церкви. Отражая в себе богослужебные порядки разных эпох и различных местностей, современный Типикон есть, однако, Устав по существу монастырский. Как таковой, он является наиболее исчерпывающей по полноте богослужебной нормой, как бы стремящейся осуществить во внешней обстановке апостольскую заповедь о непрестанной молитве.

2. Как норма идеальная, Устав не всегда и не везде может быть выполняем во всех своих подробностях.

3. Монастыри неуклонно следуют действующему Уставу во всей полноте, так как владеют наличием средств к этому. Уставное, в собственном смысле монастырское, богослужение соответствует главной и изначальной задаче иночества – пребывать в непрестанном молитвенном подвиге, даст почувствовать сладость этого подвига и приходящим в монастырь мирянам и явится через то самым величайшим миссионерским средством. В собственно приходских храмах Устав сообразно средствам выполняется с сокращениями.

5. Поместный Собор полномочен произвести пересмотр Устава в видах применения его к средствам приходских храмов. Для сей цели Собором учреждается особая комиссия.

6. Настоящим Собором подобное деяние выполнено быть не может. Но для упорядочения богослужебной практики Поместный Собор издает Определение, в коем

а) напоминает чадам Православной Церкви великое значение богослужебного Устава;

б) обличает те беспорядки, которые вызваны небрежением к нему;

в) преподает руководственные указания, дающие обязательный для приходских храмов уставный минимум.

7. Для домашних церквей возможно преподать особые указания.

8. Наряду с этим принимаются меры к оживлению нашего богослужения, между прочим, и участием в нем молящихся.

В связи с этими тезисами архиепископ *Евлогий (Георгиевский)* подчеркивает, что серьезная переработка Устава во всех деталях желательна, но в настоящее время¹²⁵ для Собора невозможна. Но Собор должен создать и узаконить комиссию, которая исполнила бы это дело к следующему Собору¹²⁶.

5. 8-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* (10 октября 1917 года). Дискуссия по докладам И. А. Карабинова, священника В. Д. Прилуцкого и Б. А. Тураева

Эти доклады обсуждались на следующих заседаниях. Приводится запись дискуссии, которая имела место на 8-м заседании Отдела (10 октября 1917 года)¹²⁷.

Генерал Л. К. Артамонов: С глубоким вниманием и сердечной любовью выслушал я сказанное здесь по вопросу о богослужении. Для всякого верующего мирянина одним из наиболее болезненных вопросов является вопрос о богослужении. Мы, миряне, чувствуем, что здесь что-то неладно, что здесь есть больные, вызывающие чувство горечи вопросы. Мне в течение моей долгой жизни приходилось бывать и в сельских храмах, и в городских соборных, и приходских, и домовых церквях. Нам, мирянам, кажется очень зазорным, тягостным и обидным то, что не упорядочено в богослужении. Время богослужения – самое разнообразное в различных храмах. Я знаю храмы, где совершаются ранние обеды в 4 часа утра и где служба начинается в 11 часов дня. Мы не знаем положенных относительно времени совершения церковных служб уставных норм. Нас смущает, что такое ранняя Литургия, что такое поздняя. И в докладе профессора В. Д. Прилуцкого вопрос о времени совершения Литургии освещается. Но нужно определенно указать время совершения служб, чтобы миряне привыкли к этим часам, чтобы к ним, как это и бывало раньше, приравнивали свою жизнь. Мы не знаем, совершают ли миряне и какой именно грех или поздно являясь на службу, или уходя из храма ранее окончания богослужения. Мы только чувствуем какую-то неловкость, ощущаем личное несомненное неудовольствие даже и тогда, когда выходим из храма просто по утомлению. Это все нужно было бы нам выяснить. Я не буду останавливаться на каждой службе. Скажу, что нам часто совершенно невозможно понять ничего из того, что читается за службами: читается неразборчиво, спешно, скороговоркою. Я человек военный и скажу, что в частях войск, где существуют храмы и где избираются хорошие чтецы, получается совершенно иное впечатление. Здесь дело, значит, в церковной дисциплине. Отсутствием ее, может быть, мотивируется желание, высказывавшееся и здесь, чтобы службы совершать не на славянском языке. Мы не всегда можем расслышать чтение Святого Евангелия священником. В приходах Евангелие читается в алтаре, читается невнятно и не слышно даже для стоящих вблизи алтаря богомольцев. Мне пришлось в одном из заграничных курортов слышать чтение Евангелия священником с церковного амвона, лицом к народу. Чтение было ясное, отчетливое, внятное. В наших же храмах читающий Евангелие священник стоит в алтаре спиной к молящимся. Необходимо напрягать слух, чтобы расслышать слова Евангелия, а кто глуховат – и наипаче; слышанию мешает к тому же и невольный от скопления молящихся шум. Не буду останавливаться на других службах. Сокращение и отступление от Церковного Устава иногда обижает мирян. Поется, например, не вся песнь, величественная, умирительная и торжественная «Величит душа моя Господа», а два – много три стиха из нее. Это обидно. Эта песнь вызывает удивительное настроение среди молящихся. Жалуются на опущения в ней женщины. Чтобы не сделать ошибок, я боюсь входить подробнее в богослужебную сферу. Но что особенно угнетает дух молящихся – это праздничное пение. Здесь получается нечто невероятное. Напев не вызывает при исполнении многих хоров молитвенного настроения. Вообще в пении не нужно длиннот. Тройное, например, *Господи, помилуй* терпимо. Но когда оно повторяется бесчисленное число раз, когда иной хор затягивает его исполнением церковную службу, у богомольца естественно возникает намерение уйти из храма. Современная жизнь сложна и нервна. Нельзя злоупотреблять временем. Время – деньги, говорят американцы. Нельзя трудящемуся человеку выстаивать за богослужением 2,5 часа. Нам указал здесь профессор В. Д. Прилуцкий, что по Уставу Литургия должна продолжаться час. Это указание – откровение для нас. Итак, нужно в богослужении изменить прежде всего внешние недостатки. Гоняемся за напевами, иногда не имеющими религиозного характера. Регент хора нередко деспот над священником. Не

будем петь, говорят, не будут и в церковь ходить. Это неправда – пойдут. На Литургию полагается 1 час. Мы, военные, добиваемся этого. Иногда это при прежнем правительстве достигалось за богослужениями в присутствии Высочайших особ. Мы совершаем преступление, когда вводим вычурное хоровое пение за счет опущения необходимейших мест богослужения. Вот я был главным начальником Кронштадта. К отцу Иоанну Кронштадтскому стекалось множество паломников со всей Руси. Он допускал их в алтарь. Я не хочу сказать, что миряне не могут входить в алтарь. Это следует разрешить им, но раз до слез я возмущен был в Кронштадтском соборе. Мне было отведено особое место в переполненном высшим обществом храме, а рядом придел храма обращен был в дамскую уборную: фрейлины снимали там калоши – в самом алтаре придела, и протеста со стороны настоятеля храма не было слышно. Переходя к сокращениям, скажу, что сокращения Церковного Устава для нас нежелательны. То, что составляет святость службы, не должно подлежать сокращению. Но Священный Собор своей властной рукой должен устранить длинноты службы, устранить то, что не нужно для службы. Мы уличную музыку ввели в храмовое пение. Еще просьба: проповедь говорится тогда, когда все устанут. В наших храмах богомольцы не те, как в католических и протестантских, – стоят, а не сидят. Утомляются долгим стоянием особенно женщины и к концу службы торопятся выходить из церкви, а между тем в это-то время начинают говорить проповедь. Желательно перенести ее на время после прочтения Евангелия, чтобы она выслушивалась молящимися под светлым впечатлением. <..>

Стесняюсь больше затруднять собрание. Прошу об одном. Если нужно сокращение в службе сделать, то не за счет Устава. Чтобы Литургия совершалась та, которая имеет канонические основания.

Председатель архиепископ Евлогий (Георгиевский): Мы говорим не о сокращении Устава, а об упорядочении нашего богослужения. Устав полностью почти нигде ныне не соблюдается. Нет в России ни одного монастыря, докладывает нам профессор отец Прилуцкий, где бы, например, всенощное бдение совершалось вполне по Уставу. Если сокращение необходимо, то чтобы оно не было неупорядоченным, беспредельным.

Архиепископ Димитрий (Абашидзе): Мы даже не имеем права служить все в точности и по Уставу богослужения.

Священник М. Ф. Марин: Доклад отца В. Д. Прилуцкого дал нам полную картину состава Церковного Устава. Устав создавала сама жизнь. Первое и главное требование к богослужению, чтобы оно было живым. Мы желаем Живому Богу молиться, а препятствие к тому видим в старообрядцах, укоряющих нас в отступлении от Устава. Мы боимся допустить его изменения. Боимся, а может быть, и не виноваты в том. Такой тебе дан Устав – и не отступай от него. У крестьян наших особенно крепко держится мысль, что изменение в Уставе – вещь невозможная. Крестьяне-уставщики – а они не редкость – всегда укажут священнику о том или ином опущении в Уставе. Нередко они входят с такими указаниями в алтарь. Это бывает даже в храмах наших Духовных академий. Бывают студенты здесь, из монашествующих, которые держат в этом отношении в руках ректора. На Соборе можно сказать: Устав – святыня, но изменяется. Самое главное, чтобы молящиеся не пассивно присутствовали за богослужением. У нас есть в богослужении мертвенные части. Надо уничтожить эти мертвенные моменты в богослужении. У нас же сокращения и выпуски совершаются без рассмотрения. Я полагал бы, что те моменты богослужения, в которых особенно оттеняется тот или другой праздник, отнюдь не должны выпускаться. Пусть такие песнопения поются даже с канонархами, пусть будет общее пение их. Здесь, в Москве, в

храме Василия Кесарийского я слушал великую ектению, произносимую диаконом нараспев. Это допустимо на концерте, а не в церкви за богослужением. За службу в Синодальном училище, где мы также недавно присутствовали, публика не молилась. Там исполнялись песнопения совершенно нецерковного характера. Все это происходит от неорганизованности нашего богослужения. Задача Собора должна состоять в том, чтобы поставить богослужение так, чтобы оно было живым. В этом отношении следует особенно упорядочить церковные чтения.

В. В. Успенский: В докладах нескольких членов Собора было выяснено, каким путем всего удобнее было бы достигнуть вызываемого необходимостью некоторого сокращения полного богослужебного чина без нарушения его целостности и без искажения духа и характера Типикона. Отмечались при этом допускаемые пропуски, и с этим, конечно, нельзя не согласиться. Но помимо того возможен еще иной путь для достижения той же цели. Целесообразно было бы в круге богослужебных молитвословий, особенно изменяющихся – из Октоиха, Миней и проч., – сделать некоторое разделение их по содержанию. Есть молитвословия особенно глубокого смысла и значения, особенно вдохновенные, в которых как бы заключена душа известного праздника – такие песнопения и молитвы, разумеется, нельзя опускать. Но эти молитвословия в ряде, например, стихир, тропарей канона и проч. далеко не всегда занимают первое место. Отсюда происходит такое обычное явление, что одна стихира, одно молитвословие, не отличающиеся какими-либо выдающимися особенностями, но стоящие впереди, читаются или поются, а последующее молитвословие, необычайной силы и глубины и тоже положенное по Уставу, опускается только потому, что оно в порядке занимаемом в книге, является не первым (ср., например, опущение 1-й песни канона – катавасия *Христос рождается*, при исполнении 3-й, 6-й и других песней; опущение на утрени в Великую Субботу алилуиария, в возглашении которого так много глубокого смысла при уставном и подробном выполнении всего чина и т. д.). Между тем важно именно допуская необходимые сокращения в церковных службах руководиться при этом не только местом, занимаемым известными молитвословиями в богослужебном чине и в богослужебных книгах, но их внутренним смыслом – в одном случае можно, положим, опустить (или сократить) стихиры хвалитны, икос, седален, и так далее, а в другом – исполнение этих молитвословий оказывается особенно важным. Итак, необходимо отметить в круге изменяющихся богослужебных молитвословий особенно выдающиеся по их содержанию и значению в составе данной церковной службы. Для этого нужно внимательно и глубоко обдумать отдельные церковные службы. Может быть, целое какое-либо учреждение или целый ряд комиссий по определению Собора должны заняться таким рассмотрением церковных служб; при этом в самих богослужебных книгах было бы полезно отмечать знаками, с одной стороны, молитвословия особенно важные, а с другой стороны, такие, опущение которых не нарушило бы целостности служб. Такое различие было бы чрезвычайно полезно и для малоученого сельского псаломщика, который, может быть, не особенно разумея силу читаемого им, все же не допустил бы неумелого выбора молитвословий, и для учителя, знакомящего учащихся с богослужебными особенностями известного дня и так далее.

В. К. Лебедев: Я буду говорить о церковном звоне. В службе нашей Православной Церкви все должно совершаться благоговейно и по чину. Сам церковный звон, как призыв к службе и напоминание об известных моментах ее, должен совершаться своевременно и соответствовать службе и в полном порядке. Между тем в наше время в

церковном звоне даже в одном и том же городе, в одной и той же местности наблюдается разная практика. Например, различный звон слышится в церквях одного и того же города к службам Страстной недели, и чаще всего это разнообразие наблюдается в городах к так называемым ранним обедням. В одних городах во всех церквях к ранним Литургиям в седмичные дни и по воскресеньям и праздничным дням благовест в большой колокол редко и больше никакого звона не бывает. В других городах будничный благовест редок, а в воскресенье и праздничные дни часто с трезвонном или с красным звоном. В иных городах только в великие праздники (например, двенадцатые) и в храмовые полагается частый благовест и красный звон. Даже случается в церквях одного и того же города благовестят и звонят по-разному. Иногда церковный звон меняется по желанию епархиальных Преосвященных, которые дают особое распоряжение о звоне, и даже изменяется звон по предложению благочинных, которые имеют значение в глазах Владык. Меняются Владыки – меняется и звон. Желательно и в церковном звоне слышать разнообразие и однообразие. Всероссийский Поместный Церковный Собор, по нашему мнению, должен выразить свой авторитетный взгляд и по вопросу о церковном звоне.

На Стоглавом Соборе 1551 года был затронут вопрос о церковном звоне. Царь Иван Васильевич Грозный просил отцов Собора «помыслить... чтобы по святым церквям звонили по Божественному Уставу». И Собор постановил: «По церквям звонить по Уставу». Следовательно, церковный звон в то время старались упорядочить. Ныне звон опять расстроился, значит, опять нужно привести его в порядок. В наших богослужбных книгах ничего не говорится о звоне к ранним Литургиям, так как в них упоминается одна Литургия, без разделения на раннюю или позднюю. Не встречаем мы разъяснения об этом звоне и в пособиях к изучению Церковного Устава, например, в книгах протоиерея К. Т. Никольского¹²⁸, С. Г. Рыбакова¹²⁹ «Церковный звон в России», протоиерея Израилева «О церковном звоне», священника М. Худоносова¹³⁰ «О значении колокольного звона в Православной Русской Церкви» и пр. В IX главе Типикона *О вечерни и утрени дней седмичных*, между прочим, читаем: «Во утрии, то есть пред полунощницей, знаменует (то есть звонит¹³¹) паракклесарх (церковник) в малый кампан (колокол) редким ударением»; там же читаем: пред утреней паракклесарх «клеплет в кампаны (то есть ударяет в колокола), ударяет же тяжким ударением редко (т. е. ударяет с особенной силой). О звоне к Литургии в этой главе нет указаний. Следовательно, по Типикону (IX гл.) полагается редкий звон в седмичные дни к утрени в обычное время, таковой же должен быть звон к Литургии в эти дни, особенно когда она совершается порану, каковой звон обычно и бывает в городах. В воскресные же и праздничные дни, по-видимому, должен быть иной звон, именно «в великий и во вся тяжкая», а это, по объяснению известного исследователя богослужбного Устава протоиерея Никольского, означает удары (сначала в один колокол, а потом во все колокола) сильные, частые, с правильным размером времени в промежутки между ударами¹³². Тот же протоиерей К. Т. Никольский утверждает, что «обыкновенно в посту (Великом) и в праздники с полиелеем (например, 24 февраля, 9 марта) звон к утрени, к часам, к Литургии бывает не протяжный, а красный»¹³³, а тем более в воскресные дни и в великие праздники во весь год. По-видимому, в прежнее время такой и был звон в Москве и вообще на Руси, как об этом можно судить, читая книжку Рыбакова «Церковный звон в России», в которой он приводит свидетельство иностранцев, посещавших тогда Россию и Москву, например, «по воскресеньям и праздникам и во всенощные стояния русские звонят в колокола все разом»¹³⁴ – это походит на наш

современный трезвон. В грамоте Новгородского митрополита Корнилия (1692 год) читаем: «К Божественным службам благовестити, и сперва в один колокол, по благовесте же в подобное время звонити в рядовые дни в два колокола, а в воскресные дни, в Господские праздники и нарочитых святых благовестити и звонити по Уставу»¹³⁵. Литургия, как ранняя, так и поздняя, по существу одинакова, поэтому и церковный звон к той и другой должен быть одинаков, именно: к началу Литургии блавест, а затем, по прочтении часов, «красный звон», то есть перезвон без перерыва до трех раз. Красный звон более соответствует самому содержанию Литургии, он более гармонирует с нашим душевным состоянием, он способствует вызову в душе благодарно-торжественных чувств, столь необходимых в воскресные и праздничные дни. Красный звон в начале Литургии вообще, а в праздники в особенности, более соответствует чувству при прославлении Царства Отца и Сына и Святаго Духа, вызывает, усиливает и восполняет собою это чувство в нашей душе. Мы чувствуем некоторую неполноту душевного состояния, если не слышим звона с торжественным перебором в этот момент. Следовательно, редкий звон к ранним обедням не церковным Уставом предусмотрен, а дело обычая, поэтому он не повсеместно и даже не всегда раздаётся и, вероятно, он явился для различия в звоне ранних Литургий от поздних. Что касается «звона к *Достойно*», то такого звона в греческих церквях никогда не было, и ныне такого звона также не бывает во всей Греции, потому что в Уставах греческих такого не положено; в Русской Церкви, по свидетельству Патриарха Иоакима¹³⁶, сего звона прежде не было. Обычай производить звон во время освящения Святых Даров получил начало в южнорусской Церкви около половины XVII века по подобию западных церквей.¹³⁷ Следует также обратить внимание на упорядочение звона на Страстной седмице. В заключение я предлагаю: 1) точнее определить способ звона в будничные, воскресные и праздничные дни к утрени и Литургии – ранней и поздней. 2) Установить, чтобы звон непременно соответствовал известным моментам службы, например, звон к Евангелию на всенощном бдении, «во вся» – к началу Литургии, «к *Достойно*». 3) Однообразный и правильный звон к службам в последние три дня Страстной седмицы.

**6. 9-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*
(12 октября 1917 года). Продолжение дискуссии.
Выборы докладчиков на Собор**

Обсуждение проблем Типикона было продолжено на девятом заседании Отдела, которое состоялось 12 октября 1917 года. На этом заседании священником П. А. Чельцовым была высказана мысль о том, что усталость молящихся часто вызывается не чрезмерной продолжительностью богослужения, а невразумительностью его совершения, поэтому основной задачей должно быть не сокращение богослужения, а ограничение произвола предстоятелей. Профессор П. П. Кудрявцев предлагает разрешить служение Литургии верных при открытых Царских вратах, причащать младенцев сразу после Литургии, читать Евангелие посреди храма и лицом к народу, соотносить время совершения богослужений со свободным временем прихожан, а также «объявить, чтобы гласного поминовения по праздникам и воскресным дням не совершать»¹³⁸. Протоиерей И. В. Корчинский предлагает в богослужебных книгах разным шрифтом давать разные по значимости части богослужения: «Один из ораторов предлагает здесь зафиксировать минимум уставных требований и

отмечать этот минимум в богослужебных книгах какими-либо знаками-звездочками. Я сказал бы, что, может быть, такие отметки в богослужебных книгах следует делать особым шрифтом. Ведь и в нынешних богослужебных книгах шрифты различные. Может быть, следует применять эти различные шрифты при новом печатании богослужебных книг». В. К. Недельский говорит о необходимости включения в Типикон устава службы выноса Плащаницы¹³⁹. Вносятся и другие предложения.

Архиепископ *Евлогий (Георгиевский)* говорит о необходимости выбрать докладчиков для пленарного заседания Собора по вопросу об Уставе и предлагает в качестве таковых профессоров И. А. Карабинова, В. Д. Прилуцкого и Б. А. Тураева, которые весьма неохотно соглашаются.

В. Д. Прилуцкий говорит, что он может, как и другие профессора-докладчики, разъяснять вопросы, возникающие здесь в Отделе. От доклада же в общем заседании Собора он отказывается. «Решительно отказываюсь и я», – присовокупляет И. А. Карабинов. *В. Д. Прилуцкий* выражает согласие быть докладчиком на Соборе в том случае, когда на то же согласятся Карабинов и Тураев <...>. Председатель заявляет из практики бывшей Государственной Думы, что там бывало два, а иногда три докладчика. Профессор Карабинов отказывается от предложения, ссылаясь на слабый голос. *В. Д. Прилуцкий* заявляет, что хотя он и не обладает недостатком И. А. Карабинова и имеет достаточно сильный голос, тем не менее не привык говорить в многолюдных собраниях. И. А. Карабинов просит, чтобы докладчиком был сам председатель Отдела, Высокопреосвященный *Евлогий (Георгиевский)*, архиепископ». Председатель собрания соглашается признать необходимым троих докладчиков: «*В. Д. Прилуцкий* обладает громким голосом, его мы и пустим как основного докладчика». После изложенных пререканий три профессора соглашаются быть докладчиками¹⁴⁰.

7. Критика работы Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* епископами Андроником (Никольским) и Евфимием (Лапиным)

На 10-м заседании обсуждение проблем упорядочения богослужения было продолжено. С докладом, направленным против предложенных изменений, выступил епископ Пермский Андроник (Никольский)¹⁴¹.

В прошлый раз на заседании нашего Отдела слышалась речь о желании чтения вслух Евхаристического канона, что могло бы содействовать сознательному участию мирян в богослужении Божественной литургии. Едва ли это достижимо и исполнимо на деле. Молитвы этого канона – это единственная возвышеннейшая поэзия, глубочайшая по своему содержанию и смыслу. С этой стороны они едва ли будут понятны для <слушателей>¹⁴². Они высоки для понимания молящихся и по содержанию, и по изложению, и особенно в славянском их переводе, как они читаются теперь и когда заключают в себе особенную красоту и прелесть. Может быть, в первый раз чтение означенных <молитв>¹⁴³ вслух и будет выслушано с большим или меньшим вниманием, а потом – я в том не сомневаюсь – начнут молящиеся утомляться, скучать, зевать и уходить из храма в самые важные богослужебные моменты. Заключительные слова этих молитв ныне поются, переложены на ноты, исполняются нередко в прекрасном виде певческими хорами и таким образом так или иначе возбуждают настроение молящихся. При чтении молитв вслух мы можем все это уничтожить, «а если еще

тому же> молитвы Евхаристического канона перевести на русский язык, то содержание их делается очень будничным, плоским. Но с другой стороны, нужно исполнять и гимны, петь заключительные слова этих молитв. Если исполнять их при этом скороговоркой, то выйдет очень плохо, а если правильным порядком, то богослужение может удлиниться. Теперь молящиеся тяготеют не полуторачасовой службой, а чтением молитв вслух, притом соединенным с нотным пением заключительных их слов, <в результате мы> достигнем того, что, удлинняя службу, будем портить настроение молящихся. Я не пожелал бы читать евхаристические молитвы вслух. Но пение заключительных слов этих молитв должно быть самое торжественное. Оно создает, как бы сказать, игру в настроении. Многие мелодии этих песнопений взяты из светских напевов, и это должно содействовать настроению молящихся. Поминали здесь также о часах и уничтожении их в богослужении. Я не знаю, чего можно было бы достигнуть этим. Часы – это служба, во время которой совершается проскомидия, и они не отнимают своим чтением лишнего времени. Можно, конечно, как это делается и теперь, особенно за богослужением в будние дни, вводить те или другие сокращения в чтение часов, вместо (3-го и 6-го) читать один, но вводить это во всеобъемлющее правило невозможно. Говорилось здесь о восприятии поминовения усопших в воскресные и праздничные дни. Архимандрит Варлаам толкует по-своему запрещение поминовения в воскресные дни – торжеством праздника. Характеру праздничного богослужения не соответствует поминовение в праздники. Но простолюдины только в праздники и посещают храм. Несколько иначе совершается поминовение в эти дни в нашей Пермской епархии, богомольцы при котором не рассеиваются и не развлекаются бесконечным чтением поминаний. Предлагалось: не следует ли ввести общую исповедь. По местам, и в частности у нас, такой опыт есть. Но он применим для богомольцев, приходящих на поклонение святыням издали с особенным молитвенным настроением, которое поддерживается и создается и в монастыре особыми мерами. Братия подготавливает исповедников поучениями, разъясняющими смысл и значение такой исповеди, дабы она была хорошо и сознательно исполнена всеми, желающими приступать к ней. Но и опять, если это вводить во всеобъемлющее правило, то легко могут быть злоупотребления в этом деле. Поэтому при допущении общей исповеди отнюдь не должна исключаться и тайная, одиночная исповедь.

С большим докладом, характеризующим отношение Отдела к проблеме Типикона, выступил епископ Якутский и Вилюйский Евфимий (Лапин)¹⁴⁴.

Я буду говорить пространную речь. Я начну с того, какое впечатление производят на меня работы наши в Подотделах и в Отделе. Я не принимаю непосредственного участия в работах Подотделов, но время от времени заглядывал на работы всех их. Доклады, прения по вопросам голосования и речи отдельных ораторов – все это производит на меня странное впечатление, впечатление недоумения.

Я не берусь говорить здесь о последствиях, если будут нами приняты резолюции Подотделов. Они, на мой взгляд, не вполне достаточны и совершенны даже с внешней стороны. Трактуются, например, доклад о богослужении, читанный отцом В. Д. Прилуцким, по поводу доклада идут прения, устанавливается положение, что Церковный Устав есть ценное наследие древности. Он явился плодом работы длинного ряда веков, его создавали опытейшие выразители высшего молитвенного настроения, святые отцы и подвижники. Если Устав таков, то отсюда естественный логический вывод тот, что это идеальнейшее произведение святой древности следует всячески охранять.

Между тем в речах и прениях по вопросу о богослужебном Уставе как раз этот самый вывод и обходился. Вносится во время прений мысль о том, что Устав-то хорош, но он обременителен для исполнения, а потому неизбежно должен подвергаться сокращениям. Нужно оставить в нем то, что есть главного для церковного богослужения. Устав сокращать не должно, но и выполнять его не будут. Собор должен определить пригодный для настоящего времени Устав, Устав новый, с установленным минимумом требований и даже с двумя минимумами, которые одинаково не будут выполняемы. Такой вывод, по-моему, не стоит в связи с признанием, что церковнобогослужебный Устав есть великая ценность. Такое же впечатление производят на меня и работы о церковнобогослужебном языке. Работы Подотдела внесены в Отдел, где выступили три докладчика по вопросу об Уставе. Не знаю, случайность ли должно усматривать в том или это явилось плодом особого задания Отдела, данного докладчиком.

Первый докладчик, профессор И. А. Карабинов, хотел подвести основания под возможность изменений и сокращений Устава. Устав-то хорош, говорил он, но он имеет свою историю, из которой видно, каким изменениям подвергался он в своем составе. На основании сего нет препятствий к изменению его и в настоящее время. Устав выработывался в обителях, а потому он и пригоден для монашествующих, а не для мирян. Последними он невыполним, и раз он для мирян непосилен, то возможно и сократить его. Второй докладчик, священник В. Д. Прилуцкий, особенно интересен. Он указал на отступления в Церковном Уставе, господствующие в нынешней практике церковного богослужения. Он указал, что Устав ныне нарушается в практике Церкви, да и не может не нарушаться. Третий докладчик, профессор Б. А. Тураев, представил и самый проект возможных сокращений в Церковном богослужебном Уставе. Общее впечатление от докладов то, что они направлены в сторону сокращений Устава: так как Устав невыполним, то необходим особый, минимальный Устав, в сторону выработки которого склоняется и Отдел. Здесь, по-моему, логическое противоречие.

Я скажу теперь по существу о плане и результатах работ Отдела. <Прежде всего>, какое впечатление в мыслях любителей Церкви и Церковного Устава произведет попытка выработки нового Устава. Многие отнесутся с осуждением. И в настоящее уже время приходится в газетах читать нападки на работы Собора. Говорят: хотят сократить церковное богослужение, уничтожить церковные суды, изменить одеяния священников, а всего этого не должно бы быть на Церковном Соборе. Допустим, что взамен существующего Собор выработает другой церковнобогослужебный Устав. Можно ли будет при его введении в практику надеяться на порядок богослужения, на прекращение богослужебной анархии? Не думаю. Богослужебно-уставный минимум – да и что в него вошло бы... Говорилось, что богослужение должно быть не бесцветным, сохранить в себе все особенности и оттенки переходящих праздников, дней памяти святых. Стихиры, тропари, кондаки, каноны святым – все это должно, говорят, войти и в богослужебный минимум. Затем сюда же должно быть внесено все то, что составляет древний богослужебный чин. Псалмы – это самая древнейшая часть богослужения. Если не все положенные Уставом, то по крайней мере, по одному псалмы должны вычитываться за богослужением. Я спрошу, будет ли выполняться этот минимум и в какой срок времени он может быть выполнен? Его выполнение займет, несомненно, гораздо больше времени, чем сколько идет богослужение теперь. Придется выпевать стихиры, тропарь, кондак, ирмосы – антифонно. Теперь хотя это и делают, но делают с большими сокращениями. Кафизмы иногда совершенно опускают, не прочитывают из них даже ни одного стиха, а прямо поют: *Господи, помилуй, Господи, помилуй, Слава Отцу и Сыну*. Канон праздничный: тоже только одни ирмосы поют, а

он должен выполняться полностью при введении минимума уставных требований. Я уверен в том, что этот минимум покажется тяжелым и его будут сокращать. И каким способом Собор может достигнуть того, чтобы он выполнялся? Строгостью правил, принуждением. Ведь это все было – все делалось прежде Собора и, однако, делу нисколько не помогало. Извращение церковнобогослужебного Устава шло своим чередом. Мне думается, что все дело зависит от неправильности предпосылки и от этого же недостатка не свободна работа и нашего Отдела. Множество речей было произнесено в защиту того, что Устав нельзя сокращать или изменять, но ни один оратор не говорил о том, чтобы помочь его выполнению. Один священник говорил, что мы все в нерадении к Уставу ссылаемся на немощи. Но тогда Бог знает, до чего можно пойти. Если станем сокращать службы и молитвы в угоду немощам, то идеальным завершением исполнения уставного моления могут быть тибетские мельницы. В тибетских ламаистских монастырях слова молитв записываются на ленту с особым валиком. Лента будет разворачиваться, и тибетский монах может оставаться спокойным. Но тибетская мельница привела к тому, что монахи и успокаиваются на такой молитве: если даже он уйдет, мельница механически будет за него молиться. Вот до чего можно пойти. Не сокращать, не ломать, а все силы прилагать к тому, чтоб Устав выполнялся во всей полноте, чтобы защитить его от уродований и искажений. То положение, что должно усовершенствовать наше богослужение, лежит не на пути сокращения Устава, а на пути его удлинения. Собор должен изыскать меры, указать средства, при которых исполнение Устава было бы удобоносимым бременем.

В этом направлении и Отделу следует вести работу. Я считаю необходимым разобраться с возражениями. Говорят: удлиненное, монотонное церковное чтение вызывает утомление; выполняемое согласно Уставу, это чтение наводит скуку, недовольство богослужением. Чтобы этого не было, чтобы молящиеся не утомлялись, необходимо сокращать чтение и тогда оно будет посильным для молящихся. Рассуждения неправильны. При этом упускают из виду психологическую сторону дела: люди нерелигиозные могут утомляться, но другие могут и оживляться. В первом случае время кажется очень долгим. Так бывает с большим во время тяжелых страданий: время кажется больному очень долгим, он впадает в психологическую ошибку – будто страдает целую вечность. И наоборот, оживленные впечатления сокращают время. Долго ли, коротко ли читают – человек религиозно настроенный совершенно забывает о времени. Не длительность сама по себе вызывает страдание, а наоборот, все зависит от мыслей и впечатлений: и длительность молитв, и в буквальном смысле всенощное богослужение при ином настроении могут казаться неуютными. Может быть, вы знаете из опыта подвижников, что, становясь на молитву при закате солнца, они простаивали всю ночь и начало следующего дня, когда жгучее африканское солнце поднималось уже высоко к зениту и когда палящие его лучи давали себя чувствовать. Подвижник забывает, сколько времени он стоит на молитве. Это часто бывает на молитве, что человек забывает сам себя, совершенно выходит из границ своей обычной жизни, как говорит о таковых святой апостол Павел: «вем человека, иже восхищен бысть в рай». Таким образом, возражение, что удлиненное богослужение располагает к усталости и утомлению, не соответствует психологии. Медленность его совершения содействует упорядоченности богослужения. Само по себе быстрое чтение молитвенных песнопений с присущими чтецам недостатками – вот оно-то именно и может вызвать чувство неудовлетворенности молящихся. Наоборот, чтение внятное, внимательное, отчетливое, раздельное и ясное будет содействовать улучшению настроения молящихся. Позволим себе продемонстрировать пред вами различные способы церковного чтения. Например (при этом оратор демонстрирует), чтение *Господи, помилуй* 40 раз – в

конец концов при невнимательном и быстром чтении слова сливаются, и чтец выкрикивает «помилос, помилос», не останавливаясь на этом. Посмотрим, какое настроение производит такое чтение и о чем оно свидетельствует. В отношении к Богу оно кощунственно: «Выполняющий дело Божие с небрежением – проклят», человек совершенно забывает в себе страх Божий. Мне вспоминается время на Рождество в бытность в Академии, как призывал нас ректор (а мы, студенты, конечно, невнимательно относились к богослужению) и говорил, чтобы богослужение выполнялось нами внимательно и неторопливо. Предположим, рассуждал ректор, твой отец, священник, нуждался бы в каком-либо благодеении со стороны известного человека и стал бы просить его, непрерывно повторяя слова: «Павел Иванович, Павел Иванович» и т. д. Ведь это важное лицо сочло бы для себя оскорблением. Ужели же Господь Бог не оскорбится, слушая это бормотание. Читающий так творит преступление. Что сказать о нем самом и его личном настроении при таком чтении? Мысль его далека от читаемого, сердце его не затрагивается содержанием чтения. Следует обратить внимание и на то настроение, с каким люди богомольные отнесутся к чтению и что они переживают в это время. Видя, что дело Божие совершается с небрежением, они сетуют и возгревают в себе чувство недовольства. Совершенно другой способ церковного чтения, исполнения, например, тех же слов *Господи, помилуй*, неторопливо и раздельно, сознательно, отчетливо и ясно (при этом Преосвященный оратор демонстрирует чтение этим способом слов *Господи, помилуй* 40 раз). Мои пожелания сводятся вот к чему: Отдел должен решить вопрос в другом виде – указать меры, при помощи которых Устав был бы исполним, и не выставляли бы предлогом к его невыполнению наши немощи. Какие же это меры и средства? Я покажу. Во-первых, устранить из церковей светские хоры с их партесным пением; затем – позволить молящимся сидеть во время чтения кафизм. Во-вторых, необходимо готовиться к каждому богослужению, и не священнику только, но и мирянам. Не одни священники участвуют в богослужении, но и миряне – им предоставить живое участие в богослужении устройством общенародного пения.

Председатель архиепископ Евлогий (Георгиевский): Я должен сказать в защиту работы Отдела и рассмотренных нами докладов. Неверно заявлено оратором, что в докладе профессора И. А. Карабинова Типикон трактуется как учреждение монастырское, напротив – необходимо припомнить первое положение доклада. Он стоит на пути не сокращения Устава, а на пути борьбы с бесчинствами, проявляющимися в этой области. Он будет бороться с произвольными искажениями богослужения, с теми тибетскими мельницами, о которых говорит Преосвященный Евфимий. Во что бы обратилось богослужение при требовании быстро читать и петь? Пример великих молитвенников-подвижников, конечно, высок. Но Собор должен вынести свое решение о церковном Уставе и таком или ином к нему отношении не для них. Мы, люди обыкновенные, тяготимся исполнением точных уставных требований и для нас необходимы указания в этой области. Праведнику же закон не лежит.

Достаточно резко высказался по вопросу об уставных сокращениях протоиерей П. А. Чельцов¹⁴⁵: «На богослужебный Устав мы смотрим как на своего рода спортивное поле, где могут состязаться любители церковности. <...> Говорят, что отступлением от Устава мы отталкиваем от себя старообрядцев. Но почему не хотим обратить внимание на то, что свою непонятную, хотя и «уставную» службу, толкаем своих прихожан идти в сектанство. А опасность сектанства гораздо страшнее угрозы старообрядчества, и я боюсь, что в очень непродолжительном времени нам придется очень дорого расплачиваться за наше пристрастие к букве церковно-богослужебного Устава».

**8. 11-е заседание Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме.*
Обсуждение проблем Типикона. Г. И. Булгаков и
священник В. Д. Прилуцкий об исправлении книг**

На 11-м заседании Отдела прозвучал весьма важный призыв Г.И. Булгакова о том, что уставные изменения и редактирование богослужебных книг не должны проходить втайне от церковного народа. Концепция изменений должна формулироваться в предисловиях к вновь издаваемым богослужебным книгам. Дискуссию продолжил В. Д. Прилуцкий. Приводим эти выступления.¹⁴⁶

«Такие же думы и чувства, какие волнуют нас теперь, волновали представителей церковного сознания и в далеком прошлом, воспроизводимом нам историей Русской Православной Церкви. В православной Западной Руси в XVI и XVII веках богослужебная практика была полна отступлений от Устава, была полна такими же недостатками, какие вызывают скорбь и у нас. А между тем не меньше, чем теперь, Православной Церкви со всех сторон грозила страшная опасность протестантских сект, от католичества, от унии. Ревнители Православия сплотились тогда на защиту Креста и благолепия своего богослужения. В Западной Руси в XVI и XVII веках совершалась справа богослужебных книг Православной Церкви, в том числе и соборная справа их, бывало соборное суждение по вопросам этой sprawy, делались соборные постановления о подготовке к печати и к печатанию исправленных богослужебных книг (например, постановление Берестейского Собора 1591 года), Киевского Собора о «Литургиарионе» Петра Могилы, Львовского Епархиального Собора 1606 года о «Требнике» Гедедона Балабана. В названных книгах мы видим вводные части – «предмовы» – предисловия, содержащие историко-литургические и уставно-практические указания. Я предлагаю помещать подобные вводные части или вводные статьи в новых изданиях Типика – как того, который будет печататься после sprawy на славянском языке для монастырей, так и того, который будет печататься на русском языке для приходских храмов. В таких вводных статьях должны быть означены исторические сведения о происхождении Типика, о его значении и руководственные указания относительно того, как нужно им пользоваться на практике. Предлагаемая мною мера может иметь большое значение для нашего богослужения, приближая идеи церковного Устава к церковному сознанию и к жизни Церкви.

Священник В. Д. Прилуцкий: Здесь как бы скорбь о скором сокращении Типикона. Он не доживает последние дни. У нас в тезисах есть пункт, что монастыри пользуются Типиконом полностью и для них он необходим в полном виде. Над ним должна работать корректурная Комиссия, нужно заняться подробным его исправлением. В триодной части Устава исправления необходимы: например, в словах Устава на Великую Субботу по одним изданиям – «исходит», по другим – «не исходит». Корректирные работы над Уставом производились и ранее. В изданиях, образовавшихся до 1896 года, в Уставе сказано относительно праздника Рождества Христова: «Праздник трехдневный, Пасха». В издании новом справщики опустили эти слова. Или о молящихся во время литии в старых изданиях говорится: «всем лица преклонившим», а в новом: «главу преклонившим». И в дальнейшем следует издавать Устав с корректирными исправлениями, но в том виде и форме, как он издавался ранее, – это издание должно предназначаться для монастырских обителей. Должно быть при этом второе, так сказать, ручное издание Типикона, имеющее практический характер. К сему изданию можно сделать примечание, в котором сказать о его важности и значении. Что это издание ни у кого не вызовет соблазна, тому примером могут служить старообрядцы.

У них есть Устав «Око церковное» – известная и объемистая книга. Но при этом есть и новое издание Устава «Устав практический», составленный и изданный известным Швецовым, отпечатанный на славянском языке, но русскими буквами. У старообрядцев такое издание не вызывает нареканий. И вообще для такого рода реформ богослужбных книг, в смысле исправления выражений, опасность нового раскола не угрожает. У нас ныне радикально исправлены уже Триоди: постная и цветная. В Синодальный период нашей истории вводились даже целые богослужбные новые книги. Например, богослужбный Киевский Требник, напечатанный первоначально в Киево-Печерской Лавре, а затем значительная его часть включена и в наш Малый Требник. Пора перестать бояться соблазна с этой стороны.

9. Завершение обсуждения вопросов об упорядочении богослужения на последующих заседаниях Отдела О богослужении, проповедничестве и храме

Темой следующих заседаний было подробное обсуждение различных аспектов предстоящего доклада (то есть проекта Соборного *Деяния*). Подробно приводить этот весьма интересный материал здесь нет возможности. Любопытно, что некоторая часть выступавших высказывалась за или против *литургических реформ*, в то время как речь шла об *упорядочении* богослужения. «К прискорбью моему, – говорит архиепископ Евлогий, – я все слышу речи о том, будто бы мы посягаем на богослужбный Устав, хотим сломать его. Мы только боремся с тем, что вошло в богослужбную практику как беспорядок и что следует облагородить, указать, *что* в пределах наших сил возможно и необходимо исполнять в Уставе. Указать общие границы и вехи. Наша задача – ввести в церковное богослужение благочиние и благообразие. Если мы сознаем, что должны исполнять Устав, но однако не исполняем, потому что его нельзя исполнить, то Собор укажет, что же именно должно подлежать неперемennomu исполнению»¹⁴⁷.

10. Доклад Отдела О богослужении, проповедничестве и храме «Об упорядочении богослужения» на второй сессии Поместного Собора

Обсуждение проблем Богослужбного Устава продолжается до конца первой сессии Собора. Наконец, 25 января 1918 года, уже на второй сессии Собора, были оглашены тезисы, которые являются резюме всей предшествовавшей дискуссии¹⁴⁸.

«Совершение богослужения в современной Русской Церкви страдает многими важными недостатками, причиняющими существенный вред делу Православия и вызывающими справедливые порицания и осуждение. Главнейшими из таких недостатков являются произвольные изменения порядка и состава богослужения (сокращения, вставки и т. п.), а также небрежность в его исполнении. Причины этих недостатков разнообразны. В них повинны часто и совершители богослужения, не всегда достаточно знакомые с Церковным Уставом и часто не обладающие надлежащим пониманием богослужения и развитым литургическим вкусом. Часть вины затем лежит и на молящихся, слабая ревность коих нередко побуждает исполнителей богослужения поступать строгостью уставных предписаний. Наконец, некоторый повод для перечисленных недочетов дает и самый строй нашего богослужения: его Устав не всегда и не во всем подходит к условиям современной жизни, равно как и некоторые другие стороны нашего богослужения нуждаются в пересмотре и исправлениях. Сознывая ее средоточия, Отдел находит возможным предложить Священному Собору следующий план и меры к упорядочению нашего богослужения:

I.

А. *Рядовое богослужение*

1. Заповеданный нашим Церковным Уставом богослужебный строй хотя и образовался в окончательном виде в монастырях православного Востока, но его основой послужили богослужебные обычаи соборных храмов Иерусалима и Константинополя, вследствие чего этот Устав не может быть признан чисто монашеским произведением.

2. Как свод богослужебных преданий двух важнейших Церквей православного Востока и как произведение многовекового богослужебного опыта, действующий Церковный Устав должен быть сохраняем в качестве высшей нормы нашего богослужения.

3. Во всей своей полноте Церковный Устав является трудноисполнимым.

4. Наши монастыри должны по возможности строго соблюдать уставной порядок богослужения с дозволением заменять для тропарей канонов, а также для кафизм пение чтением по принятому обычаю.

5. Что касается мирских храмов, то Церковный Собор, отнюдь не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, но снисходя к немощи молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава, знающей случаи смягчения уставных требований, равно как ввиду разрешения самого Устава при некоторых обстоятельствах сокращать богослужение, может допустить известные послабления уставных требований.

6. Для упорядочения рядового богослужения в приходских храмах предлагается:

а) не допускать замены положенного по Уставу произвольными вставками, например кафизм – акафистами или проповедью, литийных стихир – концертом и т. п.;

б) Псалтирь стихословить в объеме не менее одной *Славы* вместо целой кафизмы. В церквах, где службы не совершаются ежедневно, возможно последовательное чтение всей Псалтири по *Славам* без отношения к седмичному расписанию стихословия. В дни великих праздников рядовое стихословие можно заменить чтением или (антифонным) пением особых праздничных псалмов;

в) чтение шестопсалмия не должно быть сокращаемо; не подобает опускать 50-й псалом и хвалитные псалмы на утрени;

г) песнопения Триодей и великих праздников должны исполняться без пропусков, хотя бы и без повторений. В дни воскресные, будничные и в меньшие праздники из стихир на *Господи, воззвах*, стиховных, литийных, хвалитных должно петь не менее половины положенных как из Октоиха, так и из Минеи. Отнюдь не должна опускаться на воскресной утрени стихира евангельская, воскресные тропари по *Непорочных* не должны сокращаться. Должно быть восстановлено уставное пение тропарей, кондаков, степен и седальнов. Из каждой песни канона должно читать не менее четырех тропарей, хотя бы по одному из каждого канона.

7. В первой части Литургии без всякого сокращения надлежит исполнять антифоны Господских праздников, антифоны изобразительные (при невозможности пропеть оба псалма полностью следует читать их), всedневные (в положенные дни) и Блаженные со стихами к ним; по входе полностью и в уставном порядке петь тропари и кондаки; строго соблюдать уставное количество апостольских и евангельских зачал на Литургии; восстановить пение *Аллилуиа* по Уставу на гласы аллилуиариев с выразительным исполнением последних. Отнюдь не допускается служение полной Литургии в неположенные дни Святой Четырдесятницы.

8. Богослужение в кафедральных соборах и храмах при Духовных учебных заведениях приближается к монастырскому, в домовых – к приходскому.

Б. Богослужение внерядовое, или частное

9. Совершение последований частного богослужения, в особенности Таинств, должно быть истовым, благолепным и, по возможности, должно соединяться со службами рядового круга, главным образом с Литургией.

10. Крещение совершается или в храме, или в нарочито устроенных помещениях (крещальнях). В случае совершения Крещения в частном доме (что допустимо лишь в самых исключительных случаях) для сего надлежит избрать самую лучшую из комнат.

При совершении Крещения надлежит каждый раз освящать воду по указанному в Требнике чину. Замена этого водоосвящения добавлением в купель святой богоявленской воды безусловно запрещается.

Священник всякий раз поучает восприимчивых о важности и ответственности принимаемого ими на себя долга.

Крещение совершается по правилам Святой Православной Церкви трехпогужательно. Поливательное крещение допускается лишь в самых исключительных случаях «страха ради смертного» в отношении крещаемого младенца.

При публичном совершении Крещения (пред Литургией в праздники) священник поучает молящихся, объясняя обряды Таинства.

11. Исповедь есть главнейшее средство пастырского воздействия и должна совершаться с особой тщательностью. При массовом стечении желающих причаститься Святых Таин, когда нет возможности совершать для каждого в отдельности чин исповеди (например, в войсках во время походов), допускается так называемая общая исповедь, но с восполнением ее для каждого исповедующегося частною исповедью, состоящую из вопросов о наиболее тяжких грехах, лежащих на совести кающегося, и с прочтением для каждого исповедника разрешительной молитвы и наложением епитимий.

12. Таинство Брака надлежит совершать по возможности сразу после Литургии; священнику надлежит располагать брачующихся приступить пред венчанием к причастию Святых Таин. По окончании бракосочетания священник поучает брачующихся словом назидания.

13. Отпевание должно совершаться согласно с изложенным в Требнике чином. Замена указанных в Требнике припевов на 17-й кафизме припевами из чина панихиды, а также пение трех песней канона вместо девяти не допускается.

Отпевание совершается над каждым православным христианином, в вере скончавшимся. Замена отпевания обрядом так называемого «печатания» могилы с совершением чина погребения спустя некоторое время после зарытия тела в землю не допускается.

При следовании погребальной процессии кресты, иконы и другие святыни носят с подобающим благолепием и таким же образом возвращаются в церковь.

14. Служение молебнов по просьбе отдельных лиц должно быть благочинным, согласно с положенными в Часослове последованиями общего молебна. Соединение молебных канонов более чем четырьмя святым не допускается. При обхождении прихожан с праздничным молитвословием за невозможностью совершать в каждом доме полный молебен допускается совершение краткого моления по такому чину: начальный возглас, тропарь и кондак празднику или святому, ирмос 9-й песни с припевом (в двенадцатые праздники) или *Достойно есть* (в день памяти чтимых святых), сугубая ектения и отпуст.

II.

Меры к упорядочению богослужения

15. Существующая при Священном Синоде Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое кроме книжного исправления должно вообще ведать богослужением и решать все относящиеся к нему вопросы.

16. При исправлении богослужебных книг в ближайшую очередь следует пересмотреть текст нашего Типика, так как последнее его исправление было произведено еще в конце XVII века. При этом пересмотре необходимо предписания о службах русским святым изложить совместно со службами святым вселенским и вставить устав о выносе Плащаницы.

17. Наряду со славянским Типиконом следует издать русский перевод с более полным, ясным и общедоступным изложением уставных предписаний, снабженный предисловием, раскрывающим историю и значение Церковного Устава.

18. При новом издании богослужебного Евангелия необходимо соединить вместе и исправить уставные статьи о евангельских чтениях и таблицы этих чтений так, чтобы рядовое чтение Святого Евангелия от Луки непременно начиналось с понедельника седмицы по Воздвижению.

19. В новом издании Миней службы русским святым следует изложить в соответствии с правленным Уставом.

20. При исправлении и редактировании Служебника образованная согласно 15-му параграфу Комиссия располагает в чинах литургии тайные молитвы так, чтобы они стояли непосредственно перед возгласами, являющимися заключением молитв.

Возгласение: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны* должно быть опущено.

Для поминовения на великом входе взамен бывших следует напечатать такие поминальные формулы: *Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков* (для диакона), *Да помянет Господь Бог всех вас во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков* (для священника).

Евхаристический канон следует напечатать с такой расстановкой знаков препинания, которая ясно обозначила бы грамматическое отношение возгласений к читаемым тайно молитвам, причем вводные чисто диаконские «напоминания» должны печататься мелким шрифтом.

Тропарь 3-го часа: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа* печатается также мелким шрифтом и ставится перед словами: *Еще приносим Ти словесную и безкровную службу и просим и молим* (в Литургии Василия Великого пред словами *Сего ради, Владыко*).

21. В отношении к Требнику Комиссия, кроме исправления отдельных выражений в молитвах и замены малопонятных речений более понятными, должна еще заняться составлением некоторых новых чинопоследований, вызываемых потребностями современной жизни, а также составить особый чин на погребение диаконов. В Книгу молебных пений должен быть внесен новосоставленный чин молебного пения при открытии Всероссийского Церковного Собора и особое новогоднее молебствие.

22. Всякое богослужебное чтение должно совершаться на середине храма, на особом возвышении. Чтение Евангелия допускается лицом к народу.

23. Необходимо принять все возможные меры к тому, чтобы совершители богослужения знали Церковный Устав; для этого, между прочим, следует поднять преподавание

науки о богослужении в Духовных школах, а также озаботиться изданием ежегодников, дающих все нужные уставные указания на каждый богослужебный день.

24. Для привлечения внимания молящихся к богослужению и вообще для поддержания в них сознательного отношения к последнему необходимо издание всякого рода популярных книжек с богослужебными текстами, их переводом, изъяснениями и т. п.

25. Собор обращается с особым Посланием к совершителям богослужения, в котором он, с одной стороны, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, с другой – должен призвать всех к точному соблюдению настоящих постановлений».

11. Дальнейшая судьба доклада «Об упорядочении богослужения»

На 23-м заседании было постановлено «ввиду того, что все тезисы подвргнуты были подробному и детальному обсуждению в заседаниях Отдела и что предложено было (профессором И. А. Карабиновым) внести их еще в минувшую первую сессию заседаний Собора, считать их достаточными и внести в доклад Священному Собору»¹⁴⁹.

Доклад об упорядочении богослужения дважды обсуждался Епископским Совецанием. Приводим полностью протокол заседания Епископского Совецания, которое состоялось 15(28) августа 1918 года¹⁵⁰.

Слушали: Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме*, именно – об упорядочении богослужения, причем в Отделе предположено, не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, сохраняя Церковный Устав в качестве высшей нормы нашего богослужения, но снисходя к немощам молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава: а) допустить некоторые послабления уставных требований в рядовом богослужении, упорядочить внерядовое, для чего существующая ныне Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое кроме книжного исправления должно вообще ведать богослужение и решать все относящиеся к нему вопросы; б) издать русский перевод Типикона; в) исправить уставные статьи о евангельских чтениях и таблицы этих чтений и другие, причем Собор должен обратиться с особым Посланием к совершителям богослужения, в котором он, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, должен призвать, и настойчиво, к точному соблюдению изложенных в докладе постановлений.

Справка: Доклад Отдела о богослужении в настоящем его виде рассматривался на Епископском Совецании 4 (17) марта сего года, причем по рассмотрении доклада было постановлено: действующий ныне церковный Устав должен быть сохранен в качестве высшей нормы нашего богослужения, совершители же богослужения призываются к истовому отправлению оногo, допуская сокращения с крайней осмотрительностью, чтобы не смущать ревнителей церковной уставности. Не внося на соборное рассмотрение этого доклада, напечатать его на пишущей машинке и разослать Преосвященным для приблизительного руководства по вопросу об уставном сокращении.

Постановили: Остаться при прежнем постановлении, передав Священному Синоду в копии доклад Отдела о богослужении и настоящий журнал Епископского Совецания для приведения в исполнение постановления Преосвященных архипастырей.

Документальных данных о дальнейшей судьбе этого доклада мы не имеем. По свидетельству епископа Ковровского Афанасия (Сахарова), после

закрытия Собора Синод «в одном из первых своих заседаний, рассмотрев доклад «Об упорядочении богослужения» как наиболее жизненно необходимый по благословию Патриарха Тихона постановил разослать его во все епархии для руководства»¹⁵¹. Других свидетельств об обсуждении этого доклада Синодом у нас нет.

12. Вопросы книжной справки

Вопрос о необходимости продолжения работы над текстом богослужбных книг вставал периодически. Тезис о необходимости этой работы был прямо зафиксирован в 15-м пункте приведенного выше доклада «Об упорядочении богослужения». Наиболее активно обсуждалось исправление Требника. Приведем здесь выступление *протоиерея А. А. Хотовицкого* на 22-м заседании Отдела, которое состоялось 30 ноября 1918 года: «Нельзя ли поставить вопросы о чинах и молитвах, не вошедших в Требник. Таковы, например, чин освящения одежд иерейских, чин освящения кладбища, чин введения мужа и жены в храм, чин введения женщины в храм после рождения, чин освящения фелони, поручей, чин освящения свечей. На все эти чины есть особые молитвы в Дополнительных Требниках. Я укажу на пример нашего незнакомства с этими чинами. Митрополит Платон (Рождественский) служил в день Сретения в Галиции. Богомольцы в этот день кладут массу свечей на аналой для освящения. Я докладывал, что на освящение свечей есть молитва в уннатском Требнике. Митрополит требует Дополнительного Требника, начинает перелистывать его и не находит молитвы на освящение свечей. Тогда он начинает читать молитву общую на освящение всякой вещи, заменять слова, вставляя слово «свеча» там, где речь идет о других предметах. Получается путаница. Не удобней было бы нам позаимствовать молитвы из уннатского Требника? Многие из этих чинов остались и у нас, но многих нет. Например, чин введения нового настоятеля в храм. Это идейный и заслуживающий много внимания чин, одухотворяет нового служителя Божия в приходе на все пути его жизни. Все это вопросы дисциплины. Я мог бы представить факты об этом. Я не испытывал затруднений в своей практике при введении многих чинов»¹⁵².

В этой же связи следует упомянуть обсуждение Собором вопроса о так называемом «Походном Требнике» – богослужбной книге, содержащей лишь самые необходимые чины¹⁵³.

13. Историко-литургическая справка профессора И. А. Карабинова «О евхаристическом хлебе и вине»

Начавшаяся разруха и отсутствие продовольствия делали поиски необходимых для совершения Евхаристии пшеничного хлеба и виноградного вина очень сложной проблемой. В этой связи на 40-м заседании ставится вопрос о возможности замены пшеничного хлеба и виноградного вина более доступными продуктами¹⁵⁴. Историко-литургическую справку поручают сделать И. А. Карабинову. Текст этой справки мы приводим полностью¹⁵⁵.

В отношении к евхаристическим хлебу и вину современная богослужбная практика Русской Церкви считает для себя обязательным предписание печатающегося в нашем Служебнике так называемого «Учительного известия», где ясно и решительно с положительной и отрицательной сторон утверждается, что хлеб для Евхаристии

должен быть непременно только чисто пшеничный, а вино – исключительно виноградное: «Вещь тайны Тела Господа нашего Иисуса Христа есть хлеб от чистья муки... иный же хлеб, кроме самая пшеницы, квасный, из всякаго жита семян, вещно тело Христово быти не может. Дерзнувый же иерей над таким хлебом из иных семен служить... зело тяжко согрешит и извержению подпадет, яко таинство на таких видах не совершит... Вещество крове Христовы есть вино от плода лознаго, сиесть из гроздов винныя лозы источенное... подобает сему вину... чистое быти, несмешанное с каковым либо иным питием, кроме еже из гроздия... Вином же не суть и быти не могут вся соки от различных овощей и ягод источены, сиесть яблочный, грушевый, вишневый, терновый, малиновый и иныя сим подобныя. Аще же кто дерзнет кроме самого виноградного вина на иных видах и соках, никакоже Таинство совершит, но согрешит иерей тяжко смертно, и извержению от священства подпадет». Каноническое значение «Учительного известия» нельзя назвать совершенно твердым и бесспорным: оно держится, кажется, больше на традиции, чем на каких-либо основаниях, сообщающих этому произведению действительно характер церковного закона. Впервые оно появилось в московском издании Служебника 1699 года. В библиотеке и архиве Московской Синодальной типографии, по-видимому, нет никаких документов, объясняющих появление в русском Служебнике такого нового и важного добавления. Впоследствии при Святейшем Синоде «Учительное известие» за некоторые неисправности исключалось из состава Служебника, а затем по исправлении <было восстановлено>. Не сохранилось, по-видимому, в московских книгохранилищах и первоначального списка «Учительного известия». Зато в Московской Синодальной библиотеке имеются, кажется, четыре рукописи, содержащие первичную редакцию «Известия», переработанную в «Известие» и носящую заглавие «Воумление, то есть наставление от архиерея чинному служению Божественныя литургии, и иных нужных случаев, ведение зело потребное». По содержанию «Воумление» шире «Известия»: в то время как последнее имеет в виду одну лишь Евхаристию, «Воумление» кроме этого дает наставления и относительно некоторых других церковных последований и треб (например, относительно различных треб над больными, усопшими и пр.). Составителем «Воумления» был известный московский книжный справщик второй половины XVII века чудовский инок – старец Евфимий. В предисловии к «Воумлению» он сообщает следующую историю появления этого труда: еще Патриарх Ираким находил нужным написать подобное наставление – «повеле собрати писменно и о имущих хиротонисатися в чин иерейства или диаконства, что должны веди приличное чину их священному и что должны отвещавати вопрошаеми от архиерея или инаго кого-либо хотящаго истинно веди о Церкви и церковных, и, получив чин священства, веди како строити Божественным Тайнами паче же желаше Святейший Патриарх написана быти решения на всякия случаи, случающиеся в таинствах, наипаче в Божественной литургии: да свидетельствовав тая соборне, и избрав потребная... типографию издаст в общую ползу... и тако по повелению его, елико возможно бе, собрася сие воумление от книг киевских, и белорусских, и иных». Но Патриарх Иоаким скончался, «не доспев написанная прочести... ниже инии архиерее после его прочтоша даже до днесь, аще пособне и мнози чтоша». Преемнику Иоакима Адриану в начале своего правления также не удалось прочитать книгу соборне. «Посем случися ему Святейшему Адриану Патриарху тяжкая и долговременная болезнь... а тако оста написание сие никем свидетельствовано». В интересующей нас части, то есть в наставлениях касательно совершения Евхаристии, составитель «Воумления» действительно пользовался киевскою книгою – Требником Петра Могилы и в особенности помещенным там Трактатом

о тайне Тела и Крови Христовых: большая часть «Воумления» и «Учительного известия» представляет собою легкую переделку киевского трактата. Неизвестно в точности, был ли в руках Евфимия аналогичный, но еще более старый трактат белорусского происхождения, приложенный к Службнику виленского издания 1617 года под заглавием: «Наука иереем до поряднаго отправоания службы Божия велце потребная». И в моголинском «Трактате», и в виленской «Науке» глава о веществе для Евхаристии изложена гораздо подробнее, чем в нашем «Известии», но несколько с меньшею решительностью в суждении о действительности Таинства при том или ином виде веществ. Виленская «Наука» предписывает: «Хлеб мает быти з муки пшєнные и з воды прирєженное уробленный и упечєнный квасный; если бы мука была грєчаная, албо ячменная, албо авсєная, албо иншая какая, крєме пшєнное, албо теж пшєнная наполю змєшанная з ыншою мукою, тогда хоча бы была вода прырєжєная, тот хлеб не был бы материєю властною, хлеб збзутвєлый, спрєснєлый, албо згорчальый, албо з ыншыми рєчми трєхи смєшан. Яко наприклад з молоком, з маслом, з яйцы, не может быть материєю властною. – Матєрия з которєе ея свєршает кровь Христовая естє вино з матицы винное, то естє абы было с того дєрева албо лєзы, которая з себе грєна винные выпускает... сок зась ягєдный, албо яблєчный, так теж и квас вшєляний, пиво, гєрєєна, мед и иншыє разныє напои, иже не суть з грєна виннаго, навєп и само вино, если бы было змєшано з ыншим яким напоєм, танєнты сманє винный утратило, або теж в оцєтєся обєрнуло не может быть матєриєю прыстойною до совершєния Крови Христовєе». Трактат Петра Могилы отвергает употребление для Евхаристии всяких иных веществ, крєме чистого пшєничного хлеба и подлинного виноградногє вина, потому, что сомнєвается, чтобы при вышеозначєнных веществах Таинство действительно могло совершиться. Судя по отдєльным выражениям виленской «Науки», можно думать, что еє оригиналом или, по крайней мєре, источником было какое-либо латинское сочинєние. Что касаетєся трактата Петра Могилы, то такой источник здєсь установлен уже вполне твердо и неопровержимо: выяснєно, что этот трактат представляет собою по мєстам буквальный перевод, а в значительной части переделку аналогичного латинского трактата <De defectibus>¹⁵⁶, помещаемого в редакции римского Миссала (Службник. – *Ред.*), одобренный Тридєнтским Собором. Параграфы этого латинского источника, касающиеся евхаристического вещества, очень сходны с предписаниями нашего «Учительного известия»: «Если хлеб будет не из пшєничной одной муки, но из смешанной с мукою из какого-либо другого зерна в таком количестве, что хлеб потеряет вид пшєничного, или если хлеб окажется в чем-либо поврежден, Таинство не совершится. Если вино окажется совершенно скисшим, или совсем негодным, или выжатым из зеленых, незрєлых, ягєд, или если к нему будет примєшана вода в таком количестве, что вино потеряет всякий вкус, Таинство не совершится». Таким образом отдалєнною основою и источником нашего «Учительного известия» является трактат, составленный для нужд Римско-Католической Церкви. Несмотря на сомнительное каноническое значение и подозрительное литературно-историческое происхождение нашего «Учительного известия» в его цельном виде, предписания его касательно евхаристического вещества, по их содержанию, совершенно каноничны и вполне согласны с церковным преданием об этом. Можно было бы привести немало выдержек из различного рода произведений церковной литературы, начиная со II века, которые, говоря о евхаристическом хлебе, считают обычно употребляемым в данном случае именно хлеб из пшєницы. Для примера я приведу одно из древнейших таких свидетельств, принадлежащее святому Иринею Лионскому, и V книги (Против ересей, гл. II. 3): «Когда чаша растворєнная и пригєтовлєнный хлеб принимают Слово

Божие и делаются Евхаристиею Тела и Крови Христа, от которых укрепляется и поддерживается существо нашей плоти; то как еретики говорят, что плоть не причастна дара Божия, то есть жизни вечной, плоть, которая питается телом и кровью Господа и есть член Его. Святой Павел в Послании к Ефесеям говорит: *мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30), говоря это не о каком-либо духовном и невидимом человеке, ибо дух ни костей, ни плоти не имеет, но об устроении истинного человека, состоящего из плоти, нервов и костей, и эта плоть питается от Чаши Его, которая есть Кровь Его, и растет из хлеба, который есть Тело Его. И как виноградное дерево, посаженное в землю, приносит плод в свое время, или пшеничное зерно, упавшее в землю и ислевшее, во многом числе встает силою Духа Божия, все содержащего, а это потом, по премудрости Божией, идет на пользу человека и, принимая Слово Божие, становится Евхаристиею, которая есть Тело и Кровь Христова; так и питаемая от нея тела наши, погребенныя в земле и разложившиися в ней, в свое время встанут, так как Слово Божие дарует им воскресение во славу Бога и Отца, который это смертное облакает бессмертием и тленному даром дает нетление».

В частности, греческая Церковь издавна, подобно нашей, заботилась не только о чистоте продукта, из коего приготавливался хлеб для Евхаристии, но также и <о> том, чтобы этот продукт, то есть мука, был самой лучшей и тончайшей выделки: в византийских ктиторских Уставах XII–XIII веков можно нередко читать завещания их авторов, чтобы в учрежденных ими монастырях для богослужебных просфор мука отпускалась высшего качества в противоположность муке для обычного употребления. Обычай Древней Церкви употреблять для Евхаристии хлеб только пшеничный основывался, быть может, не только на том, что такого рода хлеб был наиболее употребительным в быту восточных и античных народов или на мысли, что пшеница, как наиболее тонкий и благородный представитель хлебных злаков, лучше прочих собратьев подходит к величайшему христианскому Таинству, но, быть может, также и на убеждении, что и Христос установил Евхаристию также на пшеничном хлебе. Пример Христа с Его повелением «творить сие в Его воспоминание», быть может, сознавался и понимался Церковью как закон относительно другого евхаристического вещества, именно: вина. Церковь издала несколько канонов, в коих ясно и решительно сказано, что по примеру и заповеди Христа из всех напитков для Евхаристии может быть употребляемо одно лишь виноградное вино. Об этом, например, говорят 3-е и 4-е апостольские правила: «Аще кто епископ или пресвитер – вопреки учреждению Господню о жертве принесет ко алтарю иныя некоторыя вещи, или мед, или млеко, или вместо вина приготовленный из чего-либо другого напиток... да будет извержен от священного чина». Опять-таки, как и в отношении евхаристического хлеба, так и в отношении вина для Евхаристии Восточная Церковь издавна следила за качеством этого продукта: плохое достоинство его считалось весьма тяжкой провинностью со стороны тех, кто за этим должен был следить. На IV Вселенском Соборе, между прочим, разбиралось дело Едесского епископа Ивы по обвинению его несколькими едесскими же пресвитерами во многих преступлениях. В жалобе этих обвинителей, между прочим, читается и такой пункт: «Когда совершалась память святых мучеников, то для приношения на святой алтарь, освящения и раздаяния народу дано было только весьма немного вина, и притом дурного, нечистого и как будто только что выжатого из винограда, отчего назначенные совершать службу принуждены были купить вина совершенно дурного в лавочке за 6 сенстариев, которого также недостало; поэтому он сделал знак раздававшим Святое Тело возвратиться, потому что не нашлось Крови; тогда как сами они пили и имели, да и всегда имеют, превосходное. И это делалось

тогда, когда имевший власть распоряжаться богослужением знал об этом и извещен был с тем, чтобы и он известил епископа со всей откровенностью. А так как он ничего не сделал в то время, то мы принуждены были снова известить самого почтеннейшего епископа. Впрочем, и известившись, он не тронулся, но все это презрел, так что многие из нашего города соблазнились этим».

- При настоящей продовольственной разрухе во многих местах России оказывается весьма трудным получить пшеничную муку и виноградное вино удовлетворительного качества. Вследствие чего в православной среде поднимаются толки о том, нельзя ли в Евхаристии употреблять хлеб из иной, например ржаной, муки, а вино заменить подходящими напитками из других каких-либо плодов или фруктов. Пользу такой замены вина стараются оправдать еще и тем соображением, что употребляемое у нас обычно для Евхаристии красное вино весьма редко бывает натуральным, но большею частью представляет собою фальсификат и весьма часто из недоброкачественных и недостойных великого Таинства материалов. Из приведенного выше мнения Церкви о евхаристическом вине можно видеть, что, несмотря ни на какие переживаемые нами тяжелые обстоятельства, не может быть и речи о замене здесь виноградного вина каким-либо иным напитком. Думается далее, что в вопросе о евхаристическом вине Русская Церковь сама значительно стеснила себя одним весьма важным условием и ограничением: в ней установился обычай пользоваться для Евхаристии лишь сортом красных вин и преимущественно, кажется, так называемым сортом «Кагор». Между тем ни современная восточная православная практика, ни даже, по-видимому, церковная старина таких ограничений и исключительности не <знала>¹⁵⁷. На православном Востоке в настоящее время при совершении Евхаристии беспрепятственно употребляются сорта вин с легким розовым или коричневым оттенками, то есть по нашей терминологии относящиеся к разряду вин белых. Такой обычай некоторым нашим наивным и привыкшим к иной практике паломникам по Святой Земле дает повод утверждать, что-де «у греков за причащением Крови Христовой нет». Наше «Учительное известие», насколько мне помнится, о цвете вина для Евхаристии умалчивает. Источник «Известия», Трактат Петра Могилы, дает примерный перечень сортов вина, которые можно употреблять при совершении Литургии; такими, по Трактату, оказываются вина: угорское, волоское, французское, малмазия, петрисемен. От II века мы имеем одно сообщение святого Иринея Лионского, дающее повод думать, что в глубокой христианской древности относительно цвета евхаристического вина не существовало принятого у нас ограничения¹⁵⁸. «Есть между еретиками некто по имени Марк, хвалящийся тем, что усовершил учение своего учителя. Будучи весьма искусен в магических проделках, он обольстил ими и привлек множество людей обою пола к себе, как будто бы обладающему наибольшим ведением и получившему наивысшую силу из незримых и неизменяемых мест, чрез что является истинно предтечею антихриста. Соединив фокусы Анакисила с досужеством так называемых магов, он дает бессмысленным и выжившим из ума людям думать, что совершает таким образом чудеса. Так, показывая вид, будто совершает Евхаристию над чашею, наполненною вином, и длинно растягивая слова призывания, он производит то, что чаша является багряною и красною, отчего думают, будто по силе его призывания всевышняя благодать источила в нее кровь свою, и присутствующие сильно желают вкусить этого питья, чтобы и на них излилась призываемая этим магом благодать»¹⁵⁹. Таким образом, испытываемое теперь затруднение с вином для Евхаристии можно значительно облегчить разрешением употреблять для этой цели сорта так называемых белых вин известной сладости и крепости.

Думается, что равным образом не следует нарушать церковной традиции и относительно употребления в Евхаристии лишь пшеничного хлеба. Нужно поискать сначала выхода из нынешних затруднений в этом деле не заменой пшеничной муки ржаной, а тем путем, который уже издавна проделан и указан нам опытом греческой Церкви и который вполне оправдывается древней богослужебной практикой, именно путем сокращения количества и размера просфор. Кажется, многим уже известно, что для совершения Евхаристии нужна собственно только одна просфора. Наш 5-просфорный чин проскомидии и вышедшее из него русское 7-просфорие – сравнительно уже поздние явления: первые 5-просфорные чины становятся известными в рукописях лишь с конца XII века, окончательную фиксацию этому чину дал Константинопольский Патриарх Филофей – XIV век, русское же 7-просфорие развивается на почве Филофеева чина и, кажется, не восходит далее второй половины XVI века. Еще в XI веке считалось возможным совершать Литургию с одним хлебом: хартофилак патриарший Петр на вопрос: «Можно ли совершать Литургию на одной просфоре?» – отвечал: «Если нет памяти святого или умершего, то ничто не препятствует». Такое же разрешение для случаев крайней необходимости (если не будет поблизости торгова, где возможно купить вторую просфору) дает, насколько помнится, в ответах Новгородский архиепископ Нифонт на вопрошания Кирика. Единая просфора считается достаточной для совершения Литургии в Студийском Уставе Патриарха Алексия, назначаемом для обычной соборной Литургии 7 просфор. Греческой богослужебной практикой с XV века, между прочим, выработаны следующие приемы сокращения обычного 5-просфория: она заменяет 4 последних просфоры одной общей просфорой с 4-частной печатью, как это делается теперь на Востоке, например на Афоне. Затем, в греческой Церкви допускалось употребление для Евхаристии одной общей просфоры несколько увеличенного размера с 5 печатями, из коих центральная, наибольшего размера, предназначалась для Агнца. О такой проскомидии, совершенной на каком-то островке архипелага, рассказывает в своем «Проскинитарии» Арсений Суханов: «Просфора была одна, велика, с денежной хлебец, на ней пять печатей крестных, и поп агнец вынял из верхней печати, а прочия части выщипывал из прочих печатей помаленьку». Аналогичную проскомидию имеет в виду 213-е правило Номоканона, печатаемого в нашем Большом Требнике – памятнике, восходящем к XV веку. Славянский перевод этого правила неточен и не всем удобовразумителен. «Сверх сего знай, что первая просфора должна быть цельной, чтобы тебе можно было вынуть Господский хлеб и чтобы по изъятии у тебя осталось нечто и для антидора. Прочие же четыре просфоры могут быть и просто только печатями. Если же за богослужением будет много народа и одна просфора окажется для антидора недостаточной, возьми и в честь Богородицы цельную просфору, остальные же пусть будут только печатями». В греческой Церкви считали возможным служить Литургию на одной просфоре даже без дополнительных 4 печатей, то есть с одною печатью: в таком случае части, положенные вынимать из 4 последних просфор, вынимались просто из боковых обрезков Агнца. Таковы приемы сокращения количества литургийных просфор, выработанные греческой богослужебной практикой, и, думается, Русская Церковь должна испробовать их в условиях крайней необходимости, прежде чем поднимать вопрос о замене пшеничных просфор какими-либо иными, например ржаными. В местах, где особенно крайней необходимости нет, на первых порах возможно было бы просто ограничиться уменьшением до возможного предела размера 4 просфор.<...>

Затем состоялось обсуждение этого доклада, изложение которого мы приводим по протоколу¹⁶⁰.

Замещающим Председателя епископом Симоном (Шлеевым) предложено было Собранию высказаться по вопросам, развиваемым в докладе И. А. Карабинова. До прерыва заседания, объявленного в 1 ч. 30 мин. дня, по предложению председательствующего высказывались по вопросу следующие ораторы – члены Собора, замещающий Председателя епископ Симон (Шлеев), епископ Палладий (Добронравов), В. В. Богданович, Виноградов, Н. И. Остроумов, протоиерей М. Р. Кудрявцев, священник М. Ф. Голунов, иеромонах Афанасий (Сахаров), профессор И. А. Карабинов, протоиерей Ф. Д. Филоненко, А. В. Васильев, священник И. Ф. Шукин, Н. Г. Малыгин, протоиерей И. А. Артоболевский, Р. Е. Сапин, причем некоторые из перечисленных ораторов выступали от 2 до 4 раз. Сущность высказанных ораторами мнений по предмету вопроса сводится к следующим общим положениям: а) на основании строго научной историко-литургической справки докладчиком прежде всего было установлено, что веществом, необходимым для совершения Таинства Евхаристии, признавалось всегда вино, приготовленное из грозд винограда, и чистый пшеничный хлеб, хотя относительно последнего докладчик неоднократно делал оговорку, что по недостатку времени он не мог исследовать вопрос о евхаристическом хлебе с такою же подробностью, как о вине. Ввиду создавшихся и могущих создаться временных затруднений в покупке красного виноградного вина и пшеничного хлеба для Евхаристии докладчик со своей стороны не находил в исторических канонических справках препятствий к тому, чтобы вином для Таинства Евхаристии служил и всякий другой, кроме красного, сорт чистого беспримесного виноградного вина, а с другой стороны, чтобы количество просфор для таинства могло ограничиваться от 3 до 1, что уже существует и ныне в практике Греко-Восточной Церкви, где для Евхаристии употребляется одна большая просфора с пятью печатями на одной, средняя часть которой служит для приготовления Агнца, боковые же – в честь Богородицы, святых и за живых и умерших; б) некоторые ораторы стояли на мысли о том, чтобы одна лишь просфора, необходимая для евхаристического Агнца, приготавливалась из чистой пшеничной муки, все же остальные могли бы быть приготовлены и из ржаной муки за недостатком или трудностью добыть муку пшеничную. Вино же для Таинства Евхаристии беспримесное, чисто виноградное, замечали они, не употребляется, как показывает анализ церковного вина, и в благоприятное для производства и торговли оным время, – в настоящее же время оно может употребляться в смешении одного сорта (белое с красным) с другим (В. В. Богданович); в) указывали на возможную и допустимую необходимость понижения сорта муки для приготовления просфор (Виноградов), на широкое привлечение к участию в принесении проскомидийных даров хлеба и вина самих прихожан, к чему в настоящее время – с открывающимся широким участием прихожан в церковной жизни – является полная возможность; на необходимость взаимопомощи в этом деле и допущение дележа веществами для Таинства Евхаристии между церквами наиболее богатыми и беднейшими, ссылаясь в этом случае на поучительные примеры жителей Перми и Белева (протоиерей М. Р. Кудрявцев и епископ Палладий (Добронравов); г) отмечали возможность приготовления евхаристического вина из изюма (в Уральской области священник М. Ф. Голунов), а хлеба – из всех сортов муки до ржаной включительно, ибо смысл таинства Евхаристии не в цвете веществ, необходимых для оногo, а в единении между собой верующих (М. А. Остроумов); д) указывая на пример священномученика Патриарха Ермогена, разрешившего в Смутное время совершение Евхаристии на вишневом соке, допускали возможность приготовления такого рода евхаристического вина, как равно также и приготовление

из изюма, смородины; отмечали возможность совершения Евхаристии на виноградном соке, лимонадах, употребление ржаных из чисто просеянной муки просфор, употребление вина фруктового как наиболее дешевого и доступного по цене для приобретения (протоиерей Ф. Д. Филоненко, Л. К. Артамонов, А. В. Васильев); е) высказывались за необходимость строгой экономии церковного вина, допуская оное для употребления исключительно лишь при совершении Евхаристии, во всех же прочих случаях, когда вино должно иметь место за церковным богослужением (как, например, при совершении Таинств брака, елеосвящения, при потреблении Святых Даров, вместо теплоты Великим постом), замену оною другими напитками, как например, медом или даже простой водой (священник И. А. Артоболевский); употребление ячменной муки для просфор вместо пшеничной; употребление так называемых сухих, приготовленных в порошках виноградных вин или изюма, растертого в порошок, с подбавкою к оному виноградного сока; настаивали также на необходимости ввиду могущей возникнуть к тому потребности совершения Литургии на запасных или Преждеосвященных Дарах, которые нередко древние подвижники-пустынники уносили с собою в пустыни и пещеры, где и причащались оными; для такой намечали и особый чин, несколько отличный от Литургии Преждеосвященных Даров.

→ По возобновлении после краткого перерыва заседания слово вновь взял замещающий Председателя епископ Симон (Шлеев), который сгруппировал все ранее высказанные суждения по вопросу о веществе для таинства Евхаристии: хлебе и вине и указал, что все ранее высказанные чисто практические суждения по вопросу о том, как ныне приобретать установленные канонами вещества для Святого Таинства Евхаристии, вполне приемлемы, едва ли могут быть оспариваемы и Священный Собор должен согласиться с ними, дозволить проведение их в жизнь. По вопросу же о том, как поступать в том случае, когда возможно будет встретиться с фактом полной невозможности приобретения пшеничного хлеба и виноградного вина, Преосвященный заметил, что крайне грустным и тяжелым явлением было бы в данном случае хотя бы и временное прекращение служения Литургии. Практический выход из создавшегося положения замещающий Председателя епископ Симон (Шлеев) указывал, ссылаясь на пример священномученика Ермогена, в возможности разрешения служения Литургии на просфорах, приготовленных из ржаной муки и ягодном вине. Причем высказав такого рода суждения, Преосвященный развил несколько иной взгляд на 3-е и 4-е правила апостолов, чем докладчик профессор И. А. Карабинов: ссылаясь на 33-е правило VI Вселенского Собора, Владыка указывал, что кара 3-го правила налагается на тех, кои вообще не приносят при Таинстве Евхаристии питья, напоминающего собой Кровь Христа и по молитве и благословиению предлагающегося вместе с водой в Пречистую Кровь Спасителя Христа. Мы, православные, говорил епископ Симон (Шлеев), исповедуем во Христе две <природы>: божескую и человеческую, причем полное человечество, состоящее из души и тела, из коего при Распятии истекли кровь и вода. Если мы приносим в Евхаристии одну воду, то мы еретики, заслуживающие кару 3-го правила. Если же в Евхаристии приносим не только воду, но и другую часть питья, означающую собою Кровь Пречистую, то не подлежим осуждению апостольского правила. Что же мы должны приносить вместо виноградного вина, если его не будет? Христос Спаситель, уча о Таинстве Евхаристии, говорил, что Тело Его есть истинное брашно, и Кровь Его есть истинное питье. Да позволено будет мне сказать, и да не поставит мне Господь греха в моем суждении, если я изложу его так: истинное брашно, настоящий, квасной хлеб, из чего бы он ни был приготовлен, и истинное питье, соединенное с брожением, из чего бы ни было приготовлено (из смородины, вишни ли и т. п.) могут изобразить собой Пречистое Тело и Живоносную Кровь Христа Спасителя

и по благословению священнодействующего, по снисхождению к нашей немощи, по тесноте настоящих земных условий и обстоятельств могут преложиться в оные. Православная Церковь чужда материализации Таинств. В других Таинствах (Крещение, Миропомазание, Елеосвящение) по нужде бывает изменение веществ таинств, почему же нельзя в случае крайней необходимости сделать это вышеупомянутое изменение веществ в Евхаристии?

По кратком обмене мнениями было постановлено: а) признать заслуживающими полного одобрения все указываемые в настоящем заседании Отдела практические мероприятия, направляемые к изысканию тех или иных способов для приобретения хлеба и вина для Таинства Евхаристии, и стремиться с разрешения высшей церковной власти проводить их в жизнь там, где обнаружится к тому необходимость; б) иметь продолжение суждения по вопросу о веществе для таинства Евхаристии – хлебе и вине, в одном из следующих заседаний Отдела и просить профессора И.А. Карабинова пополнить к этому заседанию предложенный им доклад наиболее подробными историко-литургическими справками, особенно по вопросу о евхаристическом хлебе, так как последний вопрос, по заявлению самого докладчика, за недостатком времени недостаточно им разработан в предложенном докладе.

Обсуждение этого вопроса было продолжено на последнем заседании Отдела, которое состоялось 27 августа/8 сентября 1918 года. Подробная запись хода дискуссии по этому вопросу в деле отсутствует, поэтому мы здесь ограничимся воспроизведением соответствующего фрагмента протокола¹⁶¹.

После краткого обмена мнениями по сему вопросу, в котором принимали участие иеромонах Афанасий (Сахаров), священник И. А. Артоблевский, протоиерей М. Р. Кудрявцев, А. В. Васильев, Л. К. Артамонов, по голосовании вопроса было постановлено представить на благовоззрение и дальнейшее распоряжение Священного Синода те практические мероприятия, которые были указаны на предшествовавшем заседании Отдела, и доложить Совещанию епископов, что Отдел, со своей стороны, находит возможным в случаях крайней нужды и невозможности достать пшеничной муки и красного виноградного вина, разрешить совершение Таинства Евхаристии: а) на просфорах, изготовленных не только из пшеничной, но и тщательно просеянной ржаной муки; б) на других сортах (как красного, так и белого) сладких виноградных вин; на виноградном соке, изюмном вине (согласно примеру Церкви Абиссинской), а равно и на ягодных соках или винах (вишневом, смородиновом, черничном), и просить Совещание Епископов поставить вопрос о веществе для Евхаристии на обсуждение и издать соответствующее распоряжение.

Совещание Епископов рассмотрело этот доклад 9/22 сентября 1918 года. Приводим выписку из протокола этого заседания¹⁶².

Слушали: <...> Доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* <...> по вопросу «О веществе для Таинства Евхаристии <...>, переданных Соборным Советом по определению Священного Собора <...> от 30 августа (12 сентября) на разрешении Совещания Епископов.

Постановили: доклад Отдела *О богослужении, проповедничестве и храме* <...> передать Высшему Церковному Управлению.

По всей вероятности, уже после прекращения работы Собора на основе этих материалов было подготовлено циркулярное распоряжение Высшего Управления Русской Православной Церкви о том, что по нужде Евхаристия может совершаться «на ржаном хлебе за неимением пшеничного, и на некоторых ягодных соках за отсутствием виноградного вина»¹⁶³. Циркуляр распро-

странялся секретно¹⁶⁴ и вызвал оживленную полемику. Наиболее известным документом этой полемики является четвертое письмо М. А. Новоселова¹⁶⁵.

14. Исправления частных особенностей богослужебной практики

Богослужение с пением *Аллилуиа* в определенные дни Рождественского поста

На 15-м заседании Отдела, которое состоялось 7 ноября 1917 года¹⁶⁶, по предложению Б. А. Тураева был принят следующий доклад¹⁶⁷.

Докладчик: профессор Б. А. Тураев

О восстановлении указаний Церковного Устава, изложенных в главе 9-й и перед 15 числом ноября, относительно совершения богослужения с пением Аллилуиа в определенные дни Рождественского, Успенского и Петровского постов

Тяжкие испытания, переживаемые нашей Родиной, уже не раз побуждали церковную власть призывать православный русский народ на путь поста и покаяния: и Священный Синод, и Освященный Собор дважды назначали за это время особые, нарочитые посты. Теперь эти испытания достигли крайних пределов. Между тем приближается Рождественский пост, «малая Четырдесятница». Современная богослужебная практика наша не отличает этого поста от других обычных дней. Но Устав Церковный выделяет в этом посту, как и в посты святых Апостолов и Успенский, особые дни, «егда поется Аллилуиа», когда общий строй богослужения приближается к службе Великой Четырдесятницы и имеет строго покаянный характер. Это именно те дни, которые не отмечены никаким праздником, до «службы на шесть» включительно. Подробные указания относительно богослужения в эти дни находятся в 9-й главе Типикона и в его части, содержащей месяцеслов, пред 15-м числом ноября. Для возбуждения в народе покаянных чувств в переживаемую неслыханно тяжелую годину было бы целесообразно напомнить обителям, а также тем из соборных и приходских церквей, где богослужение совершается ежедневно, чтобы забытое требование Устава о богослужении с пением *Аллилуиа* было восстановлено как в приближающийся пост Рождества Христова, так и в следующий Петровский и Успенский посты.

По указанным соображениям VII Отдел просит Освященный Собор вынести следующее постановление:

«Для возбуждения в душе народа чувства покаяния в переживаемые дни страшной скорби всенародной предлагается монастырям, соборам и приходским церквам, где совершается ежедневное богослужение, следовать указаниям Устава, изложенным в главе 9-й и пред 15-м числом ноября относительно совершения богослужения с пением *Аллилуиа* в определенные дни Рождественского, Петровского и Успенского постов».

Ввиду скорого наступления Рождественского поста просим провести и принять это постановление в спешном порядке.

10 ноября 1917 года этот доклад был рассмотрен Соборным Советом, который предложил Собору «передать доклад в Священный Синод для надлежащих распоряжений о приведении в исполнение распоряжений Отдела». На другой день 38-е заседание Собора утвердило решение Соборного Совета¹⁶⁸.

Евангельское чтение на вечерне Великой Пятницы

На 25-м заседании обсуждалось письмо, автор которого обращал внимание Собора на то, что евангельское чтение на вечерне Великого Пятка, которое составлено из фрагментов рассказа трех евангелистов, внутренне противоречиво. В этой связи епископ Пахомий (Кедров) полагает, что не стоит доводить этот вопрос до Собора. Достаточно обратиться в Синод, который «даст от себя распоряжение типографским справщикам, что желательно, чтобы была подобная перемена в евангельском чтении Великого Пятка». Отдел решается обратиться с докладом непосредственно к Собору¹⁶⁹.

Приводим текст этого доклада¹⁷⁰.

Докладчик: *епископ Черниговский Пахомий (Кедров)*

Отдел *О богослужении, проповедничестве и храме* в своем заседании 22 февраля (7 марта) с. г. обсуждал вопрос о желательности изменения состава евангельского чтения на вечерне в Великий Пяток в том смысле, чтобы выражение из Евангелия от Матфея в этом составленном из повествований трех евангелистов (Матфея, Луки и Иоанна) зачале: «Тоже же и разбойника распятая с Ним поношаста Ему» (Мф. 27, 44) было или вовсе опущено, или же читалось ранее повествование евангелиста Луки о раскаянии одного из распятых со Христом разбойников (Лк. 28, 39–44). Всю опустить указанный стих Матфеева повествования признано было Отделом неудобным ввиду того, что повествование Евангелиста Матфея (27, 1–61) в рассматриваемом зачале является основным, к коему сделаны добавления из Евангелий от Луки (23, 39–44) между 38-м и 39-м стихами Матфеева повествования и из Евангелия от Иоанна (19, 31–37) между стихами 54-м и 55-м 27 главы <Евангелия от> Матфея. Чтение стиха из Евангелия от Матфея о поношении Господа распятыми с Ним разбойниками прежде повествования Евангелия <от> Луки о раскаянии одного из сих разбойников признано было Отделом вполне возможным и удобным: для этого вставку из Евангелия от Луки (23, 39–44) следует сделать не после 38-го стиха 27-й главы <Евангелия от> Матфея, а после 44-го стиха сей главы, выпустив из этой вставки стих 44-й 28-й <главы> Евангелия <от> Матфея, имеющий теперь следовать непосредственно за вставкой Евангелия от Луки.

Ввиду всего изложенного Отдел постановил просить Священный Собор поручить Священному Синоду сделать распоряжение справщикам Синодальной типографии в будущем при печатании в богослужебных Евангелиях текста зачала Евангелия для вечерни Великого Пятка вставку из Евангелия от Луки (23, 39–44) помещать не после 38-го стиха 27-й главы Евангелия от Матфея, как это делалось доселе, а после 44-го стиха, причем вставку эту сократить на один стих, исключив вовсе из зачала стиха 44-го 23-й главы Евангелия <от> Луки, читающийся так: «Бе же час яко шестый, и тма бысть по всей земли до часа девятого», оставив в нем стих 45-й 27-й <главы> Евангелия от Матфея: «От шестаго же часа тма бысть по всей земли до часа девятого», и весь остальной текст сего зачала без изменения.

Судя по всему, Собором этот доклад не рассматривался, а был передан в Синод¹⁷¹.

Новогодний молебен

На 22-м заседании Отдела, которое состоялось 30 ноября 1917 года, было рассмотрено письмо, подписанное более чем тридцатью членами Собора,

о том, что службу новому лету логичнее служить не первого сентября, а первого января. После обсуждения¹⁷² был подготовлен доклад, текст которого мы публикуем ниже¹⁷³.

Докладчик: священник В. Д. Прилуцкий

Доклад об изменениях чинопоследования новогоднего молебствия

Соборным Советом было направлено в Отдел подписанное более чем 30 членами Собора пожелание о том, чтобы положенная Уставом под 1 сентября служба «начала индикта, сиречь новаго лета» отправлялась 1 января. Обсудив это пожелание, Отдел принял следующие положения:

Привнесение службы «начала индикта, сиречь новаго лета» в богослужение 1 января весьма желательно. Объединение этой службы с положенными на 1 января службами Обрезанию Господню и святителю Василию Великому не представляется удобным с уставной точки зрения. Но означенная служба в значительной своей части может быть объединена с последованием новогоднего молебного пения. В таком случае существующее в русской богослужебной практике молебное пение на Новый год должно быть переработано в чин уставного молебна с каноном и получить такой вид.

Начальный возглас: *Благословено Царство*, по обычных предначинательных молитвах – *Придите, поклонимся* и псалом *Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе*. Великая ектения (с прошениями из существующего чина новогоднего молебствия). *Бог Господь*, гл. 3. Тропарь: *Всея твари Содетелю*. Псалом 50. Канон «новому лету» (из Службы 1 сентября), гл. 1, икос: *Поим вси людие*. Припевы: *Милостиве Господи, услыши молитву раб Своих молящихся Тебе*. По 3-й песни катавасия: *Избави от бед рабы Твоя, Владыко Многомилостиве...*, ектения и седален по 1-й кафизме. По 5-й песни вышеуказанная катавасия, ектения и кондак: *В вышних живый Христе Царю...* (из Службы 1 сентября). Прокимен, гл. 4: *Велий Господь наш и велия крепость Его, и разум Его несть числа*. Стих: *Хвалите Господа, яко благ*, псалом: *Всякое дыхание*. Евангелие <от>Луки, зачало 13. По 9-й песни: *Достойно, Трисвятое* и по *Отче наш* тропарь и кондак индикта. Ектения сугубая (с прошениями из существующего новогоднего молебна), возглас, молитва (из того же молебна) и отпуст: *Иже времена и лета в Своей власти положивый, Христос, Истинный Бог наш...*

Означенное последование молебна на новое лето напечатать полностью в отдельных книжках и затем включать его в январскую Минею, а также в Книгу молебных пений при будущих изданиях этих богослужебных книг.

О совершении новогоднего молебного пения по вышеуказанному чину в настоящем 1918 году сделать циркулярное оповещение через газету «Церковный вестник».

Признать весьма желательным восстановление в практике Большого Успенского собора совершение древнерусского «чина летопродводства», отмененного с уничтожением у нас Патриаршества. А для сего необходимо:

а) приспособить указанный чин летопродводства (печатавшийся в Больших Потребниках) к современным условиям церковной жизни;

б) поручить директору Синодального училища А. Д. Кастальскому разработать песенную часть означенного чина.

Это дело не рассматривалось Собором, а было передано в Синод.

Поминование Восточных Патриархов

На 42-м заседании Отдела, которое состоялось 30 июля/12 августа 1918 года, была рассмотрена записка члена Собора протоиерея Кирилла

Зайц о необходимости поминовения за богослужением Восточных Патриархов. По словам А. В. Васильева, в Русской Церкви служба «состояла в значительной части из поминовений – поминали королеву Виттенбергскую, Нидерландскую, Эллинскую и поминали слишком часто на многих ектениях. Конечно, во всем должна быть мера. Поминать и Патриархов Восточных часто и за многими богослужениями также не следует. Но почему не помянуть один раз, например, на великом входе, – это никого бы не смущало и не утомляло. Восточных Патриархов немного. При таком поминовении их невольно будут знать – как равно и Предстоятелей Церкви Православных Автокефальных. <...> Мы на настоящем Соборе изменили порядок Высшего Церковного Управления. Упразднили Святейший Синод, восстановили Патриаршество. <...> Первым актом старого, упраздненного Святейшего Правительствующего Синода и, нужно прибавить, едва ли не самым нечестивым актом было упразднение поминовения за богослужением Восточных Патриархов. Дело было так. Когда был учрежден Духовный коллегий, президент его Стефан Яворский вошел к Петру с докладом – как помянуть за богослужением новое учреждение. Петр положил свою резолюцию. Угодники Петра и страстные защитники его нововведений <Феофан>¹⁷⁴ Прокопович и Феодосий Яновский, зная ненависть Петра к Патриаршеству, сделали в Коллегии постановление о том, что не следует помянуть за богослужением Восточных Патриархов. Стефан Яворский доказывал, что из резолюции Петра этого не вытекало. Но, конечно, начались клеветы и доносы, так что запрещено было даже и говорить <...> по поводу этого вопроса. Восстановление поминовения Патриархов явилось бы дополнением к восстановлению Патриаршества»¹⁷⁵.

После обсуждения Подотделом был подготовлен следующий доклад, адресованный Соборному Совету¹⁷⁶.

Обсудив на основании поступивших в Отдел заявлений по сему предмету в заседании 30 июля / 12 августа вопрос о поименном поминовении за богослужениями в Российской Православной Церкви Восточных Патриархов, Отдел *постановил*: представить (и представляется) на благоусмотрение и для надлежащего, в случае одобрения, сего постановления распоряжения Соборного Совета следующий выработанный Отделом порядок сего поминовения: 1) за богослужением иерейским опускать означенное поминовение; 2) ввести во всеобщую практику Российской Церкви означенное поминовение за богослужением архиерейским с тем, чтобы оно совершалось самим священнодействующим архиереем и притом не поименно, а лишь в общих выражениях; 3) за богослужением же Патриаршим должно быть совершаемо поименно поминовение Восточных Патриархов и также самим священнодействующим Святейшим Патриархом Российской Церкви.

Этот доклад был, среди прочих, рассмотрен на 169-м заседании Собора (6/19 сентября 1918 года). Собор *постановил*: «ввиду краткости остающегося времени, предложить Собору означенные доклады передать на разрешение Высшего Церковного Управления»¹⁷⁷.

Богослужебные тексты, связанные с устройством церковной и светской власти

Изменение формы государственного и церковного управления, естественно, влекло за собой изменение текстов молитв о России, властях и воинстве. Впервые эта проблема встает сразу после отречения Николая II. Работа была поручена возглавляемой архиепископом Сергием (Страгородским) Комиссии

по исправлению богослужебных книг, на основании выводов которой уже 7–8 марта 1917 года Синод принимает постановление за № 1223 «Об изменении богослужебных чинов и молитвословий» и № 1226 «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения Царствующего Дома,»¹⁷⁸ согласно которому «во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление: «О богохранимей державе Российской и благоверном Временном правительстве ея». Необходимые изменения печатались на отдельных листах, которые вклеивались в старые богослужебные книги.

Новые молитвословия вызвали протест. На заседании Собора 28 марта (10 апреля) 1918 года было оглашено заявление за подписью 34 членов Собора о поручении отделу «О богослужении...» принять меры к введению единообразия в Церкви при возглашении молений о державе Российской, о воинах и проч.»¹⁷⁹ О результатах этой работы Отдел сообщил Соборному Совету¹⁸⁰.

В заседании 6-го сего апреля замещающий председателя Отдела *Преосвященный Пахомий (Кедров), епископ Черниговский*, сообщил Отделу об исполнении Комиссией (в составе епископа Пахомия, профессоров Б. А. Тураева и И. А. Карабинова и иеромонаха Афанасия (Сахарова) возложенного на Отдел поручения Священного Собора при выписке за № 117 «О принятии мер к введению единообразия в церквях при возношении молений о державе Российской и воинстве ея». Заслушав означенные заявления, Отдел, согласно заключению вышеупомянутой Комиссии, *постановил*: представить через Соборный Совет на благоусмотрение и надлежащее распоряжение Священного Синода следующую формулу ектенийных возношений о державе Российской:

а) на великой ектении: «О страждущей державе Российской и о спасении ея Господу помолимся»;

б) на сугубой ектении и на литии: «Еще молимся о страждущей державе Российской и о спасении ея». Поминовения же воинства должны быть опущены.

В том же заседании Отдел имел суждение об изменениях в тропаре Святому Кресту *Спаси, Господи...* и в других местах богослужебных книг, где прежде было поминовение царствующего императора, и *постановил*: признать желательным исправление тропаря Святому Кресту в следующих выражениях: *Победы благоверным людям Твоим на сопротивныя даруя*. Эту же поправку следует возносить везде, где прежде возносилось имя императора, о чем также представить через Соборный Совет на благоусмотрение и надлежащее распоряжение Священного Синода.

Этот доклад был рассмотрен Священным Синодом¹⁸¹.

Последование в Неделю Православия

Другим текстом, исправление которого обуславливалось текущими событиями, был чин Православия. С одной стороны, следовало отказаться от некоторых явно неактуальных текстов. С другой – начало репрессий против Церкви [убийство 25 января (4 февраля) митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) и других] побудило группу из 30 членов Собора выступить с заявлением, в котором содержалась просьба «уделить должное внимание подвигу архипастырей, пастырей и мирян, самоотверженно выступивших по всей России на защиту Христовой Церкви в годину воздвигнутого на нее гонения, и выразить глубокое негодование насильникам над Церковью Христовой, преподать благословение защитникам ее, подтвердить церковное отлучение гонителям Церкви»¹⁸².

На заседании Совещания епископов 26 февраля (11 марта) 1918 года Патриарх предлагает обсудить вопрос о чине Православия. 11-е анафематствование теперь изменяется следующим образом.

Прежний вариант

Помышляющим, яко православнии государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к позождению великаго сего звания в них не изливаются; и тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема

Новый вариант

Глаголющим хульная и ложная на святую веру нашу и Церковь, востающим на святые храмы и обители, посягающим на церковное достояние, поношающим же и убивающим священники Господни и ревнители веры отеческия, анафема

При возглашении *Вечной памяти* («Пострадавшим и убиенным в различных походах за православную веру...») снималось подчеркнутое уточнение, что делало этот текст относящимся и к новомученикам. Многолетия теперь должны петься Патриарху Московскому и всея России, Вселенским Патриархам (поименно), клиру, а также «христианского благочестия ревнителем и защитником Христовы Церкви, и всем православным христианом».

На следующий день, 27 февраля (11 марта), постановление Совещания епископов было оглашено на заседании Собора и принято к сведению¹⁸³.

Требование введения в богослужение молитв о новомучениках содержится в соборном определении «О меропрятиях, вызванных происходящими гонениями на Православную Церковь»:

1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за православную веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках. <...>

3. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминование в день 25 января¹⁸⁴ или в следующий за ним воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников¹⁸⁵.

15. Приложение: доклад профессора И. А. Карабинова <<Правило о поклонах>>

Публикуем доклад И.А. Карабинова <<Правило о поклонах>>, который был прочитан на 28-м заседании Отдела, состоявшемся 8/21 марта 1918 года¹⁸⁶. На основе этого доклада не было подготовлено никакого итогового документа.

Наш Типик в трех местах дает весьма подробные указания, в какие моменты и в каком количестве следует класть поклоны на службах суточного круга, за исключением Литургии: прежде всего эти предписания читаются в 9-й главе Устава – «О еже како подобает знаменати на всяк день, zde же указание о вечерни, и о утрени дней седмичных, и в них же поем *Аллилуиа* и о 1-м часе»; затем они повторяются под 14 ноября в главе о Рождественском посте, а также в отделах о Сырной среде и понедельнике первой седмицы Четырдесятницы. В богослужебной практике данные предписания точно не выполняются не только у нас, хромающих по части уставной строгости, но даже и у тех ревнителей ее, как наши старообрядцы и единоверцы. Причины

такого несоблюдения правил о поклонах разнообразны: одною из них, быть может, служит то, что эти правила имеют в виду ближайшим образом монахов, – для всех мирян они могут казаться несколько обременительными, но не меньшей причиной нарушения данных правил нужно считать и самый текст их, его неясность и недостаточную определенность. Весьма подробно отмечая количество поклонов и моменты богослужения, когда их следует полагать, уставные предписания очень мало говорят о том, как следует поклоны творить. Кроме того, они пользуются в отношении к своему предмету неустойчивой терминологией, различая поклоны великие, малые, метания и просто поклоны и не давая настоящих разъяснений, что под этими словами следует разуметь. Такая неясность предписаний Типика о поклонах повела к тому, что в богослужебной практике уже издавна стало обнаруживаться различное понимание этих предписаний. Припомним, что и первое столкновение у Патриарха Никона с приверженцами старого нашего обряда произошло из-за поклонов: изданной в 1653 году *Памятью* Никон применительно к греческой практике повелевал творить в пост на молитве Ефрема Сирина лишь 4 земных поклона, а остальные 12 – в пояс; его противники (согласно с прежними русскими обычаями) утверждали, что все 16 (17) поклонов должны быть земными. Введенная Патриархом Никоном греческая практика закреплена была впоследствии в особой статье «О поклонах и молитве церковное законоположение», которая внесена в издание нашего правленого Типикона и которая имеет претензию дать компетентное, подкрепленное ссылками на Священное Писание и отцов Церкви, изъяснение уставных предписаний о поклонах. Это законоположение решительно заявляет, что так называемый «великий поклон» есть земной поклон: «елико мощно главою до земли довести», «елико человек может право стоя, и ни мало наклоняся на землю поклонитися, и без некоего прибавления еже инии скамейцы представляют себе, иние же ино что и свою леность сим удобряют, и мнятся с правотрудящимися сравнятся во святых великих поклонах». Под термином же просто «поклон», по разъяснению «Законоположения», Типик называет обычный поясной поклон: «поклон же именуется, елико может человек право стоя поклонитися, не падая коленами, ниже главу преклоняти до земли, и се есть образ легкаго поклона». «Церковное законоположение» своей кажущейся авторитетностью закрепило и, так сказать, санкционировало то неправильное понимание уставных предписаний, которое оно проводит и которое установилось к XVII веку в греческой практике: своим претенциозным заглавием оно и доселе составляет одно из сильнейших препятствий к уразумению подлинного смысла указанных предписаний. Более внимательное чтение Типикона возбуждает большое сомнение в правильности взгляда, проводимого «Законоположением»: всего лишь несколькими строками выше его Типик в заключении отдела о понедельнике первой седмицы Четырнадцатницы говорит: «Се убо яко предписася един день свв. постов, приметно испытываше предложимом любви вашей. Количество пеня, и в нем воображенные от святых отцев поклоны, яже несть лепо презирати ниже великому законоположителю. Количество же деннонощных бывает в церкви поклонов суть 300, кроме полунощницы». Указанную сумму воображенных поклонов нельзя иначе получить, как считая вместе и так называемые великие поклоны, и малые, или легкие, соединяемые обычно с великими, и, наконец, просто поклоны или метания, указываемые Уставом в различные моменты богослужения, – поодиночке ни в одной из трех названных категорий 300 поклонов насчитать нельзя. А если Типик все эти виды поклонов объединяет в одной общей сумме и называет их все безразлично поклонами, возникает сомнение в правильности не только нашего «Церковнаго законоположения о поклонах», но и вообще всех установившихся на

практике пониманий и разъяснений Устава о поклонах. Сомнение это перейдет в полную уверенность, когда для уразумения нашего Типика мы привлечем более древние памятники Церковного Устава. Вместе с тем и смысл уставных предписаний о поклонах представится совершенно иным.

При свете исторических справок в наших традиционных и обычных представлениях об обязательных уставных поклонах оказываются две главнейшие ошибки. Первая из них состоит в том, что эти толкования сильно суживают применение устава о поклонах. В нашем ходячем представлении едва ли не единственным богослужебным временем с особенно широким употреблением поклонов является Святая Четыредесятница. Но, как известно, и для лиц, даже поверхностно знакомых с нашим Типиконном, там одинаковые с Великим постом правила о поклонах положены и для постов Рождественского и святых апостолов, или так называемого Петрова поста: глава о порядке богослужения в Рождественский пост под 14 ноября в значительной мере повторяет предписания Типикона о богослужении Четыредесятницы, а относительно богослужения в Петров пост Типик пишет: «В понедельник по памяти всех святых, аще несть празднуемого святого памяти, поем *Аллилуиа* на глас Октоиха и Троичны гласа, творяще и поклоны по чину Святой Четыредесятницы», прибавляя далее: «и о сем всем зри церковнаго последования, постов же и разрешений в ноемврии (гл. 51)», то есть в уставе о Рождественском посте. По-видимому, великопостный устав о поклонах наш Типик распространяет и на Успенский пост, так как в 15 дней этого поста, кроме Преображения Христова, заповедуется поститься до 9-го часа дня: «понедельник, среды и пяток сухо ясти и творити коленопреклонения, даже до причащения» (гл. 33).

Но кроме перечисленных постных периодов по смыслу 9-й главы Типика признаваемый обычно великопостным устав о поклонах должен распространяться вообще на все дни, когда поется *Аллилуиа*. Правда, заглавие этой главы и богослужебный календарь нашего правленного Типика, с одной стороны, и наша богослужебная практика, с другой – ограничивают пение *Аллилуиа* лишь временем постным, но некоторые признаки даже в нашем Типике указывают, что *Аллилуиа* и поклоны должны употребляться и вне постов. В самой 9-й главе не говорится, что *Аллилуиа* «может петься лишь в постные дни, – напротив, она представляет дело так, что *Аллилуиа* и *Бог Господь* употребляются одинаково равноправно в течение всего богослужебного лета. В 12–13 своих главах наш Типик излагает устав о субботней службе: в первой – при условии, егда поем *Бог Господь*, во второй – «аще прилучится и изволит настоятель в субботу пети *Аллилуиа*». Таким образом, употребление *Аллилуиа* в субботу не ограничивается одним только постным временем и предоставляется даже просто на усмотрение предстоятеля.

Между тем по классификации типов богослужения в нашем Уставе субботнее богослужение, по сравнению с простодневным, представляется более важным, более торжественным, по своему строю занимающим середину между богослужением воскресным и простодневным. Если относительно субботнего богослужения наш Типик сохранил возможность пения *Аллилуиа* в течение всего года, то и ограничение его в употреблении *Аллилуиа* за простодневыми богослужениями лишь постами представляется сомнительным; можно предполагать, что и в будничном богослужении *Аллилуиа* может употребляться круглый год. Справка с уставами даже не особенно большой древности вполне подтверждает это предположение. Если мы возьмем, например, наши старопечатные издания Типика при Патриархе Филарете, то найдем в них, прежде всего, несколько иное надписание главы о простодневном богослужении, соответствующей нашей 9-й. В то время как наш Типик дает в ней устав о богослужении дней

седмичных, «и в них же поем *Аллилуиа*», то есть очевидно, различая просто будничные дни от богослужения с *Аллилуиа*, филаретовский Типик озаглавливает просто: «здесь же о вечерни, и о утрени, днем седмичным, в них же поем *Аллилуиа*», то есть по смыслу этого заглавия, седмичные, то есть будничные, дни и суть именно дни с *Аллилуиа*. Наш Типик, применительно к своему надписанию 9-й главы, в календаре (месяцесловной части Типикона. – *Ред.*) действительно *Аллилуиа* отмечает памяти, приходящиеся на периоды наших основных 4 постов; в прочие числа, правда, он не указывает всюду обязательного пения *Бог Господь*, но зато всегда полагает тропарь, что почти одно и то же.

Между тем в календаре филаретовского издания Типика сохранились ясные следы употребления *Аллилуиа* и вне рамок постов: например, там *Аллилуиа* полагается 23 июля на память святых мучеников Трофима и Феофила и иже с ними. Но в основе Филаретовского издания лежит сравнительно поздняя редакция Устава – XV века, когда употребление *Аллилуиа* за пределами постов стало уже значительно сокращаться. Если мы обратимся к более древним памятникам Устава, то по мере углубления в древность мы чаще и чаще будем встречать в их месяцесловах пометки *Аллилуиа* для чисел и памятей, приходящихся на внепостное время. И в то же время эти древние Уставы не содержат нарочитых ограничений относительно употребления лишь одними постными днями. Таким образом, в старину *Аллилуиа* и связанные с ним поклоны употреблялись гораздо чаще, чем в нашем богослужении: можно даже сказать, что сравнительное употребление *Аллилуиа* и *Бог Господь* в более отдаленное время стояло, по сравнению с нашей практикой, в обратном отношении. Более старые редакции Иерусалимского Устава в монашеском его изложении в сущности знают лишь два вида богослужебных дней: праздничные с *Бог Господь*, или так называемые с тропарем; и будничные – с *Аллилуиа*.

Со стороны порядка и особенностей богослужения последние значительно разнились от первых. Так как во дни с *Аллилуиа* не полагается на вечерне входа в алтарь, то, быть может, применительно к этому в старину в такие дни священнослужители не облачались даже в священные одеяния, а отправляли службу в обычных своих одеждах. *Аллилуиа* непременно соединялось для монахов с обязательным количеством поклонов в храме, за исключением субботного богослужения, а также с физическим трудом в виде монастырских работ или рукоделия во внебогослужебные часы и, наконец, с ограничением в трапезе. Напротив, простая отметка в Типике *Бог Господь* или тропарь влекла за собой и отмену поклонов (они сохранялись лишь для произволяющих в домашнем или келейном правиле) и часто свободу от работ, а по некоторым Типикам, например по Студийскому, – даже уменьшение богослужения в виде отмены или сокращения целых служб – часов и повечерия. Освобождение от обязательных поклонов в храме в старину для монахов было немалой льготой, так как все указываемые Уставом на службе с *Аллилуиа* поклоны были земными. Здесь мы встречаемся со второй ошибкой в нашем традиционном понимании уставных предписаний о поклонах, которое считает земными лишь так называемые великие поклоны (как это проводится в нашем «Церковном законоположении»). <...> Выше было уже отмечено, что даже наш Типик говорит вообще о 300 обязательных поклонах в Четырдесятницу, не разбивая их по способу исполнения ни на какие группы. При тождестве Устава о поклонах в Четырдесятницу с предписаниями об этом для всех богослужебных дней с *Аллилуиа*, очевидно, указанное число распространяется на все такие дни.

Преподобный Никон Черногорец в своих писаниях ясно и решительно свидетельствует, что все эти поклоны должны считаться земными: «и просто по чину», – пишет он в своем Типике, – да бывают коленопреклонения вся, якоже подобно есть, потонку,

и якоже Иерусалимский Типик сказует и яже посреде собраний, реше на *Святый Боже*, на *Приидите*, *поклонимся*, и на прочее тонкочастне: вся же должны есмы до земля творити, по образу святых отец» (Тактикон, Слово 1). И в другом месте: «после перечисления количества поклонов и моментов богослужбных, когда они творятся, – «всегда до земля та сотворяют» (Пандекты, Слово 57). Принятое в нашем Типике исчисление поклонов и распределение их по отдельным моментам служб, кажется, иерусалимское: кроме большой группы поклонов в количестве 15, стоящих в конце каждой службы, большую часть остального количества поклонов это распределение соединяет по 3 с некоторыми наиболее употребляющимися на службах молитвословиями, – *Приидите*, *поклонимся*, *Трисвятым* (за исключением начала утрени и *Трисвятого* на повечерии после *Пресвятой Владычице Богородице*). А с заключением стихословия псалмов и каждым *Аллилуиа* – 3, *Слава Тебе, Боже* (исключение – середина шестопсалмия), затем с тропарем и Богородичным часом, далее с некоторыми особенными песнопениями, например *Достойно есть* по окончании канона, а также вечерни в Четыредесятницу, с припевом *Хвалим, благословим* и великим славословием на утрени, *Сподоби, Господи* и отпустительными тропарями на вечерни (*Богородице Дево, Крестителю...*, *Молите за ны...*), с группой молений на повечерии *Пресвятая Владычице* и, наконец, просто при входе в храм пред каждой службой.

Несколько отличный от иерусалимского счет и распределение поклонов были приняты в Студийском и древнем Святогорском Уставах. По древнейшим памятникам Студийского Типика, количество малых или легких поклонов, сопровождавших великие, было не 15, а 25; затем эта группа поклонов выполнялась с молитвой Ефрема Сирина, а с многократным повторением *Господи, помилуй* (сменявшихся у студитян вариантом *Христе, помилуй*) – в конце каждой службы. Эти старые студийские памятники не указывают обычно подробно распределения поклонов по отдельным моментам службы, а назначают круглые цифры для каждого последования: для часов – по 20, на вечерни – 30, на утрени – 40 и для повечерия – 50. В общем должно составиться для всего суточного круга около 350 поклонов. В Четыредесятницу это количество значительно увеличивалось: на вечерн и часах прибавлялось по 10 поклонов, а на утрени с повечерием число их увеличивалось вдвое против обычного времени, так что общая суточная норма их должна повыситься до 500 (490). Древнейшие Святогорские Уставы также указывают общие цифры поклонов для отдельных служб: суточная норма их несколько ниже студийской, в обычное время она почти равняется иерусалимской, в Четыредесятницу же несколько превышает 400.

Более поздние памятники Студийского и Святогорского Типика дают и подробные расписания поклонов по отдельным моментам служб: в основном они приближаются к иерусалимскому распределению, но в подробностях уклоняются: например, в них не указывается поклонов после Богородичных на часах, на *Хвалим, благословим* и др. <...> Но зато в названных памятниках сохранилось еще много указаний и отметок, что все рассматриваемые нами поклоны должны быть земными: весьма нередко, указывая ту или иную группу поклонов, они прибавляют *великие*. Затем в этих памятниках можно найти немало разъяснений и относительно возбуждающего множества недоумений вопроса, чем различаются так называемые *великие* поклоны от *малых*, или *легких*. Оказывается, это различие состоит не в способе совершения поклонов, т. е. не в телодвижении, а просто в темпе, или в большей или меньшей скорости их выполнения. В студийских памятниках об этом читаем: «По окончании службы говорим *Господи, помилуй, Христе, помилуй* – 20 раз прежде всего 3 поклона все равночинно, следуя за предстоятелем, причем немного задерживаемся при падении ниц и затем,

поднявшись, воздвигаем руки к Богу. А потом творим и другие 12 поклонов, как скоро каждый может» (другими словами, опять следуя предстоятелю).

Другой памятник описывает поклоны подробнее: «По молитве *Иже на всякое время...* творим обычные коленопреклонения: могущие – прямо на голом полу, а немощные – на <...> низенькие подставки или подстилки. Из этих поклонов три совершаются медленнее настолько, чтобы на них, стоя с распростертыми руками, можно было произнести трижды – *Боже, милостив буди мне, грешному*, а затем при преклонении колен и головы до земли: *Созреших Тебе, Господи, прости ми* – также трижды. Остальные 12 поклонов совершаются быстрее, так, чтобы на каждом поклоне и стоянии произносить приведенные молитвенные слова однажды, но тем не менее следует исполнять эти поклоны наравне и с подобающим благочинием: не так, чтобы одни упреждали, а другие отставали, но пользуясь в качестве общего руководителя еклисиархом или чередным священником, которые стоят вблизи алтарной преграды и указывают порядок»¹⁸⁷.

В иерусалимской практике для трех великих, или, точнее, медленных, поклонов принята одна более продолжительная сравнительно с упоминаемыми выше молитвами святого Ефрема, причем старейшие памятники Иерусалимского Устава, по-видимому, предписывают, чтобы не с разделением на три части, а полностью при каждом отдельном поклоне, то есть всего три раза в начале поклонов и затем еще раз на заключительном из 12-ти, или по общему счету, на 15-м поклоне. Как видно из приведенного выше отрывка, иные 12, или так называемые малые (легкие) поклоны, совершались не особенно быстро, если за каждым из них можно было прочесть две кратких покаянных молитвы: за это время сравнительно нетрудно по иерусалимскому обычаю прочесть на 15-м поклоне полностью молитву святого Ефрема.

И древнерусская, и позднейшая греческая практика¹⁸⁸, отклонились от старинного правила о поклонах. Уклонение первой состоит главным образом в исчислении поклонов. Еще филаретовские издания Типика указывают общую сумму их правильно, но несколько более поздние издания (например, иоасафовское 1641 года – оригинал единоверческого издания), вероятно, вслед за установившейся практикой вместо 15 указывают 17 поклонов, заявляя: «А еже написано 15 поклонов, и то написано от неведения» (л. 260 об.). Увеличение произошло вследствие того, что к основным 15, прежде всего, присоединен был земной поклон, творимый на предшествующей молитве святого Ефрема – *Честнейшую*, а затем первоначальное предписание о чтении *Господи и Владыко* целиком на 15-м поклоне разъяснили в смысле необходимости класть при этом особый 13-й, сверх 12-ти, поклон; таким образом и получилось 17 поклонов. Но тот же иоасафовский Устав в отдельных местах сбивается в нумерации и счете поклонов: в одних местах он говорит о трех великих поклонах, в других – о четырех; «иных» поклонов он также указывает то 12, то 13. Но, внося ошибку в счет поклонов, старая русская практика сохранила правильное их исполнение. Поздняя греческая практика погрешила и в том, и в другом: она тоже прибавила один лишний заключительный поклон, а затем обратила 12 «иных» поклонов из земных в поясные.

Текст предписаний о великих поклонах в нашем Типике содержит несколько искажений, перенесенных в него из старопечатных и совершенно извращающих смысл: «творим, – читаем там (понедельник 1 седмицы, утренняя), – и прочих 12, излегка, утомления ради». <...> Подлинный смысл данного места почти совершенно противоположен тому, который дается нашим Типиком и который действительно представляет материал и повод считать 12 «иных» поклонов легкими, малыми, поясными, назначенными для отдохновения от предшествующих земных поклонов.

Наряду с неисправностью нашего Типика в предписаниях о поклонах следует отметить и другую его неисправность – относительно коленопреклонений на Преждеосвященной Литургии. Об этом Типик повелевает: «Чтец: *Да исправится молитва моя*. Тогда правого и левого лика и предстоящий народ обе страны во всей церкви стоят на коленях, дондеже пропоют», и далее опять несколько раз повторяется «стоят на коленях». Любопытно, что современные греки, не сохранившие великих поклонов, на *Да исправится* Преждеосвященной Литургии не стоят на коленях, но кладут земные поклоны. Хотя даже новопечатные греческие Триоды об этом заповедают: «Когда доместик поет, мы молясь лежим (на коленях)», то есть как раз то, что соблюдается нашими старообрядцами и единоверцами. Наш Типик в данном случае содержит не просто ошибочный перевод, а по-видимому, совершенно сознательную и намеренную поправку, перенесенную в него из никоновской правленной Триоды 1656 года, служившей для него источником, а в никоновскую Триодь эта поправка, нужно думать, попала, в свою очередь, из киевской правленной Триоды, служившей для никоновского издания источником славянского текста. Совершенно так же, как и на Преждеосвященной Литургии, следует творить коленопреклонение и на вечерне Пятидесятницы: о нем современный наш Типик говорит просто – «нам же преклоншым колена и непокровенным сущим». Старые Типики, кроме того, отмечают, что иерей читает молитвы «преклонив главу»¹⁸⁹, а Студийский Типик Патриарха Алексия решительно пишет: «На слусе всем из алтаря, всем на колену лежащим», то есть как читаются эти молитвы (15) и доселе у старообрядцев и единоверцев.

Из сказанного ясно, что в настоящее время устав об обязательных поклонах на церковном богослужении в точности не выполняется ни у нас, ни у старообрядцев, но у последних он хранится все-таки значительно лучше, чем у нас. Требовать ныне полного и точного соблюдения этого устава в первоначальном его смысле и значении для всех верующих без исключения невозможно: во-первых, практически эта невозможность доказывается многовековым богослужебным опытом, свидетельствующим о давнишних и постоянных попытках ослабить строгость предписаний данного устава даже в монашеском быту. Несомненно, такие попытки будут продолжаться и в будущем, если устав будет возобновлен. Во-вторых, – и это самое главное – устав о поклонах есть законоположение из области монашеской дисциплины, неудобноносимое для мирян.

Миряне в древности в данном <отношении> подчинялись Уставу: они обязаны были на повседневном и постном богослужении творить не столько земные поклоны, сколько коленопреклонения, какие понимаются нашим Уставом при пении *Да исправится...* и на вечерне Пятидесятницы; такие коленопреклонения совершались мирянами на ектениях и сопровождающих их молитвах. Вот почему в древних рукописях греческих в некоторых службах тексты ектений имеют прибавку – «преклонше колена». Конечно, в общем счете за круглосуточное богослужение подобные коленопреклонения составят немалый труд и подвиг, но все-таки, думается, более легкий и выполнимый, чем 300 земных поклонов. Ввиду всего этого и распространять устав о поклонах в полном его виде на всех мирян можно только в виде пожелания, совета, но отнюдь не принуждения.

ГЛАВА VI. ПРОБЛЕМЫ КАНОНИЗАЦИИ

Осуществленное при Патриархе Никоне исправление богослужебных книг привело к резкому сокращению числа праздников, посвященных русским святым. Потребность в восстановлении почитания русских святых особенно остро стала ощущаться в конце XIX – начале XX веков. Характерно, что из 10 общецерковных канонизаций, осуществленных между 1721 и 1917 годами, пять приходится на царствование Николая II¹⁹⁰. Эта тема проникает в церковную печать. Так, созданная епископом Привислинским Иеронимом (Экземплярским) Комиссия по разработке вопросов, подлежащих обсуждению Поместного Собора, полагала, «что празднование памяти русских святых угодников повсеместно весьма назидательно и благотворно для оживления самосознания народа русского, следовало бы издать распоряжение, чтобы по всем церквам праздновали памяти русских святых в те числа, в которые они положены по *Верному месяцеслову русских святых*, изданному Святейшим Синодом в 1904 году»¹⁹¹.

1. Доклад профессора М. Н. Скабаллановича на Предсоборном Совете «О национализации богослужебного Месяцеслова»

Вопрос о русских памятях встает и во время работы Предсоборного Совета. Приведем прежде не публиковавшийся доклад М. Н. Скабаллановича, посвященный этой проблеме¹⁹².

Богослужебный Месяцеслов Православной Церкви упрекают иногда в национально-греческой окраске, разумея под этим то, что он дает службы преимущественно греческим святым. Упрек этот не совсем справедлив: наряду с греческими святыми по нашему Уставу положены службы важнейшим святым всех национальностей всего мира: римским (даже таким поздним, как преподобный Бенедикт), сирийским, армянским, персидским, грузинским, скифским, славянским, индийским и т. д. Только доля правды есть в этом упреке. Например, странно не видеть службы таким святым, как священномученик Киприан Карфагенский, святые Иларий и Ириней Лионский. Создаваясь и окончательно формируясь в Греции, богослужебный Месяцеслов, естественно, должен был хотя бы в малой степени получить туземную <греческую> окраску.

Дело Русской Церкви, принявшей его, было умерить эту окраску и сообщить Месяцеслову свой колорит. Это и не могло не случиться, раз Русская Церковь имела столько своих святых. Они и вносились, и продолжают вноситься в Месяцеслов. Но как они вносятся? Кто заглядывал в Типикон и Минеи, тот не мог не болеть душою о том печальном положении, в котором там находятся русские святые. Многим из них положены там службы и даже <...> службы праздничного, бденного строя. Но эти службы помещаются после служб древним святым, очевидно, только в качестве местных служб «идеже храм или мощи святаго». На практике действительно эти службы совершенно не поются, за исключением некоторых наиболее чтимых святых, например, Преподобного Сергия Радонежского, «святого благоверного князя» Александра Невского. Но выбор таких святых предоставляется усмотрению (произволу) каждого причта. При этом раз поется служба русскому святому, то уж непременно в полиелейном строе, и служба древнему святому совсем устраняется или (в монастырях) переносится на повечерие.

Но это уже крайность. Полиелейев в Уставе и так очень размножилось (только во второй половине XVIII века службы каждому из 12 апостолов переделаны нашим Уставом из великославословных в полиелейные). Нехорошо и опускать службы древним святым или переносить их на повечерие.

Ввиду этого настоятельно необходимо соединить службы русским святым со службами древним святым, не нарушая будничного строя службы, и так и печатать в будущих изданиях Минеи и Типикона. Так и сделано уже, но только со службою святой равноапостольной Ольге после юбилейного празднования, святому <равноапостольному князю> Владимиру (коему вполне справедливо введена бденная служба с перенесением службы мученикам Кирику и Иулитте на 14 июля, но не на повечерие). При этом службы некоторым русским святым придется еще составить (например, преподобным Сергию и Герману Валаамским), а многие исправить в музыкальном отношении (светильны, стихиры и седальны положить на подобны, метрически уравнивать тропари канонов с ирмосами).

Так будет достигнута национализация богослужебного Месяцеслова Православной Русской Церкви.

2. Патриарх Тихон о местных канонизациях

Первоначально работы Собора в этом направлении должны были идти по схеме канонизаций конца XIX – начале XX веков. Отдел готовил материалы к прославлению <святителя> Софрония Иркутского¹⁹³. На 18-м заседании (16 ноября 1917 года) была образована Комиссия по прославлению новых угодников. Результатом работы этой Комиссии стал подготовленный Отделом доклад о прославлении святителя Иркутского Софрония. По поводу этого доклада Патриарх Тихон писал¹⁹⁴.

«Отделом о Богослужении внесен доклад о прославлении святителя Иркутского Софрония.

Присоединяясь к такому постановлению Отдела, я бы полагал, не следует ли при этом восстановить прежний, досинодальный порядок, когда иные из святых признавались общецерковными всероссийскими, а другие – лишь местными¹⁹⁵. Конечно, и эти последние суть настоящие святые, но только меньшие по сравнению с первыми: тем празднуется по всей Церкви, а этим лишь в некоторых местах. При таком порядке, во-первых, не было бы места пререканиям (кои иногда слышались за последние годы) на то, что Церковь прославляет святых мало известных всей России; во-вторых, не задерживало бы сим последним обстоятельством прославления тех довольно многих праведных мужей, кои в известных местах давно уже почитаются.

Право местной канонизации в древности принадлежало епархиальным архиереям с благословения Всероссийских Митрополитов или Патриархов, а для общего прославления требовалось постановление Собора».

*Патриарх Тихон
12/25 февраля 1918 г. Москва*

Это письмо было зачитано на 25-м заседании Отдела, которое состоялось 9/22 февраля 1918 года. В качестве введения в тему епископ Смоленский Феодосий (Феодосиев) прочитал реферат по книге Е. Е. Голубинского. Приводить здесь это выступление нет необходимости. После краткого обсуждения Отдел постановил: поставить на обсуждение Отдела вопрос об установлении на будущее

время порядка канонизации святых угодников для местного их почитания и вопрос о порядке почитания общецерковных святых¹⁹⁶.

Более подробно этот вопрос обсуждался Отделом на 30-м заседании, которое состоялось 2/15 марта 1918 года. Основой стал доклад профессора И. М. Покровского, текст которого мы приводим полностью¹⁹⁷.

3. Доклад профессора И. М. Покровского «О местночтимых святых»

1. Прославление святых в Восточной Греческой Церкви

Православная Церковь имеет великий сонм угодников Божиих. Она верует в силу ходатайства их пред Богом за грешный мир. Эта вера побуждает христиан обращаться к ним с горячими молитвами и просьбами о скором заступлении. Молитвенное общение со святыми служит продолжением того общения, которое создавалось между обществом и угодниками Божиими при их жизни. Так было в первенствующей Церкви, так остается и в настоящее время в Православной Церкви. Вселенская Православная Церковь первых веков причла к лику святых честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим Богородицу Матерь Божию, Заступницу рода христианского, святого Предтечу Иоанна Крестителя, святых апостолов, мучеников и других из сонма новозаветных молитвенников за род человеческий. Ветхозаветные угодники и святые мужи – праотцы, патриархи, пророки – также вошли в сонм святых Православной Церкви, который постепенно увеличился причтением к лику святых иерархов, преподобных отцов и учителей Церкви, православных царей и цариц и подвижников. Поименованные святые почитаются во всей Православной Церкви. Их принято именовать общецерковными святыми, то есть прославляемыми и почитаемыми во всех Православных Церквях. В то же время каждая Поместная Церковь имела и имеет своих угодников Божиих, которых в разное время причислила к лику святых как мучеников за веру, или как прославленных от Бога знаменами и чудесами, или как известных благочестивою жизнью. В отношении общецерковных святых, иными словами – в отношении святых древнегреческой Церкви, святые Поместных Церквей являются местными святыми. Они прославлены для почитания одной Церкви, например, Русской, Сербской, Черногорской и других Православных Поместных Церквей. Но и в каждой отдельной Церкви святые были и могут быть общепочитаемыми и местночтимыми. Первые почитаются во всей Поместной Церкви, вторые – в отдельных ее частях, областях, епархиях и местностях, в отдельных городах, монастырях и храмах. Таким образом, общепочитаемый святой Поместной Церкви является местночтимым во Вселенской Православной Церкви. Следовательно, понятие *местночтимый святой* – понятие относительное. И оно не должно умалять достоинства угодников Божиих, чтимых местно. Местное почитание святых на первых порах всюду преобладало над общецерковным. Оно особо может быть отмечено в Русской Церкви, которая всех святых сначала прославляла только к местному почитанию. Впрочем в древневосточной Церкви первоначально также преобладало местное почитание святых. Святые апостолы сначала были прославлены теми Церквями, основателями которых они были. То же нужно сказать о мучениках, прославленных прежде всего на местах мучения. Преобладание местного почитания святых над общецерковным объясняется тем, что начальное почитание святых было не только местным, но возникало в народе и было не церковным. Тела мучеников тотчас после мучений брались родственниками

и близкими из амфитеатров и с мест мучений, их даже покупали за деньги, затем погребали. Гробницы мучеников украшались зеленью, над ними зажигались лампы и таким образом начиналось подготовительное местное народное почитание мучеников с пением панихид. То же нужно сказать о почитании угодников Божиих. Почитание их в Древней Церкви было первоначально народным, оно начиналось тотчас по кончине праведников. Верующие в святость усопшего подвижника толпами шли на его могилу, чтобы здесь просить его ходатайства и помощи. Такое почитание, естественно, происходило на местах блаженной кончины угодников Божиих и создавалось верующей массой. Народное почитание готовило церковное почитание.

Но так как прославление угодников и причтение их к лику святых, а также призывание их в молитвах относится к догматам веры, то прославление святого в подлинном смысле этого слова не могло быть усвоено народу, хотя бы народное почитание святого выражалось церковным образом в служении панихид, молитве и т. д. Мирянам и ближним принадлежал почин в прославлении того или другого святого, но причтение его к лику святых принадлежало церковной власти. Оно – дело Церкви и высших ее представителей на земле.

Бесспорно, что народное почитание святого не было надежным и требовало проверки. Религиозно настроенные массы, уважая жизнь святого, нередко действовали по влечению сердца. В таких случаях естественные явления легко принять за чудеса и, более того, признать за святого такое лицо, которое таковым признано быть не может.

Право причтения к лику святых как в Восточной, так и в Западной Церкви до половины XII века принадлежало епископам тех Церквей, к которым святые и мученики принадлежали. Каждый епископ в своей Церкви или епархии мог устанавливать церковное празднование в честь того или другого святого или мученика. Но празднование ограничивалось только одной епархией и не простиралось на другие. Впрочем, добровольно и необязательно святые одной епархии чествовались и праздновались в других епархиях. Но это зависело не от епископов, а от славы самого святого и помощи его притекающим с молитвами к нему.

В Западной Церкви по отделении ее от Восточной скоро усилилась централизация церковной власти, поэтому уже при Папе Александре III (1159–1181) такое великое дело, как прославление святых, перешло исключительно к папам.

В Восточной Церкви не существовало такого сосредоточения духовной власти, какое видим в Западной Церкви в лице папы; поэтому право причисления к лику святых здесь и после XII века осталось за епископами и местными церковными властями. Епископы <проверяли>¹⁹⁸ мученические акты. Только после этой проверки акты получали богослужебное значение. Ввиду важности мученических актов для прославления святых такие меры предосторожности были необходимы для того, чтобы недостойные не попали в святые. В греческой Церкви от местного епископа зависело не только церковное прославление святого с внесением в Диптих, но также и исключение из Диптиха лица, неосмотрительно почитаемого как святого. Каждый епископ в своей епархии мог устанавливать празднование местнотимому угоднику Божию. Но такой праздник в честь того или другого мученика за Христову веру или святого праздновался только в одной епархии.

Местная церковная власть в лице епископа, устанавливая церковное празднование святому с внесением его в сонм местнотимых святых, чаще всего только подтверждала народное почитание святого. Церковное празднование местному святому на первых порах выражалось в установлении епископом местной Церкви воспоминания дня кончины святого. Такое празднование обычно называлось днем памяти

святого. День смерти считался блаженнейшим как день перехода в новую жизнь, он даже назвался *dies notolis*¹⁹⁹. В день памяти святого при установлении празднования обыкновенно совершалась Евхаристия.

Местом празднования и совершения Евхаристии были могилы и гробницы святых, строились храмы в честь них. При установлении церковного празднования святому писалась его икона с нимбом и выставлялись мощи святого для поклонения, если таковые сохранились.

Установление церковного празднования требовало составления жития и канона святому, которые могли бы читаться и петься в церкви в день празднования. С этой целью почитатели святого еще до его церковного прославления записывали все относящееся к страданиям мучеников и покупали записи у нотариев. Это и были так называемые мученические акты. Что касается подвижников, то для составления их житий в целях прославления записывали все касающееся их благочестивой жизни и относящееся до их блаженной кончины. В этих записях заключался материал не только для составления жития и богослужебных синаксарей, но также для канонов и молитв святому.

Все это было необходимо для прославления местночтимого святого, также как внесения его в диптих местной Церкви. Внесение в диптих и составление богослужения и совершения самого богослужения с Евхаристией было окончательным актом причисления угодника Божия к сонму святых.

Все Церкви имели свои диптихи святых, читаемые при богослужении. Эти диптихи получили название календарей и месяцесловов. Например, Церковь Эфиопская имела свои диптихи. То же можно сказать про отдельные епархии, не только отстоящие далеко друг от друга, но и про соседние. Даже такие маленькие соседние епархии, как Газская и Маюмская, делали особые собрания в память мучеников и своих святых и, конечно, имели особые диптихи, по которым за богослужением поминались местночтимые святые. диптихи до IX века существовали рядом с календарями. диптихи представляли собой каталоги или реестры святых той или другой местной Церкви. В то время как в календари или Месяцесловы вносились только более чтимые святые и самое внесение их в календари служило выражением общецерковного прославления, главным условием причтения к лику святых было проявление ими дара чудотворений. Со второй четверти XI века это требование дара чудотворения в греческой Церкви стало прилагаться даже к патриархам и епископам, чтобы причислить их к лику святых. До этого времени очень немногие из лика святителей чтились всей Церковью. В XI веке все местночтимые святители стали причисляться к общецерковным святым, но зато требовалось проявление ими дара чудес. Нетления мощей было недостаточно. Недостаточно было также народного почитания угодника Божия... Те же требования предъявлялись при прославлении царей и цариц с причтением их к лику святых.

2. Прославление святых в Русской Церкви

Прославление угодников Божиих и причтении их к лику святых в Русской Церкви совершалось по примеру греческой Церкви. В истории прославления русских святых различаются два главных периода: первый, древнейший, – с XI века до Макарьевских Соборов 1547 и 1549 годов; второй период – со времени Макарьевских Соборов.

Прославление русских святых в первый период носило, главным образом, местный характер и так же точно, как в греческой Церкви, начиналось с народного почитания угодников Божиих. В этом отношении Русская Церковь, как замечено раньше, даже преуспевала пред греческой и другими Церквями.

Русские подвижники не были такими аскетами, как восточные отшельники. При жизни они поддерживали тесную связь с миром; все окрестные жители знали своих подвижников, их мудрость и авторитет имели силу в глазах местной власти и всего населения ближайших городов и селений. Кончиной угодника не порывалась эта связь. Угодники Божии и подвижники являлись покровителями своей местности и всех сельников ее. Отсюда естественно, что почитание подвижника начиналось тотчас после его кончины. Особенно это нужно сказать об основателях монастырей, отчасти об иерархах.

В русских монастырях тотчас по кончине их основателей создавались сказания и передавались друг другу. Почитание, начавшееся в монастыре среди братии и богомольцев, скоро выходило за пределы монастырей. Почитатели подвижника шли в монастырь, служили там панихиду. Над могилой угодника, особенно погребенного под храмом, ставилась рака, покрытая покровом, над ней устраивалась лампада; иногда над ракой помещалось изображение подвижника и пред ней зажигалась неугасимая лампада. Так начиналось народное почитание святого. По молитвам верующих в святость почитаемого угодника при гробе начинали проявляться чудеса. Панихида заменялась молебном. Народное чествование принимало, таким образом, характер церковного. Местное народное почитание и проявление чудес служили побуждением для обитателей монастырей или почитателей угодников Божиих обработать отрывочные сказания о благочестивой жизни подвижника в житие с исчислением чудес. Одновременно с обработкой жития составлялись тропари, кондаки, стихиры и каноны. Словом, составлялась церковная служба святому и его житие. Все это было ясным признаком, что местное народное почитание святого переходило в церковное, и таким образом подготовлялось прославление святого местной церковной властью с причтением его к лику местночтимых святых.

Переход народного почитания святого в местное церковное почитание было самым обычным явлением в древнем периоде истории прославления русских святых. Почти все наши святые первого периода долго чтились местно – только в том монастыре или городе и вообще местности, где они жили, подвизались и где покоились их мощи. Даже такие святые, как преподобный Феодосий Печерский, святитель Алексий, митрополит Московский, Преподобный Сергей Радонежский, преподобный Кирилл Белозерский – не сразу сделались общецерковными русскими святыми, некоторое время им праздновалось местно. Местное почитание преподобного Варлаама Хутынского, Никиты Переяславского, благоверного князя Михаила Черниговского продолжалось целые столетия.

Число общерусских святых вплоть до XVI века не превосходило десяти.

Рассматривая историю прославления русских местных святых, можно видеть, что прославление их для местного почитания принадлежало местному епископу. По благословению последнего устанавливалось церковное празднование, составлялось житие и церковная служба, то есть тропарь, кондак, канон и т. д. Все это необходимо было для самого прославления святого. Иоанн, епископ Ростовский, установил празднование святителю Леонтию, епископу Ростовскому. Тем же порядком местными епископами были причтены к лику местных святых второй Ростовский епископ Исаия, преподобный Стефан Пермский, преподобный Савва Вишерский, преподобный Антоний Печерский, благоверный князь Михаил Черниговский и другие.

Бывали случаи, что в прославлении святого для местного почитания принимал участие князь. Так было при прославлении преподобного Феодосия Печерского. По просьбе игумена Феогноста князь Святополк в 1108 году вписал преподобного Феодосия в Синодик. Это не было особенностью в истории канонизации местных русских

святых. В греческой Церкви цари также имели влияние на прославление святых. Однако это было скорее исключением в Греции и у нас. Право причтения к лику местночтимых святых и установления празднования принадлежало местному епископу. Бывали случаи, что жития и службы составлялись еще до прославления святого, например житие преподобного Иосифа Волоцкого было составлено ранее его прославления. Тогда на обязанности местного епископа лежало проверить житие и самую службу, составление которых должно предварительно быть разрешено епархиальным архиереем. Особенное внимание обращалось на чудеса в житиях святых: чудеса требовали серьезной проверки. Дело в том, что долго не было определенных правил, которыми руководствовались при прославлении местных святых. Так, при прославлении митрополита Петра Московского были записаны чудеса, о которых было сообщено всенародно в храме. При открытии мощей Ярославских чудотворцев впервые встречаются сведения об освидетельствовании мощей; при прославлении митрополита Московского Алексия имела место проверка высшей церковной властью житий и канонов. Подобное разнообразие объясняется тем, что правила, которыми следовало руководствоваться при прославлении святых, <отсутствовали>²⁰⁰. Но главным правилом, в конце концов принятым Русской Церковью при прославлении святых, <было> то, чтобы останки или мощи их прославлялись чудотворениями. Эти чудеса могли проявляться не только при мощах, а при могилах или даже в иных местах.

В Древней Руси при прославлении святых главным правилом было требование: «Да сотворят три чуда: глух да прослышит, нем проглаголет, слеп да прозрит и аще сотворят чудеса, то от Бога и от святых апостолов, аще ли не сотворят тех чудес, то не примите их».

; В Русской Церкви требование чудес было самым главным и самым древним правилом при прославлении святых. Поэтому на чудеса при прославлении святых обращалось особенное внимание. Если же иметь в виду, что для прославления святого требовалось непременно три чуда известного рода, то здесь и проверка чудес являлась настоятельной необходимостью. Святой равноапостольный князь Владимир, креститель Руси, долго не был прославлен, потому что от него не творились чудеса. Равным образом обретенные мощи только тогда почитались останками святого, когда от них и при них проявлялись чудеса. Что касается самих мощей святых угодников, то нетление их сравнительно недавно стало считаться необходимым условием прославления местных святых. В древнейший период для прославления святого нетление мощей было необязательным. Митрополит Московский Петр, преподобный Кирилл Белозерский, преподобный Варлаам Хутынский были причтены к лику святых задолго до открытия их мощей, другие, например святитель Игнатий Ростовский, Преподобный Сергей Радонежский, святитель Алексий, митрополит Московский, святой князь Феодор Ярославский и чада его Давид и Константин были прославлены уже после обретения мощей. Освидетельствования мощей до прославления святых у нас почти не было.

Исключительным случаем является свидетельствование мощей Ярославских чудотворцев. Проверка или обыски (розыски) чудес при прославлении святых считались необходимыми и после Макарьевских Соборов. В связи с проверкой чудес стояло рассмотрение высшей властью (митрополитом и соборами) самих житий и служб, если они были написаны до прославления святого. Разногласие житий с летописными сказаниями или с повествованиями современников служило если не полным препятствием к прославлению святого, то задержкой для прославления.

Точно и документально установить порядок прославления русских святых к местному и общецерковному почитанию не только за древний, но и за новый период не

представляется возможности. Актов о причтении угодников Божиих к лику местночтимых русских святых не встречается за древний период. Встречаются только случайные заметки в летописях и житиях. Только в самое позднейшее время стали составляться такие акты с описанием прославления святых. Таковы акты 1831 года по случаю открытия мощей и прославления святителя Митрофана Воронежского и 1861 года по случаю прославления святителя Тихона Задонского. Из древнейшего периода известен акт прославления святителя Петра, митрополита Московского (1339). Из этого акта видно, что при его прославлении читались в храме записанные чудеса, и прославление его было утверждено даже Константинопольским Патриархом. Этот случай сношения с Вселенским Патриархом при прославлении святителя Петра является исключительным. Известно, что не только при прославлении местных святых, но при прославлении их к общерусскому почитанию сношений с Константинопольским Патриархом не было.

Не имея документальных сведений о порядке прославления местных русских святых, все же можно наметить некоторый порядок в прославлении святых за древний период. Дело можно представить так, как это отчасти уже представлено.

Умирает подвижник, известный святой жизнью. Почитатели идут на его могилу, молятся здесь и т. д. Спустя некоторое время составляется житие святого и служба ему, чаще всего теми еще почитателями, особенно в монастырях; писались даже иконы... Почитатели угодника Божия возбуждали ходатайство о церковном прославлении святого. Часто эта мысль принадлежала местной церковной власти в лице епископа. Церковное почитание непосредственно примыкало к народному. С установлением церковного почитания, обусловливаемого впоследствии проверкой житий, чудес и составленной службой, начиналась постройка храмов в честь святого. Святой вносился в местный диптих, затем в святцы, где имя его ставилось под днем установленного святому празднования. Прославление святого к местному церковному празднованию всецело зависело от епархиального архиерея.

Но были случаи, что местная церковная власть не знала о прославлении местного святого. Например, в 1458 году помимо ее был даже церковно прославлен блаженный Прокопий Устюжский, или в 1539 году – благоверный князь Андрей Смоленский²⁰¹. Но такое церковное прославление нельзя назвать вполне церковным, его скорее следует назвать народным прославлением.

Развитию местного прославления святых в Русской Церкви много способствовало разделение Русского государства на уделы. Удельный период весьма заметно сказался на обособленности и разобщенности народных масс в церковном отношении. Известно, что чужие святые не только не признавались в отдельных уделах или епархиях, но даже презирались. Объединение уделов в одно государство, законченное при царе Иоанне Грозном, способствовало тому, что и прославление святых начало принимать общецерковный характер. Это падает на Соборы 1547 и 1549 годов. Поэтому неудивительно, что до этих соборов общепрославленных и общепочитаемых святых было не более десяти. В истории прославления русских святых, как замечено выше, довольно резко отличаются два периода: первый период с XI века до половины XVII века, отличающийся характером местного прославления святых, причем право церковного прославления святого принадлежало местному епископу; и второй период – со времени Макарьевских Соборов 1541 и 1549 годов. В этом периоде прославление русских святых принимает более однообразный характер, и многие святые прославлены к общецерковному почитанию, при этом право прославления, или причтения к лику святых, переходит к митрополиту с соборами и затем к Патриарху и

вообще к высшей церковной власти в Русской Церкви. Порядок и правила, установленные Макарьевскими Соборами, действовали до Святейшего Синода, когда строже стали относиться к прославлению святых в Русской Церкви. Ведь за Синодальный период в XVIII веке был прославлен только один святой – святитель Димитрий Ростовский, в XIX веке – не больше пяти лиц, и только в XX веке участились случаи прославления святых в Русской Церкви к общецерковному почитанию, начиная с прославления преподобного Серафима Саровского.

Между тем как в ранний период, так и после до настоящего времени местно почитаются святыми угодниками Божиими много лиц во всех без исключения епархиях, но не прославленных Церковью.

4. Обсуждение доклада профессора И. М. Покровского «О местночтимых святых»

Завершив доклад, И. М. Покровский обратился к членам Отдела со следующими словами²⁰²: «Местное почитание святых – исконное историческое явление. В последнее время в истории Русской Церкви его не было. Это объясняется течением русской исторической жизни, наступившей после императора Петра Великого. За целое столетие непосредственно после императора Петра Великого прославлен был Церковью только один святой. Немного более прославлено святых в XIX столетии. Если так ослабло в истории Русской Церкви прославление святых вообще, то прославление их местное и совсем заглохло. Ввиду тяжких современных обстоятельств русской жизни возврат к прошлому порядку прославления местночтимых святых является делом святым. Но делать это необходимо с большою осторожностью. Вопрос в том, какие угодники Божии должны быть причислены к местночтимым святым, – вопрос очень сложный. В каждой епархии есть угодники, относительно которых многие православные христиане пожелали бы, чтобы они были прославлены. И следует Церкви идти навстречу этому благочестивому желанию, но делать это нужно, повторяю, осторожно.

В прошлой истории прославления святых нашей Церковью бывали примеры, когда Церковь уже прославленных святых исключала из лика святых. Я не буду говорить о недавнем восстановлении прославления Анны Кашинской, бывали другие подобные примеры. И вот чтобы таких случаев не было, поскольку они могут ослаблять религиозное рвение верующей массы, дискредитировать права церковной власти, необходимо выработать особые для сего положения». <...>

Епископ Феодосий (Феодосиев), председатель Комиссии по канонизации, сказал следующее: «Я пожелал бы поручить это дело существующей уже при Отделе Комиссии по канонизации святых под моим председательством».

Было решено включить в состав этой Комиссии И. М. Покровского и Б. А. Тураева. «Святейший Патриарх, – сказал *епископ Феодосий (Феодосиев)*, – предлагает принципиальное рассмотрение нами вопроса, и мы должны поставить его в первую очередь. Может быть, рассмотрением частных случаев прославления должно будет заняться после того, как Священный Собор примет новый порядок прославления и тогда может оказаться, что имеются у нас частные случаи»²⁰³.

5. Доклад Отдела О богослужении, проповедничестве и храме «О порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию»

На 33-м заседании, состоявшемся 20 марта 1918 года, были обсуждены и утверждены тезисы, текст которых мы приводим здесь полностью²⁰⁴:

Его Святейшеством, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Тихоном 12/25 февраля 1918 года Отделу <Священного Собора> *О богослужении, проповедничестве и храме*. При внесении оным на рассмотрение Священного Собора доклада о причислении к лику святых святителя Софрония, третьего епископа Иркутского, было предложено войти в обсуждение вопроса о том, не следует ли восстановить прежний, до синодальный порядок, прославления святых угодников Божиих, когда иные из святых признавались общецерковными и всероссийскими, а другие – местными.

Мотивом к такому восстановлению, по мнению Его Святейшества, могло бы служить то, что при таком порядке, во-первых, не было бы места нареканиям (кои иногда слышатся за последние годы) на то, что Церковь прославляет святых, мало известных всей России; во-вторых, не задерживалось бы сим последним обстоятельством прославление тех довольно многих праведных мужей, кои в известных местах уже почитаются.

После подробного обсуждения вопроса о прославлении святых угодников Божиих Отделом *О богослужении, проповедничестве и храме* были выработаны следующие общие положения о порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию:

1) В Русской Православной Церкви угодники Божии могут быть прославляемы к местному празднованию.

2) Право прославления святого к местному почитанию принадлежит Собору митрополичьего округа с благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода, преподаваемого через особую грамоту.

3) Почин возбуждения ходатайства о прославлении угодника Божия к местному почитанию принадлежит местному православному населению с благословения епархиального преемника.

4) Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по смерти его и народным почитанием.

5) Для церковного прославления святого чудеса его, записанные чтущими его память и священнослужителями, проверяются особой Комиссией, назначенной епархиальным архиереем с благословения митрополита.

6) При проверке или обыске <розыске> чудес заявители о них и свидетели дают показания под присягой о действительности записанных чудесных знамений.

7) Освидетельствование и открытие мощей для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необязательно. В случае необходимости освидетельствование мощей угодника Божия совершается с благословения Святейшего Патриарха и в присутствии его представителя.

8) С благословения епархиального архиерея составляется или просматривается ранее составленное житие святого и определяется соответствие жития свидетельствам и записям современников святого и летописным записям и сказаниям. Затем житие святого сокращается в виде пролога или синаксаря для богослужебного употребления.

9) С благословения епархиального архиерея составляется церковная служба святому (тропарь, кондак, стихиры и канон), а до составления таковой служба правится по Общей Минее. Вновь составленные богослужебные песнопения и молитвы печатаются с благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода.

10) С благословения окружного собора устанавливается время празднования святому.

11) Имя святого вносится в общецерковный Месяцеслов с указанием местного празднования ему.

12) По получении благословения на прославление угодника Божия о предстоящем торжестве возвещается ко всеобщему сведению через напечатание в «Церковных ведомостях» Патриаршей грамоты, краткого жития прославляемого святого, тропаря и кондака ему, если таковые будут к этому времени составлены.

13) Чин прославления святого вырабатывается местной епархиальной властью и утверждается Святейшим Патриархом и Священным Синодом.

14) Местночтимые святые могут быть прославляемы к общецерковному празднованию в Русской Церкви.

15) Право причтения местночтимого святого к лику общецерковных святых принадлежит Священному Собору Российской Церкви, если таковой заседает во время возбуждения дела о сем причтении. В междусоборное время это право принадлежит Святейшему Патриарху с Священным Синодом по сношении со всеми епархиальными архиереями.

16) Имя святого, прославленного к общецерковному празднованию, вносится в общецерковный русский Месяцеслов уже без значения местного празднования святому.

17) О прославлении святых, причисленных к общецерковному прославлению, Святейший Патриарх особым посланием доводит до сведения Вселенского Патриарха и предстоятелей других Автокефальных Церквей.

Изложенное общее положение о порядке прославления святых Русской Православной Церкви к местному почитанию ныне представляется Священному Собору.

Во вторую сессию этот доклад не был рассмотрен. К нему вернулись в третью сессию. В связи с тем, что епископ Феодосий (Феодосиев) и Н. И. Знамировский на Собор не прибыли, докладчиками были назначены Б. А. Тураев и иеромонах Афанасий (Сахаров)²⁰⁵.

Текст этого доклада обсуждался на 144-м заседании Собора, которое состоялось 2/15 августа 1918 года. В текст было внесено некоторое число исправлений. В результате на 155-м заседании Собора (21 августа/3 сентября 1918 года) Собор утвердил следующую редакцию определения²⁰⁶.

6. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о порядке прославления святых к местному почитанию

1. Прославление угодника Божия к местному почитанию в Русской Православной Церкви совершается Собором митрополичьего округа с преподаваемого через особую грамоту благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода.

Примечание. Впредь до надлежащей организации митрополичьих округов и окружных Соборов прославление совершается Святейшим Патриархом со Священным Синодом.

2. Ходатайство о прославлении угодника Божия к местному почитанию исходит от местного православного населения с благословения епархиального архиерея.

3. Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по кончине его и народным почитанием его.

4. Прежде прославления святого чудеса его, записанные чтущими его память и священнослужителями, проверяются особой комиссией, назначенной епархиальным архиереем, с благословения митрополита или высшей церковной власти.

5. При проверке чудес заявители о них и свидетели дают показания под присягой о действительности записанных чудесных знамений.

6. Освидетельствование и открытие мощей для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необязательно. Если свидетельствование мощей угодника Божия производится, то оно совершается с благословения Святейшего Патриарха и в присутствии его представителя.

7. С благословения епархиального архиерея составляется или просматривается ранее составленное житие святого и определяется соответствие жития свидетельствам и записям современников святого и летописным записям и сказаниям. Из жития святого составляется пролог или синаксарь для богослужебного употребления.

8. С благословения епархиального архиерея составляется церковная служба святому (тропарь, кондак, стихиры, канон), а до составления таковой служба правится по Общей Минее. Вновь составленные богослужебные песнопения и молитвы допускаются к богослужебному употреблению с благословения Святейшего Патриарха и Священного Синода.

9. День празднования святому устанавливается с благословения Окружного собора или высшей церковной власти.

10. Имя святого вносится в общецерковный Месяцеслов с указанием о местном праздновании святому.

11. По получении благословения на прославление угодника Божия о предстоящем торжестве возвещается ко всеобщему сведению через напечатание в «Церковных ведомостях» Патриаршей грамоты, краткого жития прославляемого святого, тропаря и кондака ему, каковые к данному времени должны быть составлены.

12. Чин прославления святого составляется местною епархиальною властью и утверждается Святейшим Патриархом со Священным Синодом.

13. Причтение местночтимого святого к лику общецерковных святых принадлежит Священному Собору Российской Церкви. Но до такого прославления служба ему как святому может быть совершаема по желанию чтущих его лиц повсеместно.

14. Имя святого, прославленного к общецерковному празднованию, печатается в общецерковном русском Месяцеслове уже без обозначения местного празднования святому.

15. О прославлении к общецерковному почитанию Святейший Патриарх особым посланием доводит до сведения Вселенского Патриарха и предстоятелей других Автокефальных Церквей.

26 августа/8 сентября это Определение было утверждено Совещанием Епископов, получив статус Соборного *Деяния*.

7. Доклад иеромонаха Афанасия (Сахарова) «О внесении в церковный Месяцеслов всех русских памятей»

Принятие «Определения о порядке прославления святых» было лишь первым шагом в осуществлении программы восстановления почитания русских святых. Следующей проблемой, которую предстояло решить Собору, был вопрос о составлении полного Месяцеслова с внесением в него имен всех святых, почитаемых Русской Церковью.

На 35-м заседании Отдела, которое состоялось 28 марта/9 апреля 1918 года, среди прочих обсуждался вопрос о русских памятях. На этом заседании иеромонахом Афанасием (Сахаровым) был прочитан доклад, текст которого мы публикуем полностью²⁰⁷.

«В святцах, Месяцесловах при богослужебных книгах большей частью помещаются имена святых греческой Церкви и только в редких случаях можно встретить имя отечественного святого, а между тем святых в нашей Русской Церкви так много, что память их может совершаться едва ли не каждый день в течение всего года. И многие из отечественных святых так высоки по своей истинно благочестивой христианской жизни, так обширна и плодотворна была деятельность некоторых из них при жизни, что не чтить их памяти, не знать дня их кончины для истинно русского человека по меньшей мере стыдно... Если люди, прославившие себя на военном или гражданском поприще деятельностью, достойны уважения, благодарной памяти для потомства, то тем более заслуживают сего подвижники благочестия, святые угодники Божии, наши молитвенники пред Богом, патроны земли Русской... Непочитание отечественных святых свидетельствует о равнодушии и холодности к своей Церкви, показывает недостаток любви к своему Отечеству, которое трудами и молитвами святых мужей в пределах своих расширилось, возвышалось и крепло».

Так писал Преосвященный Димитрий (Самбикин) еще в 1878 году в предисловии к первому изданию своего *Месяцеслова святых, всей Русской Церкви и местно чтимых*, справедливо полагая, что собрать в одно <место> хотя краткие сказания о жизни святых, составить по возможности полный на всякий день Месяцеслов святых Русской Церкви – дело далеко не излишнее. Но и ныне, спустя 40 лет, те же сетования о забвении и как бы пренебрежении родных русских угодников Божиих могут быть повторены в полной мере. До сих пор нет точного списка *всех святых* угодников Божиих, в России просиявших и причтенных к лику святых, нет Месяцеслова с *точным* указанием всех памятней их. В последних изданиях наших богослужебных Миней и в Месяцесловах при богослужебных книгах имеется всего 72 памяти русских святых. В последнее время Месяцеслов при Службнике пополняется именами преподобных Печерских. Но дальше дело не идет. И о днях памяти около 300 русских святых не знают, а иногда не подозревают не только миряне, но очень часто и духовенство. Правда, в 1903 году издан по благословию Святейшего Синода *Верный Месяцеслов всех русских святых*, составленный на основании донесений с мест епархиальных Преосвященных. Этот Месяцеслов, кажется, был разослан во все приходы, но в церковный обиход он так и не вошел. В большинстве церквей он лежит на полках церковных библиотек без употребления. Месяцесловы при церковно-богослужебных книгах из *Верного Месяцеслова* не пополняются, а издатели календарей с ним вовсе не считаются, хотя в послесловии к *Верному Месяцеслову* сказано, что только внесенные в этот Месяцеслов, авторизованный Святейшим Синодом, угодники Божии должны быть почитаемы за причисленных к лику святых, коим должны быть совершаемы молебны, а не панихиды, и что отныне все составители и издатели календарей в вопросе о внесении в них памятней русских святых должны руководствоваться только *Верным Месяцесловом* и никаким другим. <Не> говоря уже о календарях частных издателей, даже составители Месяцеслова в «Православном календаре» – издании Издательского Совета при Святейшем Синоде – совершенно игнорируют *Верный Месяцеслов* и не только опускают памяти некоторых русских святых, указанных в *Верном Месяцеслове* (например, <преподобного> Макария Писемского – 10 января, <преподобного> Афанасия Наволоцкого – 18 января, <святителя> Феофиста Новгородского – 23 января, <священномученика> Герасима Великопермского – 24 января, <игумена> Ксенофонта Робейского – 26 января, <святителя> Афанасия, <Патриарха Цареградского,> Лубенского <чудотворца> – 2 мая, <святителя> Германа

Казанского – 23 июня и др.), но и вносят память таких праведников, которых нет в *Верном Месяцеслове*, которые не причислены к лику святых, о которых могут быть совершаемы только панихиды и которые, следовательно, не должны быть вносимы в Месяцеслов (например, Симеона Тверского – 3 февраля, Савватия и Евфросина, Саввы и Варсонофия Тверских – 2 марта, Вассы Псковской – 19 марта, Василия Мангазейского – 23 марта, Герасима Болдинского – 1 марта, Серапиона Владимирского – 12 июля и др.).

Равным образом в изданных Московской Синодальной типографией *Житиях святых на русском языке*, с одной стороны, не достает некоторых житий русских святых, с другой стороны, внесено несколько житий неканонизованных святых (в 1-й дополнительной книге: Амвросия Мирожского – 24 сентября, Афанасия Высоцкого – 12 сентября, Иоанна Псковского – 24 октября, Сергия Малопин<еж>ского – 16 ноября; и во 2-й дополнительной книге: Василия Мирожского – 4 марта).

Даже в книгу, предназначенную для богослужебного употребления, сборник, озаглавленный «Молитвы Господу Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам Божиим, чтимым на молебнах и иных последованиях», изданную по благословению Святейшего Правительствующего Синода (Петроград, 1915 г.), внесены молитвы неканонизованным святым: Герасиму Болдинскому – 1 мая, Григорию Шалочскому – 15 ноября и Симону Юрьевецкому – 4 ноября и 10 мая. Имя последнего, преподобного Симона Юрьевецкого, было внесено в *Верный Месяцеслов*, но определением Святейшего Синода от 30 июня – 21 июля 1904 года²⁰⁸ <оно> было исключено из числа имен канонизованных святых. Таким образом, даже в богослужебных книгах до сих пор не проведено строгого различия, с одной стороны, между подвижниками благочестия, причисленными с благословения церковной власти к лику святых, чествуемых молебнами и подлежащими внесению в церковный Месяцеслов, и, с другой стороны, между подвижниками благочестия, не причисленными к лику святых, которым должны быть совершаемы только панихиды и имена которых внесению в церковный Месяцеслов не подлежат. Это обстоятельство вводит в большое сомнение и смущение тех православных русских людей, которые ревнуют о чествовании всех святых русских в дни их памяти, может ставить в большое затруднение священнослужителей, когда их будут просить совершать молебны тому или иному угоднику Божию, не внесенному в Месяцеслов при богослужебных книгах. Таким образом и доньше не устранены те причины, которые вызвали составление *Верного Месяцеслова*, и доньше не исправлены те ошибки, когда могут быть чествуемы молебнами такие праведники, относительно которых или нет прямого определения церковной власти о причтении их к лику святых, или даже есть прямое запрещение служить им молебны вместо панихид. Священному Собору, всей Русской Церкви следует наконец разрешить этот вопрос.

Разрешен же он может быть только внесением в Месяцесловы при всех богослужебных книгах памяти всех русских святых – как общецерковных, так и местночтимых. Только тогда священнослужители и все православные русские люди будут знать ясно и определенно, кто из почивших праведников причислен к лику святых и в какие дни совершается их память. То обстоятельство, что некоторые праведники, прежде чествовавшиеся молебнами, в настоящее время стали чтиться только панихидами, думается, в значительной мере объясняется тем, что имена их после их канонизации не были внесены в общецерковные Месяцесловы. Кроме того, внесение в Месяцесловы при всех церковно-богослужебных книгах имен всех, даже местночтимых, святых важно и потому, что только тогда может быть устранено то ненормальное явление, что в

одном месте данному угоднику Божию служат молебны, а в другом – панихиды. В нашем Отделе уже было докладываемо, что святителю Феодору, архиепископу Ростовскому, в Ростове на месте его погребения служатся молебны и торжественно справляется его память, имеется особая служба и акафист. А в основанном им Московском Симоновом монастыре в день памяти его правится заукойная служба. Подобным ненормальным явлениям не должно быть места в такой важной области церковной жизни как богослужение.

Нашим Отделом в правилах о канонизации святых уже принят пункт о том, что имя святых, канонизируемых к местному празднованию, вносится в общецерковный Месяцеслов. Но в него должны быть вносимы не только вновь канонизованные угодники Божии, но должны быть внесены и имена всех ранее канонизованных святых. Конечно, в Месяцесловах должно быть отмечено, какие из угодников Божиих чувствуются всей Русской Церковью и какие – только местно. Памяти святых, чтимых общецерковно, должны быть отмечены тем или иным праздничным знаком; памяти же местночтимых святых такого знака не должны иметь или даже должно быть оговариваемо, что «совершается собор его, идеже лежат мощи его» или «в граде таком-то».

Наряду с пополнением церковного Месяцеслова памятями всех русских святых в нем, конечно, должны быть отмечены дни, в которые совершаются празднования в честь святых икон Божией Матери, прославленных в нашем Отечестве.

Но прежде внесения в церковный Месяцеслов имен всех русских святых, должен быть тщательно проверен и исправлен *Верный Месяцеслов*, который в существе не может быть назван *верным*. Составитель его, в Бозе почивший архиепископ Владимирский Сергей (Спасский), кажется, имел не совсем точные донесения с мест или некоторые указания последних исправлен<ы> на основании памятников агиологии, следствием чего было расхождение указаний *Верного Месяцеслова* с практикой на местах, где почивают мощи угодника Божия. Например, днем памяти преподобного Михея Радонежского в *Верном Месяцеслове* указывается 5 мая, днем памяти преподобного Авраамия Чухломского – 20 июля. Между тем в Троицкой Лавре память преподобного Михея у его гробницы торжественно справляется 6 мая, а в Чухломской обители память преподобного Авраамия совершается 19 июля. Или днями памяти святого Василия Рязанского *Верный Месяцеслов* называет 12 апреля, 21 мая и 10 июля. Между тем в Рязани память святого Василия совершается 10 июня и 3 июля. На мой запрос по этому поводу настоятель рязанского кафедрального собора протоиерей П. Н. Добромыслов писал мне, что указания на 12 апреля, 21 мая и 10 июня как на дни памяти святителя Василия для него «всегда составляли предмет недоумения и загадки».

✠ Затем в *Верном Месяцеслове* недостает некоторых памятней, торжественно совершаемых на местах почивания святых мощей угодников Божиих. Например, не указаны следующие памяти: святителя Ионы, митрополита Московского – 15 июня, преподобного Макария Переяславского – 13 мая, святителя Митрофана Воронежского – 7 августа, преподобных Зосимы и Савватия Соловецких – 8 августа, святителей Феодора и Иоанна Суздальских – 20 августа, преподобного Космы Яхромского – 14 октября, преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских – 5 июня.

Нашему Богослужбному отделу следует взять на себя дело проверки и исправления *Верного Месяцеслова*, дело составления полного и действительно *верного* Месяцеслова. Должно затребовать из Священного Синода дело о составлении *Верного Месяцеслова* и одновременно через «Церковные ведомости» разослать особые опросные листы с просьбой по возможности прислать немедленные ответы о том, где какие канонизованные угодники Божии почивают, когда они причислены к лику святых и когда совершается им празднование, и где какие находятся иконы Божией Матери и когда совершаются празднования в честь их.

В связи с вопросом о внесении в церковный Месяцеслов памяти всех русских святых стоит вопрос об издании служб им. В Церкви Сербской есть особый сборник «Сербляк», содержащий в себе «богослужбные молебные правила святым сербского рода», причем в предисловии к 3-му изданию (Белград, 1801 год) «Сербляка» отмечается, что оно сравнительно с предшествующими изданиями приумножено «новыми правилами неким сербским святым, имже совершается собор идеже почивают мощи их», в этот сборник внесены службы не только всей Сербской Церковью <прославленными>, но и местночтимым святым. И в Российской Церкви настоятельная нужда в составлении и издании подобного сборника или сборников. Нередки случаи, когда желают совершить службу тому или иному местночтимому святому в храме, посвященном ему, а особую службу, даже только тропарь и кондак, трудно или почти невозможно достать. Нередки случаи, когда на месте имеется всего один рукописный экземпляр службы, который ничем не застрахован от утраты, и случаи утраты единственного экземпляра службы бывали. На мой запрос о службе святому благоверному князю Довмонту Псковскому настоятель псковского собора ответил, что «старинная рукописная служба давно утеряна». Равным образом настоятель Новгородского Юрьева монастыря сообщил мне, «что особой службы святителю Феоктисту не имеется». Между тем еще в 90-х годах прошлого столетия Преосвященный Димитрий (Самбикин) в своем Месяцеслове писал: «служба и житие святого Феоктиста в библиотеке Юрьева монастыря».

Кроме того, имеющиеся в обиходе рукописные службы иногда очень неисправны, безграмотны. Например, в одном из тропарей канона рукописной службы святому благоверному великому князю Андрею Боголюбскому говорилось, что убийцы святого князя совершили свое злое дело «поюще Единого Благословеннаго». Церковь не должна допускать, чтобы хотя в одном храме возносились безграмотные, иногда даже бессмысленные молитвословия. Поэтому необходимо собрать все имеющиеся как печатные, так и рукописные службы русским святым, а вместе и особые службы в честь икон Божией Матери, их исправить и издать в виде особых месячных Миней. В тех же Месяцесловах, где помещаются тропари и кондаки (например, в Церковном Уставе, Псалтири Следованной, Иерейском Молитвослове) впредь должны быть помещаемы тропари и кондаки всем русским святым и чудотворным иконам Божией Матери.

Указанный выше сборник служб святым сербского рода «Сербляк» имеет ту симпатичную особенность, что в нем почти во всех службах помещены по<сле> шестой песни канона Синаксаря. Думается, что внесение синаксарей в наши богослужбные Миней должно почитать делом весьма полезным и настоятельно необходимым. Надо сознаться, не только богомольцы – нередко и совершители служб не знают обстоятельств жизни святого, которому совершается служба. Особенно это надо сказать о тех святых русских местночтимых, жития которых в изданных Московской Синодальной типографией *Жития святых на русском языке* не вошли и жития которых иногда можно достать только в их обители или на месте почивания их святых мощей.

В церковно-богослужбной практике нередко бывают случаи, когда просят отслужить молебен тому или иному местночтимому в другой местности святому, поставить ему свечу.

Поэтому желательно было <бы> иметь в каждом храме изображения всех русских святых. Для этой цели следовало бы составить и издать особые лицевые святцы наподобие существующего издания «Лицевых святцев Московской Синодальной типографии», где наряду с изображениями греческих святых были бы изображения всех русских святых, и принять меры к распространению этих святцев по храмам.

Таким образом, наряду со сведениями, необходимыми для исправления *Верного Месясцеслова*, должны быть собраны с мест службы, жития и изображения русских святых, службы, изображения и сказания о чтимых в России иконах Божией Матери.

В заключение необходимо еще отметить то обстоятельство, что нередко у нас не чувствуют того или иного святого угодника Божия даже в местах, которым, казалось бы, должно быть близко и дорого имя этого святого. Например, Москва не чувствует дней памяти и редко вспоминает имена своих святителей: Фотия, Киприана и Феогноста, своего князя Даниила. Даже в Успенском соборе, как говорил мне один из соборных пресвитеров, не бывает особого торжества в дни памяти указанных святителей Московских. Или, например, городу Владимиру и Владимирскому Рождественскому монастырю должен быть близок и дорог преподобный Пахомий Нерехтский как уроженец города Владимира, как полагавший начало иноческой жизни во Владимирском Рождественском монастыре. Между тем во Владимире имя преподобного Пахомия совершенно неизвестно. Можно бы указать и еще немало подобных случаев забвения святых, имеющих то или иное отношение к данной местности. Поэтому желательно бы, чтобы в каждой епархии были составлены точные каталоги всех святых, близких данной епархии, не только почивающих в ее пределах, но и вообще имеющих к ней более и менее близкое отношение (например, по рождению, служению и т. д.). Имена всех сих святых угодников Божиих в особо установленном епархиальной властью порядке должны быть возносимы на литийном прошении *Спаси, Боже, люди Твоя!* и молитве *Владыко Многомилостиве...* епархиальной же властью должно быть определено, в какой местности каким местнотчимым святым должны быть торжественно совершаемы службы в дни их памяти.

8. Программа составления полного Месясцеслова

К 38-му заседанию, которое состоялось 3 апреля 1918 года, программа была готова. «Заслушав доложенный членом Отдела иеромонахом Афанасием (Сахаровым) доклад Комиссии в составе И. А. Карабинова, Б. А. Тураева и иеромонаха Афанасия (Сахарова), которой поручено было <...> выработать программу для собирания сведений, необходимых для составления точного церковного Месясцеслова и издания служб всем русским святым, а также и лицевых святцев, причем Отдел *постановил*: представить через Соборный Совет Священному Синоду на его благоусмотрение для дальнейших распоряжений <...> положения о внесении в церковный Месясцеслов русских памятней <...> и выработанную программу для собирания сведений, необходимых для составления означенного Месясцеслова». <...>²⁰⁹

В Соборный Совет Отдел направил следующий документ²¹⁰.

Заслушав в заседании 28 марта и 3 апреля представленный членом Собора иеромонахом Афанасием (Сахаровым) подробный доклад о внесении в церковный Месясцеслов всех русских памятней, Отдел постановил представить на благоусмотрение Соборного Совета следующие положения по сему вопросу:

1. Должен быть издан полный Месясцеслов с точным указанием всех празднеств в честь икон Божией Матери и всех памятней святых – как вселенских, так и русских общецерковно и местно чтимых, с тропарями и кондаками, с краткими сведениями о святых иконах и из житий святых, с указанием места их почитания. Означенный Месясцеслов должен быть разослан во все храмы.

2. Имена святых, почитаемых всею Русскою Церковью, вносятся в Месяцеслов при всех богослужбных книгах, где этот Месяцеслов печатается.

3. Должны быть собраны все имеющиеся службы русским святым и в честь икон Божией Матери, исправлены, пополнены синаксарями и впредь печатаемы службы в честь икон Божией Матери и святых общецерковно чтимых в Минеях месячных; службы же в честь святых икон и святых местно чтимых должны быть помещаемы в Минеях дополнительных.

4. Должны быть изданы полные лицевые святцы с изображением как вселенских, так и всех русских святых и с изображением икон Богоматери.

5. В каждой епархии должны быть составлены списки святых, близких данной епархии, и имена их в особо установленном епархиальной властью порядке должны быть возносимы на литийном прошении *Спаси, Боже, люди Твоя* и молитве *Владыко Многомилостиве*. Епархиально же властью должно быть определено, в какой местности и каким местночтимым святым должны быть торжественно совершаемы службы в дни их памяти.

6. Желательно, чтобы необходимые сведения были собраны к началу третьей сессии Собора, так чтобы по возможности во время 3-й сессии по крайней мере точный *Месяцеслов* был представлен на одобрение Богослужбного отдела и затем издан с благословения Священного Собора. Поэтому Отдел просит Священный Синод: <во-первых,> сделать распоряжение о препровождении в Отдел дела об издании в 1903 году *Верного Месяцеслова всех русских святых*, и во-вторых, предложить епархиальным преосвященным собрать на местах и представить в Священный Синод не позднее 1 августа сего 1918 года точные сведения: а) о всех чтимых в пределах епархии иконах Божией Матери с указанием времени и обстоятельство их явления, месте почитания и всех дней празднования и с присоединением (если имеются) печатных сказаний, служб, изображений и описаний тех обителей и храмов, где святые иконы пребывают; б) о всех чтимых в пределах епархии святых угодниках Божиих, чтимых молебнами, с указанием времени жизни и времени причтения их к лику святых, места почитания и всех дней празднования, и с присоединением (если имеются) печатных житий, служб и изображений и описаний тех обителей и храмов, где почивают святые угодники. Если служба имеется в рукописи, должна быть представлена копия ее. Если особой службы нет, а имеются только тропарь и кондак, должны быть присланы последние и указано, как и какая служба отправляется на месте почитания святой иконы или святого угодника Божия.

Кроме того, о собирании необходимых для Отдела материалов необходимо напечатать в ближайшем номере «Церковных ведомостей» с присоединением от имени Отдела просьбы к настоятелям монастырей и церквей оказать всяческое содействие в этом деле и поспешить представлением их через епархиальных преосвященных в Священный Синод, не дожидаясь распоряжений епархиальной власти.

9. Необходимость издания полного Месяцеслова

Это предложение было утверждено Соборным Советом, а затем и Собором (7/20 июля 1918 года). В этой связи Отдел направляет в Соборный Совет еще один документ²¹¹.

В заседании от 27 августа / <9> сентября VII Отдел Священного Собора *О богослужении, проповедничестве и храме*, между прочим, имел суждение о необходимости скорейшего издания точного православного Месяцеслова, служб всем святым и

лицевых святцев и *постановил*: а) представить на благоусмотрение Соборного Совета, что Отдел считает необходимым поручить означенное дело специально избранной им Комиссии из числа членов Собора (профессоров Б. А. Тураева, С. С. Глаголева, иеромонаха Афанасия (Сахарова), с включением в оную на правах председателя как проживающего в Москве личного секретаря Его Святейшества Святейшаго Тихона, Патриарха всея Руси – архимандрита Неофита, известного своими агиологическими познаниями, и вместе с тем: б) ходатайствовать перед Высшим Церковным Управлением об отпуске средств, необходимых как для работы вышеуказанной Комиссии, так и для издания Церковного календаря на 1919 год, составление которого и издание выразил готовность принять на себя член Собора профессор С. С. Глаголев.

Судя по рукописной пометке, этот документ был передан в Священный Синод. По всей вероятности, эта работа не была выполнена. В выпущенном Высшим Церковным Советом Православном календаре на 1919 год собственно месячная часть занимает всего две страницы. В примечании «От редакции» сообщается, что «ввиду вызванной нынешними обстоятельствами спешности редактирования и печатания Календаря не все помещаемые в нем сведения могли быть проверены заново, и он выходит в свет в значительно сокращенном объеме»²¹². Таким образом, идея издания Месяцеслова с включением в него всех русских памятней в 1919 году не была осуществлена.

10. Приложение

К теме данного раздела относится также составление «Службы Всем святым, в земле Русской просиявшим». Однако здесь мы не касаемся этой темы, так как материалы, связанные с этой Службой, изданы и доступны²¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единственным крупным докладом *Отдела*, получившим статус Соборного Деяния, стало определение *О церковном проповедничестве* (Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений. Вып. II. – С. 9–12). Эта тема достаточно подробно обсуждалась на пленарных заседаниях Собора и материалы дискуссии были опубликованы (Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Вып. III. – С. 130–140; 149–176; 241–252). Материалы предварительного обсуждения вопросов проповедничества не содержат ничего, что не было бы отражено в стенограммах обсуждения этого вопроса на пленарном заседании, поэтому в настоящую публикацию материалы дискуссии по вопросам церковного проповедничества не включены. Библиографическое описание официальных изданий Собора см. с. 187 настоящего сборника. При ссылках на эти издания мы будем пользоваться сокращениями: *Деяния* и *Собрание Определений*.

² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1, № 464, л. 41.

³ Лисицын М., свящ. Обзор духовномузыкальной литературы. – СПб., 1901. – С. 12.

⁴ Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996. – С. 76.

⁵ Там же.

⁶ № 297.

⁷ Протокол Соединенного заседания членов Подотдела по церковному пению Поместного Собора Православной Русской Церкви и Наблюдательного Совета Московского Синодального училища церковного пения от 8 декабря 1917 г. // Церковные ведомости, 1918. № 15–16. – С. 88–94.

- ⁸ Новое Время. 1912, 3 января. (Прим. издателей Церковных ведомостей).
- ⁹ № 283, л. 372.
- ¹⁰ № 283, л. 383–384.
- ¹¹ № 283, л. 384.
- ¹² № 283, л. 385–386.
- ¹³ На 32-м заседании (19 марта 1918 г.) были утверждены докладчики Отдела, однако обсуждение текста было продолжено на 34-м заседании (26 марта), а отдельные дополнения внеслись и на 38-м заседании (6 апреля).
- ¹⁴ № 174, л. 222–226.
- ¹⁵ № 174, л. 222.
- ¹⁶ № 298, л. 25.
- ¹⁷ О русском иконописании нового времени см: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки истории икононого дела в императорской России. – М., 1995.
- ¹⁸ Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб. – Петроград, 1902. Вып. 1. – С. 88.
- ¹⁹ Иконописный сборник. Изд. Высочайше утвержденного Комитета попечительства о русской иконописи. – СПб. – С. 30.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Высочайше учрежденный Комитет попечительства о русской иконописи и его задачи. – СПб, 1907.
- ²² Печатается по: № 307, л. 2–3.
- ²³ Деяния. V. – С. 27–30.
- ²⁴ Печатается по: Деяния. V. – С. 27–30. Ср.: № 174, л. 208–212.
- ²⁵ На 52-м заседании Собора 25 ноября 1917 г.
- ²⁶ Деяния. V. – С. 30.
- ²⁷ № 308, л. 44–54.
- ²⁸ Деяния. III. – С. 85–90. Материалы этой комиссии см.: № 575.
- ²⁹ Деяния. III. – С. 123.
- ³⁰ Нестор (Анисимов), епископ Камчатский. Расстрел Московского Кремля. – М. 1917. (Переиздано в 1995).
- ³¹ № 283, л. 255–264.
- ³² № 283, л. 252.
- ³³ В рукописи пропуск. Восстановлено по смыслу.
- ³⁴ № 283, л. 269.
- ³⁵ № 174, л. 252–255.
- ³⁶ № 174, л. 252.
- ³⁷ № 283, л. 252.
- ³⁸ № 283, л. 287–291об.
- ³⁹ Текст рукописи испорчен.
- ⁴⁰ Тексты этих проектов приводятся ниже.
- ⁴¹ № 308, л. 63–66.
- ⁴² № 283, л. 291.
- ⁴³ № 283, л. 292–294.
- ⁴⁴ № 283, л. 292об. – 294об. А. Т. Георгиевский постоянно говорит о роли деятелей искусства в деле сохранения предметов церковной старины. «Если у нас что еще сохранено до настоящего времени из области церковной старины, – говорит он, – то этим мы обязаны по преимуществу художникам. Они первые стали кричать от боли памятников. Они наиболее чутки к вопросу об охране памятников. Археологи боятся громко говорить о гибели, художникам это непонятно. <... > Художники всегда были друзьями искусства, они с благоговением смотрят на памятники древнего церковного искусства» (№ 283, л. 255 об.).
- ⁴⁵ Благие намерения (лат.).
- ⁴⁶ № 283, л. 287–297 (с купюрами).
- ⁴⁷ № 283, л. 508–514.

⁴⁸ Неясно, о каком докладе идет речь. В материалах нет доклада, связанного с проблемами церковного искусства, автором которого значился бы архиепископ Евлогий. Не исключено, что имеется в виду один из докладов, подготовленных Отделом в то время, когда архиепископ Евлогий председательствовал на заседаниях.

⁴⁹ № 283, л. 506.

⁵⁰ Протокол см.: № 283, л. 601–604.

⁵¹ № 308, л. 153–157.

⁵² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. Т. 1–4.

⁵³ Сове Б. И. Проблема исправления богослужбных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. Сб. 5. – С. 53.

⁵⁴ № 283, л. 527.

⁵⁵ № 283, л. 545–562.

⁵⁶ Во время чтения этого доклада архиепископ Евлогий уже не принимал участия в работе Собора.

⁵⁷ Благие пожелания (лат.).

⁵⁸ Отзывы епархиальных архиереев... т. I. – С. 40–41.

⁵⁹ Отзывы... т. I. – С. 100–101.

⁶⁰ Отзывы... т. I. – С. 335.

⁶¹ Отзывы... т. II. – С. 20.

⁶² Отзывы... т. II. – С. 116–117.

⁶³ Отзывы... т. II. – С. 454–455.

⁶⁴ Имеется в виду Комиссия по исправлению богослужбных книг, возглавляемая архиепископом Сергием (Страгородским). О деятельности этой Комиссии см.: Плетнева А. А. Исправление богослужбных книг в начале XX века // Славяноведение. 1994. № 2. – С. 100–116.

⁶⁵ Полностью высказывание епископа Гурия выглядит следующим образом: «Если по многим причинам нельзя говорить о переводе богослужбных книг на русский язык, то необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковнославянского перевода с устранением из него всех архаизмов и греческого расположения слов в предложениях или же немедленно приступить к новому переводу их на новославянский язык, всем понятный и вразумительный». (Отзывы... II. – С. 245).

⁶⁶ Отзывы... IV. – С. 257.

⁶⁷ Отзывы... II. – С. 245.

⁶⁸ Отзывы... III. – С. 443.

⁶⁹ В рукописи текст испорчен.

⁷⁰ Об опытах епископа Августина см.: Сове Б. И. Проблема исправления богослужбных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. Сб. 5. – С. 38–40.

⁷¹ Мимоходом сделано замечание, что сам народ мало жалуется на непонятность богослужбного языка, – об этом больше говорят интеллигенты. (Прим. А. В. Новосельского).

⁷² В источнике: «родительный».

⁷³ В источнике текст испорчен.

⁷⁴ Мефодий (Герасимов), епископ Оренбургский. О богослужбном языке Церкви в связи с другими вопросами церковной реформы // Оренбургские епархиальные ведомости. 1915. № 19–36.

⁷⁵ Замечание: «Мысли выражаю словами Пресвященного почти буквально, – очень жалею, что не имею его брошюры под руками». (Примечание А. В. Новосельского).

⁷⁶ Непонятность он объясняет содержанием, а не способом выражения. <...> (Примечание А. В. Новосельского).

⁷⁷ Оратор рассказывал, что епископ Самарский был в этом селе, слышал в церкви русский язык за богослужением и не запретил. (Прим. А. В. Новосельского).

⁷⁸ В источнике ошибочно: *кондак Рождества Христова*.

⁷⁹ Неясно, о каком именно Богородичном акафисте идет речь.

⁸⁰ В. Д. Прилуцкий приводил примеры неудачных исправлений. После его доклада об исправлении Троицы в Киеве говорили: «Нужно скорее кончить старую». (Прим. А. В. Новосельского).

⁸¹ А. В. Новосельский некорректно воспроизводит мысль Феофана Затворника. Святитель Феофан писал, что необходим «новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужбных книг». (Мнение Преосвященного Феофана Затворника о потребности в новом исправлении церковно-богослужбных книг // Душеполезное чтение. 1896. – С. 463). Несомненно, речь здесь идет о новом славянском, а не русском переводе. «Перевод их <богослужбных книг>, – пишет святитель Феофан С. А. Первухину, – следует улучшить или снова перевести не на русский, а на славянский же, только чтобы изложение было понятно». (Корольков И. Н. Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке // Труды КДА. 1915. – С. 301).

⁸² № 283, л. 564–567.

⁸³ Печатается по: № 296, л. 1; № 174, л. 213.

⁸⁴ № 296, л. 2.

⁸⁵ № 192, л. 189.

⁸⁶ № 296, л. 7.

⁸⁷ О дальнейшей судьбе этого доклада см.: Кравецкий А. Г. Проблема богослужбного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. 1994. № 2. – С. 71–72 и 79–82.

⁸⁸ Русское Астрономическое общество. Постановления Комиссии по вопросу о реформе календаря в России. – СПб., 1900. – С. 3.

⁸⁹ Журнал (первого – восьмого) заседания Комиссии о реформе календаря при Русском Астрономическом обществе. <СПб., 1900>. Неясно, чем являются имеющие хождение экземпляры журналов и постановлений Комиссии, – собственно публикацией или же корректурными оттисками. (Журналы. I–VIII)

⁹⁰ Климишин И. А. Календарь и хронология. – М., 1985. – С. 219.

⁹¹ Нам не удалось обнаружить каких-либо следов этого рассмотрения.

⁹² Деяния. VI. – С. 132.

⁹³ № 283, л. 348–349. Необходимость срочного принятия этого решения связана с тем, что новый стиль должен был быть введен через два дня.

⁹⁴ № 283, л. 430–432.

⁹⁵ № 283, л. 350.

⁹⁶ № 283, л. 430–432.

⁹⁷ В источнике ошибочно: *григорианском*.

⁹⁸ В источнике: *не*.

⁹⁹ № 283, л. 422–429.

¹⁰⁰ Текст рукописи испорчен.

¹⁰¹ В источнике: *познания*.

¹⁰² Текст оригинала испорчен. На месте пропуска читается: «а с другой стороны, желательное ввести в счисление правильное, приняв во внимание религиозную и экономическую часть календаря».

¹⁰³ № 283, л. 406.

¹⁰⁴ Деяния. VI. – С. 186–188.

¹⁰⁵ № 283, л. 10.

¹⁰⁶ № 283, л. 25.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, л. 27.

¹⁰⁹ Там же, л. 27–28.

¹¹⁰ Там же, л. 105.

¹¹¹ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. – Пг., 1917. Т. 3.

¹¹² № 286, л. 101–108. Текст этого доклада публиковался в статье: Кравецкий А. Г. Проблема Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Российского Православного Университета. М., 1995. № 1. – С. 60–69.

- ¹¹³ В рукописи опечатка: *применившим*.
- ¹¹⁴ В рукописи на: *монах*.
- ¹¹⁵ В рукописи: 1862.
- ¹¹⁶ № 286, л. 113–119. Текст этого доклада публиковался в статье: Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона... – С. 70–78.
- ¹¹⁷ В рукописи: *мешало*.
- ¹¹⁸ В рукописи пропуск.
- ¹¹⁹ В рукописи пропущено слово.
- ¹²⁰ В рукописи пропущено слово.
- ¹²¹ № 286, л. 109–112. Текст этого доклада публиковался в статье: Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона... – С. 78–83.
- ¹²² Этот пассаж вызвал возражения И. А. Карабинова: «Мне кажется неудобным в обоснование необходимости послабления Типика для приходских храмов сослаться на пример святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, якобы сокращавших чин Литургии, так как содержащее данное известие Слово о предании Божественной литургии, приписываемое патриарху Проклу, в действительности этому автору не принадлежит и совершенно не подтверждается древними греческими рукописями наших литургий. Эти списки говорят лишь о том, что названные святые отцы не составили полного чина Литургии, а написали для нее лишь несколько главных молитв. Лучше в данном случае сослаться на пример преподобного Феодора Студита, который допустил значительные послабления в строгом Палестинском уставе для своей обители, где условия монашеской жизни приблизились к мирской жизни, так как ее братия занята была многими довольно тяжелыми физическими работами». (№ 283, л. 183).
- ¹²³ См.: Приходское чтение. 1913, № 38. – С. 1054–1089; 1914, № 50. – С. 1493–1497; 1914, № 3. – С. 81–86; 1912, № 33. – С. 885.
- ¹²⁴ № 283, л. 123–124.
- ¹²⁵ И, – добавляет В. Д. Прилуцкий, – при теперешних материалах.
- ¹²⁶ № 283, л. 124.
- ¹²⁷ № 283, л. 124–130.
- ¹²⁸ У протоиерея К. Т. Никольского в книге «Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви» только в более поздних изданиях читаем немного: «Пред Литургией благовестят в один колокол, и пред раннею ударяют в него редко, а пред позднюю – часто». (Никольский К. Т. прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. 5-е издание. – СПб., 1894. – С. 39). (*Прим. В. К. Лебедева*).
- ¹²⁹ Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. – СПб, 1896.
- ¹³⁰ Худоновос М. О значении колокольного звона в Русской Церкви // Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 23–24.
- ¹³¹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. I (1-я половина тома, изд. 2-е. М., 1901. – С. 59).
- ¹³² Никольский К., прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. 5-е издание. – СПб., 1874. – С. 39.
- ¹³³ Там же. – С. 48.
- ¹³⁴ Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. – СПб, 1896. – С. 33.
- ¹³⁵ Акты исторические... , V, СПб., 1842. – С. 213; Никольский К. Т., прот. Пособие к изучению Устава богослужения... 5-е издание. – СПб., 1894. – С. 35.
- ¹³⁶ В. К. Лебедев имеет в виду сочинение Афанасия Холмогорского «Щит веры», которое долгое время приписывалось Патриарху Иоакиму. Опубликовано в.: Сменцовский М. Братья Лихуды. – СПб., 1899.
- ¹³⁷ Новая Скрижаль, или объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных Вениамина <Румовского-Краснопевкова>, архиепископа Новгородского и Арзамасского. – СПб., 1899. (Репринт: М., 1882). – С. 233; Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских выражений). Составил магистр Григорий Дьяченко. М., 1899. (Репринт: М., 1993). – С. 197.
- ¹³⁸ № 283, л. 136.

- 139 Там же, л. 139.
- 140 № 283, л. 138.
- 141 № 283, л. 153–154.
- 142 В источнике: *служителей*.
- 143 В источнике: *мотивов*.
- 144 № 283, л. 158–161.
- 145 Там же, л. 166.
- 146 Там же, л. 173.
- 147 № 283, л. 198.
- 148 Печатается по: Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. 1994. №. 2. – С. 74–78
- 149 № 283, л. 346.
- 150 № 192, л. 157. Председательствовал на заседании Святейший Патриарх Тихон. Присутствовало 26 архиереев.
- 151 Кравецкий А. Г. Календарно-богослужебная комиссия // Ученые записки Российского Православного Университета ап. Иоанна Богослова. – М., 1996. – С. 196.
- 152 № 283, л. 359.
- 153 См.: Кравецкий А. Г. и Плетнева А. А. Патриарх Сергей как литургист // ЖМП. 1994. № 5. – С. 46–47.
- 154 Поводом для обсуждения послужил письменный доклад епископа Мефодия (Герасимова). Нам не удалось обнаружить текста этого доклада.
- 155 № 283, л. 576–581.
- 156 В источнике оставлено место. Восстановлено по: Карабинов И. А. Св. Чаша на Литургии Преждеосвященных Даров // Христианское чтение. 1915. Ч. 1. – С. 956.
- 157 В источнике: *знать*.
- 158 Из I книги «Против ересей». (Прим. И. А. Карабинова).
- 159 В источнике имеется сноска на публикации греческого текста этого рассказа, расшифровать которые нам не удалось.
- 160 № 283, л. 571–574.
- 161 № 283, л. 603.
- 162 № 192, л. 189.
- 163 Новоселов М А. Письма к друзьям. – М., 1994. – С. 25.
- 164 Там же. – С. 30.
- 165 Там же. – С. 24–33.
- 166 № 283, л. 238.
- 167 № 174, л. 198–199.
- 168 Деяния. III. – С. 147.
- 169 № 283, л. 356.
- 170 № 174, л. 228.
- 171 Об этом свидетельствует приписка на л. 238.
- 172 Протокол обсуждения см.: № 283, л. 337–341.
- 173 № 174, л. 229–230.
- 174 В источнике: *Стефан*.
- 175 № 283, л. 564.
- 176 Печатается по: № 174, л. 231.
- 177 № 284, л. 82.
- 178 Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома // Церковные ведомости. 1917. № 9–15. Бесплатное приложение.
- 179 № 286, л. 43.
- 180 № 174, л. 249.
- 181 О дальнейшей эволюции формул поминовения властей см.: Кравецкий А. Г. Проблема богослужебного языка... – С. 73.
- 182 № 625, л. 2.

¹⁸³ № 625, л. 5–7.

¹⁸⁴ В этот день был убит митрополит Владимир (Богоявленский).

¹⁸⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание Определений и Постановлений. Вып. 1–4. – М., 1918. (Репринт: М., 1994). Вып. I. – С. 45.

¹⁸⁶ № 283, л. 395–401.

¹⁸⁷ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Киев, 1895. Т. I. – С. 617.

¹⁸⁸ Небольшая древность этой греческой практики подтверждается свидетельством митрополита Ефесского Марка Евгеника, который знает еще пятнадцать коленопреклонений, совершаемых в пост между молитвами. (*Изъяснение Церковных Последований*).

¹⁸⁹ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей... Т. I. – С. 890.

¹⁹⁰ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки истории иконного дела в императорской России. – М., 1995. – С. 240–241.

¹⁹¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. Т. 2. – С. 287; см. также: Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. Сб. 5. – С. 65–66.

¹⁹² № 581, л. 24–26.

¹⁹³ См.: 300, 301, 302, 303, 304.

¹⁹⁴ № 319.

¹⁹⁵ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. – М., 1903. (*Прим. Патриарха Тихона*).

¹⁹⁶ № 283, л. 352.

¹⁹⁷ № 283, л. 414–419.

¹⁹⁸ В рукописи: *повторяли*.

¹⁹⁹ День рождения (*лат.*).

²⁰⁰ Текст испорчен. Восстановлено по смыслу.

²⁰¹ Подробнее см.: Васильев В. История канонизации русских святых // ЧОИДР. 1893. Кн. 3. – С. 154–155.

²⁰² № 283, л. 409.

²⁰³ № 283, л. 411.

²⁰⁴ № 174, л. 196–197.

²⁰⁵ № 283, л. 571.

²⁰⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание Определений и Постановлений. – М., 1918. Вып. I. – С. 25–26. (Репринт: М., 1994).

²⁰⁷ № 283, л. 486–490.

²⁰⁸ Церковные ведомости. 1904. – № 31. В источнике исправлен.

²⁰⁹ № 283, л. 519.

²¹⁰ № 174, л. 234–236.

²¹¹ № 174, л. 233.

²¹² Православный календарь на 1919 год. Издание Высшего Церковного Совета, с. 24. На этой же странице также имеется весьма характерное сообщение: «Православный календарь» набран по новой орфографии. Так потребовал Отдел по делам печати; только под этим условием им разрешено печатание календаря». Часть материалов этого календаря перепечатана в настоящем выпуске «Богословских трудов».

²¹³ Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. М., 1918. Вып. IV. – С. 27. (Репринт: М., 1994).; Афанасий (Сахаров), епископ. О празднике Всех святых, в земле Русской просиявших, и о службе на сей праздник. – Служба Всем святым в земле Русской просиявшим. М., 1995. – С. 6–18.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В указатель не включены библейские персонажи и имена собственные при библиографических отсылках. О членах Собора приводятся более подробные сведения. Для участников Собора епископская кафедра, профессия и место работы, как правило, указывается на 1917–1918 годы. Для краткости в биографических статьях используются следующие сокращения:

АПТ – Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом достоинстве высшей церковной власти. Составитель М. Е. Губоннин. М., 1994.

Деяния I.1 – Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. I. Вып. I. Петроград 1918. (Репринт: М., 1994).

Гонения – За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Кн. I. М., 1997.

ИС 1917 – Именной список ректорам и инспекторам Императорских Духовных академий, Духовных семинарий, преподавателям Императорских Духовных академий, смотрителям Духовных училищ и их помощникам, состоящим в священном сане преподавателям Духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и начальникам зарубежных Духовных миссий на 1917 год. Пг., 1917.

Каталог РГБ – Сведения уточнены по каталогу Российской государственной библиотеки.

ЛАФ I–III – Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Вып. 1–3. М., 1962–1980.

Мануил I–VI – Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemeševskij). Teil I–VI. Erlangen 1979–1989.

МЭ I–VI – Музыкальная энциклопедия. Т. 1–6. М., 1973–1982.

Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки истории икононого дела в императорской России. М., 1995.

Христианство I–III. – Христианство. Энциклопедический словарь. Т. I–III. М., 1993–1995.

Личные имена, которые встречаются только в примечаниях, в указатель не включены.

Августин (Гуляницкий) (1837–1892) – епископ Екатеринославский 264

Авраамий Чухломской (†1375) – преподобный 359

Агафодор (Преображенский) (1837–1928) – член Собора, архиепископ Кавказский и Ставропольский; 1860 – окончил семинарию и был рукоположен в священника. До 1888 – на приходском служении. 1888 – принял монашество, архимандрит, епископ Балахнинский. 1891 – епископ Сухумский; 1893 – епископ Ставропольский и Кавказский; 1907 – архиепископ. Активно занимался миссионерской деятельностью. Место смерти неизвестно. (Деяния I.1, с. 60; Мануил I, с. 42–47) 257, 274

Адриан (1627–1700) – Патриарх Московский (1690–1700) 325

Александр II (1818–1881) – российский император 230

Александр III (XII в.) – Римский Папа 348

Александр Невский (1220–1263) – (в схиме Алексей) святой благоверный князь 345

Алексий (XI в.) – Константинопольский Патриарх 329, 344

Алексий Московский (90-е годы XIII в. – †1378) – святитель и всея Руси Митрополит 264, 350, 351

Аллеманов Дмитрий Васильевич (1867 – дата смерти неизвестна) – духовный композитор, автор многих церковных песнопений. (Христианство I, с. 57; МЭ I, с. 107) 208, 209

Амвросий Мирожский – преподобный 358

Андреев – и. д. прокурора Синодальной канторы 229

Андрей (Ухтомский) (1872–1937) – член Собора, епископ. В 1895 окончил МДА и принял монашество. 1907 – хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии; 1911 – епископ Сухумский; 1913 – Уфимский и Мензелинский; 1917 – член Синода; 1918–1919 – руководил духовенством 3-й армии Колчака. 1920 – арестован (освобожден после заявления о лояльности). 1925 – перешел в старообрядчество (запрещен в священнослужении митрополитом Петром (Полянским). 1929–1937 – тюрьмы и ссылки. Расстрелян 4 января 1937 года в Ярославской тюрьме. (*Деяния* I.1, с. 61; Мануил I, с. 250–253; АПТ, с. 903–904, Гонения; с. 84–86)¹ 260, 261

Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174) – святой благоверный великий князь владимиристо-суздальский 360

Андрей Смоленский (XIV в.) – благоверный князь 352

Андроник (Никольский) (1870–1918) – член Собора. 1895 окончил МДА. Во время учебы принял монашество. 1895 – иеромонах; 1897–1899 – член Миссии в Японии, архимандрит. 1906 – епископ Киотосский, помощник начальника Миссии в Японии. 1908 – епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии; 1913 – епископ Омский; 1914 – епископ Пермский. 1918 – отлучил от Церкви посягающих на храмы Божии. 20 июня 1918 года закопан живым в землю. (*Деяния* I.1, с. 61; Мануил I, с. 256–258; АПТ с. 839; Гонения, с. 87–88)² 260–262, 264, 265, 267, 289, 313

Анна Кашинская (XIII–XIV вв.) – благоверная княгиня 353

Антоний (Храповицкий) (1863–1936) – член Собора. 1885 – окончил СПбДА, пострижен в монашество, иеромонах. 1866 – преподаватель Холмской Духовной семинарии; 1887–1889 – и.о.доцента, доцент, ректор СПбДА; 1890 – ректор МДА; 1895 – ректор Казанской Духовной академии; 1897–1899 – епископ Чебоксарский; 1899–1890 – епископ Чистопольский; 1900–1902 – епископ Уфимский и Мензелинский; 1902–1914 – епископ (с 1906 – архиепископ) Житомирский и Волынский; 1914–1917 – архиепископ Харьковский и Ахтырский; 1917 – митрополит; 1918 – митрополит Киевский; 1919 – временно управлял Краснодарской епархией; 1920–1936 – в эмиграции в Сербии; 1922 – председатель Зарубежного Синода, председатель всех зарубежных соборов; 1936 – скончался в г. Сремские Карловцы (Югославия), перед смертью принял схиму. (*Деяния* I.1, с. 62; АПТ, с. 840–841; Мануил I, с. 313–330)³ 209, 289

Антоний Печерский (983–1073) – преподобный, основатель Киево-Печерского монастыря 305, 350

Анфим VI (XIX в.) – Константинопольский Патриарх в 1845–1848 годах 280

Апраксин Петр Николаевич (1876 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Граф, гофмейстер двора императрицы Александры Федоровны. Окончил Пажеский корпус и Археологический институт в Петрограде. Житель Москвы. (*Деяния* I.1, с. 62; ЛАФ I, с. 37) 227, 228

Арсений (Брянцев) (1839–1914) – архиепископ Харьковский и Ахтырский. (Мануил I, с. 363–364) 257, 258

Арсений (Стадницкий) (1862–1936) – член Собора, митрополит Новгородский и Старорусский, один из кандидатов на Патриарший престол, председательствовал на

¹ См.: Зеленогорский М.Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991; Амвросий (фон Сиверс), монах. «Не хороните меня заживо...». Судьба Владыки Андрея, архиепископа Уфимского (князя Александра Алексеевича Ухтомского) // Русская мысль. 1994. № 4031 (26 мая–1 июня). С. 17.

² См.: О Церкви в России. Слова, свидетельства священномученика Андроника (Никольского), архиепископа Пермского и Кунгурского. 1898–1918 / Сост. Виктор Королев. Фрязино, 1997.

³ См.: Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 1–10. Нью-Йорк. 1956–1963.

большей части заседаний. 1885 – окончил КДА; 1895 – магистр богословия, пострижен в мантию; 1896 – иеромонах, инспектор (позже ректор) Новгородской Духовной семинарии, архимандрит, настоятель монастыря преподобного Антония Римлянина. 1897 – инспектор МДА (1898 – ректор); 1899 – епископ Волоколамский, викарий Московской епархии; 1903–1910 – епископ Псковский и Порховский; 1907 – архиепископ, член Государственно-го Совета; 1910–1933 – архиепископ Новгородский и Старорусский; 1917 – митрополит; 1922 – осужден, отбывал ссылку в Средней Азии; 1933–1936 митрополит Ташкентский. (*Деяния* I.1, с. 62; АПТ, с. 842–843; Мануил I, с. 363–364) 276

Арсений Великий (354–ок. 450) – преподобный 306

Арсений – архимандрит, хранитель Патриаршей ризницы 230

Арсений (Суханов) (кон. XVI – 1668) – иеромонах, автор ряда книг, интересовался, в частности, различиями обрядов Русской и греческой Церкви 329

Артамонов Леонид Константинович (1859 – 1932) – член Собора. 1876 – студент 2-го Константиновского военного училища; 1878 – переведен в Михайловское артиллерийское военное училище; 1879 – подпоручик; 1882–1885 окончил Николаевскую инженерную академию; 1885–1888 – оканчивает Академию Генштаба; 1888 – служба в Кавказском (1890 – в Закаспийском) военном округе. Участвует в ряде географических экспедиций; 1882 – член Русского географического общества; 1897–1898 – входит в состав российской экспедиции в Абиссинию (в этой экспедиции также участвовал А. К. Булатович, в будущем – иеромонах Антоний, лидер афонских имяславцев). 1900 – служит в Квантунской области; 1901 – генерал-майор; участвовал в русско-японской войне; был комендантом Кронштадтской крепости; 1914 – командовал корпусом в армии генерала Самсонова, однако здесь его преследовали неудачи. 1917 – отставка; 1918–1924 – работал в советских учреждениях в Москве; 1927–1930 – на пенсии в Новгороде. Скончался и похоронен в Ленинграде. (*Деяния* I.1, с. 62)¹ 270, 273, 308, 331, 332

Артоблевский Иоанн Алексеевич (1872–1938) – член Собора, священник. 1895 – окончил МДА. 1896 – помощник секретаря Совета и Правления МДА; преподаватель Вифанской Духовной семинарии. 1899 – магистр богословия. 1907 – священник храма при Усачевском училище в Москве. 1911 – настоятель храма при Московском сельскохозяйственном институте (Петровское-Разумовское). 1922 – арестован, проходил по второму этапу Московского процесса об изъятии церковных ценностей. 1924 – включен в состав членов Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне. С 1927 – клирик одной из московских церквей. 1938 – арестован. 17 февраля 1938 г. расстрелян в пос. Бутово (Московская обл.). (*Деяния* I.1, с. 62; Гонения, с. 111) 330–332

Архангельский Александр Андреевич (1846–1924) – хоровой дирижер и композитор; с 1862 – регент хоров в Пензе и С. Петербурге. Одним из первых ввел в церковное пение женские голоса. 1921 – заслуженный артист республики. Умер в Праге. (МЭ I, с. 233) 207

Астров Павел Иванович (ок. 1856–дата смерти неизвестна) – член Собора, кандидат юридических наук, член Московского окружного суда. В начале века организовал религиозно-философский кружок, в работе которого участвовали А. Белый, Эллис, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун и др. (*Деяния* I.1, с. 62)² 276

Афанасий (кон. XVIII в.) – Антиохийский Патриарх 281

Афанасий (Сахаров) (1887–1962) – иеромонах – член Собора. 1912 – окончил МДА, пострижен в монашество, иеродиакон, иеромонах; 1913–1918 – преподаватель Владимирской Духовной семинарии; 1920–1921 – архимандрит, наместник Владимирского Рождественского монастыря; 1921 – настоятель Боголюбовского монастыря, тогда же – епископ Ковровский; 1922–1954 – лагерь и ссылки. В последние годы, живя на покое в г. Петушки,

¹ См.: Качнельсон И. С. Леонид Константинович Артамонов и его путешествие к Белому Нилу // Л. К. Артамонов. Через Эфиопию к берегам Белого Нила. М., 1979. С. 3–24.

² См.: Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX в. Париж, 1971. С. 119.

работал над исправлением богослужебных книг и нормализации Типикона. (*Деяния* I.1, с. 62; АПТ, с. 843–845; Мануил I, с. 415–424; Гонения, с. 120–122)¹ 255, 323, 330, 332, 337, 355–357, 361, 363

Афанасий Высоцкий – преподобный 296, 358

Афанасий Лубенский – святитель, Патриарх Цареградский, Лубенский чудотворец 357

Афанасий Наволоцкий – преподобный 357

Балакирев Милый Алексеевич (1836–1910) – композитор 203

Безкровный Никита Васильевич (ок. 1882 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Псаломщик 15-го Кубанского пластунского батальона. Окончил Саратовскую консерваторию. (*Деяния* I.1, с. 63) 206

Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) – экономист, публицист. (Тарасов 1995, с. 474) 217

Беляев Василий Алексеевич (ок. 1878-дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Николаевской церкви села Уруги (Калужская епархия) (*Деяния* I, с. 64). 289

Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1943) – член Собора, историк канонического права, византинист. (*Деяния* I.1, с. 63)² 225

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник. С 1926 жил во Франции 217

Богданович Вячеслав Васильевич (1878 – † после 1939) – член Собора. 1903 – окончил КДА, кандидат богословия; преподавал в Витебской семинарии; с 1907 – инспектор Литовской Духовной семинарии. 1915 – вместе с Семинарией эвакуирован в Рязань; 1919 – вернулся в Вильно, ректор Семинарии, редактор «Литовских епархиальных ведомостей», сенатор Речи Посполитой. Сохраняя верность Патриарху, отказывается принять автокефалию Польской Церкви. 1922 – арестован польскими властями (вместе с митрополитом Елевферием); 1922 – сенатор II Речи Посполитой, активный борец за права русских и белоруссов; противник польской автокефалии. После присоединения Литвы к СССР арестован. Место и дата смерти неизвестны. (*Деяния* I.1, с. 63; ИС 1917, с. 84)³ 330

Боголюбов Дмитрий Иванович (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Окончил МДА, кандидат богословия, миссионер в Тамбовской, Харьковской и Петроградской епархиях; 1913 – инспектор Ставропольской семинарии; 1914 – инспектор Воронежской Духовной семинарии. (*Деяния* I.1, с. 63; ИС 1917, с. 52) 260–262

Болотов Василий Васильевич (1853–1900) – историк Церкви 276

Бонакер – фабрикант 217, 248

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – композитор 206

Брянцев Николай Васильевич (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей церкви Рождества Богородицы в г. Ельце Орловской епархии, благочинный. (*Деяния* I.1, с. 64) 272, 273

Булгаков Георгий Ильич (ок. 1883 – † после 1926) – член Собора, преподаватель Курской Духовной семинарии, кандидат богословия. После революции был ученым секретарем Курского общества краеведения. (*Деяния* I.1, с. 64)⁴ 235, 255, 318

Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – филолог и искусствовед 263

Бычков Афанасий Феодорович (1818–1899) – член Общества любителей древней письменности 239

¹ Список литературы см.: Афанасий (Сахаров), епископ. О празднике Всех святых, в земле Русской просиявших, и о Службе на сей праздник // Ученые записки Российского Православного Университета. Вып. 1. С. 92.

² Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 67.

³ См.: Лабынцев Ю. А. Литературное наследие В.В.Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой // Славяноведение. 1997. № 3. С. 39–49.

⁴ Из книги «Курское общество краеведения. Программы и инструкции исследовательских работ. Ред. Г. И. Булгаков и А. А. Вирский. Вып. 1–3. Курск. 1925–1926» следует, что в 1926 году Г. И. Булгаков еще был жив.

- Варлаам Хутынский** (XII в.) – преподобный 225, 350, 351
- Варсонофий Тверской** (†ок. 1459) – преподобный 358
- Василий Великий** (329–379) – святитель и вселенский учитель Церкви 303, 304, 322, 335
- Василий Мангазейский** (†1602) – праведный 358
- Василий Мирожский** (†1299) – местночтимый святой 358
- Василий Рязанский** (†1295) – святитель 359
- Васильев Афанасий Васильевич** (1851 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1889 – член Совета Управления главного общества российских железных дорог; 1890–1893 – редактор журнала «Благовест», председатель общества «Соборная Россия»; 1893–1896 – генеральный контролер Департамента железнодорожной отчетности; 1896–1904 – член Совета Государственного контроля; 1919 – приговорен к расстрелу, но приговор не был приведен в исполнение. (*Деяния* I.1, с. 64, 87; ЛАФ I, с. 125)¹ 330–332, 336
- Васнецов Аполлинарий Михайлович** (1856–1933) – художник, археолог 241
- Васнецов Виктор Михайлович** (1848–1926) – художник 226
- Васса Псковская** (†1473) – преподобная 358
- Вассиан Пертоминский** (†1561) – преподобный, чудотворец 359
- Вениамин (Казанский)** (ок. 1873–1922) – член Собора. 1896 – иеромонах. 1887 – окончил СПбДА, преподаватель Рижской Духовной семинарии. 1899 – инспектор СПб. Духовной семинарии. 1902 – ректор Самарской Духовной семинарии. 1905 – ректор СПб. Духовной семинарии. 1910 – епископ Гдовский. 1917 – архиепископ. 1917 – избран Петроградским архиереем. 1917 – митрополит. 1922 – арестован по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. В ночь с 12 на 13 августа 1922 расстрелян. 1992 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 65; АПТ с. 849–850; Мануил II, с. 142–145; Гонения с. 238–239) 229
- Виноградов** – член Собора² 330
- Витошинский Емилиан Михайлович** (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Варшавской мужской гимназии, окончил Духовную академию и университет, духовный композитор. (*Деяния* I.1, с. 65) 206, 208, 209
- Владимир** (†1015) – равноапостольный, великий князь. 346, 351
- Владимир (Богоявленский)** (1848–1918) – почетный председатель Собора, митрополит Киевский и Галицкий, священномученик. 1874 – окончил КДА, преподаватель Тамбовской Духовной семинарии. 1882 – священник в г. Козлове (совр. Мичуринск). 1886 – после смерти жены пострижен в мантию, архимандрит. 1888 – епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии; 1891–1892 – епископ Самарский и Ставропольский; с 1892 – архиепископ; 1892–1898 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии; 1898–1912 – митрополит Московский; 1912–1915 – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; 1915–1918 – митрополит Киевский и Галицкий. 25 января 1918 года убит в Киеве. 1992 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 66; Мануил II, с. 197–209; АПТ, с. 852–853; Гонения, с. 260–261) 337
- Вонифатий Тарсийский** (†290) – мученик 285
- Гедeon Балабан** (конец XVI в.) – епископ Львовский 318
- Георгиевский Василий Тимофеевич** (1861–1923) – член канцелярии Собора³, историк искусства, уполномоченный Комитета попечительства о русской иконописи. (*Деяния* I.1, с. 1422; Тарасов 1995, с. 476) 228, 246
- Георгий (Орлов)** (1843–1912) – епископ Астраханский и Енотаевский. (Мануил II, с. 303–304) 258
- Георгий Михайлович Романов** (1863–1919) – великий князь. (ЛАФ I, с. 177) 241

¹ См.: Крыленко Н. В. За пять лет (1918–1922). Обвинительные речи. М–Пг., 1922. С. 87.

² В протоколе не указаны инициалы, поэтому невозможно определить, о ком идет речь.

³ № 288, л. 252 – назван делопроизводителем Подотдела о храме.

- Герасим Болдинский** (†1554) – игумен, преподобный 358
- Герасим Иорданский** (†475) – преподобный 290
- Герасим Пермский (Великопермский)** (†1441) – епископ, священномученик 357
- Герман Валаамский** (ок. †1353) – преподобный, чудотворец 346
- Герман Казанский** (†1567) – святитель 357, 358
- Гермоген (Ермоген)** (ок. 1530–1612) – Патриарх Московский, святитель 330
- ГлазOLEV Сергей Сергеевич** (1865–1937) – член Собора. 1889 – окончил МДА, кандидат богословия, оставлен при академии. 1889 – преподаватель Вологодской семинарии. 1892 – доцент МДА. 1900 – вице-президент Всемирного конгресса религий в Париже. 1902 – ординарный профессор. В 1920-е годы после закрытия МДА жил в московских монастырях, заведовал Институтом народного образования (Сергиев Посад), преподавал математику, был преподавателем Московских Богословских академических курсов. 1928 – арестован и сослан в г. Пензу, а затем в Саранск. 1929 – досрочно освобожден, проживал в г. Вологде. 1937 – аресован. Расстрелян 10 октября 1937 г. в тюрьме г. Вологды. (*Деяния* I.1, с. 67; ИС 1917, с. 21; Гонения, с. 317)¹ 286, 363
- Голубинский Евгений Евстигнеевич** (1834–1912) – историк. 346
- Голунов Михаил Фокиевич** (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Священник, настоятель Иоанно-Предтеченской церкви г. Уральска (*Деяния* I.1, с. 67). 330
- Гораин Анатолий Федорович** (ок. 1880 – дата смерти неизвестна) – член Собора, инспектор мужской гимназии в г. Городне Черниговской епархии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 67) 272
- Гречанинов Александр Тихонович** (1864–1956) – композитор. С 1925 года жил за границей 204–206, 208
- Григорий VI** (XIX в.) – Константинопольский Патриарх в 1835–1840 годах 280
- Григорий XIII** (1502–1585) – Папа Римский 278, 280, 287
- Григорий Шалочский** – кандидат к местной канонизации 358
- Гринякин Никита Михайлович** (ок. 1870 – дата смерти неизвестна) – член канцелярии Собора, страховой инспектор Страхового отделения Духовного ведомства. (*Деяния* I.1, с. 140) 260, 262
- Громозласов Илья Михайлович** (1869–1937) – член Собора, профессор МДА. Окончил МДА и Московский университет. 1894 – доцент МДА. 1909 – магистр богословия. 1911 – уволен из академии «за прогрессивные взгляды». 1909–1916 – инспектор Мариинского Женского Училища. С 1916 приват-доцент Московского университета. 1917 – восстановлен в МДА. 1922 – рукоположен во иерея. 1922 – арестован по делу «Совета объединенных приходов». 1923 – освобожден. 1924 – арестован. 1925–1928 – в ссылке в г. Сургут. 1928 – в больнице Бутырской тюрьмы. После освобождения жил в Твери. 1937 – арестован. 4 декабря 1937 г. расстрелян. (*Деяния* I.1, с. 68; Гонения, с. 345–346)
- Гурий (Буртасовский)** (1845–1907) – епископ Симбирский и Сызранский. (Мануил II, с. 396–401) 257, 258
- Давид** (XII в.) – сын благоверного князя Феодора Ярославского, благоверный князь, чудотворец 351
- Дамиан (в миру Димитрий Косоти)** (нач. XX в.) – Иерусалимский Патриарх 282
- Даниил Московский** (†1303) – святой благоверный князь 361
- Данилин Николай Михайлович** (1878–1945) – закончил Синодальное, а затем Музыкально-драматическое училище; 1897–1918 – преподаватель Синодального училища; с 1904 – регент Синодального хора; руководил хором Большого театра (1919–1923), Ленинградской хоровой академической капеллой (1936–1937), Государственным хором СССР (1937–1939). (МЭ II, с. 143) 209
- Державин Гавриил Романович** (1743–1816) – поэт 263

¹ См.: Сергей Волков. Последние у Троицы. М.–СПб., 1995. С. 139–154.

Димитрий (Абашидзе) (1868–1943) – член Собора. 1891 – окончил Новороссийский университет, монах, иеродиакон; 1896 – окончил КДА, иеромонах; 1900 – ректор Александровской Миссионерской Духовной семинарии, архимандрит; 1902 – епископ Алавердский. 1903 – епископ Гурийско-Мингрельский. 1906 – епископ Туркестанский и Ташкентский; 1912 – епископ Таврический и Симферопольский; 1915 – архиепископ Симферопольский и Таврический; 1919 – участвовал во Временном церковном управлении Юго-Востока России; конец 20-х годов жил в Киеве, принял схиму, старчествовал и пророчествовал, пребывал в затворе. (*Деяния* I.1, с. 68; Мануил III, с. 27–28; АПТ, с. 857–858) 289, 309

Димитрий (Самбикин) (1839–1908) – архиепископ 357, 360

Димитрий Ростовский (Туптало) (1651–1709) – святитель 353

Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929) – литургист, профессор КДА и СПбДА, духовный писатель 290

Добромыслов Павел Николаевич (†1939) – протоиерей, настоятель кафедрального Собора г. Рязани. В 1918–1937 неоднократно арестовывался. Умер в заключении в Казахстане (Карлаг). (Гонения, с. 383) 359

Довмонт (в крещении Тимофей) Псковский (†1299) – святой благоверный князь 360

Дьяченко Григорий Михайлович (1850–1903) – протоиерей, духовный писатель 269

Евлогий (Георгиевский) (1868–1946) – член Собора, архиепископ Волынский и Житомирский. 1888 – окончил Тульскую Духовную семинарию; 1892 – окончил МДА; 1895 – монах, иеромонах; 1896–1902 – архимандрит, ректор Холмской духовной семинарии; 1903–1905 – епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии; 1905 – епископ Холмский и Люблинский; 1912 – архиепископ; 1914 – архиепископ Волынский и Житомирский; 1920 – эмигрировал в Польшу; 1921 – временно управлял Западноевропейскими русскими епархиями; 1922 – митрополит; 1930 – уволен митрополитом Сергием от управления Русской Церковью в Западной Европе, запрещен в священнослужении. Перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии; 1945 – воссоединился с Московской Патриархией, Экзарх Восточной Европы. Скончался в Париже. (*Деяния* I.1, с. 69; АПТ, с. 861; Мануил III, с. 119–129) 227, 228, 230, 231, 235, 236, 239–241, 255, 256, 260, 261, 267, 269, 272, 274, 289, 307, 309, 313, 317, 319

Евсевий (Никольский) (1861–1922) – член Собора, архиепископ Приморский и Владивостокский. 1885 – окончил МДА; 1893 – монах, иеромонах; 1897 – епископ Киренский, викарий Иркутской епархии. 1899 – епископ Владивостокский; 1920 – митрополит Крутицкий; 1920–1922 – временно управлял Московской Патриаршей областью. (*Деяния* I.1, с. 69; АПТ, с. 862–863; Мануил III, с. 135–136) 258

Евстратий – иеромонах, помощник хранителя Патриаршей ризницы 230

Евфимий Великий (†473) – преподобный 290

Евфимий (†1705) – келарь Чудова монастыря, писатель, переводчик и книжный справщик 296, 325

Евфимий (Лапин) (1873 – дата смерти неизвестна) – епископ Якутский и Вилюйский, член Собора. 1899 – окончил МДА, кандидат богословия, преподаватель Тобольского епархиального женского училища; 1902 – преподаватель Тобольской семинарии; 1908 – монах, иеромонах; 1909 – ректор Томской Духовной семинарии; 1909 – архимандрит; 1912 – епископ Барнаульский; 1916 – епископ Якутский и Вилюйский; 1920 – епископ Олонецкий и Петрозаводский; 1924/25 – арестован и сослан в Нарымский край. С 1929 в ссылке около г. Томска. (*Деяния* I.1, с. 69; Мануил III, с. 143–144, 173, 177; Гонения, с. 409) 313, 314, 317

Евфимия Антиохийская (†304) – мученица 306

Евфросин Тверской († ок. 1460) – местночтимый святой 358

Елабужский Михаил Стефанович (ок. 1870 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Николаевской церкви с. Вавожа Малмыжского уезда (Вятская епархия). (*Деяния* I.1, с. 70) 265–267, 272

Епифаний Славинецкий (нач. XVII в. – 1675) – переводчик, богослов, книжный справщик 271, 296

Ефрем Сирий (IV в.) – святой преподобный, учитель Церкви 294, 300, 339, 343

Жако – фабрикант 217, 248

Жукович Платон Николаевич (1857–1919) – член Собора. Историк, профессор СПбДА (1894–1911), доктор церковной истории. (*Деяния* I.1, с. 70; Христианство III, с. 325; ИС 1917, с. 5) 235, 236, 248

Зайц Кирилл Иоаннович (1866–1948) – член Собора. Протоиерей, окончил Рижскую Духовную семинарию и Миссионерскую школу. Настоятель храма Рождества Христова в Риге, преподаватель сектоведения в Рижской Духовной семинарии, законоучитель рижских гимназий, участник рижского Студенческого Православного Единения. С 1924 – митрофорный протоиерей. С 1941 – начальник Православной миссии во Пскове. Арестован в 1944 году. Приговорен военным трибуналом Ленинградского округа к 20 годам лагерей. Отбывал срок и похоронен в пос. Долинка (Карлаг). (*Деяния* I.1, с. 70)¹ 335, 336

Захаров А. А. – представитель Московского археологического общества 248, 249

Зибарев Феодор Герасимович (ок. 1851 – дата смерти неизвестна) – член Собора, земледелец станицы Михайловской Петропавловского уезда Акмолинской губернии (Тобольская епархия). (*Деяния* I.1, с.70) 270

Зиновий (Дроздов) (1875–1941) – епископ Тамбовский, член Собора. 1897 – окончил Костромскую семинарию. Рукоположен. Овдовел. 1903 – монах, иеромонах; 1904 – окончил СПбДА, кандидат богословия; 1904 – иеромонах на госпитальном корабле; 1905 – преподаватель Вятской семинарии; 1906 – смотритель Кутаисского Духовного училища; 1907 – архимандрит; 1908 – смотритель Екатеринбургского Духовного училища; 1909 – ректор Кишиневской семинарии; 1911 – епископ Измайловский; 1913 – епископ Козловский, викарий Тамбовский; 1918 – епископ Тамбовский и Шацкий; 1922 – отстранен от управления епархией обновленцами и арестован. 1924 – выслан в Москву. 1926 – выслан в Арзамас, проживал в Серафимо-Дивеевском монастыре. 1927 – неоднократно арестовывался, после выхода Декларации перешел в оппозицию митрополиту Сергию (Страгородскому). Около 1940 – арестован во Владимирской области. (Мануил III, с. 167–168; Гонения, с. 459) 256

Знамировский Николай Иванович (ок. 1879 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1904 – окончил Казанскую Духовную Академию, кандидат богословия; 1904–1916 – преподаватель, инспектор Пермской Духовной семинарии. Пострижен с именем Стефан. 1924 – епископ Шадринский, викарий Свердловской епархии; 1926–1927 – временно управлял Свердловской епархией; 1927 – назначен епископом Калужским, но отказался от управления (отделился от митрополита Сергия); 1928 – уволен на покой; 1933 – епископ Ульяновский, затем Вологодский. 1934 – архиепископ; 1936 – арестован. (*Деяния* I.1, с. 71; Мануил VI, с. 242–243; ИС 1917, с. 109) 266, 267, 271, 273, 289, 355

Зосима Соловецкий (†1478) – игумен, преподобный 359

Наков (Пятницкий) (1844–1922) – архиепископ Казанский и Свяяжский, член Собора. 1870 – окончил МДА, кандидат богословия; 1886 – монах, иеромонах, архимандрит, ректор Вифанской семинарии; 1891 – епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии; 1892 – епископ Уманский; 1893 – епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; 1898 – епископ Кишиневский и Хотинский; 1904 – архиепископ Ярославский и Ростовский; 1907 – архиепископ Симбирский и Сызранский; 1910 – архиепископ Казанский и Свяяжский. 1917 – митрополит. 1918 – переехал в Иркутск. Около 1919 – митрополит Иркутский. Около 1920 – митрополит Томский. 1921 – уволен на покой, назначен настоятелем Московского Симонова монастыря. 1922 – арестован в Москве; Около 1923 – скончался в Томске. (*Деяния* I.1, с. 72; Мануил III, с. 179–181; Гонения, с. 475) 257, 258

Ива (V в.) – епископ Эдесский 327

¹ Б.В.Плюханов. РСХД в Латвии и Эстонии. Париж, 1991. С. 300.

- Иван Грозный** (1530–1584) – русский царь 264, 352
- Иваницкий Леонид Евгеньевич** (ок. 1888 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Николаевской церкви в г. Курске, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 71). 205, 206, 209
- Иванов З. И.** – член Московского археологического общества 233
- Иванов М.** – музыковед 205
- Игнатий Ростовский** (†1288) – святитель 351
- Иеремия II** (кон. XVI в.) – Константинопольский Патриарх 280, 287
- Иероним (Экземплярский)** (1852–1905) – архиепископ Варшавский и Привислинский 257, 345
- Израилев** (XIX в.) – протонерей 311
- Иларий** – святой, мученик 345
- Илия** (VI в.) – Иерусалимский Патриарх 291
- Ильин Иоанн Александрович** (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, настоятель Свято-Троицкого собора в г. Троицке Оренбургской епархии, законоучитель женской гимназии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 71) 271
- Ильинский Павел Матвеевич** (ок. 1856 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник церкви при ст. Исакогорка Северных железных дорог (Архангельская епархия). Сложил полномочия члена Собора. (*Деяния* I.1, с. 71) 264
- Иннокентий (Борисов)** (1800–1857) – архиепископ Херсонский 259
- Иоаким (Савелов)** (1621–1690) – Патриарх Московский 296, 325
- Иоаким II** – в 1884–1886 годах Константинопольский Патриарх 284
- Иоаким III** (1834–1912) – Константинопольский Патриарх 281–285
- Иоанн (Смирнов)** (1844–1919) – член Собора, архиепископ Рязанский. 1863 – окончил Владимирскую семинарию; 1867 – окончил СПбДА; 1868 – преподаватель Рязанской семинарии; 1883–1901 – ректор Рязанской семинарии; 1902 – епископ Чебоксарский; 1904 – епископ Полтавский и Переяславский; 1910 – епископ Рижский и Митавский; 1912 – архиепископ; 1917 – архиепископ Рязанский. (*Деяния* I.1, с. 72; Мануил III, с. 325–326) 258
- Иоанн Дамаскин** (VIII в.) – преподобный 266, 290, 295
- Иоанн Златоуст** (347–407) – святитель, вселенский учитель Церкви 304
- Иоанн Кронштадтский** (Иоанн Ильич Сергиев) (1829–1909) – святой, праведный 267
- Иоанн Псковский** (†1616) – местночтимый святой, затворник 358
- Иоанн Ростовский** (†1213) – святитель 350
- Иоанн Суздальский** (†1373) – святитель 359
- Иоанникий (Казанский)** (1839 – †после 1917) – епископ Архангельский и Холмогорский. (Мануил III, с. 353–354) 257, 258
- Иона Пертоминский** (†1561) – преподобный, чудотворец 359
- Иона** (†1461) – митрополит Московский, святитель 359
- Иосиф Волоцкий** (1439/40–1515) – игумен, преподобный, основатель Иосифо-Волоколамского монастыря 351
- Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович** (1859–1935) (наст. фамилия Иванов) – композитор 209
- Иринеи Лионский** (II в.) – святой, отец Церкви 326, 328, 345
- Исаия Ростовский** (†1090) – святитель 350
- Иулитта (Тарсийская)** (†ок. 305) – мученица 346
- Иудин Александр Иванович** (ок. 1865 – дата смерти неизвестна) – член Собора, хлебопашец и кожевник деревни Савиной Вытегорского уезда (Олонецкая епархия). (*Деяния* I.1, с. 72) 229–231, 235
- Калинин** – участник заседаний Подотдела «О богослужебном пении» 209
- Каллиник II** (кон. XVIII в.) – Константинопольский Патриарх 281

Карабинов Иван Алексеевич (1878 – †30-е годы) – после семинарии учился у Д.П. Миртова в СПб. Духовной Академии, которую закончил в 1902 году. Профессор СПбДА. С научными целями путешествовал по Святым местам: посетил Иерусалим, Голгофу, Синай, Вифлеем, Рим. И. д. доцента СПбДА, 1910 – доцент; 1911 – экстраординарный профессор СПбДА. С 1907 – член Комиссии по исправлению богослужебных книг. После закрытия СПбДА работал архивариусом на Балтийском Судостроительном заводе. 1922 – обвиняемый на Петроградском процессе об изъятии церковных ценностей (процесс митрополита Вениамина), но был оправдан. Вероятно, арестован в 30-х годах. Архив и библиотека погибли. (*Деяния* I.1, с. 72; ИС 1917, с. 8)¹. 256, 290, 304, 307, 313, 315, 317, 323, 324, 330–332, 337, 361

Кассиан Римлянин (V в.) – преподобный 294

Кастальский Александр Дмитриевич (1856–1926) – композитор, автор ряда церковных песнопений. После революции – профессор Московской консерватории 204, 205, 208, 209, 335

Киприан Карфагенский (III в.) – священномученик 345

Киприан (†1406) – митрополит Московский, святитель 361

Кириак Палестинский (†556) – преподобный 290

Кирик Тарсийский (†ок. 305) – мученик 346

Кирик Новгородец (XII в.) – domestик Антониева монастыря в Новгороде 329

Кирилл V (XVIII в.) – Константинопольский Патриарх в 1748–1751 годах 280

Кирилл Белоозерский (ок. 1337–1427) – преподобный 350, 351

Кирилл Лукарис (1572–1638) – Константинопольский Патриарх 280

Кирилл (ок. 827–869) – равноапостольный, учитель Словенский 271

Кладинов Павел Трофимович (1856 – дата смерти неизвестна) – член Собора, регент архиерейского хора, мирянин. Представитель от Варшавской епархии, но житель Москвы. Окончил Придворную капеллу. (*Деяния* I.1, с. 73) 205

Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – историк искусства, византист, управляющий Комитета попечительства о русской иконописи 217, 220, 242

Константин Александрович Романов – великий князь 217

Константин (Бульчев) (1858 – год смерти неизвестен) – член Собора. 1891 – окончил СПб университет. 1892 – монах. 1893 – иеромонах. 1894 – окончил СПб Духовную академию. 1896 – ректор Витебской Духовной семинарии. 1900 – ректор Киевской Духовной семинарии. 1901 – епископ Гдовский. 1904 – епископ Самарский и Ставропольский. 1911 – епископ Могилевский и Мстиславский. 1915 – архиепископ. 1922 – несколько раз переходил в обновленчество, а затем стал одним из основоположников Григорианского раскола. (*Деяния* I.1, с. 73; Мануил IV, с. 137–138) 257

Константин Копроним († 775) – византийский император 204

Константин Ярославский (†ок. 1321) – святой 351

Корнилий (XVII в.) – митрополит Новгородский 312

Корчинский Иоанн Владимирович (ок. 1864 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, настоятель собора в Гродно. (*Деяния* I.1, с. 74) 312

Косма Майумский (†ок. 787) – византийский гимнограф, преподобный 266

Косма Яхромский – преподобный 359

Котельников Михаил Николаевич (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Уфимской Духовной семинарии, директор Уфимского училища глухонемых, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 74) 273, 274

¹ См. также: Кравецкий А.Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Московского Православного Университета. № 1. М., 1995. С. 60–61; Сове Б. И. Русский Голгофар и его школа // Богословские труды. 1968. Сб. 4; Карабинова О. И. Жизнь И. А. Карабинова. Пярну, 1977. (Рукопись библиотеки СПбДА № 124892).

- Ксенофонт Робейский** (†1262) – преподобный 357
- Кудряцев Михаил Рафаилович** (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, житель Нижнего Новгорода. Окончил Духовную академию. (*Деяния* I.1, с. 74). 330, 332
- Кудряцев Петр Павлович** (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора; 1892 – окончил КДА, кандидат богословия, профессорский стипендиат; 1893 – преподаватель Подольской семинарии; 1897 – и. д. доцента КДА; 1908 – магистр богословия, доцент; 1909 – экстраординарный профессор по кафедре истории философии. Член Соборного Совета, на Соборе избран заместителем члена Высшего Церковного Совета. В начале 1930-х арестован в Киеве, приговорен к заключению в ИТЛ. Освобожден через три года в связи с болезнью сердца. Похоронен в Киеве. (*Деяния* I.1, с. 74; ИС 1917, с. 16; Гонения, с. 657–658) 258–261, 267, 271, 272, 274, 312
- Курбатов Иван Васильевич** (ок. 1852 – дата смерти неизвестна) – член Собора, крестьянин, приемщик на Омутнинском заводе Глазовского уезда (Вятская епархия). (*Деяния* I.1, с. 75) 264
- Курбский Андрей** (1528–1583) – князь 264, 265
- Лебедев Василий Константинович** (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1885 – кандидат богословия, преподаватель в Тотемском Духовном училище; 1886 – преподаватель Вологодской семинарии; 1890 – магистр богословия; 1905 – смотритель Вологодского Духовного училища. (*Деяния* I.1, с. 76; ИС 1917, с. 46) 265, 267, 269, 310
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814–1841) – поэт 263
- Лесков Николай Семенович** (1831–1895) – писатель 269
- Леонтий Ростовский** (†1073) – святитель 350
- Ломоносов Михаил Васильевич** (1711–1765) – ученый, поэт 263
- Лукьянов С. М.** – обер-прокурор Синода в 1909–1911 годах 246, 247
- Львов Аполлинарий Николаевич** (нач. XX в.) – историк 239
- Любимов Николай Александрович** (ок. 1858 – † после 1922) – член Собора, протопресвитер Большого Успенского собора в Москве, присутствующий в Святейшем Синоде, товарищ председателя Собора, член Соборного Совета, избран в члены Священного Синода. (*Деяния* I.1, с. 76; АПТ, с. 166, 215) 229, 230
- Маеровский Николай Николаевич** (ок. 1888 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Белгородской Духовной семинарии (Курская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 77) 239
- Майков Леонид Николаевич** (кон. XIX в.) – филолог, литератор, председатель этнографического отделения Географического общества. (Тарасов 1995, с. 480) 217
- Макарий** (1482–1563) – святитель, митрополит Московский 222
- Макарий (Глухарев)** (1792–1847) – архимандрит, миссионер и переводчик Библии на русский язык 267
- Макарий Переяславский** (XVII в.) – священномученик 359
- Макарий Писемский** (XIV в.) – преподобный 357
- Мальгин Николай Григорьевич** (ок. 1864 – дата смерти неизвестна) – член Собора, крестьянин, представитель Ярославской епархии 330
- Мальцев Алексей Петрович** (1854–1915) – протоиерей, магистр СПбДА, настоятель посольской церкви в Берлине, переводчик православного богослужения на немецкий язык 266
- Марин Михаил Федорович** (ок. 1877 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник, законоучитель реального училища в гор. Петровске (Саратовская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 77) 240, 271, 309
- Марк** (II в.) – еретик, упоминаемый святым Иринеем Лионским 328
- Мелетий** (нач. XX в.) – Антиохийский Патриарх 281
- Мельницкий Сергей Антонович** (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, настоятель Успенской церкви м^естечка Песчанки Ольгопольского уезда (Подольская епархия), окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 78) 272
- Менделеев Дмитрий Иванович** (1834–1907) – химик 276

Методий (Герасимов) (1856–1930) – епископ Оренбургский, член Собора. 1878–1882 – студент Казанской Духовной Академии; 1885 – монах, иеромонах, заведующий Алтайским Миссионерским катехизаторским училищем; 1892 – кандидат богословия; 1893 – архимандрит, начальник Алтайской миссии; 1894 – епископ Бийский, викарий Томской епархии; 1898 – епископ Забайкальский и Нерчинский; 1912 – епископ Томский и Алтайский; 1914 – епископ Оренбургский и Тургайский; 1918 – архиепископ; 1919 – иммигрирует; 1920 – архиепископ Харбинский; 1929 – митрополит. (*Деяния* I.1, с. 78; Мануил IV, с. 338–339) 256, 259, 262, 267, 268, 273, 274

Методий (ок. 815–885) – святой равноапостольный, учитель Словенский 271

Миклашевский Николай Федорович (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, член Череповецкого окружного суда (Новгородская епархия). (*Деяния* I.1, с. 78). 269, 270

Мироносицкий Порфирий Петрович (1867– дата смерти неизвестна) – писатель, выпускник Казанской Духовной Академии, магистр богословия, редактор журнала «Народное образование» и «Приходской листок». (Христианство II, с. 114) 306

Митрофан – митрополит Черногорский 284

Митрофан Воронежский (1623–1703) – святой 359

Михаил (†1898) – митрополит Белградский 284

Михаил (Ермаков) (1862–1929) – архиепископ Гродненский, член Собора. 1887 – окончил КДА, иеромонах, преподаватель Киевской семинарии; 1888 – инспектор Орловской семинарии; 1890 – исправляющий должность инспектора СПбДА; 1891 – архимандрит; 1893 – ректор Могилевской, затем – Волынской семинарии; 1899 – епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии; 1899–1903 – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; 1903–1905 – епископ Семипалатинский; 1905–1921 – епископ Гродненский и Брестский (с 1912 – архиепископ); 1921–1929 – митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх Украины. (*Деяния* I.1, с. 78; Мануил IV, с. 385–388; АПТ, с. 874) 229

Михаил (Темнорусов) (1854–1912) – архиепископ Минский и Туровский. (Мануил IV, с. 415–416) 257

Михаил Черниговский (†1245) – благоверный князь, мученик 350

Михей Радонежский (†1385) – преподобный 359

Мстислав Владимирович (†1036) – великий князь Киевский 225

Надин-Уваров В. В. – музыкальный критик 205, 206

Назарий (Кириллов) (1850–1928) – член Собора. 1874 – рукоположен в священника. 1880 – окончил КДА. 1880–1883 – законоучитель в различных учебных заведениях. 1892 – иеромонах, ректор Ставропольской Духовной семинарии, архимандрит. 1893 – епископ Кирилловский, затем Гдовский. 1897 – епископ Олонецкий и Петрозаводский. 1901 – епископ Нижегородский и Арзамасский. Участвовал в освидетельствовании мощей преп. Серафима Саровского. 1909 – архиепископ. 1910 – архиепископ Полтавский и Переяславский. 1913 – архиепископ Херсонский и Одесский. 1917 – на покое. 1919–1923 – управлял Курской епархией. 1923 – на покое. 1925–1928 – управлял Курской епархией. (*Деяния* I.1, с. 79; Мануил V, 15–17) 257–258

Недельский Владимир Климентович (1869–1942) – член Собора. 1894– окончил КДА; кандидат богословия; преподаватель Литовской Духовной семинарии; 1927–1929 – преподавал славянский язык и гомиетику в Православном Богословском институте в Париже. Скончался в Ковно. (*Деяния* I.1, с. 79)¹ 216, 271, 274, 313

Неофит – архимандрит 363

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) – художник 226

Нестор (Анисимов) (1864–1962) – член Собора, епископ Камчатский. После реального училища окончил миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии; 1907 –

¹ Личный состав Православного Богословского института в Париже за 25 лет // Церковный вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1950, № 4 (25). Париж. С. 20.

иеромонах, по благословиению Иоанна Кронштадтского уезжает в Камчатскую епархию; автор переводов богослужебной и катехизической литературы на тунгусский и корякский языки; 1913 – игумен; 1915 – архимандрит; 1914–1915 – служил в Действующей армии; 1916 – епископ Камчатский и Петропавловский; 1919–1920 – пробирается на Камчатку через Европу, Африку и Азию; 1921 – основывает Камчатское подворье в Харбине; 1933 – архиепископ; 1938 посещает Индию; 1945 – Патриархом Алексием I назначен управляющим Харбинской епархией. Возвращается в Россию; 1948–1956 – ссылка в Мордовии; 1956–1958 – митрополит Енисейский и Барнаульский; 1959 – временно управлял Кировоградской епархией. (*Деяния* I.1, с. 79; Мануил V, с. 36–49) 227

Никита Переяславский (XII в.) – преподобный 350

Никодим Сербский (XIV в.) – архиепископ, святитель 296

Николай (Касаткин) (1857–1911) – святитель, японский миссионер 271

Николай I (1796–1855) – российский император 276

Николай II (1868–1918) – российский император 218, 336, 345

Никольский Константин Тимофеевич (1824–1910) – протоиерей, литургист, магистр СПбДА. (Христианство II, с. 214) 311

Никон (1605–1681) – Патриарх Московский 207, 229, 264, 294, 339

Никон Черногорец (XI в.) – монах, духовный писатель 295

Нифонт (XII в.) – епископ Новгородский, святитель 329

Новоселов Михаил Александрович (1864 – ок. 1938) – духовный писатель, издатель «Религиозно-философской библиотеки». Автор «Писем к друзьям» – одного из первых текстов религиозного самиздата, член «Братства ревнителей Православия (1917–1922). Умер в лагерях¹. 333

Новосельский Андрей Васильевич (ок. 1860 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1884 – окончил Казанскую Духовную Академию, учитель II Тамбовского училища; 1886–1895 учитель Тамбовских Духовных училищ; 1895 – помощник смотрителя Серафимовского Духовного училища г. Тамбова. Кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 80; ИС 1917, с. 141) 256, 271, 274

Олсуфьев Димитрий Адамович (1862 – дата смерти неизвестна) – член Собора, граф, член Государственного Совета. Окончил университет, житель С. Петербурга. (*Деяния* I.1, с. 81; ЛАФ III, с. 291) 230, 234

Ольга (+969) – святая, равноапостольная княгиня 306

Ольга Константиновна (1851–1926) – великая княжна, дочь великого князя Константина Николаевича, жена короля Греции Георга I 266

Ольховский Григорий Александрович (ок. 1862 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Холмской Духовной семинарии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 81) 204

Остроумов Михаил Андреевич (1847–1920) – член Собора, писатель. Окончил СПб. университет и МДА, доктор церковного права, профессор Харьковского университета. (*Деяния* I.1, с. 82; Христианство II, с. 259–260) 330

Пасий II (XVIII в.) – Константинопольский Патриарх в 1726–1733 годах 280

Палладий (Добронравов) (1865–1922) – член Собора, епископ Саратовский. 1887 – окончил Московскую семинарию; 1888 – иеродиакон; 1890 – иеромонах; 1891 – окончил МДА; 1892–1896 – преподаватель семинарий; 1899 – магистр богословия; 1901 – синодальный ризничий; 1903 – епископ Вольский; 1908 – епископ Пермский и Соликамский; 1914 – епископ Саратовский и Царицынский; 1918 – епископ Сарapulьский и Елабужский; 1919 – на покое, настоятель Новоспасского монастыря. (Мануил V, с. 334–335) 330

¹ Полищук Е.С. М.А.Новоселов и его «Письма к друзьям» // Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994. С. V–LIII.

Пантин Николай Иванович (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – член Собора, управляющий Петроградской таможенной при Финляндской ж.д. Окончил реальное училище. (*Деяния* I.1, с. 82) 264

Парфений I – в 1639–1644 годах Константинопольский Патриарх 280

Парфений (Краснопевцев) (1790–1855) – иеросхимонах Киево-Печерской Лавры, старец, преподобный 267

Пахомий (Жедров) (1876–1937) – епископ Черниговский, член Собора. 1898 – монах; 1900 – окончил Казанскую Духовную Академию; 1905 – архимандрит; 1911 – епископ Новгород-Северский; 1916 – епископ Стародубский, викарий Черниговской епархии; 1917 – епископ Черниговский; 1925 – арестован; 1927 – сослан на Соловки; в том же году, по возвращении, возведен в сан архиепископа. (*Деяния* I.1, с. 82; АПТ, с. 877–878; Мануил V, с. 369–372) 334, 337

Пахомий Нерехтский (†1384) – преподобный 361

Петр I (1672–1725) – российский император 239, 336, 353

Петр Могила (1596/97–1647) – киевский митрополит 318, 325, 326, 328

Петр (†1329) – святитель, митрополит Московский 222, 351, 352

Пилипчук Михаил Лаврентьевич (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – член Собора, хлебопашец м. Красилова Старокиевского уезда (Волинская епархия). Окончил начальное училище. (*Деяния* I.1, с. 82) 270

Пионткевич Алексей Фомич (ок. 1861 – дата смерти неизвестна) – председатель съезда мировых судей, окончил университет, житель Овруча (Волинская епархия). (*Деяния* I.1, с. 83) 289

Пипин Короткий (714–768) – франкский король 204

Платон (Рождественский) (1866–1934) – митрополит Тифлиссский и Бакинский, член Собора. 1886 – окончил Курскую семинарию; 1894 – иеромонах; 1895 – окончил КДА; 1902 – ректор КДА; 1902 – епископ Черниговский; 1907 – архиепископ Алеутский и Североамериканский, член II Думы; 1915–1917 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии (после провозглашения автокефалии лишен права распоряжаться грузинскими епархиями); 1917 – митрополит Тифлиссский и Бакинский, Экзарх Кавказский; 1918 – митрополит Одесский; 1920 – эмигрировал в США, настоятель православных приходов в Америке; 1922 – объявил Американскую Церковь автономной; 1924 – Патриархом Тихоном отстранен от управления Североамериканской епархией. (*Деяния* I.1, с. 83; Мануил IV, АПТ, с. 887; с. 469–473) 260, 324

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – обер-прокурор Синода 203

Покровский Иван Михайлович (1865– дата смерти неизвестна) – член Собора. 1886 – окончил Тамбовскую семинарию; 1887 – псаломщик и надзиратель I Тамбовского училища; 1889–1891 – надзиратель II Тамбовского Духовного училища; 1895 – окончил Казанскую Духовную Академию, оставлен при Академии профессорским стипендиатом; 1896 – и. д. доцента; 1898 – магистр и доцент; 1907 – доктор церковной истории; 1908 – экстраординарный профессор; 1909 – профессор. (*Деяния* I.1, с. 83; ИС 1917, с. 29; Каталог РГБ) 220, 347, 353

Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – археолог, историк искусства. (Тарасов 1995, с. 480; Христианство II, с. 360) 246, 247

Пономарев Аристарх Рафаилович (ок. 1881 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник церкви штаба Владивостокской крепости, студент Духовной семинарии. (*Деяния* I.1, с. 83) 270, 271

Попов Н. П. – библиотекарь 229

Попович И. В. – участник заседаний Подотдела «О церковно-богослужебном языке», кандидат права 265

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) – писатель 269

Прилуцкий Василий Дмитриевич (ок.1882 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник. В 1907 году закончил КДА. 1906/1907 – профессорский стипендиат. В 1907 защищает магистерскую диссертацию. С 1907 года участвует в работе Комиссии по исправлению богослужебных книг. В 1908 году занимает кафедру археологии. Рукоположен 31 октября 1910 года. В 1913 году – экстраординарный профессор КДА, в том же году занимает кафедру литургики. 1920 – один из немногих профессоров, продолжавших преподавание в КДА. (*Деяния* I.1, с. 84)¹ 204, 270, 273, 297, 307–309, 313–315, 318, 335

Прокл (IV в.) – Константинопольский Патриарх, святитель 303

Прокопий (Титов) (1877–1937) – епископ Елисаветградский, член Собора. Окончил Казанскую Духовную Академию, кандидат богословия, иеромонах; 1909 – архимандрит, помощник начальника училища пастырства в Житомире; 1914 – епископ Елисаветградский, vicарий Херсонской епархии; 1923–1925 – находился в Соловецком лагере; 1924–1925 – епископ Херсонский; с 1925 епархией не управлял; 1927 – архиепископ Херсонский; 1927 – послан в г. Турткуль. Расстрелян в 1937 году. (*Деяния* I.1, с. 84; Мануил V, с. 488–489; АПТ, с. 902) 219, 222, 232, 236, 239, 255

Прокопий Устюжский (†1313) – Христа ради юродивый, чудотворец 352

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт 259, 263, 273

Ратьковский Петр Матвеевич (ок. 1878 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник г. Самарканда (Туркестанская епархия), студент Духовной семинарии. (*Деяния* I.1, с. 85) 267–269

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) – композитор 203

Рождественский Александр Петрович (1865–1931) – член Собора, протонерей Мариинского дворца, доктор богословия, профессор Петроградской Духовной Академии, присутствующий в Святейшем Синоде, член Предсоборного Совета. В эмиграции – профессор Богословского факультета Софийского университета. Умер в Моравской Тшебове. (*Деяния* I.1, с. 85)² 260, 261

Роман Сладкопевец (IV–V в.) – церковный гимнограф, святой 304, 306

Рункевич Степан Григорьевич (1867–† после 1922) – член Собора, председатель Редакционного отдела. 1891 – окончил СПбДА; 1894 – магистр; 1901 – доктор церковной истории; 1900–1911 – обер-секретарь Синода; 1900–1907 – приват-доцент СПб университета; 1911–1917 – помощник управляющего Синодальной канцелярией; 1903–1912 – член Учебного комитета Синода; 1912–1917 – непреременный член Медицинского совета МВД; 1920 – сотрудник Главархива. (*Деяния* I.1, с. 87)³ 239, 240, 247

Рыбаков С.Г. (кон. XIX в.) – автор книги о церковном звоне 311

Сабинин Стефан Александрович (ок. 1879 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Троицкой церкви слободы Подворной (Воронежская епархия). Окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 86) 272

Савва Вишерский (†1461) – преподобный 350

Савва Освященный (†532) – преподобный 290, 291, 295

Савва Тверской (†1467) – местночтимый святой 358

Савватий Соловецкий (†1435) – преподобный 359

Савватий Тверской (†ок. 1434) – местночтимый святой 358

Савинов А. И. – участник соборных дискуссий об охране памятников 226

Самбурский Константин Иванович (ок. 1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора, псаломщик Преображенской церкви села Гужовки Борзенского уезда (Черниговская епархия). Окончил Духовное училище. (*Деяния* I.1, с. 87) 233, 270, 272

¹ Кравецкий А.Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Ученые записки Московского Православного Университета. № 1. М., 1995. С. 70; Сове Б. И. Русский Гоар и его школа. // Богословские труды. 1968. Сб. 4.

² Некрологи: Последние новости 4/1.1931, № 3574; Руль (Берлин), 24. I. 1931, № 3089.

³ См. с. 189 настоящего издания о С. Г. Рункевиче в статье К. К. Тарасова.

- Сапин Роман Емилианович** (ок. 1876 – дата смерти неизвестна) – член Собора. 1902 – окончил КДА, преподаватель Киевоподольского Духовного училища и Киевского епархиального женского училища; 1916 – помощник смотрителя Севского Духовного училища (Орловская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 87; ИС 1917, с. 106) 330
- Святополк Изяславич** (1050–1113) – князь Киевский 350
- Селезневы** – купцы, учредители стипендии 223
- Серапion Владимирский** (†1275) – местночтимый святой 358
- Серафим Саровский** (†1833) – преподобный 353
- Сергей Александрович Романов** – великий князь 217
- Сергий (Спасский)** (1830–1904) – архиепископ Владимирский 359
- Сергий (Страгородский)** (1867–1944) – митрополит Владимирский, член Собора. 1890 – окончил СПбДА, иеромонах, член Японской Духовной миссии; 1893 – доцент СПбДА, инспектор МДА; 1894 – настоятель посольской церкви в Афинах, архимандрит; 1895 – магистр богословия; 1897 – помощник начальника Японской миссии; 1899 – инспектор СПбДА (1901 – ректор); 1901 – епископ Ямбургский; 1905–1917 – епископ Финляндский и Выборгский; 1905 – архиепископ; 1917 – митрополит Владимирский; 1922–1924 – в обновленческом расколе; 1924–1934 – митрополит Нижегородский и Арзамасский; 1926 – в заключении; 1925–1936 – заместитель Патриаршего Местоблюстителя; 1937–1943 – Патриарший Местоблюститель; 1934–1943 – митрополит Московский и Коломенский; 1943–1944 – Патриарх Московский и всея Руси. (*Деяния* I.1, с. 87; АПТ, с. 895; Мануил VI, с. 168–191) 257, 258, 260–262, 336
- Сергий Валаамский** (†1353) – преподобный, чудотворец 346
- Сергий Малопинежский** (†1585) – местночтимый святой 358
- Сергий Радонежский** (†1392) – преподобный 296, 305, 345, 350, 351
- Сильвестр** (кон. XVI в.) – Александрийский Патриарх 280, 281
- Сильвестр (Ольшевский)** (1860–1920) – епископ Омский, член Собора. 1883 – окончил Киевскую семинарию; 1887 – окончил КДА; 1889 – епархиальный киевский миссионер; 1890 – полтавский миссионер, преподаватель семинарии; 1892 – иерей (целибат); 1910 – иеромонах, архимандрит; 1911 – епископ Прилуцкий; 1914 – епископ Челябинский; 1915–1920 – епископ Омский и Павлодарский; 1918 – архиепископ. Скончался в заключении в Омске. (*Деяния* I.1, с. 88; АПТ, с. 896; Мануил VI, с. 203–204) 262–265, 267–269
- Симеон Солунский** (XV в.) – митрополит, святитель 292
- Симеон Тверской** – местночтимый святой 358
- Симеон** (X в.) – болгарский царь 264
- Симон (Шлеев)** (ок. 1863–1921) – епископ, член Собора. 1899 – окончил Казанскую Духовную Академию; настоятель единоверческого собора в С.Петербурге; член Предсоборного Совета. Полномочия по избранию сложил. 1918 – пострижен в рясофор, архимандрит, епископ Охтенский (единоверческий); 1920 – епископ Уфимский. Убит в Уфе. (*Деяния* I.1, с. 94; Мануил VI, с. 223; Зеленогорский 1991, с. 299) 260, 330, 331
- Симон Юрьевецкий** (XVI в.) – Христа ради юродивый, святой 358
- Симон** – митрополит Московский в 1496–1511 годах 222
- Сироткин Николай Михайлович** (ок. 1875 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Крестовоздвиженской церкви села Юсупова Подольского уезда (Московская епархия), благочинный. Окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 88) 255
- Скабалланович Михаил Николаевич** (1871–1931) – профессор Киевской Духовной академии, член Предсоборного Совета, в работе Собора не участвовал¹ 345

¹ Лозинский Р. Р., прот. М. Н. Скабалланович и его литургические труды. Загорск, 1960. (Машинопись, хранящаяся в библиотеке МДА).

- Скородумов Евгений Васильевич** (ок. 1886 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Тихвинского Духовного училища (Новгородская епархия), кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 88) 233
- Соболевский Алексей Иванович** (1856–1929) – историк русского языка, академик 235, 241, 245, 247
- Соколов Иван Иванович** (ок. 1865 – дата смерти неизвестна) – член Собора, магистр КДА, профессор СПбДА. (*Деяния* I.1, с. 89; Христианство II, с. 603) 279, 286
- Софроний** (VII в.) – Патриарх Иерусалимский, святитель 290, 295
- Софроний Иркутский** (†1771) – святитель 346
- Степанов Клавдий** – художник и педагог 223
- Стефан (Архангельский)** (1861–1914) – епископ Могилевский 257, 258
- Стефан Пермский** (ок. 1340–1396) – епископ, святитель 350
- Стефан Яворский** (1658–1722) – Местоблюститель Патриаршего Престола 336
- Теодорович Терентий Павлович** (1867–1939) – протоиерей, член Собора. 1881 – студент Волинской Духовной семинарии; 1887 – студент МДА; 1895 – диакон, священник. Переезжает в Варшаву, служит в кафедральном соборе; 1910 – настоятель Успенской церкви; духовный писатель. (*Деяния* I.1, с. 91)¹ 272
- Терпкович Максим** (XIX–XX вв.) – участник дискуссии о календаре в Сербии 284
- Тихон (Беллавин)** (1865–1925) – Святейший Патриарх Московский и всея России 275, 324, 346, 354, 363
- Тихон Задонский** (1724–1783) – святитель 352
- Тихон (Троицкий-Донебин)** (1831–1911) – архиепископ Иркутский и Верхотурский 258
- Толстой Алексей Константинович** (1817–1875) – писатель 259
- Толстой Иван Иванович** (1858–1916) – граф, археолог, вице-президент Академии художеств. (Тарасов 1995, с. 485; ЛАФ II, с. 291) 217
- Троицкий Николай Иванович** (ок. 1841 – дата смерти неизвестна) – член Собора, заведующий Тульской палатой древностей, магистр богословия. (*Деяния* I.1, с. 91) 264, 265
- Трофим Ликийский** (†303) – мученик 341
- Трубецкой Евгений Николаевич** (1863–1920) – член Собора, член Предсоборного Совета, товарищ председателя Собора, член Соборного Совета, избран в члены Высшего Церковного Совета. Философ и правовед. (*Деяния* I.1, с. 91) 256
- Тураев Борис Александрович** (1868–1920) – член Собора, египтолог, историк Коптской и Эфиопской Церкви. Основатель российской школы изучения древних цивилизаций Ближнего Востока, академик Российской Академии наук (1918), член Предсоборного Совета. (*Деяния* I.1, с. 91)² 260, 261, 266, 269, 303, 307, 313, 315, 333, 337, 353, 355, 361, 363
- Тургенев Иван Сергеевич** (1818–1883) – писатель 259, 273
- Туркевич Венедикт Иеронимович** (ок. 1873 – дата смерти неизвестна) – член Собора, протоиерей, законоучитель Морского кадетского корпуса, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 91–92) 272
- Уварова Прасковья Сергеевна** (1840–1924) – графиня, археолог, председатель Московского археологического общества. (ЛАФ II, с. 244) 226
- Успенский Александр Иванович** (1873–1938) – историк, директор Московского археологического института. (Тарасов 1995, с. 485; ЛАФ II, с. 248) 226
- Успенский Владимир Васильевич** (ок. 1874 – дата смерти неизвестна) – член Собора, член Предсоборного Совета, инспектор Исидоровского епархиального женского училища. (*Деяния* I.1, с. 92) 310

¹ Лабынцев Ю. А. Всеум православному миру. М., 1995, С. 24–36; Лабынцев Ю. А. Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель // Славяноведение. 1995. № 4.

² Древний Восток. Сборник 2. Памяти академика Б. А.Тураева. М., 1980.

Уткин Павел Иванович (ок. 1873 – дата смерти неизвестна) – член Собора, крестьянин Рождественской волости Кургурского уезда (Пермская епархия). Окончил начальное училище. (*Деяния* I.1, с. 92) 229, 230

Феогност (†1353) – митрополит Киевский и Московский, святитель 350

Феогност – святой 361

Феодор Студит (†826) – преподобный, отец Церкви, исповедник 266

Феодор Ростовский (†1394) – святитель 359

Феодосий (Яновский) († 1726) – архиепископ Новгородский, сотрудник Петра I 336

Феодосий (Феодосиев) (1864–1942) – епископ Смоленский и Дорогобужский, член Собора. 1890 – окончил СПбДА, учитель Черниговского Духовного училища; 1897 – монах, иеромонах; 1898 – инспектор Минской Духовной семинарии; 1899 – ректор Тульской семинарии, архимандрит; 1903 – епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии; 1908 – епископ Смоленский и Дорогобужский; 1919 – арестован; 1922–1939 – архиепископ Виленьский и Лидский (Польская Автокефальная Церковь); 1939–1942 – на покое в Вильнюсе. (*Деяния* I.1, с. 95; Мануил VI, с. 368–370) 346, 353, 355

Феодосий Великий (ок. 424–529) – преподобный, основатель общежительного монашества 290

Феодосий Печерский (ок. 1036–1089) – преподобный, игумен Киево-Печерского монастыря 305, 350

Феофан Новгородский (†1310) – святитель 357, 360

Феофан, Затворник Вышенский (Говоров) (1815–1894) – святитель 271, 272

Феофан Прокопович (1681–1736) – епископ Псковский, составитель «Духовного регламента» 336

Феофил Ликийский (†303) – мученик 341

Фигуровский Иван Васильевич (ок. 1879 – дата смерти неизвестна) – член Собора, преподаватель Красноярской Духовной семинарии, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 92) 272

Филарет (Дроздов) (1783–1867) – святитель, митрополит Московский и Коломенский. 1994 – причислен к лику святых 259, 268

Филарет (Романов) (1554/55–1633) – Патриарх Московский и всея Руси 340

Филоненко Федор Дмитриевич (1869 – дата смерти неизвестна) – член Собора. Родился в Воронежской губернии. Окончил семинарию и служил священником в провинции. Протоиерей. 1917 – присутствующий в Святейшем Синоде, член Предсоборного Совета. 1919 – настоятель церкви Милующей иконы Божией Матери в Гавани (Гавань – район СПб. – *Ред.*). 1924 – арестован по делу православных братств, получил три года Соловков. (*Деяния* I.1, с. 92)¹ 260, 261, 330, 331

Филофей (XIV в.) – Константинопольский Патриарх 329

Флавиан (Городецкий) (1840–1915) – митрополит Киевский и Галицкий. (Мануил VI, с. 448–453) 257, 258

Харитон Исповедник (†ок. 350) – епископ Иконийский 290

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – философ, писатель, поэт 259, 263

Хотовицкий Александр Александрович (1872– ок.1937) – член Собора. Окончил СПбДА, кандидат богословия. 1895–1914 – миссионер в Америке; 1903 – настоятель кафедрального собора в Нью-Йорке; 1917 – протопресвитер и ключарь храма Христа Спасителя; 1922 – арест. Осужден на 10 лет тюремного заключения; 1923 – освобожден; 1924 – ссылка в Туруханский край; 1930 – служил в московской церкви Ризоположения; 1937 – арестован и, по всей вероятности, расстрелян. 1994 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 92; АПТ, с. 902; Гонения, с. 48–49)² 266, 267, 324

¹ <Антонов В.> Аннотированный список упоминаемых лиц // Минувшее. Вып.15. М.– СПб., 1994. С. 616.

² Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября–2 декабря 1994 года. Документы и доклады. М., 1995. С. 164–170.

Худонос – священник 311

Чайковский Петр Ильич (1840–1893) – композитор 203

Чельцов Петр Алексеевич (ок. 1888 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник, инспектор классов и законоучитель Смоленского епархиального женского училища, кандидат богословия. (*Деяния* I.1, с. 93) 312, 317

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог 263

Шеин Василий Павлович (1866–1922) – член Собора. 1893 – окончил училище правоведения; сенатор, член IV Думы, секретарь Собора, член Соборного Совета; 1920 – принял монашество с именем Сергей, настоятель Троицкого подворья в Петрограде; 1922 – осужден по Петроградскому делу об изъятии церковных ценностей, расстрелян. 1992 – причислен к лику святых. (*Деяния* I.1, с. 93; АПТ, с. 395–396) 225

Шергин Виктор Прокопиевич (ок. 1892 – дата смерти неизвестна) – член Собора, псаломщик Михаило-Архангельской церкви села Шарапутье Нижнеудинского уезда (Иркутская епархия). Окончил Духовную семинарию. Признан выбывшим из состава Собора. (*Деяния* I.1, с. 94) 270

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918) – граф, историк, председатель Общества любителей древней письменности и Комитета попечительства о русской иконописи. (Тарасов 1995, с. 487) 217, 220, 239

Шлеев Симеон Иоаннович – см. Симон (Шлеев), епископ.

Шукин Иоанн Федорович (ок. 1872 – дата смерти неизвестна) – член Собора, священник Христорождественской церкви поселка Крохино Белозерского уезда (Новгородская епархия). Окончил Духовную семинарию. (*Деяния* I.1, с. 94) 269, 330

Щусев Алексей Васильевич (1873–1949) – архитектор. Проекты Марфо-Мариинской обители, храмов на Куликовом поле, в Бари (Италия), а также Мавзолея и здания НКВД на Лубянке 225, 226, 232

Языков Николай Михайлович (1803–1846/47) – поэт 259

Работа осуществлена при поддержке Центрально-Европейского Университета (Фонд Сороса). Грант RSS/НЕСР № 162/1995.

Подписано в печать 26.01.98. Заказ № 246

Отпечатано в типографии
Патриаршего издательско-полиграфического центра.